

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН**

К юбилею Валерии Игоревны Ереминой

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

Выпуск 11

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»

2018

УДК 821.0:398

ББК 82

ИЗ2

Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Свое издательство, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-4386-1661-0

Выпуск содержит публикации, освещающие различные стороны русской традиционной культуры, вводит в научный оборот ранее не издававшиеся материалы.

Для филологов-фольклористов, этномузыкологов и всех интересующихся историей русской культуры.

Редколлегия:

А. Н. ВЛАСОВ, М. В. РЕЙЛИ, А. Н. РОЗОВ

Ответственный редактор

А. Ф. НЕКРЫЛОВА

Рецензенты:

А. В. НИКИТИНА, Т. С. МОЛЧАНОВА

Компьютерная верстка Г. Н. Мехнецовой

ISBN 978-5-4386-1661-0

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Из истории русской фольклористики» (разработка, оформление), 1978 (год основания)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Одиннадцатый выпуск серийного издания Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН продолжает публикацию материалов по основным направлениям отечественной фольклористики. Это выявление и изучение архивных материалов, существенно дополняющих наши сведения о различных жанрах и явлениях традиционной культуры. Это слабо или вовсе не освещенные страницы истории российской фольклористики, деятельность и судьбы собирателей и исследователей народного творчества. Непременной частью издания является раздел библиографии, аннотированные указатели периодики предыдущих десятилетий.

В течение многих лет главным трудом Отдела является подготовка и издание русского эпического наследия — серия «Былины» в составе Свода русского фольклора, так что закономерно часть помещаемых материалов связана именно с эпической традицией. В свою очередь работа над статьями для пятитомного библиографического словаря «Русские фольклористы. XVIII—XIX вв.» не только открыла новые имена, но заставила глубже погрузиться в жизненный путь и деятельность многих представителей русской интеллигенции, так или иначе проявивших себя в деле собирания, сохранения, изучения, популяризации традиционной культуры.

В изданиях Отдела русского фольклора регулярно публикуются архивные материалы. Российские архивы еще долго будут служить источником новых сведений, фактов, а также поводом для пересмотра устоявшихся положений, оценок, взглядов. Настоящее издание богато открытиями, на его страницах вводится в научный оборот интереснейший фольклорный материал (тексты, нотировки напевов) с соответствующими комментариями, высвечиваются различные стороны собирательской (экспедиционной) деятельности фольклористов, часто очень непростые условия, в которых им приходилось работать. Безусловную ценность имеют сведения о судьбах фольклористов, а также о

судьбах собранных ими материалов. Уникальна публикация нотных записей русских артельных припевок, напечатанная в 1834 г. в «Новой музыкальной газете» Р. Шумана. Не менее важным представляется отраженное в полевых дневниках, в комментариях собирателей отношение народа к своему духовному наследию, изменение традиционной картины мира, появление новых жанров или версий известных произведений. Неизвестные или малоизвестные факты, влиявшие на историческое осмысление процессов, имевших место внутри фольклорного континуума, так или иначе определяли судьбы исследователей, собирателей фольклора второй половины XIX—XX столетий.

Свою лепту в создание непредвзятой истории отечественной фольклористики вносит переписка — как дружески-коллегиальная, так и официальная.

Настоящий выпуск «Из истории русской фольклористики» носит юбилейный характер. Он посвящен Валерии Игоревне Ереминой, доктору филологических наук, автору фундаментальных трудов по истории российской науки о фольклоре, теоретику, педагогу. Более полувека связывает Валерию Игоревну с Пушкинским Домом. Содержание выпуска составляют работы ее коллег, друзей, учеников. Сборник подготовлен в знак уважения и признания заслуг одного из ведущих российских фольклористов и включает в себя библиографию научных работ Валерии Игоревны Ереминой за 2009—2018 гг.

РАЗДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Е. КОРЕПОВА

РЯЖЕНЬЕ В СОСТАВЕ РУССКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ряженье в составе свадебной обрядности долгое время было областью, мало изученной, и база источников по нему оказалась значительно беднее, чем по ряженью календарному и посиделочному. Об этом в начале 90-х годов прошлого века писала крупнейший исследователь ряженья в русской культуре Л. М. Ивлева: «К сожалению, бóльшая часть сведений о свадебном ряженье — слишком общего характера. Это мешает восстановить с желаемой полнотой основной набор масок, типичных для данной обрядовой ситуации, и получить представление о разыгрываемых окружниками сценках».¹ Потому в ее фундаментальном труде «Ряженье в русской традиционной культуре» (СПб, 1994) свадебной разновидности ряженья уделено значительно меньше внимания, чем другим его видам. Но ряд принципиальных положений, определяющих направление дальнейших исследований, Л. М. Ивлевой высказано. Одно из них: «Ряд свидетельств дает возможность говорить об известной специфике свадебного окружничества. Она связана как с комплексом персонажей, <...> так и с сюжетными типами игры».²

За прошедшие три десятилетия положение несколько изменилось. Во-первых, появился энциклопедический труд по славянской свадебной обрядности А. В. Гуры, где на общеславянском материале дан обзор ряженья, выделены основные маски, названо место ряженья в структуре обряда, затронут вопрос о семантике

¹ *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 114.

² Там же.

ряженья, отмечено, что «шутовское и бесчинное поведение ряженных в конце свадьбы связано с временным снятием запретов, вызванным распадом структуры социально-родственных отношений в лиминальной фазе обряда».³ Во-вторых, появились работы и о русской традиции ряженья на свадьбе, но стоит отметить, что в них из всего комплекса свадебного ряженья внимания привлекли в основном только некоторые его проявления, в первую очередь обряд «поиски ярки» и «похороны покойника».⁴ Поэтому, если задача «восстановить с желаемой полнотой основной набор масок»,⁵ типичных для ряженья в русской свадьбе, выдвинутая Л. М. Ивлевой, оказалась в значительной мере решена, то вторая названная ею научная задача — «получить представление о разыгрываемых окружниками сценках» — остается до сих пор актуальной, как и установление связей масок и сценок с семантикой обряда, характер включения их в структуру обряда, региональная специфика свадебного ряженья и, наконец, описание свадебного ряженья как целостной системы и выявление его специфики. Введение в науку нижегородского материала может способствовать решению некоторых выдвинутых задач, хотя бы более полному установлению набора масок, сцен, разыгрываемых ряжеными, и характеристике региональной специфики.

В Нижегородском крае ряженье, как и в других регионах, входило преимущественно в состав обрядов второго дня свадьбы. Оно было известно на всей территории Правобережья и в приволжской части Заволжья, но не было характерно для Поветлужья,⁶ где свадебная традиция близка севернорусской. В вятском пограничье Заветлужья (Тоншаевский, Уренский, Тонкинский, Шаранг-

³ *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 212.

⁴ *Матлин М. Г.* Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX вв. (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. 2011, № 3. С. 80—92; Там же. С. 82—83 — обзор работ о «поисках ярки»; *его же*: Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь / И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова и др. Т. 2. М.: «Индрик». 2012. С. 631—645, *его же*: Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29). С. 121—133; *Самодолова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба (послевенчанальные ритуалы и мировоззренческие аспекты). Часть 2 // Рязанский этнографический вестник. Вып. 56. Т. 2. Рязань, 2015. С. 85—108; *Бузин В. С.* Ряженье в южнорусской свадебной традиции. www.gramota.net/materials/3/2018/2/3.html (дата обращения — 19.11.2018). Наиболее полный обзор свадебного ряженья дан в указанной работе Е. А. Самодоловой.

⁵ *Ивлева Л. М.* Ряженье в традиционной русской культуре. С. 114.

⁶ Оно не упоминается ни в одном описании ветлужского свадебного обряда, даже сделанных в XIX — начале XX вв.

ский р-ны) ряженье в составе свадьбы иногда встречается, но носит факультативный характер: «Если есть, как говорится, охотники, дак они ходят, наряжаются, а в которых деревня-то нету-ка этого охотников-то» (Тонш., д. Писари).⁷ География распространения ряженья в Нижегородском крае, таким образом, вероятно, отражает общий характер его распространения в русской традиции: отсутствие или малое распространение в севернорусской свадьбе, как в западной ее зоне,⁸ так и в восточной,⁹ и широкое распространение в свадьбе среднерусской.

В нижегородском Правобережье, то есть в свадьбе среднерусского типа, оно представлено прежде всего обрядом *поисков ярки*. Кроме Правобережья, обряд в Нижегородском крае известен также в прибрежной части Заволжья, но роль его в содержании второго дня там менее значима, и главенствующую роль в игровой части второго дня занимает ряженье, связанное с катанием молодых в баню.

Как известно, поиски ярки (или телки) широко распространены за пределами Нижегородского края: в средне- и южнорусских областях,¹⁰ особенно в Среднем Поволжье,¹¹ но обряд отсутствует в северной части Среднего Поволжья, смежной с Нижегородским Поветлужьем, и на территории, простирающейся далее на восток.¹² Таким образом, бытование обряда в Нижегородском Поволжье вписывается в общую картину его распространения.

⁷ Цитируемые здесь и далее материалы находятся в Архиве Центра фольклора Нижегородского университета. Описание их с указанием всех паспортных данных и архивных шифров см.: *Коренева К. Е.* Материалы по свадебной обрядности в Архиве Центра фольклора ННГУ. Нижний Новгород, 2016.

⁸ Не упоминается, например, ряженье в описании свадьбы Заонежья, см.: *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск, 2001. С. 247—249.

⁹ Нет упоминания ряженье в публикациях вологодской свадьбы, см., например, *Сказки и песни Белозерского края*. Сборник Б. и Ю. Соколовых. Кн. 2. СПб, 1999: с. 72—149 — Белозерский у., с. 150—327 — Кирилловский у.; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985, гл. 18.

¹⁰ См., например, *Русская свадьба*. Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. Под ред. А. С. Каргина. Т. 1. М., 2000. С. 29: Рязанская, Калужская, Курская, с. 30: Воронежская, с. 31: Волгоградская обл. О географии распространения обряда см. также: *Матлин М. Г.* Обряд «Поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX вв. С. 81.

¹¹ См., например, *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 124—125; Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь... Т. 2. С. 631—645.

¹² *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. С. 124, рисунок-карта 18.

На нижегородской территории обряд имеет несколько наименований: *искать ярку*, *искать телочку* (наиболее распространенные варианты), *искать курочку* (несколько деревень в Дальнеконстантиновском р-не: Городищи, Николаевка), а также без замены животным и орнитоморфным персонажем *искать невесту*, *молодку* (Сосн., д. Марфино, с. Рожок). Поиски ярки, телочки, курицы, молодки не отличаются ничем, кроме номинации.

Поиски ярки ряжеными показательны как для нижегородской традиции, так и для свадебного ряженья в целом. Ряженье этого вида, как и всё свадебное ряженье, не выделяется терминологически, на него и его участников распространяется общая терминология, без выделения ее разновидностей. В нижегородской традиции ряженные как в календарных обрядах, так и на свадьбе — это рядихи, снаряженки / наряженки, нарядчики, святки, святошники («*Снаряженки* были, на другой день свадьбы», Тонш., с. Ошминское, «*Святошниками* всеми <...> на свадьбу приходили: <...> то в солдаты ряженные, то в цыган», Коверн., д. Большие Мосты) и т. п.

Большинство персонажей поисков ярки известны по другим видам ряженья: старики и старухи, уродцы, «инородцы», представители некоторых обособленных профессий, необычные в своей одежде, травести и т. д. Не были оригинальны также главные персонажи обряда — пастух и милиционер. Не оригинален для ряженья и тип построения действия, разыгрываемого в поисках ярки: оно многоэпизодно, последовательно развертывающееся, со вставными эпизодами, не имеющими прямой связи с сюжетной линией и следующими параллельно основному действию. Таковы в календарном ряженье проводы Весны, в нижегородском и пензенском варианте похороны Костромы, обряд женитьбы и похорон Кузьмы-Демьяна и др. Оригинальным, не свойственным другим видам ряженья, порожденным свадебной обрядовой реальностью и мифологическим смыслом свадьбы, является сам сюжет игры — поиск исчезнувшей невесты, символом которой является в обряде животное (ярка, телка), реже орнитоморфное существо (курочка). Обряд в игровой форме передает смысл свадьбы как обряда «перехода», и, вероятно, потому он оказался настолько значимым, что в структуре ритуала объединил вокруг себя ряд послевенчальных церемоний и в некоторых региональных традициях «стал центром обрядности второго дня».¹³

Возможно, обряд поисков ярки в региональных традициях имел какие-либо отличия: в наборе персонажей и эпизодов, значи-

¹³ *Матлин М. Г.* Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX—XX в. С. 90.

мости в ритуале и т. д. Так некоторые региональные особенности выявляются при сравнении нижегородских вариантов со средневолжской версией, описание которой по множеству вариантов дано М. Г. Матлиным.¹⁴ Они сводятся к степени разработки обряда. Нижегородские варианты обряда менее разработаны: в них сохраняется главным образом лишь основная сюжетная линия — поиск исчезнувшего персонажа и идентификация при нахождении. Информанты в рассказах о поисках ярки часто передают только ее: *«Наряжались хто чем: и милиционером, и нищими, и всяко... и пастухами, пойдут искать невесту к жениху. Найдут, опять гулянка»* (Сеч., д. Булдаково). *«Ряженные, ой, да в кого попало: и врачом наряются, и знахарками, и цыганками. В общем, ряженные. Оне <молодые> вот спрячутся куда-то к соседям, вот оне и бегают, в этот дом зашли — нету, значит, в следующем дому. Найдут, введут»* (Сеч., с. Скрипино).

В нижегородских вариантах поисков ярки, как правило, меньше эпизодов: нет, например, сюжетной прелюдии поисков — прихода ряженных от жениха с сообщением о том, что к ним «чужая ярка прибилась». Эта часть — явно результат позднего разрастания обряда, причем в некоторой степени нарушающего логику исконного содержания (зачем последующие поиски, если известно, где ярка находится?!). Не зафиксированы в составе обряда некоторые вставные эпизоды: роды «роженицы», эпизод с лошастью (введение в дом живой лошади). Единичны случаи использования явно поздних по происхождению письменных игровых «документов» («заявления о пропаже», «протокола досмотра», «акта о пропаже» и т. п.), встречающихся в других традициях.¹⁵ В составе персонажей нет некоторых масок или снижена их роль. Так, редко бывает выделена особо роль старухи как партнера пастуха и хозяйки ярочки, в очень редких, даже единичных, случаях используется кукла, хотя она в региональной традиции используется в другие моменты ритуала. Нижегородский тип обряда по составу персонажей и структуре близок рязанскому¹⁶ и представляет собой стадильно более раннюю версию, еще не притянувшую комических сценок, усиливающих фарсовый характер обряда, но не связанных со свадьбой.

В то же время общая тенденция к сюжетному разрастанию обряда присуща и нижегородским вариантам. Обряд поисков ярки иногда здесь имел продолжение. Второй день свадьбы в

¹⁴ Матлин М. Г. Ярку искать // Традиционная культура Ульяновского Приуралья... Т. 2. С. 631—645.

¹⁵ См. в традиции Ульяновской области: Матлин М. Г. Смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв. Ульяновск, 2015. С. 72.

¹⁶ Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 85—92.

Правобережье обычно заканчивался тем, что молодые отправлялись в дом родителей невесты и ночевали там. В этом случае в ряженье включались родственники жениха: утром они приходили *искать барана* (Сеч., д. Булдаково, д. Ратманово, с. Верхнее Талызино; Лукоян., с. Новомихайловка; Б.-Мураш., с. Нелюбово). *«Невесту найдут, а тут на другой день жениха <ищут>: «У нас пропал жених»* (Сеч., д. Булдаково). Поиски барана известны в Поволжье и за пределами Нижегородской области.¹⁷

В нижегородской традиции отмечена вариативная форма вторичного поиска, обусловленная местной спецификой свадебного ритуала. В некоторых селениях ряженные, найдя «ярку», уводят ее ночевать в родной дом, а новобрачный остается в своем, тогда на следующий день снова разыгрываются поиски: «искать ярку» в этом случае отправляется «баран» со своей родней. *«Наряжаются. Первый день свадьбы кончится — на утро-ты ярку искать, оттуда, от невесты. Полно наряженных приезжают. <...> А на третий день свадьбы от нас уж баран туды едет ярочку искать»* (Сеч., д. Княжуха; Б.-Мураш., с. Курлаково). Широкого распространения в крае это продолжение не получило.

Поиски барана, как и *поиски бараном ярочки* — типичное для ряженья дублирование эпизодов, они разыгрывались по тому же сценарию, что и первые *поиски ярки*, но обычно дублирующая часть редуцировалась: отсутствовало узнавание персонажа и обнаружение происшедших с ним изменений. По мнению Н. В. Зорина, рассматривавшего обряд по материалам Среднего Поволжья,¹⁸ *поиски барана* представляют результат более позднего усложнения свадебного комплекса в связи с миграцией элементов. Его мнение о вторичности *поисков барана* подтверждают и нижегородские материалы.

Имеющиеся источники не позволяют сказать, когда появился в нижегородской традиции обряд *поисков ярки* и насколько он архаичен, но в записях свадьбы середины XIX — нач. XX вв., этот обряд не зафиксирован. Мы разделяем мнение М. Г. Матлина о позднем происхождении его. Рассмотрев широкий круг источников, исследователь пришел к выводу, что «русская и шире восточнославянская свадьба уже в XIX — начале XX в. обладала богатой, разнообразной и хорошо развитой традицией ряженья. <...> На основе этих традиций и формируется, вероятно в конце XIX — начале XX в. новый обряд, который оказался способным не только аккумулировать все <...> свадебные смеховые типы и формы, но и получить бурное распространение и дальнейшее развитие,

¹⁷ Матлин М. Г. Обряд «Поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе. С. 81.

¹⁸ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. С. 124.

приобрести сюжетную оформленность и стать центром обрядности второго дня во многих регионах России».¹⁹

Широкому распространению обряда поисков ярки и его укоренению, на наш взгляд, способствовали не только обстоятельство, отмеченные М. Г. Матлиным: наличие в свадьбе ряженья как такового и существование в ряженье масок и сценок, которые мог заимствовать складывающийся обряд поиска ярки. На наш взгляд, обряд прижился и получил распространение главным образом потому, что он соответствовал внутренней логике обрядового действия в свадьбе: в игровой форме на акциональном уровне он отражал переход невесты в новое жизненное пространство и происшедшие с ней после брачной ночи перемены. Кроме того, сам сюжет поисков невесты или исчезнувшей жены был популярен в фольклоре. Он в разной форме отражен в самой свадьбе, по-разному в местных традициях. Так в некоторых традициях сваты, приходя в дом невесты, представлялись путниками, ищущими продажную ярочку / телочку. Широко распространена игровая подмена или прятанье невесты и последующий поиск ее женихом. В некоторых областях дружка в приговорах рассказывал о преодоленном пути к невесте как о трудном ее поиске. В заонежской традиции в словесных прениях дружки и представителя невестинной стороны, встречающего поезд, последний говорит об исчезновении невесты, обернувшейся щукой, лебедью и т.п., а дружка, в свою очередь, рассказывает об удачном поиске ее женихом. Сюжет поисков в свадебной обрядности поддерживался также широким бытованием его в других жанрах, прежде всего в волшебной сказке и былинке. Свадебные поиски ярки, таким образом, использовали популярный и активно живущий в памяти людей сюжет.

В нижегородском свадебном ряженье, кроме поисков ярки, существует еще один сюжет, связанный с поиском, но с некоторым смещением акцентов: предметом поисков стал виновник исчезновения невесты — жених. Заместителем невесты в этом сюжете

¹⁹ Матлин М. Г. Обряд «поиска пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе. С. 90. Существует и противоположное мнение: Е. А. Самоделова говорит о давности обряда в рязанской традиции, ссылаясь на утверждение информантов («...существовал при жизни Есенина» и т.п.), но «давность» в памяти современных информантов может распространяться лишь на 3—4 поколения и относиться к началу XX века. К тому же встречается в рязанских материалах и другое утверждение («Ярку стали позже искать, тогда не искали»), но его исследователь склонна считать результатом забывчивости информанта: «Возможно, местная жительница застала возобновление ритуала, исконного, но подзабытого в родном селеении в сложный период послевоенных лишений». Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 87. Упоминаний о «поисках ярки» в рязанских документах XIX, как и в нижегородских, вероятно, нет.

является не животное, а дерево, соответственно разыскивающим похитителя — «лесник». Маска лесника в отличие от персонажей поисков ярки не относится к числу типичных в ряженье, но она вписывается в типологический ряд представителей профессий, несколько обособленных в крестьянском обществе, к тому же, по народным представлениям, связанных с демоническим миром (кузнец, гончар, пастух, знахарь-лекарь и т.п.).

Данный сюжет ряженья распространен в Заволжье: в Городецком и Ковернинском районах, сюжет пока не привлек внимания исследователей, хотя интересен как региональный вариант поисков ярки и изоморфный ему.

Сценка с «лесником» разыгрывалась во второй день свадьбы после бани молодых. «Лесник» появлялся на пиру, он разыскивал того, кто срубил в его лесу молодое дерево, и требовал за него плату: «Ну-ка тут у меня дерево срубили молодое, ну-ка кто-то тут?» (Город., д. Виноградово); «Ты дерево у нас свалил без спросу?» (Город., д. Дырино), «В лесника рядутся. Лесник: «Вот тако дерево вы у нас срубили. Так что, давайте, рассчитывайтеса за него. Само лучше дерево забирайтё!» Так шутили». (Коверн., д. Большие Мосты).

Уподобление невесты дереву в этой зоне укоренено в местной традиционной культуре и находит выражение в разных ее проявлениях. Здесь распространена была на молодежных беседах игра «в дерево», «деревом», «лес покупать»: «Деревом» играли: *девку ставят в избе посреди пола. Вожак с ремнем задает вопросы, а парни ему отвечают: Что это? — Дерево. — Какое? — Елево. — Зачем нужно? — На ложки. — Сколько стоим? — Сколько дашь? Кто больше даст денег за девку, тот и говорит: «Я беру дерево». Целует девку, берет за руку и отводит на лавку»* (Сокол., д. Дресвищи). Символ *дерево-невеста* (обычно сосенка, елочка) является сквозным в местном варианте свадебного обряда. Он появляется в иносказательном разговоре при сватовстве: «Нет ли продажного деревца?», «Мы за деревом приехали» (р. п. Ковернино), «Мы слышали, у вас есть сосенка, <...> вот бы сосенку у вас купить» (Город., д. Мошкино). Затем возникает при розыгрыше подмены невесты на девичнике — там, если жених ошибался в выборе, ему говорили: «Срубил дерево не то!» и требовали плату (Бор., д. Луговое). На стговорах, по приезде за невестой или на пиру после приезда от венца (в локальных традициях по-разному) жениху подносили украшенное деревце — елочку-красоту, и, наконец, на пиру после брачной ночи требовали плату за срубленное дерево. Обрядовый символ поддерживался и в поэтических текстах: в приговорах девушек, продающих елочку-красоту, и в песнях (здесь была известна песня с зачином «Стоит сосенка подсоченная, сидит девушка стговоренная»).

К сожалению, в записях обряда не отражены внешние признаки маски «лесника», позволяющие выявить его семантику. Но в зоне того же типа свадьбы персонаж «лесник» известен среди украшения свадебного хлеба — «невестиного пирога». На пироге, изготовленном подругами невесты, называемом в некоторых селениях «лесом» (Бор., д. Линёво) или «сельником» (Лыск., д. Валки), изображались деревья, сделанные из прутьиков или вылепленные из теста, и среди них «лесник», приметой которого было «ружье» — палка. Лесник иногда бывает в паре с женой «лесничихой» (Бор., д. Плотинка) и с «собакой» (Лыск., с. Великовское). Кроме данного натуралистического изображения лесника, известно и другое, в котором явно просматриваются черты существа демонического. По описанию, сделанному в 20-е гг. прошлого века на Ветлуге (тогда Краснобаковский у., ныне Воскресенский р-н) фигура на свадебном пироге — «безобразный старик с длинной бородой изо льна, в рваной одежде, рваной шапочке, с вязанкой дров из прутьиков за спиной и с клюкой в руке».²⁰ Ипостась «старика», рваная одежда и «безобразный» вид — признаки существа из иного мира. Принадлежность иному миру иногда отражается в наименовании, так в д. Ивановское. (Бор.) «старика» на пироге называли «лесовиком», т.е. лешим. Таким образом, можно говорить, что у ряженого «лесника», ищущего того, кто срубил дерево, есть мифический предшественник, но черты его в свадебной маске скрыты.

Поиск того, кто срубил дерево, можно поставить в один типологический ряд с поиском ярки. Сцены сходны по содержанию и сходно включены в ритуал свадьбы: оба вида ряженья соотнесены с иносказательным разговором при сватовстве («нет ли продажной ярочки, дерева и т.п.»), являются, таким образом, продолжением и завершением сюжета, намеченного в формулах сватовства. Но будучи парными с зачином свадебного «сюжета», они обратны по расстановке персонажей: при сватовстве сторона жениха искала и получала нужное (невесту), а в сцене ряженья, наоборот, сторона невесты искала ту же невесту, но уже навсегда утраченную. И если тема поисков при сватовстве дается в эмоционально нейтральном тоне, то в завершении свадьбы она предстает шутовской, отсюда и ряженные в ней.

По значимости и месту в ритуале ряжение лесником существенно отличается от поисков ярки: поиски ярки сюжетно развернуты и организуют вокруг себя обрядность второго дня, а ряжение лесником является лишь эпизодом на пиру. И если в поисках ярки действует большая группа людей, иногда все род-

²⁰ Мыльникова К., Цинциус В. Северно-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. С вводной статьей проф. Л. Я. Штернберга. Л., 1926. С. 141.

ственники невесты, участвующие в свадьбе, то в сцене с лесником ряженым бывает лишь один человек, правда, он вовлекает в игру остальных и они становятся не только зрителями, сколько участниками ее. Ряженые лесником имеет иную композицию, чем поиски ярки, в нем используется многократный повтор одного и того же: «лесник» в поисках срубившего дерево по очереди «пристает» к родственникам жениха и, наконец, к самому жениху, а затем так же обращается ко всем с требованием платы — прием, характерный для многих видов ряженья (ср. поочередное «таскание» девушек целовать «умрана», гадание цыганки и т.п.). Таким образом, в святочном ряжене тема поиска исчезнувшей невесты не ограничивается только поисками ярки, в региональных традициях встречаются иные сюжетные ее варианты и тема развивается в различных сюжетно-композиционных формах. Поэтому когда некоторые исследователи²¹ наличие поисков ярки относят к числу отличительных признаков, выделяющих среднерусскую свадьбу как особый тип, такой подход вызывает возражения. На наш взгляд, не совсем корректно отличительный признак сводить к одному конкретному виду ряженья, поскольку, кроме поисков ярки, в региональных вариантах свадьбы существуют не до конца еще выявленные другие сюжетные виды его. И стоило бы выделять в качестве определяющего компонента среднерусской свадьбы ряженые в целом.

В Нижегородском крае, как и во многих средне- и южнорусских областях, в обряды второго дня свадьбы включалось ряженые покойником / *упокойником* (Б.-Болд., с. Кистенев; Серг., с. Яново; Гагин., с. Мишуково; Почин., с. Маресево и др.).²² Оно входило в сюжетный комплекс поиска ярки, но могло существовать и самостоятельно. Сходно ряженые покойником включалось в структуру свадьбы в соседней Рязанской области.²³

Как известно, «покойник» — популярный персонаж во всех разновидностях ряженья. Устойчив круг мизансцен, составляющих «покойничьи игры»: шествие с «покойником», отпевание, на беседах принуждение девушек целовать покойника, его уклады целующих, оживление и др. Семантике и генезису маски и игр с ряженым покойником посвящена большая литература. Мы не будем касаться этих вопросов, рассмотрим лишь характер маски в свадьбе и способ включения ее в свадебный обряд.

²¹ *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба (довенчальные ритуалы и таинство венчания). Часть 1 // Рязанский этнографический вестник. Вып. 56. Т. I. Рязань, 2015. С. 27.

²² О географии распространения обряда «рядить покойника» в свадьбе см.: *Матлин М. Г.* Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села. С. 127.

²³ *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба. Часть 2. С. 92—98.

«Покойника рядили», как правило, в доме невесты, но встречаются варианты, где сцена с покойником разыгрывается в доме жениха. Первая локализация обряда нам кажется исконной. Когда во второй день свадьбы, то есть после брачной ночи, к родителям невесты приходили родственники жениха для продолжения пира или с приглашением на пир к себе, их встречали извещением о покойнике: *«Куда идете? У нас упокойник!»*; *«В дом не пускают: «Некогда со свадьбой! Не подходи близко, некогда: в дом-то покойник!»* (Гагин., с. Мишуково), *«У нас упокойник, а вы с весельем!»* (Почин., с. Маресево). Так же разыгрывается сцена встречи, если «покойник» оказывается в доме жениха. На наш взгляд, это известие о появлении «покойника», врывающееся в праздничное веселье, т. е. констатация произошедших изменений в семье несет основную смысловую нагрузку в свадебном ряжении покойником. Не случайно сцена присутствует в разных традициях, повторяются и возгласы, причем в близком словесном оформлении (Ср. запись в Ульяновской области: *«...Какие нам пиры? У нас покойник!»*).²⁴

При локализации обряда в доме невесты покойником часто наряжался кто-нибудь из ее родственников, в нижегородской традиции обычно женщина. Роль сводилась к изображению настоящего покойника — требовалось лежать неподвижно (на столе или на доске в избе) и быть безмолвным, хотя окружающие провоцировали выход из роли: *«И цапают, и лапают, терзают, щиплют. А ты лежи, не смей шелохнуться»* (Гагин., с. Мишуково). Затем разыгрывалось типичное для ряженья шуточное оплакивание покойника²⁵ и отпевание «попом».

Включение ряженья упокойника в поиски исчезнувшей ярки не случайно. Мы вслед за Е. А. Самоделовой²⁶ видим в свадебном покойнике «исчезнувшую» невесту, «умершую» в своем прежнем состоянии и образе жизни. Это значение сохраняется даже в тех случаях, когда покойником рядят в доме жениха и сообщают о нем родственникам невесты, пришедшим искать ярку, как, например, в обряде с. Кистенево Большеболдинского р-на. Невеста и для новой родни была покойником: в их дом вошла не прежняя девушка-невеста, которую они сватали, а новый человек. Так по-

²⁴ Матлин М. Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села. С. 122.

²⁵ Текст причитания, записанного в с. Кистенево (Б.-Болд.) и нотная расшифровка его см.: Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. подгот. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998. С. 183—184.

²⁶ «Вероятно, мнимый покойник символизировал собою ритуальное умирание одного из новобрачных (обычно невесты)» — Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 2, с. 96.

иски яркие и ряженье в покойника вливаются в инициационную линию свадьбы. Инициационная смерть невесты на заключительном этапе ее перехода представлялась в комическом освещении и органически вливалась в свадьбу-веселье.

В нижегородской традиции ряженья покойника не отмечены эпизоды, развивающие далее сюжет и усложняющие его: лечение покойника и в результате оживление, таскание его по селу. Отсутствует рассказ о смерти, происшедшей на пиру в результате «приступа» и неоказания медицинской помощи, не бывает в ипостаси покойника старуха, родственник жениха и т. п., что встречается в других традициях²⁷ и является явно проявлением десемантизации маски, потерей исконного смысла, в результате — превращением ряженья в простую развлекательность, «в собственно зрелище, в маскарад».²⁸

Ряженье покойником в свадьбе, скорей всего, не связано с похоронным обрядом непосредственно, оно пришло в свадьбу из святочного ряженья или даже из общего фонда масок в ряженье и претерпело в свадьбе изменения. Здесь мы имеем ту закономерность развития традиции ряженья, которую отмечала Л. М. Ивлева: «Ряженье входит в состав обрядов разного типа, и каждый раз между ним и соответствующим обрядом устанавливается некоторая внутренняя связь».²⁹ В свадебной обрядности эта связь выразилась в том, что появился новый сюжет («поиски исчезнувшей невесты»), а в ряженье покойника, приспособившись к содержанию свадьбы, несколько изменился сам персонаж. Так, ни в одном описании свадебного ряженья маска покойника не является страшной и не воспринимается как демоническое существо. Во внешнем облике нижегородского свадебного покойника, как и в других традициях, нет обычных для святочного персонажа огромных зубов, сделанных из тыквы или репы, свадебный персонаж предельно натуралистичен. В сюжете свадебной игры исчезли некоторые моменты, связанные обычно с ряженым «покойником» в календарных обрядах и беседных играх, в том числе моменты эротического характера, казалось бы, подходящие для свадьбы («таскание» покойника по избам, принуждение девушек целовать покойника и его уколы целующего, хватание девушек и др.). Между тем облик страшной маски и перечисленные сюжетные ситуации известны в нижегородском святочном ряженье, т. е. потенциально имели возможность быть использованными³⁰ в ряженье на свадьбе.

²⁷ Матлин М. Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве села.

²⁸ Ивлева Л. М. Ряженье в традиционной русской культуре. С. 10.

²⁹ Там же. С. 78.

³⁰ См. Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб, 2009. С. 170—172.

Но как только свадебное ряжение утрачивает связь с семантикой ритуала, оно теряет специфику, притягивая не свойственные ему маски и мизансцены (например, «гадание», «лечение», «вождение кобылки», «вождение медведя» и т.п.). Ряжение в этом отношении сходно с существованием в свадебном ритуале песен: исполнением не только собственно свадебных, воспроизводящих в тексте обрядовые действия, комментирующих обрядовые события и т.п., но и песен необрядовых, лишь приуроченных к свадьбе.

В нескольких нижегородских описаниях ряжения покойником основному событию (сообщению о покойнике в доме) предшествует эпизод, на первый взгляд сюжетно с ним прямо не связанный: пришедшие родственники жениха у входа в дом невесты встречают женщину, которая мнет куделю в ступе: «*На дворе мяли кудель, толкли в ступе*» (Почин., с. Маресево); «*А около крыльца куделю мнем. Мнут, треплют — пыль летит, кострига летит*» (Гагин., с. Мишуково). Эта сцепка отражена в обрядах разных районов и даже разных областей, например, в рязанской традиции сцене с «покойником» тоже предшествует эпизод встречи с женщиной, толкущей что-либо в ступе³¹, поэтому соединение двух эпизодов явно не является случайным. Е. А. Самоделова видит в сцене толчения «метафору полового акта».³² Действительно, кудель в традиционной культуре может быть символом женского начала и по принципу метонимии заместителем невесты: ее в некоторых локальных традициях после просватанья в качестве красоты вывешивали на стену дома невесты, затем сжигали³³ Ступа может символизировать женское лоно, а пест, которым толкли в ступе, является фаллическим знаком, поэтому толчение допустимо рассматривать как эвфемизм коитуса. На возможность такого толкования эпизода указывала Е. А. Самоделова, а на материале сказки о девочке Снегурочке, сделанной в ступе (вариант сюжета СУС 703), В. Е. Добровольская. Приведем сходный пример из нижегородского свадебного фольклора: когда дружка в приговоре затрагивал тему толчения («Дайте <коням> сена зеленого, овса *толченого*» — выделено нами — К. К.), девушки, переводя разговор в другой, эротический план, предлагали: «Снимай портки да сам толки!», на что, продолжая разговор в том же ключе, «дружка не оставался в долгу и отвечал: «Были бы у вас тарелочки муравлены, а наши пестики всегда направлены!».³⁴ Если толчение кудели — знак коитуса и дефлорации, то следующая

³¹ Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба. Часть 1. С. 136.

³² Там же. С. 102.

³³ Валенцова М. М. Кудель // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Переелка). М.: «Международные отношения», 2004. С. 19—21

³⁴ Нижегородская свадьба. С. 153—154.

сцена в ряженье — естественное ее продолжение: покойник — знак смерти невесты-девушки и в физиологическом смысле.

Ряженье покойником, как и поиски ярки, относят к отличительным признакам среднерусской свадьбы.³⁵ В нижегородской традиции этот вид ряженья распространен действительно в зоне свадьбы среднерусского типа, но далеко не повсеместно, а лишь на ограниченной компактной территории: только в некоторых районах центра (Гагинский, Сергачский), в основном по югу области (Большеболдинский, Краснооктябрьский, Шатковский, Починковский р-ны). За пределами ареала маска покойника в свадебном ряженье отсутствовала и, по мнению информантов, считалась для свадьбы не подходящей: *«Вот когда ... начинали свадьбу, так рядятся и в цыган, и всяким тута. <А в покойников рядились? — вопрос собирателя> Нет. Покойников куда уж на свадьбу-то?»* (Коверн., д. Мурени); *«Покойником — не знай, а врачом рядились»* (Вад., с. Елховка).

Рассмотренные виды ряженья содержательно встраиваются в основную сюжетную линию свадьбы, но в нижегородской традиции, как и во всей русской, есть в свадебном ряженье сцены, с основной линией свадьбы непосредственно не связанные. Они представляют другой тип включения ряженья в свадебный ритуал. Как правило, они бывают связаны с отдельными моментами ритуала, отдельными обрядовыми действиями, и придают им комический характер, хотя по содержанию ритуала комическое начало эти действия не содержат и могут существовать вне сферы комического. Так, в междуречье Оки и Волги и в Заволжье, на территории, простирающейся вдоль левого берега Волги (Сокольский, Ковернинский, Городецкий, Борский р-ны) в свадьбу вводится ряженье при проведении бани молодых, тогда как за пределами данной территории, например, в Поветлужье, эта церемония обряда проходила без ряженья и носила серьезный или эмоционально нейтральный характер.

Подобно «поискам ярки» баня молодых на указанной территории являлась доминантой второго дня, и с ней были связаны основные события: бужение молодых, оповещение о невинности невесты, чествование молодых (катание по селу) и др. В отличие от невестиной бани, являющейся кульминацией в инициационной линии невестиной свадьбы и выдержанной в трагических тонах, баня молодых в обрядовом «переходе» жениха и невесты является развязкой и отличалась буйством веселья. При этом она сохраняла все присущие данной банной церемонии ритуальные атрибуты: баню топили определенными лицами (обычно друга или

³⁵ Кальницкая А. М. Взаимодействие и взаимосвязи поэзии с обрядом в среднерусской свадьбе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984, с. 46; Самоделова Е. А. Традиционная рызанская свадьба. Ч. 1. С. 27.

сваха, за что им полагалось вознаграждение), новобрачные выкупали венки, воду, при входе молодых в баню совершались обряды соединительного характера («*Порог бани посыпали хмелем. Венки молодых связывали*» Кстов., д. Афонино), при выходе из бани совершалось публичное оповещение о непорочности невесты и т. д. Но при этом в целом банный ритуал носил игровой характер. Молодые чаще всего в бане лишь имитировали мытье: умывали лицо, мочили голову и т.п. «*А невеста-та с женихом сидят там для порядку, маленько голову-то намочить, будто мылась, и идешь ужю, а то ведь и не выпустят*» (Вач., д. Жекино); «*А вот как мы женились, в баню нас, да на второй-то день, после свадьбы-то!... Ой, боже мой, да батюшки! Да хочется ли это идти в баню?!... Вот в баню придешь, помочи хоть лоб, не мойся*» (Чкал., с. Сицкое); «*Чай, скатятся да пошли, ... размывались что ли там, распаривались!?*» (Бор., д. Ильинское); «*А мы вот не мылись, только руки помыли да и всё, умылись*» (р. п. Ковернино). «*Взяли санки, а и на санках в баню увезли да там попрыскали водой. Игра, игра, есть игра*» (Сокол., д. Шумилово).

Ритуал разыгрывался по законам народной смеховой культуры. Многие в нем было представлено в перевернутом виде. Молодых часто забирали и везли в баню прямо с брачной постели, «полуголыми», «молодая бывает в одной своей сорочке» — писал корреспондент ИРГО в середине XIX в.³⁶ Не давали молодым одеться и когда забирали из бани. «*В пальто не одевают, а закатывают во что-нибудь. Бросают перед ними одеяло. И все танцуют вокруг них...*» (Коверн., Кошелево); «*Как поднимают молодых, так сразу в баню. Из бани — их прямо в одеялах на сани и катают по деревне*» (Коверн., Мокушино). Везли нарочно — «для смеха» — в том, что не предназначено для перевозки людей: «*иногда не на санках, а в корыте*» (Бор., Плотинка, Матвеевка), осенью или летом по земле без снега везли на дровнях, в санях или санках, а зимой на телеге, в XX веке на тачке или на грузовом прицепе: «*их везли в баню в корыте, дружка шел впереди с колоколом*» (Бор., Первое Мая); «*На санках летом попрут бабу в баню!*» (Семен., Малое Зиновьево); «*Да и мало того, и летом-то возьмут да санки, а то так на тачку*» (Коверн., Васильево); «*Вот Таньк-то у нас выдавали, так от нашего тракторишка, от маленького, тележку взяли и на этой тележке привезли от бани*» (Чкал., Колобово); «*После ночи молодых в баню водили. Вот на санках.... Меня вниз положут, а его сверху — так вот везут. И пляшут и поют, и прям на санках озорвали*» (Коверн., д. Мурени).

Участвовали в проведении бани не только члены брачующихся родов, но и «посторонние», «глядельщики». Народу около бани

³⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг. Вып. 2, 1915. № 138. С. 831.

собиралось много, действо было массовым. *«На утре в баню возили на санках или на тележке. ... Раньше кашовейки были, эти лошадиники посадят, в баню-то увезут. Посторонние люди — гуляшские»* (Коверн., д. Каменное); *«Возили. Да пляску устроят у бани-то, да гормонь, да выпивка, это все было. Нам наподдают всёго: и выпивки, и закусок. Это наша милость была, посторонняя <посторонних, тех, кто приходит смотреть>. Берешь где санки ли, чево ли, и стоим тут у бани-то, и оттуда кода выходят — раз, хоп туды! Постелем чего помягче и везем. Это вот. А нам надают всячины: выпивки, закуски. ... Вот чего делали, бывало!»* (Коверн., д. Васильево). При этом собственно ряженных, тех, кто перевоплощался, было немного — только те, кто везли молодых и изображали коней: *«лягаются, брыкаются», «фыркают».* *«Из бани молодых опять везут в кошевке, впрягаются мужики»* (Коверн., д. Кошелево). *«В сани впрягаются мужики, избражают коней: подвезут молодых к колодцу и начинают ногами скоблить. Дают им воды — не берут, потом наливают вина — выпивают и везут дальше по деревне»* (Коверн., д. Мокушино); *«Везет на себе какой-нибудь здоровый мужик, ... останавливается у колодца, просит воды. Ему подносят воды — он фыркает, бьет ногой. Ему подносят вина, и он рад, доволен, везет дальше»* (Коверн., д. Мурени); *«На второй день ряженные были: женщин пару запрягают, это будто как лошади: надо их (молодых) в баню вести, да надо из бани привозить. Они вот едут, везут молодых. Устали, упали. Это значит, обезвоживание полное. Это значит, надо поить. Это значит, подносить надо...»* (Город., д. Виноградово).

Конь — типичный персонаж календарного ряженья (конь-русалка, конь в проводах весны и др.), но там он мифическое существо, большое (его изображают, как правило, два мужика под пологом) и обычно страшное³⁷ (голову его иногда делают, используя череп от скелета лошади). В свадебной маске коня, везущего молодых в баню, мифологический подтекст снят. Ряженные изображают реальных животных, выступая в их функции и повторяя некоторые специфические их действия («лягаются», «скоблят ногам», «бьют ногами», «фыркают»), в то же время ведут себя как люди (требуют поднести вина) и этим создается комизм.

В сцене катания молодых в баню, как и в сцене поиска срубившего дерево, ряженными оказываются лишь несколько человек, но они провоцируют реакцию зрителей, «вызывая взрыв активности» и, как указывала Л. М. Ивлева, в этом случае стирается разделение на актеров-ряженных и зрителей. «Можно с уверенностью говорить, если не о полной нерасчлененности участников на актеров

³⁷ Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. С. 87.

и зрителей, то по крайней мере о малой дифференциации»,³⁸ — писала она.

Традиционным для любого вида ряженья было звуковое оформление процедуры бани с участием ряженых. В то время, когда молодые находились в бане, остальные присутствующие, пирующие (свадебщики) и глядельщики, «чудили», устраивали вокруг бесчинства, особенно в то время, когда молодые мылись в бане: шумели, стучали в окно и стены бани, жгли вокруг костры, стреляли. «Свадебщики били о стену бани горшки» (Павл., д. Булатниково); «Родственники бросают в баню камни, комья земли» (Павл., с. Тумботино); «Пока молодые моются в бане, гости стреляют, в сковородки стучат, кричат «Ура!» Особенно веселится женихова сторона» (Коверн., д. Большие Мосты); «Вокруг пляшут, бьют палками по углам бани, кидают в стены камни, мужики стреляют» (Коверн., д. Кошелево); «В баню увёзут: кто залезет на трубу-ту — водой обольет молодых-то. Всё чудили, чудили» (Сокол., д. Слободки). «Свадебщики» и «глядельщики» плясали, пели «срамные» частушки (эротического содержания, с ненормативной лексикой). «Я взяла заслонку да гвоздок большой и барабаню, в заслонку стучу и пою: «Как во Пикине деревне / Кто-то баню подожег: / Галья м...ой опалилась, / Колька яйца сожег!». Припевки, все такие припевки. Слушают, а мы поем, да пляшем, да хулиганим» (Бор, д. Пикино); «Молодых в бане затирают. <...> Пели, ну а как же: «У нашего дружки яйца по кружке...» (Сосн., с. Рожок³⁹); «Из бани вёзут, песни поют матерны, всякие прибаутки. Опрокинуть могут и безобразят» (Сокол., д. Мурзино). Шум и бесчинства, имевшие первоначально магический характер, здесь превращались в элемент игры.

В нижегородской традиции в приволжской зоне еще одна ситуация сопровождалась ряженьем — битье посуды. Ко времени оповещения о целомудренности невесты на свадьбе появлялся «горшечник» — кто-либо из односельчан жениха. Он привозил на санках горшки и начинал торговлю ими. «Приезжают с горшком, Господи, с плетухой! И тут горшки, старые кринки — ну и вот покупают: «Сколько стоит?» — «Вот сколько». Покупают, деньги подадут, а его рózобьют, об пол рózобьют... Ну, эти сродники-те, на свадьбе-то которы гуляют, вот они вылезают (из-за стола) и покупают горшок... А такая мода была, такая мода» (Тонк, д. Трошково; сходно: Тонк., с. Полянское); «Бывалоча, накладывают горшков на санки, набрасают старых, новых, а за них деньги.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А. Н. Каракулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. Нижний Новгород, 2012 (Серия «Фольклорное наследие Нижегородского края»). Т. 1), № 286. С. 150.

А свахи пляшут на них» (Коверн., д. Большие Мосты); *«Приезжают «горшечники» (ряженые), продают горшки-окатнички»* (Коверн., д. Кошелево); *«Привозят на санях торговые горшки. Начинают их бить. Жених и невеста подметают черепки... Подметут всё, начинают складывать в корзину без дна. Все смеются»* (Коверн., с. Шадрино). Иногда появлялась потом еще и «лошадь» с повозкой: *«Это рядились на другой день — вывозить черепки. Вот с дровешкам! Вот нарядится: ... сначала «лошадь» придёт, и вот дают там вина, угощают, бутылку ли с собой дадут. Вот эти черепки на дровешки-то покидают»* (Город., д. Строчково); *«Человек рядился как лошадь и извозчик... Плетёные санки такие были, и вот они на этих санках приезжали... В тулупах дрянных, рваных, сапоги подшитые <...> Вот глядельщики приезжают с санками, и им вот на эти санки наваливают, все высыпают черепки. И вина им дают, закуски, вот денег дают»* (Город., Терентьево). Горшки для свадьбы в некоторых селениях собирали специально в течение года: *«Старые посуды, эти глиняные горшки ... нарочно собирают и ложат, потом на свадьбе бьют»* (Тонш., Малокаменское). Битьё посуды существовало в ритуале и без связи с ряженым, но маска горшечника и лошади, сцена привоза и продажи горшков придавала битью игровой фарсовый характер. Хотя горшечник (гончар) в народных представлениях связан с миром нечистых,⁴⁰ и некоторые атрибуты его как представителя иного мира присутствуют в костюме нижегородского ряженого (*«в тулупах дрянных, рваных, сапоги подшитые»*), мифологическое содержание образа явно стерто, как и в маске «лесника», и это стирание, ослабление мифологического подтекста у масок, вероятно, является характерной чертой свадебного ряженья, хотя наше предположение сделано только на нижегородском материале и нуждается в проверке материалом других региональных традиций.

Итак, свадьба как обряд «переходный» потенциально располагает возможностью поведения его участников вне обычных норм, как и календарные праздники, приуроченные к «кризисным», переломным моментам года. Ряженые позволяют эту возможность реализовать. Оно развито там, где в обряде, наряду с инициационной линией, присутствуют элементы свадьбы-«веселья», в Нижегородском крае — на Правобережье и в приволжской зоне, в свадьбе среднерусского типа. Нижегородский материал дополняет известный набор персонажей святочного ряженья масками горшечника, лесника и коня в особом воплощении, соответственно сюжетными ситуациями, с ними связанными. По характеру встроенности в свадебную обрядовую систему нижегородский

⁴⁰ *Топорков А. Л.* Гончар / Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1995. С. 518—519.

материал позволяет выделить два типа ряженья: 1. сюжетно развернутое, организующее вокруг себя обрядовые действия (поиски ярки, катание молодых «лошадьми» в баню, к колодцу, по деревне и т. д.) и 2. являющееся только эпизодом, вписывающимся в обрядовое действо и, как правило, придающим ему комический характер (сцена с лесником, горшечником). Последний тип, вероятно, наиболее вариативен и в региональных традициях даст новые маски и ситуации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арз. — Арзамасский р-н	Первом. — Первомайский р-н
Б.-Мураш. — Большемурашкинский р-н	Сеч. — Сеченовский р-н
Бор. — Борский р-н	Сокол. — Сокольский р-н
Вад. — Вадский р-н	Сосн. — Сосновский р-н
Город. — Городецкий р-н	Спас. — Спасский р-н
Коверн. — Ковернинский р-н	Тонш. — Тоншаевский р-н
Кстов. — Кстовский р-н	Чкал. — Чкаловский р-н
Лукоян. — Лукояновский р-н	Шатк. — Шатковский р-н
Павл. — Павловский р-н	

* * *

Аннотация: В статье рассматривается ряженье, характерное для среднерусской свадьбы. Анализируется семантика и способы включения в обряд некоторых сцен ряженья (поиски исчезнувшей невесты, продажа «дерева» «лесником», толчение кудели в ступе, катание молодых на «лошадях»-людях и др.). Исследуется региональная специфика свадебного ряженья.

Ключевые слова: русский свадебный обряд, среднерусская свадьба, ряженье, региональная специфика

Abstract: The article is devoted to disguising (ryazhenie) which is part of the Central Russian wedding rite. The author of the article analyses the semantics and ways of incorporating disguising elements into the rite (search for a vanished bride, the sale of a tree by a forest spirit, pestling flax in a mortar, riding «horses» by newlyweds etc) and examines regional peculiarities of disguising (ryazhenie) in the wedding rite.

Keywords: Russian wedding rite, Central Russian wedding, disguising (ryazhenie), regional peculiarities

Ю. И. МАРЧЕНКО

ЗАМЕЧАНИЯ О НАПЕВАХ БЫЛИН ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ

(К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИИ)

Музыковедческое изучение интонационной природы русского поющего эпоса Поморья начиналось в экспедиции А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского на Терский¹ и Зимний² берега Белого моря более ста лет тому назад. Хорошо известны публикации многочисленных образцов напевного репертуара в солидных изданиях. Тем не менее, обнаруживаются дополнительные источники, заслуживающие особого внимания.

В процессе работы над томами серии «Былины» Свода русского фольклора, а затем — и над собранием записей А. В. Маркова,³ сотрудниками Отдела фольклора Пушкинского Дома в результате архивных разысканий были выявлены интересные для музыковедов материалы, как фонографические, так и рукописные,

¹ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря. Напевы Терского берега Белого моря // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. М., 1911. Т. 2. 13 с. нот между с. 116—117 (далее — Напевы Терского берега Белого моря).

² Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 11—157.

³ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002.

отражающие работу А. В. Маркова в районах Западного Поморья в 1909 г. Прежде чем ввести некоторые из этих материалов в контекст изучения традиции, затронем общие вопросы.

В севернорусском разделе музыкальной антологии русского эпоса «Былины», составленной Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым, произведения сгруппированы по локальным традициям («Онежские старины», «Пинежские старины», «Беломорские старины», «Мезенские и кулойские старины», «Печорские старины»). Опираясь на позицию А. Л. Маслова, в каждом из разделов авторы помещают напевы с учетом их структурных особенностей.⁴

В отклике на публикацию антологии «Былины» Е. Е. Васильева предложила другой, на наш взгляд, более рациональный, способ систематизации севернорусских эпических напевов.

Всего рассматриваются четыре группы напевов: 1) однострочные с переменной моры, 2) однострочные с обособленным кадансом, 3) многострочные, 4) скоморошины.⁵

⁴ Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 37—324. Исходя из особенностей координации стиха и мелодии, А. Л. Маслов предложил разделить напевы на «сложные — двух- и трехстрочные» и «более мелкие — однострочные». Он указал на пять разновидностей напевов, связанных с «полным» и «сокращенным» эпическими размерами, «скоморошью» размером, «размером духовного стиха» и «позднейшим одномерным» размером. По мнению А. Л. Маслова, наиболее типичны для былин напевы «полного» и «сокращенного эпических размеров» которые делятся на три ритмических периода, границы которых совпадают с позициями трех акцентных слогов тонического стиха. Ритмические периоды в свою очередь состоят из «трех»- и «двухдольных» сегментов, чаще всего связанных с произнесением пары слогов стиха. Согласно его наблюдениям, в напевах старин Терского берега преобладает трехдольное строение, Зимнего — двухдольное (*Маслов А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. М., 1911. Т. 2. С. 315—320*). Позиции А. Л. Маслова существенно отразились даже на терминологии, принятой в антологии «Былины» Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова при классификации напевов: «одностиховые» и «строфические» напевы в «нечетных и смешанных» и «четных» «группах метрического времени».

⁵ *Васильева Е. Е. Этномузыковедческая проблематика русского эпоса (в связи с выходом первой музыкальной антологии былин // Музыка эпоса: Статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 48—57. Подробнее см.: Васильева Е. Е.: 1) Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева // Проблемы музыкальной науки: Сборник статей. М., 1967. Вып. 4. С. 148—162; 2) Напевы русской эпической традиции Прионежья // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 173—177; Былины: Русский музыкальный эпос... М., 1981. С. 495—496.*

В былинах, записанных на территории Западного Поморья, согласно наблюдениям Е. Е. Васильевой, преобладают однострочные с переменной моры.⁶ Также Е. Е. Васильева указывает на группу напевов, сочетающих «признаки 1 типа однострочных напевов и тирады. Для них обязательно «парное соединение частей напева».⁷ Определим такие напевы как строфовые.

Однострочные напевы с переменной моры широко представлены в нотном приложении к публикации материалов Терского берега Белого моря, выполненной А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. В разделе «Былины и исторические песни» помещены девятнадцать образцов,⁸ из которых семнадцать записаны А. Л. Масловым на слух и два нотированы по фонографическим записям.⁹ Оба фрагмента напева на фонограф сказительница М. С. Борисова из д. Федосеево. Нотировку одного из фрагментов (напев былины «Козарин») приводим для примера (*пример 1*).¹⁰

Опираясь на замечания Е. Е. Васильевой,¹¹ отметим три особенности мелостихов: 1) смену количественного ритма, преобладающего в инициальной части (сопоставление слогов по долготе-краткости в пропорции 2 : 1 при интонировании пары слогов), на тонический ритм в кадансе-клаузуле (соотношение слогов по силе-слабости при равномерном интонировании); 2) увеличение времяизмерительной единицы в кадансе-клаузуле (с 1/8 на 1/4); 3) изменение протяженности инициальной части напева в зависимости от количественно-слогового объема.

В экспедиции 1932 г. А. М. Астахова записала на фонограф от У. М. Кузнецовой из с. Сумской Посад фрагмент баллады «Князь, княгиня и старицы» с зачином «Жил-был князюшко девяносто лет». Нотировка этого фрагмента, выполненная Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, опубликована в собрании «Былины Севера» (*пример 2*).

Инициальная часть напева У. М. Кузнецовой короче, чем у М. С. Борисовой (три сегмента в двух ритмических периодах, в то время, как у М. С. Борисовой их четыре с расширением до

⁶ Васильева Е. Е. Этномузыкальная проблематика русского эпоса... С. 55 (Карта 1).

⁷ Там же, с. 53.

⁸ Напевы Терского берега Белого моря, № 21—24, 27, 29, 32, 36—38, 40—42, 44—46, 48—50.

⁹ Там же, № 22 («Добрыня Никитич»), № 38 («Козарин»).

¹⁰ Здесь и далее все напевы приводятся в нашей редакции. Подробные сведения о месте и времени записи, имена исполнителей, собирателей, нотировщиков, данные о публикациях — см. «Комментарии к нотным примерам».

¹¹ Васильева Е. Е. Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева... С. 157—158.

Пример 1

$\text{♩} = 160$

Уж как жил - то был ведь Пётр да Ка - ра - мы - шов - ту.

У ё - го - то не бы - ло ма - лых де - то - цёк;

Ка.к ро - ди - л.сэ у ё - го да ча - до ми - ло - ё,

И - шше Пет Ко - за - рин у ё - го да

всё Пе - тро - виць - от.

Пример 2

Не спеша $\text{♩} = 150 - 152$

Жил - был кня - зюш.ко да сын И - ва - нуш - ко,

Сын И - ва - нуш.ко да де - вя - нос - то лет. И

взял и кня - ги - ну.шку да де - вя - ти го - дов.

пяти в четвертом мелостихе).¹² Но в основе композиции мелостихов все те же принципы — смена квантитативного ритма на тонический и увеличение времяизмерительной единицы в кадансе.

В районах Карельского Поморья преимущественное распространение получили строфовые напевы. В издании «Русские народные песни Карельского Поморья» содержится двенадцать образцов.¹³ Примером может быть напев былины «Ездил старый малый на добром коне» («Илья Муромец и разбойники»), записанный в д. Гридино от А. В. Ивановой (*пример 3*).

Пример 3

$\text{♩} = 176$

Ез - дил ста - рый ма - лый на доб - ром ко - не,
 На доб - ром ко - не, на ту - че - па - туш - ке,
 О - н(ы) м(ы) - хи, бо - ло - та скро - меж ног пу - щал,
 Си - не мо - рош - ко дай на - уз - ко ска - кал.

¹² Следует указать на замечание А. Л. Маслова о наличии «полного» и «сокращенного» эпических размеров и привести его наблюдения, согласно которым «оба эти размера в сущности так мало различаются, что сказители часто в одной и той же старине пользуются обоими размерами...» (*Маслов А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад... М., 1911. С. 316*).

¹³ Русские народные песни Карельского Поморья / Сост.: А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971, № 178—181, 187, 190, 191, 194—196, 198, 207.

Первый мелостих напева соответствует «полному эпическому размеру» без анакрузы. В дальнейшем А. В. Иванова переходит на «сокращенный». Судя по опубликованным материалам, использование двух эпических размеров при исполнении «старин» — явление достаточно типичное для сказителейниц Карельского Поморья.¹⁴

В процессе подготовки материалов для собрания А. В. Маркова С. Н. Азбелев обнаружил в Центральном музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки рукопись А. Л. Маслова, в которой содержатся нотировки двадцати двух звукозаписей, осуществленных А. В. Марковым в экспедиции 1909 г.¹⁵ Вероятно, у А. Л. Маслова были намерения продолжить начатую в 1901 г. совместно с А. В. Марковым работу по дальнейшему изучению и публикации материалов. Среди образцов — напев былинны «Потык Иванович», исполненный П. Редкиной из д. Гридино. Помещаем этот напев с исправлением некоторых погрешностей, допущенных, к сожалению, в первой публикации (*пример 4*).

Пример 4

♩ = 72

Ез - дил-то По - тык, сын И.ва - нов,
Он стре - лять - то гу - сей да бе - лых ле - бе...

В собрании Фонограммархива Пушкинского Дома среди коллекций так называемых «неизвестных собирателей» (по общей описи) были выявлены семь фонографических цилиндров, записанных А. В. Марковым в экспедициях 1903 и 1909 гг.¹⁶ На одном

¹⁴ Там же, № 194, 196.

¹⁵ Беломорские старинны и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова... С. 12.

¹⁶ Там же, С. 28—29.

из них содержится небольшой фрагмент баллады «Князь, княгиня и старицы», напетый на фонограф П. Редкиной (пример 5).

Пример 5

♩ = 72 - 76

1. По - ез - жа - ёт бо... бо - я - ри-н(ы)

во цис - то по - лё,

Да-й(и) го-во - рит он бо - я - ри-ни

та - ко - вы ре - ци:

"Да-й(и) до-жи - да - й(и)-се ме - ня да-й(и)

це - рез три го - да".

Обе мелодии (былины «Потык Иванович» и баллады «Князь, княгиня и старицы») принадлежат к типу однострочных напевов с переменной моры, но представляют особую темповую версию, в которой музыкальное время каждого элемента музыкальной

формы увеличено вдвое.¹⁷ Слоговой ритм, преобладающей в напевах М. С. Борисовой, У. М. Кузнецовой и А. В. Ивановой сменяется внутрислоговыми распевами значительной протяженности; появление дополнительных слогов и огласовок согласных сопровождаются дроблением меры, в мелодике обнаруживаются признаки, восходящие к песенному интонированию.

На восковых цилиндрах А. В. Маркова, обнаруженных в Фонограммархиве, содержится, по всей видимости, меньшая часть материалов, зафиксированных на фонограф в экспедиции 1909 г. Однако, судя по репертуару, во время работы в д. Гридино А. В. Марков не ограничился вариантами напева, пропетыми П. Редкиной. Тот же напев встречается в начальных фрагментах двух баллад («Князь Роман и Марья Юрьевна» и «Мать продает своего сына»), исполненных ансамблем (дуэт в составе П. И. Ивановой и И. Ф. Горшковой). Интересен зачин баллады «Мать продает своего сына» (пример 6).

Обратим внимание на то, что даже в ансамблевом исполнении сохраняются некоторые принципы варьирования, восходящие к напевно-декламационным формам: если в ритмических периодах инициальной части первого и третьего мелостихов три сегмента, то во втором мелостихе таких сегментов четыре.

Пример 6

♩ = 76 - 80

От от - ця - то бы - ло, брат -

- цы, от у мна - го,

¹⁷ Имеется в виду темповая версия, получившая распространение в традиции напева.

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти строк нотной записи в ключе G (два диэза) и размере 2/4. Каждая строка содержит ноты и соответствующие русские слова. В первой строке ноты имеют ритмические пометки '7' и 'z'. В последующих строках также встречаются пометки '7' и 'z'. Музыкальные фразы объединены скобками, что указывает на их ритмическую или мелодическую связь.

Да как от ма - туш - ки жо - ны бла - го - ра - зу - м(ы) - на - я У - ро - ди - лось - то ця - дыш - ко да бе - зу - м(ы) - но - я...

Судьба других фонографических цилиндров А. В. Маркова неизвестна, и ничего определенного о распространении напева по рукописным материалам собирателя также сообщить невозможно. Однако четыре варианта, зафиксированные в д. Гридино (из которых два записаны от ансамбля), с учетом репертуара и количества исполнителей, свидетельствуют о закреплении напева в местном музыкально-эпическом репертуаре.

А. В. Марков, будучи филологом по образованию, в экспедиции не только обнаружил, но и целенаправленно зафиксировал на фонограф типовой напев, который по ритмо-синтаксическим особенностям — с одной стороны, а по мелодическим (музыкально-

морфологическим) — с другой, оказывается связующим звеном между однострочными напевами с переменной меры и определенной группой напевов с обособленным кадансом.¹⁸

Записи А. В. Маркова подтверждаются материалами издания «Русские народные песни Карельского Поморья». Аналогичной музыкальной формой характеризуется баллада «Романушка», исполненная в 1964 г. певицами З. К. Мехниной и А. С. Мехниной из д. Гридино (пример 7).

Пример 7

♩ = 64

И по - хо - дит Ро - ма - нуш - ка
за о - хо - та - мы,
Да и он стре - лять - то гу - сей да и
бе - лых ле - бе - дей,

¹⁸ В материалах, опубликованных А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским по результатам экспедиции 1901 г. на Терский и Зимний берега Белого моря см.: 1) Напевы Терского берега Белого моря, № 28, 30, 43; 2) Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1. Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица... Т. 1. С. 148 (№ 6), 149 (№ 9), 150 (№ 11, 13, 15), 151 (№ 21), 152 (№ 27), 152 (№ 31а, б), 154 (№ 32), 156 (№ 41).

Ма - лень - ких - то пер - нас - ты.х(и)

се - рых у - то - чок.

В издании содержатся еще три произведения с такими же напевами: баллада «Романушка, записанная в д. Гридино от А. В. Ивановой, старина «Князь Михайло» (былина «Добрыня и Алёша» в местной редакции) и баллада «Князь, княгиня, старицы», записанные в д. Поньгома от П. В. Микковой (уроженки д. Калгалакша).¹⁹

Особого внимания заслуживает напев былины «Дюк Степанович», зафиксированный в д. Калгалакша от А. И. Ефремовой. Это мелодически распевная версия строфового напева, представленная в издании единственным образцом (пример 8).

Пример 8

♩ = 120

Со - би - ра - ет - то сол - ныш - ко Вла - ди - ми.р(ы)

ведь по - че - стен пир,

¹⁹ Там же, № 189, 200, 202.

При - гла - ша - ет - то все - х(ы) да к(ы) -

- ня - зей - бо - я - ров,

Да - и при - гла - ша - ет - то Дю - ка

Сте - па - но - ви - ча.

У - ни - ма - ет - то Дю - ка

род - на ма - туш - ка:

"Ты не ез - ди - ко, ча - до, да

на по - че - стен пир."

С учетом материалов недавно вышедшей в свет антологии «Духовные стихи Русского Севера», укажем, что еще один вариант мелодии с подобной структурой был записан от сказительницы при исполнении ею духовного стиха «Мучения Егория» (пример 9).

В эпическом репертуаре каждой из трех сказительниц (А. В. Ивановой, П. В. Микковой и А. И. Ефремовой) представлено не менее двух контрастных напевов. Следовательно, напевы мелодически распевной темповой версии (как однострочные — у А. В. Ивановой и П. В. Микковой, так и строфовые — у А. И. Ефремовой) воспринимались сказительницами как самостоятельные мелодии, предназначенные для исполнений конкретных эпических произведений.

По нашим наблюдениям, в эпических произведениях Западного Поморья напевы с переменной моры получили распространение в четырех структурных разновидностях: однострочные (одностиховые) и строфовые (с парным объединением мелостихов) напевы в двух темповых версиях. Одна из версий направлена на произнесение слова (слога) и в основном опирается на слоговую мелодику (напевно-декламационная форма); другая же, с некоторыми признаками песенного интонирования, содержит внутрислоговые распевы значительной протяженности с уклоном в сторону собственно мелодического начала.²⁰

А. В. Марков в экспедиции 1909 г. впервые зафиксировал на фонограф мелодически распевную версию однострочного (одностихового) напева с переменной моры. Содержание фонографических цилиндров А. В. Маркова после перемещения материалов в Ленинград не могло быть освоено музыковедами-фольклористами по техническим причинам. Именно поэтому в последующих экспедициях по маршрутам собирателя напевный репертуар местного эпоса представлен весьма скромно.

Записи А. В. Маркова позволяют затронуть проблему бытования традиции группового исполнения эпических произведений на Русском Севере.

²⁰ В музыковедческой части вступительной статьи к изданию карельских фольклористов Т. А. Коски предлагает краткий анализ эпических напевов, подразделяя их на три группы («Русские народные песни Карельского Поморья...» С. 28—29). Из трех групп нас интересуют лишь две, в которых сосредоточены напевы с переменной моры. Т. А. Коски рассматривает однострочные и строфовые напевы без учета темповых версий. Исходя из своей концепции, Т. А. Коски помещает в книге образцы мелодически распевной версии в различных редакциях, что несколько затрудняет сравнение материалов при первичном ознакомлении. Тем не менее, вся работа, выполненная Т. А. Коски, заслуживает очень высокой оценки.

Пример 9

♩ = 125

За - ду - мал ча - риш - ча

Куд - ре - я - ниш - чо

Да Е - го - ри - я све - та Хра - б(ы) - ро -

- го со све - ту сжить.

Он на - ча - л(ы) Е - го - ри -

- я пи - ло - й(и) пи - лить,

А Е - го - рей го - во - рит ды

та - ко - вы сло - ва...

В экспедиции 1901 г. на Терский и Зимний берега Белого моря А. Л. Маслов в д. Варзуга зафиксировал на слух напев былины «Дунай Иванович» от женского ансамбля. Публикацию снабдил замечанием «Пело двое».²¹ Этот единственный двухголосный образец включен в антологию «Былины».²²

А. Д. Григорьев, в параллельной экспедиции в Архангельскую губ., при обследовании мезенской эпической традиции записал на фонограф начальные фрагменты семи образцов группового исполнения эпических произведений (шести былин²³ и одной исторической песни).²⁴

А. В. Марков в экспедиции 1909 г. от ансамбля в составе П. И. Ивановой и И. Ф. Горшковой (д. Гридино), в дополнение к напевам двух баллад, дважды зафиксировал на фонограф зачин баллады «Мать князя Михайла губит его жену»,²⁵ а также первую мелострофу баллады «Василий и Софья».²⁶ Особого внимания заслуживает запись начального фрагмента духовного стиха «Сон Богородицы» от тех же исполнительниц, нотировка которого содержится в рукописи А. Л. Маслова.²⁷

Несмотря на предпочтение, которое отдавалось филологами работе с отдельными сказителями, интерес к записям эпических произведений от певческих ансамблей у них появился. Но в дальнейшем изучении традиции группового исполнения эпоса на Русском Севере музыковеды-фольклористы могли опереться лишь на один источник — на вышедшую в свет мезенскую часть собрания А. Д. Григорьева.

Факт группового исполнения былин получил подтверждение в экспедиции Государственного института истории искусств, направленной в 1928 г. на Мезень.²⁸ Через год Е. В. Гиппиус и

²¹ Напевы Терского берега Белого моря, № 29.

²² Былины: Русский музыкальный эпос... С. 176, № 27а.

²³ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3: Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910. С. 666—667 (№ 23: «Васька-пьяница и Кудреванко царь»), С. 672—676 (№ 37—41: «Дунай», «Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей М[уромцем]», «Васька-пьяница и Кудреванко царь», «Купанье и бой Добрыни со змеем», «Василий Окулович и Соломан»).

²⁴ Там же, с. 680 (№ 52: «Осада Пскова королем польским при Иване IV»).

²⁵ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова ... С. 983—984, № 23, 24.

²⁶ Там же, с. 987, № 28.

²⁷ Там же, с. 982, № 22.

²⁸ *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступит. ст. и комментарии А. М. Астаховой. Нотн. прил. (7 нумеров. с. между с. 542—545), № 7 (былина «Во стольном городе во Киеве»).

З. В. Эвальд от двух мужских ансамблей записали три былинных напева на Печоре (по сути, выявили новый очаг бытования традиции группового исполнения былины).²⁹ Но еще раньше, в пинежской экспедиции 1927 г., собиратели записали от женских ансамблей групповые исполнения двух баллад³⁰ и одной небылицы-пародии,³¹ а в мезенской экспедиции 1928 г. зафиксировали на фонограф от мужского ансамбля духовный стих «Сон Богородицы».³²

Важнее всего то, что записи А. Д. Григорьева, а вслед за тем — и его первых музыковедов-последователей, получили отражение в публикациях. В общей сложности были представлены напевы одиннадцати былин, двух баллад, одной исторической песни, одного духовного стиха, одной небылицы-пародии. Напевы типологически контрастные, зафиксированные в разное время на обширной территории от различных певческих ансамблей и охватывают произведения всех сюжетно-тематических групп сказительской традиции.³³

Иная судьба у фонографических записей А. В. Маркова. В настоящее время речь может идти лишь о содержании тех восковых цилиндров, которые поступили на хранение в Фонограммархив Пушкинского Дома. Остальные нуждаются в разысканиях.

При изучении русского поющего эпоса Карельского Поморья наиболее доступным источником является издание «Русские народные песни Карельского Поморья». В этой книге только напев баллады «Романушка», записанный в д. Гридино, представлен нотировкой ансамблевого пения. По единственному образцу какие-либо рассуждения о бытовании традиции группового исполнения эпических произведений невозможны.

²⁹ Там же, № 9 (былина «Про старого»), № 10 (былина «Про белого»), № 11 (былина «Дюк Степанович»).

³⁰ *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье... М.; Л., 1951. Нотн. прил..., № 15 (баллада «Роман и его дочь Настасья»); Архивные записи Пинежского эпоса (по материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года). Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1990. Вып. 3. С. 167—168 (№ 9, баллада «Князь Михайло»).

³¹ Архивные записи Пинежского эпоса (по материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года). Публикация А. Ю. Кастрова ... Л., 1990... С. 174 (№ 15, «Небылица в лицах»).

³² Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов. Публикация А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 410 (пример 3г).

³³ Заметим, что из шестнадцати напевов лишь три были опубликованы А. Ю. Кастровым в результате позднейшей обработки архивных материалов. Все остальные вышли в свет своевременно.

В экспедиции 1932 г. А. М. Астахова записала на фонограф от ансамбля первые пять мелостихов баллады «Князь, княгиня, старицы». В реестре, приложенном к восковому цилиндру, указано: «31.07.1932, д. Лапино, Сорокский р-н, КАССР. Исп. Мария Михайловна Бахирева (39 лет) с подголоской» (пример 10).

Пример 10

$\text{♩} = 152$

Жил - был кня - зюш - ко да сын И - ва - нуш - ка

де - вя - но - сто лет. Да де - вя - ти го - дов

взя - л(ы) кня - ги - нюш - ку да Ка - те - ри - нуш - ку.

Жил с кня - ги - нюш - кой да ров - но три го - да,

Ров - но три го - да, ров - но три о - се - ни.

Мелодия баллады опирается на структуру одностихового напева с переменной моры в напевно-декламационной темповой версии (ср. с примером 2) и оказывается контрастной по отношению к напеву баллады «Романушко». Произведение зафиксировано на

фонограф А. М. Астаховой в другом населенном пункте от совершенно других исполнителей и значительно раньше, чем это удалось сделать петрозаводским собирателям.

Таким образом, А. М. Астаховой и петрозаводскими собирателями в районах Карельского Поморья в ансамблевом исполнении удалось записать две баллады с интервалом в 32 года.

Записи А. В. Маркова, выполненные в 1909 г., имеют решающее значение. В них представлены четыре произведения — три баллады и один духовный стих. В четырех произведениях собирателем зафиксированы три типологически контрастных напева. Но если петрозаводские собиратели спустя 55 лет подтвердили бытование групповой формы исполнения одного из напевов в том же населенном пункте, то А. М. Астахова через 23 года представила четвертый напев, записанный в другом населенном пункте.

Весь материал в целом указывает на признаки очагового распространения традиции, которое нуждается в подтверждении. Еще рано делать вывод о том, что групповая форма исполнения если не былин, то, по крайней мере, баллад и духовных стихов, все-таки могла получить на территории Карельского Поморья некоторое распространение. При изучении местной эпической традиции ее бытование наблюдалось преимущественно в женской среде. Все напевы записаны от женщин, все групповые формы исполнения представлены записями от женских ансамблей. Вероятность привнесения в сказительскую культуру Карельского Поморья лирического начала, переосмысления музыкально-стилевых основ местной эпической традиции, оказывается достаточно высокой. Это наверняка отразилось в репертуарных предпочтениях, которые пока еще нужно устанавливать.

Опубликованные материалы, а также наиболее ранние звукозаписи из Карельского Поморья, хранящиеся в Фонограммархиве Пушкинского Дома, к сожалению, не дают повода для оптимистических прогнозов в изучении затронутой проблемы. Однако в поиске информации для ответов на главные вопросы все-таки остается надежда на выявление недостающих фонографических цилиндров из экспедиции А. В. Маркова 1909 г. и на разыскания дополнительных страниц с нотировками фонограмм из рукописи А. Л. Маслова, если, конечно, такие страницы имеются.

КОММЕНТАРИИ К НОТНЫМ ПРИМЕРАМ

Пример 1. «Козарин». Исп. Борисова Марья Степановна, 62 года. Запись: лето 1901 г., Терский берег Белого моря, д. Федосеево. Авторы записи: А. В. Марков, А. Л. Маслов, Б. А. Богословский. Публикация: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский

берег Белого моря. Напевы Терского берега Белого моря // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. М., 1911. Т. 2. 13 с. нот между с. 116—117, № 38. Нотировка А. Л. Маслова.

Пример 2. «Жил князюшко девяносто лет» («Князь, княгиня и старицы»). Исп. Кузнецова Устинья Максимовна, 60 лет. Запись: 7 июля 1932 г., Беломорский р-н, с. Сумской Посад. Автор записи: А. М. Астахова. Публикация: *Астахова А. М. Былины Севера*. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Нотн. прил. (16 нумеров. с. между с. 696—697), № 24. Нотировка Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд.

Пример 3. «Ездил старый малый на добром коне» («Илья Муромец и разбойники»). Исп. Иванова Анастасия Васильевна, 76 лет. Запись: январь 1964 г., Кемский р-н, д. Гридино. Авторы записи: сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Публикация: *Русские народные песни Карельского Поморья* / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971, № 178. Нотировка Т. А. Коски.

Пример 4. «Потык Иванович». Исп. Редкина Полага (Полагея). Запись: лето 1909 г., Поморский берег, д. Гридино. Автор записи: А. В. Марков. Публикация: *Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова* / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002. С. 981, № 21. Нотировка А. Л. Маслова.

Пример 5. «Князь, княгиня и старицы». Исп. Редкина Полага (Полагея) Запись: лето 1909 г., Поморский берег, д. Гридино. Автор записи: А. В. Марков. Публикация: *Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова* / Изд. подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002. С. 985, № 25. Нотировка Ю. И. Марченко.

Пример 6. «Мать продает своего сына». Исп. Иванова Прасковья Ивановна, Горшкова Ирinya Филиппьевна, вдова лет шестидесяти. Запись: лето 1909 г., Поморский берег, д. Гридино. Автор записи: А. В. Марков. Публикация: *Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова* / Изд. подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002. С. 987, № 27. Нотировка Ю. И. Марченко.

Пример 7. «Романушка». Исп. Мехнина Зинаида Киприяновна, 60 лет, Мехнина Анна Самсоновна, 46 лет. Запись: январь 1964 г., Кемский р-н, д. Гридино. Авторы записи: сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Публикация: *Русские народные песни Карельского Поморья* / Сост.: А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971, № 188. Нотировка Т. А. Коски.

Пример 8. «Дюк Степанович». Исп. Ефремова Анастасия Ивановна, 69 лет. Запись: январь 1964 г., Кемский р-н, д. Калгалакша. Авторы записи: сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Публикация: *Русские народ-*

ные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971, № 193. Нотировка Т. А. Коски.

Пример 9. «Мучения Егория». Исп. Ефремова Анастасия Ивановна, 70 лет. Запись: 1965 г., Петрозаводск (исполнительница из д. Калгалакша Кемского р-на). Авторы записи: А. П. Разумова, А. А. Митрофанова. Публикация: Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015. С. 682—684, № 11(44). Нотировка М. Н. Шейченко и Г. В. Лобковой.

Пример 10. «Князь, княгиня, старицы». Исп. Бахирева Мария Михайловна, 39 лет, с подголоской. Запись: 31 июля 1932 г., КАССР, Сорокский р-н, д. Лапино. Автор записи: А. М. Астахова. Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, ФВ 4212.03. Нотировка Ю. И. Марченко.³⁴

* * *

Аннотация: В процессе работы над томами серии «Былины» Свода русского фольклора сотрудниками Отдела фольклора Пушкинского Дома в архивах были выявлены рукописные и фонографические материалы, отражающие собирательскую деятельность А. В. Маркова в экспедиции 1909 г. Записи А. В. Маркова позволяют внести дополнения в характеристику напевов эпической традиции Карельского Поморья, представить зафиксированные собирателем факты группового исполнения баллад и духовных стихов.

Ключевые слова: этномузыкология, Поморье, былина, баллада, духовный стих

Abstract: Working on the volumes of the Byliny series of the Russian Folklore Series, employees of the Folklore Department of the Pushkin House found in the archives handwritten and phonographic materials reflecting the collection activities of A. V. Markov on the 1909 expedition. A. Markov's records make it possible to complete the description tunes of the epic tradition of the Karelian Pomorye, and to present the facts of the group performance of ballads and spiritual verses fixed by the collector.

Keywords: ethnomusicology, Pomorye, epic, ballad, spiritual verse

³⁴ Индекс и номер фонограммы указывают следующее: буквенное обозначение (ФВ) — вид хранения (фонд фонографических валиков; первая цифра (четырёхзначная) — номер фонографического валика, вторая цифра (двухзначная) после точки — порядковый номер записи на валике.

С. А. ЖАДОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О БЫЛИНАХ ПОВОЛЖЬЯ

(ЗАПИСИ БЫЛИН В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923—1925 гг.)

Введение в научный оборот всех когда-либо сделанных записей русских былин, несмотря на огромную работу, проделанную фольклористами и этнологами, еще не может считаться законченным. И хотя можно утверждать, что основной массив эпического наследия опубликован и проанализирован, некоторые дополнения могут и должны быть сделаны и сегодня. Настоящая статья имеет целью публикацию полевых записей былин, являющихся частью фольклорных материалов двух экспедиций по Саратовскому краю — в 1923 г. (экспедиция под руководством Б. М. Соколова) и в 1925 г. (экспедиция его учеников после отъезда профессора Соколова в Москву). Они хранятся в научном архиве Саратовского областного музея краеведения (далее — СОМК).¹

Эпические песни записывались в Саратовской губернии, начиная со второй половины XIX столетия. Первые записи были опубликованы в собрании песен П. В. Киреевского (собраны С. П. Шевыревым в с. Даниловка Петровского уезда, А. М. Тургеневым и др.),² в сборнике Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой.³ В «Саратовский сборник» (издание Губернского статисти-

¹ Приношу искреннюю благодарность сотрудникам отдела хранения и научной обработки фондов и лично Наталье Михайловне Шумейко за всестороннюю поддержку и помощь в работе. Благодарю также А. Н. Власова, которому принадлежит идея этой статьи, за плодотворное обсуждение ее материалов.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1—3. М., 1860. С. 22—23.

³ Русские народные песни, записанные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым // Летописи русской литературы и древности. Т. 4. Отд. 2. М., 1862. Далее — Костомаров — Мордовцева.

стического комитета) за 1881 г. вошла сделанная в мордовском селе запись былины «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» («Песня про Илью Муромца»),⁴ которая была перепечатана в сборнике «Былины новой и недавней записи».⁵ В 1896 г. увидел свет сборник М. Е. Соколова «Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии». В него включены былины о Сухане, о неудачной женьитьбе Алеши Поповича, об Иване Гостином сыне.⁶

В послереволюционные годы, после открытия в 1917 г. в Саратовском университете историко-филологического факультета, в нем начала активно формироваться научная среда и научная жизнь. Немалую роль в этом сыграли молодые талантливые ученые-филологи из Москвы и Петрограда, приехавшие для преподавательской работы: Н. К. Пиксанов, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, В. М. Жирмунский, Б. М. Соколов. Деканом историко-филологического факультета стал С. Л. Франк, включившись в работу университета и ученые, уроженцы Саратовской области — А. П. Скафтымов, позднее В. В. Буш и другие. Все они, пробыв в Саратовском университете разное время — от нескольких лет до нескольких десятилетий, внесли весомый вклад в становление филологической науки. Саратовская фольклористика обрела прочный теоретический фундамент и практический смысл: с этого времени начинается комплексное фольклорно-этнографическое обследование губернии, инициированное Б. М. Соколовым.

Борис Матвеевич Соколов жил и работал в Саратове сравнительно недолго — с 1919 по 1924 г. Заняв в 1919 г. (по конкурсу) должность профессора, он стал членом ИСТАРХЭТ,⁷ организовал и возглавил в ней этнографический отдел. Сразу же при отделе стал действовать воскресный семинар по изучению этнографии и фольклора народов Саратовского края, носящий, как отмечает

⁴ Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1, отд. 2. С. 14—16. Запись от Акулины Филипповой, 80 лет. Там же находится «Песня про сына Стеньки Разина», записанная от той же исполнительницы. С. 16—18.

⁵ Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908. № 8. Далее — БННЗ.

⁶ Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии: (Из рукописного сборника М. Е. Соколова). Петровск, 1896. Далее — Соколов. В сборник также вошел ряд исторических песен — о Ермаке, Стеньке Разине, сыне Стеньки Разина, Петре I и др.

⁷ ИСТАРХЭТ — саратовское общество истории, археологии и этнографии; учреждено в 1886 г. В 1920 г. переименовано: Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК); с 1924 по 1930 г. — Нижне-Волжское научное областное общество краеведения.

В. А. Бахтина, строго научный характер.⁸ В отчете о деятельности Отдела этнографии ИСТАРХЭТ за 1922—1925 гг. говорится о трех направлениях: научно-исследовательская работа в области этнографии, постоянное обследование материальной и духовной культуры края с учетом всех его национальностей и общественно-просветительская работа (публичные лекции, этнографические концерты).⁹

В апреле 1920 г. по инициативе Б. М. Соколова был создан Этнографический музей Саратовского края, директором которого он стал. С октября 1921 г. при музее заработал Музей голода. Среди его задач был сбор этнографических экспонатов, относящихся к тяжелому периоду в Поволжье, и реальная помощь голодающим: этнографическая работа совмещалась с помощью голодающему населению края, студенты и сотрудники музея участвовали в распределении гуманитарной помощи, взяли на себя обеспечение двух детских домов, сам Б. М. Соколов работал в комиссии помощи ученым, организованной Ф. Нансеном, и некоторое время занимался организацией лекций в Саратове в связи с помощью голодающим.

Борис Матвеевич Соколов положил начало систематическому фольклорно-этнографическому обследованию края, организовав регулярный сбор этнографического и фольклорного материала в саратовском Поволжье и активно вовлекая в эту работу студентов.¹⁰ Во время летних каникул студенты, уроженцы сельских местностей, вели записи фольклора в родных местах, остальные с этими же целями выезжали в разные уезды Саратовской губернии. Уже летом 1920 г. Б. М. Соколов организовал первую экспедицию в Хвалынский уезд, из которой были привезены в том числе материалы по быту и культуре различных народов, населяющих уезд и в целом регион.¹¹ В экспедиции приобретались предметы быта, национальные костюмы, вошедшие затем в экспозицию музея.

⁸ *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинство и превратности научного знания. М., 2000. С. 224. Далее — Бахтина.

⁹ Краткий отчет о деятельности отдела этнографии Нижне-Волжского областного научного общества краеведения за 1922—1925 гг. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 34. Ч. 4. Саратов, 1926. С. 5—6.

¹⁰ Подробнее о деятельности Б. М. Соколова в Саратовском университете см.: *Акимова Т. М., Архангельская В. К., Бахтина В. А.* Борис Матвеевич Соколов // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: Ученые-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 54—84.

¹¹ «Необходимость одновременного обследования всех народностей края мыслилась Б. М. Соколовым как аксиома», — отмечает В. А. Бахтина (Бахтина. С. 219).

Кроме студентов, в экспедиции приняли участие лингвист Г. А. Ильинский, историк А. А. Гераклитов и другие ученые, читавшие лекции для местного населения.¹² Аннотированная опись фольклорных материалов этой экспедиции и обобщенные отчеты участников опубликованы под редакцией Б. М. Соколова в «Этнографическом сборнике Саратовского края» (Саратов, 1922).

Заслугой Б. М. Соколова стало не только инициирование научной этнографической работы, но и привлечение к ней, в сочетании с большой общественной работой, значительного количества «молодых сил». Известно, что в создании Музея голода и его работе принимали участие 50 молодых этнографов. «Куда бы ни поехал, — вспоминала много лет спустя его ученица В. Ю. Крупянская, — повсюду его окружала молодежь».¹³ Всего за несколько лет деятельности Б. М. Соколова в Саратове его студентам, по свидетельству В. А. Бахтиной, удалось собрать более 10000 текстов, характеризующих народную традицию края.¹⁴ В октябре 1921 г. Борис Матвеевич написал брату в Москву: «Встреча со студентами тоже была очень оживленной: наперебой рассказывали о своих подвигах за это лето. Оказалось, что многие ездили в этнографические поездки и собрали обширный, главным образом фольклорный материал».¹⁵ Можно, думается, не без оснований говорить о том, что именно «соколовская» школа стала основой саратовской фольклористики. Профессору Соколову в полной мере удалось реализовать комплексную стратегию научной деятельности, охватывающую все связанные с ней сферы: теоретическая подготовка молодежи (курсы лекций и семинарии в университете) — этнографические «экскурсии» со студентами — обобщение и анализ собранного материала, подтверждение теоретических разработок, подготовка статей и научных докладов — лекции для учителей школ, разъясняющие смысл и методику собирательской работы, просветительская работа, освещение научной деятельности в губернской и центральной прессе. Многие его студенты, еще учась в университете, становились научными сотрудниками Этнографического

¹² Акимова Т. М., Архангельская В. К., Бахтина Б. А. Борис Матвеевич Соколов. С. 70.

¹³ Горбунова Л. Г. «Все решительно, особенно в музее, живо Вами...» (Письма Т. М. Акимовой и В. П. Воробьева к Б. М. Соколову) // Кабинет фольклора: Статьи, исследования и материалы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. К. Архангельская. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 6—42. С. 12.

¹⁴ «Верю, мы для России пригодимся»: Переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921—1923) / Публ. В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой, Э. В. Померанцевой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4/5. СПб., 1998. С. 9—216. С. 31, сн. 2.

¹⁵ Там же. С. 24.

музея (например, Т. М. Акимова, М. Т. Маркелов, М. П. Советов, П. Д. Степанов).

В статье 1922 г. «О былинах, записанных в Саратовской области»,¹⁶ Б. М. Соколов, опираясь на все известные записи былин в саратовском Поволжье и материалы Хвалынской экспедиции 1920 г., определил место былинной традиции Саратовского края в русском эпическом репертуаре: этот регион стал промежуточным пунктом на пути распространения эпоса из северных губерний в южные, в казачьи области. Существование пусть даже незначительного по сравнению с Русским Севером количества записей былин позволяют с уверенностью утверждать, что появление того или иного сюжета южнее, у казаков, не является случайным.

Наибольшее распространение получили в Саратовском крае, как пишет Соколов, былины позднего происхождения. К 1922 г. в Саратовской губернии было зафиксировано 24 текста, соответствующих 12 сюжетам (шесть об Илье Муромце, два о Добрыне Никитиче, по одному о Суровце, Самсоне, Иване Гостином сыне и Лукояне), однако в этих текстах встречаются упоминания других былинных героев — Святогора, Алеши Поповича и др., что позволяет, по мнению исследователя, предположить прежнее бытование большего количества сюжетов. Характеризуя местные эпические тексты, Б. М. Соколов справедливо заметил: «Саратовские былины коротки, суховаты, эпически “украшающих” приемов мало, по сравнению с северными былинами это часто как лишь конспекты, резюме былины».¹⁷

Автор подробно рассмотрел записи былин, сделанные его учениками в период с 1920 по 1922 г. Это «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Самсон» (зап. летом 1920 г. в с. Шаховском Хвалынского уезда), начало былины «Иван Гостиный сын» (зап. в 1921 г. в с. Лохе Саратовского уезда), прозаический рассказ об исцелении Ильи Муромца (зап. в 1921 г. в д. Михайловке Чернышевской волости Саратовского уезда), сказка об Илье Муромце (зап. в 1920 г. в Большесестренинской волости Балашовского уезда).

Выраженная в заключение надежда, что дальнейшее обследование края приведет к новым открытиям в области эпического наследия Саратовского края, оправдалась очень скоро. В июне — июле 1923 г. была предпринята следующая экспедиция под руководством Б. М. Соколова — в Петровский уезд.

¹⁶ Соколов Б. М. О былинах, записанных в Саратовской губернии // Культура: Науч. прилож. к журналу. 1922. № 1. С. 2—17.

¹⁷ Цит. по: Саратовский вестник. Вып. 1: Былины. Саратов, 1993. С. 10—32. С. 16.

В экспедиции приняли участие 25 человек, среди которых был преподаватель консерватории И. Д. Тулупников.

Иван Дмитриевич Тулупников — преподаватель музыкально-теоретических дисциплин — оказался среди участников не случайно. Преэмика А. М. Листопадава, известного исследователя песен донских казаков и песенного фольклора татар, одним из первых зафиксировавшего многоголосье в народных песнях, Тулупников начал систематическую работу по изучению музыкального фольклора Саратовского края: после экспедиции 1923 г. он участвовал в экспедициях в Камышинский уезд и по береговой линии Саратовского уезда в 1928 г.; в 1927—1928 гг. руководил музыкально-этнографическим отделом методической выставки Саратовского университета; в 1934-м организовал Отдел народной песни в рамках этой выставки. Известно также, что И. Д. Тулупников устраивал музыкальные этнографические концерты, привлекая к участию в них и симфонический оркестр с профессиональными солистами, и традиционных исполнителей народной песни.¹⁸ Сохранилось упоминание о подготовке И. Д. Тулупниковым в 1943—1944 гг. кандидатской диссертации «Напевы народных песен в качестве источника познания исторического прошлого народа».¹⁹ По результатам поездки по Петровскому уезду им был прочитан доклад в 1926 г. и опубликована статья «Композиция былины об Иване Гостином сыне».²⁰

В архиве СОМК сохранились полевые записи, сделанные студентами и молодыми сотрудниками музея М. Арясовой, М. Коробовой, В. И. Трофимовым, Ф. Н. Родиным, М. П. Советовым, Е. Г. Те(й)льман. В полевых материалах из этой поездки нет записей самого Б. М. Соколова.

Среди участников экспедиций под руководством профессора Соколова были не только студенты университета. Его энергия привлекала к фольклорно-этнографической деятельности и коллег-ученых, и краеведов-любителей, и просто активную и интересующуюся народной культурой молодежь. Так, одна из публикуемых ниже записей былины об Иване Гостином сыне сделана Ф. Н. Родиным. Федор Николаевич Родин (род. в 1896 г. в с. Никольское Петровского уезда Саратовской губернии) по

¹⁸ Подробнее см.: *Демченко А. И.* О научном потенциале музыкального вуза: История в лицах // Проблемы музыкальной науки. Уфа, 2012. № 2 (11). С. 164—173. С. 167.

¹⁹ *Тузова О. В.* Музыкаведческий потенциал Поволжья в 1939—1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Самара, 2013. Т. 15. № 5. С. 83—88. С. 86.

²⁰ *Тулупников И. Д.* Композиция напева былины об Иване Гостином сыне // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 5. Саратов, 1928. С. 20—24; Саратовский вестник. Саратов, 1993. С. 45.

первому образованию — штурман дальнего плавания, любознательный ученик Б. М. Соколова. Впоследствии, в 1925 г., он окончил историко-филологический факультет Саратовского университета, но еще до этого, только став студентом, в 1921 г. реализовал идею профессора Соколова о создании в Саратове музея истории речного флота и волжского бурлачества — Музея волгаря — и стал его первым заведующим.²¹

Экспедицией 1923 г. в Петровский уезд было обследовано 16 населенных пунктов (мордовское село Бегучи, татарское село Старый Карлыган, чувашские села Шняево и Белая Гора, 11 русских сел и уездный город). Был собран значительный этнографический материал, в том числе — около 400 экспонатов, сделано 200 фотоснимков и 100 рисунков материального и духовного быта крестьян Петровского уезда, записано более 2000 текстов.²² Часть этих материалов (в том числе — модель крестьянской усадьбы в 1/10 натуральной величины в точном масштабе, включающая 70 предметов обихода, утварь и пр.) была представлена на I Всесоюзной выставке достижений сельского хозяйства и кустарной промышленности в Москве и отмечена дипломом I степени. В дальнейшем эти материалы стали основой экспозиции образованного в Москве Центрального музея народоведения (под руководством переехавшего туда Б. М. Соколова). По результатам экспедиции в Петровский уезд Б. М. Соколовым был опубликован доклад «По Петровскому уезду» (Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году).²³ В докладе упомянуты зафиксированные факты нематериальной культуры крестьян: календарные обряды и обряды жизненного цикла человека, местные легенды и предания, суеверия («В селе Кутьине нам показали ведьму, которая будто бы отнимает молоко у коров»),²⁴ былины, исторические, лирические песни, плясовые и хороводные песни. Кроме этого, участники экспедиции записали богатый материал

²¹ В 1935 г. музей был перенесен в г. Горький (ныне Нижний Новгород). Подробнее об истории музея см.: Абаева Г. П. Листая страницы истории // Нижегородский музей. Нижний Новгород, 2012. № 23. С. 64 — 75.

²² «Верю, мы для России пригодимся». . . С. 166, сн. 3.

²³ *Соколов Б. М.* По Петровскому уезду» (Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 34. Ч. 4. Саратов, 1926. С. 7—21. Черновик отчета «Результаты этнографической экспедиции в Петровский уезд Саратовской губернии» хранится в РГАЛИ (Ф. 483, оп. 1, ед. хр. 233, л. 182—187), черновик статьи «По Саратовскому краю (из впечатлений и заметок этнографа)», как указывает В. А. Бахтина, — в научном архиве СОМК (Оп. 1, ед. хр. 46, л. 1—63 — Бахтина. С. 222). Доклады об этой экспедиции были прочитаны в октябре — ноябре 1923 г. в Саратове и в феврале 1924 г. в Москве.

²⁴ Там же. С. 15.

по обычному праву и народной медицине, фольклору и этнографии чувашей, мордвы и татар.

В докладе говорится о четырех былинах, записанных с вариантами: об Иване Гостином сыне, о Добрыне и Алеше, о Сухмане и об Алеше и Никите Романовиче. Лучшими певцами исследователь называет И. Ф. Токарева, 55 лет, и А. В. Бочкарева, 60 лет, отмечая также, что «помимо единоличного исполнения, распространено исполнение былин хором, особенно наиболее популярной — об Иване Гостином сыне, которая поется теперь даже на свадьбах».²⁵

Многие фольклорные материалы, собранные участниками этой экспедиции, были опубликованы впоследствии учениками и коллегами Б. М. Соколова,²⁶ но часть их, судя по всему, осталась неопубликованной.²⁷ К сожалению, среди полевых записей 1923 г. в архиве СОМК обнаружено лишь два былинных сюжета («Иван Гостиный сын» и «Сухман») из четырех и отсутствуют записи былин от певца А. В. Бочкарева, упомянутого Соколовым в отчетном докладе. Сохранились полевые записи былины «Сухман» (под заглавием «Суханушка»), несколько вариантов былины «Иван Гостиный сын», записанных разными собирателями от шести исполнителей, две повторные записи от одних и тех же исполнителей — Ивана Кирилловича Новопольцева, 34 лет, и Марии Игнатьевны Безбабновой-Трифановой, 58 лет, — и прозаическая побывальщина об Илье Муромце.

Былины «Сухман» и «Иван Гостиный сын» (все варианты) были записаны в с. Кутьино Петровского уезда. Сюжет об Иване Гостином сыне был признан Соколовым распространённым в Саратовском регионе еще в статье 1922 г. Интересны рассуждения ученого о причине популярности этой былины в крае: она «могла полюбитья населению Поволжья и казаков независимостью взглядов на государственную власть, которая в ней выразилась. Мотив состязания с самим главой государства, князем Владимиром, и явный проигрыш последнего перед дородным добрым молодцем могли служить выражением этих чувств независимости и удалства. <...> Переход жителей Саратовского края все более и более к мирному оседлому земледельческому труду

²⁵ Там же.

²⁶ См. издания: Сказки Саратовской области / Сост. Т. М. Акимова, П. Д. Степанов. Саратов, 1937; Фольклор Саратовской области / Сост. Т. М. Акимова; под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946. Позже некоторые былины были также опубликованы в сб.: Песни, сказки, частушки саратовского Поволжья / Под ред. Т. М. Акимовой, В. К. Архангельской. Саратов, 1969.

²⁷ СОМК (оп. 1, ед. хр. 63, 95 л.), РГАЛИ (в частности, запись календарных обрядов с. Таваложка: ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3417, л. 1).

сделал мотив состязания в беге коней не таким живым и интересным <...>. Если бытовые условия нашего края уже перестали соответствовать эпизоду состязания с конем, то для выпивания былинным героем “зелена вина” сочувствие продолжало оставаться полным».²⁸ Добавим лишь, что соответствие интересам народа в отмеченном Б. М. Соколовым характере бытования («поют даже на свадьбах») способствовали большей по сравнению с другими сюжетами сохранности былины об Иване Гостином сыне. Одновременно эти же факторы, возможно, способствовали разрушению, забвению других сюжетных мотивов, не связанных с «чарой зелена вина».

Прозаический пересказ контаминированной былины об Илье Муромце был записан участниками экспедиции в с. Озерки Петровского уезда. Несмотря на то что текст этот представляет былинный сюжет в разрушенном виде, мы считаем необходимым его поместить в ряду былинных текстов как образец сохранившейся народной *памяти* об эпических песнях и бытовавших в Саратовском крае сюжетах русского эпоса.

После отъезда профессора Б. М. Соколова в Москву его ученики и коллеги продолжили фольклорно-этнографическую работу в крае. В 1923—1925 гг. было организовано 7 небольших поездок (1—5 человек) в чувашские и мордовские села для исследования и приобретения экспонатов, по Волге — для изучения быта и истории волжского бурлачества. В села Аблязово и Болтино Кузнецкого уезда в августе 1925 г. отправились сотрудник музея П. Д. Степанов и студентка Саратовского университета Е. Г. Тейльман. В этой экспедиции были сделаны записи этнографического характера (описание женской, мужской и детской одежды и обуви, утвари и еды, некоторых традиционных занятий) и нематериальной народной культуры (всего 115 л.). Из фольклорных жанров участники записали 24 сказки, коротко зафиксировали календарь с двумя колыдками, получили описания похоронного, крестильного и двух свадебных обрядов с причитаниями невесты, 75 загадок, две скороговорки, описания игр и танцев, а также 4 стихотворения крестьян. В этой же экспедиции в с. Болтино Е. Г. Тейльман записала и два коротких фрагмента — по сути, реликты былин — которые мы публикуем ниже.

При публикации текстов нами сохранены орфографические особенности полевых записей. Так как они велись разными людьми, в основном студентами, то степень и принципы передачи фонетических особенностей речи исполнителей в них разные, фонетические особенности исполнения (прежде всего аканье) зафиксированы непоследовательно; случаются и оговорки исполнителей. Передача безударных о/а фонетическим знаком

²⁸ Соколов Б. М. О былинах... С. 25.

А заменена нами на «а», но сохранена передача заударных как «ь». Пунктуация во всех случаях приведена в соответствие с современными нормами. Восстановленные фрагменты слов даны в угловых скобках, проставлены номера стихов.

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ 1923 г. ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. М. СОКОЛОВА²⁹

Суханушка

Ай как, как во Киеве во городе,
Во киевской бальной по дороженьке
Не ясной сокол вылетывал,
Не лютый зверь³⁰ выбёгывал,
5 Выеждал Сухан на коне Буром-Бахмуте.
Паехал он дароженькой,
На нем шапачка бухарская,
Седельце по нем черкаское,
Струмёнушки булатныя,³¹
10 А <у>здельцы шалкóвыя,
А уздельцы-поводьца пазолочены.
Паехал³² он дороженькой.
На дороженьке зеленый дуб.
На дубу сидит вещун-птица.
15 Вещчун-птица черныя ворон.
И галосит ему весть нерадошну.
Быть тебе, Суханушке, убитаму.
Как пришел тогда, так и убился.³³

Зап. М. П. Советовым в июне 1923 г. от Ив<ана> Фед<оровича> Токарева, 55 лет.

Перед текстом любопытное примечание собирателя, проливающее свет на бытование эпических песен в с. Кутьино:

«Кроме былин, от Токарева уже записаны исторические и разбойничьи песни, некоторые из них близки к былинам: так, в песне «Ермак» встречается тот же Никита Романович, что и в песне-былине о Добрыне.

²⁹ Публикуемые былины хранятся в: СОМК, оп. 1, ед. хр. 63. Л. 6—24. Далее ссылка дается лишь на название архива и листы.

³⁰ В полевой записи (далее — п. з.) слово написано дважды, в первый раз зачеркнуто.

³¹ В п. з. исправлено из булатные.

³² В п. з. пЛехал.

³³ СОМК. Л. 7.

Иван Токарев не считается лучшим певцом на селе. На него указывают меньше, чем на других, — это оттого, что он поет редко. На людях петь стесняется. Пел только на свадьбах прежде. Выучился былинам от дяди Матвея Токарева, от которого в свое время записал былины Соколов.³⁴ Об этом событии на селе известно. Иван Федорович еще молодым пел с другими тремя певцами Соколову. Трое певцов, Токарев, Мальцев и Бабушкин, считались лучшими певцами, и каждый знал свои песни, имел свою артель. Другие былины записаны от лиц — родственников кому-либо из троих певцов, от которых записывал Соколов.

Сведения от Токарева и другого певца, Михайла Клим<овича> Борисова, 80 лет».³⁵

После текста былины приписка собирателя другими чернилами: «Замечательно то, что певец Токарев искренне верит во все то, о чем поет в своих былинах».

Текст песни о Сухане, записанный в экспедиции 1923 г., уже был опубликован Т. М. Акимовой в сборнике «Фольклор Саратовской области» (1946) и перепечатан В. И. Малышевым (наряду с вариантом М. Е. Соколова) в приложении к его книге.³⁶ Следует, однако, отметить, что при первой публикации (и следовательно, републикации) он был подвергнут правке: последовательно устранены признаки акающего говора (*большой* вм. *бальшой*, *шапочка* вм. *шапачка*, *поехал* вм. *паехал*), исправлены в сторону литературной нормы окончания прилагательных (*ясной* вм. *ясной*, *черный* вм. *черныйя*). Ниже текст воспроизводится в соответствии с полевой записью.

Былина о Сухмане (Сухане) ничем, кроме имени героя, не связана с сюжетом о богатыре Сухмане.³⁷ Текст был ранее записан в том же селе Кутьино М. Е. Соколовым от Ивана Антиповича Бабушкина, Матвея Климовича Токарева и Венедикта Леонтевича Мальцева (бывших государственных крестьян, зап. от 19 ноября 1895 г.: *Соколов*, № 1; перепечатана в БННЗ, № 54 и в: *Малышев*, с. 186—187).³⁸ По мнению В. И. Малышева, оба саратовских текста являются песней, «в которой герой носит имя Сухан, но по сюжету больше напоминающей начало былины

³⁴ Имеется в виду М. Е. Соколов.

³⁵ СОМК. Л. 6. Записей от сказителя М. К. Борисова в материалах не обнаружено.

³⁶ *Малышев*. С. 195—196.

³⁷ О былине и повести о Сухмане см. подробнее: *Малышев В. И.* Повесть о Сухане: К истории русской повести XVII века. М., Л., 1956 (далее — *Малышев*); *Власов А. Н.* Былинный контекст повести о Сухане // *Русский фольклор*. Т. 35. СПб., 2016. С. 25—41.

³⁸ От И. А. Бабушкина М. Е. Соколовым была также записана былина о неудачной женитьбе Алеши Поповича (*Соколов*, № 3, зап. 1 декабря 1895 г.; БННЗ, № 33).

“Два королевича из Крякова”». ³⁹ При этом исследователь отмечает, как и ранее Б. М. Соколов в своем докладе, что по содержанию саратовские песни близки записанной в Саратовском же крае песне о Суровце. ⁴⁰ Сюжет о богатыре Суровце предельно кратко описан А. Н. Веселовским: «молодой богатырь, выехавший на полеване, встречается с татарскою ратью и побивает ее». ⁴¹ Это описание полностью соответствует тексту о Сухане-богатыре в материалах М. Е. Соколова. В 1899 г. был зафиксирован следующий вариант песни о Сухане-богатыре, имеющий небольшие разночтения (записан М. Е. Соколовым от тех же исполнителей 25 января 1899 г. и опубликован в 1908 г. в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии). ⁴² В 1902 г. песня о Сухане была записана Ф. И. Покровским, от певцов И. А. Бабушкина и М. К. Токарева (двое из троих, певших М. Е. Соколову), и опубликована В. И. Малышевым по полевой записи (хранится в ГЛИМ: Собрание Ф. И. Покровского, инв. № 6 (10096), ед. хр. 67, л. 97—98). ⁴³ При сравнении этого текста с записанным Ф. И. Покровским от упомянутых предшественников сказителя в 1902 г. очевидно, что текст сокращен почти вдвое (в варианте Покровского 30 строк против 18 в публикуемом), но сохранил структуру, основные сюжетные особенности и былинные формулы. Так, лишь слегка видоизменилось имя коня: в более раннем варианте богатырь выезжает на Бурбахмите, в варианте 1923 г. — на Буром-Бахмуте, что согласуется с былинной традицией в целом. Главное расхождение касается заключительной части этого небольшого текста: в варианте 1902 г. ворон объясняет Сухану, что на Ердань-реке стоит татарское войско, с которым богатырю необходимо сразиться, а в тексте 1923 г. ворон сразу, без объяснений, предрекает герою скорую кончину, и заканчивается былина констатацией смерти богатыря.

Много позднее, в 1957 г., былинная песня о Сухане была записана в том же Петровском уезде Г. А. Калюжной и В. В. Коргузаловым и опубликована Л. Л. Христиансенем в сборнике песен Саратовской области». ⁴⁴

³⁹ Малышев. С. 194.

⁴⁰ Костомаров — Мордовцева. № 1.

⁴¹ Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. М., СПб., 2010. С. 79—166. С. 143.

⁴² Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 129—131.

⁴³ Малышев. С. 147—148. Копии и варианты фонетической записи этого текста указаны на с. 195.

⁴⁴ «Я край бережку похаживала»: Русские народные песни Саратовской области / Сост. Л. Л. Христиансен. Саратов, 1971. № 1. Зап. в д. Вязьмино Петровского р-на от В. П. Миронова (1883 г. р.).

Семь следующих текстов — более или менее равные по объему начальные фрагменты былины «Иван Гостинный сын».

Про Ивана Гостиного сына

Как у князя, у князя у Владимира
Случилось пированьице почестное.
Что честная, что хмельная многорадошная.
Про князьев ли, про боярев, про могучих богатырѣв,
⁵ Не про всю ли поленицу, про удалых молодцов.
Валодимир-князь па горенке похаживает.
Он во правой руке чарочку понашивает.
Он не малу, не велику — полтора её ведра,
Полтора её ведра, зеленáва вина.
¹⁰ «Кто бы бился и рубился об великий об заклад?
Ни абá ста рублей, ни об тыщици,
Аб своей-то буйнай об головúшки?
Уж и кто бы эту чару принял правою рукой,
Выпивал бы эту чару за единым духом?»
¹⁵ Выбирался сын Гостинный,
Принимает чару за единыю рукой,
Выпивает за единый дух.⁴⁵

Зап. М. П. Советовым в июне 1923 г. от Ив<ана> Фед<оровича> Токарева, 55 лет.

Публикуемый текст был напечатан ранее Б. М. Соколовым⁴⁶ не в полном соответствии с полевой записью (устранены некоторые фонетические признаки акающего говора) и Т. М. Акимовой (устранены признаки акающего говора, отредактированы фонетические и грамматические особенности: *зеленого* вм. *зеленáва*, *об своей* вм. *аб сваей*, *тысящи* вм. *тыщици*, *головушке* вм. *голáвушки*; произведена правка: *хвальная* вм. *хмельная*).⁴⁷

Былина об Иване Гостином сыне, как и текст о Сухане, записывалась в с. Кутьино не единожды. В сборнике М. Е. Соколова зафиксирована более полная версия текста (хотя и с прозаической концовкой) от исполнителей И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева (Соколов, № 4, запись от 19 ноября 1895 г.; БННЗ, № 90). Еще два варианта опубликованы им же в Трудах СУАК в 1908 г. (фонетическая запись от 25 января 1899 г.)⁴⁸ и

⁴⁵ СМК. Л. 8.

⁴⁶ Соколов Б. М. По Петровскому уезду... С. 16.

⁴⁷ Фольклор Саратовской области. № 1.

⁴⁸ Соколов М. Е. Великорусские песни, записанные фонетически // Труды СУАК. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 129—143. С. 130—131.

в 1909 г.⁴⁹ Известны две нотные записи былины. Одна напечатана И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским в сборнике «50 песен русского народа из собранных в 1902 году в Саратовской губернии»,⁵⁰ вторая была сделана, как уже упоминалось, И. Д. Тулупниковым в 1923 г., опубликована в 1928 г. в Трудах Нижне-Волжского общества краеведения и перепечатана в «Саратовском вестнике» в 1993 г.

Тексты, записанные в 1923 г., кратки и неполны, представляют собой начальные фрагменты былин, хотя в большинстве случаев сохраняют традиционные, иногда достаточно древние, былинные формулы и былинный ритм.

Эй как у князя, у Владимира,
Салучилось только пированьице,
Как частная и хмельная
Многарадошна.

⁵ Про князьев-та, про баярев,
Про могучих бгытырей,
И во всю ли пльницу,
Про могучих бгытырей.

¹⁰ Володимер-князь па горенке похаживает,
Он ва правый руке чарычку панашиваит,
Он ни малу, ни велику — в полтара ведра.
«Хто бы, хто бы эту чару принял правою рукой,
Хто бы выпил эту чару за единым духом?»
Выбиралси князь Ванюшенька, удалый мьладец,

¹⁵ Принял эту чару, принял правою рукой,
Выпил эту чару за единым духом.
(Эта песня была, вишь, была, не песня какая.)⁵¹

Зап. студентом Н. С. Афанасьевым от Марьи Игнатъевны Безбаб-новой-Трифановой, 58 лет.

После текста дана биографическая справка об исполнительнице:

«Неграмотная, взята замуж из с. Вязьмина и живет безвыездно в Кутьине. В девках работала за Волгой, была в Саратове в чайной, где ее оставляли за умение петь. Муж не любит песен и не велит ей петь. От нее уже записывали приезжавшие в Кутьино этнографы, собиравшие певец в поповский дом».

⁴⁹ Соколов М. Е. Былины, предание и песни, записанные в Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып. 25. Саратов, 1909. С. 244—267.

⁵⁰ 50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1902 году в Саратовской губернии И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским. М., 1907. № 7.

⁵¹ СОМК. Л. 9. В круглых скобках курсивом дан комментарий исполнительницы.

Как у нашего у князя, у Владимира,
Сылучилось пированье во с-почесности.
Зачесное, застольное, многоградостное
Про купцов, про бояр, про могучих богатырей.
5 Володимир-князь по гореньке похаживает,
Во правой во рученьке чарочку понашивает:
«Кто бы, кто бы эту чару принял правою рукой?»
Выбирался князь Владимир,⁵²
Принял правою рукой,
10 Выпил эту чару за единым духом.⁵³

Записано студенткой М. Арясовой 21 июня 1923 г. от Ивана Ивановича Хулина, 67 лет, неграмотного.

Как у князя Воладимира
Солучилась пированьица пачет(ы)ная
И чесное, и хмельное, многоградостное.
5 Про князей-та, про боярев, } 2 р.
Про магучих багатырей. }
Пра всю-та пьленицу пра удалую.
Ай Воладимир-князь по горенки похаживаит,
Похаживаит.
Он ва правой руке чарачку понашеит,
10 Он понашивает.
Он ни малу, ни велику — в полтора ведра...⁵⁴

Зап. студентом Н. С. Астафьевым в июне 1923 г. от Ивана Кирилловича Новопольцева, 34 лет.

После текста дана биографическая справка об исполнителе:
«Был на Германской войне с 1915 года; в 1917 году пришел, но затем снова около 4 лет был на военной службе. Пришел домой в январе 1922 года. Был фельдфебелем. Хозяйство ведется <плохо>, живет бедно.»

Как у князя Володимира
Салучилась пированьица почетная,
Пречестное и хмельное, многорадостная.
5 Про князей, про боярив, про могучих богатырей,
Как про всю-то поленицу про удалую.

⁵² Вероятно, оговорка исполнителя, следует: *Ванюшенька*.

⁵³ СОМК. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Л. 11.

Володимир-князь по горинки похаживаит,
Он во правой руке чарочку понашиваит.
Он не малу, не велику — в полтора ведра.⁵⁵

Зап. В. Трофимовым 21 июня 1923 г. от Ивана Кирилловича Новопольцева, 34 лет.

Варианты И. К. Новопольцева записаны собирателями с незначительной разницей во времени. Тексты не отличаются ни по объему, ни по содержанию, но во втором варианте былинная структура сохранилась лучше.

Как у князя у Владимира
Солучилася пир-гулянице,
Компания честная.
Про князьев-то, про боярив,
⁵ Про могучих-то богатырей
И про всю-то поленицу,
Про могучих богатырей.
Владимир-князь по горенке похаживает,
Он во правой во руке чарочку понашивает,
¹⁰ Он не малу, не велику — полтора ведра.
«Кто бы, кто бы эту чару принял правою рукой?
Кто бы выпил эту чару за единым духом?»
Выбирался князь Ванюшенька, удалый молодец,
Принял эту чару, принял правою рукой,
¹⁵ Выпил эту чару за единым духом.⁵⁶

Зап. В. Трофимовым 20 июня 1923 г. от Марии Игнатьевны Безбабновой-Трифановой, 58 лет.

Примечание собирателя: «Неграмотная, уроженка с. Вязьмино, песни <-е> училась от отца». Варианты, записанные разными собирателями от исполнительницы с промежутком в 1—2 дня, почти идентичны.

Былина про Ивана Гостиного сына

Как у князя-то, у князя Володимира
Солучилось пированьице почестное,
И честное, и хвальное, многорадошно.
Про князей ли было, про боярев, про могучих богатырѣв,
⁵ Как про всю ли поляницу, про удалых молодцов.
Валадимир-князь по горенки похаживает,

⁵⁵ Там же. Л. 12.

⁵⁶ Там же. Л. 13.

Он во правой руке чарочку понашивает.
Он не малу ее, не велику – полтора ведра,
В полтора ведра зеленова вина.
¹⁰ «Хто бы, хто бы эту чару принял правою <рукой>?
Я и с тем бы побился об великий об заклад,
Не об сотинки рублей, не об тысячи,
А по своею буйною головушки.
Выбирался сын Иванушка Гостинный сын,
¹⁵ Принимал он эту чару своей правою рукой,
Выпивал он эту чару за единым за духом.⁵⁷

Зап. Ф. Родиным 21 июня 1923 г. от Григория Алексеевича Гурьянова, 80 лет.

Следующий ниже текст является прозаическим пересказом («сказкой») нескольких былин об Илье Муромце.

Про Илью Муромца

Тридцать лет (Илья)⁵⁸ сиднем сидел. Пришел вот этакий стари-чишка, как я, милостыню просить. «Ну, я бы рад подал, да я не хожу, ноги не годятся, не могут ноги ходить». «Не могут? Ну, а ты попытай, слезь с лавки». «Нет, не могу». «А ты попытай, попытай». Стал он ворочиться и свесил с лавки. «Ну-к', поди-ка». «Да нет, не сойду». «А ты попытай-ка, попытай-ка». Он ногой-то переступил. Еще глянул, он еще шагнул. «Подойди ко мне поближе». Он подал ему милостыньку. «Ну, друг, дойди, испить мне подай». Взял, задел чашечку, ему подал. «Ну-к', выпей сам».

«Ты много силы в себе чаешь?»

«Вот сколько: от земли до неба столб бы стоял, я поворотил бы весь свет». «Ну-ка, выпей эту чашечку водички». «Ну-ка, задень-ка еще, выпей еще». Он задел, выпил. «Ну что, теперь много. Теперь половины силы». «Ну, будет с тебя и этой. Ну, прощай». И ушел. Ушел, он взял бочку воды и налил, ды хлеба взял, а отец с сыновьями лес чистют, ну, он и идет к ним. Он и пошел к ним, и бочку на плечо положил (веревкой задел ее поперек) и тащит. Ну, идет. Они увидали: «Ведь это Илька наш идет». Отец говорит: «Он сидит». «Нет, папаша, это Илька. Он бочку тащит, не знай, для чего». Ну, стал ближе подходить — хвать, это он. И воды, и хлеба принес. «Ну, нате». Отец: «Ну, Илька, ты не поилец и не кормилец мне». Поели. «Ложитесь отдыхать». Они легли отдыхать. Он взял топор их и гакнул. Топор весь в дерево и ушел. «Эх, это дело плохо». Он взял и давай дергать как конопля. А тут речка была, а пить

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ В п. з. в скобках даны, по всей видимости, комментарии исполнителя.

воду-то нельзя. Речка Ока-река. Он взял и давай кидать и запрудил ее. Они встали. Ну, вот же: Илька выбрал весь лес, что им доводится. Домой пошли. Пошли домой, там пришли спать. Он сказал: «Ну, Илька, не поилец и <не> кормилец». Проспали ночь. Ему привиделось (Илье): «Покупай лошадь, ты». Ну, п'<о>утру⁵⁹ встал и говорит отцу: «Лошадь покупай себе, которая на север рылом стоит». Ну, он пошел в табун. Глядел, глядел, там ни одна лошадь не стоит. Так жеребеночек лядащенький стоит на север рылом. «Гадость какая! На что его». Приходит домой отцу сказывать. Отец спрашивает: «Ну что, Илька, ходил?» «Ходил по всему табуну, нет. Только этот паршивый жеребенок стоит». «Ну, делать нечево, возьми его. А ты спросил его: “Чей?”» (пастуха-то). «Спросил». «Чей?» «Попов». «Ну, ступай к попу, покупай его, паршиваго». Ну, и купили, у попа-то. Привел. Струб срубил, пост<a>новил. Стал его кормить. Покормил его, он оттоль выпрыгнул. Он еще надрубил этот струб. Пожил маненько и из этого выпрыгнул наружу. Ну, он третий нарубил взял. Будит: «Папаша! Давай благословенье. Я поеду на войну». «Поезжай», — говорит. Взял благословенье, отец дал ему, и поехал. Ехал, ехал, три дороги пришли. «Которой дорогой ехать», — думает. А тут столб стоит, подпись: «Тут не конному, не пешему не проехать». Он думал, думал: Вот этой дорогой я поеду». Поехал этой дорогой, там Соловей-разбойник на девяти дубах. Он как засвистит, и конь на коленки упал. На коленки упал, он плеточкой ударил. Он вскочил, опять пошел. Он больнее. Он робит. Пустил стрелой, да ему в глаз. Он оттоль и вылетел, из гнезда-то. Вылетел с дубов-то. Он его взял, в тороки посадил, верхом сел и поехал, и его взял. Ехал-ехал. Хвать — под горой дом стоит громадный. Подъехал к этому дому, там лошади стоят. Он эдак взглянул: «Тут вон какие лошади! Ярову пшеницу едят. Пушу и я свово. Как место найдет мой конь, так и я найду». Пустил свово коня, его конь отогнал и стал ярову пшеницу есть. Он в избу пошел. Богатыри там сидят. Сказал им: «Здорóво живете!» «Кто такой?» «Илья Муромец». Он тут за ручку всех, с одним побратались, с Кулетовичем. Взял он стулья. Стали говорить. Повернули стулья. С которым побратались, с тем и сел. С одним повздорили. Друг дружку ударили. Этот шапку взял да стащил, да шапку его как пыхнет, и убил его. «Ты кто такой?» «Илья Муромец». «Где ты ехал?» «Вот тут-то». «Вот тут не конный, не пеший, тут Соловей-разбойник». «Он в тороках сидит». «Не может быть». «Он у меня, у коня в тороках. Ступайте, возьмите, принесите сюда». Один богатырь пошел за ним. «Я кому служу, тому и верую», — говорит Соловей-разбойник. Он взял сам пошел и принес его сюды. Они (богатыри): «Илья Муромец! Прикажите ему засвистать, как он свищет». «Нельзя». «Нет, уж пожалуйте!» Он говорит ему, Соловью-разбойнику: «Ну, засвищи в полсвиста». Он засвистал, а он с этим рядом, с которым побратался, он твердый был, посильнее его, как он засвистал, захотел его решить. Хвать — он вытерпел, двое вытерпели, а эти все кончились. Которого ушиб он, у тово брат по воздуху летал. Говорит: «Уезжай! Мы поспорили с тобой. Для чего ты убил

⁵⁹ В п. з. п'утру, исправлено из п'утру (зачеркнуто).

его?» Выехали они (Илья с побратимом). Он письмо послал. Он летит к ним. «Что ты, — говорит. — Ты зачем моего брата убил? Давай поспорим». Разлетелись, по разу ударили друг друга, не сшибли. Опять разлетелись, опять не сшибли. Который летал, его (Илью Муромца) и вышиб⁶⁰ с седла. Вышиб и сам слетел и на него насел. Он (Илья) кричит: «Брат Кулетыч! Меня хочет убить, белу⁶¹ грудь хочет взрезать». Энтот как летел, схватил за волосы и закинул не знай куда. Взяли, поехали они. «Ну, братец, две дороги пришли. Ты которой поедешь?» — «Которой ни поехал — все равно». «Давай прощаться. Ты поезжай влево, а я вправо». Поехал. Едет, гора страшна. Под горой конь ходит, займище там. Он говорит: «Эх, конь ходит тут». Глядит, в горе сидит челен. Он глядел, глядел, камень отворотил да пустил в него. Этот камень летел, ему в горб и опять на гору. Он закричал: «Горынь Никитыч! (который под горой сидит). Он еще отворотил камень еще здоровей и пустил снова в него. «Кто баловат там? Не балывайте. Не ты ли, Илья Муровец?» — «Самый я», — говорит. — «Подъезжай сюда». Он подъехал к нему и коня пустил к ево. Стали говорить с ним. «Поедем ко мне в гости». Побратались они с ним. «Ну, вот что, братец! Поедем в гости. Там папаша попросит у тебя руку (у Горыни есть отец, только слепой), а ты в кузнице раскали свою палицу да ему дай». Илья раскалил и пошли. «Папаша! Я себе брата нашел» — «Какого брата?» — «Илью Муромца». — «Где он?» — «Вон он». — «Поздоровается он пусть со мною». Илья подошел к нему и подал палицу ему. Он за палицу взял и сжал, даже сок пошел. Говорит: «Хороша твоя ручка»...⁶²

Зап. В. И. Трофимовым и М. И. Арясовой 23 июня 1923 г. в с. Озерки Ключевской вол. Петровского уезда Саратовской губ. от Леонида Ефимовича Нешатаева, 88 лет.

В конце текста примечание собирателя: «Конец сказки неизвестен, так как рассказчик заявил, что дальше не знает».

Контаминированный текст включает сюжеты «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Соловей-разбойник», а также эпизод встречи Ильи с богатырем Горынь Никитичем и знакомство с его отцом.

Контаминированные прозаические пересказы былин об Илье Муромце фиксировались в Саратовском крае неоднократно. Известна фонетическая запись побывальщины на контаминированный сюжет об Илье Муромце, сделанная М. Е. Соколовым в этом же уезде в 1904 г. (зап. 3 февраля 1904 г. в д. Сосновка Петровского уезда от Степана Егоровича Гусева).⁶³ В нее вошли сюжеты: Илья Муромец просит родительского благослове-

⁶⁰ В п. з. вышеб.

⁶¹ В п. з. белы (возможно, недослышано собирателем).

⁶² СМЖ. Л. 15—24

⁶³ Соколов М. Е. Фонетическая запись сказки об Илье Муромце // Труды СУАК. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 124—127.

ния + Илья Муромец спасает Чернигов, осажденный татарами + Илья Муромец и Соловей-разбойник + Илья Муромец на реке Смородине + ссора Ильи Муромца с князем Владимиром + Илья Муромец и Идолище. «Сложная побывальщина об Илье, — пишет Т. М. Акимова, — записана в с. Максимовке Куриловского района в 1922 г. В. П. Розовым. В ней Илья рисуется сыном бурлака».⁶⁴ Побывальщина об Илье Муромце опубликована также Т. М. Акимовой в сборнике «Фольклор Саратовской области», под № 6 (зап. в 1923 г. Т. М. Акимовой и М. П. Советовым в с. Всеволодчино Балтайского района от В. П. Шляхова, 58 лет).

Записи экспедиции 1925 г.⁶⁵

Здорово, баба стара, Афимья Аликсандровна!
Али ты миня ни узнала,
Што я твой сын Добрыня...
.....
Он па горинки похаживайт,
Па пугавкам паваживайт,
В каждой пугавки на лютому зверю...

Зап. Е. Г. Тельман 21 августа 1925 г. в с. Болтино Кузнецкого уезда Саратовской губернии от Григория Воротынова, 89 лет.

Текст сопровождается комментарием собирателя: «Григорий Воротынов, 89 лет, рассказал, что знал «песни» про богатырей: Илью Муромца, Добрыню и Алешу, но все забыл; остались в памяти лишь отрывки про Добрыню» и далее: «Григорий Воротынов эти песни узнал от крестьян своего села, уходивших на Волгу в бурлаки».

Эти фрагменты, судя по всему, представляют собой отрывки из былины «Добрыня и Алеша», бытовавшей, как известно из доклада Б. М. Соколова об экспедиции 1923 г., в соседнем уезде.

В 1957 г. ученицей Б. М. Соколова, профессором Саратовского государственного университета Т. М. Акимовой была организована экспедиция, завершившая изучение былинной традиции в Саратовском крае. В том же с. Кутьино Петровского уезда участники зафиксировали два неполных фрагмента былин о Сухане и об Иване Гостином сыне.⁶⁶

⁶⁴ Фольклор Саратовской области... С. 441.

⁶⁵ СОМК. Оп. 1, ед. хр. 73. Л. 37.

⁶⁶ См. об этом: Саратовский вестник... С. 7.

Аннотация: В статье публикуются полевые записи былин, сделанные участниками двух экспедиций в Саратовской губернии. Первая экспедиция обследовала села Петровского уезда в 1923 г. (руководитель — известный фольклорист Б. М. Соколов), вторая — села Кузнецкого уезда в 1925 г. (П. Д. Степанов, Е. Г. Тейльман). Исследуемые материалы снабжены текстологическим и сюжетным комментарием, во вступительной статье освещена история собирания былин в саратовском Поволжье.

Ключевые слова: Саратовская губерния, Поволжье, былины, Б. М. Соколов

Abstract: In the article, field recordings of epics made by members of two expeditions in the Saratov province are published. The first expedition examined the villages of Petrovskiyuezd in 1923 (headed by the famous folklorist B. M. Sokolov), the second — the villages of Kuznetskiy uyezd in 1925 (P. D. Stepanov, E. G. Teylman). The examined materials are provided with textual and plot commentary, the introductory article highlights the history of collecting epics in the Saratov Volga region.

Keywords: Saratov province, Volga region, epic, bylinas, B. M. Sokolov

А. Н. ВЛАСОВ

**К ИСТОРИИ И ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ОДНОГО ПЕСЕННОГО СЮЖЕТА
«АХ ТЫ БАТЮШКА, ЯРОСЛАВ ГОРОД!»
(«МЕЖДУ РЕЧКАМИ, МЕЖДУ БЫСТРЫМИ»)**

Сюжетный репертуар лирических необрядовых песен представлен историческими, солдатскими песнями, любовной, семейно-бытовой лирикой (в том числе балладами) и песнями литературно-книжного происхождения. Они могут быть сгруппированы в несколько сюжетно-тематических циклов: «тоска замужней женщины по родному дому», «отъезд молодца — переживания девушки»; сюжеты с мотивами «солдатство молодца — замужество девушки», «брак со стариком», — могут быть объединены в рамках темы «девушка — молодец, разлука». ¹ Тексты этих песен существуют во множестве вариантов.

О сложности жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной песни писала еще Н. П. Колпакова, констатируя, что «международного справочника (указателя, каталога) по жанрам, темам, сюжетам и текстам традиционных народных бытовых песен нет»; ² и отмечала: «Многолетний опыт по соби-

¹ В Картотеке Колпаковой «в лирическом жанре, в цикле любовных песен появились подгруппы «Быт и любовь девушки», «Быт и любовь молодца», «Разлука», «Измена» и др. <...> внутри каждой из подгрупп во всех жанрах еще более мелкое деление — по сюжетным мотивам (...). Так, например, в тематической подгруппе «Быт и любовь девушки» наметились мелкие сюжетные рубрики — «Девичьи будни», «Девушка и родная семья», «Девушка и мачеха» и др.; в тематической подгруппе «Рекрутство» — рубрики «Перед набором», «Набор», «На приеме» и пр.» — *Колпакова Н. П.* О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни. — Советская этнография. 1983. № 6. С. 26, 27, 30—32.

² *Колпакова Н. П.* О жанровой и сюжетно-тематической классификации русской народной бытовой песни. С. 24.

ранию и изучению народных песен закономерно привел автора данной статьи к желанию <...> на материале русского песенного фольклора выработать какие-то принципы систематизации песенных текстов; иными словами, составить ориентировочный жанровый и сюжетно-тематический указатель русских народных песенных текстов. Такое описание (или указатель) в любой форме и даже на самой предварительной ступени разработки материала могло бы служить и фольклористам, и широким кругам любителей народной поэзии. Оно было бы нужно прежде всего для того, чтобы на конкретном материале уточнить взаимосвязь песни с народным бытом и выявить национальную специфику в жанрах и темах русского традиционного песеннопоэтического творчества; оно могло бы облегчить исследователям возможность сравнивать русскую песню с песней других народов и, сопоставляя, наблюдать жанровую и сюжетно-тематическую общность и различия в их устной народно-поэтической традиции, прежде всего в песенной традиции соседей-славян. Наконец, его можно было бы использовать при выяснении истории публикаций, географического распространения, различий, степени популярности того или иного песенного текста. Словом, такой указатель, содержа в себе разнообразные фактические данные, мог бы служить многим различным целям при изучении русской народной песни».³

Каждый из таких текстовых вариантов отражает собственно местное исполнительское понимание общеизвестного сюжетного инварианта и его музыкально-поэтической праформы. По мнению Т. Б. Диановой, «Именно лирическая песня во многом формирует концептосферу памяти в народной культуре, тематически очерчивая субъективное поле воспоминаний ее носителей».⁴

Понятие инварианта, разработанное в отечественной фольклористике (Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, В. М. Гацак, Е. Б. Артеменко и др.), представляет собой психическую субстанцию; континуум инвариантов составляет систему «фольклорного знания» и содержится в памяти носителей фольклорной традиции в процессе воспроизведения фольклорных текстов.⁵

³ Там же. В настоящее время картотека Колпаковой хранится в электронном варианте в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. P. V.

⁴ Дианова Т. Б. Необрядовая лирика в фольклористике XX—XXI веков: проблемы, пути их решения и научные горизонты // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей. М., 2013. С. 178.

⁵ «Структурирование фольклорного текста как процесс воспроизведения в вариантах «заранее заданных» инвариантов провоцирует вопрос: если варианты манифестируются материей вербальных единиц, то на базе какой субстанции существуют инварианты? Ответ представляется однозначным: в психической субстанции — в памяти носителей фольклорной традиции. Континуум инвариантов — это та система «фольклорного зна-

Надо признать, что исследователями предпринимались опыты описания текстообразующих приемов, характерных для необрядовой лирики (синтаксический параллелизм, песенные формулы ступенчатого сужения образов (Б. М. Соколов), ассоциативно-цепочные структуры (С. Г. Лазутин), блоки (А. Т. Хроленко), модели глубинной связности образов (Г. И. Мальцев), особая семантика глагольных последовательностей, образующих «композиционный фрагмент» (Е. А. Артеменко), различные типы амплификаций текста), но, как справедливо отмечает Т. Б. Дианова, «их осмысление с точки зрения эволюционной эстетики песни никак не реализовано. В перспективе остается радикальный пересмотр структурных элементов песенного текста в связи с особенностями «коммуникативного задания» необрядовой лирики, в частности, показателей «генеративного» и актуального контекста. Нет объяснения тому, как формируются сверткостовые единства в пределах песенной традиции. Каждое из указанных нами перспективных направлений изучения песен требует отдельного обоснования...».⁶

До некоторой степени показательным является опыт изучения балладного сюжета «Дочка-пташка». Достаточно обратиться к исследованиям В. И. Ерёмкиной, в которых основательно показана история изучения этого песенного сюжета в славянских поэтических отражениях и которые в полной мере могут послужить методологической базой для подобного рода изысканий в области народной лирической песни.⁷

Предметом изучения в настоящей статье становится редкий песенный сюжет, в котором отразился отклик на историческое событие — пожар г. Ярославля.⁸

Известно несколько песенных вариантов сюжета о пожаре в Ярославле с разными зачинами, текстовыми контаминациями и вкраплениями, жанровыми инновациями и т. п.⁹

Записанные в 30—40 гг. XIX в. Языковым в Оренбургской и Тульской губерниях и изданные Киреевским тексты представляют собой полные варианты песни *Ах ты батюшка, Ярослав город!* (Приложение 1, № 1, 2), к ним же относится вторая часть

ния», о которой пишут Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, В. М. Гацак и которая представляет собой психический субстрат процессов воспроизведения устно-поэтических текстов» — Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества (к постановке проблемы) // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака. М., 2004. С. 65.

⁶ Дианова Т. Б. Необрядовая лирика в фольклористике XX—XXI веков: проблемы, пути их решения и научные горизонты. С. 183—184.

⁴ «Баллада о «дочке-пташке» в славянских поэтических отражениях» // Ерёмкина В. И. Художественный мир народной поэзии СПб., 2016. С. 5—32.

⁸ См. Приложение 2. Картотека Н. П. Колпаковой: 5.932.

⁹ См. Тексты и комментарии см.: Приложение 1.

контаминированного варианта песни *Горе мое, гореваньце...* со слов: *Ярослав городок на горе стоит...* (Приложение 1, № 3). П. Якушкиным в Орловской губернии были зафиксированы еще два фрагмента того же текста, но в них нет прямого упоминания о пожаре. Опубликованные в Сборнике Киреевского № 152 (*Уж ты батюшка мой, Ярославь-город!* — Приложение 1, № 4), № 265 (*Ты почему, Ярослав-город, построился?* — Приложение 1, № 5) тексты определены издателями как «песня-баллада с устойчивым и характерным для поволжской традиции зачином».¹⁰

Таким образом, указанные варианты представляют поволжскую версию сюжета о пожаре.

В 90-х гг. XIX в. Н. А. Иваницкий также делает запись этого песенного сюжета в Сольвычегодском уезде с зачином: *Между речками между быстрыми* (сокр. вар. зачина: *Что не пыль-то во поле запыляется* — Приложение 1, № 8).¹¹

Большинство записей, начиная с записей Иваницкого, вопреки мнению Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд,¹² было зафиксировано на Русском Севере. При этом явно преобладают мезенские записи сюжета,¹³ близкие к ним нижнепечорские¹⁴ и пинежские варианты.¹⁵ В целом, географию распространения сюжета можно обозначить как точечная.

Фольклорные записи, сделанные на разных территориях (кроме вологодских), не имеют прямых аналогий между собой, но восходят, очевидно, к одному письменному пратексту, сочиненному в Ярославле по случаю одного из больших пожаров города. Текст мог возникнуть в купеческо-мещанской среде и, очевидно, выходы из этой среды явились трансляторами сюжета в другие места, сохранив память о стихийном бедствии в форме фольклорного песенного сюжета как историческую память о своей родине.

¹⁰ См. Приложение 1. № 4, 5.

¹¹ Приложение № 8. Иваницкий. 578. Кроме того, при публикации издателем в сноске приведено начало другого варианта текста. Однако в поздних печорских записях мы встречаем вариант сюжета с тем же зачином: То не пыль с поля подымается.

¹² «В XIX в. песня, по-видимому, была широко распространена в центральных районах русского населения (записи Киреевского, Прокунина). В северном крае нами не зарегистрирована. Характерные для нее образы (ярославские купцы, лавка и т. д.) в пинежских лирических песнях почти не встречаются; по всей вероятности она занесена из центральных районов». — ППин., 64.

¹³ ПФМ., 40, 41. Абрамский, 39. (Приложение 1. № 10, 11, 12).

¹⁴ ППеч., 20, 162, 172. Отметим, что на средней Печоре был записан только один вариант этой песни 1956 г. № 162, представляющий собой «усредненный» по сравнению с нижнепечорскими записями текст. (Приложение 1, № 15, 16, 17).

¹⁵ ППин., 64 (Приложение 1, № 14).

Зачин с первой строки *Между речками, между быстрыми* до строки *Ярослав-город загорается* с последующей *Одна лавочка остается...* выполняет в музыкальном отношении функцию запева, который является стабильным для всех севернорусских вариантов.¹⁶

Севернорусские записи отличаются от записей из центральной России и Поволжья, которые больше известны с зачином *Ах ты батюшка мой, Ярославь-город!*¹⁷ Чаше всего этот зачин выступает в функции самостоятельного сюжетного хода и встречаются в контаминированном сюжете разбойничьей песни *Ты взойди-ка, красно солнышко*.¹⁸

Можно предположить, что содержание песенного сюжета о пожаре заключается в обращении купца к товарищам с просьбой спасти его лавочку:

В этой лавочке молодой купец,
Молодой купец — добрый молодец.
Он вскричал своим друзьям-приятелям...
(Иваницкий, 578, Приложение 1, № 8);

Или:

Есть в лавочке мо...ох, да молодой купец,
Да молодой купец до...ох, да доброй молодец.
Молодой=купец до...ох, да доброй=молодец,
Да он кричал, да ревел, ох, своим товарищам.

Особое место в повествовательной структуре песни занимает своеобразное лирическое отступление — упоминание о трех алых ленточках, которые выступают в качестве главной ценности среди товаров в лавке. Однако это лирическое отступление не имеет прямого отношения к содержанию исторической песни о пожаре. Кроме того, оно представлено в разных версиях: у Иваницкого — как часть товара:

Приотстойте-ка мою лавочку,
Всё со мелкима со товарыма:
Дорогой товар: мелкой злат жемчуг.
Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
Первая-то ленточка — сто рублей,
Другая-то ленточка — пятьсот рублей,
Третью-то ленточку платил тысячу,
Мелкотной товар — за злат жемчуг,
Злат жемчуг — деньгам счёту нет.
(Приложение 1, № 8)

¹⁶ См. Приложение 1, № 4.

¹⁷ См. Приложение 1, № 1, 2, 3 (со строки 16), 4 (вар.: Уж ты батюшка мой, Ярославь-город!), 5 (Ты почему, Ярославь-город, построился?)

¹⁸ Лопатин, Прокунин № 51 и др.

В поздних записях это перечисление товара следует воспринимать как поэтический прием в сюжетном повествовании песни: *Не оставьте молодца при бедности, отнимите мою лавочку с дорогими товарами с кумачами шито=бранными, с дорогими, алыми кысолентами. Первая ленточка стоит сто рублей. Да втора ленточка стоит тысячу. Да третьей ленточке цены нет. Первая ленточка родной мамушки, втора ленточка родной сестрицы, третья ленточка молодой жонки=барыни.* (Приложение 1, № 9).

Подробнее обратимся к балладе «девушка в лодке разбойников, которая выступает в качестве одной из частей контаминированного текста. В. И. Еремина справедливо напоминает, что «вопрос о контаминациях как искусственном объединении случайных сюжетов с их постоянным отрицательным знаком далеко не однозначно решался в истории науки»,¹⁹ и приводит мнение А. Н. Веселовского, который считал, что большая часть текстов имела сводный характер. Свод же понимался им не как механическое соединение, а как процесс естественный, связанный с обязательным временным наслоением, процесс, который совершался уже «в довольно раннюю пору» (*Веселовский А. Н. Собрание сочинений.* М.;Л., 1938. Т. 16. С 110).²⁰

Иваницким она была записана с зачином:

Уж ты, батюшка, Ярослав-город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Между двум рекам, между быстрыми
Между Волгой да между Которостью
(Приложение 1, № 7).

В этом зачине сохранились реалии, которые упущены в известных вариантах песни о пожаре в Ярославле, где указывается, что Ярославль стоит между реками Волгой и Которослью, но сохранились в тексте Чулкова (Приложение 1, № 20):

На горе стоишь, на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрых —
Промежду Волги реки, промеж Котросли;
С луговой было со сторонушки,
Протекала тут Волга матушка;
Со нагорной да со сторонушки
Пробегала тут речка Котросля.
Что с верху то было Волги-матушки...

¹⁹ Еремина В. И. Художественный мир народной поэзии. С. 18.

²⁰ Еремина В. И. Художественный мир народной поэзии. С. 18—19 (сноска 36).

Вологодский текст, записанный Иваницким от исполнительницы из с. Несвойского Вологодского уезда, является версией сюжета «девушка в лодке разбойников» (Приложение 1, № 7). Вариант песни с зачином *Ах ты, наш батюшка Ярославль город* издан в песеннике Чулкова в разделе песен о Разине (Приложение 1, № 20).²¹ Этот же сюжет зафиксирован Нестеровым в 1951 г. в Горьковской области в качестве первой части песни с зачином *Как пониже села Лыскова*.²²

Любопытно возникновение самого контаминированного варианта. Несомненно, сюжет первой части входит в круг песенных текстов, известных, по Лопатину и Проскунину, как «Ты взойди-ка, красно солнышко».²³

Исследователи отмечают, что «Все напевы “Красно солнышко” довольно близки между собой.²⁴ <...> Во всех вариантах «Красно солнышко» является песнею чистого мажора и вследствие того весьма энергичной и сильной, с характером напева, сложившегося на воде за весельной работой, что особенно рельефно выступает в напеве Касимовского уезда».²⁵ В других традициях, например печорской, баллада «девушка в лодке разбойников» известна с запевом:

Со чужой-то было со...

Ой, да со-й... со чужой-то ле было со сторо...

ой, да со... со сторонушки.

Со сторонушки...

Ой, да про... протекала-та реченька бы...

ой, да ре... речка быстрая.²⁶

Важно подчеркнуть, что вторая часть (пожар г. Ярославля) контаминированного песенного текста была распета на напев

²¹ Чулков I, с. 182. // Сочинения М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Ч. 1, 2, 3 с прибавлением. 1770—1773. СПб., 1913. Этот вариант песни стал сегодня, судя по официальным ярославским сайтам, в некоторой степени культовой народной песней о Ярославле.

²² См. Приложение 1, № 6.

²³ См. Лопатин, Прскунин, С. 148—159. №№ 51—56. «В своем тексте варианты также не имеют особенных разноречий. Везде обращение к солнцу с просьбой обогреть и обсушить беглых людей, а затем описание стружочков в разбойничьей обстановке» (С. 155—156). В вариантах №№ 51, 52, 55 (вар. текст Григорьева) встречается упоминание с. Лыскова.

²⁴ «Особенно же варианты Моршанского и Острогужского уездов, Стаховича, а также и вариант в сборнике Т. И. Филиппова. Несколько отличается от других напев Касимовского уезда, который имеет своеобразный и совершенно отличный от остальных вариантов запев. — Там же. С. 155.

²⁵ Там же. С. 155.

²⁶ Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни. М., 2008. С. 52—54. № 3.

разбойничьей песни. Переход от одного сюжета к другому совершается в строфе:

Атаману быть повешену. Да как
Не туман ли с моря подыма...Эй, да подымается.

Последняя строка является вместе с тем усеченным вариантом формульного запева²⁷ к историческому сюжету о пожаре. Сравним:

Что пыль в поле запылилася,
Не туман с моря подымается —
Ярославль город загорается.
(Приложение 1, №№ 1, 2)

Этот зачин служит своеобразным сигналом памяти для дальнейшего развития песенного повествования, близкого к песенным вариантам (см. Приложение 1, № 8—14). Однако следует отметить, что это устойчивое поэтическое сравнение может выступать не только в качестве зачинной формулы в начале песенного текста, но и внутри текстового пространства: после этикетной похвалы г. Ярославлю —

Не пыль в поле запылилася,
Не туман с моря подымается —
Ярославль город загорается...
(Приложение 1, № 1, 2, 6, 8—18).

Таким образом, эпический сюжет о пожаре Ярославля еще в ранних записях был зафиксирован в контаминированных формах и имел диффузную жанровую природу. Помимо собственно повествования о пожаре Ярославля, отразившегося в зачине, тексты наполнялись другими мотивами, характерными для любовной лирики и балладного сюжета «девушка и разбойники в лодке».

Важно обратить внимание на ключевые зачинные формулы, которые создавали эмоциональную атмосферу напряженности: будь то пожар г. Ярославля, или ситуация сюжета разбойничьей песни «девушка и разбойники в лодке» (Приложение 1, № 6, 7, 20), или предчувствие девушки о смерти молодца на чужбине в «покосной песне» (Приложение 1, № 21), или бурлацкая песня о проводах бурлака (Приложение 1, № 22), или приуроченность песни к свадебной ситуации (Приложение 1, № 19), или лирический сюжет из репертуара семейских Забайкалья (Приложение 1, № 23).

²⁷ См. Приложение 1, № 15, (Как не пыль в поле подымается...), 19.

Что касается песни *Горе мое, гореваньце* (Приложение 1, № 3), то вся первая часть песни до строки *Ярославль городок на горе* стоит является частью песенного сюжета, входящего в известный мотивный комплекс «Горе девушки в ожидании милого дружка» со слов:

Ни знаю я, девушка, куда с горя деватися:
Мне в ход идти с горя ко милу дружку?
Мой милой у ворот стоит,
У ворот новых,
У столбов точеных,
У дверей крашенных.
Он не так стоял, мой милой,
Голову расчесывал,
Свои кудри ухарашивал,
Со кудрями речи возговаривал:
«Уж вы кудри мои, мои кудри молодецкие,
Не про вас ли, кудерьцы, прошла славушка,
Слава ярославская?»

— представляет собой вариант текста лирической песни.

Сюжетно-композиционную и жанровую неопределенность структуры текста можно характеризовать, с одной стороны, как слабую попытку стилизации книжных песен (собственно, песенную «рефлексию» на них, так как сложно выявить конкретный книжный текст заимствований), с другой — как редкий образец местного песнетворчества («импровизации»).²⁸

Поэтический отклик о пожаре в Ярославле является известной жанровой формой в книжной поэзии конца XVII — нач. XIX в.²⁹ Она включает несколько распространенных поэтических

²⁸ *Брянцева Л. И.* Роль импровизации в локальной песенной традиции // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики (Мат-лы междунар. Науч. конф.) М., 2004, С. 100.

²⁹ Это так называемые «стихи по случаю», например, о наводнении в Великом Устюге. Даниил Пятилин Ода по случаю необыкновенного наводнения в г. Устюге от весеннего разлития р. Сухоны в 1817 г. // Вологодские епархиальные ведомости. 1875. № 15.

(Во граде Устюге Великом
Все были в ужасе коликом,
Когда стоял он весь в воде!
Вода, умножившись весною,
Несла лед Сухоней-рекою;
Лед ниже града сперлся в льде:
Запором там вода спященна,
Пустила ярость в край берегов, —
Так выше меры наводненна,
Кипя, лилась в долины рвов. И т. д).

топосов, указывающих на книжное происхождение текста. К ним относятся Похвала Ярославлю.³⁰ Сравним известные нам варианты в подавляющем количестве записей этого поэтического топоса (Приложение 1, кроме: № 6).³¹ В поволжских вариантах эта похвала представлена с незначительными изменениями в тексте:

Ах ты батюшка, Ярослав город!
Хорошо больно построился
Ты в три рядика, ты в три каменных,
А четвертый ряд стекольчатый.³²
(Приложение 1, № 1);

Ср.: Ах ты батюшка, Ярославль город!
Хорошо город построился.
Он построился, сам прославился³³
Лучше города, лучше Питера,
Краше матушки каменной Москвы (№ 2);

Ярославль городок на горе стоит
На всей славной красоте (№ 3);

Уж ты, батюшка, Ярослав-город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Между двум рекам, между быстрыми (№ 7).

³⁰ Ср., например, Похвальные стихи граду Великому Устюгу:
«Великой Устюг лязя назвати славным,
Он над Солью и над Лальским и над Тотмой главным,
Первым во епархии и начальным градом;
Чють не лязя ево сравнить с Гесперидским садом,
За тем, что стоит весьма на месте приятном,
Не на мокром, не грязном, не мшистом, не блатном,
Но на месте песчаном, в полях плодородных,
Не слышать округ его дебрей непроходных;
На веселом на берегу, над быстрой рекою
Он стоит, будто смеется своей красою...» и т. д. —

Вологодские губернские ведомости. 1859. № 43; Вологодские епархиальные ведомости. 1869. № 13. Приложение 1, 2, 3.

³¹ Ср., например, близкую похвалу г. Казани: Казань, Казань город при горе стоит, Кругом-то Казани речка протекала... (Песни, сказки, чагушки Саратовского Поволжья. Саратов, 1969. С. 136).

³² В №№ 4, 5 строка заменена — *Во четвертый ряд все будить купечество.*

³³ Устойчивый песенный топос — прославление города Ярославля:

Он построился, сам прославился
Лучше города, лучше Питера,
Краше матушки каменной Москвы.

См. также: № 4.

Вариант текста разбойничьей песни из Песенника Чулкова близок также к поволжским вариантам:

Ах ты, наш батюшка Ярославль город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте (№ 20).

Севернорусские варианты близки между собой текстуально и не имеют, как оказывается, существенных разночтений с поволжскими, разве что в первой строке:

<Между речками между быстрыми
На крутой горе расхорош город
На всей красоте распростроился.
Лучше Питера, краше Киева,
Лучше матушки каменной Москвы (№ 8)³⁴

Таким образом, сюжетно-композиционный элемент Похвалы городу практически во всех вариантах песни о пожаре Ярославля является, несомненно, одним из признаков книжной стилистики, а, следовательно, и происхождения первоначального текста.

Формульная тема «угрозы» в качестве отдельного композиционного элемента сюжетного повествования о пожаре выражена в форме устойчивого поэтического сравнения, основанного на стилистическом приеме отрицательного параллелизма: Что не пыль в поле запыляется, / не туман с моря подымается, / Ярославль-город загорается.³⁵ (Приложение 1, № 1, 2, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14,³⁶ 15, 16, 17, 18, 19, 21).³⁷ Подобный зачин встречается в одном из сибирских вариантов старины Про Илью Муромца и Калина: Чрезвычайно поэтично передано в сибирской былине впечатление от угрозы, надвигающейся вражеской силы:

Не пыль в поле пылится,
Не туман с моря подымается,

³⁴ См. также: №№ 9, 10 (вар.: *На крутой горе, на высокою; доп.: Каменной Москвы, славной Вологды.*); 11 (см. предыдущий); 12; 13 (доп.: *Лауччэ камённого да строеньця*); 14; 15 (нач.: *По край реченьки, по край быстрой*); нет названия города Ярославля); 16 (*ср. нач.: Между речками, между быстрыми, / Да меж дорожками меж широкими; в.м. Ярославль — Еруслав; доп.: славной Вологды*); 17, 18, 19.

³⁵ Примеры: «Не пыль в поле пылится, не туман с моря подымается, не грозная туча накатается, не из той тучи молонья сверкает, — подымалась силушка зла-неверная Калина-царя, Тугарина».

³⁶ Текст формулы неполный, только начало без основной строки: *Ярославль-город загорается...*

³⁷ Текст формулы неполный и не имеет отношения к повествованию о пожаре в Ярославле.

Не грозна туча накаетая,
Не из той тучи маланья сверкает:
Подымалася силушка зла неверная
Калина-царя, Тугарина.³⁸

Близкий поэтический образ встречается в былинах о выезде богатыря в чисто поле на поединок:

Как не далече-далече во чистом во поли,
Тута куревка да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, -
Оказался во поли добрый молодец³⁹

Эпизод, содержащий описание пожара в городе, по логике развития сюжетного повествования, связан с появлением в произведении «персонажа», точнее его реакции на происходящее. Лирический герой молодой купец мог бы служить косвенным указанием на «литературную» природу песенного текста.

В известных вариантах эпизод о молодом купце представлен в нескольких версиях. В поволжских вариантах различия наиболее очевидны. Так, в тексте, записанном Языковым в Оренбургской губернии (Приложении 1, № 1) после строки *Одна лавочка оставется* следует иное развитие сюжета, ничем не напоминающее о пожаре. Скорее всего, эпизод является самостоятельным балладным мотивом, в котором «красна девица» уговаривает «добра молодца» погубить «молодую жену», а ее взять за себя.

В варианте из Тульской губернии повествование сохраняет сюжетную целостность: молодой купец обращается к товарищам, чтобы они спасли от пожара его лавочку и дорогой товар из иной земли. (Приложение 1, № 2). Кстати, среди товара нет упоминания об алых лентах. И все-таки в сюжете этого варианта отсутствует завершенность.

Несколько иное описание поведения молодого купца при пожаре дано в контаминированном варианте песни «Горе мое, гореваньице» (Приложение 1, № 3). Этот вариант отличается от предыдущего некоторыми деталями, которые должны подтвердить достоверность происходящего:

*Все казенные лавочки занимались,
Одна лавочка на углу оставалася.*

³⁸ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. № 12.

³⁹ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. № 4.

В тексте употребляются слова с постоянными эпитетами, характерными для устной поэтической речи. В нашем варианте выступают в роли стилизации:

Выходил купец на *красен крылец*,
Закричал купец своим *громким голосом*;
Вы примите-ка меня за *белы руки*,
Вы сведите-ка меня *с висока крыльца*,
Распоясывайте *кушак новой шелковой*,
Вы снимите *золоты ключи*,

Вполне достоверна концовка текста — просьба купца к своим товарищам:

Откройте мои лавочки,
Выбирайте мой *дорогой товар*,
Вывозите *на дикую степь!*

Среди товара здесь не говорится о трех алых лентах. Упоминание об алых лентах в поволжских записях встречается только во фрагменте баллады с эпическим мотивом пожара (Приложение 1, № 5) и контаминированном тексте «Как пониже села Лыскова» (Приложение 1, № 6). Текстуально эпизод близок варианту № 2:

Загоралась в ряду лавочка,
В этой лавке молодой купец,
Закричал он громким голосом:
«Уж вы братцы, вы товарищи,
Вы отбейте в ряду лавочку,
В этой лавке дорогой товар,
Плисы, бархат, ленты алые,

Ср.: Все лавочки занимались,⁴⁰
Одна лавочка оставалась.
Во той лавочке молодой купец,
Молодой купец, всем купцам отец;
Он вскричал-взгаркнул своим громким голосом:
«Ох вы гой еси, купцы-товарищи!
Вы отстойте мою лавочку!
В моей лавочке дорогой товар,
Дорогой товар из иной земли,
Из иной земли, из нерусскаю».

⁴⁰ Со слов: *Все лавочки занимались...* до конца другая концовка.

В севернорусских вариантах эпизод пожара и реакция молодого купца по тексту ближе к указанным (№№ 2, 5) вариант Иваницкого, записанный в Сольвычегодском уезде:

Одна лавочка остается.
В этой лавочке молодой купец,
Молодой купец — добрый молодец.
Он вскричал своим друзьям-приятелям:
«Вы друзья мои, приятели!
Не оставьте меня при несчастье,
Приотстойте-ка мою лавочку,
Всё со мелкима со товарама:
Дорогой товар: мелкой злат жемчуг.
Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
(Приложение 1, № 8)

В варианте, записанном Абрамским в Ленском районе (бывшем Сольвычегодском уезде), можно обнаружить незначительные расхождения: *Одна лавочка остается, да и та с конца загорается* (Приложение 1, № 9). Близкий вариант зафиксирован в соседнем регионе — на Устье:

Одна лавочка оставаецца,
А и та с конца загораетца.
В этой лавочке молодой купец,
Молодой купец, доброй молодец.
Он кричал своих приятелей:
«Вы друзья мои, приятели,
Не оставьте меня при бедности,
Приотстойте мою лавочку.
(Приложение 1, № 18)

В вариантах из Лешуконья обнаруживаем небольшое изменение в тексте:

Он ходил, кричал-то по городу, он просил друзей-то товарищей. (Приложение 1, № 10); *Да выходил-то он на улочку, / он кричал своим громким голосом, / Вы друзья ли мои товарищи, / не оставьте меня при бедности, / сберегите мою лавочку.* (Приложение 1, № 11). *Да вдоль по городу, вдоль по площади, / как бежит купец, доброй молодец. / вы друзья де мои товарищи, / сохрани-те-ко мои лавочки,* (Приложение 1, № 13).

В печорских вариантах мы читаем только краткое сообщение: *Одна лавочка остается. / В этой лавочке молодой купец, / В этой лавочке дорогой товар,* (Приложение 1, № 15, 16, 17).

Дальнейшее развитие песенной темы сужается до простого перечисления товара в лавке и представляет литературный топос,

в котором отразились известные свадебные образы-символы.⁴¹ Характерно, что алые ленточки, которые стоят дорожке остального товара в лавке у молодого купца, и предназначены матери, сестре и жене (любовнице), что не соотносится с представлениями «о дарах» (подарках) и выпадает из традиционной образно-поэтической системы народной лирики.⁴² Устойчивым остается только образ «алой ленты», утративший свою генетическую связь с свадебной поэзией, но прочно утвердившийся в поэтической стилистике и литературных стилизациях «под народную песню».

Известные письменные свидетельства о нескольких крупных пожарах города Ярославля в 1630-х, 1958, 1670, 1718 гг. служат историческим контекстом песенному сюжету. В книжной традиции сложилось «Сказание вкратце о пожаре в граде Ярославле»,⁴³ однако не имеющее прямых текстовых параллелей с песенным сюжетом.

В Сказании повествуется о пожаре, который произошел в Ярославле 10 июля 1658 г., в результате чего сгорел почти весь город. Огнем было уничтожено 29 церквей в Большом и Малом городах, вне города и на другом берегу реки Которосли. Особое внимание автор уделяет спасению от огня мощей князей Федора и «чад его» Давида и Константина Смоленских и Ярославских чудотворцев, других ярославских чудотворцев — князей Василия и Константина. Основными источниками «Сказания» явились сочинение Максима Грека «Сложение вкратце о бывшем пожаре тверском. В том же и похвала о обновлении церковнаго укра-

⁴¹ См.: например, «...право на ношение в косе яркой красной ленты вместо тонкого плетеного шнура девушка получала только с появлением регул. Не случайно во многих местных традициях девичья красота находила свое материальное и поэтическое воплощение в образе алой ленты. В свадебной поэзии алая ленточка зачастую непосредственно называется «девичьей красотой»:

У меня молодёшеньки,
Да чесна дивья-та красота
Да шоуковы алы ленточки
Да покатайтесь-ко, ленточки,
Да с плечика да на плечико.

В ярославском свадебном приговоре при выносе девичьей красоты в виде украшенного лентами дерева сообщалось:

А тебе, Марья Ивановна,
Не бывать больше в девушках,
Не носить алых ленточек —

Русская мифология. Энциклопедия./ Сост. Н. Эриашвили, Е. Мадлевская, В. Павловский. СПб., С. 74.

⁴² См. Приложение 5.

⁴³ Салмина М. А. «Сказания вкратце о бывшем пожаре града Ярославля» // ТОДРЛ. Т. XXI. Л., 1965. С. 319—326.

шения, бывшего боголюбивым епископом тверским Акакием), Хронограф 1512 г. (плач о Царьграде), «Казанский летописец» и отчасти «Сказание» Авраамия Палицына.

Отдаленно напоминает о близости песенного и книжного сюжетов этикетная похвала г. Ярославлю: *Бяше бо видети дотолє Ярославль велик и чудесен, и многонароден, и цветящееся всеми потребными и изобилуя довольством*⁴⁴. В песне эта похвала выражена в формульном сравнении его с «каменной Москвой» и с другими городами («лучше Киева», «краше Питера», «Вологды»:

Между речками между быстрыми
На крутой горе расхорош город
На всей красоте распростроился.
Лучше Питера, краше Киева,
Лучше матушки каменной Москвы...

В некоторых вариантах песни встречается также упоминание о городских стенах, очевидно как об особом признаке величественности города: *Да что в три ряда стены камены; Ты в три рядика, ты в три каменных, / А четвертый ряд стекольчатый* (Приложение 1, №№ 1, 5); *«Лауччэ камённого да строеныця»* (Приложение 1, № 14); *«Лучше-то каменного строеныца»* (Приложение 1, № 16). Возможно, эту деталь в описании города следует воспринимать как одну из немногих сохранившихся реалий песенного текста.

С достаточной степенью условности можно указать на близость песни и «Сказания» по эмоциональному тону (*«И возгорется огонь великъ и дух бурень, и вихрь воста от восточных странъ. И град весь и самыя стены вся окрестъ града пожже, и освященный Божия церкви... И дворы все, яже бяху во обоих градах, вся вкупе полиза огонь всеядець в мале времени. Видение страшно и многим слезамъ достойно! Огню, зелным ветром и вихром гониму, вся вскоре изьядишу, и людем горевшим, невозмогшим убежати гонения пламеннаго...»*).⁴⁵ В некоторых песенных вариантах разрушения в городе во время пожара отражены в одной песенной строке: *«Стены камены, эх, рассыпаются»* (Приложение 1, № 13, 15, 16, 17, 18, 19).

Разумеется, ни о каких прямых текстовых совпадениях между книжным и песенным текстами в нашем случае не может быть и речи. Два эти текста были адресованы разным социальным слоям общества и содержат разные интенции. В песне в

⁴⁴ Там же. С. 324.

⁴⁵ Отметим, что этот отрывок текста, в свою очередь, имеет другой книжный источник — сочинение Максима Грека. — *Салмина М. А.* «Сказания вкратце о бывшем пожаре града Ярославля». С. 322.

качестве лирического героя фигурирует молодой купец, попавший в беду, который рассчитывает на сочувствие простых горожан.⁴⁶ «Сказание» же имеет явный теологический характер и рассчитано на церковную, клерикальную среду города. Одним словом, текстовое воплощение отклика на события в песенном сюжете и «Сказании» принадлежит к разновекторным явлениям культуры. Одно связано со средневековой книжной традицией, другое — с развитием светских демократических тенденций в русской культуре. Допускаем, что изначальный текст песни существовал в письменной стихотворной форме, но под воздействием устной музыкально-поэтической стихии утратил свой первоначальный авторский пратекст, следы которого все же можно обнаружить.

Музыкально-поэтический строй текста с цезурированным силлабическим стихом 5+5 следует рассматривать как исходную композицию. Этот стих представлен в записи Иваницкого как книжный силлабический 10-сложный стих: *Между речками, между быстрыми* или *Уж ты батюшка Ярослав-город*. Именно на силлабический книжный стих были ориентированы и все другие записи в сборнике Киреевского (*Ах ты батюшка, Ярослав город!* — (Приложение 1, №№ 1, 2, 5). Более того, такая запись выдерживается и в поздних публикациях текста на Печоре (*Между реченькой между быстрой* — Приложение 1, № 14). Книжность стиха маркируется и парной отлагольной дактилической рифмой (не всегда выдержанной): «запыляется = подымается», «загорается = остается» или мужской рифмой «купец = молодец». Однако под воздействием песенной музыкальной стихии книжный стих приобретает форму расширенного силлабического стиха 5+3+5, образцом которого служат мезенские записи: *Между речками, / между бы... / ой, да быстрыма* (Приложение 1, № 11) или, поздний вычегодский вариант: *Между ричками, (ох-да), / между быстрыма, (ай) / На крутой горе... / на... (ой, да на) всей кра... / ай, да красоте*. Структурная позиция асемантических вставок определяется напевом. Вне напева невозможно определить, какие из них имеют самостоятельную позицию в структуре песни, а какие не имеют. Поэтому в нашем случае происходит разрушение книжного стиха и появление песенных строф, что также подкрепляется и приемом цепного повтора:

Между ричками, (ох-да) / между быстрыма, (ай),
На крутой горе... / на... (ой, да) на всей кра... / ай, да красоте.
На крутой горе, на... (ох, да, на всей кра... ай, да красоте, (эх),

⁴⁶ Приложение 6.

Там хорош город ро... (ох, да) роспростроился.
(Приложение 1, № 9).⁴⁷

Записи же Языкова, Якушкина и Иваницкого, изданные без нотных расшифровок и ориентированные при публикации на книжный стихотворный текст (не делимый на строфы), по сути, не отражают истинную природу народного песенного текста. Они как бы возвращают его к изначальной письменной форме, правда, уже с разрушенными семантическими связями между отдельными ее частями когда-то единого в структурно-смысловом отношении стихотворного текста. В эпоху публикаций первых песенных сборников еще не была поставлена теоретическая проблема реконструкции формы народных лирических песен.⁴⁸

Вместе с тем, строфическая песенно-музыкальная структура позволяет осуществлять свободную интеграцию в различные песенные жанровые образования.

Как нам представляется, начальный книжный стихотворный текст о пожаре в г. Ярославле претерпел существенную трансформацию под влиянием законов устной поэтической системы; и по известным песенным вариантам восстановить его нельзя, опознавательным знаком темы исторической песни служит упоминание очевидца о постигшем город бедствии — «Ярославль город загорается». В этом и заключается феноменологическая сущность проделанной выше работы.

⁴⁷ Подобный запев мы встречаем в лирической песне «Что не пыль в поле запылилася», не имеющей прямого отношения к сюжету о пожаре Ярославля. Тем не менее она является одним из примеров песенной классики в репертуаре семейских Забайкалья. Соответственно, для стиля классической протяжной песни характерна силлабическая основа стиха (5+5 слогов). «Типична для протяжных крестьянских песен также и форма связи песенных строф: второй сольный запев, повторяющий последние слова первой строфы, основан на новом мелодическом материале, а часть, структурно соответствующая запеву первой строфы, во второй строфе становится началом хорового раздела. Такая разросшаяся строфа становится нормативной для всех последующих». — см. подробнее (Приложение 1, № 23).

⁴⁸ В отечественной фольклористике к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт составления региональных песенных сборников. К числу наиболее авторитетных относятся такие академические издания, как «Песни Пинежья», подготовленные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд (1937 г.), «Песни Поволжья», подготовленные Н. П. Колпаковой, Ф. В. Соколовым (1959), «Песенный фольклор Мезени», подготовленный Н. П. Колпаковой, Б. М. Добровольским (1967 г.); «Песни Печоры», подготовленный Н. П. Колпаковой, Б. М. Добровольским (1963) и некоторые другие. Нисколько не преуменьшая значимость других изданий, все же отметим одну характерную их особенность: песенные сборники, за немногим исключением, были рассчитаны только на специалистов-музыковедов или только на филологов и составлялись соответственно либо музыковедами, либо филологами-фольклористами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

(В Приложении 1 републикованы известные и дополнены новыми архивными записями тексты песенного сюжета о пожаре и публикуются тексты других сюжетов, содержащие близкие по содержанию музыкально-поэтические мотивы и образы. В сносках приводятся данные источника, паспортные сведения и комментарии издателей).

1⁴⁹

Ах ты батюшка, Ярослав город!
Хорошо больно построился⁵⁰
Ты в три рядика, ты в три каменных,
А четвертый ряд стекольчатый.
Не пыль в поле запылилася,
Не туман с моря подымается —
Ярославль город загорается,
Во той лавочке добрый молодец,
Перед ним стоит красна девица,
Зовет молодца на базар гулять,
На базар гулять, на всю ярманку:
«Мы зайдем с тобой во царев кабак,
Мы на рубль возьмем зелена вина,
На полтинушку сладкой водочки,
Зелья лютого на два грошика.
Поднеси вина своему батюшке,
Сладкой водочки — родной матушке,
Зелья лютого — молодой жене,
Меня, девицу, за себя возьми».⁵¹

⁴⁹ Кир. 1977. № 315 (без нот). См. также № 2.

⁵⁰ Хорошо больно построился
Ты в три рядика, ты в три каменных,
А четвертый ряд стекольчатый.

Ср.: Приложение 1, № 5:

Во три ряда стены каменные,
По четвертый ряд усё купечество,

⁵¹ Со слов: *Во той лавочке добрый молодец ...* до конца в других вар. не встречается.

Ах ты батюшка, Ярославль город!
 Хорошо город построился.
 Он построился, сам прославился⁵³
 Лучше города, лучше Питера,
 Краше матушки каменной Москвы.
 Что не пыль в поле запылилася,
 Не туман с моря подымается —
 Ярославль город загорается.
 Все лавочки занимались,⁵⁴
 Одна лавочка оставалася.
 Во той лавочке молодой купец,
 Молодой купец, всем купцам отец;
 Он вскричал-взгаркнул своим громким голосом:
 «Ох вы гой еси, купцы-товарищи!
 Вы отстойте мою лавочку!
 В моей лавочке дорогой товар,
 Дорогой товар из иной земли,
 Из иной земли, из нерусскаю».

Горе мое, гореваньце,
 Чижолое мое воздыханьце!

⁵² Кир. 1977. № 316 (без нот). (см. Приложение 1, № 3).

⁵³ Устойчивый песенный топос — прославление города Ярославля.
 Он построился, сам прославился
 Лучше города, лучше Питера,
 Краше матушки каменной Москвы.

См. также: № 4.

⁵⁴ Со слов: *Все лавочки занимались...* до конца — другая концовка.

⁵⁵ Кир. 1917. №№ 315—316. ГБЛ, ф. 125 п. 5 л. 1728—1728 об., 1730—1730 об. Копии: одна из них указана в СП. II, № 4, вторая (с междометием «Ох» вместо «Ах») — в СП. V, № 63, написана она тем же почерком, что и список. Все копии этой песни, включая еще один вариант, озаглавленный «Тягольная» и переписанный Киреевским, вложены им в обложку с надписью: «Ах, ты батюшка, Ярославль город» (п. 5, л. 1727—1730). Песня-баллада с устойчивым и характерным для поволжской традиции зачином. Варианты: Киреевский, НС, № 1624, 2221. (без нот) Ср.: Нестеров, № 1 с таким же зачином баллада о девушке в лодке разбойников. «Горе мое, гореваньце...» // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при I-м Моск. ун-те. — М., 1911—1929. — Вып. I—II. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). — М., 1929. — С. 214—215.

Ни знаю я, девушка, куда с горя деватися:⁵⁶
Мне в ход идти с горя ко милу дружку?
Мой милой у ворот стоит,
У ворот новых,
У столбов точенных,
У дверей крашенных.
Он не так стоял, мой милой,
Голову расчесывал,
Свои кудри ухарашивал,
Со кудрями речи возговаривал:
«Уж вы кудри мои, мои кудри молодецкие,
Не про вас ли, кудерьцы, прошла славушка,
Слава ярославская?»
Ярославль городок на горе стоит,⁵⁷
На всей славной красоте;
Ярославль город загорался,
Все казенные лавочки занимались,
Одна лавочка на углу оставалася;
В этой лавочки сидит молодой купец,
Купец лет семнадцати.
Выходил купец на красен крылец,
Закричал купец своим громким голосом:
«Ой еси, братия мои, товарищи!
Подойдите-ка ко мне, покалякайте,
Вы примите-ка меня за белы руки,
Вы сведите-ка меня с высока крыльца,
Распоясывайте кушак новой шелковой,
Вы снимите золоты ключи,
Отоприте мои лавочки,
Выбирайте мой дорогой товар,
Вывозите на дикую степь!»

⁵⁶ Со слов: Ни знаю я, девушка, куда с горя деватися:
Мне в ход идти с горя ко милу дружку? —
до слов: Не про вас ли, кудерьцы, прошла славушка,
Слава ярославская?»

Текст входит в мотивный комплекс «Горе девушки в ожидании милого дружка».

⁵⁷ Со слов: Ярославль городок на горе стоит,
На всей славной красоте;
Ярославль город загорался... до конца. —

Начинается другая версия основного сюжета о пожаре в г. Ярославле.
Ср. №№ 1, 2.

Уж ты батюшка мой, Ярослав-город!
 Ты хорошо, славно сам ты построен,
 Лучше Киева, Лучше Питера,
 Лучше Киева, чище Питера,
 Лучше матушки каменной Москвы.
 Ох, да что в три ряда стены камены,
 Во четвертый ряд все будить купечество,
 Все купечество, молодечество».⁵⁹

Ты почему, Ярослав-город, построился?
 Во три ряда стены каменные,
 По четвертый ряд усё купечество,
 Всё купечество, братцы, усе молодечество.
 Позади стоят всё три лавочки,
 Во этих лавочках усё дорогой товар,
 Дорогой товар — усе молодой купец.
 Во этой лавочки да три ленточки.
 Перва лентычка, братцы, только сто рублей,
 Другая лентычка — ровно тысяча,
 Третья лентычка усе сметы нет,
 На мое зазрынку⁶¹ смерти нет».

⁵⁸ Кир. 1917, № 152. Л. 2346, XXIV. Фрагмент баллады о пожаре Ярославля. НС, № 2020. Вар.: НС, № 1624, 1688, 1793, 2221, 2490. (без нот). Ср. зачин № 2.

⁵⁹ Ср. с близким вариантом № 5:

Ты почему, Ярослав-город, построился?
 Во три ряда стены каменные,
 По четвертый ряд усё купечество,
 Всё купечество, братцы, усе молодечество;

а также № 1: Ах ты батюшка, Ярослав город!

Хорошо больно построился
 Ты в три рядика, ты в три каменных,
 А четвертый ряд стекольчатый.

⁶⁰ Кир. № 265 Л. 143 [Ярославль-город загорелся]. (без нот). Фрагмент баллады с эпическим мотивом пожара Ярославля, без окончания. Копии: п. 16, л. 4140—4141 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1286. НС, № 1793. См. прим. к № 152 то же изд.

⁶¹ «Зазрынка» — не понятно; возможно, «зажинка».

Как пониже села Лыскова, да как,⁶³
 Как повыше села Монасты...
 Эй, да Монастырского.

Как повыше Монастырского, да как
 Протекала тута речка бы...
 Эй, да речка быстрая.

Протекала речка быстрая, да как
 По прозванью эта речка Кер...
 Эй, да речка Керженка.

По прозванью речка Керженка, да как,
 Как по этой речке плыла ло...
 Эй, да плыла лодочка.

Как по речке плыла лодочка, да как
 На корме-то сидит есаул,
 Эй, да есаул с веслом.

На корме-то есаул с веслом, да как
 На носу-то сидит атаман,
 Эй, да атаман с ружьем.

На носу-то атаман с ружьем, да как
 Среди лодки стоит бел шатер,
 Эй, да бел шатер с казной.

⁶² *Нестеров А.* Народные песни Горьковской области. М., 1972. № 1. (без нот). «Спела Лисина Мария Нестеровна (р. 1879). Село Бортсурманы Пильнинского р-на, 1951 г. Эпический склад мелодики, большая выразительность, оригинальность общей структуры, содержательность текста — все эти качества выдвигают песню в число редких по своей художественной силе образцов. Не случайно она пользуется при исполнении неизменным успехом». Первая часть песни представляет собой известный сюжет разбойничье песни «Ты взойди-ка, красно солнышко» — Лопатин, Прокунин, № 51 и др. Ср. Приложение 1, № 20.

⁶³ Издатель неточно отразил ритмику строфы: следовал бы:

Как пониже села Лыскова, да как,
 Как повыше села Монасты...эй, да Монастырского.

Как повыше Монастырского, да как
 Протекала тута речка бы...эй, да речка быстрая.

Среди лодки бел шатер с казной, да как
В том шатре сидит девица,
Эй, да раскрасавица.

Как сидит там раскрасавица, да как
Есаулу сестра родная,
Эй, да сестра родная

Есаулу сестра родная, да как
Атаману — полюбовница,
Эй, да полюбовница.

Атаману полюбовница. Да как
Есаулу-то быть зарезану,
Эй, да быть зарезану.

Есаулу быть зарезану, да как
Атаману-то быть повешену,
Эй, да быть повешену.

Атаману быть повешену. Да как
Не туман ли с моря подыма...
Эй, да подымается.

Не туман ли подымается, да как⁶⁴
Ярославский город загора...
Эй, да загорается.

Ярославский загорается, да как
Загоралась, братцы, в ряду ла...
Эй, да в ряду лавочка.

Загоралась в ряду лавочка, да как
В этой лавке молодой купец,
Эй, да молодой купец.

В этой лавке молодой купец, да как
Закричал он громким голосом,
Эй, да громким голосом.

⁶⁴ Сюжет о пожаре в Ярославле начинается с усеченной зачинной формулы: Ср.: №№ 1, 2:

Что пыль в поле запылилася,
Не туман с моря подымается —
Ярославль город загорается.

И далее развитие повествования см.: №№ 8—14.

Закричал он громким голосом, да как
«Уж вы братцы, вы товарищи,
Эй, да вы товарищи.

Уж вы братцы, вы товарищи, да как
Вы отбейте в ряду лавочку,
Эй, да в ряду лавочку.

Вы отбейте в ряду лавочку, да как
В этой лавке дорогой товар,
Эй, да дорогой товар.

В этой лавке дорогой товар, да как
Плисы, бархат, ленты алые,
Эй, да ленты алые.

Плисы, бархат, ленты алые, да как,
Как за первую ленту сто рублей,
Эй, да как за первую ленту сто рублей.

Как за первую ленту сто рублей, да как
За вторую ленту тысячу.
Эй, да за вторую — тысячу».

765

Уж ты, батюшка, Ярослав-город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Между двум рекам, между быстрыми
Между Волгой да между Которостью.
Как по Волге-реке, по реченьке
Тут плыла же ведь легка шлюпочка.
Ужо всем-то шлюпочка изукрашена,
Добрым молодцам испосажена.
Во корме шлюпки генерал сидит,
Перед ним-то ведь офицер стоит,
Посередь шлюпки бел-шелков шатёр,
Во шатре стоит дубовый стол,
Во столе лежит золота казна,
Золота казна государева.
За столом сидит красна девица,

⁶⁵ Иваницкий 577. (без нот) *Уж ты, батюшка, Ярослав-город*. Несвойское, АН, 3; то же, АН I, 208; Несвойская вол., ГО, 7 (пов). Напоминает о сюжете только зачин, далее следует совершенно иное развитие действия, отдаленно напоминает «девушка в лодке разбойников». Ср. № 6.

Генералова родна сестрица,
Офицерова полюбовница.
Красной девице сон привиделся:
Генералу-то быть убитому,
Офицеру-то быть расстреляну,
А мне, девице, во тюрьме сидеть
За казну-то государеву.

8⁶⁶

< Между речками между быстрыми
На крутой горе расхорош город
На всей красоте распростроился.
Лучше Питера, краше Киева,
Лучше матушки каменной Москвы,
Что не пыль-то во поле расстиляется.⁶⁷
Что не пыль-то во поле запыляется,⁶⁸
Не туман-то с моря подымается, —
Ярослав-город загорается.
Одна лавочка оставається.
В этой лавочке молодой купец,
Молодой купец — добрый молодец.
Он вскричал своим друзьям-приятелям:
«Вы друзья мои, приятели!
Не оставьте меня при несчастье,
Приотстойте-ка мою лавочку,
Всё со мелкими со товарама:
Дорогой товар: мелкой злат жемчуг.
Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
Первая-то ленточка — сто рублей,
Другая-то ленточка — пятьсот рублей,
Третью-то ленточку платил тысячу,
Мелкотной товар — за злат жемчуг,
Злат жемчуг — деньгам счёту нет».

⁶⁶ Иваницкий. 578. (без нот) *Что не пыль-то во поле запыляется.* Сольвычег. у., АН, 15. В публикуемом варианте отсутствует начало текста зачина и восполнено издателем(?) из другого варианта текста. Ранний вариант из севернорусской версии сюжета.

⁶⁷ Вар. зачина из записей Иваницкого, № 578 (см. сноску), АН II, 186. АН II: ст. 1—6.

⁶⁸ Ср. с зачином поздней печорской записи:
«То не пыль с поля подымается,
Ой, да не с моря туман да расстиляется,
Ой, Ярославль — город загорается,
Ой, да одны стены камены да рассыпаются».

(лавочки открываются, в лавочках дорогой товар — молодой купец. Пожар г. Ярославля) (0704-11. д. Куя, 0706 — д. Великовисочная (Ф) — Фольклорный архив СГУ. Вып. 1. № 123, 127.

Между ричками, (ох-да)/ между быстрымя, (ай),
 На крутой горе... /на... (ой, да) на всей кра.../ай, да красоте.

На крутой горе на... (ох, да), на всей кра...ай, да красоте, (эх),
 Там хорош город ро... (ох, да) распростроился.

Там хорош город ро... (ох, да) распростроился, (да)
 Лучше Питера кра...(ох, да) краше Киева.

Лучше Питера кра...(ох, да) краше Киева, (да)
 Лучше матушки ка... (ох, да) каменной Москвы.

Лучше матушки ка... (ох, да) каменной Москвы, (ай)
 То не пыль в поле за... (ох, да) запыляется.

То не пыль в поле за... (ох, да) запыляется, эх,
 Не туман в море по...(ох, да) подымается.

Не туман в море по...(ох, да) подымается, (да)
 Еруслав-город за...(ох, да) загорается.

Еруслав-город за...(ох, да) загорается, эх,
 Одна лавочка о...(ох, да) остается.

Одна лавочка о...(ох, да) остается, эх,
 Да и та уж с конца, (ох, да) загорается.

Да и та уж с конца, (ох, да) загорается, эх,
 Есть в лавочке мо...(ох, да) молодой купец.

Есть в лавочке мо...(ох, да) молодой купец, (да)
 Молодой купец до...(ох, да) доброй молодец.

Молодой купец до...ох, да доброй молодец,
 Да он кричал, да ревел, ох, своим товаришам.

Он кричал, да ревел, ох, своим товаришам:
 «Ах, вы дружки-то мои, ох, да, вы товариши,

Вы дружки-то мои, ох, да, вы товариши,
 Ах, не оставьте молодца, ох, да при бедности.

⁶⁹ Абрамский. № 17. Запись А. С. Абрамского (1964 г.) д. Остров Ленского района Архангельской области с голосов: В. В. Бильковой (55 лет) и Е. О. Маховкиной (76 лет). Нотация Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

Не оставьте молодца, ох, да при бедности,
Да отнимите мою...ох, да мою лавочку.

Отнимите мою...ох, да мою лавочку,
Ах, с дорогими лавку, ох, да со товарами.

С дорогими лавку, ох, да со товарами,
Да с кумачами-то ши...ох, да шито=бранными.

С кумачами-то ши...ох, да шито=бранными,
Да с дорогими, алыми, ох, да кысолентами⁷⁰.

С дорогими, алыми, ох, да кысолентами,
Да перва ленточка сто... ох, да стоит сто рублей.

Перва ленточка сто... ох, да стоит сто рублей,
Да втора ленточка сто... ох, да стоит тысячу.

Втора ленточка сто... ох, да стоит тысячу,
Да третьей ленточке-то, ох, да ей цены-то нет.

Третьей ленточке-то, ох, да ей цены-то нет,
Да перва ленточка ро...ох, да родной мамушки.

Перва ленточка ро...ох, да родной мамушки,
Да втора ленточка ро...ох, да родной сестрицы.

Втора ленточка ро...ох, да родной сестрицы,
Да третья ленточка мо... ох, да молодой жоны.

Третья ленточка мо... ох, да молодой жоны,
Ах, молодой жоны, ох, да жонки-барыни.⁷¹

10⁷²

Между речками, между бы... ой да, быстрыми,
Да, на круто... ой горе, на высо... ой, высокою,

На крутой горе, на высо... ой, высокою,
Да(э) хорош от город(ы) постро... ой, построился.

⁷⁰ Прим. правильно — «косолентами».

⁷¹ Текстовый вариант севернорусской версии сюжета.

⁷² Абрамский, 39 (Лешуконский р-н, д. Пылема). (ноты)

Э, хорош от город(ы) постро... ой, построился,
Да, лучше Пи...(и)тера, краше Ки... краше Киева.

Лучше Питера, краше Ки... ой да, Киева,
Да, лучше ма...атушки каменно.. ой и да, Москвы.

Лучше ма...атушки каменно.. ой и да, Москвы,
Да, каменно... ой Москвы, славной Во... ой да, Вологды,⁷³

Каменной Москвы, славной Во... ой да Вологды.
Да там не пыль, ой, в поле подыма... подымается.

Там не пыль, ой, в поле подыма... подымается,
Да, не туман, ой, с моря расстила... расстилается.

Не туман с моря расстила... расстилается,
Да, Ярославль от город загора... загорается.

Ярославль город загора... загорается,
Да, одна ла... авочка остава... остается.

Одна лавочка остава... остается,
Да, в этой ла... авочке молодой, молодой купец.

В этой лавочке молодой, молодой купец,
Да, молодой... ой купец, добрый мо... добрый молодец.

Молодой купец, добрый мо... добрый молодец,
Да он ходи... ил, кричал-то по го... ой, по городу.

Он ходил, кричал-то по го... ой, по городу,
Да, он проси... ил друзей-то това... ой, товарищей.

Он просил друзей-то-това... ой, товарищей:
«Да, сбереги... ите вы мою ла... мою лавочку.

Сбереги... ите вы мою ла... мою лавочку,
Да, все со ра...зными со това... со товарами.

Всё со разными со това... со товарами.
Да, всё со ле...ентами-то со а... ой, со алыми.

⁷³ В отличие от других вар., где Ярославль сравнивается с Киевом, Питером и Москвой, дополнено Вологдой.

Всё со ле...ентами-то со а... ой, со алыми.
Да, первая ле... енточка стоит сто, ой, и сто рублей.

Перва ленточка стоит сто, ой, и сто рублей,
Да втора ле... енточка — окол ты... окол тысячи.

Втора ленточка — окол ты... окол тысячи,
Да, третья ле... енточка — той цены, той цены уж нет.

Третья ленточка — той цены, той цены уж нет.
Да первая ле... енточка молодой, молодой жены.

Перва ленточка молодой, молодой жены.
Да втора ле... енточка та родной, та родной сестры.

Втора ленточка та родной, та родной сестры,
Да третья ле... енточка полюбо... полюбовницы»

11⁷⁴

Между речками, между бы... ой, да быстрыма;
Ой, да на крутой горы, на высо... ой, на высокою,
На крутой горы, на высо... высокою, ой,
Да есть хорош город испостро... ой, построился,
Есть хорош город испостро... ой, построился, ой,
Да лучше Питера, краше Ки... ой, да Киева,*
Лучше Питера, краше Ки... ой, да Киева,
Да лучше матушки каменной да Москвы,
Лучше матушки каменной да Москвы,
Да каменной Москвы, славной Во... ой, Вологды,
Каменной Москвы, славной Во... ой, Вологды.
Что не пыль в поле распыля... ой, распылялася,
Что не пыль в поле распыля... ой, распылялася,
Не туман с моря подыма... ой, подымается,

⁷⁴ ПФМ — №40, с. 325. Дер. Едома Лешуконск. р-на. У. П. Малышева 73 л., М. Д. Пономарева 60 л., П. К. Малышева 50 л., 15.07.1958. Лирическая протяжная (семейно-бытовой цикл) с эпическим мотивом пожара г. Ярославля. Была известна в XIX в. Библиогр. См. Песни Печоры. № 20. Встречается с разными зачинами («Между речками, между быстрыми», «По край реченьки, по край быстрою», «То не пыль в поле распыляется»). Напевы, записанные даже в деревнях одного района, различны. Наблюдается сходство лишь в ладовом строении пинежского и мезенского музыкального текста. Словесные тексты публикуемых вариантов более подробны и цельны, чем в записи 1928 г. из дер. Вожгоры этого же района. В 1958 г. встречается в репертуаре старшего поколения.

Не туман с моря подыма... ой, подымается,
Еруслан-город загоря... ой, загорается,
Еруслан-город загоря... ой, загорается.
Да една лавочка оста... ой, остается,
Да една лавочка оста... ой, остается.
В этой лавочке молодой сидел купец,
Да молодой купец, доброй мо... ой, молодец,
Молодой купец, доброй мо... ой, молодец,
Да выходил-то он на улочку,
Да выходил-то он на улочку,
Да он кричал своим громки... ой, громким голосом,
Да он кричал своим громки... ой, громким голосом:
«Ой, вы друзья ли мои, това... ой, товарищи,
Вы друзья ли мои, това... ой, товарищи,
Да не оставьте меня при бе... ой, при бедности,
Не оставьте меня при бе... ой, при бедности,
Сберегите мою ла... ой, да лавочку,
Сберегите мою ла... ой, да лавочку.
В этой лавочке дорогой есть товар,
В этой лавочке дорогой есть товар.
Дорогой товар — есть три ле... ой, три ленточки,
Дорогой товар — есть три ле... ой, три ленточки,
Перва ленточка — восемьсот она рублей,
Перва ленточка — восемьсот она рублей,
Да втора ленточка — окол ты... окол тысячи,
Втора ленточка — окол ты... окол тысячи,
Третья ленточка — ей цены... ой, ей цены-то нет,
Третья ленточка — ей цены... ой, ей цены-то нет.
Да перва ленточка молодой была сестры,
Перва ленточка молодой была сестры,
Да втора ленточка молодой моей жены,
Втора ленточка молодой моей жены,
Да третья ленточка да полюбо... ой, полюбовницы.

12⁷⁵

Между речками, между бы... ой, быстрьма;
Да на крутой горы, на висо... ой, на високою,
На крутой горе, на високо... ой, високою
Да есть хорош город испостро... ой, построился,
Есть хорош город испостро... ой, построился,
Да лучше Питера, краше Ки... ой, да Киева,

⁷⁵ ПФМ. № 41, с. 87—88; 325. Село Лешуконское В. Опарина 29 л. и молодежный хор при местном доме культуры 12.07.1958.

Лучше Питера, краше Ки... ой, да Киева,
 Да лучше матушки каменной был, ой, Москвы,*
 Лучше матушки каменной был, ой, Москвы,
 Да то не пыль с (в) поля(е) распыляй... пыляется,
 То не пыль с поля распыляй... пыляется
 Да не туман с моря поднимай... ай, дымается,
 Не туман с моря подымай... дымается,
 Яруслав-город разгорай... горается,
 Еруслав-город загорай... горается.
 Да (е)одна лавочка оставай... (ой), (о)стается,
 (Да) (е)Одна лавочка оставай... (ой, о)стается.
 Да в этой лавочке молодой сидел купец,
 Да молодой купец, доброй мо... ой, да молодец,
 Молодой купец, доброй мо... ой, да молодец,
 Да он кричал, бежал вдоль по го... ой, по городу,
 Он кричал, бежал вдоль по го... ой, по городу:
 «Да, вы друзья ли мои, това... ой, товарищи,
 Вы друзья ли мои, това... ой, товарищи,
 Да сохраните мою вы ла... ой, да лавочку,
 Сохраните мою вы ла... ой, да лавочку.
 Да в этой лавочке дорогой да есть товар,
 В этой лавочке дорогой да есть товар.
 Да дорогой товар — есть три ле... ой, да ленточки,
 Дорогой товар — есть три ле... ой, да ленточки,
 Да перва ленточка восемьсот стоит рублей,
 Перва ленточка восемьсот стоит рублей,
 Да втора ленточка стоит ты... ой, да тысячу,
 Втора ленточка стоит ты... ой, да тысячу,
 Да третьей ленточке ей и цены... ой, да цены нет,
 Третьей ленточке ей и цены... ой, да цены нет.
 Да перва ленточка родной се... ой, да сестрицы,
 Перва ленточка родной се... ой, да сестрицы,
 Да втора ленточка молодой моей жены,
 Втора ленточка молодой моей жены,
 Да третья ленточка - полюбо... ой, полюбовницы»».

13⁷⁶

Между рецками, между бы... ой, да быстрама
 Да на крутой горы, на высо... ой, высокою

⁷⁶ *Мякушин М. Н.* Мои песни; лешуконские песни, собранные М. Н. Мякушиным / Подгот. Е. И. Якубовская. Архангельск, 2016. № 10. С. 92, 160, 328—330, 503. Лирическая протяжная песня. РО ИРЛИ РАН, р. V, к. 231, п. 1, № 3, л. 7 об.—8 об. Напев № 9 (Глава 5). Вар.: Абрамский, № 39, ПФМ, № 40, 41. ФА ИРЛИ, к. 298. МФ 0747.09.

Есь хорош город испостр<o>... построился —
Да лучше Питера, краше Ки... ой, да Киева,
Да лучше матушки каменной да Москвы,
Да каменной Москвы, славной Во... ой, да Вологды.
Да то не пыль в поли спыля... ой, пыляласе,
Да не туман с моря поды... ой, ..дымается —
То Ярославль-город загора... ой, ...гораице
Да камена стена рассыпа... ой, ...сыпаецце.
Да вдоль по городу, вдоль по площ... ой, по площади
Да как бежит купец, доброй мо... ой, да молодец.
— Да вы друзья де мои, това... ой, товарищи,
Сохраните-ко мои ла... ой, да лавочки,
Они со мелкими со това... ой, с товарами,
Да всё со лентоцками со а... ой, со алыма!
Да перва лентоцка восемьсот стоит рублей,
Да друга лентоцка — окол ты... ой, да тысеци,
Да третьей лентоцки — той цены... ой, цены ей нет.
Да перва лентоцка — та родной... ой, родной сестры,
Да друга лентоцка — молодой моей жоны,
Да третья лентоцка — полюбо... ой, любовницы.

13а

Между рецками, между бы... ой, да быстрыма, да
На крутой горы, на высо... ой, высокою.

На крутой горы, на высо... ой, высокою, да
Там хорош город испостр<o>... построилсе.

Там хорош город испостр<o>... построилсе, да
Лучше Питёра, краше Ки... э-ей, Киёва.

Лучше Питёра, краше Ки... эй, да Киява, да.
Лучше матушки камянно... ой(и)да Москвы.

Лучше матушки камянно... ой(и)да Москвы(й), да
Да каменной вот бы, славной Во... ой, да Вологды.

Ох между рециникою ох между быстрою у ох да
 На-а ой на крутой горы да-ы ой на фьсе красоты ой

На крутой горы на-(а) фьсе красоты (ы)
 Был ро(а)схорошой горот Ай да роспроилсы... ой

Росхорошой горот роспростролсы
 Э- да ла(о)уччэ Питёра, кра... ай, да крашэ Киё(а-ай) да Киёва уш

Ла(у)ччэ Питёра крашэ Киёва
 Да лауччэ матушки ка... ай да, камённой да Москвы ой,

Лауччэ матушки камённой Москвы
 Да луччэ камённого(о) нова строе(е)ньица ой

Лауччэ камённого да строеньица (а) да
 Што (о) не пыль ф поле за... (ай да) запыла..ай, пылаицце, ох,

Што то не пыль ф поле да пылаицце да
 Не съве туман с моря поу...(а-ой да) подним ище...

Между реченькой между быстройей,
 На крутой горы на высокойей,
 На крутой горы, эх, на высокойей,

⁷⁷ ППин. № 64. (д. Поганец). Фон. Арх. № 85. Зап. 17.06.1927. В XIX в. песня по-видимому была широко распространена в центральных районах русского населения (записи Киреевского, Прокунина). В Северном крае нами не зарегистрирована. Характерные для нее образы (ярославские купцы, лавка и т.д.) в пинежских лирических песнях почти не встречаются; по всей вероятности она занесена из центральных районов. Однако стиль ее распева заставляет предполагать, что в Поганцевской школе она культивируется уже давно. Ср.: ППеч. №№ 20, 162, 167.

⁷⁸ ППеч. № 20. Зап. В д. Трусовской У-ц р-на от Н. Ф. Ермолина 70 лет, 18.07.55. Лирическая протяжная (с эпическим мотивом пожара города Ярославля). Много раз печаталась в XIX в. (библ. Песни Пинежья, № 64). В советское время опубликована Леонтьевым (№ 53) и Абрамским (№ 30). Настоящий вариант дает несколько схематичное изложение текста. На средней Печоре широко известна среднему и старшему возрастам в сходных вариантах с зачинами «То не пыль в поле распыляется», «По край реченьки», «Между реченькой, между быстрою». Запись 1929 г. из нижнепечорского района дает более полный текст. Нижнепечорские варианты в записях 1956 г. см. ППеч. №№ 162 и 172.

Там построился нов хорош город,
Басче Питера, эх, краше Киева,
Басче Питера, краше Киева,
Лучше матушки, эх, каменной Москвы,
Лучше матушки каменной Москвы.
Как не пыль в поле, эх, подымалася,
Как не пыль в поле подымается,
Ярослав-город, эх, загоряется,
Ярослав-город загоряется,
Стены камни, эх, рассыпаются, (2)
Одна лавочка, эх, остается,
Одна лавочка остается.
В этой лавочке, эх, молодой купец,
В этой лавочке молодой купец,
В этой лавочке дорогой товар,
Дорогой товар — есть три ленточки.
Перва ленточка, эх, во пятьсот рублей,
Втора ленточка — та во тысячу,
Третьей ленточке, эх, цены-сметы нет.
Во пятьсот — то да родной сестрице,
Ах, во тысячу — эх, молодой жены,
Ах, во тысячу — молодой жены,
Ах, бесценная — та сполубовнице.

16⁷⁹

По край реченьки, по... по край быстрей,
Ой, да на... на крутой горы на высокостей,
На крутой горы на высокостей,
Ой, да там хорош город испостроился,
Там хорош город испостроился,
Ой, да лу... ой, лучше Питера, краше Киева,
Лучше Питера, краше Киева,
Ой, да лу... ой, лучше матушки каменной да Москвы,
Лучше-то матушки каменной Москвы,
Ой, да ли ой,... лучше каменного строеньица,
Лучше-то каменного строеньица.
Ой, да что не пыль в поле расплывается,

⁷⁹ ППеч. № 162. Зап. В д. Вел. Виска Нарьянмарского района Архангельской обл., от А. Г. Шалькова 51 г., Н. С. Шальковой 55 л. И хора 12.07.1956. Лирическая протяжная (с эпическим мотивом пожара Ярославля). См. № 20. Данный вариант подробнее среднечорского, но не имеет присутствующих там восьми заключительных строк. На нижней Печоре известна во многих деревнях старшему возрасту. Другой нижне-печорский вариант см. ППеч. № 172.

Что-то не пыль в поле распыляется,
Ой, да не... ой, не туман с моря подымается,
Не туман с моря подымается,
Ой, да Я... ой, Ярослав-город загорается,
Ярослав —город загорается.
Ой, да сте... ой, стены-то камни рассыпаются,
Стены-то камни рассыпаются,
Ой, да е... ой, една-то лавица остается,
Една лавица остается.
Ой, да что ой... во той-то лавице дорогой товар,
Дорогой товар да молодой купец,
Молодой-то купец да скаченной жемчуг.

17⁸⁰

Между речками, между быстрыми,
Да меж дорожками меж широкими,
На крутой горе на высокой,
На крутой горе на высокой
Да испостроился Еруслав-город,
Испостроился Еруслав-город.
Да Еруслав-город лучше Питера,
Да лучше Питера, краше Киева,
Лучше Питера, краше Киева,
Да лучше матушки каменной Москвы,
Лучше матушки каменной Москвы,
Да каменной Москвы, славной Вологды.
Да что не пыль в поле распыляется,
Что не пыль в поле распыляется,
Да не туман с моря подымается,
Не туман с моря подымается —
Да Еруслав-город разгорается,
Еруслав-город разгорается,
Да камни стены рассыпаются,
Камены стены рассыпаются.
Да една лавочка остается,
Една лавочка остается,
Да эта лавочка со товарами,
Эта лавочка со товарами —

⁸⁰ ППеч. № 295 (172) Записана в д. Оксино Нарьянмарского района Архангельской обл., от П. Ф. Кармановой 70 л. 19.07.1956. Публикуемый текст дает полный и подробный вариант, близкий к записи 1929 г. из этого же района. 295 — перепечатка.

Да что со ленточками со алыми,
Что со ленточками со алыми.
Да в этой лавочке молодой купец,
В этой лавочке молодой купец,
В этой лавочке молодой купец,
Да молодой купец, славной молодец,
Молодой купец, славной молодец.
Да перва ленточка стоит сто рублей,
Перва ленточка стоит сто рублей,
Да втора ленточка стоит тысячу,
Втора ленточка стоит тысячу,
Да третьей ленточке цены не было,
Третьей ленточке цены не было.
Да перва ленточка — молодой жене,
Перва ленточка — молодой жене,
Да втора ленточка — та родной сестре,
Втора ленточка — та родной сестре,
Да третья ленточка — полюбовнице,
Третья ленточка — полюбовнице,
Да полюбовнице, красной девице!

17a⁸¹

То не пыль с поля подымается,
Ой, да не, не с моря туман расстилается.
Не с моря туман расстилается,
Ой, да Я... о, Ярослав(ль) город загорается.
Ерославль город загорается,
Ой, да одны... одны стены каменны рассыпаются.
Стены каменны рассыпаются,
Ой, да одны лавочки открываются.
Одны лавочки открываютсе,
Ой, да в е... ой, в этих лавочках дорогой товар.
В этих лавочках дорогой товар,
Ой, да до... ой, дорогой товар, молодой купец.
(*Всё больше*).

⁸¹ ФА СГУ, АФ 0704-11: Нарьянмарский район Архангельской обл., д. Куя, исполнитель не назван (мужчина); зап. 06.07.1988 А. Н. Власовым и Е. Шевченко. Расшифровка текста Т. С. Каневой. Поздняя запись близкого фрагмента.

Между речками, между быстрыми
 На крутой горе во всей красоте
 Распрострился рохорош город,
 Лучше Питёра, краше Киёва,
 Лучше матушки каменной Москвы.
 Не туман с моря подымаетца,
 А не пыль в поле запылеетца,
 Ярославь-город загораецца,
 Камянны стены россыпаютца.
 Одна лавоцка оставаецца,
 А и та с конца загораецца.
 В этой лавоцке молодой купец,
 Молодой купец, доброй молодец.
 Он кричал своих приятелей:
 «Вы друзья мои, приятели,
 Не оставьте меня при бедности,
 Приотстойте мою лавоцку.
 В этой лавоцке дорогой тавар,
 Дорогой тавар, мелкой злат жемчуг,
 Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
 За перву ленту платил сто рублей,
 А за другу ленту платил тисицу,
 А за третью ленту платил сцёту нет.
 Перва лентоцка петенбургская,
 А другая ярославская,
 Третья лентоцька москоськая.

Между реченькой
 Между реченькой, между быстрою,
 На крутой горе, на всей красоте
 Расхорош город распротроился,
 Лучше Питера, краше Киева,
 Лучше матушки каменной Москвы.
 Не пыль то ли в поле запыляется,

⁸² РО ИРЛИ. К. 66, (Романов), п. 4. Фольклор Устьи. Очерк 9. Зап. Д. Кырганда Устьянского района, от Марии Федоровны Кошелевой. Вариант Романова близок к вычегодскому вар. № 15, есть незначительные текстовые разночтения и концовка другая. (без нот)

⁸³ Линева. д. Фоминская. Первая песня свадебная, как сели за стол. Демид и Василий Андреевичи. Копыловы.

Да Ярославль город загорается,
Каменны стены рассыпаются,
Одна лавочка остается,
В этой лавочке молодой купец
Молодой купец да добрый молодец.
Он кричал своим друзьям приятелям:
— Вы друзья ли мои приятели,
Не оставьте меня при бедности,
Да приотстройте мою лавочку,
Мою лавочку с мелкими товарами,
Со мелким товарчиком — алы ленточки
Да желтые тесемочки.

20⁸⁴

Ах ты, наш батюшка Ярославль город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрых —
Промежду Волги реки, промеж Котросли;
С луговой было со сторонунки,
Протекала тут Волга матушка;
Со нагорной да со сторонунки
Пробегала тут речка Котросля.
Что с верху-то было Волги матушки,
Что плывет-гребет легка лодочка.
Хорошо-то была лодка изукрашена:
У ней нос, корма раззолочены;
Что разшита легка лодочка
На двенадцатеры весельца.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полнобвница.
Она плачет, что река льется;
В возрыданье слово молвила:
«Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,

⁸⁴ Чулков. 1780 года, часть I, с. 182. Ср. № 6.

Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть поиману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть!»

21⁸⁵

Ой, да не туман с моря подымается.
2. Не туман с моря подымается,
Ой, да подымались гуси серые.
3. Подымались гуси серые,
Ой, гуси серыя, лебедь белая.
4. Лебедь белая, я не бить хочу,
Ой, да расспросить хочу про свойво дружка.
5. Про свойво дружка, про Иванушку...
Ой, да друг Иванушка убитый лежит.
6. Друг Иванушка убитый лежит,
Ой, да спод его рёбер кровь ручьём бежит.
7. Ой, да его ножутки при — в дорожутке,
Ой, да голова его при — в заботушке.
8. Голова его при — в заботушке,
Ой, да голова его в лазоревом кусте.

22⁸⁶

Не пыль в поле запылилась,
Не туман с моря подымается.
Подымались с моря гуси-лебеди.
Гуси-лебеди, утки серые.
Серы утушки плывут со утятками.
Гуси-лебеди с моря подымались,
Все сине море всколыхалося.
Бела рыбица в море заыгралася,
Все на низ ушла в тихи заводи,
В тихи заводи, в омута глубокие,
В омута глубокие, во места удобные.
Что не гуси, что не лебеди
Со синя моря подымались,

⁸⁵ Брянская обл. (покосная песня).

⁸⁶ Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Саратов, 1969. С. 169. № 10. Записана А. Н. Пасхаловой в начале 50-х гг. XIX в., хранится в архиве РГО, разряд XXXVI, № 58, песня 42.

Подымались братцы, добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все бурлаченьки понизовые
На работушку государеву.
Провожают добрых молодцев
Отцы-матери, молоды жены,
Молоды жены, малы детушки.

23⁸⁷

1. Э-ой, да что не пыль-то ли в поле,
Ох, ох, в полюше да она запыли...
И ну, э-ох, да запылила...
И не пыль запыли... запылилася.

2. Ой, запылилася.
Ох, да не тума... ли-то ли с моря,
Ну, э-ох, с морю... (шка) туман поднима...
И ну, э-ой, да по... (дыма) ...
С моря подымается.

⁸⁷ Руднева А., Щуров В., Лушкина С. Русские народные песни в много-микрофонной записи. С. 162—168, 215.

11. *Что не пыль в поле запылилася.* Лирическая. Один из примеров песенной классики в репертуаре семейских. Песня отличается глубокой содержательностью поэтического образа и совершенством музыкальной формы. Одному стиху тонического типа с тремя логическими акцентами соответствуют четыре музыкальные фразы, во второй из них происходит отклонение в тональность V ступени, а последняя выполняет роль резюмирующего построения, утверждающего основную тональность. В распевании стиха важную роль играют словообрывы, повторы. Все это — отличительные признаки традиционной лирической песни.

Характерна для стиля классической протяжной песни силлабическая основа стиха (5+5 слогов):

Что не пыль в поле / запылилася,
Не туман с моря / подымается,
Поднялись с моря / гуси серые.

Типична для протяжных крестьянских песен также и форма связи песенных строф: второй сольный запев, повторяющий последние слова первой строфы, основан на новом мелодическом материале, а часть, структурно соответствующая запеву первой строфы, во второй строфе становится началом хорового раздела. Такая разросшаяся строфа становится нормативной для всех последующих.

Оригинальна ладовая сторона произведения: изменение звуковысотности VII ступени. (с. 215) — *Щуров В.* Песни села Афанасьевка Алексеевского района Белгородской области. Песни семейских Забайкалья // Там же. С. 215.

3. Ой, подымается.
Ах, подняли... (ся)-то ли с моря,
Ну, ох, с морюшка ёни гуси се...
И ну, э-ох, да гуси се...
С моря гуси ёни серыя.

4. Ой, серые.
Эх, высоко-то гуси летять,
Ну и ох, летят, они жалобно,
И ну, э-ой да, жалобно.
Летят, жалобнёшенько кричат.⁸⁸

Как один-то гусенок выше всех,
Выше всех гусей летел,
Жалобней всех кричал,
Жалобу свою он направлял
На ясного сокола:
Разорил сокол мое теплое гнездышко,
Мое теплое гнездышко,
Победил-то сокол моих малых деток,
Малых деточек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 (источники)

1. (из картотеки) Колпакова: 5.932

На крутой горе стоит прекрасный город Ярославль; в нем начинается пожар; огонь окружает лавку с красным товаром; молодой купец просит товарищей спасти его имущество и в том числе три ценных ленточки, назначенных в подарок его матушке, жене, любимой девушке.

Кир. № 1624, Ах ты батюшка, Ярослав город
№ 1793, Ты почем, Ярослав город построился
№ 2020, Уж ты, батюшка мой, Ярослав город
2221, Ах ты батюшка, Ярослав город
Прок.-Чайк., № 41, Что не пыль-то в поле запылилася
П.Пин., № 64, Ох, между реченькою
Леонт., № 53, По край реченьки, по край быстрой
П.Печ., № 20, Между реченькой, между быстрой
П.Печ. № 162, По край реченьки, по край быстрой
П.Печ., № 172, Между речками, между быстрыма
Пес.ф-р.Мез. № 40, 41, Между речками между быстрыма

⁸⁸ Поэтический текст был зафиксирован не полностью. В сборнике А. Элиасова и И. Ярневского «Фольклор семейских» песня имеет следующее продолжение (Ук. Изд., № 129, с. 99)

- ИРПИ, № 1*, Ох, между реченькой, между быстрою
 №2, Между реченькой, между быстрою
 №3, На крутой горе на высокой
 № 4 Между реченькой, между быстрою
 № 5, По край реченьки, по край быстрою
 № 6, 7 Между речками между быстрома

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абрамский* — Абрамский А.С. Песни Русского Севера. М., 1959.
- Иваницкий* — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ. / Вст. ст. В. Н. Новикова. Вологда, 1960.
- Кир. 1977* — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов, ст. и коммент. А. Д. Сойманова. Л., 1977. Т. I.
- Кир. 1983* — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вст. ст. З. И. Власовой. Л., 1983. Т. I.
- Кир. 1986* — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вст. ст. З. И. Власовой. Л., 1986. Т. II.
- Леонтьев* — Печорские былины и песни. Записал и составил Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.
- Лопатин, Прокунин* — Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М., 1956.
- ПШеч.* — Песни Печоры, подг. Н. П. Колпаковой, Б. М. Добровольским. Л., 1963.
- ППин.* — Песни Пинежья, подг. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Л., 1937.
- ППоволжья* — Песни Поволжья, подг. Н. П. Колпаковой, Ф. В. Соколовым. Л., 1959.
- ПФМ* — Песенный фольклор Мезени, подг. Н. П. Колпаковой, Б. М. Добровольским. Л., 1967.
- Т.—М.* — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- ТОДРЛ* — Труды Отдела древнерусской литературы.
- Фольклорный архив СГУ. Вып. I.* — Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Систематический указатель. Вып. I. Песенный фольклор Печоры / Составители Т. С. Канева, Н. Н. Николаева, О. Г. Шабанова. Сыктывкар, 2000.
- Чулков I* — Сочинения М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Ч. 1, 2, 3 с прибавлением. 1770—1773. СПб., 1913.
- Шейн* — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870.
- Якушкин* — Русские народные песни, собранные П. Якушкин. СПб., 18960.

Аннотация: Статья посвящена историко-текстологическому и феноменологическому анализу текстов песенного сюжета о пожаре г. Ярославля. Как показывает автор, сюжет исторической песни сохранился в двух версиях (т. н. «поволжской» и «севернорусской»), в результате контаминаций и текстовых заимствований он претерпел изменения в жанровой характеристике. Возможно, изначально текст восходит к книжной версии стиха, сочиненного местным поэтом по случаю постигшего город несчастья.

Ключевые слова: необрядовая лирическая песня, песни литературного происхождения, контаминация, разбойничья песня, баллада, вариант, память

Abstract: The article is devoted to the historical-textological and phenomenological analysis of the lyrics of the song plot about the fire in Yaroslavl. As the author shows, the plot of the historical song is preserved in two versions (the so-called «Volga region» and «Northern Russian»); as a result of contamination and text borrowings, it has changed in the genre characteristics. Perhaps, the text initially goes back to the book version of a poem written by a local poet on the occasion of the disaster that befell the city.

Keywords: non-ritual lyric song, songs of literary origin, contamination, robbers' song, ballad, version, memory

Т. Г. ИВАНОВА

СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ КАПУСТИН И ЕГО МЕСТО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИИ

В истории русской фольклористики и этномузыковедения немало забытых и полузабытых имен. Среди них и имя С. Я. Капустина, сыгравшего важную роль в создании знаменитой Песенной комиссии.

Семен Яковлевич Капустин родился 2 (14) октября 1828 г. в Тобольске в семье чиновника. Учился в Тобольской гимназии. Высшее образование получил на юридическом факультете Казанского университета,¹ который закончил в 1852 г. со степенью кандидата, то есть не просто сдал все выпускные экзамены, дававшие право на степень действительного студента, а написал научное сочинение. Можно предположить, что это было исследование по праву в Древней Руси. В 1855 г., через три года после окончания университета, С. Я. Капустин издал книгу «Древнее русское поручительство» (Казань, 1855), в которой исходя из понимания родового быта Древней Руси, рассмотрел юридические обычаи, закрепленные в «Русской правде» и других, более поздних документах, согласно которым действие одного члена рода считалось действием всего рода и существовала нравственная обязанность отдельного сообщества отвечать за поведение своих членов, с одной стороны, и помогать каждому, с другой.

Службу С. Я. Капустин начал в Омске при Главном управлении Западной Сибири — центральном учреждении, выполнявшем функции административного, хозяйственного и судебного органа по управлению Тобольской и Томской губерниями и Омской

¹ Преподаватели, учившиеся и служившие в имп. Казанском университете (1804—1904 гг.): Материалы для истории университета / Собрал А. И. Михайловский. Казань, 1901. Ч. 1, вып. 1 (1805—1854). С. 396.

областью. По должности он занимался вопросами землевладения в крае. В одном из некрологов, напечатанном в «Северном вестнике», говорилось, что в Омске «он нарочно брал на себя различные служебные поручения по крестьянским делам вроде следствий по любовному соглашению между старожилами и переселенцами относительно размежевания земель».² В 1863 г. С. Я. Капустин получил должность младшего чиновника по особым поручениям при Управлении.

В 1864 г., будучи в Петербурге, он, молодой энергичный чиновник, был представлен Н. А. Милютину как знаток общественно-экономического устройства крестьянской жизни. Николай Алексеевич Милютин (1818—1872), напомним, был одним из разработчиков Крестьянской реформы 1861 г. Во время Польского восстания (январь 1863 — апрель 1864 гг.) он выступил с планом умиротворения Царства Польского, в том числе разработал Положение от 19 февраля 1864 г. о наделении землей польских крестьян, об устройстве сельских гмин (наименьшая административная единица). Н. А. Милютин в середине 1860-х гг. занимал должность статс-секретаря по делам Польши и искал способных чиновников. В результате знакомства с Н. А. Милютиным С. Я. Капустин был назначен комиссаром по крестьянским делам Царства Польского.

Однако в Польше он прослужил всего лишь год (1864—1865). По причинам, вероятно, и личного характера (состояние здоровья), и внешнего (полагаем, не сработался с чиновниками Царства Польского), в 1865 г. С. Я. Капустин перебрался в Петербург. С 1865 по 1868 г. он служил в Петербурге по ведомству Государственного контроля и по Министерству юстиции. Известно, что в 1865 г. С. Я. Капустин состоял под секретным надзором полиции вследствие политической неблагонадежности.³ В 1868—1883 гг. он служил по Министерству внутренних дел, причём с 1869 по 1883 г. являлся редактором внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник», то есть главной газеты страны. В 1883 г. С. Я. Капустин вышел в отставку по болезни. Последний чин — надворный советник. Скончался он 2 января 1891 г. в Петербурге; похоронен на Смоленском евангелическом кладбище.⁴ В некрологе, опубликованном в «Северном вестнике», говорилось: «Все знавшие лично Семена Яковлевича, в один голос утверждают, что был он человек не одних слов, он

² Две смерти: Семен Яковлевич Капустин // Северный вестник. 1891. № 2, Отд. 2. С. 87.

³ Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь. М., 1928. Т. 1, ч. 2: Шестидесятые годы. Стб. 156.

⁴ *Николай Михайлович, вел. кн.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 324.

вносил свою любовь к народу в самую жизнь как в своей административной деятельности в Сибири и Польше, так и в частных отношениях: простые и обездоленные люди всегда находили в нем брата и помощника с нежным, кротким и любвеобильным сердцем и во всех, кто с ним так или иначе соприкасался, он оставил ряд самых теплых воспоминаний».⁵

Вся научная деятельность С. Я. Капустина была связана с двумя Обществами: Вольным экономическим и Русским географическим (с 11 января 1878 г. он был действительным членом РГО).⁶

В науку он вошел прежде всего как исследователь форм землевладения в России.⁷ С. Я. Капустин был убежденным сторонником ценности общинного устройства русской деревни, разложение общины считал угрозой общественному развитию России. В 1877 г. по его инициативе Вольное экономическое общество и Русское географическое общество предприняли развернутое исследование русской сельской общины, результаты которого нашли место в «Сборнике материалов для изучения сельской поземельной общины».⁸ В 1882 г. С. Я. Капустин издал книгу «Что такое поземельная община. Выводы из «Сборника материалов для изучения сельской поземельной общины»» (СПб., 1882).

Исследователь принадлежал к тем слоям русской интеллигенции, в среде которых сложился «культ мужика». Неоднократно в своих работах он указывал на несостоятельность нареканий на крестьянское невежество, неразвитость, неумение хозяйство, неспособность к самоуправлению, пьянство и т. д.⁹ В 1887 г. С. Я. Капустин написал резкую статью, направленную против драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»: «Вообще, до последнего времени мы далеки были от взгляда на народ, как на “быдло”. Но драма гр. Л. Н. Толстого как раз ведет к такому взгляду».¹⁰

⁵ Две смерти: Семен Яковлевич Капустин // Северный вестник. 1891. № 2, Отд. II. С. 89.

⁶ Состав имп. Русского географического общества. СПб., 1888. С. 16.

⁷ См.: Отзыв действительного члена С. Я. Капустина о труде г. Красноперова «Материалы для сельского хозяйственной статистики Пермской губернии». СПб., 1882; Новые данные для освещения старых вопросов // Русская мысль. 1890. № 10. С. 24—48 (2-я паг.). В «Трудах Вольного экономического общества» с 1886 по 1888 г. С. Я. Капустин печатал обозрения по сельскому хозяйству.

⁸ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Половцова и П. А. Соколовского. СПб., 1880. Т. 1.

⁹ См., например: Капустин С. Я. Ходячие предрассудки относительно крестьян // Отечественные записки. 1879. Т. 243, № 3, Соврем. обозрение. С. 1—54.

¹⁰ Капустин С. Я. Бытовая сторона в новой драме гр. Л. Толстого // Наблюдатель. 1887. № 4. С. 117.

Ситуации, представленные в драме (убийство отцами своих детей, сожительство крестьян со снохами и падчерицами, разговоры мужиков о ничтожестве баб и пр.), по его мнению, не типичны для русской деревни; они являются скорее исключением.

В отличие от многих представителей русской интеллигенции С. Я. Капустин отвергал тезис о чрезмерном пьянстве русского крестьянства. Так, 9 ноября 1884 г. на заседании Отделения статистики Русского географического общества он сделал сообщение о методах исследования вопроса об употреблении алкоголя, где подчеркнул, что порок пьянства характерен для фабричных рабочих, а не для крестьянства, и указал на необходимость, чтобы прийти к достоверным выводам, разработки правильной методики сбора статистических данных для изучения этой стороны народной жизни.¹¹

Исследователь занимался такой областью народной жизни, как обычное право. Вероятно, именно ему принадлежит обзор литературы «Заметки о русском обычном праве».¹² С. Я. Капустин был членом Комиссии для собирания народных юридических обычаев, состоящей при Русском географическом обществе. Его имя зафиксировано в протоколе заседания 17 февраля 1886 г.¹³

3 января 1885 г. на заседании Отделения статистики на основании материалов, собранных Западно-Сибирским отделом РГО, С. Я. Капустин сделал доклад о сибирской поземельной общине.¹⁴

В своем главном труде о русской общине — «Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей», изданном Вольным экономическим обществом в 1877 г., — С. Я. Капустин рассмотрел не только хозяйственно-экономическое значение общины, но и отметил ее влияние на умственный и нравственный характер русского крестьянства: «...общинные порядки жизни, общинные понятия, выработанные до крайней тонкости, *составляют главнейшую массу умственных представлений нашего крестьянства*, или, говоря иначе: общинными тенденциями проникнуто мышление, из общинных принципов составляется кодекс его нравственности; общинные институты

¹¹ Действия Общества: Журнал заседания Отделения статистики. 9 ноября 1884 года // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1885. Т. 21, вып. 2. С. 156. Доклад опубл.: О методе разработки вопроса о потреблении вина в России. Доклад Отделению статистики Русского географического общества. СПб., 1885.

¹² Заметки о русском обычном праве // Правительственный вестник. 1882. 10 (22) янв., № 7. — Без подп.

¹³ Действия Общества: Журнал заседания Комиссии для собирания народных юридических обычаев. 17 февраля 1886 года // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1887. Т. 23, вып. 2. С. 225—226.

¹⁴ Действия Общества: Журнал заседания Отделения статистики. 3 января 1885 г. // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1886. Т. 22, вып. 1. С. 67—70.

ты всасываются у него с молоком матери».¹⁵ И далее исследователь добавлял: «...ломка общинных порядков нашего крестьянства есть война против своеобразных условий природы, климата, географического положения России; ломка мирозерцания русского крестьянина, его нравственных понятий, наклонностей, инстинктов, одним словом, — склада души его».¹⁶ Эти положения, как мы покажем далее, оказываются тесно связанными с взглядами С. Я. Капустина на русскую народную песню.

На кончину С. Я. Капустина российская общественность откликнулась несколькими некрологами — в «Вестнике Европы», «Историческом вестнике», «Наблюдателе», «Северном вестнике».¹⁷ Во всех некрологах говорится исключительно о месте С. Я. Капустина в изучении землепользования и крестьянской общины. Ни в одном из некрологов не сказано об интересе С. Я. Капустина к народной песне и о его роли в организации исследования песенной культуры русского крестьянства. Равным образом во всех справочниках (за исключением краткой справки в издании Г. Б. Бернандта и И. М. Ямпольского «Кто писал о музыке»¹⁸) С. Я. Капустин представлен только как публицист, исследователь форм землепользования в России.¹⁹

С. Я. Капустин, по-видимому, обладал хорошим музыкальным слухом, что и обусловило его интерес к народной песенности. Как мы уже сказали, в 1869—1883 гг. он был одним из редакторов «Правительственного вестника». В этой газете С. Я. Капустин опубликовал ряд реферативных рецензий, связанных с развитием фольклористической мысли. Например, в 1881 г. он откликнулся на статью В. Н. Кашперова о церков-

¹⁵ Капустин С. Я. Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей. СПб., 1877. — Подп.: С. К...н.

¹⁶ Там же. С. 41—42.

¹⁷ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 956; Ист. вестник. 1891. № 3, Смесь. С. 899; Поповский Н. С. Я. Капустин (Некролог) // Наблюдатель. 1891. № 2, Отд. II. С. 45—48; Две смерти: Семен Яковлевич Капустин // Северный вестник. 1891. № 2, Отд. II. С. 88—90.

¹⁸ Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М. Кто писал о музыке: Био-библиогр. словарь муз. критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1974. Т. 2. С. 17.

¹⁹ В. Ск. Капустин Семен Яковлевич // Энциклопедический словарь / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 14, кн. 27. С. 407; Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак-Ключарев». С. 482; Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. СПб., 1909. Вып. 11: Русские писатели и писательницы, умершие в 1891 году. С. 65—66; Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья, 2008. Омск, 2007. С. 72; Энциклопедия Омской области. Омск, 2010. Т. 1. С. 445; Энциклопедия города Омска. Омск, 2011. Т. 3, кн. 1. С. 467.

ном пении, опубликованную в газете «Русь».²⁰ С. Я. Капустин полностью поддерживает мысль автора о красоте «простого» церковного пения, которое есть продукт народного творчества, и говорит о том, что Консерватория должна озаботиться изучением народного церковного пения.²¹

В статье «Русский народный стих и русская народная песня»²² исследователь обратил внимание на работу П. Д. Голохвастова «Законы стиха русского народного и нашего литературного»,²³ в которой метрической основой фольклорного стиха считается смысловое (логическое) ударение, в результате чего происходит увеличение времени, нужного для произнесения слова («длинный» слог). Смысловое ударение, по П. Г. Голохвастову, связывает несколько слов в одно целое.

Здесь же С. Я. Капустин излагает идеи, высказанные Ю. Н. Мельгуновым в его книге «Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные» (М., 1879. Вып. 1). Суть новаторского подхода Ю. Н. Мельгунова к народной песне в изложении С. Я. Капустина выглядит следующим образом: «Мельгунов старательно изучал каждую песню прямо с народного голоса. Он вслушивался в *отдельные части народного хора, записывал каждый отдельный голос хора* и затем, скомбинировав разные голоса, получал музыку песни в том самом виде, в каком она используется (гармонизируется) народом-певцом».²⁴ Для С. Я. Капустина важны такие положения исследования Ю. Н. Мельгунова, как совпадение русской народной гаммы с гаммами древнегреческих напевов, наличие в песнях запевов, способность хора импровизировать главную мелодию, место унисона в песне. Останавливается С. Я. Капустин и на исследовании ритма немецкого теоретика музыки Рудольфа Вестфала.²⁵

Обратим внимание, как С. Я. Капустин формулирует задачи в той области науки о музыкальной культуре, которую мы сейчас

²⁰ *Кашиперов В. Н.* Заметки о церковном пении в России // Русь. 1881. 14 нояб., № 53. С. 20—21; 28 нояб., № 55. С. 17—18.

²¹ *Капустин С. Я.* К вопросу о русском церковном пении // Правительственный вестник. 1881. 18 (30) дек., № 282. — Без подп.

²² *Капустин С. Я.* Русский народный стих и русская народная песня // Правительственный вестник. 1882. 16 (28) февр., № 35; 2 (14) марта, № 46. — Без подп.; То же. Отд. отд. СПб., 1882.

²³ *Голохвастов П. Д.* Законы стиха русского народного и нашего литературного // Русский вестник. 1881. № 12. С. 795—837. Позднее издано отд. изд.: СПб., 1883.

²⁴ *Капустин С. Я.* Русский народный стих и русская народная песня // Правительственный вестник. 1882. 2 (14) марта, № 46.

²⁵ *Вестфаль Р. Г.* О русской народной песне // Русский вестник. 1879. Т. 143, № 9. С. 111—154.

называем этномузыковедением: «Задача здесь должна будет заключаться не в одном только собрании мотивов русских песен для кабинета, или архива, а в том, чтобы не дать исчезнуть из народа этим мотивам, не дать им исказиться, опошлиться под напором тех вредных влияний, которые вторгаются в деревню "извне"».²⁶

В еще одной статье, опубликованной в «Правительственном вестнике», — «К вопросу о русской народной музыке»²⁷ — С. Я. Капустин останавливается на рецензии Ф. Е. Корша²⁸ о сборнике Ю. Н. Мельгунова. С. Я. Капустин указывает своим читателям на то, что Ф. Е. Корш не ограничивается теориями музыкантов, но и опирается на теории физиков, которые исследуют тоны на основании акустики и математики: «...о законности или незаконности данного сочетания звуков следует судить не по условно-эстетической, а по физической теории, которая оправдывает кое-что из того, что музыканты браковали просто по преданию».²⁹

Среди рецензий С. Я. Капустина — опубликованный в «Этнографическом обозрении» положительный отзыв о книге А. С. Фаминцына о гусях.³⁰

Однако значение С. Я. Капустина в фольклористике и этномузыковедении определяется отнюдь не названными популяризаторскими рефератами работ исследователей, сыгравших выдающую роль в изучении русской народной песенности. Мы хотим подчеркнуть его роль в создании знаменитой Песенной комиссии Русского географического общества.

1 января 1884 г. С. Я. Капустин опубликовал статью «Русская народная музыка», в которой в очередной раз сослался на восхищенные отзывы о русской песне Рудольфа Вестфаля и Ю. Н. Мельгунова. Он также указал на то, что Русское географическое общество много сделало для изучения и популяризации в образованном обществе былин и должно, считал автор, теперь стать во главе исследования русской песни: «Прежде это Общество как-то не скупилось расходами на собиранье былин и даже на выписывание издалека в Петербург "сказателей" этих

²⁶ Капустин С. Я. Русский народный стих и русская народная песня // Правительственный вестник. 1882. 2 (14) марта, № 46.

²⁷ Капустин С. Я. К вопросу о русской народной музыке // Правительственный вестник. 1882. 13 (25) марта, № 55. — Без подп.

²⁸ Корш Ф. Е. [Рец. на кн.: Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные Ю. Н. Мельгуновым. М., 1879. Вып. 1] // Критическое обозрение. 1880. № 8. С. 398—407.

²⁹ Капустин С. Я. К вопросу о русской народной музыке.

³⁰ Капустин С. Я. [Рец. на кн.: Фаминцын А. С. Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890] // Этногр. обозрение. 1891. № 2. С. 165—166. — Подп.: К.

былин. Останемся при надежде, что оно многолетние свои исследования быта народа, форм его землевладения, его юридических обычаев дополнит и пояснит исследованиями самой лучшей выяснительницы души народа — *его музыки*».³¹

Через четыре месяца после публикации названной статьи, 27 апреля 1884 г., на заседании Этнографического отделения РГО С. Я. Капустин сделал доклад «Законы строя русской народной песни и связь их с строем общинной жизни русского народа»,³² который был опубликован в «Известиях имп. Русского географического общества».³³ Докладчик прочно увязал общинный характер крестьянской жизни, при котором «чья бы то ни было печаль, горе, радость — всегда дойдут до другого»,³⁴ с характером русской песни. Община — «ключ к уразумению поражающего разнообразия, глубины и высокого поэтического чувства русских народных песен».³⁵

Главным авторитетом для С. Я. Капустина в изучении народной песни, повторим еще раз, является Ю. Н. Мельгунов. С. Я. Капустин, кстати, в своем докладе предложил при решении вопроса о присуждении медалей РГО иметь в виду и сборник Ю. Н. Мельгунова. В 1893 г., после смерти самого С. Я. Капустина и после кончины Ю. Н. Мельгунова (19 марта 1893 г.), в «Этнографическом обозрении» был опубликован фрагмент статьи С. Я. Капустина о русской народной песне, рукопись которой в свое время была передана автором Ю. Н. Мельгунову. С. Я. Капустин указывал, что исследование Ю. Н. Мельгунова не было вовремя оценено музыкантами. «Филологи и этнографы, т. е. знатоки народного языка, его стихосложения, самого быта народа в его мельчайших подробностях, — писал С. Я. Капустин, — приветствовали этот сборник. Что же касается музыкантов, то одни из них игнорировали его, другие отрицали достоверность наблюдений г. Мельгунова и правильность его выводов; только весьма немногие признали серьезное значение этого труда».³⁶ Понадобилось определенное время, концерты А. С. Архангельского, претворявшего опыт Ю. Н. Мельгунова на сцене, и выступления Владимирских рожечников, чтобы

³¹ Капустин С. Я. Русская народная музыка // Неделя. 1884. 1 янв., № 1. Стб. 20. — Подп.: К...тин С.

³² Действия Общества: Журнал заседания Отделения этнографии — 27 апреля 1884 г. // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 20, вып. 3. С. 332—333.

³³ Капустин С. Я. Законы строя русской народной песни и связь их с строем общинной жизни русского народа // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 20, вып. 2. С. 159—173.

³⁴ Там же. С. 161.

³⁵ Там же. С. 161.

³⁶ Капустин С. Я. Памяти Ю. Н. Мельгунова // Этногр. обозрение. 1893. № 3. С. 150—151.

«убедить многих неверующих в том, что способность исполнять хоровые песни полифонически — не есть выдумка Мельгунова».³⁷

Ю. Н. Мельгунов впервые в музыковедении сумел описать русское многоголосие, что и оценил С. Я. Капустин в докладе, прочитанном в РГО: в «крестьянском хоре каждый голос, взятый порознь, ведет особую вариацию главного мотива, которая сливаясь вместе, составляет полную гармонию».³⁸ Вслед за Ю. Н. Мельгуновым С. Я. Капустин подчеркивает: «... чего не может выразить простая мелодия, спетая одним голосом, то может быть высказано вариациями других голосов».³⁹

И далее С. Я. Капустин делает принципиально важный для него вывод: «Итак, *существование общины у нашего народа отразилось и на его музыке. Эта музыка, дитя общинного строя жизни*».⁴⁰ Для исследователя важен тезис о связи «общинного склада жизни народа с *полифоническим* исполнением его хоровых песен, уцелевшим только в одной России, благодаря уцелевшему у нас общинному быту».⁴¹ Потеря общинных основ (как это случилось в Польше), по его мнению, приведет к исчезновению народной лирики в той форме, как она существует в русской деревне.

В результате доклада С. Я. Капустина Этнографическим отделом РГО была одобрена идея организации особых экспедиций для собирания русских народных песен. Для выработки программы собирания было решено создать Комиссию, в которую вошли Л. Н. Майков (председатель Отделения), Ф. М. Истомин (секретарь), Т. И. Филиппов, С. В. Максимов и С. Я. Капустин.⁴²

30 апреля 1884 г. состоялось заседание Совета РГО — высшего органа Общества. По поводу предложения С. Я. Капустина о песенных экспедициях в Журнале заседания записано: «Л. Н. Майков *доложил*, что д.-чл. С. Я. Капустин вошел в Отделение этнографии с предложением о снаряжении экспедиции для собирания русских народных напевов, что Отделение вполне одобрило эту мысль и образовало из своей среды Комиссию для выработки программы означенной экспедиции». Что касается материального, то есть денежного обеспечения экспедиции,

³⁷ Там же. С. 151.

³⁸ *Капустин С. Я.* Законы строя русской народной песни и связь их с строем общинной жизни русского народа. С. 162.

³⁹ Там же. С. 163.

⁴⁰ Там же. С. 164.

⁴¹ Там же. С. 172—173.

⁴² Действия Общества: Журнал заседания Отделения этнографии — 27 апреля 1884 г. // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 20, вып. 3. С. 332—333.

то в 1884 г. ответ был отрицательным: «*Постановлено просить председательствующего в Отделении этнографии сообщить Отделению, что встречая и с своей стороны с живейшим сочувствием мысль С. Я. Капустина и выражая полную готовность оказать задуманной экспедиции нравственную поддержку, Совет не находит в настоящее время возможным ассигновать потребные денежные средства из сумм Общества*».⁴³

Тем не менее Комиссия, получившая название Комиссия по снаряжению экспедиций для собирания русских народных песен с напевами, продолжила свою деятельность. Через год, 29 апреля 1885 г., С. Я. Капустин участвовал в заседании, которое прошло под председательством Т. И. Филиппова. На заседании присутствовали Л. Н. Майков, Ф. М. Истомин, С. Я. Капустин и приглашенные (то есть не члены РГО) М. А. Балакирев и А. С. Архангельский. Решался вопрос о первой экспедиции: о ее составе, маршруте и средствах. Именно тогда была определена формула: музыковед + этнограф. Местом работы первой экспедиции были назначены северные губернии (Олонецкая, Архангельская и Вологодская); участниками — Г. О. Дютш и Ф. М. Истомин.⁴⁴

Через две недели 13 мая 1885 г. Комиссия в присутствии приглашенных М. А. Балакирева, Ю. Н. Мельгунова и А. Н. Пыпина решала вопрос о второй экспедиции — в центральные районы России. Состав этой экспедиции определен не был, поэтому было предложено обратиться в Москву к В. Ф. Миллеру и Е. В. Барсову, чтобы они указали на возможных участников.⁴⁵

Тем не менее в 1885 г., как известно, Комиссии не удалось организовать экспедицию. По-видимому, все опять упиралось в отсутствие финансирования. Однако на следующий год, напомним, состоялась знаменитая экспедиция Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, результаты которой нашли место в сборнике «*Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году*».⁴⁶ По разработанной Комиссией программе в дальнейшем были проведены экспедиции Ф. М. Исто-

⁴³ Действия Общества: Журнал заседания Совета. 30 апреля 1884 года // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 20, вып. 5. С. 587.

⁴⁴ Действия Общества: Журнал первого заседания Комиссии по снаряжению экспедиций для собирания русских народных песен с напевами. 29 апреля 1885 г. // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1885. Т. 21, вып. 5. С. 436—438.

⁴⁵ Действия Общества: Журнал второго заседания Комиссии по снаряжению экспедиций для собирания русских народных песен с напевами. 13 мая 1885 г. // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1884. Т. 21, вып. 5. С. 438—439.

⁴⁶ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Напевы записал Г. О. Дютш, слова — Ф. М. Истомин. СПб., 1894.

мина и С. М. Ляпунова (1893),⁴⁷ композитора И. В. Некрасова, работавшего с Ф. М. Истоминым (1894, 1895, 1896, 1898) и Ф. И. Покровским (1901, 1902, 1903).⁴⁸

В историю этномузыковедения эта Комиссия, инициатором создания которой был С. Я. Капустин, повторим еще раз, впоследствии вошла как Песенная комиссия. С. Я. Капустин, в отличие от участников экспедиций, не оставил материальных следов в работе Комиссии в виде фольклорных записей. Не стоял он и во главе Комиссии (председателем ее стал Т. И. Филиппов). Однако, подчеркнем, Этнографическое отделение РГО именно С. Я. Капустину отдавало все приоритеты в организации Комиссии, что зафиксировано в документе, названном «Заключение Комиссии по снаряжению экспедиций для собирания русских народных песен с напевами».⁴⁹

⁴⁷ Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 году / Напевы записал С. М. Ляпунов, слова — Ф. М. Истомин. СПб., 1899.

⁴⁸ См. сборники: 50 песен русского народа для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. / Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб., 1901; 50 песен русского народа для смешанного хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. / Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб., 1902; 40 народных песен села Барятина, собранных Песенною экспедициею имп. Русского географического общества в 1899 году. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — И. В. Некрасов / Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб., 1902; 50 песен русского народа для мужского и смешанного хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 95, 96, 97, 98 и 99 гг. / Положил на голоса И. В. Некрасов. М., 1903; 50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1901 г. в Нижегородской губ. / Положил на голоса И. В. Некрасов. М., 1903; 50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1902 году в Саратовской губ. И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским / Положил на голоса И. В. Некрасов. М., 1907; 35 песен для мужского хора из собранных в 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским в губерниях: Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской для одного голоса в сопровождении ф.-п. / Переложил А. Лядов. [СПб., 1907].

⁴⁹ Действия Общества: Заключение Комиссии по снаряжению экспедиций для собирания русских народных песен с напевами // Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1885. Т. 21, вып. 5. С. 441—444.

* * *

Аннотация: В статье рассматривается биография С. Я. Капустина (1828—1891) — юриста, автора статей об общинном землевладении в России. Анализируются его статьи, посвященные этномузыковедению. Особо говорится о роли С. Я. Капустина в организации знаменитой Песенной комиссии Русского географического общества и ее первых экспедиций.

Ключевые слова: С. Я. Капустин, Русское географическое общество, песенные экспедиции

Abstract: The article deals with the biography of S. Ya. Kapustin (1828—1891) — a lawyer, the author of articles on communal land ownership in Russia. His articles on ethnic music studies are analyzed. The role of S. Ya. Kapustin in the organization of the famous Song Commission of the Russian Geographical Society and its first expeditions is specifically mentioned.

Keywords: S. Ya. Kapustin, Russian Geographical Society, song's expeditions

С. В. ПОДРЕЗОВА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ КОМПОЗИТОРА И СОБИРАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ПЕСЕН АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА АРИСТОВА (1842—1910)

Алексей Павлович Аристов вошел в историю фольклористики как автор одного собрания — «Песни казанских студентов»¹. Собственно, только этот труд Аристова упоминается в нотографическом указателе «Русская народная музыка» Д. М. Бацера и Б. И. Рабиновича.² В краткой справке составители сообщают, что Аристов, врач по профессии, является автором музыки песни «Могу ли вспомнить без улыбки».³ Действительно, в бытность свою студентом Казанского университета (в середине 1860-х) он написал романс, полюбившийся нескольким поколениям казанских студентов и позже вошедший в народно-песенную практику. Сам Аристов указал в примечаниях к сборнику «Песен казанских студентов», что некоторые студенческие песни были сообщены Милием Алексеевичем Балакиревым и Степаном Васильевичем Смоленским⁴ (как известно, в разное время они оба учились в Казанском университете).⁵ В биобиблиографическом

¹ Песни казанских студентов: 1840—1868. СПб., 1904.

² Бацер Д. М., Рабинович Б. И. Русская народная музыка: Нотографический указатель (1776—1973). М., 1984. Ч. 2. С. 508.

³ Там же. С. 523.

⁴ См.: Песни казанских студентов... С. 50, 54, 55, 56. Подробнее о песнях см. ниже

⁵ Балакирев два года (1853—1855) состоял вольнослушателем на математическом факультете. Смоленский с 1867 по 1872 обучался на юридическом факультете, в 1875 г. выдержал экзамен по филологическому факультету, в эти годы участвовал в студенческих и других любительских ансамблях, руководил студенческим хором (см. его позднейшие воспоминания: Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и

словаре «Кто писал о музыке» указано, что Аристов являлся автором романсов, изданных под псевдонимом «А. Поев», и выступал как музыкальный рецензент.⁶ Другой информации о докторе Аристове словари и справочники не дают.

Приступая к работе над статьей для биобиблиографического словаря «Русские фольклористы»⁷ и имея в руках лишь эти скудные сведения, я планировала довольно скоро описать хрестоматийное собрание студенческих песен и уточнить детали по истории его создания, изложенные Аристовым в предисловии. Однако чем дальше я продвигалась, тем больше на моем пути возникало новых сюжетных линий, которые тянулись к самым разным сторонам общественной и музыкальной жизни Петербурга. Результатом поисков, порой поистине детективных, стал более-менее осязаемый и довольно объемный образ А. П. Аристова, в котором соединились врач, статский советник, активный общественный деятель, литератор и музыкант. Стало известно, что Аристов проявил себя как большой любитель русской музыки, библиофил, композитор, симпатизировавший поискам «Могучей кучки», наконец, как знаток, собиратель и аранжировщик русского музыкального фольклора. Однако к настоящему моменту в моих руках находится множество клубков, распутать которые так и не удалось. Например, пока не встретились упоминания имени Аристова ни в обширных эпистолярных Балакирева и Смоленского, ни в научной литературе, посвященной этим музыкантам. Вместе с тем, в рукописи «Песен казанских студентов», сохранившейся в рукописном отделе РНБ в фонде Н. Д. Финдейзена (см. об этом ниже), есть автограф Балакирева — нотация известной ему мелодии песни «Сваха говорливая» (илл. 1).⁸

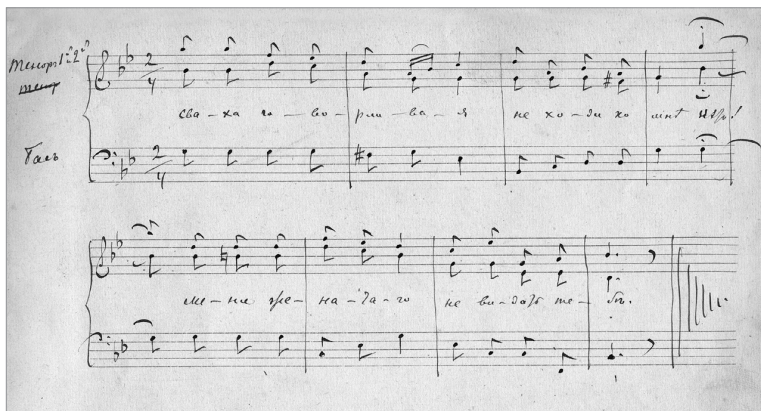
В настоящей статье я хотела бы поделиться своими находками и предварительными наблюдениями, а также поставить ряд вопросов, ответить на которые предстоит в будущем.

70-х годах // Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского университета. Казань, 1904. С. 237—273).

⁶ Аристов Алексей Павлович // Кто писал о музыке: Биобиблиогр. словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР: В 4 т. / Сост. Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М., Киселева Т. Е. М., 1971. Т. 1. С. 50. Заметим, что авторы неверно указывают год рождения Аристова — 1838.

⁷ Статья вошла в первый том словаря: *Подрезова С. В.* Аристов Алексей Павлович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII—XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. Т. 1: А—Г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 129—134.

⁸ ОР РНБ. Ф. 816 (Финдейзен Н. Ф.). Оп. 3. Ед. хр. 3090. Л. 39. Песня расположена под № 19.

Илл. 1. Песня «Сваха говорливая».
Автограф М. А. Балакирева (РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Л. 39)

Алексей Павлович Аристов родился в Тобольске в 1842 году и происходил, по-видимому, из дворян — по крайней мере, собственное состояние позволило ему с 1862 года прослушать полный курс медицинского факультета Казанского университета в качестве «своекоштного» студента.⁹ 26 мая 1868 Аристову было присуждено звание «лекарь», в котором он недолгое время (точнее — неделю, с 26 мая по 4 июня) служил на медицинском факультете *Alma mater*, затем по какой-то причине из Казани уехал.

По материалам справочника «Российский медицинский список» и другим документам удалось довольно полно восстановить медицинскую биографию Аристова, а вместе с тем и описать траекторию его жизни. Начиная с 1871 г. и до своей кончины 14 мая 1910 г., Аристов жил в Петербурге. Здесь он сделал успешную карьеру врача (по специальности «хирургия и сифилитические болезни») и чиновника Медицинского департамента

⁹ Список студентов имп. Казанского университета на 1862—1863. Казань, 1862. Среди первокурсников «своекоштных», № 8. По другим источникам А. П. Аристов проходил обучение в университете с 14 сентября 1860, см.: Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804—1904): Материалы для истории университета / Собрал А. И. Михайловский. Казань, 1904. Ч. 1, вып. 2 (1865—1884). С. 98.

Илл. 2. А. П. Аристов
(1842—1910)

Министерства внутренних дел, где занимался лечением и вопросами профилактики венерических болезней. С 1871 по 1876 гг. Аристов служил лекарем в Министерстве внутренних дел (позже получившим именование Министерство военное и внутренних дел), с 1890 г. — во Врачебно-полицейском комитете Санкт-Петербурга того же департамента. Наконец, с 1897 г. значился в качестве сверхштатного медицинского чиновника МВД и с этого времени (а возможно и раньше) доктор Аристов проводил врачебный прием в доме княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой по адресу: Невский пр., 84.¹⁰ Помимо этого, Аристов издал две работы по медицине.¹¹ А. П. Аристов успешно поднимался и по служебной

лестнице: в 1877 он был произведен в титулярные советники, в 1878 — в коллежские ассессоры, в 1880 — в надворные советники, с 1881 служил в чине коллежского советника при Министерстве внутренних дел, в 1892 был пожалован в статские советники.¹²

Алексей Павлович вел активную общественную жизнь, поддерживал широкие связи с музыкантами и литераторами не только в Петербурге, но и в родном Тобольске и Казани, не упускал возможности оказывать помощь нуждающимся коллегам,

¹⁰ Этот дом, составлявший единое владение на участке: Невский 84—86, имел очень богатую культурную историю. В 1865—1873 гг. здесь жил М. А. Балакирев, в гостях у которого бывали Н. А. Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, В. В. Стасов, П. И. Чайковский. В 1881—1885 в доме проходили выставки Товарищества передвижных художественных выставок с участием И. Е. Репина, И. Н. Крамского, В. И. Сурикова, В. Е. Маковского. Именно здесь впервые была показана картина И. Репина «Иван Грозный убивает своего сына». В 1880-х в доме жил В. М. Гаршин (*Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В.* Невский проспект: Архитектурный путеводитель. М.: Центрполиграф, 2004. С. 326—329; *Буренина М. С.* Прогулки по Невскому проспекту. СПб.: Литера, 2003. С. 235—239).

¹¹ Меры к ограничению распространения сифилиса и венерических болезней в городах, а также больших центрах скопления незамужних женщин: Материалы для разработки вопроса. СПб., 1883; Маточное зеркало для «заведомых сифилиток». [СПб.], 1897.

¹² См.: Российский медицинский список, изданный по высочайшему его императорского величества повелению. СПб., 1871—1909.

студентам и знакомым. Аристов одним из первых вошел в состав Санкт-Петербургского общества вспомоществования бывшим воспитанникам имп. Казанского университета, основанного в ноябре 1886 г.¹³ Общество, как и многие ему подобные, ставили своей целью «содействие недостаточным лицам, окончившим курс в Казанском университете и находящихся в С.-Петербурге, приискание ими постоянных занятий, а также оказание последним временного пособия вплоть до приискания занятий». Алексей Павлович участвовал в ежегодных собраниях Общества, наконец, входил в юбилейный комитет по подготовке празднования столетнего юбилея Казанского университета в 1904, под эгидой которого и были изданы знаменитые «Песни казанских студентов». Кстати сказать, Балакирев и Смоленский также были членами этого Общества: Балакирев с 1887, а Смоленский — со времени своего переезда в Петербург в 1901.¹⁴

Аристов совместно с сыном Петра Павловича Ершова Владимиром планировал издание полного собрания сочинений поэта. По воспоминаниям внучки П. П. Ершова, Надежды Владимировны Ершовой, ее отец (Владимир Ершов) — передал доктору Аристову в Петербург черновики произведений, в частности, рукопись «Конька-горбунка» с правкой автора, 4 записных книжки со сказками, картины и стихи, посвященные ученикам Петра Павловича.¹⁵ Однако из-за отсутствия у Владимира Петровича, жившего на Дальнем Востоке, средств издание так и не состоялось, а сами рукописи, в передаче которых участвовал Аристов, впоследствии были утеряны.¹⁶ Аристов должен был быть знаком и с Николаем Никитичем Лещовым, пасынком Петра Павловича, возможно, каким-то образом участвовавшим в этой истории. Лещов так же как и Аристов был одним из самых активных членов Общества вспомоществования бывшим Казанским студентам. Как известно, именно Н. Н. Лещов на протяжении

¹³ Отчет о действиях С.-Петербургского общества вспомоществования бывшим воспитанникам имп. Казанского университета за 1886/7 год. СПб., 1887. С. 6.

¹⁴ См.: Краткий исторический очерк возникновения, развития и деятельности С.-Петербургского общества вспомоществования бывшим воспитанникам имп. Казанского университета за двадцати-пяти-летие его существования 1886—1911 // Отчет о действиях С.-Петербургского общества вспомоществования бывшим воспитанникам имп. Казанского университета за 1910—1911 год. СПб., 1911. С. 16, 19.

¹⁵ Литературное наследство Сибири. Т. I: Горький и Сибирь: Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому / Редкол.:... Н. Н. Яновский (глав. ред.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. С. 283.

¹⁶ См. письма Н. В. Ершовой М. К. Азадовскому: Там же. С. 284—287.

многих лет занимался изданием «Конька-горбунка», материально поддерживая всех детей П. П. Ершова.

Аристов был членом докторского клуба, для которого специально написал марш «Годовщина».¹⁷ По свидетельству современников, этот марш стал гимном клуба и обязательно исполнялся на его собраниях.¹⁸

К сожалению, не удалось восстановить ту часть биографии Аристова, которая касается его музыкального образования. Вероятно, он обучался музыке еще в Тобольске, в домашней среде. Он хорошо владел фортепиано и уже в студенческие годы успешно сочинял. Две его песни вошли в студенческий музыкальный обиход — это песни «Могу ли вспомнить без улыбки»¹⁹ и «Бедняга чудак» на слова П.-Ж. Беранже в переводе В. Курочкина.²⁰

Аристов безусловно имел большое пристрастие к музыке и был библиофилом. Так, Н. Ф. Финдейзен, очутившийся в квартире Аристова после его смерти, был поражен величиной и многообразием его нотной библиотеки. В ней хранились рукописные копии сборников песен и романсов XVIII в., а также отдельных произведений зарубежных композиторов, редкие издания (в том числе сборники народных песен) и автографы русских композиторов (Н. А. Римского-Корсакова, Э. Ф. Направника) и др. Обо всем увиденном Финдейзен оставил запись в своем дневнике от 24 февраля 1911 г.:

«24-го. Вчера и сегодня, благодаря посредничеству Н. М. Лисовского рылся в оставшейся в самом хаотическом состоянии, библиотеке покойного († 14 мая <1>910) д<окто>ра Ал<ексея> Павл<овича> Аристова. Продавал брат его Мих<аил> Павл<ович> (с Кавказа). За 45 рублей купил более 250 №№, в том числе около 20 партитур старинных франц<узских> опер эпохи Гретри и Боальдьё, массу старых изданий русских романсистов, а в хламе, валявшемся для сбыта в качестве бумаги, — автографы Р<имского>-Корсакова, Направника и даже 40 страниц рукописной партитуры «Руслана и Людмилы» — по письму, близко напоминающему руку Глинки (чистовую, старательную). Взял и много сборников печатных изданий (старых), и разный хлам, и рукописные копии старых итальянцев <...>, но зато достал сборники романсов Рупини — с биограф<ическими> сведениями, песен Кашина — с наклеенным портретом компо-

¹⁷ Марш был опубликован: *Аристов А. П.* Собрание музыкальных сочинений (для пения с ф.-п.). СПб.: Г. Шмидт, 1908. С. 33—35.

¹⁸ Библиографические известия // Русская музыкальная газета. 1911. № 10. Стб. 279.

¹⁹ См.: Песни казанских студентов. С. 52—53. № 21.

²⁰ Там же. Приложение. С. 92. № 5.

зителя (обрадовался необычайно!), клавир «Русалки» Кавоса (без 1-й стран.) и клавир «Телмака» Боальдые. Знатно обогатил библиотеку. Книги, еще до меня, М. Аристов продал Ключкову. Также до меня немало накопил всякого добра Лисовский». ²¹

Композиторское наследие самого Аристова составили вокальные сочинения на стихи Г. Гейне, П.-Ж. Беранже, И. И. Сведенцова, П. И. Фелонова, некоего «Т. Н.» и собственного сочинения, пьесы для фортепиано и музыка к спектаклям. Начиная с середины 1870-х, Аристов издал несколько своих романсов и песен отдельными тетрадами под творческим псевдонимом «А. Поев»:

Маня: «Мне на днях сказала Маня...»: куплеты: [для голоса с сопровождением фортепиано: g-f²] / музыка А. П. Поева. СПб.: Северная лира [ценз. 1874] (Сатирические и комические куплеты; № 15). Перед нотами: Посвящается Н. Н. Монахову.

Ёлка: «Славный морозец сегодня какой...»: русская песня: [для голоса с сопровождением фортепиано: a-f²] / музыка А. П. Поева; слова Т. Н. СПб.: Северная лира (Л. Фризе), [ценз. 1875]. На тит. л.: Посвящается памяти А. Н. Серова.

Метла: «Господи прости: время подмести...»: [для голоса с сопровождением фортепиано: a-d²] / музыка А. П. Поева; из Беранже; перевод Л. Мея. СПб.: Музыкальный магазин Н. П. Карцова, [ценз. 1877]. На тит. л. и перед нот. текстом: Посвящается Ольге Сергеевне Черепниной.

Зимний вечер: «Милая девушка, губки пурпурные...»: романс: [для голоса с сопровождением фортепиано: e¹-b²] / музыка А. П. Поева; слова Н. А. Добролюбова. СПб.: [б. и.], [ценз. 1878]. На тит. л. и перед нот. текстом: Посвящается Надежде Павловне Зыковой.

Метла: «Господи прости: время подмести...»: [для голоса с сопровождением фортепиано: a-d²] / музыка А. П. Поева; из Беранже; перевод Л. Мея. М.: П. Юргенсон, [ценз. 1881]. (4-е собрание романсов и песен для пения с аккомпанементом фортепиано; № 492). Перед нот. текстом: Посвящается Ольге Сергеевне Черепниной.

Видимо, именно в эти годы Аристов получил известность как композитор, отдельные его произведения звучали на сцене. Например, романс «Зимний вечер» (на стихи Г. Гейне в переводе Н. А. Добролюбова) исполнялся в концертах знаменитыми артистами Императорских театров: Д. А. Орловым, Е. И. Велич, Н. Н. Фигнером, Н. М. Сафроновым и мн. др. Наконец, в 1908 в издательстве Юргенсона вышло «Собрание музыкальных сочинений» Аристова (илл. 3). Помимо вокальных произведений и двух фортепианных пьес, в него вошли авторские переложения

²¹ *Финдейзен Н. Ф.* Дневники. 1909—1914 / Вступ. ст., расшифровка рукописи, исслед., коммент., подгот. к публ. М. Л. Космовской. СПб., 2013. С. 125. Все выделения и пунктуация приводятся по изданию.

Собрание
Музыкальных сочинений
А. П. АРИСТОВА.
Романсы:

№1 Зимний вечер (Sera d'inverno) 2^{изд.} * Тексты: для тенора и сопрано и 2-х гт. (теплого) Испол. в концертахъ артистами Имп. театровъ: Д. А. ОРЛОВЫМЪ, Солоистомъ Е. И. В. ЕЛИЧ. И. Ф. ИГ. ИЕРОМЪ, Н. Я. САФОНОВЫМЪ и мн. др. 60к. №2 Песенки вальсы. 30к. №3 Песенки вальсы. 30к. №4 Свѣтъ старата купца, молодому 80к. №5 Репретичум мовиле. 30к. №6 Бѣдняга чудакъ (изъ беранки) 30к. №7 Вѣсенняя пѣсенка. 30к.	№1 Эхъ! Да размолодники! (Моск. губ.) 30к. №2 Что съ дѣвчинею сдѣлалось? 30к. №3 Занька Свадебная (Костр. губ.) Хоровая. 30к.

для ФОРТЕПИАНО въ 2-руки Русскія народныя пѣсни

свѣдѣнность автора

Ж. Леопась. Цѣна 2р.

НЕВСКІЙ ПР. 80, (въ лѣзъ Литейн. пр.)
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

* 1^е Изданіе, а также романсы автора: ЕЛКА, МАЛЯ, МЕЛКА, напечатаны подъ псевдонимомъ А. П. ПУЕВА.

Вышли изъ печати: Писки Казанскіе студентова, Собр. А. П. АРИСТОВА. Изданіе юбилейной комисіи Имп. Казанскаго Университета.

In 110mm 44 mm 100 GRS.

Илл. 3. Титульная страница
«Собрания музыкальных сочинений» А. П. Аристов

трех русских народных песен и нотация наигрыша на гармонике. На последний факт стоит обратить особое внимание, поскольку до сегодняшнего момента он не был замечен фольклористами и музыковедами. Однако к этой теме в жизни Аристова мы вернемся чуть позже.

О широте светских и музыкальных связей, а также композиторской и театральной биографии Аристова можно получить представление по его записке (илл. 4), составленной 20 сентября 1891 года и приложенной к автографу народной мелодии М. П. Мусоргского (пример 1):

«Незадолго перед смертью Модеста Петровича Мусоргского,²² известный драматург Николай Иванович Ге²³ просил меня подобрать русскую песню для его пьесы «Карьерист». Вскоре после этой просьбы, мы встретились с М. П. в одном знакомом семействе и я спросил у него, в свою очередь, — нет у него чего-либо подходящего... Он отвечал мне, что ничего готового не имеет, но при нем есть красивые записанные им “3 русския темы”, при этом он достал маленькую нотную записную книжку в изящном переплетике²⁴ и показал мне записи.

— «Вот возьмите, рекомендую вам первую тему», — сказал М. П., — «а слова подберите какия найдете более подходящими».

При этом собственноручно переписал ее, бывшим у него под руками, красным карандашом и добавил что для тенора надо будет транспонировать.

Хотя песенка (несколько видоизмененная) у меня и была сделана, но при постановке вышеупомянутой пьесы она не была исполнена за неимением в то время певца в труппе Александрийского театра.

А. П. Аристов
1891 год
20 сент[ября]»²⁵

Драматург Иван Николаевич Ге действительно сотрудничал с Александрийским театром, где в 1879 г. дебютировал комедией «Второй брак» в бенефисе М. М. Читау. Пьеса «Карьерист», появившаяся год спустя, в 1880, стала второй его пьесой, поставленной в Александрийском театре. В основу драмы «Карьерист»

²² Здесь и далее подчеркнуто самим А. П. Аристовым.

²³ А. П. Аристов допустил ошибку, на самом деле имя драматурга — Иван Николаевич Ге (1841—1893), брат художника Николая Николаевича Ге.

²⁴ «Сохранилась ли эта книжечка в оставшихся рукописях после покойного — мне неизвестно». *Примечание А. П. Аристов*.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 502 (Мусоргский М. П.). Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 2—2 об. При публикации исправлены очевидные ошибки.

Ксадо.ко перепишет сего Мюргота
Петрадица мусоргского, и вконец
 драматурга Николая Ивановича Те
 просит меня подобрать русскую
 песню для его пьесы "Карьерист".
 Велит посты и три угодны, и
 вступил с м. П. в соно. и в
 касания семейными и суровых
 него, в своего муред, — катя-м
 у нег. чего-мидо пофодяцаго... Сего
 отбавит мид, что кичем зовало
 ренитам, но ^{при келье} восте красави
 там самиде мид "З русскис миди."
 при этом он дометке маленькую
 ронную там сию кичрку в
 мидичном передементе и миди-
 там мид тамси.

— "Вотъ вобъимте, рекомед,
 ваше первую тему" Ксадай м. П.

(X) Обозначав на это кичреки
 в оставшихся рукописях пьес
 Ксадай мид — мид миде мидо. 2

Илл. 4. Фрагмент записки А. П. Аристовя,
 приложенной к автографу М. П. Мусоргского
 (РО РНБ. Ф. 502. Оп. 1. Л. 2)

был положен недавний сенсационный судебный процесс.²⁶ Вероятно, в том же 1880 году (или чуть раньше) и состоялась встреча А. П. Аристов с М. П. Мусоргским, о которой доктор по прошествии лет вспомнил приблизительно и без деталей.

Как удалось установить, Мусоргский набросал красным карандашом мелодию лирической протяжной «Подуй, подуй погодушка», записанную им в 1876 г. от А. И. Зиновьева. Первоначальный автограф песни хранится в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину и был опубликован Г. Л. Головинским²⁷ (*пример 2*).

Сравнивая две рукописи Мусоргского, нетрудно заметить различия в тактировке, группировке длительностей, проставлении лиг и выборе регистров. В первом, вероятно, черном наброске (*пример 2*) композитор не ставит размер и использует тактовую черту лишь для разграничения двух фраз напева.²⁸ В нотировке, переданной Аристову (*пример 1*), Мусоргский отображает взаимосвязь поэтического слова и мелодии — и использует тактовую черту для обозначения словесных и музыкальных акцентов, проставляет размер. Однако, по какой-то причине композитор изменяет группировку длительностей и иначе проставляет лиги, обозначающие слоговые распевы. Эти детали — важные свидетельства фольклористической работы Мусоргского. Различия в регистрах можно объяснить тем, что мелодия, переданная Аристову, предназначалась для высокого женского голоса.

Записка, оставленная А. П. Аристовым, осознававшим ценность автографа великого композитора, — безусловно, уникальный и очень ценный документ. Но проясняя историю появления нотной записи, она ставит множество вопросов, ответы на которые найти в настоящий момент не представляется возможным: Где и когда Аристов встречался с Мусоргским? Что означает предложение подобрать слова — найти подходящий вариант известной «Погодушки» или сочинить собственный текст? Как была использована мелодия лирической песни Аристовым? Как долго Аристов сотрудничал с Александринским, а возможно, и с другими театрами?

Вместе с тем, уже сейчас мы можем сказать, что доктор Аристов был довольно близко знаком с известным композитором и не впервые обращался к нему с подобной просьбой. О расположении Мусоргского к Аристову-сочинителю музыки говорит и та открытость, с которой композитор поделился приготовленной для своего очередного замысла народной мелодией, а также

²⁶ См.: Русский биографический словарь / Изд. Под наблюдением пред. Имп. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова. Т. 4. Гааг—Гербель. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 1914. С. 297—298.

²⁷ Головинский Г. Л. Мусоргский и фольклор. М.: Музыка, 1994. С. 59.

²⁸ Впервые замечено Г. Л. Головинским: Там же. С. 59.

Пример 1²⁹

*Нотная запись М. П. Мусоргского
из фондов РО РНБ³⁰*

Для тенора транспонировать в H-dur

Three staves of musical notation in treble clef, key signature of two flats (B-flat and E-flat), and 6/8 time signature. The music consists of a single melodic line with various rhythmic values including eighth and sixteenth notes, and rests. The piece concludes with a double bar line and repeat dots.

Пример 2

*Нотная запись М. П. Мусоргского
из дома-музея П. И. Чайковского*

Canto largo, furioso

Three staves of musical notation in treble clef, key signature of two flats (B-flat and E-flat), and 6/8 time signature. The music is accompanied by Russian lyrics. The piece concludes with a double bar line and repeat dots.

По. дуй, по. дуй, - не.по - го - душ - ка, ох, ты не
ма - лень - ка.я. Раз - дуй, раз - дуй - ты
ря - би.нуш.ку, ох, да рас.ку - дря - вонь.ка/у - ю.

²⁹ Здесь и далее нотный набор выполнен С. В. Подрезовой.

³⁰ РО РНБ. Ф. 502 (Мусоргский М. П.). Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 3. Мелодия записана скорописью красным карандашом. Надпись над нотным станом: «Для тенора транспонировать в H-dur» сделана М. П. Мусоргским.

его пометка: «для тенора транспонировать в H-dur» (см. записку М. П. Мусоргского и записку Аристову).

Стоит обратить внимание на тот факт, что автограф композитора и сама записка были переданы в дар Имп. Публичной библиотеке лишь спустя несколько лет после составления записки, — в 1899 г. и первоначально были описаны «библиотекарем» В. В. Стасовым.³¹ Возможно, она была составлена и передана третьему лицу (Стасову?), у которого и находилась на хранении.

Все обнаруженные факты красноречиво свидетельствует о том, что Алексей Павлович Аристов был вхож в музыкальные круги Петербурга. К сказанному стоит добавить еще одну немаловажную деталь: «Русскую песню» «Ёлка», изданную в 1875 г., Аристов посвятил памяти А. Н. Серова. Мы не ошибемся, если скажем, что автографы Римского-Корсакова попали в дом Аристову также не случайно — доктор и великий композитор могли быть знакомы.

В своем творчестве А. П. Аристов разделял музыкальные устремления кучкистов. Он живо откликался на актуальные темы современности, обращался к различным сюжетам и жанрам. В его произведениях мы встретим лирическое признание в любви, психологический пейзаж («Лебеди белые»), бытовые зарисовки («Ёлка»), гимн беспечному гуляке («Бедняга чудаку»), мягкую иронию над простым человеком («Regretuum mobile») и острую социальную сатиру («Совет старого купца молодому»). Наконец, в его жизни и творчестве нашлось место песням протеста (сборник «Песни казанских студентов»). Композиторский метод Аристов отличает внимание к «речевой» интонации как способу отображения душевных движений героя, психологических состояний и характеров. Вслед за Глинкой, Даргомыжским и представителями «Новой русской музыкальной школы», Аристов стремится воплотить различные оттенки интонации речи в яркой выпуклой вокальной партии напевно-декламационного склада. В отдельных образцах он использует приемы звукоподражания («Ёлка») или подсмотренный у Мусоргского (ср.: «Светик Шавишну» и «Гопак») принцип выговаривания и одновременного выпевания текста (например, в «Совете старого купца молодому»). Аристов отличает также тяготение к свободным формам: куплетно-вариационной и сквозной строфической в вокальной музыке, фантазии — в инструментальной.

Как музыкант своего времени, разделяющий идеи кучкистов, А. П. Аристов обращается и к музыкальному фольклору. Устная фольклорная традиция интересует его в разных аспектах.

³¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1899 г. СПб., 1903. С. 155.

Студенческая песня

Аристов подготовил и издал в 1904 году одно из крупных собраний песен, бытовавших в среде студентов Казанского университета в середине XIX века, то есть запечатлел фольклор студенческой субкультуры (содержание см. в *таблице 1*, приведенной ниже). Идея создания сборника принадлежала членам упомянутого Санкт-Петербургского Общества, на ежегодных собраниях которого «явилась необходимость припомнить старинные песни, бывшие в ходу у казанских студентов», а вслед за этим «было выражено желание, чтобы весь имеющийся материал по студенческой песне был приведен в порядок и записан».³²

Основу сборника составили песни неизвестных авторов, певшиеся в студенческой среде в период с 1840 по 1868 гг. В него вошло 46 самостоятельных номеров, некоторые песни даны в текстовых и мелодических вариантах, там, где это возможно, дано указание на автора слов или музыки. Так, в собрании нашлось место целому ряду широко известных в демократической среде песен: «Вниз по матушке по Волге», «Быстры, как волны, дни нашей жизни», «Где с Казанской рекой», «Под вечер осенью ненастной», «Не осенний мелкий дождичек», «По чувствам братья мы с тобою» и др. В приложение вошло несколько авторских произведений, созданных студентами-композиторами, в том числе и самим Аристовым, а также 16 песенных текстов с указанием мотивов, на которые они исполнялись, лиц, сообщивших ту или иную песню, а также кратким изложением обстоятельств их сочинения. Публикация дополняется списком популярных песен, в том числе, народных, и романсов, которые «часто певались студентами» (С. 98). Работая над сборником, Аристов применял, вероятно, хорошо знакомые ему фольклористические методы: записывал песни с голоса носителей, особое внимание обращал «на возможную полноту, точность и верность записей, что всегда и многократно проверялось» (С. 3). Большинство песен было нотировано самим Аристовым, часть номеров — сообщена выпускниками университета, в том числе, известными музыкантами. Песня, записанная М. А. Балакиревым («Сваха говорливая»), была помещена в сборнике под № 19 (С. 50, см. выше *илл. 1*). С. В. Смоленский сообщил для готовящегося собрания три песни: «Братья, рюмки наливайте» (№ 22, С. 54), «Сквозь волнистые туманы» (№ 23, С. 55) и «Настойка» (№ 24б, С. 56).

³² Аристов А. П. Песни казанских студентов... С. 3. Далее указания на сборник даются в тексте — номер песни и / или страница.

Илл. 5. Обложка рукописного альбома

В архиве Н. Д. Финдейзена сохранился рукописный альбом, куда первоначально был записан основной песенный корпус.³³ Скорее всего, ученый и редактор-издатель «Русской музыкальной газеты» приобрел его у брата А. П. Аристова, Михаила в начале 1911 г. (см. об этом выше). К порученной работе Аристов подошел основательно: альбом имеет кожаный переплет, на котором золотыми буквами выгравировано рабочее название: «Песни казанских студентов. 1840—1870. Собрал Д-р Алексей Павлович АРИСТОВ» (илл. 5).

Внимательное знакомство с этой рукописью позволяет увидеть, что работа над собранием шла в несколько этапов. Помимо почерка Аристова и Балакирева, здесь встречается и несколько других почерков (их принадлежность установить пока не удалось) — очевидно, ряд напевов по памяти нотировали другие

³³ ОР РНБ. Ф. 816 (Финдейзен Н. Ф.). Оп. 3. Ед. хр. 3090. Согласно подписному акту, рукопись поступила в фонд в 1944 году (П. Акт. № С-103/56) вместе с большей частью архива Н. Ф. Финдейзена (см. Государственная Ордена Трудового красного знамени публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей: Краткий отчет о новых поступлениях за 1939—1946 гг. / Под ред. д-ра ист. Наук А. И. Андреева. Л., 1951. С. 40—41) и была атрибутирована А. С. Ляпуновой 1880-ми годами (см. опись фонда). К сборнику приложено содержание с указанием листов, выписанное на отдельных листках в линейку: Там же. Л. I—II.

лица. Рукопись неоднократно подправлялась, в нотации вносились пометки и исправления (илл. 6, 7), в альбом помещались записи, выполненные на подклеенных листах. Кто-то записывал одну мелодию песни, другие — песню с аккомпанементом, третьи — вспоминали лишь слова, позже одной рукой карандашом были внесены обозначения темпа и характера исполнения (илл. 6).

В приведенной ниже сравнительной таблице представлены составы сборника и рукописи, а также их мелодические и текстовые отличия:

Таблица 1

п/п по опубликованному сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
1.	Gaudeamus igitur.... с переводами и пародиями разных авторов	—	—
2.	Золотых наших дней	01. Л. 1—2	Вариант идентичен опубликованному; текст отсутствует
3.	О! друг мой Витковский	04. Л. 3 об.	Вариант несколько отличный от опубликованного
4.	Под вечер осенью ненастной.	05. Л. 4—5 об.	Мелодия и аккомпанемент в целом совпадают, есть мелодические разночтения. Зачеркивания
5.	Не ходи мой друг <i>Примеч.:</i> «Соч. студ. Шмотин»	03. Л. 3	Два варианта 1-ой строфы: 1) Первый вариант зачеркнут, под ним карандашом выписан вариант второго предложения 2) Вариант идентичный опубликованному (другой рукой, см. «Песня преступников», л. 45 и др.)

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
6.	Посмотри да подивись <i>Примеч.:</i> «На ту же мелодию»: Красавица поцелуй русского солдата...	06. Л. 6	Вариант идентичен опубликованному, есть пометка другой рукой «Про студ[ента] Шутова Александр Нератов и Беляев» (см. Л. 45 «Песня преступников»)
		46. Л. 46	Иной вариант (<i>илл. 7</i>) в другой тональности — А-dur, для тено-ров и басов в четырехголосном изложении. Чистовая запись чернилами на вклеенном листке меньшего формата. Рука отличается от всех, кто писал в тетради.
7.	За горами за долами	08. Л. 7	Мелодия совпадает. Присутствуют карандашные исправления нот
8.	Ах! ка-бы на цветы	—	—
9.	Вниз по матушке по Волге <i>Примеч.:</i> «(Петь мужским хором на кварту выше)»; «Новая аранжировка применительно к тому, как песня эта исполнялась в студенческих кружках»	14. Л. 13 об.—14	В иной тональности — g-moll. Чистовик без карандашных помет.
		15. Л. 14 об.—15	Вариант идентичен опубликованному в сборнике
10.	Быстры как волны	11. Л. 10 об.	Вариант идентичен опубликованному
—	—	12. Л. 11	«Чарочка моя» (<i>илл. 6</i>). Чистовик. Рука А. П. Аристова, темп «Оживленно» вписан другой рукой

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
11а.	Эх! студенческая доля! <i>для баса</i> <i>Примеч.</i> : «В этом переложении пел студент Павел Григорьевич Навалихин, обладающий превосходным басом»	22. Л. 21 об.—22	Мелодия совпадает, гармонизация частично отличается; ниже нотации — 2 строфы текста
11б.	Тоже. <i>Для хора</i>	02. Л. 2 об.	Несколько отличный вариант
12.	Где с Казанской рекой <i>Примеч.</i> «Эта песня пела-лась различно: на мотив испанской качучи и на многие другие; в памяти осталась только старинная мелодия на слова известной Казанской песни: «Баклашка»».	17. Л. 17—17об	Вариант идентичен опубликованному
—	—	07. Л. 6 об	«Баклажка, баклажка». Одна строфа напева. Рука А. П. Аристова. Карандашные исправления внесены другой рукой.
13а.	Аристотель славный	10. Л. 9 об—10	Близкий вариант с текстом: «Аристот ученый он же философ», без повтора 2-ой строки, аккомпанемент близок опубликованному
13б	Жил был скит скандальный	—	—
13с.	Попов долго-вязый. <i>Примеч.</i> «Соч. студента Карлина»	На ту же мелодию —	—
14а.	Стою один я пред избушкой.	16. Л. 15 об.—16	Идентичен опубликованному в сборнике

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»		п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
14b.	Тоже. 1-й вариант.	На тот же текст	20. Л. 20 об.	Мелодический вариант, подтекстовка иная: «Один стою я пред избушкой...»
			21. Л. 21.	Мелодия без подтекстовки, совпадает с опубликованной в сборнике.
14с.	Тоже. 2-й вариант.		23. Л. 22 об.—23	Мелодия близка опубликованной в сборнике, без подтекстовки
14d.	Шапка. <i>На ту же мелодию</i>		—	—
15.	Не было заботки		—	—
16.	Светит, светит месяц		19. Л. 19 об.—20	Мелодический вариант
17.	Друзья подагрой изнуренный		09. Л. 7 об.—9	Идентичен опубликованному в сборнике. Чистовая запись.
18.	Добрый вечер! сестрице		—	—
19.	Сваха говорливая <i>Примеч.:</i> «Сообщ. М. А. Балакиревым»		35. Л. 39	Автограф М. А. Балакирева Идентичен опубликованному в сборнике
20.	Машенька!		—	—
21.	Могу ли вспомнить без улыбки <i>Примеч.:</i> «Муз. А. П. Аристов»		—	—
22.	Братья рюмки наливайте <i>Примеч.</i>		—	—
23.	Сквозь волнистые туманы <i>Примеч.:</i> «Сообщ. Ст. В. Смоленским»; после подтекстовки второго куплета: <i>«и пр. по Пушкину»</i>		—	—

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
24а.	Настоичка	—	—
24b.	Тоже <i>Примеч.:</i> «Ст. В. Смоленский»	—	—
25.	Студенты! (текст отсутствует, кроме обращения «Студенты!»)	32. Л. 36 об.—37	Вариант идентичен опубликованному в сборнике; есть небольшое текстовое продолжение: «Студенты! был неправый суд». <i>Примеч. карандашом:</i> «Сообщил А. Е. Пальчиков»
26.	Юность прелестна	—	—
27.	Раз из трактира <i>Примеч.:</i> «на ту же мелодию «... Дразнить принялись»	40. Л. 42	Вариант идентичен опубликованному в сборнике, мелодия без подтекстовки
28.	Не осенний мелкий дождичек <i>Примеч.:</i> «Вар. “нам покоя нет ни дня”»	42. Л. 43—43 об.	Вариант идентичен опубликованному в сборнике. Той же рукой, что и «Песня преступников», л. 45 и др. Имеет внутреннюю нумерацию «2»
29.	Была себе пташечка	44. Л. 44	Вариант близок опубликованному, мелодия дана в инструментальной группировке длительностей. Той же рукой, что и «Песня преступников», л. 45 и др. Имеет внутреннюю нумерацию «4»
30.	Петь я песню начинаю	41 Л. 42 об.—43	Вариант близкий опубликованному в сборнике, мелодия дана в инструментальной группировке длительностей. Той же рукой, что и «Песня преступников», л. 45 и др. Имеет внутреннюю нумерацию «1»

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
31.	Вина, вина еще подать!	43. Л. 43 об.— 44	Вариант близкий опубликованному в сборнике, мелодия дана в инструментальной группировке длительностей. Той же рукой, что и «Песня преступников», л. 45 и др. Имеет внутреннюю нумерацию «3»
32а.	Василий Иванович унывает	33. Л. 37 об.—38	Идентичен опубликованному в сборнике
32b.	Ордена снимите, ленты... на ту же мелодию <i>Примеч.:</i> известный хирург Александр Леонтьевич Зерман (умер в 1902 г.) на годовичном обеде Общества... в 1896 г... прочитал это свое стихотворение.	—	—
33.	Пчелка золотая	25. Л. 24 об.	Идентичен опубликованному в сборнике
34.	Где прежде процветала	26. Л. 24 об.—25	Идентичен опубликованному в сборнике
35.	В одной знакомой улице	24. Л. 23 об.	Мелодический и гармонический вариант опубликованной версии
36.	Мы все жизни рады	—	—
37.	Студентик есть молодецкий	—	—
38.	Из всех товарищей моих	—	—
39.	По чувствам братья мы с тобою <i>Примеч.:</i> Слова Плещеева	6. Л. 40	Идентичен опубликованному в сборнике
		18. Л. 18	Вариант близок опубликованному в сборнике, в иной тональности — D-dur

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
40.	Песня преступников Примеч. Слова Н. А. Некрасова, муз. В. Е. Пальчикова	45. Л. 45	Идентичен опубликованному в сборнике Чистовая запись черными чернилами на вклеенных листках другой рукой (тот же почерк — по-метка на Л. 6)
		47. Л. 47 об.	Мелодия идентична опубликованной в сборнике (верхний голос), дана с аккомпанементом фортепиано. Той же рукой, что и «Песня преступников», л. 45
41.	Студент беспечный весельчак	—	—
42.	Соседка <i>Примеч.:</i> Слова М. Ю. Лермонтова	38. Л. 41	Мелодия идентична опубликованной в сборнике, без текста. Присутствуют карандашные исправления
43.	Не плач, не плач мое дитя <i>Примеч.:</i> Слова М. Ю. Лермонтова	31. Л. 35 об.—36	Идентичен опубликованному в сборнике
44.	Еду ли ночью <i>Примеч.:</i> Слова Н. А. Некрасова	39. Л. 41 об.	Идентичен опубликованному в сборнике
		27. Л. 25 об.	Иной вариант мелодии, совпадают размер и тональность
45.	Под вечер девятого Мая -----	34. Л. 38 об.	Вариант близок опубликованному в сборнике, есть карандашные исправления в тексте
46.	Многолетие большое Д. Бортнянского	—	—

п/п по опубл. сборнику	Название песни в сборнике «Песни казанских студентов»	п/п и № листа по рукописи: РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090	Примечания к рукописи, особенности рукописных вариантов
Приложение ³⁵			
1.	Добрая фея <i>Примеч.:</i> Песня Беранже, Перев. В. Курочкина Муз. Н. Н. Беневитского	—	—
2.	Вы злыя, злыя песни <i>Примеч.:</i> «(из Гейне)». Перев. Ф. Н. Берга, Муз. Н. Н. Беневинского	37.	Идентичен опубликованному в сборнике, без текста
3.	Лизок <i>Примеч.:</i> Слова Беранже. Перев. В. Курочкина. Муз. Н. Н. Беневитского	30. Л. 33 об.—35	Идентичен опубликованному в сборнике
4.	В ногу ребята идите. <i>Примеч.:</i> Слова Беранже. Пер. В. Курочкина «Мелодия приписывается студенту Пескову»	13. Л. 11 об.—13	Идентичен опубликованному в сборнике
5.	Бедняга чудак <i>Примеч.:</i> Слова Беранже. Пер. В. Курочкина Муз. А. П. Аристова	29. Л. 32—33	«Всем пасынкам природы когда прожить бы так». Без названия
6.	Стихи и песни. <i>Тексты</i>	—	—

Как видно из таблицы, в сборник вошли не все песни, помещенные в рукописном альбоме. Так, например, в него не вошла застольная «Чарочка моя» (см. выше *илл. б*) и песня «Баклашка» (*пример 3*), на «старинную мелодию» которой, по указанию

³⁵ Так обозначил данный раздел А. П. Аристов — *С. П.*

Пример 3

Песня «Баклашка»³⁶

(РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090. Л. 6 об.)

Бак - лаш - ка, баклаш - ка! Ты ку - да плы - вешь? Ты плы -
ви ба - клаш - ка на ту - я сто - ро - на.

The musical score for 'Баклашка' is written in G major and 3/4 time. It consists of two staves. The first staff shows the melody with lyrics 'Бак - лаш - ка, баклаш - ка! Ты ку - да плы - вешь? Ты плы -'. The second staff continues the melody with lyrics 'ви ба - клаш - ка на ту - я сто - ро - на.' The notes are mostly quarter and eighth notes.

Пример 4

Песня «Еду ли ночью по улице темной»

(РО РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Ед. хр. 3090. Л. 25 об.)

Е - ду ли но - чью по у - ли - це тем - ной
бу - ри ль за - слу - ша - юсь в су - мрач - ный день
Друг без - по - кой - ный боль - ной и без - дом - ный
Мне про - мель - кнет тог - да тво - я тень

The musical score for 'Еду ли ночью по улице темной' is written in B-flat major and 3/4 time. It consists of four staves. The first staff has lyrics 'Е - ду ли но - чью по у - ли - це тем - ной'. The second staff has lyrics 'бу - ри ль за - слу - ша - юсь в су - мрач - ный день'. The third staff has lyrics 'Друг без - по - кой - ный боль - ной и без - дом - ный'. The fourth staff has lyrics 'Мне про - мель - кнет тог - да тво - я тень'. The melody is simple, using mostly quarter and eighth notes.

³⁶ В рукописи присутствуют карандашные исправления нот — они обозначены в нижнем голосе.

А. П. Аристова,³⁷ исполнялась известная песня «Где с Казанкой рекой» (вар. «Там где тинный Булак»). Целый ряд студенческих песен увидел свет в иных мелодических и текстовых вариантах, иногда весьма удаленных от записанных в рукописи (*пример 4*), тем большую ценность приобретает эта находка.

Собрание стало одним из немногих достоверных источников по изучению студенческого песенного фольклора дореволюционного времени. Оно прекрасно иллюстрирует многочисленные воспоминания, оставленные выпускниками Казанского университета,³⁸ например, доктора медицины Н. Ф. Флёрина, студента 1870 — начала 1880-х гг.:

«Устраивали иногда студенты пирушки у себя на квартире. Это удовольствие недорого обходилось: за три рубля можно было строить скромную пирушку на 10 человек. Приобреталось ведро пива (20 бутылок) на пивном складе за 1 р. 05 к., покупалось 5 ф. лучше (без костей) вареной ветчины по 20 к. фунт, нужное количество белого и черного хлеба, за 5 к. баночка готовой горчицы. Пили чай, пиво, проводили время в приятных беседах и спорах на разные злободневные и научные темы, пели студенческие песни: «Gaudemus igitur»... «Проведемте же, друзья»... «Из страны, страны далекой»... «Там, где тинный Булак»... «Есть на Волге утес»... «Много песен слышал» — с припевом «Дубинушка» и др. вольные и запрещенные».³⁹

Сборник Аристова был высоко оценен как современниками, так и советскими учеными, среди которых — казанский фольклорист М. А. Васильев, изучавший студенческий фольклор в первые десятилетия XX в. и посвятивший развернутую статью историческому контексту и условиям появления ряда политически окрашенных песен казанского студенчества.⁴⁰ Однако оценивая сборник с позиции советского времени, М. А. Васильев считал, что в нем нашла себе место лишь «незначительная часть» студенческих песен, «притом песен преимущественно аполитических, “невинных”», а также «песен вина, любви и раз- ных минут блаженства», которые «дают материал только для характеристики бытовой обстановки и нравов, но не полити-

³⁷ См. Песни казанских студентов... С. 35. Примечание к № 12 (см. таблицу).

³⁸ Прагматика студенческого фольклора хорошо воспроизведена так же в романах П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» и «Дельцы».

³⁹ Воспоминания доктора медицины Н. Ф. Флёрина (Ростов н/д.) // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1930. Т. 90. Кн. 5. С. 900.

⁴⁰ *Васильев М. А.* Песни Казанского студенчества (1850—1860-х гг.) // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1930. Т. 90, кн. 5. С. 839—860.

ки и революционности».⁴¹ Иного мнения относительно состава сборника Аристову придерживался М. С. Друскин, неоднократно обращавшийся к его материалам в работах по истории студенческой и революционной песни в России. Согласно его точке зрения, сборник запечатлел смену образов и мотивов, наметившуюся в студенческом фольклоре в 1850-х, и содержит «песни демократического студенчества, уже тронутого революционным влиянием».⁴²

Стоит отдать должное А. П. Аристову — ему удалось подготовить собрание, основанное на научном подходе к сбору, расположению и публикации материала. Очевидно, при его подготовке он использовал свой прежний опыт по собиранию народных песен.

Русская народная музыка

Сведений об этой стороне деятельности доктора и музыканта сохранилось крайне мало. Мне удалось обнаружить, что в третьей части своего «Собрания музыкальных сочинений» Аристов опубликовал три русские народные песни и один наигрыш плясовой песни на гармонии, обозначенный как «наигрыш на гармонике». Песни были даны в собственной аранжировке Аристову для разных составов: протяжная «Эх, да, размолочки!...» для высокого сопрано в сопровождении фортепиано (с подзаголовком «Русская песня» и указанием на место бытования — «Московская губ.»); плясовая «Что с девицей сделалось?» для запевалы и хора в сопровождении фортепиано (ей дан подзаголовок «Народная русская песня») и игровая «Заинька по сеничкам гуляй-таки гуляй» в хоровом изложении. Аристов снабдил публикацию игровой песни подзаголовком «свадебная», указанием места записи «Костромская губ. Галич» и примечанием: «“Заинька”. Свадебная, поется по возвращению “молодова” от венца». Здесь же он добавил ссылку на вариант песни, опубликованный в сборнике К. П. Галлера в 1889 г., то есть — на первую нотную публикацию песни, записанную в Лужском уезде Петербургской губ.

Все три песни были хорошо известны просвещенной публике и уже появлялись в нотных сборниках XIX и даже XVIII вв.⁴³

⁴¹ Там же. С. 840.

⁴² Друскин М. С. Студенческая песня в России 40-х — 60-х годов: Глава из истории русской революционной песни // Очерки по истории и теории музыки: Русская музыка. Л., 1939. Т. 1. С. 52—53

⁴³ Песня «Что с девицей сделалось» впервые была опубликована в 1797 г.: Герстенберг И. Д., Дитмар Ф. А. Песенник, или Полное собрание старых и новых российских и прочих песен для форте-пиано собранные

Аристов опубликовал оригинальные варианты текстов и мелодий песен. Оформление нотаций, особенности аранжировок, полная подтекстовка напевов свидетельствуют о близком знакомстве Аристова с современными ему методами записи и переложения образцов народной музыки. Указание на место бытования (либо место записи) песен и обрядовый контекст, а также упоминание песенного варианта говорит о научном подходе автора.

Метод Аристова — собирателя народных песен интересно рассмотреть на примере протяжной «Эх, да, размолодчики».

Как известно, с середины XIX в. эта лирическая песня появляется в различных собраниях народных песен. Впервые напев вместе с текстом был опубликован М. И. Бернардом в сборнике «Песни русского народа» 1847 г.,⁴⁴ затем дважды переиздавался.⁴⁵ Вариант этой песни с зачином «Ах, кто бы моему горюшку помог» находился в репертуаре Тертия Филиппова и вошел в историю в двух нотациях и аранжировках — К. Вильбоа (впервые опубликована в 1860 г.)⁴⁶ и Н. А. Римского-Корсакова (опубли-

издателями. Ч. 1—3. СПб.: у Герстенберга и Дитмара, 1797 (№ 4 «Ей, ей, ей, ей! Что девушке сделалось», см. переиздание: Русские песни XVIII века. Песенник И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара // Общ. ред и вступ. статья Б. Вольмана. М.: Музгиз, 1958. С. 45—46. № 4), текстовые варианты публиковались и ранее (см. Примечание Б. Вольмана: Там же. С. 307); затем она вошла во второе издание (1806 г.) собрания Н. А. Львова и И. Г. Прача (см.: Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. и со вступ. статьей В. М. Беляева. М.: Музгиз, 1955. С. 220—221. № 105). Мелодические варианты песни включали в свои сборники П. М. Воротников (Русские народные песни для пения и фортепиано положенные П. Воротниковым. М.: собственность автора, 1871. Скорые и плясовые. № 1 (отдельная тетрадь); 80 русских народных песен для пения с фортепиано положенные П. Воротниковым. Ч. 2. М.: П. Юргенсон, 1894. С. 40—42. № 18. Плясовая «Эй эй! Что девушке сделалось») и Н. А. Римский-Корсаков (Сборник русских народных песен для голоса с фортепиано. Часть 2: Ор. 24 / Сост. Н. А. Римским-Корсаковым. СПб.: Бессель, [ценз. 1877]. № 83 «Эх, что девушке сделалось»).

Первое издание текста песни «Заинька по сеничкам» относится к 1870 г. (*Шейн П. В.* Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870), затем текстовый вариант был включен в собрание А. М. Васнецова (Песни Северо-Восточной России: Песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вят. губ. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1894. С. 138. № 173). На первую публикацию мелодии (*Галлер К. П.* Сборник русских народных песен Санкт-Петербургской губернии Лужского уезда. М., 1889. С. 26. № 18) указал сам А. П. Аристов.

⁴⁴ *Бернард М. И.* Песни русского народа. СПб., 1847. Песни протяжные и тихие: С. 63. № 58 «Ах, размолодчики!».

⁴⁵ См., например: *Бернард М. И.* Песни русского народа для пения с ф.-п. М.: Юргенсон, 1886.

⁴⁶ *Вильбоа К. П.* Русские народные песни, записанные с народного напева и аранж. для одного голоса с аккомп. ф.-п. К. Вильбоа. СПб.:

кована в собрании 1882 г.).⁴⁷ Примерно в то же время в разных местностях песню «Размолодчики» записывают и публикуют Н. Е. Пальчиков (1888),⁴⁸ Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин (1889),⁴⁹ П. В. Шейн (1898 г., в нотации С. Г. Рыбакова)⁵⁰ и др. К концу XIX в. песня приобретает популярность как одна из вершин народной протяжной лирики. По словам Н. М. Лопатина, «это распространенная по Великодержавии песня не менее ею любима, как “Степь”, “Вспомни”, “Дороженька”». ⁵¹ Думается А. П. Аристов, как и многих музыкантов, привлек лирический сюжет (разлука с милым) и мелодически богатый напев этой известной песни.

Вариант, опубликованный Аристовым, типологически близок варианту «Размолодчиков», записанному Лопатиным и Прокуниным (*пример 6*) от знатока народных песен, артиста Московских императорских театров Ивана Ивановича Лаврова,

Стелловский, [ценз. 1860]. № 27 «Размолодчики»; Она же: *Вильбоа К. П.* 100 русских песен, записанных с народного напева, аранжированных для одного голоса с акк. ф-но К. Вильбоа. М.: А. Гутхель, 1894. С. 46. № 27; *Вильбоа К. П.* 150 русских народных песен, переложенных К. Вильбоа. М.: П. Юргенсон, 1874. С. 8. № 27.

⁴⁷ 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М.: Юргенсон, 1882. IV. Хоровые песни: С. 32. № 14 «Ах, кто бы мне, ах, кому горюшку помог».

⁴⁸ Пальчиков Н. Е. Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Пальчиковым. СПб.: П. Юргенсон, 1888. Ч. 2. Протяжные песни (проголосные): С. 168. № 74 «Ох, да уж я вздумаю (ох, я про девичье, ох, да я про девичье житье)».

⁴⁹ Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву. Ч. 1—2. М., 1889, см. по переизданию: Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / Под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М.: Музгиз, 1958. Отдел третий: Женские песни. Сюжет XXIII. Размолодчики: С. 381. № 75. «Ах, да размолодчики» (Ярославский у., г. Рыбинск); С. 381—382. № 76. «Вы молодчики (вы молоденькие)» (Новгородская губ. Валдайский у.).

⁵⁰ *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1898. С. 201. № 770 «Ах, размолоденьки, ах, вы, дружки мои» (текст, повествование от мужского лица). Т. 1. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900. Приложение. С. 830 (ноты). Записано С. Г. Рыбаковым с голоса П. В. Шейна, услышавшего и записавшего песню в Саратовской губ.

⁵¹ *Лопатин Н. М.* Объяснение вариантов песен со стороны бытового и художественного их содержания // Лопатин Прокунин Сборник... С. 200.

Пример 5
 «Эх, да, размолодчики!..». Русская песня (Московская губ.)
 Для высокого сопрано. Арр. А. П. Аристова
 Аристов А. П. Собрание сочинений... С. 36—37.

Медленно с оттенк. грусти

CANTO.

1. Эх, да, раз - мо - ло -
 2. Ах, да, вы друж -
 3. Ах, да, за - жгли,

PIANO.

чи - ки! Эх, да, вы мо - ло - день - ки,
 ки мо - и! Ах, да, ва - ши лас - ко - вы сло - ва,
 Ах, да, кто - бы го - рю мо - е - му,

a! Вы друж - ки, дружки мо - и!
 a! Серд - це бе - дно - е заж - гли.
 a! Мо - е - му го - рю, го - рю по - со - бил?

Ускоряя.

Мо - е - му го - рю го - рю

по - со - бил! Эх, да, мнели друж - ка мо - е - го а!

соро *медленно* *ad. libit.*

со до - ро - жки, друж - ка, во - ро - тил. Эх! да

очень скоро *медленно* *теп.*

Со до - ро - жки, друж - ка во - ро - тил.

Пример 6
 «Ах, да, размолодчики» (Ярославская губ., г. Рыбинск).
 Запись В. Прокунина.
 Русские народные лирические песни... С. 381. № 75.

Медленно (adagio) ♩ = 80

mp

пение

Ах, да раз - мо - лод - чи - ки,

Ф.-п.

mp

ах, да вы, мо - ло - день - ки - е (ах),

также (ossia)

вы, друж - ки мо - и!

перенявшего песню от бурлаков в Рыбинске (Ярославской губ.). Возможно, и Аристов записал песню от певца-любителя, исполнявшего ее в Петербурге.

По всей видимости, Аристов хорошо знал антологию лирических песен Лопатина и Прокунина и, обнаружив родственность напевов, ориентировался в нотации на Прокунина. Он так же, как и Прокунин поместил напев в четный размер (4/4 вместо 2/4 у Прокунина, с увеличенным хронос протос), сходным образом тактировал заключительную фразу. Стоит отметить, однако, что Аристов дал запев и основную часть напева в собственной метрической интерпретации — абсолютно не учитывая логиче-

ские акценты. Бросается в глаза и еще одна общая для образцов черта — краткость текста.

«Размолодчики», как и две другие народные песни, Аристов дает с полной подтекстовкой. Более того, протяжная представлена в форме целостного музыкального сочинения и завершается своеобразной кодой — самым ярким и размашистым вариантом заключительной фразы напева, возможно сочиненным самим Аристовым. Заслуживает внимания аранжировка протяжной. Аристов поступает с песней бережно — отказывается от гармонического сопровождения и поручает партии фортепиано роль скромного подголоска, над которым простирается широкая и полная мелодического дыхания мелодия. Иные принципы он использует в аранжировках плясовой и игровой, хотя так же придает им завершенную музыкальную форму.

Разнообразие исполнительских составов, видимые различия в аранжировках, полная подтекстовка напева, законченная форма песни с внутренним развитием, кульминацией и выписанным завершением-кодой позволяет предположить, что опубликованные песни предназначались к исполнению на сцене, например, в спектаклях.

В заключение необходимо сказать о двух неожиданных находках, которые проливают свет на А. П. Аристова как на известного современникам собирателя народных песен.

Очутившись в квартире покойного Аристова 24 февраля 1911 г., Н. Ф. Финдейзен наблюдал, как среди беспорядка, в котором пребывало жилище доктора усилиями его брата, была обнаружена запись «казацкой» (возможно, казачьей?) песни:

«Трудно представить себе хаотичность обстановки — все было свалено и запылено в одной комнате: книги, ноты, ящики с соломой, сеном и тряпками, сундук, альбом, посуда, самовары, статуэтки и т.д. Точно кладовая Плюшкина! Издания валялись разорванные — нередко по листам. И сам М. Аристов усиливал беспорядок, разбрасывая не нужные и не важные, на его взгляд, ноты. *Зато все время разыскивал рукописную запись какой-то казацкой песни, и не было конца его радостным восклицаниям, когда я ее нашел, случайно* (выделено мной. — С. П.). А все остальное, что брат его собирал с любовью и трудом, — для него чуть ли не равнялось ненужному хламу».

В то же самое время, в феврале 1911 года в «Русской музыкальной газете» был опубликован небольшой некролог, в котором вновь шла речь о богатом наследии Аристова — собирателя русского музыкального фольклора:

«14 мая 1910 г. в Петербурге скончался *д-р А. П. Аристов*, известный собиратель народных песен и большой библиофил. <...> В музыкальном наследстве покойного нашлись более 150 записей народных песен, гармонизованных А. П. Аристовым. По отзывам

знатоков, эти песни, как и гармонизация их, отличаются большими достоинствами и своеобразностью и значение сборника едва ли не превышает известный сборник Пальчикова. Редакция рукописного сборника поручена Я. В. Прохорову. О скорейшем издании этого посмертного труда А. П. Аристова можно только пожелать».⁵²

К сожалению, собрание, анонсированное в некрологе, издано не было, не сохранилось сведений и о местонахождении рукописи. Сама библиотека Аристова была распродана его братом, Михаилом Павловичем Аристовым, не известна судьба его архива. Попытки разыскать следы рукописи в работах известного русского / советского фольклориста Якова Васильевича Прохорова⁵³ (1870—1942), которому было поручено ее издание, тоже пока не принесли результатов.

Хочется высказать надежду, что в будущем удастся обнаружить нотировки А. П. Аристова, что позволит не только вписать его имя в историю музыкальной фольклористики, но и определить его вклад в дело собирания и изучения русского музыкального фольклора.

⁵² Библиографические известия // Русская музыкальная газета. 1911. № 10. Стб. 279—280.

⁵³ Известно, что Я. В. Прохоров, выпускник Петербургской консерватории 1904 года, ученик Н. А. Римского-Корсакова, в 1910-е годы состоял членом Этнографического отдела РГО. Он совершил ряд этнографических поездок, выступал с докладами-концертами о народных песнях на заседаниях Отдела (См. Протоколы заседания Отдела Этнографии РГО 22 апреля 1911, на котором был представлен доклад «Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки. Песни свадебного обряда», сопровождавшийся исполнением свадебных песен (Журнал заседаний Отделения этнографии Имп. РГО // Живая старина. 1911. Вып. 1. С. XV—XVIII), а также заседания 2 мая 1913 года, где Я. В. Прохоров представил следующую часть своего доклада «Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки. Танковые песни», проиллюстрированного исполнением песни, гармонизованных Римским-Корсаковым, Балакиревым, Прохоровым, а также фонограммами (Журнал заседаний Отделения этнографии Имп. РГО // Живая старина. 1913. Вып. 1. С. XXXVIII—XLI), вел исследовательскую работу (см. его статьи: Музыкально-песенное творчество русской женщины-крестьянки. Песни свадебного обряда // Живая старина. 1911. № 2; Элементы народности в творчестве Н. А. Римского-Корсакова // Русская музыкальная газета. 1913. № 26—27, 46—52). В те же годы Прохоров был членом Этнографической секции ОЛЕАиЭ при Московском государственном университете. После революции он вел собирательскую работу в разных районах СССР, работал в Москве (в частности, с 1921 г. был сотрудником этнографической секции Государственного института музыкальной науки — сокр. ГИМН), преподавал в Казани, Минске и Москве. Среди учеников Прохорова — известные фольклористы: Н. И. Аладов, В. А. Ефимов, А. А. Егоров, А. М. Ковалёв.

Аннотация: В статье предпринимается попытка обозначить место и вклад Алексея Павловича Аристова (1842—1910) в дело собирания, изучения и интерпретации русского музыкального фольклора. Врач по роду занятий, статский советник и активный общественный деятель, А. П. Аристов поддерживал широкие связи с музыкантами (например, с М. П. Мусоргским и М. А. Балакиревым) и литераторами Петербурга и был известен как большой любитель русской музыки, библиофил и композитор. Будучи ровесником композиторов «Могучей кучки», А. П. Аристов был вдохновлен их исканиями, в своем творчестве обращался к народным мелодиям, записывал и аранжировал образцы русского музыкального фольклора (традиционного и студенческого). Опубликованные мелодии позволяют говорить о хорошем знакомстве А. П. Аристова с современными методами фольклористической нотации. В работе приводятся новые архивные материалы по истории создания сборника «Песни казанских студентов: 1840—1868» (СПб., 1904) — одного из немногих достоверных источников по изучению студенческого песенного фольклора середины XIX века.

Ключевые слова: история музыкальной фольклористики, песни казанских студентов, русский музыкальный фольклор, композиторы «Могучей кучки», музыкальная жизнь Петербурга

Abstract: The article attempts to identify the place and contribution of Alexei Pavlovich Aristov (1842—1910) to the cause of collecting, studying and interpreting Russian musical folklore. Doctor by occupation, state councilor and active public figure, A. P. Aristov maintained extensive contacts with musicians (for example, with M. P. Mussorgsky and M. A. Balakirev) and writers of St. Petersburg, and was known as a big fan of Russian music, a bibliophile, and a composer. Being the same age as the composers of «The Five», A. P. Aristov was inspired by their quests, in his works he turned to folk melodies, recorded and arranged samples of Russian musical folklore (traditional and student). The published melodies suggest that Aristov was well acquainted with modern methods of folklore notation. The work presents new archival materials on the history of the collection «Songs of Kazan Students: 1840—1868» (St. Petersburg, 1904) — one of the few reliable sources on the study of student song folklore of the mid-19th century.

Keywords: history of musical folklore, songs of Kazan students, Russian musical folklore, composers of the «Mighty Handful», the musical life of St. Petersburg

С. Б. АДОНЬЕВА

**ОПЫТ «ПОЛЯ» В ДНЕВНИКАХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА:
ЗАПИСИ НАТАЛЬИ ПАВЛОВНЫ КОЛПАКОВОЙ**

*«Север будет еще долго служить человечеству
местом отдыха и счастливого созерцания»*

*(Евдокимов А. А. Североведение
и его задачи. Архангельск, 1928)¹*

Чтение полевых дневников исследователей фольклора и традиционной культуры — увлекательное занятие, поскольку полевые записи всегда больше, чем просто дневник. Эти тексты работают как повествовательная литература. Ю. М. Лотман полагал, что событием повествовательного текста служит перемещение персонажа через границу «семантического поля»: «место действий — это не только описание пейзажа или декоративного фона, — отмечал ученый. — Весь пространственный континуум текста <...> складывается в некоторый топос. <...> Структура топоса выступает в качестве языка для выражения других, непространственных отношений».² Пространство, которое становится предметом описания исследователя, открывает «непространственные» смысловые отношения, сам же исследователь и есть герой, пересекающий его границы. Русский Север, в том виде, в котором он предстает перед читателем научного травелога, несомненно, один из таких топосов.

¹ См.: Основатель Североведения Андрей Андреевич Евдокимов. Библиографический указатель (1915—1937) / Сост. Ю. Дойков. Архангельск, 2005.

² Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 159.

Один из основоположников теории гештальта, Курт Левин, отмечал: «Человек живёт в «психологическом поле» окружающих его предметов. Каждый предмет имеет для него свою валентность — своего рода энергетический заряд, вызывающий у человека специфическое напряжение, требующее разрядки. Поведение человека делится на волевое и полевое. Волевое — вызвано внутренними потребностями и мотивами, а полевое — влиянием внешних объектов».³ Исследуемое фольклористом пространство Русского Севера наполнено предметами, малое число «валентностей» которых известно путешественникам. Вне их опыта быт и обычай людей и мест, тела путешественников привыкли к иным телесным техникам, их жизненные миры, несмотря на кажущуюся близость языка, существенно отличаются от того жизненного мира, с которым они соприкасаются в дороге. И поэтому открывающееся пространство становится активной силой, во-первых, обнаруживающей структуры внутреннего опыта наблюдателей и, во-вторых, изменяющей их. Подобно героям квестов, исследователи Русского Севера обретают не только искомую ценность — фольклорные записи, например. Поле меняет их самих. Формы их опыта.

Отправляясь в экспедицию, исследователи обычно исходят из имеющейся у них на руках на тот момент «ментальной карты». У них есть определенные ожидания и установки, явно проговариваемые или предписанные той ролью, которая отведена им научным заданием «командирующей стороны»: я (субъект) исследую определенный предмет (объект). Наталья Павловна Колпакова занималась исследованием состояния традиционного фольклора на севернорусских территориях в течение многих лет. Делало ее героем собственного повествования именно поле: пространство меняло установку исследователя, опрокидывало его в его собственный новый опыт. Позже, когда полевые записи становились основой для готовящегося к изданию эссе, Колпакова изменяла градиент субъективности: то открыто принимая на себя роль субъективного присутствия и переживания, то отстраняясь до позиции наблюдателя — публициста, описывающего и дающего оценку, но не открывающегося лично. Я попробую показать эту пластику на нескольких примерах из ее рукописей и публикаций. Для этого я использую следующие источники. Публикации: Колпакова Н. П. У золотых родников (Записки фольклориста). Л.: Наука, 1975 (далее в тексте — «Записки»). Колпакова Н. П. За последними северными былинами. Из путевого дневника фольклорной экспедиции института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР 1956 года //

³ Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Московского Университета, 1981. С. 18.

Из истории русской фольклористики. Вып. 3. Л.: Наука, 1990. С. 121—135 (далее в тексте — «Дневник»). Колпакова Н. П. Ветер с севера. Л.: Издательство «Прибой», 1931 далее в тексте — «Ветер с севера»). Эта работа тогда так и не увидела свет, но в секторе фольклора Российского Института Истории Искусств хранятся гранки книги с авторскими исправлениями. Большая часть книги — с сокращениями и дополнениями — была включена Н. П. Колпаковой в книгу «У золотых родников». Я работала с гранками в 2009—2010 годах, на ту пору сектор фольклора Российского Института Истории Искусств, в котором я тогда работала, планировал новое издание двух сборников «Крестьянского искусства» (1927 и 1928 гг.), предполагалось делать комментарии. Приведу те фрагменты из этой несостоявшейся публикации, от которых Наталья Павловна позже отказалась, но которые имеют прямое отношение к нашей теме — исследователь и его поле.

Начнем рассмотрение нашей темы с описания рукописей Колпаковой: ее рукописный фонд хранится в Кабинете рукописей Российского Института Истории Искусств.⁴

Машинописный текст 1928 года предварен следующим ироничным заголовком: «Путешествие пейзажной секции Государственного института истории искусств по святым местам. Часть 3. Мезень. 1928. Записки секретаря, составившиеся на самом месте происшествия». В рукописном варианте так: «Путешествие Пейзанской Секции Г.И.И.И. по святым местам или тише едешь, дальше будешь». Наталье Павловне Колпаковой в экспедиции 1928 года 26 лет. На ту пору автор путевых заметок — внимательная и веселая девушка, отправившаяся вместе с коллегами на «экскурсию» изучать «пейзан». Замечания похожи на заметки досужего путешественника. Так можно написать о вояже в другую страну и о жизни ее аборигенов: «Тема жизни тут не только *andante*, но почти *adagio*. Это хорошо: характеры ровные безо всяких наших городских истерик» (№ 17. Л. 21).

Некоторое время группа ученых работала в селе Вожгора и соседних деревнях Родома и Пустынь. Это — последние русские деревни в среднем течении Мезени, выше по течению живут комьяки. Н. П. Колпакова записывает историю, которую рассказывали ее коллеги после того, как съездили к «зырянам» в Латьюгу. Это была история о том, что старый зырянин, с которым им удалось пообщаться, уверен, что камни и земля растут. «Он собира-

⁴ РИИИ, кабинет рукописей. Н. П. Колпакова. Фонд 112. Оп. 2. Путевые дневники. Мезень 1928—1958. 1928 № 17. Печора № 16. Ниже в тексте даются номер папки и указание листа или страницы. Другая часть рукописного наследия Колпаковой хранится в Отделе Рукописей ИРЛИ РАН: Колл. 216 и Колл. 276в

ется закопать камень в землю и через некоторое время выкопать и посмотреть, много ли прибавилось. Любопытная психология. Совершенный дикарь!» (№ 17. Л. 34).

Ирония в начале ее исследовательского пути соседствует с оценок, и та и другая направлены на объект исследования. Субъект, исследователь — немного экскурсант, сторонний наблюдатель. В более поздних записях ирония сохраняется, но она направлена на жизнь, которую исследователь не просто наблюдает, он в ней участвует, ирония направлена на себя:

Печора, 1956 г.: «Усть-Цильма. Вокруг старых изб и журавлей выросла невиданная прежде новизна. Появился Раймаг, лавки, ларьки, много магазинов с городскими товарами. Правда, попасть в эти места поначалу трудно. Усть-цилемская торговая сеть похожа на календарь одного любителя ботаника, посадившего в своем саду цветы, которые благоухали в разное время <...>. Открыто сельпо — закрыт Раймаг, открывается Раймаг — закрывается книжная лавка; закрывается мануфактурный магазин — начинают благоухать столовая и рыбный ларек <...>. И поэтому мы сегодня почти никуда не попали <...>» (№ 16, с. 12).

Мезень 1958 г.: «Путь наш проходит на редкость тихо и благополучно. Говорят, у каких-то жителей в тихом океане, когда моряки выходят в море на промысел, все население, преимущественно жрецы, лежат на земле, не шевелясь, в порядке продуцирующей магии, символизируя своим спокойствием тишину и неподвижность морских волн, на которых качаются пироги отплывающих. Вероятно со вчерашнего дня у нас в институте (ИРЛИ) и канцелярии, и бухгалтерия (наши верховные жрецы) тоже лежат, распластавшись на животах в Большом зале... Нас даже не колышет. Плываем как по пруду». (№ 17, с. 116).

В описании бытовых особенностей деревенской жизни Колпакова деликатна, но также иронична:

Рогачево, 1958: «Постели чистые, посуда тоже. Но умывание и многое другое — такое же, какое было вероятно организовано когда-то по типовому стандартному проекту во всех деревнях дохристианской Руси и затем, пройдя насквозь всю русскую историю, в первозданных формах дожило до современной русской деревни». (№ 16, с. 22).

О пос. Мезень: «На центральной магистрали «Советский проспект» стоят самые разнообразные и разнокалиберные здания — от древних деревянных изб времен новгородских ушкуйников до «Дома культуры», кино и других палаток новейшего типа, при взгляде на которые ушкуйники, конечно, вспоминаются с удвоенной нежностью». (№ 16, с. 290).

Мезень 1958: «Раньше по всей Мезени было много часовен и крестов на угорах. В 1930-х годах все это усиленно уничтожалось. Но, как ни странно, за последнее время начали снова

восстанавливать. Так, женщины на палубе рассказывали мне, что немного выше Юромы в лесу заново поставлены два больших креста. Некая бабка Паранька из Кельчегоры видела вещий сон, повелевавший ей восстановить поруганную святыню. Бабка Паранька купила досок и своим иждивением соорудила первый крест, а рядом с ним как-то сам собой вырос и второй. Вскоре оба оказались обвешены, как и прежде, пеленами и иконами и туда опять-таки как прежде стали время от времени уединяться молельщицы. Все было встарь, все повторится снова» (№ 17, с. 262).

Последняя фраза этой заметки (в рукописи она никак не выделена) — точная цитата из стихотворения Осипа Мандельштама *Tristia* (1918):

О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.⁵

В 1958 году имя Мандельштама — все еще под запретом, но дело не только в этом. В рассказе о Параньке, которая, несмотря на безбожные и голодные годы, восстановила крест «своим иждивением», открывается именно та сторона жизни, о которой писал Мандельштам:

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.⁶

Молельщицы уходят к крестам и относят туда свои обетные пелены: они восстановили и длят свои отношения с Богом и метафизическим миром, которые, казалось бы, ушли полностью в прошлое. В статье «Слово и культура» Мандельштам писал: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях,

⁵ Текст впервые был опубликован в журнале «Гермес» (Киев) в 1919 году, тогда же без названия и без даты в журнале «Пути творчества» (Харьков), 1919, № 4. С. 11.

⁶ Там же. С. 74.

глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость».⁷

За историей о бабке Параньке лежит радость узнавания: обнаруженное повторение свидетельствует о причастности происходящего к глубинному, неотменяемому, вечному порядку жизни.

В записях 1958 г. Колпакова описывает свое путешествие вверх по реке Вашке, притоку Мезени. В 2010 году мы проделали этот путь, и поэтому, читая ее записи, я одновременно узнавала описываемое пространство и не узнавала его, поскольку опыт встреч Н. П. Колпаковой не соответствовал моему опыту: наших собеседников и собеседниц кроткими назвать сложно, а их память уже не была отягчена старинами и духовными стихами. О деревне Олема Колпакова пишет: «Мы попали к чудесным старикам — “Саше Максиму” и его жене. Удивительные лица, удивительные глаза бывают у крестьян на Севере: бесконечно добрые, кроткие и в то же время возбуждающие чувство жалости, участия и почти боли, точно эта доброта и кротость явилась в результате больших и очень тяжелых переживаний не одного, а многих поколений» (№ 17, с. 135).

Чуть ниже она пишет о том, что, очевидно, узнавала из рассказов своих информантов. Под приверженностью старине следует понимать и старообрядчество, и шире, приверженность фольклорной традиции в целом: «По всей Мезени и Вашке в 1930-х годах очень сурово прокатилась волна запрета всякой старины: были сломаны старые часовни и церкви, за приверженность к старине — пение былин и духовных стихов виновные подвергались репрессиям, люди со страху жгли целыми кострами старые книги. Особенно боялись петь старины, т.е. былины, так как в них поминались такие одиозные личности как «князя-бояра», «князь Владимир» и другие подобные персонажи.

Можно зажать мезенцу рот, заставить умолкнуть былины о древних богатырях. Но нельзя убить в северном человеке самый дух богатства <...>.

Дед нашего нынешнего приятеля <...> за один день выкашивал 12 возов сена, а сестра этого деда, будучи в девичах, могла одним духом, опираясь на шест, перескочить подряд через 100 копён кошенины, каждая вышиной до полутора метров. Так в сарафане и скакала. Молодые парни клали жердь на две развилины, помещали ее на высоте 20 венцов и с шестом прыгали через нее» (№ 17, с. 137—138)

Истории о дед-богатыре и его сестре девке-полянице — это рассказы о людях богатырского духа, чей рот был зажат репрес-

⁷ *Мандельштам О.* Слово и культура: Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 41.

сиями советской власти. И хотя эти, вполне укладываемые в жанр предания, фольклорные истории могли бы найти себе место в опубликованных эссе Натальи Павловны Колпаковой, она этого не делает.

В процессе работы над рукописями и публикациями Колпаковой мне стало ясно, что я имею дело с одним очень интересным феноменом — рекурсивностью памяти и рефлексии. Дело в том, что в поздних изданиях своих ранних дневников она зачастую меняет свой текст, не только отказываясь от каких-то фрагментов, но и внося в него новые подробности.

Печора. 19 июля 1956 г. Оксино: «<...> “Ростков нового” в окрестностях никаких, как и были. Одни огромные, замшелые, догнивающие пни старого. Нас это не удивляет: фольклор не может создаваться сразу за новизной, которая входит в социальное сознание, экономику, быт». (Ед. хр. 16. Перебеленная рукопись дневника, с. 36).

В публикации «За последними северными былинами» читаем под той же датой: «При нашем отъезде из Ленинграда Сектор очень просил нас как можно тщательнее фиксировать «ростки нового», которые мы встретим». За этим следует предложение о «пнях старого». Далее отредактировано так: «Нас это не удивляет: фольклор не может создаваться сразу же вслед за той новизной, которая входит в социальное сознание, в быт населения. Все это понимают. И все же наш Сектор будет опять горевать и сокрушаться... <...>. А уж мы ли не ищем!». («Дневник», с. 126).

«В любой северной деревне можно войти, сесть подле хозяйки и долго молча смотреть на ее работу, а потом уже начать разговор. Но — издали...» («Записки», с. 137).

В издании 1975 года Колпакова использует запись, сделанную 2 июля 1928 года в деревне Палашелье и вошедшую в текст 1931 года. Но в «Записках» есть пропуски. Так она опускает следующий пассаж:

«Ульяна Яковлевна, видимо совершенно забывает обо всем окружающем, в первую очередь — обо мне».

В тексте 1931 года далее следует:

«Расступаются потемневшие стены бобылей избушки — поднимаются палаты белокаменные. «Майор полковник» выезжает на коне с царским указом — верстать в солдаты каждого третьего крестьянского сына. Три богатыря спускают жеребья на вещую реку:

Как у большого сына жеребий гогольком плывет,
Как у среднего — серой утицей.
А у меньшого — словно ключ ко дну...
(«Ветер с севера», с. 51).

В «Записках» этот фрагмент опущен. В полевой тетради Колпакова, рассказывая об этой встрече, переходит в другое временное измерение рассказа, в дпящееся нарративное настоящее, и эту стилистическую особенность она сохраняет во всех текстах. «На синем море качается одинокий дуб. Никнут ветви, омывает их бурный прибой... Ох да ты не стой-ко не стой на горе крутой Не спущай ты дуб листьё во синё во морё. А из-за лесу поднимается грозная туча с молоньями палючими — невеста уезжает в замужество... А вдали словно облако пыли застилает горизонт... Образы проплывают, сменяя друг друга. У высокого московского крыльца взволнованным морем гудят взбунтовавшиеся солдаты... Шумят развернутые знамена, шелестят крылами белоснежные лебеди, катятся огневые яхонты на колени этой сгорбленной старушки в полинявшем сарафане... Старческий голос приобретает такую мощь, дрожит таким невыразимым подъемом, что у меня по спине пробегает невольный холодок. Я украдкой взглядываю на певицу. Ульяна Яковлевна, застыв на месте с широко раскрытыми глазами, не видит, кажется, ничего вокруг. Или она видит? Видит то, о чем поет? Долгое время мы молчим, глубоко взволнованные» («Ветер с севера», с. 52; «Записки», с. 140).

В тексте 1931 года далее Колпакова пишет: «Кто знает, поднимется ли еще хоть раз в жизни ее угасающий дух до тех творческих высот, на которые он взлетел сейчас?» («Ветер с севера», с. 52). В издании 1975 года она изменяет эту фразу: «Кто знает, споет ли она еще раз эти песни так, как она поет сегодня» («Записки», с. 140).

«Я уже не могу записывать дальше... Я знаю, что лучшего исполнения я не услышу не только сегодня, но и вообще на Мезени, а может быть и никогда в жизни. Я уйду из темной избушки как в тумане» («Ветер с севера», с. 54, «Записки», с. 140).

«В жизни каждого человека случаются дни, которые не забываются никогда, ни при каких обстоятельствах. Они — как те немногие лучшие бриллианты, которые, говорят, хранятся у алмазных королей в особых сейфах: не пересматриваешь, не пересчитываешь их каждую минуту заново, но в любой момент наизусть знаешь, сколько их и какие они. Вчерашний день в избушке Ульяны Яковлевны — один из таких дней» («Ветер с севера», с. 55, «Записки», с. 142).

Наиболее устойчивыми, сохраняемыми во всех вариантах оказываются именно те фрагменты записей, когда Н. П. Колпакова говорит об опыте личного переживания, о событии встречи, меняющем ее саму. Из записи 1958 г.: В Мезени Колпаковой приходится идти на край слободы, чтобы купить обещанный ей колокольчик: «Я шла домой пустыми полями и время от времени звонила в свой драгоценный колокольчик наподобие индийской

прокаженной. Но трудно было удержаться. Так необыкновенно хорош был звон» (Ед. хр. 17, с. 291).

Приведу сопоставление еще одного эпизода мезенской экспедиции, описание которого вошло как в текст 1931 года, так и в публикацию 1975 года. В тексте 1931 года этот эпизод имеет заголовок — «Вязель-трав», в издании «У золотых родников» он включен в главу «Разливалась мати, вешняя вода», которая, как и остальные главы, сохраняет структуру полевого дневника. В ней этот эпизод включен в описание двух дней — 5 и 7 июля 1928 года, проведенных Колпаковой в деревне Конещелье.

Я полностью приведу текст 1931 года (с. 55—60) и дополню его сравнением с текстом 1975 года.

Вязель-трав

Вечер весь в цветах.

Река тихо катится мимо высокого зеленого откоса. Травла влажна от росы.

За рекой догорает закат.

День был жаркий. С нагретых луговин вместе с легким туманом тянет тонкой струйкой цветочного меду. Весь луг на высоком берегу усеян бесчисленными колокольчиками, дикими гвоздиками, тмином, ромашкой, розовым клевером... А на пригорке прямо и тихо стоит вечерний лес. Он словно вздыхает тихонько и его дыхание пахнет белым дурманом.

Я сижу у окна во втором этаже просторного крестьянского дома. Здесь, в Конещелье, школы нет, и мы живем в избе.

Все куда-то разошлись, и я одна над моей работой.

В окно видно, как легкой дымкой курится цветочная поляна. С реки плывет ранняя свежесть.

Тихо...

Издали по вечернему воздуху доносятся поющие голоса. Звонкий девичий хор. Он приближается к нашей избе по боковой улице. Девушки заливаются наперебой:

Хорошо бы в лодке плыть,
Да надо подгрести.
Хорошо бы с милым жить,
Да тошно расставаться.

Меня маменька стегала
Со березки вицею,
Со березки вицею,
Да не люби милицею.

Пецку письма топила,
Не подкладывала дров,
А теперя стало жалко,
На огни жгала любов.

Не сама гармонь играет,
Гармонь надо расстегать.
Не сама девцонка любит,
Девку надо завлекать.

Пение вдруг смолкает: девушки завидели меня у окна, остановились, шепчутся... Сероглазая румяная Окулина подходит к окошку:

— Наташа, идем с нами в поля?

Конецщелье — деревня маленькая, всего 17 дворов. Частушка о грустной иронией описывает:

Конецщельская деревня —
Распроклятое селенье:
Нет ни девок, нет ни баб,
Нет молоденьких ребят.

Это, к сожалению, верно. На всю деревню насчитывается только четыре девки в возрасте невест и — уввы! — один единственный парень жених. Не мудрено, что у конецщельских невест взоры обращены в другую сторону, на соседнее крупное, раскидистое Белощелье:

Белощельская деревенка
Мне на-любо люба.
Неужели в той деревне
Мне не сыщется судьба?

На все сколько-нибудь значительные праздники маленькие деревни присоединяются обычно к более крупным. Но мелкие развлечения и будничные вечерние гулянья проходят везде самостоятельно.

Мезенские девушки каждый вечер гуляют по деревне: — «на горке», если есть горка, «на реке» — если берег открывает просторную луговинку... Конецщельские девушки уходят в цветущие «поля».

Будничное вечернее гулянье несложно: берутся под руки и рядами расхаживают взад и вперед, поют продольные песни, перемежая их с частушками. Там, где девушек много, играют в шумные игры с визгом и беготней.

— Идем в поля?

Четыре девушки ведут меня на высокий зеленый пригорок. Мягкая округлость его вся в густой траве. По краю тропинки узкими кистями лиловет мышинный горошек.

— Ты в байне была сегодня? — спрашивает Окулина, когда мы все усаживаемся на вершине холма под большим кустом цветущего шиповника.

— Сегодня? Нет. Я вчера была.

— Ну, вчера — это што. А мы завсегда сегодня ходим. Завтра Иванов день.

Таня подходит к краю откоса и смотрит вниз.

— Гляньте-кось, малы девки веники спущают.

Внизу у воды — несколько маленьких бань. Пять или шесть девчурок лет 9—10, задрав сарафаны, бредут между банями по колену в воде и стараются зайти как можно глубже, в реку. В ружах у них свежие веники.

— Таня, что они делают?

Девушки улыбаются.

— А те в диковинку? У нас обычай такой есть. Под Иванов день все девки в байну ходят и вениками хлещутсе. А после выйдут, в реку зайдут и веники спущают, где поглыбже. Поплывут — девка взамуж выйдет сёй год. Потонут — девке еще год ждать.

— И вы бросали сегодня?

— И мы. Мой-то поплыл, и Дунин, и Танин тоже, а Настин потоп. Ну, да не беда, обождет. Ей всего шешнацать годов.

Окулина говорит это так серьезно, словно и в самом деле уплывший или потонувший веник может решить девичью судьбу.

— А после байны завсегда в поля, — подхватывает черноглазая Дуня: — сёй день не просто гулянка, а за цветам ходим.

— Под Иванов день все девки по Мезени цветы рвут, — объясняет, в качестве старшей, Окулина — нарвут пуки большущи-пребольшущи. В дому в пецке высушат. На целый год они, цветы-то эти. Если кто заболет зимой, нать Ивановски цветы водой горячей облить, ровно чай, и выпить. И пройдет все. Един раз в году только и можно цветы эти рвать.

— А которые эти? Ведь, наверно, не все же вы берете, а выбираете?

Хорошенькая Настя подходит к нам с целым букетом и, опустившись на траву, начинает перебирать их и связывать в пучок.

— Вот, гляди, — говорит Окулина и берет с колен сестры бело-розовую повилику: — это — призорная трава. Она от призору.

Слово мне незнакомое.

— Призор — это глаз дурной, если сглазят тебя, — объясняют девушки: — от сглазу-то ведь все может быть. Сглазу-то всего хуже.

— А это — плакун трава.
Настя выбирает длинную красивую темнозеленую ветку.
— Плакун траву от тоски пить надо, — авторитетно говорит бойкая Таня. Окулина возражает:
— От тоски не плакун-траву, а изгон-траву.
— Цо ты, дева? От тоски плакун. А изгон-трава — от цахотки.
«Цахотка» — не та обычная легочная болезнь, которая называется этим словом в городе. Деревенская «цахотка» — всякая необъяснимая изнуряющая хворь, от которой человек чахнет.
— А которая это — «изгон-трава»?
Девушки показывают.
— И правда помогает?
— Мы-то не пробовали. А Степаниде, жонке соседской, шибко полегцало.
— Да ты забудешь все? — с сомнением говорит Окулина: — ты запиши на бумажке. У тя в городе-то таки цветы есть?
— Нет, нету.
— И полей нет?
— Близко от города нет. К нашим полям надо на поезде ехать. Девушкам не верится.
— И вязель-травы у вас нету? — спрашивает после минутного колебания Таня. Настя смущенно дергает ее за край сарафана.
— Вязель-травы? Это для чего же?
Таня смеется и кидается головой в колени Окулине.
— А как же у вас девки-то без вязель-травы живут? — доносится оттуда ее голос.
Что это за трава такая таинственная?
— Вязель-травы — это для парней, — говорит, слегка покраснев, Окулина. Эти деревенские девушки, несмотря на всю их близость к природе, в некоторых вопросах гораздо более сдержанны и застенчивы, чем горожанки.
— Как для парней? Расскажи, Окулина.
— А те што, парня какого присушить нать? — лукаво спрашивает девушка.
— Так это разве для присушки?
— Ну, да. Для присушки. Только ты, Наташа, зря не болтай.
Окулина оглядывается — не подслушивает ли где-нибудь поблизости нашу беседу их единственный кавалер? Нет, не видать. Она забирает в горсть свой широкий ситцевый сарафан и придвигается по траве ближе ко мне.
— Если те парня какого присушить нать, ты траву эту высуши, только от других цветов отдельно, обвари, и дай ему хлебнуть.
— А парни этого не знают?
— Ни, што ты! А только крепко выходит.
— Ты пробовала?

— У нас тут-то и жонихов нету, — деланно небрежно говорит Окулина: — разве Фильку кто будет привораживать? Наши жонихи в Белошельи.

— Так а разве белошельского нельзя присушить?

— Можно. Всякого можно. Вот о прошлом годе Паладья белошельска в Груниного брата влюбивши была. Достала траву, высушила и вечером к Груне. А в Белошельи-то праздник большой был. Ну, на утро и обед, и самовары были. Паладья-то и насыпь Митрию в кашку травы. Груня-то, сестра его, помогла. А уж о крещенья и свадьбу играли.

— А в городу-то нешто девки не присушивают? — спрашивает Дуня.

— Да как же нам без травы-то присушивать?

— Так без травы и влюбляются?

— И без травы можно, коли глянетсе, — говорит с серьезным лицом Окулина: — трава, это если парня силком приворотить нать.

Некоторое время мы молчим. Над рекой тихо стелется туман и плывет по воде за откос.

— А что это слово значит — «вязэль»-трава? — спрашиваю я.

— А кто зна?

Девушки не знают.

— Слово-то непонятное, — говорит самая развитая, Таня: — может, оно и ни к чему, а любо.

— Настунька, все цветы перебрала? — спрашивает Окулина.

— Все.

Настя обязывает свой букет шелковистой травкой.

— Мы еще на гору в лес пойдем, — говорит Окулина; — до утра сейдень девки по лесам ходят. Пойдем с нами?

Мы спускаемся с пригорка, пересекаем ложбинку. Лес наверху, через овраг.

Над противоположным берегом червонно-золотой полоской горит закат. Ровной узорной каймой ложатся на нее зубцы хвойного леса.

Девушки уходят вперед, за цветами. Я отстаю. Я бреду по краю лесного обрыва.

Тихо струится чистая темная Мезень.

Маленькие гадалщицы давно убежали домой. Но чьи же это новые зеленые веники выплывают из-за крайней бани? Это не конецшельские.

За дымкой вечернего тумана они плывут сверху, из дальних деревьев. Сегодня гадает вся Мезень.

Девушки — всюду.

И яркой сочной зеленью всюду расцветает под отцовскими кровлями девичья радость.

Никто не помнит в деревне древнего Ярилу. Но вера в неведомую силу, в радость расцвета, в счастье наплывающей судьбы так сладко благоухает в вечерних травах, струится в свежих ветвях, смеется Таниным смехом...

Может, оно и ни к чему... А люблю!»

* * *

Этот текст почти полностью, с некоторыми перестановками фрагментов, вошел в издание 1975 года (с. 142—145). Но за несколькими, как мне представляется, очень важными исключениями. Колпакова убирает весь вводный эпизод, описывающий ее собственное переживание вечера кануна Иванова дня, переключая регистр на режим хроники и этнографического описания: «Иванов день. Вчера вечером девушки пришли за мной, чтобы идти за цветами. «В поля» ходят раз в год, именно в этот вечер — чтобы собрать цветы, которые в другие дни силы не имеют» («Записки», с. 143). Она отстраняется от себя — девушки среди девушек, переживающих праздник Ивановской белой ночи. Другая купюра, очень небольшая, связана с событиями и переменами эпохального масштаба. В тексте 1931 года, как можно видеть, «девичья радость» «сочной зеленью» расцветает «под отцовскими кровлями». Любимые дочки-подростки цвели в отцовских домах. Тех отцов к 1970-м годам уже нет, весь жизненный уклад севернорусской деревни, с девушками-хвалёнками — гордостью и радостью крестьянских большаков-отцов, уклад, свидетелем которого стала двадцатипятилетняя Наталья Павловна Колпакова, сгинул в прошлое.

Пользуясь возможностью публикации, приведу еще один очень яркий эпизод — «Свадьба Петрована», вошедший в текст 1931 года (с. 62—78), а в тексте 1975 года свернутый до краткого упоминания посещения свадьбы Петрована Ситникова («Записки», с. 148). Это — тот случай, когда описание, возможное для публикации в начале 1930-х годов, было уже совершенно невозможно в 1970-е годы. Не вошло оно и в комментарии к «Лирике русской свадьбы», хотя, без сомнения, оно очень многое позволяет понять относительно изменений, происходивших в фольклоре, обряде и жизненном мире мезенцев накануне начавшегося в 1930-е годы раскулачивания.

Свадьба Петрована

Бабка Филатовна, у которой я шесть часов подряд записывала песни, загадки и причиты (*так!*), на прощанье подмигнула мне хитрым глазом и сказала полушепотом:

— Завтра-то беспрерывно приходи. Слышь, у Ситниковых свадьбу играть станут. Петрован-от жонитце. Невесту богату берет — с Кельцемгоры. Родня-то его про свадьбу не повещат — совестно матери-то, што Петрован в церкву-то не пойдет, в совете только спишется. А только свадьба все же будет. И стол, и угощение — все будет. Уж ты приходи.

Ситниковы — самая старая и уважаемая в Березняке семья. Говорят, что и весь-то Березняк пошел от одного из их предков, Федора Ситникова, который первый поселился на этом месте и основал деревню. В доказательство этой истории во дворе их дома стоит деревянный памятный столб с вырезанными инициалами основателя и датой.

В настоящее время в этом большом, крепко срубленном семейном гнезде с высоким крылечком и громадной повестью живет пожилая хозяйка, ее семидесятилетний деверь и молодой Петрован, фактический хозяин, которого мать хочет поскорее женить, чтобы парень не баловался зря, а «установился» и превратился в степенного мужика.

Понятно, что женить единственного сына, представителя столь древней уважаемой семьи, матери хочется «по закону», по правилам, установленным веками. Вольнодумство безбожника Петрована сильно удручает ее.

— От людей совестно, — объясняет мне догадливая Филатовна, провожая меня по пыльной, тихой, залитой вечерним солнцем улице: — Петрован-то в городе побывал, нового насмотрелся, вот и говорит матери, што будто в церкву ходить — все обман один, и венчаться будто в церквы незачем...

Филатовна идет встречать коров, и я, разговорившись с веселой умной старухой, останавливаюсь с ней у изгороди. Сама Филатовна в этой свадьбе ничуть лично не заинтересована. Она не приходится Ситниковым ни родственницей, ни свойственницей. Но с одной стороны она очень сочувствует нашей работе, а с другой — хочет похвастать перед чужим человеком невиданными мною обрядами и любопытными местными обычаями. Верхний Березник издавна славится особой ритуальностью и торжественностью своих праздников, и я обещаю придти непременно.

Записать обряд свадьбы с исчерпывающей полнотой одному человеку невозможно. Кроме основного действия — движения, речей, обрядов, выполняемых главными героями дня, надо не упустить множество мелочей — надо описать костюмы, убранство избы, записать напевы свадебных песен. В крайнем случае, при очень большой приткости, всю эту работу могут выполнить двое. И вот на следующий день мы идем в Березник вдвоем с Зинойкой.

Утро свежее, росистое, солнечное.

Предусмотрительная Филатовна предупредила меня, что раньше полудня молодые в деревню не поспеют. Но мы нарочно приходим пораньше, чтобы видеть все приготовления к их встрече.

Улицы, широко залитые утренним солнцем, тихи и пустыньны. Праздник. Деревня отдыхает. Нигде не заметно никакого движения. Сегодня Петров день.

В пыли на дороге купаются куры: рядом, на пригорке, трое белокурых малышей мастерят что-то из щепочек и травы. Они провожают нас вопросительным взглядом.

Мы прежде всего заходим к Филатовне.

— Ну, рано же залётали, лебеди белые, — встречает она нас нараспев. В обыкновенном ласковом разговоре Филатовна, бывшая профессиональная плакальщица, постоянно сбивается на речитативный приметный стиль. Но сегодня мы пришли за делом, и она быстро переходит на деловой тон.

— Вишь ты, Петрован-от с братаном еще с вечера в Кельцемгору уехали. Остановились там у «родителей», а утром поедут с невестой в Смоленец списываться. Сельсовет-то в Смоленце. А уж отседа сюды, домой.

— А как же, Настасья Филатовна, богомолье, рукобитье у невесты — было это все?

Филатовна машет рукой.

— Цорта ли у их было, — ворчливо произносит она: — какой нонь уговор да богомолье? Прежь-то жонихи приедут к родителям, да не раз, не два, а по три разу езживали, да выспрашивали, а родители доцку, не спросись выводили, да по рукам хлопали. А нонь девка и сама к жониху выпрыгнет — я, мол, сама свое согласие даю. Нешто так годится? Петрованову-то невесту хвалят... Да, вишь, одна у отца-то, матери-то померла, старши сестры давно взамуж ушли, вот отец-то и добаловал. Сама с Петрованом где ни на есть, а сговорилась. Нравная! Так им на сговоре и рядитесь-то не об чем было: приехали жонихи, бутылку поставили, посидели, поговорили и уехали. Все уж заране промеж ими порешено было.

Нас начинает интересовать «нравная» невеста.

— Ну, а рукобитье какое было?

Филатовна всеведуща.

— И не говори, лебедь белая! Мать-то Петрована сказывала — и не плакала невеста, и не выла, и в байну иттить не хотела с подругами, и никакого-то устава не соблюдала. Время, говорит, для всего этого прошло.

Такое вырождение предварительной части свадебного обряда — результат вполне естественной эволюции. Рукобитье, расплетанье косы, обрядовая баня, девишник, прощанье с родными — все это, под влиянием цивилизации, постепенно бледнеет

и отмирает само собой. Пока остается в силе и празднуется в полном объеме только самый торжественный момент — свадебный пир у молодого после венца (или после «списыванья»), смотря по тому, церковная или гражданская свадьба), — т. е. тот момент, который до сих пор сохраняется и в городе.

— Да они еще не скоро, — заключает свои пояснения Филатовна: пока имение уложат да отправят, пока из совету вернуться — долго вам их ждать-то.

— Что это такое «имение»?

— Придано, которо за невестой дают. У нас оно имение называется.

Сельсовет верстах в двадцати от Березняка. Пока жених, невеста и «божатка», крестная мать невесты, ездят «списываться», старшие родственницы погружают в лодку сундуки с приданым и двигаются вверх по реке из Кельчегоры в Березник. Но пока ни их, ни молодых, еще не видно.

Мы выходим от Филатовны и идем по деревенской улице.

Вот и высокий старинный дом с узорными наличниками над окнами. Мы поднимаемся на крылечко, входим. Если мы почувствуем, что наш приход — некстати, мы уйдем. Но нам хочется познакомиться с семьей Петрована.

Полутемные длинные сени хозяйственно уставлены и увешаны различным домашним инвентарем. Тут и расписные прялки с клоками кудели, и коробки, и решота, и кадушки, и берестяные туюски, в которых мезенцы хранят молоко и сметану. На гвоздиках с потолка свешиваются пучки каких-то трав, сухие веники. В углу прислонена дуга и через нее перекинута вожжи.

Хозяйка в передней горнице. Милое усталое лицо с сетью мелких морщинок. Она видит нас в первый раз, но улыбается нам так приветливо, что с нас сразу спадает вся неловкость.

— Здравствуйте, Анна Ивановна.

Филатовна заранее сообщила нам имена хозяев. Крестьяне любят, чтобы их, как в песне поется, «звеличали по извотцине».

Анна Ивановна кивает нам из-за печки:

— Приходите, приходите!

Это — обычное мезенское приветствие. Ободренные им, мы присаживаемся на лавку и мало по малу вступаем с хозяйкой в беседу.

Анна Ивановна нисколько не принаряжена и ничуть не напоминает своим видом о приближающейся свадьбе. Будничный сарафан, полинялый красный повойник, передник из домотканой пестряди. А в глазах поочередно сменяются и радость, и забота, и тревога.

Мезенцы — народ сдержанный, немногословный. Анна Ивановна погружена в хозяйственные хлопоты, искоса улыбается нам от своих горшков и ухватов, а руки ее так и скользят, вы-

полняя привычную работу. Ловкими движениями перекладывает она со стола в закуток испеченные хлебы и пироги, передвигает в печи ухватом чугуны с кашей и рыбой, гремит кочергой. И все это быстро, четко, уверенно. Мы невольно любуемся живой старушкой.

— Что это вы, Анна Иванова, так хлопочете?

Мы закидываем эту удочку осторожно, но Анна Ивановна охотно на нее попадает. Что ни говорите, а естественная радость и гордость матери и хозяйки светится и прорывается невольно. Анне Ивановне хочется немножко похвастать перед нами. С минуту она молчит и, не глядя на нас, усиленно гремит горшками.

— Да вот... свадьба ведь у нас сейдень... — сдержанно говорит она наконец, все еще не поднимая головы от стряпни.

— Что ж, Анна Иванова, дело хорошее. Поздравляем вас!

— И верно, што хорошее. Да вот... без церкви. Вот беда!

Самое страшное сказано.

— Какая же беда, Анна Ивановна? Вон, в городе-то и давно уж без церкви женятся, а как хорошо иные живут потом.

Добрые глаза старушки светлеют, морщинки распускаются в улыбку. Она смотрит на нас уже с полным доверием: не осудили, не засмеяли. Или и в самом деле ей напрасно было так уж «от людей совестно» за «беззаконную» свадьбу?

Мы глубоко тронуты этой бесхитростной, нежной, сокрушенной душой матери. Что и говорить, конечно, она рада, она счастлива счастьем своего Петрованушки, но старые традиции еще крепко опутывают и смущают ее материнскую, такую понятную, такую светлую и естественную радость.

Мы пытаемся убедить, успокоить ее. Если Анна Ивановна и не вполне убеждена, то во всяком случае смущение ее сильно поколеблено: авторитет городских людей все-таки кое-что значит. Видя, что мы ей сочувствуем и ничуть не собираемся подымать на смех ее безбожное детище, она с гордой и радостной улыбкой ведет нас на поветь.

— Поглядите, как горницу молодым готовлю.

Оглядев и похвалив приготовленную для молодых клеть, мы выходим на улицу.

— После-то заходите, — кричит вдогонку нам Анна Ивановна.

— Спасибо, непременно придем потом. Пока по деревне погуляем.

На пригорке у берегового обрыва — громкие голоса, споры. Тут расположились на бревнышках две группы парней и девушек.

— А я те говорю — сваталсе. Сваталсе!

Припомаженный парень в новом пиджаке и в кепке наступает с воинственным видом на девку в пышном сарафане и старинных смоляных янтрах.

— Отвяжись, лешой! Не сваталсе! — пронзительно визжит девка, увертываясь от парня.

— Нет, сваталсе!

Тут же в толпе девушек я различаю и знакомых: вон Лида Кычина. Вчера я долго беседовала с ее матерью о Березинских гуляньях и съезжих праздниках, а от самой Лиды записывала частушки.

Лида теснится к подругам и освобождает нам местечко на краю бревна.

— Эта оны за Петрована лютуют, — объясняют нам девушки: — говорят парни, будто Петрован на Паладье Грибановой сваталсе, да она за его не пошла. А девки говорят — не сваталсе.

Оказывается, в Березняке, как и в некоторых других местах на Мезени, до сих пор существует своеобразный обычай: при встрече молодых от венца молодежь и бабы собираются у околицы и поют одну из двух песен. Если парень предварительно сватался на своей деревне, но получил отказ — местные невесты чувствуют себя удовлетворенными и приветствуют молодых песней почетной и радостной. Если же парень «обошел» свою деревню и прямо посватался на стороне — его «молодку» встречают насмешками и упреками.

Девушки не успевают кончить своих споров с парнями, как мимо нас пробегают бегом две уже немолодые бабы.

— Едут, едут!

Сверкая пятками, мчатся к околице ребятишки. В раскрытых окнах появляются головы стариков и старух. Мы, вместе с девушками, бежим вслед за бабами.

«Уж вы соколы, соколы, соколá перелетные,
Уж вы, где, соколы, лётали?..
Уж мы лётали, соколы, мы с горы да мы на гору...»

Хор звучит громко, но нестройно. Бабы поют на бегу.

У околицы дорога загорожена длинными жердями: молодежь со смехом и спорами требует у жениха «выкупа», т. е. горсти карамелей или пряников.

По ту сторону околицы стоит двухколесный парный кабриолет в котором сидят трое. С краю — белокурый Петрован в красной рубашке с выпущенным на лоб завитым коком. Он сам правит. С другого краю — разряженная крестная мать. Между ними — «молодка».

Она разодета и разукрашена очень пестро и пышно. Красное «гарнитуровое» платье, широкий зеленый шелковый пояс, на плечах — громадный старинный шелковый платок, отливающий попеременно желтым и синим. На яркой зеленой луго-

вине под горячим солнцем молодка издали переливается всеми цветами радуги.

На голове у нее — ярко оранжевые «кусты» — шелковый платок, сложенный узкой лентой и завязанный вокруг головы так, что концы в виде бабочки торчат надо лбом. Это традиционный головной убор молодых мезенок во всех торжественных случаях жизни.

Под «кустами» — блестящие черные волосы, красивое молодое личико. Петрованова молодка хороша, очень хороша. Уже не в первый раз встречаем мы на Мезени среди русоволосых, сероглазых, спокойных баб — эти живые, чуть приподнятые в уголках глаза, яркий румянец на смуглых щеках, блестящие смоляные косы. Это — несомненное, хотя, может быть, и отдаленное, наследство соседней зырян. Хотя, как правило, мезенцы и не рождаются с окружающими их инородцами, но в каждое поколение вкрадывается случайно один-другой брак с черноглазыми зырянками. И долгое время потом переходят из поколения в поколение смуглые щеки и вишневые губы.

— Да ну, ребята, чего вы, ей богу. Довольно, пропустите!

Брошенная Петрованом горсть карамелей широко расчищает путь. Кабриолет едет, подпрыгивая, к старому дому. Бабы, ребята и все, ожидавшие у околицы, бегут укороченным путем через чужие дворы и переулки, чтобы присутствовать при встрече молодых в родном гнезде.

У высокого крылечка толпа. Двери в дом заперты. Это — новая проделка озорных парней.

Молодой долго стучит в дверь кулаками, кричит... Молодка с опущенными глазами стоит подле него и непрерывно отвешивает медленные поклоны на все стороны. Старухи, глядя на нее, вслух высказывают свои замечания.

— Баскá... Порáто баскá молодка-ти.

— Не гóрда... Другá-то в чужой деревне пёрва и не поклонитца... Видать — стариков уважать будет.

Дверь приотворяется. В нее едва успевают проскользнуть молодые и двое-трое из зрителей. Шумная толпа, галдя и остролесло, остается на дворе под окнами.

Анна Ивановна, принаряженная, взволнованная, молча поднимает над молодыми два хлеба. Каждый завернут в овечью шкуру. Низко сгибаясь под этими хлебами, молодые проходят по насланной соломе в горницу и становятся за стол.

Петрован бодрится и усмехается. Давно, кажется, признано, что на каждой свадьбе роль жениха самая затруднительная и невыгодная. Но этот жених держится молодцом.

— Ну, да што тут? Да скоро ли? — то и дело спрашивает он. Видимо, все эти ритуальные церемонии благословения его только стесняют.

В дверях толпится любопытная молодежь. Анна Ивановна кладет перед молодыми хлеба и ставит деревянную солонку. Петрован, наконец, не выдерживает.

— Да пойдем в горницу, што ли?

В соседней небольшой горнице стол накрыт чистой скатертью; на столе — четверть с вином, блюдо рыбы, каша. Это — «малый стол». За него садятся только молодые и ближайшая родня невесты. Родня молодого прислуживает и суетится вокруг.

У молодки под скинутым платком оказывается на голове яркий красный бархатный повойник, вышитый золотом; на ногах, поверх высоких черных башмаков — новенькие блестящие калоши. Толпа, напиральная из сеней, глядит на молодку во все глаза и перешептывается в восхищении.

— С законным браком! Сватьяшка, тебе с молодкой!

Родственники пьют за молодых, обнимают с Анной Ивановной. Неожиданный оглушительный ружейный залп под самыми окнами заставляет всех подпрыгнуть на месте. Это услужливые товарищи чествуют Петрована на дворе.

Непостижимым образом около нас с Леной в толпе оказывается Филатовна.

— Ты гляди, — шепчет она мне, указывая на стол: — сейчас жениховы молодкиных подцуют, а после молодкины станут. А «бжатка́»-то — старша сестра невестина. Матери-то у ней нету...

Новый залп прерывает эти пояснения. Стекла в одном из окон разлетаются вдребезги. Со двора врываются в горницу громкие голоса и звуки гармоника.

— Будет, черти! Все стекла перебьете! — кричит Петрован, выглядывая на улицу. Парни отвечают хохотом, но стрельба прекращается.

В горницу, прихрамывая и пошатываясь, входит древний седовласый дед. Это — дядя Петрована, тот самый, который делает деревянных «петушков» с голубиными крыльями. Дядя плохо видит, глуховат, но на лице его глубокое умиление.

— Детушки, детушки, — бормочет он, обнимая племянника: — любите друг друга... уважайте!

— Да все ли в той избе приготовлено? — спрашивает Петрован у матери. Пока в этой небольшой горнице идет «малой стол», за стеной, в большой избе расставляют и накрывают длинные столы, а братья молодки ходят по деревне и приглашают всех родных на предстоящий пир.

— Обождите еще малость, — торопливо шепчет Анна Ивановна и исчезает за дверью.

— Гляньте-кось, «имение» везут, — выкрикивает кто-то из баб. Все кидаются к окнам.

Действительно, по реке издали двигаются лодки с сундуками. Народ высыпает на улицу поглазеть, как будут выгружаться. Новый залп обозначает, что сундуки втаскивают в дом.

Несколько вспотевших, обмотанных шелковыми платками баб в сопровождении всей толпы втаскивают в горницу и ставят у печки сундук, еще сундук, еще три сундука, сундучок поменьше, корзинку, коробейку, наваливают узлы с шубами, узлы с постелью. Молодка глядит на все это добро с кажущимся равнодушием, но не трудно угадать, как приятны ей возгласы одобрения глазающей толпы. Бабы, привезшие «имение», целуются с молодой и «божаткой», раздеваются, рассказывают как доехали.

Тем временем в сенях уже кипят сразу три громадных медных самовара, а в соседней горнице вокруг стола постепенно собираются разряженные «родители». На столе — стаканы и чашки, тарелки с «закусками» — пряниками, карамелью, баранками. Женихова родня расставляет стаканы и наливает чай. Но гости ни к чему не прикасаются: «приездный стол» начинается только при появлении молодых.

В течение свадебного пира молодка должна несколько раз переодеться. С одной стороны каждое переодевание знаменует переход к следующему обрядовому моменту. С другой — это способ показать привезенные наряды.

Хорошенькая Анна Николаевна выходит к «приездному столу» в новом зеленом шелковом платье. Широкая юбка висит до пят. Черное кружево двумя вертикальными полосами спускается по корсажу. Личико молодки торжественно и неподвижно. Проходя с мужем за стол к своему месту, она медленно низко кланяется, не поднимая глаз. Кланяется она и встав за стол. Кланяется, поднимаясь с места, когда ей подают на подносе первую рюмку водки. Толпа любит этими поклонами и влух высказывает свои мнения о молодой.

Языки развязываются живо. Гости принимаются за стаканчики, за чай, за «закуску».

В красном углу уже слышны громкие повышенные голоса — это старший брат молодой, начавший праздновать свадьбу сестры с самого раннего утра, сейчас уже с трудом отличает новобрачных от собственного отца и пытается что-то рассказать, показать... Соседи удерживают его за руки.

— Да я што... Да я ницого... — бормочет подвыпивший «родитель».

Вдоль по стенке пышными разноцветными розами сидят бабы — «сваты», женская родня молодой. Они оправляют на плечах тяжелые шелковые «шалюшки» и то и дело отирают под нарядными повойниками мокрые лбы.

— Сватышка! Выкушай, молодым здоровья прибавишь.

Тысяцкий поочередно пристаёт к бабам с рюмочками. Бабы жеманятся, отнекиваются, но в конце концов пьют почти наравне со своими мужьями.

В избе не продохнуть. Пространство от двери до стола вплотную набито любопытными. Тут бабы и девки со всего Березника. Стоят, сложив руки на животах, и любуются столом и разряженными гостями. Брат молодки некоторое время смотрит в их толпу и пытается что-то сказать, но у него выходит плохо.

— Песнями... песнями... повеличать бы, — произносит он наконец. Бабы перешептываются, переглядываются и неожиданно, как застоявшиеся кони, срываются с места.

«Што хитёр да мудёр первобрацной князь,
Што хитрей да мудрей его не было нигде.
Ей ходил-то в торги, да закупал шелки.
Шелк и разные да разноцветные...»

За «приездным столом» первая песня всегда поется в честь молодых. «Первобрацной князь» плетет из шелков колыбельку и вешает ее против окна своей суженой. Колыбелька готова, — основа для благополучного продолжения рода положена. А готова ли невеста к многотрудной роли деревенской хозяйки и матери?

«Да уж ты што же, моя сужена, посуживашь.
Уж ты што же, моя ряжена, поряживашь?»

Едва песня доходит до «суженой», как Анна Николаевна с потупленными глазами поднимается с места, три раза целует мужа и низко кланяется поющим бабам. А те так и заливаются:

«Я во горницу ступала молодежию,
А еще свекру и свекрови во заменушку,
Уж я все-то семье да во невестушки...»

А старушка свекровь ничего не видит и не слышит. Остановившись у самовара — ей и присесть некогда, — затуманенными от умиленных слез глазами смотрит она на молодую пару.

Сейчас в избе Анна Ивановна — самое незаметное лицо. Она суетится, подает чай, бегает в сени присмотреть за самоварами.

А когда вечером разойдутся гости, и молодые уйдут в приготовленную им клеть, она останется одна перед старыми потемневшими складнями поморского литья, — сколько молитв перешепчут тогда ее поблекшие губы о том, чтобы красоточка-молодка и вправду стала заменой ей в этом родовом гнезде.

Вторая песня по чину полагается тысяцкому, крестному отцу жениха и главному заправиле всего праздника. И тысяцкого славят долго и охотно.

«Тысяцкой — большой цоловек,
И да на тысяцком шуба сорока соболей...
Где-ка тысяцкой сидит — там ненадобна свеща»...

Песня описывает подробно и наряд, и внешность воображаемого песенного тысяцкого. А настоящий тысяцкий сидит с развалкой за столом, поглаживает русую бороду и крикает от удовольствия. Он уже плохо понимает слова песни, и мало похож он на свещу, озаряющую свадебный пир, но ведь на то и песня, чтобы украшать и дополнять все, недостающее в действительности.

«Приездной» стол кончен. И молодые, и гости на некоторое время расходятся. Кто толпится в сенях, кто выходит, пошатываясь, на двор, разогнать свежим воздухом винные пары в голове. Но никто далеко не уходит: до сих пор было только вступление, а настоящее торжество еще и не начиналось.

Но вот гости снова начинают стягиваться в избу. Когда мы пытаемся пробраться вперед, нам уже трудно протолкаться. Народу столько, что дышать почти невозможно.

— Филатовна, да ведь мы так ничего не увидим!

Сметливая Филатовна не стратег, а тактик.

— А вы сигайте, лебеди белые, на пецку, — не задумываясь, советует она и сама подсаживает нас на приступочку. Бабы кругом смеются и поддерживают Филатовну:

— И верно, девушки, сигайте.

— А то как же — за тем ехали, да не увидеть...

— Юбки-ти не прожгите!

На печке уже полно: туда забрались едва ли не все ребятишки, имеющиеся в Березняке. Мы пристраиваемся посередине, как раз над толпой. Отсюда нам все видно, как на ладони, но... горе нам! Расписную печку с утра вытопили по-свадебному, испекли в ней кучу пирогов, наварили каши, похлебки, рыбы... Печка накалена, как сковорода, на которой, судя по изображению в местной часовне, поджаривают в аду грешников. И все-таки мы остаемся на печке, потому что только отсюда мы увидим и услышим все до последнего слова.

Бабы ежеминутно протискиваются к приступке и дергают нас за ноги.

— Ты уж, как выйдут, наряд-то молодкин спиши, — (т. е. срисуй) — советует одна.

— Не забудь песни...

— Вот уж полюбуйтесь, как молодка станет «новый дом обряжать».

Напоминают, предупреждают, обращают наше внимание на множество мелких деталей. Наша работа вызывает неподдельное участие. Кроме того, бабам лестно, что в далеком городе просят про их «серые» обряды и обычаи. А мы сидим на адской печке и мысленно призываем всех художников города полюбоваться этими чудесными русобородами подвыпившими физиономиями, этими богатыми прабабушкиными шелками, этими красочными радужными переливами, играющими вокруг нас по всей избе...

Внезапно давка в дверях усиливается. Все жмутся к печке, к стенам, освобождая середину избы. С большого стола давно убрана вся посуда и угощение, снята и скатерть. К этому пустому обнаженному столу движется от дверей торжественная процессия.

«Божатка» и посаженная мать выводят молодых.

Анна Николаевна опять в новом наряде: на ней желтое атласное платье и поверх алого бархатного повойника — белый шелковый платок. В толпе проносится шепот восхищения. Молодка, действительно, картинно хороша. Но лицо ее по-прежнему строго и непроницаемо: молодая хозяйка идет обряжать свой новый дом.

Толпа затихает. Множество глаз впивается в любопытное зрелище. Это один из самых древних Мезенских обрядов на свадьбе, который теперь не везде уж и выполняется.

«Божатка» и посаженная мать молодки несут целый ворох сложенных полотенец, поверх которых лежат две больших скатерти. Все это — рукоделие самой молодки. Анна Николаевна подходит к столу, кланяется ему трижды в пояс и накрывает его скатертью, а на скатерть ставит бутылку с домашним квасом; так как стол очень велик, то молодка, снова трижды поклонившись накрытому концу стола, идет на противоположный край и там повторяет всю церемонию заново.

«Сватья дородна, дородна,
Олена Степановна породна,
По виноградию ходила, гуляла.
Сладко вешанье щепала, щепала, ломала.
На серебряну тарелockу клала,
Кнезю на стол подавала:
— Поешьте, поешьте-ка, гости.
От сватьи гостинцы.
Гостинцы, гостинцы, подарки».

Девки и бабы гремящим хором запевают эту песню сразу, едва молодка отходит от накрытого стола. Это — припевание поочередно всех женщин из родни молодки. Хор поет эту песню семь, восемь раз подряд, не останавливаясь. Песня заполняет избу, вырывается на двор, гремит по реке.

Под это громко торжественное пение Петрован направляется к красному углу. В руках у него гвозди и молоток. Он обходит стены и вбивает в них длинные гвозди. Молодка идет за ним и, трижды поклонившись каждому вбитому гвоздю, вешает на гвозди полотенца с вышитыми концами.

Новый дом «обряжен». Старая мать Петрована начинает медленно накрывать стол к «почестнам».

Бывают такие высохшие жучки: снаружи все, как у живого, а чуть подавишь пальцем — хрупкое тельце само распадается в пыль. Так и многое в обряде.

В былые времена молодые, прежде чем выйти к этой заключительной части пира, часа два оставались в клети и затем, «разбуженные» дружками, выходили к гостям. Но теперь истинное значение и этого момента и его названия уже давно забыты. Осталась только хрупкая форма, которая выдерживается механически. Повинуясь вековому обычаю, молодые выбирают «рушалника», который должен разрезать традиционную жареную тетерьку или утку. Давно уже ни уток, ни тетерек на мезенских свадьбах не водится, и «рушалнику» нечего «рушить», так как гости за свадебным столом угощаются преимущественно похлебкой и кашей. Но по традиции ему вешается на шею полотенце и дается в руку нож.

Остается только одна застывшая, опустевшая внутри форма. А такой обряд разрушить уже легко: достаточно иногда легкого нажима извне, чтобы целый ряд тех или иных обрядов и поверий после многих лет существования вдруг рассыпался во прах. Современное вырождение обрядовой жизни в деревне приоткрылось длинными десятками предыдущих лет. Наша эпоха только подтолкнула назревший кризис.

Бах! Вылетает еще одно окно, это парни поздравляют молодых с началом «почестного» пира. Петрован хозяйским взглядом оценивает убытки и сердится. Но громко выругаться мешает торжественность момента. Он только молча грозит украдкой в разбитое окно кулаком.

Гости давно уже уселись вокруг заново накрытого стола. Лица у всех раскрасневшиеся, потные. Слипшиеся волосы растрепаны. В красном углу кто-то начинает буянить.

Бабы скидывают тяжелые «шалюшки» и обмахиваются белыми платочками. Хмель давно уже качает их головы. Обнявшись и покачиваясь, приезжие «сваты» затягивают нестройными голосами:

«Уж мы сядем-ко, братцы, во единой круг,
Во единой круг, да на зеленой луг...»

Им дела нет до того, что вплотную у стола стоит местный хор, который в десятый раз, не закрывая рта, славит и молодых и тысяцкого, и каждую сватью по очереди. Они уже не слушают. Два громких хора сливаются над «почетным» столом в хриплую какофонию...

Под потолком плывет удушливый сизый воздух. Преобладающие части его химического состава — табачный дым, водочные пары и невообразимый, недоступный никакой городской фантазии аромат заквашенной рыбы...

Сквозь сизый воздух — у стола радужные молодые. У нас уже сливаются в глазах зеленая юбка, желтая кофта молодки, красный пояс и алая рубашка Петрована. Молодые берут с приготовленного подноса стакан, наполняют водкой и подносят по чину каждому гостю, начиная с Анны Ивановны, которой молодка при этом кланяется в ноги.

Каждый гость обязан выпить стакан до дна и положить в него деньги. Кладут разное от медяков до бумажного червонца. Для склада всех этих «отдарков» подле молодых поставлена особая женка с деревянной чашей в руках.

Отец и брат молодки давно уже потеряли всякую способность понимать что бы то ни было и плачут, обнявшись, в красном углу. Хор в двадцатый раз затягивает величальную песню, но какую — разобрать уже невозможно. Величанье перебито и заглушено визгливым пением «сватей» за столом. Сватьи, не выдержав, изливают душу в частушках:

Нонце замуж итти —
Не надо венцаться.
В исполком только зайти,
В книжке расписаться.
Как у нас-от в сельсовете
Приколочена доска:
«Девоч много, робят мало,
Одоляет нас тоска».

Свадебный пир переходит в сплошной гул, в стон. В сизом дыму мелькают отдельные фигуры. Они встают, шатаются и, обессиленные, валятся на лавку. Молодка, еще раз переодетая в ярко-оранжевое платье, уже ничего не соображает и не видит, как приходит черед ее родни угощать семью молодого и как ее посаженная мать придвигает Петровану глиняную чашку с привезенными из Кельчегоры блинами.

Ох, пить будем,
И гулять будем,
А смерть придет —
Помирать будем!

Толпа с шумом и гамом валит на повесть. Некоторые остаются в избе — они лежат враспяжку на лавках и на полу. А те, которые еще способны держаться на ногах, тесным кольцом обступают парней и баб, отплясывающих под залихватскую гармонию излюбленную мезенскую «кандрель». Постепенно в пляс втягиваются все присутствующие. Только тысяцкий, который давно уже забыл, что ему надлежит светить свечей, лезет с кулаками на гармониста и бормочет нечто такое, отчего его спешно увлакивают под руки на сеновал.

Ночь. Над нашим головами тихо шелестят березы.

Мы быстрым шагом возвращаемся домой. Все глуше и глуше замирают вдали пьяные голоса и визгливые стоны на Ситнивской повети.

Мы с жадностью вдыхаем лесную свежесть, еще не остывший аромат теплой смолы, душистый туман, плывущий дымкой над цветущим лугом, — мы всеми силами пытаемся перебить преследующий нас тошнотворный запах заквашенной рыбы...

С содроганием вспоминаем мы его и на следующее утро когда возвращаемся в Березник для записи утренних обрядов.

У самой остолицы нам попадается веселая яркая процессия.

Впереди — тысяцкий. Он приплясывает и умудряется на ходу управляться с четвертной и стаканом, который он наливает и передает своим спутникам поочередно. За ним — дружка с гармонью в руках. За дружкой в ряд — шесть «сватей», одна другой пышнее и цветистее. Желтые, красные, синие и зеленые оттенки шелков так переливаются на солнце, что глазами больно еще издали.

«Сваты» держат друг друга под руки и во все горло распевают частушки.

За «сватьями» выступают молодые. Они идут в обнимку и, кажется, видят только друг друга. Мы не хотим им мешать и отходим в сторону, но шествие направляется прямо на нас. Здороваемся, еще раз поздравляем всю компанию.

— Ну, как, дивились, поди, вецор-то? — несколько застенчиво спрашивает Петрован. Все таки-люди чужие, городские.

— Дивились, Петр Михайлович, а еще больше любовались.

— Ой, да пошто вы?

Сваты и молодка смеются. Им и странно, и лестно: на что же было любоваться вчера горожанами?

— А нешто у вас в городе по другому?

Пока мои товарищи объясняются на эту тему, хорошенькая бойкая «божатка» отводит меня в сторону.

— А ты ведор все списала? Успела? — спрашивает она и дополняет различными подробностями все то, что я перед свадьбой слышала от Филатовны.

— В избу заходите, милости просим, — приглашает Петрован. Шествие направляется дальше. Свадьба гуляет по деревне еще долго. А мы заходим в избу и застаем Анну Ивановну над раскрытым сундуком. В руках у нее красиво вышитый «стан», т. е. рубашка, которую мезенки носят под сарафаном.

— С молодыми, Анна Ивановна.

Анна Ивановна усаживает нас на лавку и не без гордости показывает подарок.

— Вот какá у нас молодка-ти рукодельна!

По Мезенским обычаям молодка в первое утро после свадьбы одаряет всю новую родню обновками собственной работы, причем лучший подарок всегда преподносится свекрови. Мы хвалим искусно расшитый «стан».

— Вот то-то и дело, Анна Ивановна. Рукодельная, да, говорят, хозяйка хорошая. Сбережет вам вашего Петра Михайловича.

На лице старушки улыбка. Свадьбу отпраздновали весело, памятно. Молодку хвалят и свои, и чужие... А все-таки что-то тревожит бедную свекровь. Но она молчит.

И только провожая нас, она останавливается в сенях и, притворив дверь, шепчет смущенно:

— Да, только одно вот — как же это без церкви? Ведь беззаконие это... Аль уж не беда?

* * *

Аннотация: Исследуемое фольклористом пространство Русского Севера наполнено предметами, связанными в смысловые отношения мало ему известные, тела путешественников привыкли к иным телесным техникам, их жизненный мир, несмотря на кажущуюся близость языка, существенно отличается от того, с которым они соприкасаются в дороге. И поэтому открывающееся пространство становится активной силой, во-первых, обнаруживающей структуры внутреннего опыта наблюдателей и, во-вторых, изменяющей их. Феноменология полевого опыта рассматривается на материале полевых записей Натальи Павловны Колпаковой.

Ключевые слова: феноменология полевого опыта, дневники фольклориста, Н. П. Колпакова, исследования севернорусской традиции в советское время

Abstract: The space of the Russian North, explored by the folklorist, is filled with objects connected with little known to him in the semantic relationships, bodies of travelers are accustomed to other bodily techniques, their life world, despite the apparent closeness of the language, is significantly different from that with which they come in contact on the road. And so the opening space becomes an active force, first, revealing the structures of the internal experience of observers and, secondly, changing them. Phenomenology of field experience is considered on the basis of the material of the field records of Natalia Pavlovna Kolpakova.

Keywords: phenomenology of fieldwork experience, records of folklorist, N. P. Kolpakova, studies of Russian North Tradition in Soviet Times

РАЗДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ

И. И. ЗЕМЦОВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ РУССКИХ АРТЕЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ПРИПЕВОК 1834 ГОДА И ПРОБЛЕМА МНОГОГОЛОСИЯ

1961 год оказался праздничным для петербургских музыковедов и музыкальных фольклористов (так тогда называли у нас этномузыковедов) — увидело свет фундаментальное теоретическое исследование, специально посвященное русской народной полифонии, — книга Т. С. Бершадской.¹ На стр. 6 в ней, в частности, сообщалось о том, что, цитирую, «Роберт Шуман в своей “Новой музыкальной газете” за 1834 год опубликовал статью музыканта, слышавшего пение крестьян, работавших на строительстве Исаакиевского собора, в которой говорится: “Каждый голос поет свою мелодию, все голоса фугообразно переплетаются, захватывая почти все тоны аккорда, но сохраняя свою мелодическую природу... Подобный естественный хор производит глубоко своеобразное впечатление”». Действительно, поразительное по своему профессионализму аналитическое наблюдение, однако точной ссылки на немецкий оригинал в книге не приводится, и поместил ли Шуман нотные примеры, подтверждающие это наблюдение своего корреспондента, остается не известным.

Спустя несколько лет, в процессе работы над обзорным очерком по истории русской музыкальной фольклористики,² я обнаружил источник этой цитаты — в статье Е. В. Гиппиуса, упомянутой в книге Т. С. Бершадской, но не в связи с заинтересовав-

¹ *Бершадская Т. С.* Основные композиционные закономерности многоголосия русской народной (крестьянской) песни. Под ред. Х. С. Кушнарера. Л., 1961. Упомянутое в сноске журнальное издание Шумана ошибочно названо газетой.

² *Земцовский И. И.* Русская советская музыкальная фольклористика // Вопросы теории и эстетики музыки. Л., 1967. Вып. 6—7. С. 215—262

шей меня цитатой.³ И здесь ни слова нет о нотных примерах, а источник назван автором как-то неожиданно: «*Neue Zeitschrift für Musik*, 1834, стр. 283 и следующие». Так может быть обозначен большой многостраничный текст, но не отсылка к конкретно приводимой фразе. Пространная статья начала 1830-х годов о русской народной полифонии, принадлежащая немецкому музыканту-профессионалу и освященная именем Шумана, — это выглядело многообещающим открытием незаурядного масштаба. Оставалось только загадкой — как такой специалист, как Е. В. Гиппиус, мог не заметить ноты, опубликованные Шуманом, и ограничиться одной цитатой, не обнаружив или хотя бы не охарактеризовав всю сенсационную статью целиком. Когда мне удалось, наконец, ознакомиться с публикацией 1834 года в ее полном объеме, отгадка пришла сама собой: ни Бершадская, ни Гиппиус не видели немецкого оригинала. Бершадская буквально повторила фрагмент, приведенный Гиппиусом, но кем последний был информирован об этом издании и снабжен единственной цитатой (к сожалению, переведенной неточно), остается мне не известным. Ясно одно — никто из отечественных музыковедов и этномузыковедов оригинала 1834 года не держал в руках.⁴ Не упоминают его и российские специалисты по Шуману, включая знатоков его путешествия в Россию, когда супруги Шуманы (в апреле 1844) отмечали 10-летний юбилей своего журнала.⁵

Приводимый ниже текст целиком публикуется в русском переводе впервые. Он оказался кратким, но его сенсационность от этого ни в коей мере не уменьшилась. Более того, приводимые в нём музыкальные примеры оказались уникальными и бесценными.

Пользуюсь случаем принести свою глубокую благодарность др. проф. Ульриху Моргенштерну, который по моей просьбе любезно скопировал этот текст с оригинального издания и перевел его на русский язык. Моя редакторская правка и необходимые пояснения к переводу оказались минимальны. Комментарий же

³ *Гиппиус Е. В.* О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII — начале XIX века // Советская этнографии. 1948. № 2. С. 91.

⁴ *Neue Zeitschrift für Musik* — музыкальный журнал, основанный в Лейпциге Робертом Шуманом (1810—1856), его учителем и будущим тестем Фридрихом Виеком (Friedrich Wieck, 1785—1873), а также близким другом Людвигом Шунке (Ludwig Schuncke, 1810—1834). Первый выпуск журнала увидел свет 3 апреля 1834 г. Воспроизвожу его титульную страницу (*рис. 1*).

⁵ *Житомирский Д. В.* Роберт и Клара Шуман в России. М., 1962; *Лосева О. В.* О русском путешествии Клары и Роберта Шуман // Музыкальная академия. 2002. № 3. С. 122—144; *Lossewa O.* Die Russlandsreise Clara und Robert Schumanns. 1844 // Mainz: Schott, 2004. (Schumann-Forschungen. Bd. 8. Unter Mitarbeit von Bernhard R. Appel.)

Neue Zeitschrift für Musik.

Herausgegeben
durch einen
Berein von Künstlern und Kunstfreunden.

Erster Band.
(April bis December 1834.)

Mit Beiträgen

von

E. Alexander, E. Wand, C. F. Becker, L. Böhner, A. Bürck, den Davids-
bündlern, Dr. Glöck, Dr. Heinroth, J. Knorr, Ritter A. Kresschmer, J. C.
Lobe, J. P. Lysfer, J. Mainger, G. Nauenburg, H. Panofka, L. Reiffstab,
A. Schumann, L. Schunke, Dr. C. Seidel, Dr. R. Stein, Dr. J. Stöpel,
J. Wied u. m. A.

Leipzig,
bei Joh. Amb. Barth.

Илл. 1. Титульная страница журнала Neue Zeitschrift für Musik

по существу содержания публикуемого текста и приводимых в нем нотных примеров следует непосредственно за переводом.

Neue Zeitschrift für Musik. 1834. S. 283⁶

Из Петербурга

Сегодня я намеревался дать тебе в качестве небольшого подарка старое священное песнопение⁷ первой христианской церкви (византийской), которое русско-греческая церковь приняла ещё от Хризостома⁸ и чудесно исполняет в императорской капелле, и также переслать [его] для использования архипроповеднику⁹ божественной музыки, которого я читаю каждый день, и твоим остальным музыкальным друзьям. Однако, хотя я получил один том [сборник] напечатанных [образцов] церковного песнопения, но отнюдь не настоящих старых [древних], так что мне придётся воздержаться от этой радости до того, пока не удастся мне обнаружить настоящие священные звуки седой древности. Какие совершенно причудливые,¹⁰ нам абсолютно чужие переходы и голосоведение встречаются в этих благоговейных звуках старшей христианской церкви, совершенно неопишимо словами — это надо слушать самому. Надеюсь, что скоро достану подходящее и пошлю тебе для исполнения у себя.

Чтобы дать тебе небольшое понятие о весьма причудливых природных звуках русских и финских рабочих людей и крестьян, я записал кое-что из пусть весьма однообразных, грубых и немелодичных тактовых¹¹ песен (такими хочу их назвать) тех рабочих, которых нам приходилось слушать во время постройки [сооружения] моста через канал под нашим окном — [слушать] в достаточной мере и [даже] до пресыщения, нередко целыми днями.¹²

⁶ Для большей наглядности текста я позволил себе разделить большие пассажи на дополнительные абзацы, в оригинале отсутствующие.

⁷ По-немецки здесь множественное число, поэтому лучше сказать «образцы песнопения».

⁸ Имеется в виду Иоанн Златоуст (около 347—407), один из трех Вселенских святителей и учителей. Иоанн Златоуст является автором литургии восточного (византийского) обряда.

⁹ К сожалению, не известно, кого автор охарактеризовал этими словами.

¹⁰ Здесь сказано буквально «странные», но без отрицательного оттенка.

¹¹ Следует учесть, что слово Такт в немецком языке подразумевает также и трудовой ритм. В России подобные песни называют сегодня трудовыми песнями или артельными припевками.

¹² Скорей всего, речь идет о сооружении так наз. Певческого моста. Мост пересекает реку Мойку у Дворцовой площади. Назван по расположенной рядом Певческой капелле. Именно здесь в 1834 г. был построен деревянный мост по проекту архитектора Огюста Монферрана. Он пред-

Тактовые песни русских плотников во время работы.
Всегда ff и allegro.¹³

[Пример 1]

Immer ff und allegro ('Всё время очень громко и быстро')

The musical score is written for piano and voice. It consists of four systems of music. The first system shows the vocal line with the lyrics "Sko - ra sko - ra" and the piano accompaniment. The second system continues the vocal line with "jeschtscho ras i jeschtscho ras" and includes the instruction "(Schnell! Schnell!". The third system continues the piano accompaniment. The fourth system concludes the piece with the lyrics "Noch ein - mal und noch ein - mal)". The key signature has four flats (B-flat, E-flat, A-flat, D-flat) and the time signature is 2/4.

назначался для прохода на Дворцовую площадь войск, участвовавших в церемонии открытия Александровской колонны. Первоначально мост называли Желтым по цвету окраски. (См. Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб.: Глагол, 2002. С. 118).

¹³ То есть очень громко и быстро (перевод с итальянского).

S. 284.
 Другая [песня] ([поется] при поднятии или перетаскивании
 чего-либо тяжелого).

[Пример 2]

Andante

Legato molto

p

ff

Дело в том, что русский человек поёт при всём, что он делает, а во время довольно тяжелой и обременительной работы — сильнее и веселее всего. Это нечто весьма любопытное для рассмотрения народного характера. Под тяжелейшим нажимом [притеснением] своих господ русский крепостной выпевает всё горе. Так и кучера поют почти всегда; именно так звучит [пение] на всех улицах, где что-либо строится. Всё они поют в миноре, с чем-то вроде тремоландо,¹⁴ которому ни одна другая нация не может подражать. Издали такой природный хор, в котором каждый голос поёт свою мелодию [и]никто, собственно, не подчиняется диктату гармонии,¹⁵ часто вызывает очень интересное, меланхолически-древнее и народное впечатление. Все фугообразно кричат таким образом наперебой, и [в результате], вследствие взаимопроникания [переплетения] почти всех звуков аккорда, но [не гармонически, а] в [их] мелодической сущности, как бы само по себе возникает [получается] кажимость гармонии.

Я тебе передал только совсем короткую мелизму [так сказать] плотников, которую они употребляют для такта [трудового ритма], как, например, [известные нам] дрезденские лодочники: *их-ха-хуб!* Весьма удивительным образом они [русские строители] ставят акцент — например, при подъёме бревна или камня — на неверную [т. е. слабую] долю такта, как бы синкопично.¹⁶

Окончание второй песни кричат очень громко и продолжительно, когда, например, большой камень благополучно убран с места; это [так сказать] — триумфальная фермата.¹⁷

Может быть, ты удивляешься, что эти грубые музыкальные шлаки меня так интересуют; но что [может быть] интереснее, чем прислушиваться к грубым, бессознательным, неизнеженным началам природной жизни в искусстве и в науке! Что может больше привлекать, чем наблюдение над таким народным характером, который ещё, [так сказать], не вкушал от древа познания!

Я посылаю тебе, кроме этого, одну сочинённую недавно одним из русских великих [музыкантов] композицию русского «God Save the King».

¹⁴ Тремоло (итал. tremolo, букв. ‘дрожащий’) — разновидность мелизма. Существует также термин-название *тремоландо* (итал. tremolando) — ‘производя тремоло’. Трудно с определенностью сказать, что именно имеет автор в виду, говоря про «нечто вроде тремоландо». Предположения возможны самые различные — от характеристики стиля пения до, быть может, поразивших его особенностей внутрислоговой мелодики.

¹⁵ Буквально сказано: ‘не подвергается подчинённой гармонии’.

¹⁶ Синкопа (др.-греч. ‘обрубание’) — смещение акцента с сильной доли такта на слабую, то есть несовпадение ритмического акцента с метрическим.

¹⁷ Так сказать, победная остановка (букв. с итальянского музыкального термина *fermata*).

Гимн русского народа «Боже, царя храни» [следует немецкий перевод названия]. Сочинен Львовым.¹⁸

[Пример 3]

Multo legato

¹⁸ Алексей Федорович Львов (1798—1870), скрипач, композитор, дирижер, музыкальный писатель, общественный деятель, автор Гимна Российской империи на слова В. А. Жуковского. Год создания Гимна — 1833. Воспроизвожу также сохранившийся автограф Львова (рис. 2).

Allegro risoluto. 108)

Боже Царя храни славы Царст-венной Царст-венной

славу на-ша-ду нашу

спаси Царя право сла-вы Бо-же

Primo: же Царя храни. р-ше.

25. Декабря 1833. года.
С. Петербург.

A. F. Lvov

Илл. 2. Гимн «Боже, Царя храни». Автограф А. Ф. Львова

Эту композицию теперь слушают здесь во всех переулках, где она даже опустилась до шарманок. Она понимается вполне религиозно и, разумеется, по величию не сравнима с бессмертной генделевской песней,¹⁹ но всё же по-своему вызывает хорошее впечатление. Она довольно благочестива и уютна.

Ст. Петербург, в ноябре [1834].

¹⁹ Имеется в виду так наз. Zadok the Priest: The Coronation Anthem «Боже, Храни Короля» — наиболее популярный гимн Г. Ф. Генделя, созданный по случаю коронации Георга Второго 11 октября 1727 г.

Перед нами документ, поразительный во многих отношениях. Ограничусь кратким перечислением наиболее примечательных фактов.

Автор корреспонденции — музыкант незаурядной наблюдательности, в том числе слуховой. Им охарактеризованы различные виды и жанры музыкальной жизни российской столицы — церковное песнопение, хоровые многоголосные песни устной традиции, трудовые артельные припевки и даже новый российский гимн, популярность которого оказалась столь велика, что он попал в репертуар уличных шарманок (исторический факт, до того, если не ошибаюсь, никем не отмеченный). Выразительно характеризуя православное литургическое пение и хоровое многоголосие, автор приводит также два музыкальных примера — слышимые им трудовые артельные песни в его собственной нотной записи.²⁰ Факт сенсационный — до сегодняшнего дня считалось, что первые музыкальные записи русских трудовых припевок были сделаны на Волге только в 1860-е годы М. А. Балакиревым, в 1866 году опубликовавшим в своей обработке знаменитую «Эй, ухнем» («Дубинушку»);²¹ Петербургский корреспондент Шумана сделал это на 30 лет раньше. И что знаменательно — в его записях оказались схваченными самые характерные интонации этого фольклорного жанра. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно сравнить его примеры, здесь впервые воспроизводимые, с известными нам образцами, неоднократно публиковавшимися, начиная с 1866 года.

Таким образом, благодаря анонимному корреспонденту (и, похоже, другу Шумана) мы узнаем, кем, что и как исполнялось при сооружении Певческого моста²² в центре Петербурга 1834 года. Оказывается, его строили «русские и финские [sic!] рабочие люди и крестьяне», крепостные люди. Автору удалось тонко оценить специфические особенности их репертуара, но ему не удалось полностью освободиться от диктата своего музыкального слуха — от феномена, который я называю *этнослухом*.²³ Для немецкого этнослуха русские песни все звучат в миноре и на письме едва ли вообразимы вне традиционной для немецкой музыки той

²⁰ Третий нотный пример — гимн В. Жуковского — А. Львова «Боже, Царя храни».

²¹ Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым. Свойственность издателя. СПб., [1866]. С. 78—79. № 40. Бурлацкая. Записана в Нижнем Новгороде.

²² А не Исаакиевского собора, как ошибочно указано в цитате Гиппиуса 1948 г.

²³ *Земцовский И. И.* Этнослух как ключ к музыкальному существованию // Культура народного пения: Традиции и искусство. М., 2001. С. 4—14

поры четырехголосной гармонической фактуры. К чести автора, при всем при том его записи отмечены стремлением передать свободу от гармонической тяжеловесности. (Профессиональному слуху музыковеда сказанное ясно без дополнительной аналитической оценки приводимых нотных образцов). Этому безусловно способствовало и его продолжительное непосредственное знакомство с русским хоровым уличным пением, так тонко и оригинально им охарактеризованным в публикуемой содержательной заметке. Тот факт, что ему знакомо было именно *уличное* пение, подтверждается буквально двумя словами — *издали и кричат*: «*издали* такой природный хор...» и «все фугообразно *кричат* таким образом наперебой». Для немецкого слуха подобное пение *издали* могло восприниматься как *крик*.

Ценность профессиональных музыкантских наблюдений 1834 года состоит не только в фиксации подобных деталей, хотя и очень выразительных, но и в самом факте признания живого полифонического строя русского пения — чрезвычайно убедительного признания, сделанного за 45 лет до того, как в русской науке только началась дискуссия о наличии многоголосия в русском народном (крестьянском) пении.²⁴

Нет никаких сомнений в том, что обнаруженный текст достоин целиком войти в сокровищницу истории русской фольклористики и этномузыкознания.

* * *

Аннотация: Публикуемая музыкальная корреспонденция из Санкт-Петербурга 1834 г, адресованная Р. Шуману, вводится в российский научный обиход впервые. Она была тщательно переведена с немецкого на русский Др. Ульрихом Моргенштерном и прокомментирована автором. Явно профессиональная заметка содержит три уникальных музыкальных примера и чуткое описание живых музыкальных традиций хорового исполнения — как в церкви, так и на улице, а также во время строительных работ.

Ключевые слова: музыкальная запись русских трудовых песен и припевок, хоровое церковное песнопение, народное «уличное» многоголосное пение, гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни» в репертуаре шарманок, «Новый музыкальный журнал» Р. Шумана

²⁴ Имею в виду 1879 год — выход первого выпуска сборника Ю. Н. Мельгунова и развернувшаяся в связи с ним дискуссия. Подробнее см. в указ. статье Е. В. Гиппиуса 1948 г. и в книге Т. С. Бершадской 1961 г.

Abstract: This musical report from St. Petersburg of 1834, addressed to Robert Schuman, is publishing in Russia for the first time ever. It has been thoroughly translated from German into Russian by Dr. Ulrich Morgenstern and commented by the author. The original publication refers to the «Neue Zeitschrift für Musik» edited by Robert Schumann in Leipzig, 1834. The highly professional report contains three musical examples and keen descriptions of living musical traditions of various folk performances including musical commands of labor artels that are historically unique and priceless.

Keywords: Music of Russian working songs, musical commands of labor artels, Russian liturgical psalms, street folk part-singing choruses, «God Save the King» by Aleksey F. L'vov in barrel organs' repertoire, «Neue Zeitschrift für Musik» by Robert Schumann

А. В. МАРКОВ

ОТНОШЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» К НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Публикация Н. А. Марковой

Алексей Владимирович Марков (1877—1917), выдающийся русский филолог, фольклорист, лингвист, историк литературы, не был обойден вниманием исследователей науки. О нем писали В. П. Аникин,¹ Т. Г. Иванова,² С. Н. Азбелев.³ Несколько статей и монографию⁴ подготовила автор публикации.

К моменту написания публикуемой работы Марков-студент обладал солидным научным заделом. Уже гимназистом он собрал более 1000 песен, был принят в Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), сотрудничал в «Этнографическом обозрении».

Фольклорный и этнографический материал Марков начал собирать не позднее 1892 г. в рамках семейных экскурсий по Московской и близлежащим губерниям. В свое Собрание он

¹ Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 156—174 (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия; Т. 85).

² Иванова Т. Г. А. В. Марков («Постоянный оппонент В. Ф. Миллера») // Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 36—59; Иванова Т. Г. Заметки к биографии А. В. Маркова // Поэтика фольклора. М., 2005. С. 251—258.

³ Азбелев С. Н. Алексей Владимирович Марков как медиевист и отзывы о нем современников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 3. С. 98—106.

⁴ Маркова Н. А. Алексей Владимирович Марков: семейные истории и биографические очерки. М., 2017.

включал записи знакомых, а также результаты опросов уроженцев дальних губерний.

В университет А. В. Марков поступил в сентябре 1896 г. Его педагогами были выдающиеся ученые — А. Н. Веселовский, В. И. Герье, В. О. Ключевский, В. Ф. Миллер, М. И. Соколов, Ф. Ф. Фортунатов и др. Уже в декабре 1896 г. известным филологом и издателем П. А. Бессоновым был издан подготовленный Марковым сборник «Стихи духовные».⁵ Еще один сборник, переданный Бессонову в конце 1896 г., — «Детские песни» — был найден в архиве издателя и опубликован спустя 65 лет.⁶ Часть собранного Марковым материала была включена в обзор Д. Н. Ушакова по народным верованиям великорусов,⁷ изданный еще весной 1896 г., другая часть вошла в Сборник П. В. Шейна.⁸ Наконец, А. И. Соболевский опубликовал подготовленный А. В. Марковым диалектологический материал.⁹

Летом 1898 г. состоялась первая (из восьми) экспедиция А. В. Маркова, еще студента, на Русский Север. Вторую половину июня он провел в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, несколько дней в конце августа — в селе Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря в Архангельской губернии. В сентябре 1898 г. Марков поделился собранными былинами и песнями на заседании Этнографического отдела ОЛЕАиЭ.

Еще в гимназии А. В. Марков готовил библиографические обзоры для «Этнографического обозрения». Исследовательскую деятельность он начал с первых дней в университете. По просьбе своего учителя В. Ф. Миллера (главного Учителя в его жизни) А. В. Марков начал заниматься просмотром и перепиской хра-

⁵ [Духовные стихи / Записи А. Маркова. Харьков: Изд-во П. А. Бессонова, 1896]. — Изд. не найдено. Факт выхода из печати установлен по переписке А. В. Маркова с П. А. Бессоновым, включающей квитанцию на доставку книги, ОР РГБ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 332—355, № 353.

⁶ Детские песни, записанные А. Марковым в Центральных губерниях в 1892—1896 годах / Публ. П. Д. Ухова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Филология. Журналистика. 1961. № 4. С. 71—86; № 5. С. 71—86.

⁷ Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2/3. С. 148, 149, 159, 161, 168, 184, 187, 190, 195, 196, 197, 198.

⁸ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. Отд. 2: Обрядовые песни. С. 306—307 (№ 1033—1035), 308—309 (№ 1040—1042, прим. 2 на с. 308, 1—4 на с. 309), 322—325 (№ 1107—1145, прим. 1 на с. 323, 1—2 на с. 309), 337 (№ 1177), 343 («Тарус<ский> у.»), 345—346 («В с. Петровск<ом>», № 1201, прим.), 366 («В Вяз<емском> у.»), № 1254—1255), 367 («В Мих<айловском> у.»).

⁹ Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. СПб., 1897. Вып. 1. С. 104. — Данные о говоре с. Петровское Переяславского у.

нившихся в архиве песен П. В. Киреевского, выполняя сравнение рукописных оригиналов с существующими публикациями и вариантами других собирателей.

Под руководством другого своего учителя, Н. Н. Харузина, в апреле 1897 — апреле 1898 гг. А. В. Марков подготовил этнографический очерк «Жизнь русских крестьян на Севере».¹⁰

Не имеющая авторского заглавия публикуемая работа А. В. Маркова о «Слове о полку Игореве» была им подготовлена, когда он учился на третьем курсе Московского университета. Сохранившаяся в архиве ученого черновая рукопись, получившая при описании архива название «Отношение “Слова о полку Игореве” к народной поэзии» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 160, к. 10, ед. хр. 2; черновик чернилами, авторская правка чернилами и карандашом) датирована 8 октября 1898 — 22 января 1899 гг. и снабжена пометой «писано с большими перерывами». В рукописи 31 л. (54 стр., некоторые чистые). Две части (в первой 8, во второй 12 тетрадных листов) сшиты, остальные листы (разного формата) в них вложены.

Работа посвящена соотношению «Слова о полку Игореве» с образами и мотивами народной поэзии в отношении астральных, атмосферических, земных и духовных явлений. Автор приходит к выводу, что «Слово проникнуто духом народной поэзии».

Самостоятельно ли А. В. Марков сформулировал тему этой работы, или она была предложена его преподавателями — неизвестно. Из переписки А. В. Маркова с однокурсником Ф. Ф. Некрасовым¹¹ известно, что в это время профессором М. И. Соколовым для рефератов предлагались, в частности, темы о «Горе Злочастии», о письмах Андрея Курбского и посланиях Иоанна Грозного. Но «Слово» представляется значительно более сложным объектом исследования, а для студента — это серьезный интеллектуальный вызов. В свою очередь, много лет спустя, подготавливая темы работ по древнерусской литературе для слушательниц Тифлиских высших женских курсов, Марков-профессор использовал куда как более узкие формулировки.¹²

¹⁰ [Жизнь русских крестьян на Севере. М.: Изд. О-ва распространения полезных книг, 1898] — Изд. не найдено. Факт выхода из печати установлен по переписке с Н. Н. Харузиным (ОР РГБ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 245—251).

¹¹ ОР РГБ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 6. (Письмо Ф. Ф. Некрасова А. В. Маркову от 20.12.1898).

¹² Например, «Отношение Моления Даниила Заточника к переводным сборникам изречений». См.: *Марков А. В.* Темы работ по истории древней русской литературы // *Известия Тифлиских высших женских курсов.* Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 2. С. 72—75.

Вряд ли работу можно считать типовой студенческой работой, все-таки А. В. Марков в то время был более подготовленным исследователем, чем его товарищи по университету. Скорее, рукопись представляет интерес в связи с его научной биографией. В ней отразились особенности научного стиля начинающего ученого, характерные для всего его последующего творчества.

Неясно, рассчитывал ли А. В. Марков опубликовать это исследование. В то же время, он сохранил черновик в своем архиве, что свидетельствует о том, что достаточно ценил эту свою студенческую работу, хотя в силу обстоятельств жизни к ее завершению не возвращался.

Ко времени написания работы существовали сотни исследований, посвященных «Слову о полку Игореве» (еще большее внимание памятнику было уделено в XX веке). В своем изыскании А. В. Марков, отталкиваясь от авторитетных трудов Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Е. В. Барсова, Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера, предлагает самостоятельный анализ произведений фольклора и древнерусской литературы, канонических библейских текстов и апокрифов.

Анализируемые им фольклорные источники включают как популярные сборники народной поэзии, так и редкие издания, например, губернские ведомости, знакомству с которыми, вероятно, Марков был обязан своим участием в подготовке библиографических обзоров для журнала «Этнографическое обозрение». Некоторые из цитируемых им текстов не были опубликованы к моменту написания работы. К таким текстам относятся материалы из личного Собрания исследователя (с широкой географией мест записи: Каргопольский уезд Олонецкой губернии; Вяземский уезд Смоленской губернии; Коломенский уезд Московской губернии). В исследовании приводятся несколько фрагментов из неопубликованных рукописей П. В. Киреевского, которые Марков в то время разбирал. Алексей Владимирович цитирует источники на различных славянских языках: русском, белорусском, украинском, сербском, чешском.

Литературные памятники, включенные А. В. Марковым в рассмотрение, — это древнерусские летописи (опубликованные в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ), а также различные славянские апокрифы (которые могли быть ему известны по публикациям Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, И. И. Срезневского). Кроме того, в работе можно найти отсылки к Библии, а также древнегреческим и персидским источникам. Часть ссылок является вторичными, то есть взятыми из трудов его предшественников. Но, в целом, исследователь чаще опирается на собственный анализ текстов первоисточников, чем на предыдущие исследования. Глубина освоения материала студентом-третьекурсником вызывает уважение.

Некоторые из обсуждаемых в работе вопросов не потеряли актуальности и в настоящее время. Так, дискуссия по поводу соотношения Велеса и Волоса не смолкает и поныне. Далеко не все ученые согласны с мнением, что это разные формы одного имени. Приводимая А. В. Марковым аргументация значима и сегодня. В частности, то, что Велес был изобретателем сложного музыкального инструмента, по мнению Маркова, объясняет его роль как покровителя музыки.

Давая «обзорение филологического материала, представляемого Словом» в выбранном ракурсе, А. В. Марков исследует лингвистические, этнографические, исторические, религиозные аспекты. Междисциплинарный подход характерен и для всего последующего его научного творчества. Другая важнейшая черта его научного стиля — это оппонирование авторитетам. Он спорит со своим учителем В. Ф. Миллером и другими маститыми учеными («княтянутое объяснение [Миллера]», «не решаюсь принять поправку проф. Миллера и Барсова»). В какой-то мере он оппонировал и самому автору «Слова». Отрицая оборотничество в известной фразе «Слова» о «растекании мыслию по древу», Марков сетует: «Мне кажется, он [автор] нехотел вставить сюда эпическую формулу для оборотничества, потому что Боян в нём, конечно, не нуждается». Много лет спустя, А. В. Марков в письме В. В. Пасхалову, одному из ближайших своих друзей, рефлексировал эту свою особенность: «... никогда не творил себе кумиров, быть может, и напрасно, слишком полагаясь на свои собственные силы, конечно, недостаточные».¹³ Учителей это ни в коей мере не смущало. В. Ф. Миллер, называвший Маркова «мой постоянный оппонент», ценил это качество в своем ученике.

Наконец, важной особенностью А. В. Маркова, как ученого, является его чрезвычайно эмоциональное отношение к предмету исследования. Свое пристрастное отношение к изучаемому памятнику он выразил много лет спустя в черновой записи, обнаруженной в его архиве: «...ход развития русской литературы представляет собой не закономерный процесс, а ряд неожиданных для наблюдателя скачков. Появление Сатир Кантемира через пять с половиной веков после «Слова о полку Игореве» — такая же историческая нелепость, как если бы на месте президента Соединенных Штатов после Вашингтона появился Талейран, или если бы во французской литературе преемником Золя оказался Корнель».¹⁴

¹³ Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, ф. 134, № 1219 (Письмо А. В. Маркова В. В. Пасхалову от 02.12.1913).

¹⁴ ОР РГБ, ф. 160, к. 4, ед. хр. 69.

При подготовке статьи А. В. Маркова к печати орфография, пунктуация и библиографические ссылки оригинала нами приведены в соответствие с современными нормами. Ссылки на тексты и труды предшественников, приведенные автором непосредственно внутри текста статьи, даются в виде сносок. Цитируемые тексты были выверены и в ряде случаев исправлены.

Цифры в квадратных скобках отсылают к комментариям публикатора, данным в конце статьи.

[ТЕКСТ]

8 октября 1898 — 22 января 1899

Почти все дошедшие до нас памятники письменности, относящиеся к удельно-вечевому периоду русской истории, сложились в среде духовенства, и поэтому они отличаются религиозным характером и носят на себе яркие черты христианского мирозерцания. Если проповедник или летописец касался народных верований, то он делал это с целью обличения; все, что не соответствовало его убеждениям, ему представлялось в невыгодном свете, и немудрено, что все мирские обычаи ему казались творением дьявола: в древних поучениях мирские песни часто назывались бесовскими и сатанинскими. При этом одностороннем освещении народный быт рисуется перед нами в слишком мрачных красках. К счастью, уцелел один художественный памятник этой любопытной эпохи, который всецело проникнут народными убеждениями и воззрениями на природу и который освещает народное мирозерцание с точки зрения самого носителя его. Автор «Слова о полку Игореве», вероятно, был дружинником и весьма вероятно, старшим, потому что он хорошо осведомлен относительно различных русских князей и понимает современное ему состояние Русской земли.¹⁵

Если судить по слогу, он был значительно начитанный человек, и, что замечательно, предметом его чтения, очевидно, были светские произведения, так как в оборотах его речи совсем не заметно влияния церковных книг. Несмотря на свою начитанность, автор Слова не пренебрегал живой народной речью и вносил в свое произведение эпические образы и мотивы народной поэзии. Народный язык и устные словесные произведения даже в том виде, в каком они дошли до нас, глубоко проникнуты старым дохристианским мировоззрением и нередко намекают на се-

¹⁵ Проф. Миллер считает его одним из приближенных Святослава (Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 247).

дую древность. Тем архаичнее должны быть эти произведения в XII веке. Вероятно, в то время не только пелись песни, сложенные до крещения Руси, но и ходили рассказы о старых богах, подобно тому, как теперь в простом народе уцелели предания о леших, домовых, ведьмах и других созданиях языческой фантазии. Если мы вспомним, что наши былины, всецело проникнутые фантастическими элементами, в первоначальном своем виде были сложены в дружинной среде, то нас не будет удивлять упоминание языческих божеств и другие отголоски древности в произведениях дружинника XII в.

До введения христианства восточные славяне поклонялись разным деятелям и силам природы, преимущественно тем, которые оказывали наибольшее влияние на благополучие населения. Так как главными источниками народного богатства служили скотоводство и земледелие, то, естественно, народ обоготворял те явления природы, которые действительно или только по его мнению, содействовали или вредили его благосостоянию. Богом скотоводства был Волос, богом земледелия — Перун. В договоре Святослава с греками (971 г.), действительно, упомянуты только эти высшие в то время божества. Кроме двух главных богов были второстепенные, и, наконец, вся природа представлялась наводненной духами, большей частью враждебно относящимися к человеку. Воззрение на природу, как полную всевозможных духовных существ, долго преобладало среди русского народа и довольно ярко отразилось в Слове о полку Игореве.¹⁶ В обозрении филологического материала, представляемого Словом, я начну с олицетворения небесных светил, затем обращу внимание на атмосферических духов, потом укажу на символику рек, растений и животных и, наконец, постараюсь определить воззрения автора Слова на духовные способности человека.

Воззрения на светила

В Слове упомянуто два бога, олицетворяющих солнце, — Хорс и Дажьбог (считая Велеса божеством месяца). Имя Хорса в первый раз мы находим в летописи под 980 г., где говорится о том, что Владимир Святославович поставил кумира Хърсу; в Житии Владимира, составленном в XI в., Хорс назван поганым, т. е. языческим богом; в апокрифе болгарского происхождения

¹⁶ Еще в XVI в. Новгородский архиеп. Макарий писал Ивану Грозному о суевериях, живших в народе; предметом поклонения служат, по словам архиепископа, «солнце, и месяц, и звезды, и озера, и просто рещи всей твари поклоняхуся ако Богу» (*Фаминцын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884. С. 30—31).

«Хождение Богородицы по мукам» (XII в.) [1] говорится о каменном идоле Хорса; в апокрифической «Беседе трёх святителей» [2] Хорс назван жидовином; он наряду с Перуном является громным и молниным ангелом. В «Слове Христолюбца» [3], списки которого не восходят ранее XIV в., памятнике южнославянского происхождения, говорится о веровании славян в Хорса. В других списках имя это пишется Хърс, Хоурс. В одном памятнике по рукописи XVI в., «Слове и откровения святых апостол» [4] болгарского происхождения, среди языческих богов (Перун, Дый (=Zeus, Διός), Троян) упомянут также Хорс (Корс); наконец, в одном переводе с греческого имя Аполлон заменяется словом Хръс.

Употребление имени Хорса вместо Аполлона указывает на то, что этот бог олицетворял собою солнце. То же подтверждает и производство слова Хърс от персидского *chur* или *hog*, что значит солнце. По мнению проф. Миллера, за заимствование этого божества с востока говорят различные иранские слова:¹⁷ *zend*<ское> [5] *hvare-khšaeta*; пехлевийское *khāršet*, персидское *qarset*, новоперсидское *khvaršed* (хуршид). Кажется, в пользу восточного происхождения этого слова говорит и название Хорса жидовином, в «Беседе трёх святителей». Известно, что жидами иногда назывались козары, среди которых было немало евреев.

Итак, Хорс был богом Солнца; так его понимал автор Слова: «Всеслав — князь... в ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Оборотень-князь до рассвета перебегаёт дорогу солнцу. Эпитет Хорса «великий» указывает на верховное значение этого божества, подобно тому как тот же эпитет прилагается к киевскому князю Святославу.

Другое солнечное божество — Дажьбог — в Слове упомянут два раза: в одном месте говорится о гибели богатства «Дажьбожа внука», в другом — о несчастье войска «Дажьбожа внука». Автор называет князей внуками Дажьбога символически, вероятно, для того чтобы оттенить несчастье, постигшее этих божественных людей, подобно тому как он называет Игоря внуком Трояна, Бояна внуком Велеса и ветры внуками Стрибога. Видеть здесь генеалогию столько же основания, как в русских сынах или русичах — потомков Руси, а в москвичах — потомков Москвы.

Слово не даёт никаких указаний на смысл слова Дажьбог. Но в летописи, в которой это имя попадает два раза, указывается ясно на характер этого божества. Под 980 г. сообщается о том, что Владимир поставил кумир Дажьбога наряду с кумирами Хорса и Стрибога. Во вставке в Ипатьевский список, представляющей собой перевод греческой «Хроники Иоанна Малалы» [6], Дажьбог называется сыном неба и солнцем: «Солнце-царь, сын Сварогов,

¹⁷ Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 83.

еже есть Даж(д)ьбог».¹⁸ Кроме того, в «Слове Христороубца» встречается имя Дажьбога как славянского божества. Наконец, в сербских и болгарских сказаниях попадает форма Дабог, как имя Сатаны.

Слово Даж(д)ьбог производят от повелительного склонения глагола *дати* и *бог*. Действительно, мольба к солнцу: «даждь, бог!» при частом повторении могла утратить свое значение и превратиться в собственное имя божества. Можно думать, что под именем Дажьбога чувствовалась оплодотворяющая землю сила солнца и, таким образом, это был бог земледелия. По крайней мере, в овсеневах и колядских песнях, выражающих пожелание урожая в поле и прибытка дома, нередко встречается выражение «дай Бог!», то же выражение встречается в одной песенке, которой дети приветствуют дождь.

Кроме олицетворений солнца в виде божеств в Слове самое солнце представляется разумным деятелем, который может действовать и вредить людям. Ярославна, называя солнце (так же как ветер и Днепр) господином, указывает на его служение людям: оно для всех «тепло и красно»; вместе с тем она жалуется на то, что солнце простерло свои горячие лучи на воинов Игоря, согнуло их луки и заткнуло колчаны. Обращение Ярославны к солнцу напоминает собою причитание солдатки, записанное Барсовым в Олонек<кой> губ<ернии>:

Умолено красно солнышко!...
Уж ты светишь на весь белой свет;
Освети-тко ладу милую,
На чужой на дальней стороне,
В грозной службе Государевой.
Умолёное красно солнышко,
Ты красишь да, солнце красное,
Ты на всю да подселенную
И на всех народ да людей добрых.¹⁹

Обращение к солнцу с мольбой, просьбой или вопросом нередко встречается в поэзии различных народов. Так, в русской свадебной песне:

Ты красное солнце,
С чего ж ты не греешь?
(Тульская губерния) [8]

¹⁸ В Переяславской летописи [7]: 1) акы (ως) Дажьбог (οσησλος) рече (υησιν), (ηλεγγε) обличи Афродиту (την Αφροδιτην) <(XXIII)>. 2) сын его, именем Солнце, его ж наричют Дажьбог <(XXII)>.

¹⁹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 ч. М., 1872—1882. Ч. 2. С. 91—92.

В двух болгарских песнях:

- 1) Солнце, милое солнце, постой, подожди нас,
Пока мы пройдем три зеленых леса.²⁰

Это обращение к солнцу напоминает подобное же обращение Иисуса Навина.

- 2) змей обращается с просьбой:

Солнце, милое солнце!
Пошли мне, солнышко, твою ясную стрелу...
Чтоб этой стрелой мне поразить врагов.²¹

Проф. Миллер предполагает, что обращение с упреками к солнцу заимствовано из Деяния Девгениева [9], в одну из редакций которого могло войти следующее место из греческого подлинника поэмы о Дигенисе: братья, не находя труп сестры, упрекают светило:

О солнце лучезарное! ... зло такое?²²

Но так как параллели из народной поэзии ближе подходят к подлинному плачу Ярославны, то это натянутое объяснение нужно считать излишним.

Появление солнца автор Слова считает предвестием возвращения Игоря из плена: «Солнце свѣтитъ на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли». И, наоборот, темнота солнца предвещает беду или является вслед за нею: «утрпѣ солнцю свѣтъ» (т. е. погас солнечный свет), после того, как погибли Игоревы полки. Затмение солнца, несомненно, предвещает неудачу. Солнце само дает знак Игорю: «Солнце ему тьмою путь заступаше».

Игорь, видя тьму, покрывавшую его воинов, думает, что они будут убиты. Такое же грозное предзнаменование дают черные тучи, прикрывающие четыре солнца, под которыми подразумеваются князья. В другом месте последние названы двумя солнцами и двумя молодыми месяцами. Такое странное на взгляд название можно объяснить тем, что прежде представляли каждое явление одного или другого светила новым светилом. Такое умножение светил часто встречается в славянских песнях:

- 1) В великорусской величальной песне:

Взошли, встали три месяца,
Три месяца, три ясные,

²⁰ Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 240—241.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 19, 57.

Все прекрасные:
Первый месяц у нас Иванушка
(перечисляются)
Взошли, встали три зорюшки,
Три ясные, все прекрасные:
Перва зорюшка у нас Дунюшка,
(перечисляются).²³

Утроение зари — обычно в великорусских заговорах.²⁴

2) Белорусская величальная песня:

Стаяли-свящили мѣсички чатыре:
Первый мѣсичка — маладый Василька и пр.
Зорички чатыри и пр.²⁵

Два месяца ясненькие в песнях <Р. Зенкевича>.²⁶

3) Малороссийская веснянка:

Ой ниhto там не бував, де сзявір розвивав;...
Два місяці ясних, два парубка красних...²⁷

В другой песне «Два мисяця» представляют собой «молодчиков».²⁸

4) Болгарская песня «Три се сенца разиграле» (=сыновья).²⁹

5) Сербская свадебная величальная:

Три сунца грануше (просияли):
Једно сунце — стари сват од свата,
Друго сунце — првијенац (предводитель) с кумом,

²³ Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862. С. 133; *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. Т. 1, вып. 1. С. 365.

²⁴ *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887. Т. 1. С. 105.

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ *Zienkiewicz R.* Piosenk igminne ludu Piskiego. Kowno, 1851. С. 80.

²⁷ *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. С. 43.

²⁸ Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае / [Сост. и авт. вступ. ст. Петр Гильтебрандт]. Вильна, 1866. Вып. 1. С. 148.

²⁹ *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. С. 78.

Треће сунце — ђевер (дружко) и ђевојка.³⁰
Три ти сунца дворе обасјала:
Једно сунце — момах и девојка,
Друго сунце — куме и девере,
Треће сунце — кићени сватови.³¹

Совсем другое представление соединялось с выражением «зѳри», вместо современного «заря». Это выражение бытовало в древнерусской письменности, применяясь обыкновенно к утренней заре:

1) В Житии Феодосия Печерского [10]: «уже зорямъ въсходящемъ».

2) В летописи под 1074 г.: «старцю отстоявшю утренню пред зорями»; под 1107 г.: «пред зорями в нощи».³²

3) В переводной Повести Иосифа Флавия о взятии Иерусалима (конца XI или нач. XII в.) [15]: «пришедшее нощию, пред зорями».³³

4) В легенде о св. Меркурии (помещена под 1240 г.): «Таж (потом) зарям бывшим, возтаща злии тии ратлицы».³⁴

5) В Сказании о Мамаевом побоище: «От множества огней зори имашася» [16].

То же выражение встречается в припеве к одной угро-русской колядке: «Барзо раненько, на зорях».³⁵ Некоторую аналогию представляют выражение: «в утрях», т. е. утром, слышанное мною в Архангельской губернии.

В Слове во множественном числе говорится не только об утренних, но и о вечерних зорях: «Велик рано (=борзо раненько) кровавыя зори свет поведают; что ми звенит далеча рано пред зорями; погасоша вечеру зари». Можно думать, что это тоже множественное число, подобное пост<оанному> множественному числу в народной поэзии — вилы — обязано своим происхож-

³⁰ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. В 3 т. Беч, 1824. Т. 1. С. 47; ср. С. 46.

³¹ Там же. С. 45.

³² «Отпевши заутреню пред зорями» (Лаврентиевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. С. 82); «в утрий день по зорям ... поиде» (Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. С. 51). «До зорь», «прежде зорь» — в Супрасльской рукописи XI в. [11] и в Шишатовском Апостоле 1324 г. [12]; «беху юже зоре» — в Житии епископа Григория Акрагантийского, XVI в. [13]; «ждавше зорь» — в словаре Востокова [14].

³³ *Барсов Е. В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. В 3 т. М., 1887—1889. Т. 1. С. 266.

³⁴ Явление пресвятой Богородицы и о святом Меркурии // Русский временник. [М.] 1790. Ч. 1. (С. 114—125) С. 116.

³⁵ *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 1. С. 42.

днем воззрению на зарю, как на духов, рассеивающих свет; в русской песне заря рассыпается по земле:

Ты зачем ли, заря, занимаешься,
По белу ли свету, заря, рассыпаешься?
(Зап. Якушкин в Орловской губернии) [17].

Один раз в Слове употреблено единственное число в тавтологическом выражении: «заря свѣтъ запала»³⁶ (=не показалась, потому что): мъгла (туман) поля покрыла». «Запасть» не может иметь значения действительного залога; проф. Миллер поправляет: запяла; но в таком случае получается очень странный смысл: заря затянула или заткнула свет!

На то, что заря — свет составляет тавтологию, указывает слово: светозарный, выражение: ни свет, ни заря, а также песня: «Заря, белый свет, в окошечко взошла» (из г. Мезени) [18].

<лакуна в тексте статьи>

К астральным божествам надо отнести Велеса, имя бога, природу которого в точности указать трудно. Название этого божества в различных памятниках употребляется в двух формах: Велес и Волос. Первую форму находим:

1) в Слове: «вѣщей Бояне, Велесовь внуче»;

2) в апокрифическом сказании болгарского происхождения «Хожделение Богородицы по мукам», в списке XII в.: «От каменити устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна»;

3) в Повести о водворении христианства Авраимом Ростовским [19], жившим в XII в. (в списке XVII в.): «страстного сего идола Велеса... и абие идол Велеса (Велесов?) в прах бысть окаянный»;

4) в чешских глоссах «Mater Verborum» 1202 г. [20], где встречаем формы *Veles, Veless, Velles*;

5) в трёх чешских сатирических комедиях XIV—XVI вв.: «к *Welesu*».³⁷

Вторая форма встречается:

1) в <договоре> Олега [21]: «и Волосом скотьим богом»;

2) в договоре Святослава с греками, приведенном в летописи под 971 г.: «да имеем клятву от Бога, в его же веруем: в Перуна, и в Волоса, скотья бога»;

³⁶ Ср. старинное выражение: «запад солнца».

³⁷ Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 80; может быть, искажение той же формы надо видеть в названии бога Велсара в «Слове Христолюбца».

3) под 980 г.: «Владимир ... поставил кумиры (богов)... и Волосіа, коровья бога»;³⁸

4) в рассказе о водворении христианства в Киеве под 988 г.: «И Волоса Идола, его же именовашу скотья бога, повел в Почайну в врещи»;

5) в «Слове Христолюбца»: «молятся ... Перуну и Волосу, скотью богу».

На эту форму также указывает название Волосовой улицы в Новгороде и Волосова Никольского монастыря во Владимирской области, упоминаемого в актах XIV в. (теперь упраздненного). Из этих двух форм — Велес и Волос — первую должно считать исконным именем бога, потому что она известна как в русских, так и чешских памятниках, и так как употребление второй, насколько можно заметить по дошедшим до нас памятникам, не выходило из области греческого культурного влияния, т. е. не простиралось далее пути из варяг в греки. Кроме того, форму Велес можно возводить даже к VIII в., в котором упоминается славянское племя Велесичей, живших тогда на Балканском полуострове;³⁹ велесич, несомненно, прилагательное образование от слова Велес.

Так как форма Волос известна только в Киевских и Новгородских памятниках, то естественнее всего объяснять её русским искажением слова Влас, Власий, имени святого, который оказывал покровительство при пропаже или болезни скота. Ясно, что русские, воспринявшие у греков еще до введения христианства почитание св. Власия, обратили его в «скотия бога». Подтверждением этому мнению служит форма родительного падежа Волосия, (т. е. Власия), встречающаяся в «Летописце Русском», составленном в XVII в., а также тот факт, что в XII в. в Новгороде была церковь «св. великомученика Власия, на Волосове улице».⁴⁰

Когда форму Велес ставили наряду с формой Волос, обе формы можно было сблизить с санскритским «врша» — бык оплодотворяющий;⁴¹ родство Велеса с римским божеством скота Pales составляет не более, как гипотезу. Поэтому для выяснения смысла Велеса обратимся к определениям, какие дают ему славянские памятники.

³⁸ Начало княжения великого князя Владимира Киевского // Русский временник. [М.,] 1790. Ч. 1. (С. 18—23) С. 21.

³⁹ Акамир // Русский энциклопедический словарь / Гл. ред. И. Н. Березин. СПб., 1873. Вып. 1. С. 361.

⁴⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 9.

⁴¹ *Потебня А. А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 1. С. 22.

Что Велес олицетворяет собою одно из светил, видно из выражения в одном чешском памятнике XVI в., где муж высказывает желание, чтобы злая жена сделалась дикой гусыней и залетела «некам (=куда-нибудь) zamore k Welesu». Проф. Миллер⁴² из этого заключает, что Велес — бог солнца, которое по древнему представлению погружается в море; но русская загадка присваивает такое представление месяцу: «За морем огонь добро-ясно горит».⁴³ Вместе с тем, В. Ф. Миллер ставит Велеса в близкую связь с солнечным пастырем Аполлоном; но русские загадки называют месяц, а не солнце пастухом звезд.⁴⁴ Поэтому я более склонен считать Велеса божеством месяца. Чешские глоссы «Mater Verbohum» называют Велеса Паном, греческим богом пастбищ, и так определяют его: Велес имеет вид (утадо) козла; он покровитель овец и пасущих их пастухов. Он первый начал слеплять посредством воска по несколько свирелей вместе. Как изобретатель сложного музыкального инструмента, Велес должен был считаться покровителем музыки и неразлучной с нею песни. Потому-то автор Слова называет Бояна внуком Велеса. В Житии Авраамия Ростовского идол Велеса назван страстным; это, может быть, указывает на вакхический характер божества и сближает его с Ярилой и Купалой. К сожалению, нельзя вполне полагаться на свидетельство жития, известного в рукописи не ранее XVI в. и страдающего целым рядом путаниц.

Теперь остается указать на отношение одной формы имени нашего божества с другой. Нет никакого сомнения в том, что они существовали одновременно в различных местностях, но значение Волоса, вероятно, долго было ясно, почему при нем постоянно стоит определение: скотий (или коровий) бог. Образ же Велеса, <который> имеет хотя и близкое к Волосу, но более древнее <значение>, рано начал уже забываться, чем можно объяснить отсутствие определений при этой форме имени. В XIV и XV вв. имя это, еще известное у чехов, употреблялось рядом с чертом в смысле беса. Нельзя не согласиться со словами Барсова: «Явившись к нам...»,⁴⁵ св. Власий по созвучию с Волосом мог действительно содействовать тому, что эта полногласная форма имени языческого божества должна была очень рано в значительной мере вытеснить древнее имя “Велеса”».⁴⁶

⁴² Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 80.

⁴³ Великорусские загадки, с предисловием И. А. Худякова // Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6. Ч. 6, С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 81 (№ 864); С. 84 (№ 887—888); С. 90 (№ 1010).

⁴⁵ «Вместе с христианством» — неосновательно прибавляет Барсов.

⁴⁶ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. С. 357.

Об атмосферических духах автор Слова, по-видимому, имел более ясное представление, чем об астральных божествах. На первом месте надо поставить Стрибога — бога ветров,⁴⁷ которые представляются снабженными крыльями и стрелами: «вѣтри, Стрибоживнуци, вѣютъсь моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы!». Ярославна жалуется на то, что ветер мечет «хиновская (ханские) стрѣлки на своею нетрудною (легких) крилицю на на моя лады вои?» (т. е. воинов её мужа).

Имя Стрибога кроме приведенного места, встречается только два раза: в летописи под 980 г., где рассказывается о том, что кн. Владимир поставил различные идолы, между прочим идол Стрибога (в «Русском Временнике» — Астриба, причем слог «ог», очевидно, стоял под титулом); и в «Слове Христороубца», где бесмысленно собраны в кучу божества не только самых различных характеров, но и разных народностей. Только Слово указывает на сущность этого божества. Самое название Стрибог производят⁴⁸ от глагола стрети (с предлогами про-за) стрела (стрети — распространять); немудрено поэтому, что стрелы составляют принадлежность этого бога.

Что касается представления о крыльях, как принадлежности ветров, то оно существовало не только у славян, но у евреев; так в II ст. 18 псалма говорится: «полетел (Бог) и понесся на крыльях ветра»; в III ст. 103 псалма: «шествуешь (обращение к Богу) на крыльях ветра». Только в позднейшую эпоху могла образоваться загадка о ветре: «без крыл летит...»,⁴⁹ вошедшая также в песню:⁵⁰ «Без крыл летит ... туча грозная»; в варианте этой песни свойство это приписывается снегу: «Безкрылечны белы снеги». Но представление о стрелах ветров было неясно, вероятно, самому автору Слова: в плаче Ярославны ветер является пособником полщев, потому что он мечет на русское войско вражеские стрелы; а при описании утра перед второй битвой автор выражается очень непонятно: ветры веют с моря стрелами. Пронизывающему ветру можно было придавать это оружие и вообще воображать его в воинственном образе.⁵¹ В пользу этого говорит загадка о

⁴⁷ Ветры являются во множественном числе и в других местах: «Яко соколь на вѣтрехъ ширяся»; «Чрънядьми на ветрѣхъ».

⁴⁸ *Буслав Ф. И.* Народная поэзия: Ист. очерки. СПб., 1887. С. 23.

⁴⁹ Великорусские загадки, с предисловием И. А. Худякова. Вып. 6., Ч. 6. С. 44 (№ 176).

⁵⁰ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. С. 412.

⁵¹ *Барсов Е. В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. С. 366.

ветре: «Без рук, без ног воюет»⁵² и постоянный эпитет буйный. Но, если обратить внимание на общий характер описания утра, предшествующего битве, то и в этом месте можно будет видеть в ветрах пособников половцев, которые, по выражению автора Слова, «идут от Дона и от моря»; с моря же веют ветры, а «итти дождю стрѣлами съ Дону великаго»; в последнем выражении, несомненно, должно видеть весьма распространенную в литературе метафору: «туча стрел», которая встречается также в виде сравнения:

1) В Повести Иосифа Флавия: «И стрелы на них летаху, аки дождь».⁵³

2) В Летописи под 1382 г. «Идяху стрелы аки дождь силен».⁵⁴

3) В видении пономаря Тарасия: «Тарасий... видит множество ангелов, стреляющих огненными стрелами, яко дождь сильный из тучи».⁵⁵

4) В малороссийской песне сравнение со снегом: «За намы стріли, як снег, літали».⁵⁶

5) В Молении Даниила Заточника [22] сравниваемые предметы переставлены:⁵⁷ «Помяни мене... каплями дождевыми яко стрелами сердце пронизающе».⁵⁸

Нужно думать, что эти сравнения явились не без влияния представлений атмосферических явлений в виде стрел. Особенно твердо укрепилось такое представление за громом, а последнее, мы знаем, дало в литературной сказке об Уруслане Залазаревиче [20] такое сравнение: «А стрелит (Уруслан) — ино как ис тучи сильной гром грянет»;⁵⁹ «А стрелит — аки сильной гром грянет».⁶⁰

Нужно заметить, что вообще атмосфера представлялась населенною грозными воинственными духами; поэтому атмосферические явления в Слове предвещают грозную сечу: идут с моря

⁵² Великорусские загадки, с предисловием И. А. Худякова. Вып. 6. Ч. 6. С. 43 (№ 168).

⁵³ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. С. 264.

⁵⁴ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. С. 173.

⁵⁵ Новгородская летопись // ПСРЛ. Т. 3. С. 246.

⁵⁶ Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. С. 46.

⁵⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 629.

⁵⁸ По народным песням, дождь сечет, т. е. поражает, как что-то острое; падающие капли представляются нитями: «Дай ти дождь толстые вожжи!»

⁵⁹ Сказка об Уруслане Залазаревиче // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т. 2, Отд. 2. С. 102.

⁶⁰ Там же. С. 116.

черные тучи, в них трепещут синие молнии; быть грому великому, идти дождю стрелами! Ветры веют с моря; облака пыли («пороси») покрывают поля. В великорусской, малороссийской и сербских песнях наступающее войско представляется также в виде грозной тучи.⁶¹

1) А не сильная туча затучилася;
А не сильнии громы грянули:
Куде едет собака Крымский царь?⁶²

Не грозна, братцы, тученька
Подымалася
Со такими со громами,
Со гремучими,
Со такими с молоньями
Со палючими,
Со такими со дождями
Со сильными:
Выходила-выстыпала
Сила войская.⁶³

2) Из-за горы хмара выступае, выхожае,
До Чигрина громом выгремляе,
На Украиньску землю блискавкою блискае.⁶⁴

3) Турки предупреждают друг друга о приходе сербского войска:

Јер се дигла, магла (собст. туман, здесь — туча) од Котара,
А кроз маглу сијевају (сверкают) мушье;
Што се она магла подигнула,
То се дигло праха од копита;
Што кроз маглу сијевају мушье;
То сијевају токе (панцыри) на јунацим!⁶⁵

⁶¹ См.: *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. С. 604; Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1864. Вып. 6. С. 8; Вып. 8. С. 129, 131; Вып. 9. С. 414.

⁶² *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. С. 1036.

⁶³ *Васнецов А. М.* Песни Северо-Восточной России М., 1894. С. 183; ср.: *Потанин Г. Н.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. // Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6. Ч. 1. С. 106.

⁶⁴ *Тихонравов Н. С.* Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 55.

⁶⁵ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 3. С. 260.

4) В Истории об Азовском сидении [24], на которой могло отразиться влияние народной поэзии, с грозой сравнивается вражеская стрельба: «В полках их (турок) почала быти стрельба пушечная и мушкетная великая: как есть-стала гроза великая над нами, страшная, будто гром велик и молния страшная от облака бывает с небеси».⁶⁶

Таким же воинственным, как духи грозы, является атмосферическое божество Див, упоминаемый в Слове два раза: в одном месте передается недоброе известие, бывшее в начале похода: затмение солнца, всполошившее птиц и заставившее выть зверей: «дивь кличеть връху древа, велить послушати земли незнаемѣ: Волзьѣ, и Поморію, и Посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмуроканский бльвань». Следовательно, Див дает знать половцам о приближении русских. В другом месте рассказывается о следствиях поражения: половцы рассеялись по Русской земле; позор заменил славу, насилие напало на волю; «уже връже садивь на землю». Из этих слов можно сделать вывод, что Див живет на вершинах деревьев; его крик предвещает беду; когда это злое существо бросилось на землю, оно рассеяло по ней горе.

На демонический характер Дива (Дивы)⁶⁷ указывает упоминание в «Слове Христолюбца», при перечислении различных, главным образом, славянских божеств. Замечательно, что здесь Дива представлена единичной богиней (между тем как берегини, вилы, рожаницы и упири являются во множественном числе), так и в Слове о полку Игореве говорится об одном Диве. Из других источников мы, наоборот, знаем о целых сборищах этих духов: таковы персидские злые духи дивы, или дэвы, и южнославянские дивы, существа обоего пола.

Наиболее ясное представление о славянских дивах дают болгарские предания. Так, болгарская загадка объясняла вихрь гонкою и борьбою дивов: «див дива гони, див дива с жби гризе, див диву гозба (кушанья) готви, див с дивом гозба еде».⁶⁸ Относительно подобных духов женского пола див или самодив должно заметить, что их атмосферическая природа не так ясно

⁶⁶ История об Азовском осадном сидении донских казаков // Русская хрестоматия / Сост. Ф. И. Буслаев. 6-е изд. М., 1894. С. 285.

⁶⁷ Это слово (непонятно в мужском или женском роде) попадает еще в заглавии книжки, изданной после Полтавской битвы, где говорится о «преславной виктории над химероподобными дивами гордынею рекше неправдою и хищением свейским» (*Пытин А. Н.* Книжная деятельность времен Петра Великого // Вестник Европы. 1898. Т. 4. С. 257; *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 281). Добрыня освобождает от Змея Горыныча Марию Дивовну, т. е. дочь Дива (О народной поэзии в древнерусской литературе: Речь, <произнесенная> Ф. Буслаевым 12 янв. 1859 г.: [М., 1859]. С. 5).

⁶⁸ *Миллер В. Ф.* Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 90.

выступает в преданиях, но все-таки она несомненна. Одна болгарская песня рассказывает о борьбе с самодивой пастуха, который играл на свирели в самодивской дубраве; после трёх дней борьбы, когда стал уже одолевать пастух, самодива крикнула:

Стихии сестри вихрушки!
Днес ще ме Стоян надвине (одолеет)

Спустились стихии, закружились вихрушки, подняли Стояна с земли, стали его бросать на деревья, на горы и разорвали его на куски. Отсюда видно, что самодивы считались сестрами вихрушек, духов, очевидно, олицетворявших вихрь. По другой песне, самодивы собираются для плясок и игры на свирели, летают по елям, источникам и полянам. Они не живут семьями, не воспитывают детей. Их жилища находятся в отдаленных лесах. Постоянное девство они поддерживают тем, что купаются в девичьем источнике, который возвращает девство самодиве, вступившей в связь с человеком.⁶⁹ Черты болгарских див, самодив и самовил перешли на сербских вил, духов восточного происхождения,⁷⁰ в которых также проглядывает атмосферический характер: их родит и повивает в листву роща, кормит роса, лелеет на ветвях ветер;⁷¹ они собираются для плясок и пения на берег реки, поросшей лесом, стреляют из лука,⁷² сгоняют тучи,⁷³ летают над лесом и под облаками.⁷⁴

В заключение, должно сказать, что все атмосферические явления представляются в Слове пагубными и зловещими; поэтому духи, олицетворявшие эти явления (ветер, дождь гроза, вихрь), являются в грозных воинственных и быстролетных образах.

Земные духи

Гораздо более добрыми и сочувствующими людям представляются духи, населяющие землю. Таковы, например, существа, олицетворяющие реки; олицетворение здесь наиболее полное. Мало того, что с реками разговаривают, их называют по именам.

⁶⁹ Български народни песни / Auguste Dozon. Paris, 1875. С. 4—7 (№ 2 и 4).

⁷⁰ См.: *Грен А.* Грузинская повесть об Амиране, сыне Дареджана, и остатки сказаний о нем в картвельской народной литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Ч. 298. [№ 3] С. 38.

⁷¹ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 1. С. 65.

⁷² Там же. С. 181.

⁷³ Там же. С. 432.

⁷⁴ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 2. С. 217.

Ярославна величает Днепр господином и Славутичем; в последнем названии нужно видеть не отчество, а просто приложение с окончанием имени прилагательного, как в русичах — русских (русичи=руси)⁷⁵ ср. змей Горыныч = Горыня). Подобная тавтология заключается и в обращении к ветру: «О ветре-ветрило». Славута является названием Днепра в малороссийской думач.⁷⁶ Ярославна просит Днепр принести к ней её мужа подобно тому, как за год до того он «лелѣяль еси на себѣ Святослави носады (суда) до плѣку (войска) Кобякова».

Донец и Игорь говорят друг другу комплименты, причем Игорь повторяет слова Донца: «не мало тивеличїя». Обращение Игоря к реке взято из общего эпического места народной поэзии: «О Донче! не мало тивеличїя, лелѣявшу Князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами (туманами) сѣнию зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми (черными утками) на ветрѣхъ». Ближайшую параллель представляет болгарская песня. Лес говорит разбойнику:

Тебе бе (была) майка Стара Планина,
А либе (жена) ти гора (роща) зелена,
С кичести шуми пременена (одета ветвистой листвою),
С сладек ветрец разхладена; (прохлаждаемая)
Тебе трева постилаше,
С горски листа покриваше,
Бистри теводи поях,
Горски-типилци (лесные птенцы) пеяху.⁷⁷

Тот же мотив не раз встречается в русских песнях:

1) при описании ночлега в лесу

Что постеля у молодца — мать сыра земля
Возгололье молодца был горюч камень,
Одеяло молодца — роса мокрая,
Роса мокрая, роса холодная;
Подымалися ветры буйные...⁷⁸

⁷⁵ О крещении Руси // Русский временник. [М.,] 1790. С. 8.

⁷⁶ *Тихонравов Н. С.* Слово о полку Игореве. С. 41; *Костомаров Н. И.* Историческое значение Южнорусского народного песенного творчества // «Беседа». М., 1872, № 5. С. 115.

⁷⁷ Български народни песни / Auguste Dozon. С. 38—39 (№ 24).

⁷⁸ Из рукописи Киреевского, Орловская губ., Малоархангельский у.; вариант: *Мевес И.* Три года в Сибири и Амурской стране // Отечественные записки. 1863. Т. 148, [№ 5—6], Отд. I. С. 259; ср. также: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. 9. С. 144.

Солдаты, покидая родной дом, описывают свою будущую жизнь:

Нам постелюшка — мать сыра земля,
Изголовьице — зло кореньце,
Одеялышко — ветры буйные,
Покрывалышко — снега белые,
Обмываныце — частый дождичек,
Утираныце — шолкова трава.⁷⁹

2) Умиравший на чужбине молодец сравнивает смерть с ночлегом:

Мне постелюшка, доброму молодцу, ковыль-травка послана,
Изголовьице мне, разудалому, бел горяч камень лежит,
Одеялице мне, добро молодцу, — темна ночка надо мной.⁸⁰

Тот же мотив поставлен и на неподходящее место в хорондой песне:

Ты постелюшка — мать сыра земля,
Возголовьице — бел горячками,
Одеялице — роса теплая.⁸¹

3) Смерть в степи молодца сравнивается с женитьбой:

А постеля моя — зелена трава,
Одеяло мое — роса утренняя,
Молодая жена — сабля острая.⁸²

⁷⁹ *Максимов С. В.* Год на Севере. СПб., 1871. С. 196; вар.: *Максимов С. В.* Куль хлеба и его похождения. СПб., 1881. С. 263; Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865. С. 97; Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1870. Вып. 8. С. 120; *Мошков В. А.* Старобрядцы Варшавской губернии и их песни // Варшавские губернские ведомости. 1897. 22 апр. № 29. С. 6.

⁸⁰ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. Т. 1. С. 492. Ср.: Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Сост. и изд. Н. А. Львов. СПб., 1790. С. 5 (№ 3):

Что постелюшка под молодцем — камыш-трава,
Изголовьице под добрым — част ракивов куст,
Одеяличко на молодце — темная ночь.

⁸¹ Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний: собраны и изданы А. Смирновым. М., 1847. С. 158; Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. Т. 1. С. 294.

⁸² Вяземский уезд Смоленской губернии; вариант: «Уж он взял — правел саблю острую» — Коломенский уезд Московской губернии [из Собрания автора].

Конь рассказывает о смерти своего хозяина:

Он берет-то, берет молодую жену,
Молодую жену —
Мать сыру землю,
А в приданое берет
Зелены луга,
А в зголовьице кладет
Бел горюч камень,
Покрывается
Темной ноченькой.⁸³

4) Жена отвечает на просьбу мужа пустить его домой ночевать:

В постелюшку тебе
Лебединую —
Мать, сыра земля,
Зелена трава;
Одеялышко тебе —
Часты звездочки:
Во сголовицо тебе —
Подворотенка;
Волки серые —
Караульщички...⁸⁴

Ты ночуй, ночуй невежа за воротами!
Вот те мягкая постель — белая пороха (белы снеги),
Высоко тебе зголове — подворотня,
Шитый-браный положок — буйный ветерочек.
Крепки, строги караулы — серы волки⁸⁵

В сербских песнях этот мотив также применяется к описанию брачной ночи:

Душек (постель) им је црна земља и росна (росистая) трава,
Јорган (покрывало) им је ведро небо и сјајне звезде,

⁸³ Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862. С. 189.

⁸⁴ *Васнецов А. М.* Песни Северо-Восточной России. С. 146.

⁸⁵ Народные русские песни из собрания П. Якушкина. С. 169; *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. Т. 1. С. 229; вторая рукопись Киреевского; Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Сост. и изд. Н. А. Львов. С. 139 (№ 37).

А узглавље бјеле руке једног другоме⁸⁶
Росна му (парню) трава — постельа,
Ведро му небо — покривач,
А моја рука — узглаље⁸⁷

Наконец, тот же мотив был известен в еврейской поэзии; он встречается в Песни песней (1, 15—16): «ложе у нас — зелень, кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы».

Как Донец покровительствует Игорю, так Дон, говорит автор Слова, «ти Княже кличеть, и зоветь Князи на побѣду», т. е. Дон охраняет интересы русских. Перед второй битвой с половцами реки потекли мутно, предвещая грозную сечу. Только одна река Стугна, приток Днепра, оказывается враждебной князю Ростиславу, которому она не дала проплыть в Днепр. После поражения Игоря, Сула перестала течь серебряными струями, а Двина потекла, как болото.

Мы видим, что реки в Слове обладают известною личностью, говорят с людьми, покровительствуют им или относятся к ним враждебно. То же самое замечается и в народной поэзии. Обращение к реке часто встречается в песнях. Пленница, путь которой загородила река, говорит ей:

Ой ты сгой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть-ли по тебе броды мелкие?
Еще есть-ли по тебе калины мосты?
Еще есть-ли по тебе рыболовички,
Еще есть-ли по тебе перевозички?⁸⁸

В указанном выше причитании вместе с обращением к солнцу и ветрам солдатка обращается к реке:

Ты река-ли моя реченька...
Ты скажи-тко челобитьице
Ты моей-ли ладе милой.⁸⁹

Спрошу я у речки, спрошу у быстрой:
«Не бывал ли здесь мой милой?»⁹⁰

⁸⁶ Караджич В. С. Народне српске пјесме. Т. 1. С. 450.

⁸⁷ Там же. С. 415.

⁸⁸ Васнецов А. М. Песни Северо-Восточной России. С. 183; ср.: Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. С. 162; Там же. С. 92—93; вар.: Васнецов А. М. Песни Северо-Восточной России. С. 162.

⁸⁹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 2. С. LV.

⁹⁰ Из рукописи П. В. Киреевского; ср.: Народные русские песни из собрания П. Якушкина. С. 215.

Девушка, желая утешиться,

Поклони се зелено (светлому) језеру,
Пак језеру стаде бесједити:
Божја помоћ, зелено језеро!
Божја помоћ моја кућо вјична!
У тебе ћу вијек вјековати,
Уаћу се за тебе, језеро»⁹¹

Ох ты реченька глыбока!
Мы нашли тебе з востока,
Здравствуй, реченька Донец!
(Харьковская губерния)
Богдай тебе, речиска,
Богдай тебе, быстрая,
Песком, реской занесло!
(там же) [8]

Реже встречается обоюдный разговор человека и реки:

1) Сухман ведет разговор с Непрой рекой [26].

2) Садко с Волгой [27].

3) В безыменной эпической песне добрый молодец спрашивает реку:

«Ох ты речушка, речушка,
Мать — быстра река Смородина!
Широким ты не широкая,
Глубоким ты не глубокая!
Если на тебе, на речушке,
Переходы то частые,
Переброды-то мелкие?»...
«А и ты мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне быстра река,
Ты про броды конинные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой-красной девицей:
«Я скажу те быстра река...
Я про броды конинные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые».

⁹¹ *Карadžич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 2. С. 215.

Далее Смородина говорит, что берет за перевоз:

По добру коню наступчату,
По седлечку черкасскому,
По удалу добру молодцу.

Пропустивши добра молодца задаром, она кричит ему:

Воротись ты за меня, за речушку:
Позабыл ты за мной, за речушкой,
Два ножа, два булатных.⁹²

Что ты, реченька, ты шумишь, гремишь?
Что ты, быстрая, молвишь, взговоришь?
Слово молвила, быль бывалую:
Трёх врагов несу с кровью алою,
С кровью алою царю белому.⁹³

Народная поэзия наделяет реки человеческой речью, конечно, потому, что журчание воды действительно напоминает говор.⁹⁴

Мутность реки в народных песнях выставляется предвестницей беды, смерти.⁹⁵ Образное выражение, что река Стугна пожрала чужие ручьи, находит себе полное соответствие в былинах:

Она много, матка Волга, в себе рек побрала,
Побольше того она ручьев пожрала.⁹⁶

Выражение Слова, что Стугна затворила Днепр князю Ростиславу, напоминает слова сербской песни:

Мърава је плаовита (стремительна):
Синоћ момка занијела (увлекла),
А јутроје га на брег баца.⁹⁷

Как реки, так и растения сочувствуют людскому горю и способствуют человеку. Донец как владыка своих берегов, стелет

⁹² Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1870. Вып. 8. С. 8; Там же. С. 3—15.

⁹³ *Потанин Г. Н.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. С. 112.

⁹⁴ «Говор светлого ручья» — Алексей Васильевич Кольцов и его стихотворения. М., 1896. С. 123.

⁹⁵ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1. С. 90.

⁹⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. № 228.

⁹⁷ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 1. С. 431.

Игорю зеленую траву, одевает его теплым туманами под тенью зеленого дерева. Травы, цветы, деревья везде выражают сочувствие людям в несчастиях: от плача матери Ростислава «уныша цвѣты жалобоу, и древо стугою къ земли прѣклонило». То же случилось после поражения русских: «Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось». Листопад — недоброе предзнаменование:⁹⁸ перед тем, как половцы завладели русскими городами, «древу не бологомъ(не к добру) листвие срони».

Такое же сочувствие растительного царства находит себе людское горе и в народных песнях:

С куста розовы цветочки выпадали;
У мово дружка милово слѣзоньки роняли
(*Каргопольский уезд, Олонецкой губернии*)

Что за травка в полях за муравая!...
По чистому полю расстилается...
Не по мне ли милый сокрушается
(*там же*) [8].

Ср.:
Ко сырой земле травка приклоняется.
Надо мной ли, красной девицей,
Молодой мальчишка надсмехается.⁹⁹

На Руси-то трава растет не по-старому,
Цветы цветут не по-прежнему:
А видно, Вольги то живаго нет.¹⁰⁰

Травую йду — травица схиляется;
Прийшла до роду — родина одрикається.¹⁰¹

Молодец девушке объясняет сон:

Што је трава по авлји (улице) никла,
То су јади и твоји и моји.¹⁰²

⁹⁸ Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потебни. Воронеж, 1878. С. 114.

⁹⁹ *Васнецов А. М.* Песни Северо-Восточной России. С. 54.

¹⁰⁰ *Тихонравов Н. С.* Слово о полку Игореве. С. 59; см.: Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потебни. С. 65.

¹⁰¹ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. СПб., 1877. Т. 3. С. 124 (№ 15).

¹⁰² *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 1. С. 463.

Царство пернатых также сочувственно относится к человеку, как и растительное царство. Донец, властелин птиц, живущих по его берегам, оберегает Игоря гоголем, чайками, хохлатыми утками. «Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть», кому: Игорю или половецким ханам — сказать трудно. Из птиц соловей выступает в Слове со своей характерной чертой — предвестником света: «солови веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ». По мало-русской песне:

Без мылаго соловейка и свит не свитаете, ...
Як вылететь соловейко, то й свита ранише.¹⁰³

Характеристика других животных стоит в непосредственной связи с верой в оборотничество, которой, очевидно, глубоко был проникнут автор Слова. Вера в оборотничество, подобное переселению душ, была весьма распространена в Древней Руси и поддерживалась апокрифическими сказаниями и другими «ложными» книгами, на которые было обращено внимание просвещенных людей в XVII в. «Кириллова книга» [26], напечатанная в 1644 г., говорит, что в этих книгах: «суть вся дванадцать опрометных лиц звериных и птичьих, се же есть первое, тело свое хранит мёртво,¹⁰⁴ и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлем; рыщут лютым зверем, и вопрем диким, волком; летают змием, рыщут рысию и медведем».¹⁰⁵ Для выражения самого действия оборотня употребляются различные термины:

1) в литературных памятниках: обращаться,¹⁰⁶ изметоватися, переметатися (отсюда опрометные лица), перекинутися;¹⁰⁷

2) в великорусской народной поэзии: скинуться, сброситься, обернуться, обратиться; в сербской — створити се (превращаться), проврћи се (переброситься, переселиться).

Итак, оборотень сбрасывает с себя человеческое тело и надевает тело животного. В Слове оборотнями являются вещей Всеслав, Игорь, Овир, Овир, вещей Боян, Гзак. «Всеслав ... скочи (поскакал) отъ нихъ (коней?) лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града... скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ»... Всеслав князь «въ ночь влькомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Курь Тмуроканя; великому хръсови влькомъ путь прерыскаше». «Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гого-

¹⁰³ Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. С. 68.

¹⁰⁴ См. ниже: «Ажны ее цело обмерцвело».

¹⁰⁵ Калайдович К. Ф. Иоанн, экзарх Болгарский. М., 1824. С. 211.

¹⁰⁶ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. С. 161.

¹⁰⁷ Сказка об Уруслане Залазаревиче // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. С. 113—114.

лемь на воду»; переплывши реку, он бросился на коня, но, надорвавши его быстрою ездою «скочи съ него босымъ (темным) вльком ... и полетѣ соколомъ». «Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влькомъ потече». «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влькомъ».

Время, удобное для оборотней, ночь: Всеслав скакал в полночь и до петухов уже бывал на месте; Овлур кликнул Игоря «в полунощи»; Гзак бежит волком также ночью, когда дремала в поле русская рать. И в сказании о Китоврасе действие оборотня — ночью: «В граде Лукорье властвует царь Китоврас;... во дни царствует над людьми, а в нощи же обращается зверем Китоврасом, и царствует над зверьми».¹⁰⁸

Ночь — время всякой нечисти; когда человек спит, нетрудно вообразить себе, что он «тело свое хранит мёртво» и, что душа его, как вещая душа Всеслава, бросает человеческое тело и вселяется в животное. Поэтому и Волх Всеславъевич обертывается волком и соколом ночью:

Дружина спит — так Волх не спит:
Он обернется серым волком...
Дружина спит — так Волх не спит:
Он обернется ясным соколом.¹⁰⁹

Только Ярославна собирается кукушкою лететь к мужу, не выбирая для этого полночи: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви (=реке); омочю бегрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ (жестком, истерзанном от ран) его тѣлѣ».

Автор Слова повторяет здесь обычный мотив славянской народной поэзии: горюющая женщина летит птицей (кукушкой, ласточкой) и кукованьем или щебетаньем выражает свое горе; чаще всего она плачет над убитым:

1) Великорусская песня:

Прилетели-то к телу три ласточки:
Уж как первая-то ласточка — его родна матушка,
Что другая-то ласточка — его родна сестрица,
А что третья-то ласточка — молода жена
(*Московская губерния*).¹¹⁰

¹⁰⁸ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. С. 718.

¹⁰⁹ Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. 3-е изд. М., 1869. Ч. 2: Синтаксис. С. 131.

¹¹⁰ Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Сост. и изд. Н. А. Львов. С. 5 (№ 3); вар.: *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4.

2) Белорусская песня:

Закуковала шера зязюля у борочку,
А зачула родна мамонька у домочку;
Ажны её цело обмерцвело;...
Прилецела мерой пташечкой к ему (трупку сына)
А созвала перепелочек к ему,
Стала плакац у головеньках его.
Сестрица плачез у белых ноженьках его,
Жена милая — против сердечка его.¹¹¹

3) Сербская песня:

Умре Јово — жалосна му мајка!
Закукаше до три кукавице:
Мајка, сеја, љуба.¹¹²

Женщина, потерявшая своих дочерей, сыновей и мужа,

Туји јако кукавица,
А превија (вергитиса, снует), како ластавица.¹¹³

4) Болгарская песня: больной брат просил сестру пойти на Дунай и принести воды; но она заблудилась и от горя стала просить Бога сделать её кукушкой:

С. 48; Народные русские песни из собрания П. Якушкина. С. 126; Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний: собраны и изданы А. Смирновым. С. 25; *Васнецов А. М.* Песни Северо-Восточной России. С. 65; Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. Т. 1. С. 445; *Потанин Г. Н.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. С. 88; *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. Т. 1. С. 340; *Мошков В. А.* Старообрядцы Варшавской губернии и их песни. С. 6; малороссийский вариант: Народные южнорусские песни / Изд. Амвросия Метлинского. Киев, 1854. С. 307; Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. СПб., 1874. Т. 5. С. 837; Народные песни Галицкой и Угорской Руси. Собранные Я. Ф. Головацким и изд. О. М. Бодянским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1863. Т. 4. С. 192; др. вар. см.: Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. [Сост. и авт. вступ. ст. Петр Гильдебрандт]. С. 6.

¹¹¹ *Горбачевский И.* Древность белорусских песен и их напевов // Витебские губернные ведомости. 1896. 26 октября, № 85. С. 1.

¹¹² *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 1. С. 430; ср.: Там же. С. 558.

¹¹³ Там же. С. 212.

Чтоб я летала по букам
Чтоб я искала моего брата...
Что кукует и поныне.¹¹⁴

В великорусской песне сестры, ищущие умершего брата, обращаются и другими существами:

На десятый год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море щукою,
Как середняя сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в небо звездою.

Старшие не могли найти брата;

Как меньшая сестра братца видела:
Что лежит убит добрый молодец...
Похоронили они, слезно плакали...
Полетели
На свою сторонущу.¹¹⁵

Женщина в народных песнях оборачивается тучею, бурею, ягничцом, перерелицем, ружичицем, рибом, филианом (чашкой), чашом, соколом, журавлем, волком, туром, щукой, голубем, горностаем, муравьем, вороном, собакой, ковылем, вуком, орлом, ярцом, преѣом.¹¹⁶

Если в намерении Ярославны обернуться кукушкой видно заимствование из народной поэзии, то еще более несомненно оно в оборотничестве Бояна. «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣсьнь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». Очевидно, автор Слова для этого образа воспользовался готовым общим местом из былин, например:

Похотелося Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать во чистых полях.¹¹⁷

Если мы заметим, что в народных песнях нередко ясный сокол одного варианта соответствует сизому орлу другого (например,

¹¹⁴ Миллер В. Ф. Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 113—115.

¹¹⁵ Из рукописи Киреевского, с некоторыми правками у Якушкина: Народные русские песни из собрания П. Якушкина. С. 110.

¹¹⁶ Караджич В. С. Народне српске пјесме. Т. 1. С. 434—436.

¹¹⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. 17.

в известной песне «Как по морю, морю синему» в малороссийском варианте является «сызопирий орэл»; в варианте Рязанской губернии «сызопирий орел»;¹¹⁸ у Соболевского — сокол;¹¹⁹ в малороссийском варианте — орел)¹²⁰ то увидим поразительное сходство: слова «серым... облакы» — взяты прямо из былин; но фраза: «Боян растѣкашется мыслію по древу», вероятно, принадлежит самому автору. Я не решаюсь принять поправку проф. Миллера и Барсова: мышию или мысию ввиду того, что:

1) оборотничество мышью мы не знаем;

2) слово «мысль» повторяется далее: «по мыслену древу» и вообще часто употребляется автором: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити»; «не мыслію ти прелетѣти издалеча»; «Игорь мыслію поля мѣритъ».

Если автор Слова приглашает князя Всеволода прилететь со скоростью мысли, то нет ничего неестественного, что он заставляет мысли Бояна разбегаться по лесу. Мне кажется, он некстати вставил сюда эпическую формулу для оборотничества, потому что Боян в нём, конечно, не нуждается. Далее автор повторяет её уже в осмысленном виде: «О Бояне,... абы ты сіа плѣкы уще-коталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы».

Если вера в оборотничество составляет принадлежность народа, стоящего на очень низкой ступени развития, то вера во сны встречается у довольно развитого населения. В XII в. эта вера обычно была личиною божества. Святослав придает своему сну большое значение: он рассказывает сон боярам; и те объясняют его. «Мутный» сон Святослава весь состоит из зловещих предзнаменований: его одевали черным, т. е. траурным покрывалом, давали ему вино, смешанное с потом, сыпали на грудь жемчуг из пустых половецких колчанов; известно, что жемчуг означает слезы; пустые колчаны, очевидно, указывали на стрелы, поубивавшие русское войско. Видел Святослав, что доски его терема остались без князька. Это напоминает сон Ифигении; ей приснилось, что обрушилась крыша дворца где она жила; она объясняет это тем, что умер её брат, так как, говорит она, сыновья — основания домов.¹²¹ Наконец, Святослав слышал, как всю ночь каркали чер-

¹¹⁸ *Костомаров Н. И.* Историческое значение Южно-русского народного песенного творчества // *Беседа*. М., 1872. № 10. С. 44.

¹¹⁹ *Великорусские народные песни* / Изд. А. И. Соболевским. Т. 1. С. 578—582 (№ 491—495).

¹²⁰ *Костомаров Н. И.* Историческое значение Южно-русского народного песенного творчества. № 11. С. 23.

¹²¹ Еврипид. Ифигения в Тавриде, первый монолог. Ср.:

Нехорош-то мне сон во сне виделся:

ные вороны; карканье воронов предвещает несчастье: в русской былине княгиня Марья Юрьевна видит во сне, что

Из далеча, далеча из чиста поля
Прилетело стадо черных воронов...

Это заставляет княгиню предполагать, что

Из чужой земли их басурманския
Наедут многи поганы татарове...
Увезут меня, княгиню, Марью Юрьевну.¹²²

Бояре отвечают Святославу, что сон его предвещает ему горе: слетели два сокола с престола своего отца, чтобы завладеть Тмутараканем, но поганые обрезали им крылья и оковали их в железные путы; два солнца померкли и с ними два месяца; по русской земле простерлись половцы. Сон Святослава, если его рассматривать в связи с объяснением бояр, представляет близкое сходство со следующим местом из сербской песни. Капитан Иван рассказывает свой сон:

Синоћ (=ночь, в эту ночь) полу легок —
Бошак паде на Максима твоја.

Этот сон называют худым: «Зао санак».¹²³

По мнению проф. Миллера¹²⁴ для изображения сна Святослава автор Слова воспользовался «Девгениевым деянием». Жена Амира видит вещий сон: «... в некое время влетеша в полату мою златокрылатый сокол и ят мя и изнесе из полаты мояя, и потом прилетеша три враны и напустиша(сь) на сокола, и сокол мя отпусти». Волхвы толкуют сон, таким образом: «Госпожу нашу ... зять ваш ... Амир ... хочети схитить из полаты и бежаги в срацынскую землю, и с любимую сестрицею вашею; а три врана, то суть три срацыненина, — стоят за градом в сокровенном месте, прислани суть ко Амиру — царю от матери с грамотами».

Другой сон видит Амир перед прибытием братьев за похищенною им сестрою и рассказывает его кметям (воинам): три ястреба били его крылами и едва не убили; эти три ястреба — три брата похищенной девушки. Параллели из народной поэзии го-

Будто мой высок терем растворен стоит,
Все окоleckи все повыты (предвещало разлуку)

(Народные русские песни из собрания П. Якушкина. С. 117).

¹²² Народный быт великого севера / Сост. А. Е. Бурцев. СПб., [1898]. Т. 3. С. 472.

¹²³ *Караджич В. С.* Народне српске пјесме. Т. 2. С. 540, 541.

¹²⁴ *Миллер В. Ф.* Взгляд на Слово о полку Игореве. С. 39—40, 52.

раздо ближе подходят ко сну Святослава, чем болгарская повесть, поэтому здесь нельзя видеть литературного заимствования.

Вера в оборотни и в сновидения основывается на том убеждении, что душа человека во время его сна отлучается от тела и в одном случае вселяется в животное, а в другом — носится по миру и получает известия, предзнаменования и внушения от духовных сил. Таким образом, в этом мировоззрении нет взаимодействия физических и психических элементов, а полная их раздельность. В Слове есть намеки на эту раздельность и помимо указанных мест, где выражается вера в оборотней и сны:

1) во время битвы на Немиге сражавшиеся, по выражению автора Слова, «на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла». Здесь такое представление, что убивающий человек отделяет душу от тела убитого;

2) то же мы видим и в следующих словах: «единъ же (убитый Изяслав) изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе», то есть через гривну, обруч, который носили на шее;

3) у князя Всеслава, умевшего оборачиваться волком, была «вѣща душа въ друзѣ (дерзком, отважном) тѣлѣ».

Таким образом, душа только заключена в теле и потому при всяком удобном случае может уходить из него; по смерти она вылезает оттуда через горло.

Мне остается еще упомянуть об Обиде, олицетворённой в Слове девою с лебедиными крыльями. Слово обида значило позор, несчастье; автор Слова приглашает князей ополчиться ради обиды его времени, ради Игоревых ран. Веселовский приравнивает обиду к диву, к судьбе и горю-несчастью [30]. Из выше разобранныго значения дива ясно, что он не был олицетворением какой бы то ни было отвлеченной идеи, что касается судьбы и горькой доли или горя, то эти олицетворения идей значительно отличаются от образа девы-обиды: безобразное горе наго, подпоясано лыком, ноги его опутаны мочалами; оно отличается саркастическим характером, постоянно смеется и каркает над неудачником, к которому оно привязывается только с известного возраста; доля или судьба, наоборот, при самом рождении определяют жизнь человека: Олеговы сыновья порождены для обиды, говорит автор Слова, связывая таким образом судьбу с моментом рождения. В сербской песне, вилы говорят молодцу:

Твоја се среѣа родила
Сунчаном жбраком (лучом) повила
Мјесецем сјајним ојила (кормила),
Звјздама сјајним росила (орошала, т. е. поила).¹²⁵

¹²⁵ *Карadžић В. С.* Народне српске пјесме. Т. I. С. 191. Лирический элемент этой песни находит себе аналогию в великорусских песнях.

Эта среѣа, т. е. часть, и в великорусских песнях является доброю спутницею, которая следует за человеком с его рождения и покидает его на время сна:

Ты куда, участь, девалась от меня:
В темном лесе заблудилася
Али в чужих людех пріяталася<неразборчиво>?
(*Каргопольский уезд Олонецкой губернии*) [8].

Судьба, доля или участь также значительно отличаются от девы-обиды, так как они означают равно как идею зла, так и идею добра, между тем как последняя является олицетворением позора и несчастья. В похоронном причитании:

Судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосом водила.¹²⁶

Судинушку этого причитания Веселовский (а также Потенбня)¹²⁷ отождествляют с судьбою, но мне кажется, естественно видеть в ней Суд или Божий Суд, т. е. Смерть, которой и следует именно «добираться» «до суженых голов». Поэтому всего скорее можно видеть в деве-обиде вместе с Барсовым¹²⁸ олицетворение женского образа раздора и позорного несчастья, подобно тому как в греческих мифах выступает богиня вражды и распри Ерис.

Отношение автора к христианству

В своем изложении я старался показать, насколько Слово проникнуто духом народной поэзии; некоторые места его, по видимому, непосредственно взяты из ходивших в то время песен; автор даже приводит образцы народных песен, приписывая их сложение (правильно или неправильно) некоему Бояну. В подтверждении своего взгляда я могу привести еще два места из Слова. Быстрый бег князя Всеслава определяется следующим образом: «Тому въ Полотскѣ звонѣша заутреннюю рано у Святѣя Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша». В былине Иван Гостиный сын похваляется: «скакал из Киева до Чернигова два девяноста мерных верст промежду

¹²⁶ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1. С. 375; см.: Слово о полку Игореве / Текст и примеч. А. Потенби. С. 70.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. С. 371—376.

обедни и заутрени». Илья Муромец «стоял-то заутреню в Муроме, попевал к обедне в стольной Киев-град».¹²⁹ Могущественный Ярослав Осмомысл, мечет «временны чрезь облаки», говорит автор Слова, пользуясь образом богатыря, который легко кидает «тяжелыя палицы выше лесу стоячаго, выше облака ходячаго».¹³⁰ Герои сербских былин также бросают дубины «под (или: у) облаке».¹³¹

Итак, автор Слова весьма сочувственно относился к народной поэзии и народным верованиям, преобладавшим в XII в. Мы знаем, что это время было временем двоеверия, эпохой, когда распространявшееся христианство только расшатывало старое миросозерцание, но далеко еще не возобладало над ним в народных массах. Если автор Слова брал из народных преданий много поэтических образов, иногда отражающих в себе старые верования, то необходимо допустить, что из тех же устных источников он заимствовал и имена божеств.¹³² Совершенно неестественно было бы ему почерпать из памятников письменности сведения о богах, совершенно чуждых ему. Но есть и другое соображение, подтверждающее такое мнение: если бы он взял имя Велеса из летописи, то он написал бы его в форме Волос; а если бы имена богов были заимствованы из какого-нибудь болгарского источника, то наряду с русскими богами, несомненно, оказались бы и божества других национальностей, нередко встречающиеся в памятниках болгарского происхождения, например, вилы, берегыни, упыри, Дий, Артемида.

Как автор относился к языческим богам, верил в их существование безусловно или только повторял чужие слова, трудно сказать; очень может быть, что новая вера соединялась у него со старой, не вытесняя её. Христианство несколько проглядывает в Слове, но это не определенное миросозерцание, а лишь отрывочные факты, указывающие на то, что автор Слова был крещен и бывал в церквях. В Слове только один раз упоминается о Боге: Бог указывает путь князю Игорю направлением, в каком идет дождевое облако. Наоборот, в летописном рассказе о походе Игоря [32] Бог упоминается 18 раз, Господь 13 раз и Владыка 3 раза.

¹²⁹ Там же. С. 412.

¹³⁰ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 51.

¹³¹ Караджич В. С. Народне српске pjesme. Т. 2. С. 406, 411; Т. 3. С. 26, 196, 305, 308, 351.

¹³² В исследовании Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» (М., 1848) доказано, что «славянский язык... задолго до свв. Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей». Не следует ли из этого, что и мифические представления во многих своих чертах восприняли христианское предание и даже имена.

Автор Слова называет смерть судом или судом Божиим, называет русских хретьянами, а половцев детьми бесовыми, упоминает о храмах в Киеве, в Полоцке и о звоне к заутрене; наконец, заканчивает свое произведение традиционным «аминь». Но все это не дает нам права говорить о том, что он был проникнут христианским учением.

Кончено 22 янв. 1899 г. (писано с большими перерывами).

ПРИМЕЧАНИЯ ПУБЛИКАТОРА

^[1] «Хождение Богородицы по мукам» — апокриф, представляющий перевод (и переделку) греческого «Откровения пресвятой Богородицы». Древнейший список «Хождения», относящийся к XII в., был издан И. И. Срезневским (*Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.): Общее повременное обозрение.* СПб., 1863. С. 204—217). Современное издание: *Хождение Богородицы по мукам / Подгот. текста, перевод и коммент. М. В. Рождественской // Памятники литературы Древней Руси: XII век.* М., 1980. С. 166—183, 651—652.

^[2] «Беседа трёх святителей» — памятник древнерусской письменности, состоящий из вопросов и ответов, изложенных от имени трёх святых православной церкви. Древнейшие списки относятся к XV в. С XIV в. или ранее «Беседа» начинает включаться в Списки (Индексы) отреченных книг. А. В. Маркову было известно издание: *Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы.* М., 1863. Т. 2. С. 433—438. Современное издание: *Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко.* СПб., 1999. Т. 3. С. 350—359.

^[3] «Слово Христороубца» — памятник древнерусской литературы, направленный против языческих верований и обрядов. А. В. Маркову было известно издание: *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым.* М., 1862. Т. 4, отд. III. С. 89—92. «Слово и откровения святых апостол» — памятник древнеболгарской литературы конца XV — начала XVI века, представляющий историю славянского язычества. А. В. Маркову было известно издание: *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым.* М., 1861. Т. 3, отд. II. С. 5—6.

^[4] Зендский — древнеиранский язык священных текстов зороастрийского памятника Авесты.

^[5] «Хроника Иоанна Малалы» — древнейшая всемирная хроника, переведенная на славянский язык (вероятно, в X в.). Отрывки из первых книг Хроники вошли в статью за 1114 г. Повести временных лет. А. В. Марков, по-видимому, упоминает Ипатьевскую летопись, изданную в 1843 в ПСРЛ (Т. 2). Хроника неоднократно публиковалась

в полном славянском переводе, например: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. — Репринт. изд.

^[6] Переяславская летопись — Летописец Переяславля Суздальского // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* М., 1851. Кн. 9, отд. II. С. 1—112.

^[7] По-видимому, текст принадлежит личному Собранию А. В. Маркова. В публикациях не найден.

^[8] «Девгениево деяние» — древнерусская повесть, перевод византийской поэмы X в. о Дигенесе Акрите. Современное издание: Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб., 1999. Т. 3. С. 58—91.

^[9] «Житие Феодосия Печерского» — памятник древнерусской литературы, датируемый концом XI — началом XII в. А. В. Маркову было известно издание: *Житие Феодосия, игумена печерского, списание Нестора, по харатеиному списку XII в. московского Успенского собора* / Предисл. О. Бодянского // *Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те.* М., 1858. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—31. Современное издание: *Изборник* / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969. С. 92—145.

^[10] Супрасльская рукопись — сборник житий святых и проповедей разного происхождения на март месяц. — *Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Vindobanae* [Wien], 1851. С. 445.

^[11] Шишатовацкий Апостол 1324 г. — деяния апостолов, памятник сербского происхождения, А. В. Марков, по-видимому, пользовался изданием — *Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeo-slovenice edidit F. Miklosich. Vindobonae* [Wien], 1853.

^[12] Житие Григория епископа Акрагантского, жившего в VI—VII вв., было написано в Риме в конце VII в. Славянский перевод XVI в., на который ссылается Марков, найти не удалось.

^[13] «Исайя LIX. 9 по сп. XV в.» *Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858. Т. 1. С. 141.

^[14] Е. В. Барсов уделил большое внимание сопоставлению древнерусского перевода книги Иосифа Флавия, представляющей описание осады и разрушения Иерусалима в Иудейской войне, летописных сводов и текста Слова. А. В. Марков приводит выделенные Барсовым цитаты.

^[15] Марков, по-видимому, пользовался изданием «Сказания»: *Поведение и сказание о побоище великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго* / Предисл. И. Снегирева // *Русский исторический сборник.* М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 71.

^[16] По-видимому, текст был знаком А. В. Маркову в рукописи. Вариант этой песни был опубликован позднее в издании: *Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия.* М., 1929. Вып. 2, ч. 2. С. 128.

^[17] По-видимому, текст принадлежит личному Собранию А. В. Маркова. В публикациях не найден.

^[18] «Повести о водворении христианства Авраимом Ростовским» — *Из жития св. Авраамия и Леонтия ростовских чудотворцев* // *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. С. 739—745.

[19] *Mater Verborum* — энциклопедический словарь IX в. с вписанными в него чешскими глоссами, представляющими важнейшие сведения о древнечешском языке. Издание, доступное А. В. Маркову: Чешские глоссы в *Mater Verborum* / Разбор А. О. Патеры и доп. замеч. И. И. Срезневского. СПб., 1878.

[20] «Договор Олега 911 г.» — договор между Киевской Русью и Византией, сохранился в составе «Повести временных лет». ПСРЛ. Т. 1. С. 13.

[21] «Моление Даниила Заточника» — памятник древнерусской литературы XIII в. (обращение к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу). Современное издание: Изборник / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. С. 224—235, 728—730.

[22] Уруслан Залазаривич — герой книжной сказки восточного происхождения, известной на Руси с начала XVI в. Современное издание: *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.

[23] «Азовское сидение» — оборона Азова донскими и запорожскими казаками от турецкой армии в 1641—1642. А. В. Марков ссылается на так называемую «Поэтическую повесть об азовском осадном сидении», опубликованную Ф. И. Буслаевым. Современное издание: *Воинские повести Древней Руси.* Л., 1985. С. 198—199.

[24] По-видимому, текст принадлежит личному Собранию А. В. Маркова. В публикациях не найден.

[25] Сухман — герой былины из киевского цикла.

[26] Садко — герой былины из новгородского цикла.

[27] По-видимому, текст принадлежит личному Собранию А. В. Маркова. В публикациях не найден.

[28] «Кириллова книга» — сборник полемических статей, направленных против латинян, лютеран и армян. Впервые отпечатан при царе Михаиле Федоровиче по поводу отказа датского принца Вольдемара, жениха царской дочери, принять православие.

[29] По-видимому, А. В. Марков рассматривает работу: *Веселовский А. Н.* Судьба-Доля в народных представлениях славян (XIII) // *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. С. 173—260.

[30] По-видимому, текст принадлежит личному Собранию А. В. Маркова. В публикациях не найден.

[31] Рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. содержится в Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2) и Лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1) летописях.

* * *

Аннотация: Впервые публикуется студенческая работа А. В. Маркова — крупнейшего филолога, фольклориста, лингвиста. Марков сопоставляет текст «Слова о полку Игореве» с образами народной поэзии. Автор находит многочисленные параллели в отношении астральных, атмосферических, земных и духовных явлений. Помимо тысячи фрагментов фольклорных текстов на десятке языков, рассматриваются литературные памятники, в том числе апокрифические и канонические библейские тексты. Работа сохранилась в виде черновой рукописи в архиве ученого.

Ключевые слова: А. В. Марков, «Слово о полку Игореве», фольклор, литературные памятники

Abstract: This is the first publication of a student work written by the eminent philologist, folklorist, and linguist A. V. Markov. Markov compares «The Tale of Igor's Campaign» with Russian folk poetry. The author finds numerous parallels between the two in relation to astral, atmospheric, terrestrial and spiritual phenomena. In addition to thousands of fragments of folklore texts in a dozen of languages, the article considers classical texts, including apocryphal and canonical parts of the Bible. The work has been preserved in the form of a draft manuscript in the archives of the scientist.

Keywords: A. V. Markov, «The Tale of Igor's Campaign», folklore, literary monuments

СВАДЬБА В С. СЕЛЬЦО БЕЛЬСКОГО УЕЗДА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗАПИСИ Е. Т. ДОБРОВОЛЬСКОЙ

Публикация Е. Л. Мадлевской

Биографическая справка¹

Евдокия Тимофеевна Добровольская (урожденная Вишневецкая), родилась в 1860 (1861) году, в семье сельского учителя Тимофея Семеновича Вишневецкого. Кроме Евдокии, в семье были еще ее старшая сестра Анастасия и двое младших братьев. Дети рано остались без матери, старшей сестре в то время было 9 лет. Отец сначала учительствовал, затем стал священником во владельческом селе Мачулы² Ельнинского уезда, находившемся в 75 км от Смоленска. Потеряв жену, Тимофей Семенович начал

¹ Использованная литература: *Дмитриев В. В.* В. Н. Добровольский: Краткий библиографический очерк. Смоленск, 1930; *Добровольская Е. Т., Пашков Ю. В.* Искатель живой воды. Смоленск, 1987; *Савченков В. Д.* В. Н. Добровольский в Даньково // В. Н. Добровольский в истории русской национальной культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. Н. Добровольского. Смоленск, 2007. С. 52—60; *Савченков В. Д.* Наша пристань. Из истории починковских деревень (очерки, опубликованные в Починковской районной газете «Сельская новь»). Смоленск, 2015.

² В 1716 г. один из представителей шотландского дворянского рода Реедов Яков поступил на службу Российскому государю и был пожалован земельными владениями в Смоленской губернии. Одно из них — Мачульская вотчина, где в 1780-е гг. подполковник Андрей Иванович Реед основал усадьбу Мачулы. В 1870-е годы усадьбу унаследовала в качестве приданого Софья Яковлевна Реед. Ее муж Александр Платонович Энгельгардт, Смоленский городской голова, почетный гражданин г. Смоленска, завершил обустройство усадьбы Мачулы. При усадьбе были конный завод и ферма крупного рогатого скота улучшенной породы.

пить запоем и однажды лишился всего своего имущества: кто из кабацких завсегдатаев подsunул ему под пьяную руку бумагу о продаже дома. Так он с детьми оказался на улице. Детей кормили всем селом, предоставляли ночлег то в одном доме, то в другом. Отец быстро опустился совсем и был лишен сана священника. Двух его малолетних сыновей забрал случайный портной из Рязани, закупавший по деревням кожи, и устроил мальчиков к себе на обучение; а дочери Настя и Дуня были взяты на воспитание мачульской помещицей С. Я. Реад.

В 8 лет Дуню Вишневскую приняли в Смоленское епархиальное женское училище, находившееся в Вознесенском женском монастыре.³ Об учебе девочки и содержании ее в пансионе без оплаты ходатайствовала Мария Авксентьевна Добровольская, помещица из с. Даньково, впоследствии волею судьбы ставшая свекровью Евдокии. В годы обучения на каникулах она обычно гостила у своей старшей сестры Насти, которая продолжала жить в имении помещиков Реадов в селе Мачулы, где трудилась помощником мастера по молочному хозяйству. По окончании училища Евдокия Вишневская работала в Хохловской церковно-приходской школе (село Хохлово Смоленского уезда, в 16 км от г. Смоленска).

В 1878 году однажды в помещении вокзала станции Починок с Евдокией Тимофеевной заговорил студент, возвращавшийся из дома в Москву после летних каникул. Этим студентом оказался Владимир Николаевич Добровольский (30.07.1865 — 08.05.1920), перешедший на четвертый курс филологического факультета Московского университета. Между молодыми людьми завязалась дружба, и через некоторое время они поженились.

Первое время молодые жили в с. Красносвятское, где родилась В. Н. Добровольский. Евдокия подружилась с матерью мужа Марией Авксентьевной, которую знала с детства и считала своей покровительницей и наставницей. Из Хохловской школы ей пришлось уволиться, так как теперь у нее было много домашней работы. По совету Марии Авксентьевны Евдокия пригласила на постоянное жительство в Красносвятское свою сестру Анастасию, которая с того времени больше никогда не покидала Добровольских.

Позже Добровольские переселились в имение, село Даньково Прудковской волости Смоленского уезда — на родину матери Владимира Николаевича. Близкие и дальние родственники находили в этой семье приют. Сюда перебрались сестра Евдокии Тимофеевны Анастасия, жена их умершего брата с детьми, а позже — и второй брат, а также родные по линии мужа. Евдокии Тимофеевне удалось уговорить Владимира Николаевича принять

³ Выпускницы училища получали звание домашних учительниц.

и ее отца, который, не имея собственного жилья, ходил по деревням, как бродяга, перебиваясь подачками. В конце сада для него срубили избушку. Получив свой угол, Вишневецкий преобразился: ходил в чистой одежде, был аккуратно подстрижен. Дочери ухаживали за отцом. Тимофей Семенович прожил в усадьбе два года, до самой смерти.

Евдокия Тимофеевна, энергичная, с практическим складом ума, была, по сути, главой дома. Ей приходилось не только вести домашние дела, но и заниматься землей. Не имея никаких познаний в агрономии, она до всего доходила сама и училась у местных земледельцев. Евдокия Тимофеевна была вынуждена экономно тратить деньги, поскольку Даньковское имение давало очень скромные доходы, а В. Н. Добровольский, посвятив свою жизнь научной деятельности, не имел возможности постоянно заниматься ведением хозяйства и долгое время нигде не служил. Зная, какую роль играет в жизни мужа наука, она делала все, что бы он мог безраздельно заниматься этнографией. Важной заботой Евдокии Тимофеевны было воспитание своих детей. В доме была хорошая библиотека. Добровольские выписывали много интересных журналов: «Этнографическое обозрение», «Вестник Европы», «Живую старину», «Смоленскую старину», «Смоленские епархиальные ведомости» и другие. Евдокия Тимофеевна обучала детей чтению и письму, давала им уроки музыки. Вечерами под ее аккомпанемент на рояле пели всей семьей русские и зарубежные классические произведения, русские народные песни. В доме звучала также церковная музыка. Евдокия Тимофеевна, воспитанная в церковном учебном заведении, была глубоко верующим человеком и прививала религиозность детям.

Евдокия Тимофеевна хорошо знала смоленские говоры и оказывала большую помощь мужу в собирательской деятельности. Она многократно сопровождала его в экспедиционных поездках и наравне с ним записывала материалы для словаря местных говоров, фольклорные тексты, этнографические сведения.

Поездки требовали значительных расходов, нужны были также немалые денежные затраты для содержания большой семьи. У Добровольских было восемь детей (семь сыновей и дочь), которые подрастали, и им надо было учиться в гимназии. Из-за недостатка материальных средств в середине 1890-х гг. семье пришлось заложить имение.

Руку помощи Добровольским протянул князь В. Н. Тенишев. Он заключил с ними трудовое соглашение. За денежное вознаграждение супруги собирали материалы по этнографии на основе «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», разработанной Тенишевым в соавторстве с Владимиром Николаевичем в 1896 году. Добровольские

объехали все уезды Смоленской губернии, выполняя задание Этнографического Бюро кн. В. Н. Тенишева.

Евдокия Тимофеевна всегда была надежной помощницей в научных занятиях мужа, ставшего выдающимся фольклористом, этнографом и диалектологом. Сорок лет они прожили вместе, вырастили и воспитали детей, вывели их в люди.

Евдокия Тимофеевна ушла первой 29 марта 1920 года. Владимир Николаевич ненадолго ее пережил, трагически погибнув 8 мая того же года.

Характеристика публикуемого материала

Публикуемый материал представляет собой описание свадьбы в с. Сельцо Бельского уезда Смоленской губернии. Е. Т. Добровольская рисует типичную картину свадебного обряда. Она приводит основные его этапы, зачастую используя их местные названия: предсвадебные обряды — «первое сватовство», «Богу молиться», рукобיתье, «замирение попа», баня, «гулянка» (вечеринка с музыкой в доме невесты накануне свадьбы); 1-й день свадьбы — благословение невесты, дары невесте, выкуп места около невесты, узнавание невесты (идентификация), одаривание жениховой родни матерью невесты, «молиться Богу» перед отъездом, поездка в церковь, венчание, отправление в дом жениха, благословение молодых родителями жениха, свадебный стол, отдельное кормление молодых, «завязывание молодой» (смена прически и головного убора), «делаж курника» (свадебного каравая) свадебщиками, пляска жениха и невесты, проводы жениха и невесты на постель; 2-й день свадьбы — бужение молодых, отправление «в отводы» к невесте; 3-й день свадьбы — отправка «в отводы» в дом жениха; перевоз сундука с приданым невесты.

Вместе с тем, благодаря подробной фиксации материала и примечаниям Е. Т. Добровольской очевидными становятся самобытные черты, характерные для местной культурной традиции. Так, например, в отличие от широко распространенного у русских представления, что после ритуала богомолья отказ от свадьбы невозможен, здесь эта граница отодвигалась к рукобיתью. Свообразные детали отмечены собирательницей применительно к этапу рукобיתья: отец жениха ударяет рука об руку не только с отцом невесты, но и с ее матерью, а также с самой невестой; после рукобיתья отец жениха принимает самое активное участие в подготовке застолья: он сам «крошит»⁴ привезенную говядину и пирог и просит всех угоститься его закуской. Е. Т. Добровольская описывает редкие и даже необычные довенчальные обряды: ода-

⁴ *Крошит* — делить.

ривание жениховой родни матерью невесты с помощью кнута; оплату водки и каши поезжанами в пользу невесты; умасливание коровьим маслом и расчесывание гребнем голов жениховой родни подругами невесты. К редким послевенчальным обрядам можно отнести первое совместное вкушение пищи молодыми во время их встречи по приезде из церкви и живописно разработанный в местной свадебной традиции дележ «курника» — пышно украшенного свадебного каравая. Самобытными являются обычаи перевоза приданого невесты в дом жениха лишь на третий день празднования (а не накануне или в день свадьбы, как преимущественно бывало у русских); сбор по деревне голов скотины на студень за три дня до свадьбы; принос каждой гостьей на свадебное гуляние хлеба и куска вареной говядины.

Е. Т. Добровольская обращает внимание на варианты свадьбы в зависимости от достатка: «большую» или «малую». В первом случае предполагалось большее число гостей и, соответственно, большее количество водки. При «большой» свадьбе, кроме того, родители невесты устраивали для нее «гулянку» — вечеринку с музыкой накануне венчания. Собираательнице удается передать не просто канву многоэтапного события, но и нюансы поведения его участников, представления крестьян о том или ином явлении. Так, к примеру, описывая поцелуй жениха после поиска невесты между подругами, покрытыми платками, Добровольская отмечает, что невеста старается сначала отклониться, нагибая голову ниже. Изображая далее, как жених три раза обводит вокруг себя невесту, взяв одной рукой за талию, а невеста при этом старается наступить жениху на ногу, чтобы верховодить в семье, собираательница подчеркивает, что «народ сильно верит в эту примету».

Особое внимание Е. Т. Добровольская уделяет значимым свадебным предметам, например, подробнейшим образом она описывает «курник», дары невесты для новой родни, свадебные блюда. Важной составляющей представленной свадьбы являются фольклорные тексты разных жанров: свадебные приговоры, причеты («плачи», «вытье»), песни «хвалебные» и «благодарственные».

Запись Е. Т. Добровольской в значительной мере репрезентирует особенности местного говора: фонетические, лексические, фразеологические. В свете темы публикуемого материала важна фиксация характерных для данной локальной традиции названий свадебных чинов: сваты, сватья, боярки, подженишник, дружка, поезжане.

Материал был подготовлен Е. Т. Добровольской для Этнографического Бюро кн. В. Н. Тенишева. В настоящее время рукопись хранится в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1541. Л. 1—53), публикуется впервые.

СВАДЬБА В С. СЕЛЬЦО БЕЛЬСКОГО УЕЗДА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Первое сватовство

— Нужно нам женить своего Федю! — говорит мать жениха своему мужу, а он ей отвечает:

— Нужно, так и нужно! Спросим у свайго сына.

— Ти хочешь ты, Федя, штоб мы тебя оженили? — спрашивает мать сына. Сын отвечает покорно:

— *С моей части*⁵ (здесь и далее курсив Е. М), как хочитя вы! — т. е. вполне соглашается с волею матери.

— Да чего ж ждять, Федя? *Годы тебе вышли*,⁶ надо нам за свои глаза оженить тебя,⁷ да посмотреть, как вы будитя жить. Работы у нас хватает, а у матке твоей *сила подбирайтца*⁸ — надо взять ей помощницу, а тебе усе⁹ рауно когда-нибудь этому быть, когда-нибудь нада женить тебя; а, слава Богу, хлебушка подродила, *пенька*¹⁰ хороша — денег расстараемся...

— Ну, што ж, женить, дак и женитя!

— Ты вот нам скажи, какая девка тебе нравитца? Ты по праздникам ходишь гулять и бываешь в церкви — девык ты, верна, усех разглядеу¹¹ — скажи, какая девка тебе ныравитца, мы тую и возьмем за тебе!

Жених говорит, в какой деревне и какая девка ему нравится. Отец жениха советуется со своей женой, в какой день ему *отправиться в сваты*,¹² посылает кого-нибудь из своей семьи за своим братом или дядькой, желая с ним идти в сваты. Сватовство происходит большей частью в праздничный день.

— Иди, дядичка, к батьке — поедешь с батькою в сваты!

— Ти знаишь жа ты, йде невесту будим сватать? Ти далёка поедим?

— Не, дядичка, ничёга ни знаим, там табе батька скажет!

⁵ *С моей части* — что касается меня, моего мнения.

⁶ *Годы тебе вышли* — здесь: время подошло.

⁷ *Надо нам за свои глаза оженить тебя* — надо оженить тебя на своем веку, пока мы живы.

⁸ *Сила подбирайтца* — сила убывает.

⁹ Буквой «у» для местного говора Е. Т. Добровольская обозначает сонорный согласный звук на месте обычного «в» (звук в начале или середине слова, для предлога «в»).

¹⁰ *Пенька* — волокна стеблей конопли.

¹¹ Буквой «ў» для местного говора Е. Т. Добровольская обозначает лабиальный звук «л» в глаголах мужского и среднего рода в прошедшем времени.

¹² *Отправиться в сваты* — смол. отправиться свататься.

Брат отца жениха, или его дядька, одевается во весь свой праздничный наряд, чтобы невеста и ее родня не подумали, что сваты очень бедны. Отец жениха запрягает лошадь, берет с собою рубль денег и отправляется в сваты. Войдя в хату, останавливается возле порога, говоря:

— Здорову вам!

— Здоровутя, проходитя, садитесь! — приветствует сватов добродушная хозяйка; она уже догадалась, что это сваты к ним пришли.

Сваты проходят немного дальше от порога и садятся где-нибудь на лавке. Долго сидят сваты, разговаривают о посторонних предметах; наконец, скажут:

— Ну, што ж мы сидим ни так, ни сяк; мы пришли к вам не у гости, а по делу. Мы пришли сватать вашу дочку за нашего сына Федьку. Ти согласны вы отдать яё?

— Да хто ж яё знает, нада у ей самой попытать, как ина, согласна?

Мать невесты отправляется в другую хату и сообщает дочери подробно о сватах. Если невеста статна и красива, но живет в очень бедном дворе, то она, переговорив с матерью сво[е]ю, идет к сватам и сама объясняется со сватами:

— Я подошла сказать вам, ня гневайтесь за это на меня, сваты вы — не сваты, а добрыи люди, мне не с чем идти за вашего сына!

Отец жениха — человек богатый, он не прочь наделить невесту всем, что ей нужно, лишь бы она вышла за его сына; он говорит ей:

— Когда ты согласна идти за моего сына, так ты этим не стесняйся, что у тебя ничего нет, я тебе помогу, сделаю все, что тебе надо!

Все замолчат. Немного погодя, мать невесты спросит при всех свою дочку:

— Ну, што ж, Дашка, ти согласна ты идти за Федьку, што у *Хлюстах*?¹³

Невеста молчит. Тогда мать невесты кивнет невесте и выйдет с нею за порог. Мать невесты спрашивает невесту:

— Ну, што ж, Дашка, ти согласна ты идти за Федьку? Ти была ты с им уперед сызнавшись?

— Не.

— Ты ж прежде гуляла с им по йгрищам, и гостинцы он тебе купляў.

— Да, я гуляла сабе па йгрищам и гостинцы от яго брала, а с им не занималась нисколька!

¹³ *Хлюсты* — деревня Бельского у. Смоленской губ.

— Занималась ты с ним — не занималась, а, по-моему, за яго можна йдць: малиц ён смирный и слауный, двор хороший, старики — люди хорошие, мне знакомые, и ты ж их знаишь!

— Как хочита, когда задумали и загадали, то, как хочита. Ты, мам, согласна — и я согласна!

Входит мать невесты в хату и садится на кровать; сваты сидят на лавке, а невеста отправился в другую хату и садится в хате за перегородкой, чтобы ее не видно было. Сват видит, что в хату вошла мать невесты и ничего не говорит, начинает сам говорить:

— Ну, што ж вы, сватънюшка, надумали?

Все молчат, помолчит немного сват и опять продолжает:

— Ну, што ж, сваты, мы приехали к вам не в гости, говорят, думайта, гадайтя, говорятя нам што-нибудь: ти привет, ти ответ?

Отец невесты говорит своей жене:

— Ну, што ж, сватов будим держат? Ти пытала ты у Дашки? Ти согласна йна? Нечего людей даром держать — надо говорить им што-нибудь?

Мать невесты говорит:

— Ну, што ж говорить, Дашка согласна, и я согласна; будим Богу молиться, да за стол садитца!

Отец жениха вызывает невесту и спрашивает у нея:

— Ну, што ж, Дашка, ти согласна ты выходить за Федьку?

Невеста закроет лицо платком так, что только видны одни глаза, и еле слышно, сквозь зубы, скажет:

— Согласна!

Отец жениха продолжает:

— Ну, што ж, батька и матка невесты, вы согласны, отдаете свою дочку за моего сына замуж?

— Согласны, отдаем!

Тогда обращается еще раз к родителям невесты и ко всей находящейся в хате родне невесты:

— Ну, што ж, сват, сватя и вся родня невесты, ти согласны вы отдавать свою Дашку за моего сына Федьку? Говоритя теперь!

Все в один голос закричат:

— Согласны, согласны, пускай Бог посылает усё харошее! Што тут думать, *нечига людями капатца*,¹⁴ спасибо, што люди нами не капаятца!

Сваты говорят:

— Ну, тут нечига больше думать — нада Богу молитца!

Все сейчас встают с места и начинают Богу молиться. Перед образом зажигают восковую свечу. Народу, любопытных, наберется полная хата. После этого богомоления невеста может от-

¹⁴ *Нечига людями капатца* — копать: искать, выбирать; швыряться. Здесь: вероятно, швыряться, разбрасываться.

казаться, а после рукобитья отказаться нельзя. Рукобитье равняется венцу. Невеста начинает выть:

Батюшка ты мой родный,
Матушка ты моя родная,
Родительница жалкая,
Куды ж ты мою буйную головушку зняволиваешь?
Мамынька ж моя родная,
И знает жа Бог и добрые люди,
Што я тебе поработала...
Мамушка моя, жалкая, родная,
Куды ж ты мою буйную головушку зняволиваешь? —
И к чужой матке и к чужому батьке,
И к чужим братьям, и к чужим сестрам?
А мамынька моя, жалкая, родная,
Как жа я тебе не угодила, не уработала?!

Тогда подходят к ней ее сестры и тетки и говорят:

— Цыц, цыц, ужу к этому подходит; *ни труби ты свою галаву*:¹⁵ ища только к этому подходит — натрубишь ища сваю буйную галовушку!

Сваты говорят:

— Унимайтя невесту, унимайтя!

Невеста скоро перестает плакать. Сваты говорят:

— Ну, теперь *Богу помолино, голова покрыта*,¹⁶ давайте за стол садитца!

Посылают за водкой в кабак, садятся за стол: отец невесты, отец жениха и его брат. Отец жениха берет водку, наливает стакан водки и первый стакан подносит отцу невесты:

— Ну, сват, стакан водки и подноси своей дочке!

Невесте говорят:

— Ты ж сама подойди, подойди к столу!

Невеста стыдится, закрывает еще больше лицо платком и пьется в угол, а мать невесты, сидя возле нее, говорит ей:

— Подойди, подойди, с евтева тебе ничего не станет!

Отец жениха обращается к невесте:

— Подходи, подходи, дура, подходи! Теперь ужу нечига стыдитца. Пора за ета братца — нада к столу привыкать — подхо-

¹⁵ *Трубить голову* — смол. сильно переживать, чересчур предаваться горю.

¹⁶ *Богу помолино, голова покрыта* — речь идет о гарантии брака, несмотря на то, что в данной локальной традиции отказ от свадьбы после богомолья был возможен; символическое покрывание головы означает переход невесты в новый статус.

дить! Ну, што ж, господа, ня хочить, дак няволить нечига, будим сами пить!

Сами сваты и родители невесты разопьют водочку, порукаются-поцелуются с невестой и отправляются домой.

После богомоленья невеста приглашает к себе подруг. Подруги гостят у нее целую неделю, шьют ей для даров кисеты, вышивают полотенцы, ткнут тесемки, вяжут перчатки.

Приготовления к свадьбе

Начинают подготавливаться к свадьбе и в доме жениха, и в доме невесты: мелют солод, варят пиво, дерут гречиху на крупу. Невеста приходит в дом к своей подружке, просит ее придти к ней погостить и говорит ей тихо:

— Ну, теперь, мои милые подруженьки, я скоро распрощаюсь с вами! Приходите ж тогда ко мне на беседу.

Возвратясь домой, невеста ходит такая скучная. Начинает готовить полотенцы для даров; ей немало их нужно: надо оделить подарками всю женихову родню. Концы полотнцев для даров невеста тщательно украшает вышиваньем, пришивает к концам кумач: вырезает из кумача звездочки, крестики и пришивает к подолу рубашки. Такими же, из кумача, зубчиками и крестиками обшивает ворот и рукава рубашки. Эта украшенная мужская рубашка предназначается в подарок от невесты жениху в день венца. Она делается *из тонкого кужельного холста*.¹⁷ К этой рубашке невеста готовит также и штаны из тонкого льняного холста. Все эти приготовленные ею вещи для подарков она складывает отдельно в сундук. Завернет каждый разряд подарков отдельно: чепцы, полотенцы, перчатки, тесемки, рубашку и штаны для жениха. Сундук с подарками невеста замыкает, и никто туда не ходит, кроме одной невесты.

Совещание родителей относительно рукобיתья и замирения попа¹⁸

Дня через два после отъезда сватов приходит отец жениха к отцу невесты советоваться, когда им надо ехать мирить попа и бить рукобיתье. Немного сват поговорит с отцом невесты и уезжает домой. В этот день угощений не бывает таких.

¹⁷ *Из тонкого кужельного холста* — из тонкого льняного полотна.

¹⁸ *Замирение попа* — смол. удовлетворение требований попа.

До рукобитья. Рукобитье

До рукобитья невеста может раздумывать, выходить ли ей замуж за известного жениха, и в случае нежелания может отказать. Но после рукобитья она и ее родители не имеют никакого права отказывать жениху.

В назначенный для рукобитья день приезжает отец жениха и привозит с собою в кошеле пирог, говядину вареную к отцу невесты и говорит:

— Ну, сват, поедем по па мирить!

Мать невесты к этому дню готовится: печет пироги, отваривает говядину, варит щи, кашу, студень. При отправлении сватов «мирить по па» мать невесты подает своему мужу кошель, в кошель уложен пирог и кусок вареной говядины, чтобы сваты после переговоров со священником могли закусить. Возвращаясь от священника, сваты едут в кабак, берут полбутылки водки и выпьют ее в кабаке, берут в кошеле закусочку, приготовленную предусмотрительной хозяйкой, а потом отец жениха берет еще в запас на рукобитье полуштоф или два водки и отправляется с отцом невесты в дом невесты.

На рукобитье много народу не зовут, а приглашают человека два мужчин со стороны невестинной очень близкой, родни. Возвратясь от по па, сваты войдут в хату, перекрестятся; немногие приглашенные гости уже сидят в хате. Помолвившись, отец жениха обращается к матери невесты и объявляет ей, что священнику за *венец*¹⁹ деньги он заплатил; теперь остается переговорить о дне венца:

— Ну, сватьяшка милая, по па мы помирили — теперь побьем сегодня с вами руки!

Отец жениха с родителями невесты три раза ударяет руку об руку, а затем и с самой невестой отец жениха побьет руку. После рукобитья отец жениха обращается к родителям невесты, говоря:

— Дайта нам стола — у нас хлеб-соль своя!

— Садитесь, сваточки! Как это вы нас сконфузили! Неуж у нас нет хлеба-соли? У нас хлеба-соли хватает своей! Садитесь за стол *на кут*²⁰ и кушайте на здоровье!

— Нет, сват, как мы без своей хлеба-соли ехать? Нужно свою привезть! Слава Богу, у меня в дворе всего довольно, дочка ваша у меня не будет ни холодна, ни голодна! Когда чим понуждаетесь, сваты, и вас вызволим?

Сваты по приглашению хозяев садятся за стол, достают свой кошель, из кошеля вынимают: пирог и кусок вареной говядины,

¹⁹ *Венец* — венчание.

²⁰ *На кут* — в передний угол — самое почетное место в избе.

и привезенную водочку — два полштофа. Отец жениха обращается к родителям невесты:

— Ну, сватюшка, и вы, сваток, дела мы поделали, поа помирили, деньги за венец ему 5 рублей я заплатиў. Сват, я при тебе деньги отдаў. Тяперь, сваточки, сгаваримся, у какой день свадьбы йграть?

— Ну, што ж, надо сговориться тяперь — ужу один рязон делать; тяперь ужу идетъ к таму, што нада рязон делать так али этак!

Сват, отец жениха, достанет из кошеля водочку, родители невесты и вся ее домашняя родня садятся за стол; отец жениха всех обносит водкою по два стакана. Крошит сам привезенную говядину и пирог и просит всех закусить его закускою. Хозяйка подает еще свой пирог, мясо и полный обед. За обедом сват говорит:

— Ну, што ж, сваты, будим говорить, какую будим свадьбу играть: большую или малую, и сколько человек будим звать гостей?

На большую свадьбу отец жениха берет девять ведер водки, а отец невесты берет пять ведер водки. Гостей к невесте собирается, считая с женихом и с невестой, в самой большой свадьбе человек одиннадцать, а то — человек девять. Число гостей назначает мать невесты; смотря по богатству невестиного добра, она должна определить всех гостей со стороны жениха дарами — мужчин, не выключая и самого жениха. На малую свадьбу отец жениха берет пять ведер водки, а отец невесты берет три ведра.

— Ну, што ж, сват, будим играть большую свадьбу; ты зови ко мне гостей по одиннадцатую! А ты, моя дочушка, хочешь, я справлю тебе гулянку?

— Спасибо тебе, мой татынька, за твою хлеб-соль! Чаму ж гулянки ни хотеть — справь!

Гулянка — это вечеринка с музыкаю накануне свадьбы. Бедные родители невесты гуляют малую свадьбу и не делают своей дочери гулянки. На гулянке надо больше водки и разного угощения, а потому гулянка всегда делается при большой свадьбе. Но если отец невесты богат, и при том скуп и по скупости не хочет делать гулянки, то сама дочь подойдет к столу, по наущении матери, и, обращаясь к своему отцу, говорит:

— Гляди, тат, справь мне гулянку: *няж*²¹ я у тябе ня выслужила за столько лет гулянки?

— Да на гулянку, ты ж сама знаишь, нада удвой больший водки!

²¹ *Няж* — неужели, неужто.

— Так няужли-т я у тябе ня выслужила гулянки сабе: и Бог, и люди знают, как я старалась, столько лет работала тебе, мам, праси ж ты батьку?

— Дачушичка ж ты мая, я сбальшіна (больше. — *Прим. корр.*) батьки ня буду: што батька, то и я. Я ж ба табе, дачушичка, усе сделала, когда б моя воля, ничего б для тебя не пожалела!

— Ни знаю, мам, я ужу прасила-прасила яго, а теперь и сама ни знаю, как мне просить яго ящо. Отстану прочь от яго. Когда б наш батька быў такэй, як *людскэй*,²² а то ты, мам, знаишь яго, якоу ён, яму усе ни уладить. Бог з им!

Говоря эти слова, невеста горько плачет (все невесты очень-очень любят свадьбу с гулянкой. — *Прим. корр.*); она своими слезами и причитаниями, наконец, разжалобит своего отца:

— Ты, мой татынька, нарядуо мне ни спрауляў, как нада: ни платочка, ни пальтечка; а теперь мое последнее от тебя — а ты и гулянку не хочешь справить. Людские батьки и наряды своим дочкам справляют, и гулянку справляют, а я зародилась такая нишасная — хужий сироты — уси люди смеютца. Нихай ба ужу у тебе ничёга ни було, так и обида так ба ни брала, а то усе есть, как у людей, а ты ничёга не хочешь ни дать, ни справить. Хоть и выйду замуж, а все буду по век вечный на тебе обиждатца!

Отец невесты, обращаясь к ней, говорит:

— Перестань плакать! Ни труби ты маю галовушку: я достану тебе *скомороха*²³ и сделаю гулянку. Ну, перестань! Я раз сказаў табе — и зделаю!! Что ты, сват, соглашаешься большую свадьбу играть?

— Да, коли вы, сваточек, соглашаетесь, а я давно согласен!

— Ну, и все там: будет табе большая свадьба с гулянкой! Зови девок на гулянку. Я скомороха достану и горелки возьму, сколько нада. Бог с тобой: нихай жа ты ня будишь на миня обиждатца и плакатца. Гуляй и веселись с деуками, як надо би быть — усе табе будить!

Невеста отойдет от стола радая и веселая такая, што по ее вышло.

Выходит отец жениха из-за стола, молится Богу, благодарит хозяев за угощение, трубочку покурит, немного посидит, подтвердит, в какой день назначается свадьба, и уезжает домой.

В одной деревне Бельского уезда есть обычай: за три дня до свадьбы ходят по деревне к родным и соседям, собирают головы каких-нибудь убитых животных к свадьбе, на студень. У кого такие головы есть, их охотно отдают.

²² *Людскэй* — людской: обыкновенный, нормальный.

²³ *Скоморох* — смол. музыкант.

Выговорное

Когда в первый раз бывают сваты, то родители или родные бедной невесты или сироты выговаривают «выговорную» провизию от отца жениха. Бывает, что невеста, девушка красивая, работающая, очень нравится жениху, а отец жениха, человек богатый, во что бы то ни стало, хочет взять ее за своего сына. Он не жалеет выговорного и до слова все отдает: 20 фунтов соли, 1 пуд говядины, 1 пуд солоду, 1 пуд муки ржаной.

Накануне свадьбы

Накануне свадьбы утром хозяйка печет пироги, варит студень, спускает пиво (сливает пиво в бочки. — *Прим. корр.*), а невеста идет к *бояркам*²⁴ и просит их придти топить баню. Три боярки идут топить баню, а остальные идут в дом невесты, моют стены, обтирают тряпками потолок, столы, лавки. Боярок на самой большой свадьбе невеста приглашает девять, а то шесть боярок.

Когда баня готова, приходят боярки, которые топили баню, и зовут невесту в баню. Невеста берет свое белье, зовет с собою боярок и идет с ними в баню. Боярки, по распоряжению невесты, берут с собой в баню две кружки пива и одну бутылку водки. Войдя в баню, боярки одну кружку пива взольют на каменку, а потом начинают раздевать и мыть невесту, и сами моются. Между тем, бабы, без всякого приглашения собираются к бане, в которой моется невеста, становятся возле бани и поют свадебные песни. Невеста с боярками, выходя из бани, отдают бабам кружку пива и бутылку водки. Бабы берут пиво и водку и идут впереди всех с песнями, а боярки ведут невесту под руки. Невеста плачет.

Войдя в хату, невеста три раза кланяется в ноги своим родителям, сестрам и братьям. Близкая родня невесты сама приезжает на свадьбу пораньше, за день или за два до свадьбы. Садится невеста на свою кровать или скамейку; ее боярки чешут и одевают. Когда невеста одета, боярки начинают сами одеваться во весь свой праздничный наряд.

Пока невесту одевают, мать невесты посылает по деревне звать соседей и родных «на чарку водки и на кружку пива». Каждая женщина, идучи на свадьбу, несет с собою булку или половину булки хлеба и кусок вареной говядины, а мужчина кладет в карман пяточок. Вошедшая в хату гостя подает хлеб и

²⁴ *Боярки* — подруги невесты; в Бельском у. Смоленской губ. также участницы свадебного поезда.

мясо матери невесты, а та благодарит. Из близкой родни невесты (ее брат, когда он женат, или муж сестры. — *Прим. корр.*) выбирают дружка, а его жена — большая сваха. Дружко ведет весь порядок. Он говорит бояркам:

— Собирайтесь, боярки, до кучи — поведем вас в отдельную избу!

Невеста сама размещает боярок:

— Ты вот тут садися, а ты вот тут!

Все девушки, согласно размещению невесты, садятся рядышком на лавке; сама невеста сядет между подруг. Одна из боярок, которая сидит возле невесты, обвязывает невесту платком, развернувши платок, так что у нее совсем не видно лица, а только небольшая скважинка около рта. Дружко берет за руку боярку, которая сидит с краю, и *ведет их гужиком*²⁵ в другую хату, где устроена для невесты «гулянка». Войдя в хату, боярки станут рядышком, народ расступится, очистит дорогу бояркам к столу. Дружко стоит впереди всех и громко выкрикивает:

— Дом священный, дом привеселый; благословитя, братцы, нашу молодую княгиню Дарью Ивановну за стол завесь и нам за стол сесть!

Все кричат в один голос:

— Бог благословляет, и мы благословляем!

— Здравствуйтя, гости званьи, браньи, богом даннии! Благословитя нашу молодую княгиню за стол сесть, за столы дубовьи, за скатерти шитьи-браньи, за напитки сахарнии, путь путешать, конем воевать, злат венец принять, невесту в уста целовать.

— Бог благословляет!

Дружко проговорит это три раза и продолжает:

— Есть у нашей княгини новображной отец и мать родной; умели свою дитю вспоить-вскормить, умеете и благодарить!

Дружко говорит эти слова три раза. Родители невесты отвечают:

— Бог благословляет, и мы благословляем!

Перед невестой кладут пирог и ставят тарелку, покрытую салфеткой. Родители невесты и крестные при благословении свои деньги втыкают в пирог, а остальные родные, благословляя невесту, свои деньги кладут на тарелочку. Деньги, воткнутые в пирог, невеста завязывает отдельно в платок и бережет их во весь свой век. Дружко, испросив благословение для молодой, продолжает, обращаясь к мужчинам и женщинам:

— Кто хочет водки, пожалуйтя к нам на песни; подходитя к столу! Игрицы-певцы, красныя девицы, петь материцы, спойтя песенку! И вы, молодья молодицы!

²⁵ *Ведет их гужиком* — смол. прямо, ровно.

Игрицы отвечают:

— Луччий вас нету!!

— Вот вам за песни две *вари*²⁶ пива, да ведро водки, да пять пирогов! Спойте нам песенки! Цена хорошая! Подходите, подходите! Буду угощать пивом и водкою!

Посторонние женщины, которые имеют хорошие голоса, — игрицы, собираются вместе, человек восемь, приходят на свадьбу в качестве игриц и певиц и поют на гулянке свадебные песни, а при благословении невесты — благодарственные и хвалебные песни и «Кузьму-Демьяна». «Кузьма-Демьян» — очень важная песня, без этой песни не начинается свадьба.

Подходят к дружке певицы, их дружко угощает, дает им по два стакана водки, по кружке пива и на закуску по куску пирога. Дружко берет два маленьких пирожка и ударяет ими, один об другой, начинает сам вместе с певицами петь «Кузьму-Демьяна»:

*Бослаў, Божа, Божинька,*²⁷
Кузьма-Демьян Божинька,
Кузьма-Демьян Божинька,
Илья Пророк Божинька,
Скуй нам, Божа, свадебку
Крепко-крепко-накрепко,
Тверда-тверда-натверда,
Двух молодых в одно место:
Первый млад — Федюшка,
А другой млад — Дарьюшка.
Ветрым веить — ни развеить,
Ветрым веить — ни развеить,
Дождим мочить — не размочить,
Дождим мочить — не размочить,
Солнцым сушить — ни рассушить,
Солнцым сушить — ни рассушить,
Люди судють — ни рассудють.

После «Кузьмы-Демьяна» начинают подзывать певцы песнями к дарам. Родителям невесты не поют хвалебные песни. Благословить невесту родителей подзывает дружко; невеста в это время воеет и причитает:

— Батюшка ты мой родненький,
Ни благословляй жа ты мяне ни зольтым, ни серибром,
А благослови ты мяне долею и счастьем,
И добрым здоровьим!

²⁶ *Варя* — напиток или кушанье, сваренные за один раз.

²⁷ *Бослаў, Божа Божинька* — смол. обращение к Богу в свадебных песнях.

— Благословляю я тебе, дачушка моя,
И золытым, и серебром,
И долею, и счастьем,
И добрым здороуим!

Так точно ее благословляет и ее родная мать.

После родителей певицы песнею подзывают для даров крестного ее отца, а когда он *подорит невесту*,²⁸ ему певицы от имени невесты поют «благодарственную песню» за подарок. Таким образом они подзывают после крестного отца крестную ее мать, а затем постепенно подзывают и всех родных, и даже соседей. Каждый, даривший невесту, дает несколько копеек и певицам за песни.

1.

Хвалебная песня:

Ты скажи нам, Дашиныька,
Хто у тебе хрестная матушка?
А у мене хрестная матушка
Да-й Настя ж Иваноуна!

Благодарственная песня:

Благодарим, хрестная матушка,
Настя ж Иваноуна,
За твои подарки,
За твои подарки!

2.

Жалко плакала Дарьюшка,
Жалко плакала;
Пушала гулы по темным лесу,
Пушала гулы;
Раняла слезы ва синё моря;
Раняла слезы.
Да ня слышит ли мой родный батюшка,
Да ня слышит ли ён?
Да ня лих ли яё лютый свякóр,
Да ня лих ли яё?
Ня рана ль встает, ня поздна ль спать складеть,
Ня рана ль встает?

²⁸ *Подорит невесту* — одарит невесту.

Благодарствуй, Дарьюшка,
За ваши подарочки,
За сладкие прянички.
Мы ня успели песню спеть —
А от вас дары пошли!

Как только окончат дарить невесту, игрицы пропоют невесте еще несколько песен:

1.

Как при вечери, вечери,
Как при Дарьюшкиным девишничке
Прилетал да млад ясен сокол.
Ён садиўся, ён садиўся на вакошичка,
На сиребряну ряшетачку.
Да ниhto этава сокола да ни видаў —
Только увидила-зазрила яво
Да и Дарьина матушка.
Гаварила сваей дитятки:
— Ты и дитя ль мое, дитятко,
Ты и дитя маё милая,
Пригалубь-ка ясна сокола,
Ясна сокыла залетныва,
Добраго молодца заезжаго.
— Радимая моя матушка,
Рада ж ба яво пригалубить:
И скоро й ноги подломилися,
Ретиво сердца спужалося,
С плеч галовушка свалилася.

2.

Чи и эта коники
Рана у луг папущаны,
Вси шелком папутаны,
Трауки-мурауки ни едятъ,
Са Дунай воды ня пьютъ?
Вы ня бойгись, коники,
Вы ня бойгись, коники,
Вы ня бойгись, вароныи:
Путь-дарожка ня дальняя,
А старонка знакомая,
А княгинюшка вяселая.

После песен музыкант начинает играть, боярки пляшут. Скоро с вечера приезжает жених с *подженишником*²⁹ на вече-

²⁹ *Подженишник* — смол. старший дружка, шафер.

рину к невесте. Жених раскланивается с боярками и невестой и садится возле невесты. Невеста угощает гостей конфетами, орехами, мятными булочками. Боярки и невеста вместе складывают деньги на гостинцы, а когда невеста очень богата, то она одна на свои деньги покупает гостинцы для гулянки. Жених немного побудет на гулянке и уезжает домой. На стол ставится курник (каравай. — *Прим. корр.*). В курник ставят еловые веточки, украшенные золотыми бумажками; на веточках навешаны конфеты. С одной стороны в курник воткнута петушиная голова совсем с перьем; с противоположной стороны посажена куриная гузка без перьев, так что она мало заметна; сверху, кроме фигурок, курник разукрашен разноцветными куриными перьями. К еловым веточкам прикрепляются и зажигаются восковые свечи. Курник пекут стряпухи, а украшают боярки на гулянке за столом, до приезда жениха. Перед светом прекращают гулянку и идут домой умыться, переодеться и причесать свои волосы; а потом сейчас же вновь возвращаются невесте. Невеста тоже переодевается, надевает тот сарафан, в котором она будет венчаться; умоется, причешется; боярки наденут ей венки.

Входит дружно невесты и спрашивает боярок:

— Ну, што, ти все вы собрались, боярки?

— Все!

— Скоро приедет жених со своим поездом за невестой. Как услышите звон колокольчика, садитесь уси за стол!

Боярки, как только услышат звон колокольчика, сейчас все вместе с невестой садятся за стол. Поезд жениха останавливается возле ворот. Все поезжане остаются на дворе, а в хату идет только дружно жениха. Войдя в хату, он подходит к столу, говоря:

— Здравствуйтя, барышни!

— Здравствуйте!

Дружно невесты спрашивает дружка жениха:

— Ну, што вы, господа, у гости к нам ходитя?

— Нет, я не у гости пришоў, а я пришоў с своей беседой, да на вашу беседу посмотреть. Какая ваша беседа хорошая! Я такой беседы не видал! Изъездил тысячу верст, много народу перевидал, а такого народу не видал, как ваш! Вот народ, дак народ!

Дружно невесты говорит:

— Врешь ты: нигде ты не бывал, ничего ты не видал! Хороша моя беседа, такой беседы ты еще искауши не найдешь!

Жениха дружно говорит:

— Хороша-то ваша беседа, хороша! Хороши ваши и гости, а одна девушка лучше всех. Как бы нам сесте вы уступили местечко около этой девушки?

— Нет, мы места вам не уступим!

— Нельзя ли у вас купить это местячко?

— Нет, мы места не продадим ни за какие деньги!

— Вот вам тысячу рублей!

— Нет, не отдадим!

— Нет, барышни, продайте нам местечко, чтобы мне со своей беседой около этой барышни сесть! (Дружко жениха указывает на невесту. — *Прим. корр.*) Возьмите с меня деньги — тысячу рублей!

— Ах, господин дружко, вочинь наша места дорыга; и места, и невеста. У нашей невесты бровь одна сто рублей, а косы — и цены нет!

Дружко жениха вынимает деньги — один рубль — и говорит:

— Вот вам, девушки, сто рублей за место, вот вам пуд конфет (фунт. — *Прим. корр.*), вот вам один пуд пряников (фунт. — *Прим. корр.*), одну бутылку наливки. Ну, барышни, довольны ли вы этим?

— Покорно благодарим, господин дружко. Вот вам места и невеста!

Дружко жениха кладет перед каждой бояркой по гривеннику и говорит:

— Покорно благодарю вас, барышни, очень я доволен вами. Теперь я пойду позову сюда свою беседу!

Дружко жениха выходит вон. Дружко невесты предлагает всем встать и молиться Богу. Выходят все из-за стола. Невеста завоет:

Родительница моя, жалкая матушка,
И родитель мой, жалкий батюшка!

Боярки сейчас унимут невесту:

— Цыц, цыц, не плачь, перестань!

Боярки все покроются платками, они покроют платком также и невесту. Между боярками жених должен узнать и выбрать свою невесту. Дружко идет вперед, за ним кучею идут боярки, и между ними — невеста. В сенях все остановятся. Дружко жениха один медленно проходит к дружко невесты, говоря:

— Наш приступ!

— Наш поклон! — отвечает дружко невесты.

— Наш приступ!

— Наш поклон!

— Наш приступ!

— Наш поклон!

Дружко жениха со словом «наш приступ» ведет жениха в толпу боярок. Жених должен взять свою невесту: он берет девушку, откроет платок и посмотрит ей в лицо; когда ошибся, он бросает эту боярку в сторону и выбирает другую, пока, наконец, [не] отыщет свою невесту. Другой приметливый человек сейчас отыщет свою невесту, а другому приходится долго возиться, пока,

наконец, найдет свою невесту. Дружки берут по булке хлеба и, перекладывая булки с руки на руку, говорят:

— Наш верх!

— Наш верх!

— Наш верх!

Со словом «наш верх!» жених открывает платок своей невесты, узнает и целует ее. Невеста как можно гнет голову ниже, но жених все-таки ее поцелует. Потом берет одною рукою за талию и три раза обводит ее вокруг себя; при этом невеста старательно хочет наступить своему жениху на ногу, чтобы в продолжение всей жизни был ее верх. Но жених, зная ухищрение своей невесты, прячет ноги свои подальше и невесту водит немного дальше от себя, чтобы она не могла ступить ему на ногу. Народ сильно верит в эту примету. Перекруживши невесту три раза, он ставит ее к своему поезду и сам становится возле нее.

Боярки, оставшись одни, недолго остаются здесь; посмотрят, как невесту с женихом поведут за стол, и уходят домой.

Дружко жениха берет жениха и невесту и ведет их одних в хату. Отец и мать невесты стоят посередине хаты; жених и невеста кланяются им в ноги. Дружко выводит жениха и невесту из хаты, подводит их к жениховой родне, и тогда дружко, весь поезд жениха, с женихом и невестою, ведет в хату и садит всех за стол. Мать невесты несет дары для жениховой родни в большой деревянной чашке, сама становится с кнутом на скамейку и говорит жениховой родне:

— Подходить, пригнитесь ко мне, мои сваточки!

Вся родня жениха по очереди подходят и немного склоняют перед ней голову, а мать невесты берет кнут, вешает на кнут полотенце и это полотенце кнутом вешает подошедшему на шею. Таким образом она обдарит всех поезжан со стороны жениха — мужчин. Все поезжане подаренные им полотенцы вешают через плечо. Жениху дарят самое красивое полотенце. Весь поезд жениха теперь намечен. Все садятся опять на свои места. Отец невесты подает всем водку, стакана по три или четыре; хозяйка подает кушанье: пироги, студень, капусту, суп картофельный, лапшу, жареную свинину с картофелем, кашу. Перед кашей еще поднесет хозяин стакана по два водки. Как только поставят на стол кашу, ее накрывает невеста своим платком. Подходит старшая сестра невесты или, если нет старшей сестры, ее тетка, снимает платок с каши и кладет его на стол. Все, кто еще хочет водки, подходят к столу и кладут деньги на платок. Все поезжане охотно подходят и кладут на платок деньги и в благодарность от нее получают стакан водки. После всего сестра невесты берет со стола платок с деньгами, аккуратно завертывает деньги в платок и отдает невесте. Невеста этот с деньгами платок прячет себе в пазуху. После каши являются боярки и идут по лавке гужиком за спиною

жениховой родни: одна несет коровье масло, другая — гребешок, третья — зеркало, четвертая — пустое блюдечко. Голову каждого из поезжан жениха одна из боярок маслит коровьим маслом, другая вслед чешет гребешком, третья подает зеркало — посмотри в него, четвертая с тарелочкой собирает деньги. Окончив свое дело, боярки слезают с лавки, идут делить собранные деньги и уходят домой. По распоряжению дружка вылезают все вон из-за стола, молятся Богу и собираются к венцу.

Невеста и жених собираются и отправляются к венцу из дома невесты

Дружко жениха берет образ, к образу прилепит зажженную восковую свечу, берет молодых и ведет их одних за стол. Подходит к столу отец невесты, берет у дружка образ и этим образом благословляет дочку. Невеста кланяется, стоя за столом, потом благословляет ее родная ее мать, а затем и вся ее родня. Невеста говорит:

— Благословитя мяне, мои родненькие, у путь у дарожиньку!
На чужую старонушку!

Невеста начнет выть:

Родимая моя матушка,
Заняволиваешь мою буйную галовушку!

Но ее сейчас остановит сам жених:

— Не плачь, чего ж ты плачешь? Ища ж ты никакого горя ня видила от мяне? Тады ужу будишь плакать, як горя увидишь, ти обиду якую от мяне!

Лошади готовы, по распоряжению дружка все гости идут садиться на сани. Жениха и невесту сопровождает до саней дружок с образом и со святою водой, окропляет сани, весь поезд святой водой жених спрашивает у невесты:

— Хотишь, сама садись, а хотишь, я посажу тебя!

Жених сам садится на колени невесте, а она должна попросить его удалиться с ее колен:

— Федор Васильевич, сыйдита с моих колен!

Тогда жених садится, как следует, рядом с невестой. Дружок дает поцеловать образ жениху и невесте, три раза обходит поезд с иконой, потом икону ставит в пазуху, велит поезду немного сдвинуться с места, опять остановиться; обходит весь поезд с иконой. Так он делает до трех раз, дает опять приложиться молодым к иконе и, наконец, осенив иконою поезд, он подносит икону к коню, делая пример, что и лошадь целует икону. Затем ставит икону в пазуху, садится на верхового коня и едет верхом вперед всех.

Выехавши за деревню, поезд останавливается, а дружка возвращается в дом невесты под окошко, не слезая с коня; его уже там ждет девка и держит в руке кость от ноги теленка, завязанную тесемкой, и говорит дружке:

— Дядичка, ты ж курицу позабыў; табе ж там нечига будить убить да сжарить, да своих покормить!

Дружко, не слезая с коня, говорит:

— Ну, дайтя, пожалуйста, што я забыў!

Девка подает ему кость, перевязанную тесемкой. Дружко берет кость, кладет ее себе в пазуху и едет догонять свой поезд. Обходит поезд один раз вокруг с иконой, садится на своего верхового коня и едет впереди всех прямо к церкви.

Дружко три раза объедет вокруг церкви так, чтобы не заметил этого священник. Возле церкви все собираются в кучу; только сватьи, которые везут постель, не сходят с саней. Дружко спрашивает поезжан:

— Ну, што ж, ти вси вы здоровы? Ти вси вы сыты? Как доехали, благополучно?

— Все мы, дружко, здоровы, сыты, доехали, благополучно!

Мать невесты отдала большой свашке один аршин холста, который она в церкви постелет молодым под ноги, вместо *подножек*,³⁰ во время венца.

Жених и невеста после венца отправляются в дом жениха. Дележ курника

Выйдя из церкви, весь поезд зайдет в сторожку; там выпьют своей водочки по рюмке и закусят пирога, вареной говядины, а затем садятся на лошадей и отправляются в дом жениха. Подъезжают к дому жениха — им навстречу выходят родители жениха: отец с образом в руках, а мать — с хмелем и с медом. Молодые кланяются родителям жениха в ноги, три раза целуют их, а отец осеняет их иконой крестообразно три раза. Мать обсыпает их хмелем и дает им кушать мед понемногу, до трех раз; а затем ведут их в хату. За ними идет весь поезд. Дружко ведет молодых за стол. Отец подносит всем по стакану водки, а мать подает студень на закуску, говоря:

— Не прогневайтесь, мои гости милые, на закуску: ища молодые нисколько не кушали!

Родители жениха подходят к столу и просят молодых идти за ними в другую хату. Там подают им кушанья: молоко с булкой, вареные яйца, наливку или красное вино; у богатых подается еще чай. Свашки сами идут в хату, где невеста; они знают свое дело:

³⁰ *Подножки* — коврик, подстилка под ноги венчающимся.

им нужно *завязать молодую*.³¹ После чаю завяжут ее молодухой и громко выкрикивают:

— Што, господа, ня выйщитца ль хто с молодцев нашу молодую поцеловать?

— Мы молодую поцелуем, мы!

Жених поскорее подходит сам и целует невесту. Входит к ним дружка, берет жениха за руку, а жених — невесту; дружка ведет их в хату и садит их за стол на кут; садятся за стол все поезжане. Хозяин подносит водку, хозяйка подает обед: пироги, холодное, лапшу, жареное мясо. После жареного мать жениха идет в клеть, берет курник жениха (каравай. — *Прим. корр.*), украшенный куринными перьями и петушиной головой; она несет этот курник на голове и поет:

Эй, ай, чачу, чачу!
Я горелки хочу...
Ни дадите горелки —
Я назад полечу.
Кукуреку!!!

Эти слова она поет три раза и скачет с курником по хате. Дружка обращается к ней:

— Што, хозяйюшка, как вам дорога эта птица стоять? Мы такой птицы не видывали, верно, привезена она из-за границы?

— Мне сто рублей эта птица стоять!

Дружка говорит:

— Уступитя нам, пожалуйста эту птицу? Нам ина вочинь *дужа*³² ныравитца! Вот вам, хозяйюшка, за птицу мы даем: варю пива и ведро водки! Отдайтя ее нам, пожалуйста!

— Жалею-то я, жалею этой птицы, вочинь дужа хороша эта птица, но для хорошей компании надо отдать ее!

— Отдайтя, хозяйюшка, пожалуйста, эту птицу?

— Птица моя хороша, но и компания очень хороша — надо этой компании отдать свою птицу!

Мать жениха снимает с головы курник и ставит на стол, так, чтобы петушиная голова приходилась как раз против невесты. Жених берет ложку и бьет петушиную голову ложкой. Гости кричат:

— Позвольте нам убить эту птицу! Мы лучше убьем эту птицу!

— Нет, я сам убью яё!

Невеста проворно выхватывает из каравая, или курника, куриные перья вместе с петушиной головой, проворно бросает прямо на народ по хате. Тут кричат:

³¹ *Завязать молодую* — смол. сменить прическу и головной убор.

³² *Дужа* — дюже: очень, сильно.

— Ах, как молодая наша отлично и проворно *скубет птицу*,³³ вот молодец на работу, вот работница, вот проворно как работает! Иде вы только нашли себе такую вумницу?

После этого дружок берет нож, ножом вырезает из курника куриную гузку и кладет ее перед женихом.

— Вот тебе, молодой, гузка!

Жених начинает есть эту гузку. Дружко режет каравай на мелкие кусочки и дает каждому из присутствующих стакан водки, на закуску — кусочек курника. Все хвалят курник, что он вкусен и хорош. После курника хозяйка подает кашу.

После каши начинает невеста оделять родных жениха подарками: отцу жениха подает шерстяные перчатки и кисет, а жених от себя подает своему отцу рюмку водки; невеста подает матери жениха платок, а жених ей — рюмку водки; родному брату жениха полагается шарф от невесты, а от жениха — рюмка водки; родной сестре жениха от невесты — платок, а от жениха — рюмка водки; крестному отцу жениха — кисет; крестной матери его — полотенце; родному дядьке — тесемка; родной тетке — чепец; а жениху — кужельная разукрашенная рубашка и тонкие льняные штаны. По окончании даров жених обращается к своей матери, говоря:

— Ну, любезная матушка, и вы, любезные родные, не гневайтесь на наши дары!

— Благодарю вас, дети, за ваши подарки!

— Благодарим мы вас, отец с матерью, за вашу хлеб-соль!

Все выходят из-за стола, благодарят хозяев за угощение. Дружок берет молодых, ставит их посередине хаты, музыканту велит играть, а, обращаясь к молодым, говорит:

— Ну, князь молодой, теперь можете со своей молодой княгинюшкой погулять-поскакать, показать нам пример, а мы поглядим на вас!

Жених с невестой пляшут; после них идут плясать все, кому угодно, из гостей. Гуляют до поздней ночи.

Вечером свашки со стороны невесты идут в клеть и постеляют там молодым постель. Когда уже пора ложиться спать, дружок подойдет к жениху и тихонько ему скажет:

— Полна, дети, гулять — время ложитца! Ступайте за мной!

Дружко идет впереди, за ним молодые, за молодыми идут невестины свашки. Свашки раздевают молодую и уложат ее на постель; дружок уложит жениха и уходит из клетки:

— Спите, дети, спите! Я завтра вас разбуду, когда время будет вставать!

³³ *Скубить птицу* — щипать птицу.

На другой день после венца в доме жениха

Наутро, когда все встанут, дружка зовет свашек и идет с ними будить молодых. Подойдут к двери и скажут:

— Вставайте, дети, пора вставать! Игрицы пришли, хочуть вам песни петь!

Пришли бабы-игрицы с деревни, стоят в сенях возле дверей и поют песни:

1.

А-а маслина кашка, маслина —
Многа масла уложена!
Кашку да матка дала, матка дала!
Салодкие рожки сама добыла, сама добыла.

2.

Узвеличила наша Дарьюшка,
Узвеличила ина два двора:
Первый жа двор — батюшкин,
А другой жа двор — матушкин.
А другой жа двор.
Посадила братчика впиряду,
Братчика впиряду,
Как злат перстень на руке,
Как злат перстень.

Как только молодые оденутся, дружка со свашками входит в клеть, берет молодых и вместе со свашками, в сопровождении певиц, ведут их в хату и садят прямо за стол. Сами тоже садятя вокруг стола. Хозяин всех угощает водкою, а хозяйка подает кушанья: пирог и жареное мясо. После закуски выходят из-за стола, благодарят хозяев. Молодая сейчас кланяется в ноги отцу и матери жениха, говоря:

— Прошу я вас, матушка и батюшка, поедем со мной у *отводды!*³⁴

— Нада ужу послушать молодую: анна дужа усердна просить. Надо с ей у гости съездить!

Родные жениха собираются: готовят лошадей, прощаются с хозяевами и уезжают домой, а родные невесты собираются и едут к невесте «в отводды». Со стороны жениха назначается гостей ехать в дом невесты, смотря по уговору, «по девятую» или «по одиннадцатую», т. е. должно быть с жениховой стороны девять или одиннадцать человек.

³⁴ У *отводды* — в отводды: в свадебном обряде посещение дома невесты на второй день свадьбы.

Родители жениха, несколько человек из его родни, жених и невеста и вся родня невесты едут в отводы в дом невесты.

Начинают собираться ехать в отводы: родители жениха, его крестные отец и мать, и еще едет несколько человек жениховой родни, избранные отцом жениха. Когда лошади готовы, все одеваются и выходят садиться. На первого коня садится невеста с женихом; за ними родители жениха, а затем остальные гости.

В доме невесты гостей давно уже ожидают. Как только гости подъедут к дому невесты, отец и мать невесты выходят навстречу гостям:

— Здравствуйте, дети! Поздравляем вас с законным браком! Здравствуйте, сватьяшка со сватом, просим вас покорно в хату!

Невеста и жених подходят к родителям невесты, три раза кланяются им в ноги, а те ведут их и всех гостей в хату, просят раздеваться и садиться за стол. Подается обед и водка. Обедают не спеша, водочки пьют много; разговаривают между собой и со свашками. По окончании обеда выходят из-за стола все очень пьяные. Хозяин отдает приказание, чтобы гости не морили своих лошадей, а каждый хозяин иди *в пуню*,³⁵ бери сена, сколько надо, и корми свою лошадь. Все гости усаживаются на лавках и разговаривают; иной под этот разговор заснет.

Когда отец невесты богат, то хозяйка ставит самовар и угощает гостей чаем. Вечером подают ужин, и хозяева усердно просят гостей остаться ночевать у них.

Наутро хозяин опять щедро угощает гостей водкой, мать невесты угощает гостей завтраком. На завтраке подается: студень, блины, сало жареное на сковороде, яишня, молоко. Встают после завтрака из-за стола, благодарят хозяев. Родители жениха просят родителей невесты ехать к ним в гости:

— Теперь милости просим вас, сватушка и сватык, пожалуйте-ста, поедем с нами в гости к нам.

— Благодарим вас, сватьяшка и сваток!

Вся родня невесты собираются, прощаются и уезжают домой. Родители невесты едут «в отводы» в дом жениха.

Когда лошади готовы, родители невесты отдают жениху, в присутствии невесты, поставить на сани сундук с добром невесты. Жених ставит этот сундук к себе на сани и садится вместе с невестой. Возвратясь домой, жених, по распоряжению невесты, несет сундук в клеть, ключ от сундука невеста берет себе.

Хозяева просят родителей невесты и всех гостей садиться за стол обедать. После обеда гости сидят разговаривают: мужчины хвалят свое хозяйство, а женщины хвалятся своим льном и холстом. Немного посидят, и родители невесты собираются уезжать,

³⁵ *В пуню* — в ригу: хозяйственную постройку для сушки хлеба в снопах и молотьбы.

а также собирается уезжать и остальная женихова родня. Уезжая, мать дает наставление своей дочери:

— Ну, прощай, милая дитя, моя дачушка милая! В чужую избу не ходи, чужих слов не принимай, а держи свой ум в голове! Невеста делается скучна и начинает плакать.

— Не плачь, дитя, не скучай! Должно быть, тебе нада тут привыкать! Без спросу не ходи, а когда захочешь придить к нам, спросись у свекора и у свекровы. Слухай и почитай их, как слухала и почитала мене с твоим батьким. Старайся работай. Помогай своей свякрови во всем, как помогала мне.

Давши наставление дочери, сваты прощаются и уезжают домой.

Невеста скучает, пока немного [не] привыкнет, и совестится есть вместе со всеми. *Ее присматривают*³⁶ все; свекор, молча, за обедом подкладывает ей ломти хлеба; свекровь и ее муж потихоньку угощают, чтобы она больше ела и не стеснялась: «Будешь есть, будешь и везть!» Работать ее очень не заставляют, а больше она сама прислуживает своей свекрове, чтобы заслужить ее расположение. Свекровь довольна такой невесткой, хвалит ее соседям и кумушкам; потихоньку подкармливает ее салцем и обращается с нею ласково.

* * *

Аннотация: Публикуемый материал представляет собой описание свадьбы в с. Сельцо Бельского уезда Смоленской губернии, сделанное в 1897 году Е. Т. Добровольской (1860—1920). В описании отражены не только типичные для общерусской традиции основные этапы действия: от предсвадебных обрядов до ритуалов последнего дня свадьбы — но и самобытные черты, свойственные местной культурной традиции. В материале представлены редкие и даже своеобразные довенчальные и послевенчальные действия. Внимание уделено вариантам свадьбы: «большой» и «малой», зависящим от достатка семей брачующихся. Подробно рассматриваются также свадебные атрибуты, пища. В записи зафиксированы фонетические, лексические, фразеологические особенности местного говора, а также тексты разных фольклорных жанров: свадебные приговоры, причеты, песни.

Ключевые слова: русская традиционная культура, свадебный обряд, народные говоры, свадебный фольклор

³⁶ *Ее присматривают* — за ней присматривают, заботятся о ней.

Abstract: This report presents description of wedding rites, which took place in Russian village Seltso, in Belskyi district of Smolenskaya governorate. This description was made by E. T. Dobrovolskaya (1860—1920) in 1897. In this material one can find out not only typical items of Russian wedding rites tradition from pre-wedding rites to the last day rituals of wedding, but also unique features, which highlight peculiarities of local culture. There are many rare and unique special acts in prenuptial and postnuptial periods. The author of the description paid attention to two variants of the wedding: «Great» and «Small» weddings, which depend on wealthiness of families of a couple. Bridal attributes and food are also carefully regarded. Phonetic, lexical, idiomatic special aspects of local dialect are given in the record as well as many different folklore texts of various genres such as bridal songs, magic sayings, and weepings.

Keywords: Russian traditional culture, wedding rites tradition, local dialects, bridal folklore

И. В. ИВАНОВ

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПЕСНИ КРЕСТЬЯН СТРЯПУНИНСКОЙ ВОЛОСТИ ОХАНСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Публикация Г. Н. Мехнецовой

Первые десятилетия XX века можно охарактеризовать как один из наиболее плодотворных периодов в процессе становления и развития пермской фольклористики. Активная деятельность местных научно-краеведческих обществ,¹ экспедиционные поездки в Прикамье представителей столичных фольклористических центров,² выход в свет целого ряда фольклорно-этнографических изданий,³ общественно-просветительские инициативы, связанные с народными традициями,⁴ — все это свидетельствует о большом

¹ Пермская губернская ученая архивная комиссия (осн. в 1888 г.), Пермский научно-промышленный музей (преобразован в 1901 г. из Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания), Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края (осн. в 1902 г.), Пермское епархиальное церковно-археологическое общество (осн. в 1912 г.), Кружок по изучению Северного края (осн. в 1916 г.) и др.

² Здесь, в первую очередь, следует выделить два события: 1) поездку И. С. Тезавровского с музыкально-этнографической целью — в 1901 году; 2) «фольклорную экскурсию» А. В. Маркова, нацеленную на поиск остатков эпической поэзии — в 1909 году. См.: *Тезавровский И. С. Поездка в Пермскую губернию с музыкально-этнографической целью летом 1901 года. С приложением песен и 14 напевов // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Т. 1. С. 441—452; [Марков А. В.] Отчет о поездке А. В. Маркова в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 года // Изв. ОРЯС. 1910. Т. 15, кн. 4. С. 191—199.*

³ См. библиографические указатели «Русский фольклор» (сост. М. Я. Мельц) за периоды 1901—1916 гг. (Л., 1981), 1917—1944 гг. (Л., 1966).

⁴ В первую очередь, имеется в виду деятельность А. Д. Городцова по организации народнопевческого дела на Урале.

научном и практическом интересе интеллигенции того времени к традиционной культуре прикамского региона.

Среди объектов фольклористического внимания неизменно популярной — как в XIX, так и в XX столетии — оставалась свадебная обрядность Прикамья. Об этом свидетельствует, в частности, число публикаций, касающихся данной тематики: так, в период 1900—1910-х гг. вышло из печати около 15 работ.⁵ Отдельные материалы, собранные в это же время, были изданы позже (в 1920—1960-е гг.), большая же часть продолжает лежать в рукописях.⁶

Из числа неопубликованных документов данного периода несомненно ценность имеет рукопись «Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии», представляемая в настоящем издании.⁷ Ее авторство принадлежит крестьянину деревни Ананичи Оханского уезда И. В. Иванову, в 1909—1911 г. производившему фольклорно-этнографические записи в своей родной деревне. Простонародные свадебные обычаи и песни, по наблюдениям И. В. Иванова, «стали отходить в область предания», и потому он счел своим долгом «выпустить их в свет».⁸ «Я как житель этой деревни, — сообщал И. В. Иванов в части предуведомления к основному разделу своей работы, — могу описать то, что есть в действительности безо всякого преувеличения. Главное же внимание уделено песням, которые говорят сами за себя. Свой выпуск я делаю со всеми подробностями и историческим ходом события: сватанья, просватанья и свадьбы».⁹

О личности самого автора рукописи известно, к сожалению, очень немного: Иван Васильевич Иванов, крестьянин, родившийся около 1885 года, в первые десятилетия XX века проживавший

⁵ Перечислим лишь некоторые из них: *Камасинский Я.* Свадебные обычаи у пермяков иньвенского края, Соликамского уезда // *Около Камы. Этнографические очерки и рассказы.* М., 1905. С. 137—141 (Авт. — свящ. И. В. Шестаков); *Чесноков А.* Свадебные обряды и песни «кержаков» // *Живая старина.* 1911. С. 57—96; *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступ. статьей А. Д. Городцова) // *Материалы по изучению Пермского края / Перм. науч.-промышл. музей.* Пермь, 1911. Вып. 4. С. 1—VIII, 1—68; *Гладких А. Н.* Крестьянские свадебные обряды и проч. села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии. Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. X. Пермь, 1913. С. 16—74.

⁶ Характерный пример — фольклорные записи прикамского краеведа В. Н. Серебренникова.

⁷ *Иванов И. В.* Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии // *РО ИРЛИ.* Ф. 690. Оп. 5. № 97.

⁸ *Иванов И. В.* Свадебные обычаи и песни крестьян... Л. 2.

⁹ Там же. Л. 2.

в д. Ананичи Стряпунинской волости Оханского уезда. В ходе работы с архивными документами выяснилось, что в июне 1917 года И. В. Иванов наряду с четырьмя своими односельчанами выступил учредителем Ананичинского общества потребителей. В Государственном архиве Пермского края удалось обнаружить письмо-ходатайство к пермскому губернскому комиссару с просьбой утвердить проект устава и зарегистрировать общество.¹⁰

Известно также, что фольклористические интересы И. В. Иванова не ограничивались одними лишь свадебными обычаями. В 1910 году состоялась его встреча с собирателем прикамского фольклора, краеведом Валентином Николаевичем Серебренниковым, учительствовавшим тогда в с. Жаково (в нескольких верстах от Ананичей). На основе сведений, полученных от И. В. Иванова, В. Н. Серебренников спустя несколько лет опубликовал небольшую работу, посвященную похоронным обычаям и причитаниям по умершим.¹¹

О рукописи И. В. Иванова упоминает в своей статье И. И. Ульянов,¹² анализируя образ «дивьей красоты» в тексте одной из свадебных песен.¹³ Ссылаясь на рукопись, И. И. Ульянов указывает на ее принадлежность Пермскому научно-промышленному музею.¹⁴ Заметим, что статья И. И. Ульянова датирована 1913-м годом, а опубликована в 1915-м. Рукопись И. В. Иванова, предлагаемая вниманию читателя в настоящем издании, датирована 27 февр. — 10 марта 1917 года. Таким образом, очевидно, что И. И. Ульянов ссылается на другой, более ранний по времени создания документ. Местонахождение его неизвестно; в фонде Пермского научно-промышленного музея (ГАПК, ф. 680) рукопись с таким названием отсутствует. По нашему предположению, первоначальная рукопись (дат. ≤ 1913 г.) могла быть разобрана И. В. Ивановым, а отдельные ее листы вошли в состав более

¹⁰ Дело об учреждении Ананичинского общества потребителей по прошению жителей деревни Ананичи Стряпунинской волости Оханского уезда. ГАПК, ф. 36, оп. 2, № 107. 21—27 июля 1917 г. 6 л.

¹¹ *Серебренников В. Н.* Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Стряпунинской волости, Оханского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1918.

¹² Ульянов Иван Иванович (1876—1937) — педагог, юрист, этнограф, фольклорист.

¹³ *Ульянов И. И.* Образы дивьей красоты по свадебным причитаниям и обрядам села Шмаковского Ирбитского уезда Пермской губернии // *Материалы по изучению Пермского края.* Пермь, 1915. Вып. 5. С. 51—68.

¹⁴ Можно предположить, что крестьянин И. В. Иванов, будучи грамотным, активным и любознательным человеком, так или иначе мог взаимодействовать с представителями пермского научного сообщества, в частности, с сотрудниками Пермского научно-промышленного музея, напрямую или же через В. Н. Серебренникова.

поздней (дат. 1917 г.) рукописи. На это указывают, в частности, различия в бумаге, чернилах, почерке пишущего, а также сбивчивая нумерация песенных текстов.

Рукопись И. В. Иванова целиком посвящена описанию свадебного обряда, некогда бытовавшему в д. Ананичи Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии. Деревня Ананичи расположена на р. Большая Ласьва, правом притоке Камы. Согласно сведениям, обнаруженным пермским историком Е. Н. Шумиловым, поселение известно с 1782 года как «деревня у Кокаровцовых, она же и Ананьина» (в тот год в ней проживал Ларион Ананьин сын Кокаровцов).¹⁵ Наиболее полные данные о д. Ананичи Оханского уезда содержатся в «Списке населенных мест» Оханского уезда.¹⁶ По состоянию на 1908 год в селении насчитывалось 29 дворов с общим числом жителей обоего пола 146 человек (68 мужчин, 78 женщин).¹⁷ Согласно административно-территориальному делению деревня входила в Ананьинское сельское общество, относившееся к Стряпунинской волости. Население деревни состояло из бывших помещичьих крестьян, русских, по вероисповеданию делившихся на православных и старообрядцев. Ближайшая церковь находилась в 8 верстах от Ананичей, в с. Жаково той же волости. В самих Ананичах имелись земская школа и библиотека. Расстояние деревни от уездного города Оханска составляло 110 верст, от волостного правления (в с. Стряпунята) — 12 верст; ближайшая железнодорожная станция находилась в 18 верстах.¹⁸

¹⁵ Краснокамский район: Краткий историко-топонимический справочник // Информационный справочный сборник «Желтые страницы». Пермский край. 2006/2007. Пермь, 2006. С. 854.

¹⁶ Список населенных мест Пермской губернии: Оханский уезд. Пермь, 1909. С. 200.

¹⁷ По состоянию на 1904 год, в д. Ананичи в 26 дворах проживало 64 мужчины и 81 женщина (Список населенных мест Пермской губернии: 1904 года. Пермь, 1905. С. 220).

¹⁸ С образованием в 1923 году Уральской области, д. Ананичи стала центром Ананичевского сельского совета Ленинского района Пермского округа. По состоянию на 1926—1927 годы в ней числилось 43 хозяйства с общим числом жителей обоего пола 135 человек: 53 мужчины, 82 женщины (Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. 8: Пермский округ. С. 162). Справочники более позднего советского периода содержат следующие сведения: по состоянию на 1963 год д. Ананичи является центром сельсовета в составе Пермского сельского района, население — 87 человек; в 1969 году — населенный пункт состоит в административном подчинении Краснокамского городского совета и насчитывает 129 жителей (Пермская область: Административно-территориальное деление на 1 июля 1969 года. Пермь, 1969. С. 31). В настоящее время д. Ананичи относится к Краснокамскому району Пермского края.

Основные этапы стряпунинской свадьбы, представленные в описании И. В. Иванова, в целом соответствуют структуре обряда, характерной для многих локальных традиций Прикамья: 1) смотрины; 2) сватовство; 3) просватанье; 4) девишник;¹⁹ 5) обручение; 6) свадьба (день венчания в церкви); 7) второй день свадьбы — «большие столы»; 8) третий день свадьбы — «пирожные столы». Из наиболее близких по структуре и району фиксации материала необходимо назвать описания, опубликованные И. Назукиным (1875)²⁰ и В. Н. Серебренниковым (1911).²¹ Среди публикаций последних десятилетий следует отметить материалы по свадьбе, записанные в с. Хохловка Пермского района,²² в с. Григорьевское Нытвенского района,²³ а также изданный в 2018 г. очерк И. П. Зеленина «Брак и свадебные обряды», освещающий народные традиции в с. Усть-Качка Пермского района.²⁴

Настоящее фольклорно-этнографическое описание публикуется по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в фонде пермского фольклориста и литературоведа П. С. Богословского²⁵ (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, № 97). Титульный лист рукописи (л. 1) содержит заглавие, имя автора и дату создания рукописи (надпись выполнена карандашом малинового цвета):

¹⁹ В д. Ананичи в период девишника совершается сразу несколько событий: в один из вечеров приезжает жених с «прениками», в другой день совершается «договор» (родня с той и с другой стороны обсуждает различные вопросы по организации свадьбы), кроме того невеста с подругами ездит в гости к дяде или тете «на пельмени».

²⁰ Назукин И. Свадебные обряды у обвинских крестьян (Пермской губернии, Соликамского и Оханского уездов) // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1875. 15 сент., № 74. С. 377—378; 17 сент., № 75. С. 381—382; 20 сент., № 76. С. 384—386; 24 сент., № 77. С. 391—392; 27 сент., № 78. С. 391; 1 окт., № 79. С. 395—396; 4 окт., № 80. С. 401—402; То же. Отд. оттиск. Пермь, 1975.

²¹ Серебренников В. Н. Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости...

²² Черных А. В. Свадебная обрядность Пермского района Пермской области в начале XX в. // Фольклорный текст — 2001: Материалы науч.-практ. семинара, г. Добрянка, 15 окт. 2001 г. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2001. С. 16—27.

²³ Причитания и песни Нытвенской свадьбы, напетые Е. А. Кошкиной / Материал подгот. А. Н. Иванов // Традиционная культура. 2003. № 1(9). С. 27—41

²⁴ Зеленин И. П. История села Усть-Качки. (Рукописи 1951 г.) / Авт.-сост. О. Г. Гайдаш. Пермь, 2018. С. 34—42.

²⁵ Подробнее о П. С. Богословском и материалах его фонда см.: Иванова Т. Г. П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3—35.

«Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской вол<ости> Оханского у<езда>

И. В. Иванов
1917 г<од>. 27 февр<аля>»²⁶

Далее черными чернилами приписана и подчеркнута вторая дата, по всей видимости, являющаяся днем окончания рукописи (10 марта 1917 года), чуть ниже — подпись Иванова в сокращенной форме («Ив»).

Титульная надпись выполнена на развороте бланка ведомости о поденных работах, напечатанного в 1916 году в пермской электропизографии наследников П. Ф. Каменского, что еще раз подтверждает датировку рукописи. На таком же бланке выполнены отдельные фрагменты описания (л. 9, а также центральная вклейка в л. 2). Основная рукопись выполнена черными чернилами, записи произведены на одной стороне листа, обратная сторона — чистая. Листы рукописи неоднородны и различаются качеством и размером бумаги, цветом разлиновки, наличием или отсутствием отчерченных полей. Исходя из этих показателей, можно выделить два основных типа листов.

1) Лл. 2—26, 31, 51—58: листы желтоватого оттенка, шероховатые на ощупь, с одинаковой голубой разлиновкой; размер 220х354 мм; поля не отчерчены;

2) Лл. 27—30, 32—50: листы более светлые (по сравнению с первым типом), гладкие, размер 225х360мм; все листы (кроме л. 32) имеют отчерченное карандашом правое поле шириной от 40 до 50 мм; на л. 27—30 дополнительно отчерчено левое поле шириной +/- 10 мм; цвет разлиновки разных листов отличается (голубые, сиреневые и серые линии).

К некоторым листам приклеены дополнительные фрагменты (лл. 3/4; 33/33а, 42/42а); л. 2 имеет центральную вклейку.

Листы рукописи помимо позднейшей архивной нумерации (карандашом) имеют и более раннюю нумерацию, проставленную, вероятно, самим И. В. Ивановым (в правом верхнем углу, красными чернилами, цифры подчеркнуты).

Почерк И. В. Иванова можно охарактеризовать как довольно крупный, размашистый. При чтении рукописи не всегда удается строго различить гласные «а» и «о». Некоторые отличия в почерке можно заметить на лл. 27—30, где приводятся тексты лирических песен. В нескольких текстах свадебных песен автор отмечает особенности диалектного произношения.²⁷

²⁶ Этот же заголовок, но без дат, повторяется на следующей странице (см. илл. 1).

²⁷ См. наши пояснения к тексту 5.

Примечания автора, возникающие по ходу повествования, в рукописи приводятся непосредственно в основном тексте; в публикации их местоположение сохраняется. Исключение составляют отдельные примечания И. В. Иванова к песенным текстам, для удобства восприятия помещаемые нами в сносках. Авторская нумерация текстов песен, причитаний, частушек, не соответствующая какой-либо четкой системе, снимается и заменяется на сплошную нумерацию, оформленную в квадратные скобки. Поэтические тексты даются согласно современным правилам — без кавычек в начале каждой стиховой строки. Авторские подчеркивания сохраняются. Границы вставок, встречающихся в тексте, обозначаются при помощи знака * . Вычеркнутые фрагменты заменяются знаком <...>, их содержание приводится в сносках. В описании свадебного обряда сохраняются авторские стилистические обороты, типа «заехав в деревню, раздаются ружейные залпы», «частушки, которые в большом ходу распеваемые» и т. п. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами. В песенных текстах изъяты «ъ» в конце слов, «ь» заменены на «е», отредактированы знаки препинания.

л. 2

**СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПЕСНИ КРЕСТЬЯН
СТРЯПУНИНСКОЙ ВОЛ<ОСТИ> ОХАНСКОГО У<ЕЗДА>
ПЕРМСКОЙ ГУБ<ЕРНИИ>**

И. В. Иванова

Предисловие

Записанные мной свадебные песни и обычаи крестьян деревни Ананичи Стряпунинской вол<ости> Оханского уезда в период 1909—1911 годов. В настоящее время эти песни стали отходить в область предания, а потому, считая своим долгом, я и решил их выпустить в свет. *Я как житель этой деревни могу описать то, что есть в действительности, безо всякого преувеличения. Главное же внимание уделено <...>²⁸ песням, которые говорят сами за себя.²⁹ Свой выпуск я делаю со всеми подробностями и историческим ходом *события*: сватанья, просватанья и свадьбы.

Крестьянин И. Иванов

²⁸ В ркп зачеркнуто: «вниманию».

²⁹ Текст на вклейке (л. 2).

Свадебные обычаи и песни
Крестьян Стрелюшинской вол. Станского уезда
Пермской губ.

И. В. Иванова.

Предисловие.

Записанные мною свадебные песни
и обычаи Крестьян деревни Анании
Стрелюшинской вол. Станского уезда
всего Пермской губ. 1909-1911 годов. В настоящее
время эти песни стали
отходить во область преданий, а
потому считаю своим долгом и
печать их в полном объеме.

В Как же не менее этой деревни
могу отметить по тем песням
во все эти годы и в настоящее время
весьма преувеличиваясь.
Такое же внимание уделил
вниманию не только Костромскому
область сами за себя.

Свои выписки в дала с велики
подробности и методическими
формами ^{составил} сводов, про сводов
и сводов.

Крестьянин И. Иванова.

Илл. 1. Страница рукописи И. В. Иванова (л. 2)

Мужчине *сыну*, исполнившемуся 18 лет, родители начинают подсматривать «невесту». Большею частью девушку высматривают на каком-нибудь из престольных праздников: «Рождество Христово», «Крещение» и другие. По старой укоренившейся привычке того времени редко сын указывает на ту, которая ему нравится. А диктуется родителями. Здесь в ход пускается все красноречие и с той, и [с] другой стороны. Это надо понимать так, что разговоры происходят не лично — жениха и невесты — а по большей части, между родственниками их. Сыну же из «куста» девушек показывают будущую жену. Здесь, кстати, приведу частушки, которые в большом ходу распеваемые под звуки гармоники:

<Первы>е, до свадьбы:

л. 4

[1]

Маменька, купи коня,
Коня вороного.
Маменька, жени меня,
Жени молодого!

или:

[2]

Маменька, купи коня —
Я буду кататься.
Маменька, жени меня —
Я не буду «гнаться»
Я не буду «гнаться»
Буду [нрзб.]

А после свадьбы смотри далее <вторы>е:

[3]

<Вторы>е, после свадьбы:

л. 3

Я не сам гармошку красил —
Мастер лаком наводил.
Я не сам жену <...>³¹ сосватал —
Отец с матерью ходил.

³⁰ В ркп заголовок раздела «Смотрины» пронумерован цифрой «1» (в публикации опускается), при этом нумерация остальных разделов текста («Сватовство», «В доме жениха» и др.) в ркп отсутствует.

³¹ В ркп зачеркнуто карандашом: «себе».

или:

[4]

Вы на что меня женили,
Пару коней маяли?
Вы на что такую взяли,
Кого люди хаяли?

и много др<угих>, порожденных опытом.

л. 5

Сватовство

Выбор сделан. Теперь в ход пускаются другие средства. Для того чтобы успех был обеспечен, приглашается «сваха». «Сваха» — это такой тип, который может «купить и продать», и за «Каму» перевезти, не «утопить», и денег не взять. Сваха редко бывает сродни тому или другому, но на «свадьбе» она гуляет с таким же «почетом», как и проч<ие> «гости».

Нередко мать жениха, или отец, или близкие родственники со свахой вместе идут или едут сватать. Кроме всех достоинств, выше перечисленных, сваха должна уметь еще и «присушивать», т. е. «колдовать»; а для этого сваха отыскивает давно испеченный хлеб и кладет его за пазуху с собой, а также проделывает буквально следующее: от печи берет железную заслонку и обводит ею три раза вокруг чела печи со словами «как заслонка от печи не отходит, так и (имя) от нас не отходи». При заходе в дом невесты, // сваха сама проделывает, а также и родственникам наказывает <...>³² пятой ноги своей постучать о порог в доме со словами трижды: «как “пятка” от порогу не отходит, так и (имя) от нас не отходи».

л. 6

Примечание: Этот обычай вкоренился очень давно, в то время, когда были курные избы, и двери были не на железных шарнирах или почетьях, а просто вставлялись с «пяткой». Здесь делается сопоставление «как пятка», т.е. подразумевается древняя «пятка».

л. 7

Подъехав к «дому» невесты, заходят в избу, *помолятся на иконы*, раскланиваются во все стороны — хозяину и всем присутствующим. Но т.к. предварительно бывает разговор где-либо, то «хозяин» знает, что за «гости» пожаловали. Разговор начинается с погоды и переходит на то, за чем приехали. Примета: если «невесту» застанут на печи, то успех обеспечен. Кроме того, при появлении таких гостей, // чтоб более понравиться, или, вернее всего, по вкоренившейся привычке, невеста берет «прясницу» и

³² В ркп зачеркнуто: «постучать».

начинает доказывать свое искусство. Обсудив все, кто родня, как у той, так и у другой стороны, т. е. вопросы ставятся так, если сватовшики не близкие: «Я вот знаю того-то, этого, и т.<ак> далее». Здесь воскресают разные воспоминания из прежней жизни и т.<ому> под<обное>. Сватовщица старается как можно более говорить и расхваливать жениха с разными преувеличениями, с его хорошими качествами, а также выставляется родовитость, «порода» (как у нас говорят). И после всего этого ставится вопрос: можно ли рассчитывать на согласие? Родители невесты, если совсем не отказывают, то или прямо приглашают «с женихом», или говорят «подумаем». Нередко сватовство затягивается; бывали случаи — в «сороковой» раз высватывали, т. е. ездили 39 раз, но без успеха, в 40-й высватали.

Распростившись и раскланявшись, уезжают домой.

л. 8

Новый приезд, но старая песня: опять те же разговоры. Но теперь «героем» является жених. Если невеста не понравилась, то он берет шапку свою в руки и этим показывает, что окончательно решать дело не надо. Кроме того, после некоторых переговоров сватовшики все приехавшие выходят в сени или ограду для «совещания». В это время в избе происходит тоже совещание. После этого приступают к окончательному решению. Отец невесты дает «слово».³³

1-е примеч<ание>: «Слово» — значит он согласен выдать [дочь. — Г. М.] замуж и велит ехать на просватанье со своими гостями и своим угощением.

2-е примеч<ание>: Редко родители спрашивают своих детей, а как они, согласны ли? «Дети доверяют свою судьбу родителям»...

В доме жениха

л. 9

Настал назначенный день поехать на просватанье. В этот день жених идет в баню, надевает все чистое на себя. Собираются званые близкие родные, все, что нужно, с собою готовят. Пред тем, как ехать, мать и отец «благословляют» жениха. Сами садятся на лавку, а сын становится на колени пред ними. А они, взяв «образок» с «божницы»,³⁴ по преклоненной голове, крестообразно, сперва отец (или заменяющий его крестный, старший брат и т. д.) проводит, а потом в белом платке завернутый образок передает матери. Когда оденутся, то все садятся на места. По старому русскому обычаю пред дорогою следует «присесть».

³³ «Слово» — в ркп с заглавной буквы.

³⁴ «Божницы» — в ркп с заглавной буквы.

Хотя больших приготовлений и нет к просватанью как с той, так и с другой стороны, т. е. «жениха» и «невесты», но все же кое-какие угощения готовят. Так, напр<имер>, жених привозит пирог, разные вина (водку), пива в большом количестве и брагу.

Примеч<ание>: «С ногтем», как у нас называют.

Санях на <дву>х или на трех приезжают с близкими родственниками отец, мать и жених. На этот раз долгих разговоров не ведется, а сразу приступают к делу. Отец невесты дает руку отцу жениха. В это время подходят родственники с об[е]их³⁵ сторон и разнимают руки. После чего начинается усиленное, по чайному стакану водки, угощение со стороны жениха. Специально же приглашенные девушки «писельнич» (песенницы) поют:

[5]³⁶

Не сине море сколыбалося,
 Ни вода с песком помутилася —
 Помутилася родимой батюшка,
 Пошатнулася родимая матушка. //
 Вот дохвастал родимой батюшка:
 — Не отдам я свою родимую дочь
 Ни за купца я, ни за боярина,
 Ни за добра, добра сына крестьянина!
 Дохвастала и родимая матушка:
 — Посажу я свою милую дочь во садичек,
 Во садичек во зеленинькой,
 Огороду тыном, решеткою!...
 Молодым-то я, молодешенька,
 Недорослая в поле травонька,
 Недозрелая в саду ягодка.
 Ни наполнила лица белаго,
 Ни нарумянила щечки алые {алыё},³⁷

л. 11

³⁵ В ркп: «с обоих».

³⁶ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 1. Здесь и далее оригинальная нумерация снимается (см. предисловие).

³⁷ В ркп — «алыя(ё)». Здесь и далее в аналогичных случаях И. В. Иванов заключает в скобки свойственный местной традиции вариант диалектного произношения того или иного слова (части слова). В ряде случаев данные варианты помещаются автором выше или ниже основной строки, например:

«От добраго сына крестьянина
 (хрестьянина)»

Ни отростила трубчатой косы,
Ни наездилась ни по базарам, ни по рыночкам, <...>³⁸
Ни уносила много цветного {цветнова} платьица.

[6]³⁹

Что ни вечер ли вечерается {вечераетса},
Красно {красное} солнышко закатается {закатаетса},
Житье дивичье {девичье} коротается {коротаецца},
Ко мне кумушки собираются {собираютца},
Ко мне голубушки приближаются {приближаютца}.
Собралися мои кумушки,
Собралися мои голубушки,
Приближенные {приближенныя} мои соседушки.
Пособите, мои кумушки,
Помогите, мои голубушки
Много думушки передумати,
Много слез-горя переплакати,
Много «сдарьица»⁴⁰ {сдарьича} приналадити,
Худого сдарьича {сдарьица} некорысного. //
Чтобы {Штобы} не было мне укорушки
На чужой дальней сторонушке, л. 12
На чужой дальней незнакою,
От старого и от малаго,
От доброго сына крестьянина {хрестьянина}.
Укорит меня, молодешеньку,
Среди {середи} темныя {темные} ночиньки {ноченьки}
На кроваточке на тесовую,
На перинушке на пуховую,
На крутых да на сголовицах {сголовицах}
Укорою сердцу тяжкою:
— Ты ленива {линива} была ленивица {линивица}!..
Ты сонлива была сонливица!..
Просыпала все ночи темныя {темные},
Просыпала зори вечерные {вечерния},
Не наладила себе сдарьица {сдарьича}.

В настоящей публикации оформление подобных случаев унифицируется: варианты диалектного произношения слов, отмеченные И. В. Ивановым, заключаются в фигурные скобки и приводятся в соответствующих местах поэтической строки, например:

«Среди {середи} темныя {темные} ночиньки {ноченьки}».

³⁸ В ркп зачеркнуто: «(праздничкам)».

³⁹ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 2.

⁴⁰ «Сдарьица» — «даров», подарков. (Примеч. И. В. Иванова).

Вариант:

Как чужой-то чужой чужанин
Словно зимушка холодная {холодная},
Словно ноченька {ночинька} непроглядная;
Без морозу сердце вызнобит,
Без ветров румяна выдует.

л. 13 Когда всех угостят по первому стакану, выводят невесту из-за занавесы; все помолятся на образа по три поклона и «молодые» садятся в передний угол на посланный ковер на лавку. Над ними же бывает приколочена полка, куда ставятся иконы, // которыми благословляют и зажигают тотчас же две свечи. Если невеста «честная», т. е., как называют, несет «красоту», то к ее свече прикрепляется лента. Эта же лента <...>⁴¹ после венцов оставляется в церкви.

1-е примечание: Бывали случаи, что боясь родителей, девушка несла «красоту», т. е. «символ», эту ленточку, а в действительности была уже знакома с мужчиной. В таких случаях ей приходилось ленту, положенную в «Евангелие», выкупать.

2-е примечание: При несении красоты песни поются не так, как «опозоренной» девушке.

После первого стакана языки развязываются, начинается веселье. Далее, как гости, так и хозяева называют один другого «сват, нова {новая} родня», но в то же время называют по имени и отчеству. Когда все церемонии кончатся, уже далеко за полночь, «жених» уезжает домой.

л. 14

Девишник

Те же девушки «писеннички» приглашаются и на «девишник». Они помогают шить, вязать и проч<ее>, а также в это время спеваются к обручанию и свадьбе. Каждое утро и вечер девушки поют, а невеста в это время плачет. Да и есть от чего. Все эти напевы настолько жалобно поются, что даже слабонервные зрители редко выдерживают.

[7]⁴²

Как вечер было по вечеру,
Пораня {пораняя} етого да попрехняя,

⁴¹ В ркп зачеркнуто: «впоследствии».

⁴² В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 3.

Мимо батюшкинаго {батюшкинова} терема,
Мимо матушкиной белой горенки,
Мимо «кутнаго» окошечка
Пролетал «ясен сокол»!
Он махнул правым крылышком,
Он черкнул павлинным перышком,
Он сказал в избу: «Бог на помощь {помочь}<!>
Есть ли в етом тереме
Запросватана {запросватанная} красна {красная} девица,
Запоручен<н>ая дочь отцовская?
Не плачь, душа красная девица,
Не плачь да не кручинься.
Как чужая-то дальна сторонушка
Лучше своей родной.
Как чужой благоданный батюшка //
Лучше роднаго отца.
Как чужая благоданная матушка
Лучше родимои мамоньки.
Как чужия братья-соколы
Лучше своих родных.
Как чужие сестры-голубушки
Лучше своих родных.
Как чужие луга зеленые
Поросли травами шелковыми.
Как чужия поля чистыя
Засеяны пшеною белою!..»

л. 15

[8]⁴³

(Опровержение)

Как вечер было по вечеру,
Пораняя этого, попрженяя
Мимо батюшкинаго терема,
Мимо матушкиной светлой горенки
Пролетала горька кокушечка.
Она махнула правым крылышком,
Она черкнула павлинным перышком,
Сказала в избу: «Бог на помощь!
Есть ли в етом тереме
Запросватаная красна {красная} девица,
Запоручен<н>ая дочь отцовская?
Поплачь-ко, поплачь, красна девица,

⁴³ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 4.

Поплачь, да покручинься.
 Все чужая-то дальна сторонушка
 Много хуже своей родной.
 Как на чужой-то дальней сторонушке,
 На чужой-дальной, незнакомою
 Без морозу сердце вызнобят,
 Без ветров румяна выдуют.
 Как чужой благоданный батюшка
 Ровно лютый зверь во поскотине. //
 Как чужая-то благоданная матушка
 Ровно лютая змеюшка:
 Она посереде извивается,
 Ко резвым ножкам прививается,
 Прививается и кусается.
 Укусит, ужалит ретиво сердце!
 Как чужия-то братья-соколы
 Ровно черные да вороны.
 Как чужия-то сестрицы —
 Все сороки, все «вещичи»;
 Из дому в дом перелетывают,
 Вести перенашивают.
 Как чужой-то чужой-чужанин
 Словно зимушка студеная.
 Как чужия-то луга зеленые
 Они слезами поливаны.
 Как чужия-то поля чистые
 Они тоскою позасеяны!..

[9]⁴⁴

Пройдет зима студеная,
 С угоров снежки скатятся,
 Пробежатся речки быстрые,
 Прошумят ключи студеные,
 Повесят травы шелковые,
 Расцветут цветы лазоревые.
 Придет воскресеньице красное,
 Станут мои кумушки-подружки
 По утречку раненько,
 Умоются ключевой водой,
 Утрутся белым полотенышком,
 Учешут свои головушки
 Частым мелким гребешком, //

⁴⁴ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 5.

Заплетут свои струпчатые косы,
 Навяжут алые ленточки,
 Наденут цветные платица.
 Пойдут мои кумушки,
 Пойдут мои голубушки
 На поля да на широкия,
 На луга да на зеленые,
 На травы да на шелковые.
 Запоют они песни новые,
 Песни новые, проголосьные.
 Услышу я, молодешенька,
 Со прекрасного да со крылечка.
 Ушибут меня горячи слезы.
 Умоюсь я теми слезами,
 Утрусь тоской кручинушкой
 На чужой-дальной сторонушке,
 На чужой-дальной незнакомя,
 Незнакомя, неизвестною.
 Сорвут мои кумушки,
 Сорвут мои голубушки
 По цветику да по алинькому,
 По лазоревому.⁴⁵
 Мо[й]-[ет]⁴⁶ цветичек приостанется,
 Он от солнышка станет блекнути,
 От буйных ветров станет сохнути,
 От больших дождей станет мокнути.
 Вы сорвите, мои кумушки,
 Дорогие мои голубушки,
 Мой цветочек лазоревый
 И отдайте моей родимой <...>⁴⁷ матушке!

Приезд жениха с «прениками»

Во время «девишника»,⁴⁸ чтоб навестить свою «суженую», подобрав своих сверстников, более близких друзей, жених приезжает в гости. Девицы-песенницы свое дело хорошо знают. Еще не зашел жених в избу, а они невесту прячут за занавесу.

Примечание: за занавесу — значит в избе; если нет комнат, да таковых почти не было, вместо загородки делается занавеса, за которой <...>⁴⁹ и находится невеста.

⁴⁵ «Лазоревому» — в ркп с заглавной буквы.

⁴⁶ В ркп. «моет»; имеется в виду «мой-от».

⁴⁷ В ркп зачеркнуто: «маменьке».

⁴⁸ В ркп «девишник» — с заглавной буквы.

⁴⁹ В ркп зачеркнуто: «все и время».

Но жених выручает свою суженую пряниками и др<угими> сладостями. Девушки, получив угощение, поют жениху песни, а также и молодым спутникам, приехавшим с ним. За что от них особо получают вознаграждение от 10 до 50 коп<еек>.

Примечание: песни те же, что во свадьбу и в обручение, а потому их буду приводить в порядке.

- л. 19 В этот приезд жених и невеста сговариваются, // когда поехать на базар за покупками. На базаре же покупают дары. Дары покупаются на средства невесты. В свою очередь жених тоже покупает: зеркало, ботинки, на платье, мыло, гребень и кольца, а также «цветы на голову».

Договор

В договор приезжает жених с кем-нибудь из старших. В это время разговор бывает исключительно деловой. Уговариваются, когда сделать свадьбу и обручение. В то же время выясняется, сколько человек приедет на обручение.

- Общее примечание. Вообще, как на обручение, так и на свадьбу и прочее, от жениха никогда не приезжают четным числом — всегда или три, или пять и т. д. Кроме того, считается в высшей степени неделикатно, если новая родня пошлет гостей после венчания более, чем было на обручении, а потому в договор и устанавливается, // что от невесты будет гостей столько-то; так и приезжают на обручение.
- л. 20

В это же время уговариваются и о дарах: кому будут дары от невесты, вообще «поезжанам», и какие. Для гостей обыкновенно покупают на рубашки или же просто носовые платочки, если не очень состоятельная невеста, т. е. свадьба не из богатых.

Каждое утро и вечер на «девишнике» девушки жалобным тоном еще поют, а невеста плачет. А также заплетают и расплетают косу. Все девушки, находящиеся на «девишнике», свои ленточки прикрепляют в косу невесты, а п<е>ред тем, как ехать к венцу, утром обратно получают, когда в последний раз поется и плачет невеста.

[10]⁵⁰

Хожу я по белой по горенке.
Кого я хожу да смекаю? —
Свою да я сестрицу родимую.

⁵⁰ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 6.

Я едва ея увидела,
Я едва ея усмекала. //
Спобью я челом да поклоняюсь,
Свысока да понизехонько,
От бела лица до сырой земли.
Я попрошу тебя, родимая сестрица,
Причеси мою буйну {буйную} головушку,
Ты да воз[б]ми в леву ручку русы волосы,
Во правую частый гребешок,
Причеси мою «буйну» головушку
Глаже плису, глаже бархату,
Глаже шелку, шелку чистаго.
Заплети, моя родимая сестрица,
Мою струпчату косу,
Мелким-то ея мельчешенько,
Во ячменное мелко зернышко.
Еще и того помельче!...
Во овсянное мелко зернышко.
Еще и того помельче!...
Во ржаное мелкое зернышко.
Еще и того помельче!...
Во конопляное мелкое <...>⁵¹ семячко.
Еще и того помельче!...
Во ленное мелкое <...>⁵² семячко.
Еще и того помельче!...
Во маковое мелкое семячко.
Еще и того помельче!...
Во единый да волосок!...
Заплети, моя родимая сестрица,
В косу шелковую косоплеточку,
По конец моей струпчатой косы
Узелок завяжи покрепче,
Покрепче да понадейнея.
Привяжи, моя родимая сестрица,
В мою струпчату косу алыя ленточки. //
Вяжи же их покрепче,
Покрепче да понадейнея!...
Чтоб не поднялись буйныя ветры,
Не сдули алыя ленточки
С моей «дивьей красоты»!
Хороша моя «дивья красота»,
Хороша она да украшена,
Честная да сбереженная!....

л. 21

л. 22

⁵¹ В ркп зачеркнуто: «зернышко».

⁵² В ркп зачеркнуто: «зернышко».

Сберегла я дивью красоту
От ветру от вихорю,
От частаго мелка дожличка,
От снега от белаго,
От белаго да студеного.
Вьется моя дивья красота,
Она вьется да увивается,
Она с плечика на плечико перелетывает,
С праваго на левое перепрыгивает,
С леваго на ретиво сердце!..

В гостях у дяди (невесты)

Во время девишника, еще в последний раз девушкой, невеста со своими подругами приглашается в гости ко всем родным. Где стряпаются пельмяни и угощаются все девушки. Эти пельмяни делаются еще и с разными загадками. Делается один пельмянь с солью: кому он попадет — то той девушке будет жить «солоню», л. 23 т. е. не очень хорошо. // Второй пельмянь делается с углем — тоже знак плохой. Третий с печиной — значит жить будет с большой кручиной. Девушки кушают, а невеста в это время всего только берет по одному пельмяню с тарелки,⁵³ а в общем — не более трех. Кроме того, девушки, так же как и дома, поют по приезде, еще не зашли в дом, в сенях:

[11]

Я воскличу, возгаркаю
Своего дядюшку родимого,
Мою тётушку родимую:
— Отвори-ко, родимой дядюшка,
Отопри-ко, родимая тетушка,
Широки двери на петельках.
Прищипало ножки резвые
Ко башмачкам ко сафьяниньким,
Ко чулочку ко бумажному.
Прищипало ручки белья
Ко скобе, скобе железною!..

Двери открываются, и все заходят в избу и опять поют, еще не раздевшись, но лишь разместившись по лавкам:

⁵³ В ркп — «торелки».

[12]

Не осудите, мой родимой дяденька, //
Моя родимая тетушка, л. 24
На меня на молодешеньку,
На кручинную да на печальную
Душу красную девицу.
Я приехала к тебе в гости,
К тебе в гости не одна — «в людне»:
Со сестрицами со родимыми,
Со кумушками со подружками.
На роду-то я да не в первья,
На веку-то да не в последня,
С «дивьей красотой» во последний раз,
И со голубушкой с трубчатой косой.

[13]

После обряда:

Спасибо родимому дядюшке
Со родимую тетушкой
На хлебе и на соли,
На великою добродетели.
Я сидела у вас, молодешенька,
Впереди да под иконами,
За столами за дубовыми,
За столешенкой кедровою,
За скатерочкой шитой бранною,
На брусчатою на лавочке,
Против палевой торелочки,
Против «рибчатою» вилочки,
Серебрянную ложечки,
За питьями за медяными,
За ясвами за сахарными.
Я пила да ела-кушала,
Что душа моя изволила,
Поизволила, поохотила.

В это время со стола все убирают, и девушки, выйдя из-за л. 25
стола, поют:

Благослови же, Боже Господи,
 От стены-стены отшатнуться,
 На резвые ножки становиться.

Уж вы, ножки, ножки резвые,
 Сослужите службу великую
 Подо мною да молодешенькой,
 Под кручинною красной девицей.

Я кого же хожу-смекаю
 По белою по горенке? —
 Своего дядюшку родимого,
 Свою тетушку родимую.
 Я едва-едва их усмекала,
 Я насилушку их увидела
 Сквозь тоску, тоску-кручинушку,
 Сквозь великую печалюшку.
 Сидит мой родимой дядюшка
 Со родимую тетушкою
 На брусчатой на лавочке.
 Они век сидят не по-старому,
 Не по-старому, не по-прежнему:
 Помутились у их очи ясные,
 Повесили они буйны головушки
 На крутых плечах,
 И склонили их на широку грудь,
 Поджали ручки белые
 Ко ретиву сердцу,
 Поджали ножки резвые
 Под брусчатую под лавочку.
 Я спрошу у вас, родимой дядюшка,
 Я спрошу у вас, родима {родимая} тетушка, //
 Я спрошу у вас, низко кланяясь:
 Могу ли к вам приступить, к вам,
 Во резвы ножки поклониться?
 Нет ли в ваших белых ручках
 Ножа булатного или сабли острья?
 Не снесете моей буйной головушки
 Со могучих плеч?
 Не подрежете струпчатой косы,
 Не замаранных «алых ленточек»?!...

л. 26

Зовут дядю и те[т]ку на беседу: на обручание и на свадьбу:

[15]

Не поломайся, мой родимой дядюшка,
Моя родимая тетушка
На меня на молодешеньку.
Будьте к моему батюшке
На веселую на беседушку,
Ко моей родимую матушке
На веселую на компанию,
Ко мне молодешеньке
На слезливый на девишничек.

На обратном пути, дорогою, девушки поют песни веселые:
«не все же плакать».

Синее море во тумане.

См. Прилож<ение> Особо Этих песен Ив<анов>⁵⁴

Приложение песен⁵⁵

л. 27

[16]

Сине морюшко да во тумане
Льет красавицу волной.
Пойду с горюшка в синее море,
Брошу горе на воде.
На воде горе мое не тонет,
Его волною не несет.
Садичек ты мой зеленой,
Когда сповырос у меня?
Миленький ты мой дружок,
Когда забуду я тебя?
Я тогда тебя, милой, забуду,
Когда закроются мои глаза.
Призакройте мое тело бело
Тонким белым полотном.
Призасыпьте мои очи ясны
Желтым мелкоконьким песком.
Вы положьте-ко да на сердечко
Бел-горючий камешек.
Я со этого ли камешечка
На бумажечку спишу.

⁵⁴ Так в ркп; надпись сделана синим карандашом.

⁵⁵ Надпись сделана синим карандашом на правом поле листа.

Я со этой ли со бумажки на рисуночек сниму.
 На рисуночек сниму, всем подружкам разошлю.
 Всем я кумушкам подружкам
 Я словесно расскажу:
 «Уж вы, кумушки мои, подружки,⁵⁶ //
 Вы не делайте того, не любите никого.
 Полюбить-то хорошо — расставаться тяжело.
 Все от этого разставанья
 Приключается болезнь.
 После этуо болезни скоро смертонька идет.

[17]⁵⁷

Сашинька-разсашинька,⁵⁸
 Куда волюшка девалася гульба?
 Гульба-волюшка на ум-разум не идет,
 Дружок миленькой с ума мне не сойдет.
 Сызмалешенька вольнешенька была,
 Молодешенька на славушку пошла.
 Я не слушала ни мать и не отца,
 Не глядела ни на братьев, на сестер,
 Не смотрела ни на теток, ни на снох,
 Не любила дрянь женатых мужиков,
 Полюбила холостого браваго.
 У женатаго зубатая жена,
 Где-ка сойдется и соймется со мной,
 Где-ка свидится — наложницей зовет:
 — Ты наложница, разрушница моя,
 Не дала мне с молодым мужем пожить,
 Не дала мне милых деточек нажить.

[18]⁵⁹

Всю Россиюшку изъехал,
 Всю губернию прошел — своей милой не нашел.
 Жить на родину приехал —

⁵⁶ Окончание текста (5 строк) записано на листке (л. 27а), приклеенном снизу к л. 27.

⁵⁷ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 19, перечеркнутой синим карандашом. На правом поле л. 28 помета синим карандашом: «Ив» — по-видимому, подпись И. В. Иванова.

⁵⁸ «Разсашинька» — в ркп со строчной буквы.

⁵⁹ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 20, перечеркнутой синим карандашом.

Не застал милой в живых.
Померла моя милая, жизнь кончалася, любовь.
Ручки к сердцу приложила,
Грудь закрыта полотном.
Тело в гробе говорило:
— Подойди милой сюда, по край гроба моего,
Милой, Богу помолися, вороти душу назад.
— Помолиться Богу можно, воротить душу нельзя.
Сколь я Богу не молился — воротить душу не мог.
На кладбище возносили, воздохнула мать земля.
— Милый, выкопай могилу в 3 саж<ени> глубиной...

[19]

На серебряной реке, на желтом песочке
Я у милочки гулял, гулял во садочке,
Я смекал родных следочков —
Здесь их нет, не будет.
Ветром задувало, дождем замывало,
Снежком засыпало.
Не моя-то ли милая с камня в воду пала?
Она пала во Дунай, широко раздолье.
Сел я мигом на коня, шевельнул уздою,
Дал я коню шпорам по бокам:
— Ты лети, мой верный конь,
Лети, конь, стрелою.
Против церкви на пути, конь, остановися.
Я с коня спустился
И, на паперть заходя, Богу помолился.
Вот во храм Божий зашел —
Весь народ толпою.
Тут у многих в руках свечи,
Увидал и милку тоже:
Она ходит вокруг наложя,
В руках с женихом тоже свечи,
На голове златые венцы,
Теперь и в воду концы.

л. 29

[20]⁶⁰

Что, мой милый, притомился?
Сам ко стенке навалился, зачал засыпати,

л. 30

⁶⁰ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 21, лист в данном месте оборван.

Зачал засыпати, горе забывати.
Горе великое ему привиделось во сне.
Во сне жизнь не радость,
Радость дорогая — Сашенька милая,
Сашенька милая, девушка баская.
Ростом невеличка, сама круглоличка,
С черными бровями, офицерская дочка.
Вышла на крылечко, брякнула в колечко,
Брякнула в колечко, молвила словечко:
— Пробудися, милой, выйди на крылечко,
Возьми твою Сашу за ручку.
Брал Сашу за ручку, за ручку за правую,
Повел Сашу во горенку, посадил на лавочку,
Сам садился на стулик.
Налил Саше вина чару,
Сам выпил пару.
Саша с чары стала пьяна,
А я выпил пару да не пьяный...

[21]⁶¹

Знать под кустичком да под ракитовым
Парень девушку да уговаривал:
— Уж ты девка ли, девка-девица,
Старопрежняя моя полюбовница,
Вспомни, как мы с тобою прежде жили-любовались,
В зеленом-то саду да расставались.
Уж пойдем-ко, пойдем, девка-девица,
Сорвем-ко, сорвем цветик алинькой,
Совьем-ко, совьем виночик малинькой
Моему-то дружку на головушку.
— Ты носи-ко, носи, милой, не скидывай,
Ты люби-ко, люби да не покидывай.

л. 31

Обручение. В доме у жениха

Как к[о] дню свадьбы, так и к обручанию уже готовятся заранее. Девушки — случайные песенницы — при благословении отцом *с матерью* сына поют:

⁶¹ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 22, перечеркнутой синим карандашом.

Растоплялася банюша,
 Разгорелася каменка.
 Ростужился-расплакался
 Удалой доброй молодец.
 Он по горенке похаживает,
 Свои кудричи расчасывает,
 Батюшка родимаго посмекивает,
 Благословленьице выпрашивает:
 — Благослови-ко, родимой батюшко,
 Во церковь Божию ехати,
 Закон Божий принять
 Со душою красною девицей.

<...>⁶²

л. 32

[В доме невесты]⁶³<...>⁶⁴

В обручение угощает отец невесты. Как в обручение, так и во свадьбу, ложек на стол не носят, а угощают исключительно «жареным» и «пареным», которое можно есть только вилками. Водкой угощает тоже в обручение отец невесты. Сколько человек придет на обручение, столько и должно ехать к жениху гостей от невесты.

Песни в обручение поются те же, что и в свадьбу, т<ак> что певички только сообразуются, чтобы не спеть ту же песню одному и тому же лицу, которую пели при обручении. В обручение же и «дружка»,⁶⁵ как главное лицо, старается «поладить» «молодых», т. е. тайным наговором на водку или брагу шепчет «присушную» молитву, дабы после венчания молодые любили друг друга.

Здесь я потому обращаю внимание на это, что дружка «шепчет» именно в обручение. Есть такое суеверие: если поладят до свадьбы, то «молодые» будут жить дружно, а после венцов никакие заговоры не могут сдействовать. После обручения сговариваются, когда и в какой день сделать свадьбу...

Примечание:⁶⁶ После обручения приносится в дом невесты солома. Дабы по выходе *замуж* не быть «голой». Поговорка: «Как на полу солома, так и невеста не будет гола».

⁶² Зачеркнуто: «См<отри> замеч<ание> на полях»

⁶³ Данный заголовок написан на предыдущем листе (л. 31), внизу.

⁶⁴ В ркп зачеркнуто: «После просватания бывает обручение».

⁶⁵ «Дружка» — в рукописи с заглавной буквы.

⁶⁶ В ркп данное примечание на л. 31.

[Свадьба (день венчания)]⁶⁷

Сбор поезда у жениха ехать к невесте со свадьбой. В это время девушки у жениха поют:

[23]^{68, 69}

Вокруг пролуби голуби, (2 раза повторяют)
 Они воркуют, воркуют, (2 раза)
 Воркуют, воду пьют. (2)
 Из них один голубь посизя всех, (2)
 Посизя, понаряднея... (2) //
 Удалой доброй молодец (2)
 (Имя и отчество жениха), (2)
 Он горазд бояр выбирать. (2)
 Себе выбрал боярина — (2)
 Удала добра молодца (2)

л. 33а

*(Имя и отчество тех лиц, после каждой
 пропеты песни, кто поедет со свадьбой).*

Встреча поезда у невесты

Когда заезжает «поезд», т. е. едущие со свадьбой, в ограду, в это время поют девушки, собранные у невесты, следующее:

[24]

*Весело поется*⁷⁰

Ой,⁷¹ не было ветров — (2 раза)
 Ой, вдруг навинули. (2)
 Ой, не было гостей — (2)
 Ой, вдруг наехали. (2)

⁶⁷ Л. 33 подклеен сверху к л. 33а. Справа на поле пометка: «обручание на отдельном листе описано».

⁶⁸ В ркп данный текст пронумерован арабской цифрой 1 (со скобкой).

⁶⁹ «См. 2-ю песню перед отъездом на отд<ельном> листе». (Примеч. И. В. Иванова после строчки «Посизя, понаряднея...», внизу л. 33).

⁷⁰ Данное примечание И. В. Иванова написана слева от поэтического текста.

⁷¹ Здесь и в последующих строках частица «ой» слева дописана позже, чем основной текст, о чем свидетельствуют заглавные буквы первых слов в каждой из строк (при публикации заменены на строчные).

Ой, полная ограда, (2)
Ой, все повозок да саней. (2)
Ой, полная конюшня, (2)
Ой, все гостинных лошадей. (2)
Ой, полные сени, (2)
Ой, все подушек да перин. (2)
Ой, полная горница, (2)
Ой, все далеких поезжан. (2)
Ой, полное застолье, (2)
Ой, званых гостей. (2)

В избе, когда напьются чаю у невесты, девушки поют жениху песни:

[25]⁷²

Как во тереме гуслицы лежали,
Все во тереме звончаты лежали.
Некому во гуслицы играти,
Некому по звончатым гуляти:
Удалого молодца дома нет.
Он не в людях, не в гостях:
У тятюшки за столами,
У тещиньки за блинами.
Тещинька зятюшка ласкает: //
— Ешь, мой зять, наедайся,
Поедешь домой — не ломайся,
Над моей дочерью не капризься.
Мое дитя неученое,
Неученое, нетореное:
Со коня спустить не возможет,
Во уста целовать не догонет.
За белы ручки подхватила,
Во светлу горенку уводила,
За дубовой столик посадила,
Чаю-кофею напоила,
Сладкой водочкой угостила.

л. 34

[26]⁷³

Как не винная река протекла,
Как не винная со сахарами.

⁷² В ркп данный текст пронумерован латинской буквой «а».

⁷³ В ркп данный текст пронумерован латинской буквой «б».

Все по тою по не винною реке
Плывет судно серебряное,
Серебрянно позолоченное.
Как на том судне немножко людей —
По моему счету семь человек.
Восьмой — водолей воду льет,
Девятой — кашевар кашу варит,
Десятой — разудалый молодец.
Он по суденышку похаживает,
Свои кудричи расчасывает,
Молодцов принаряживает:
— Уж вы гряньте-ко, ребята молодые,
Уж вы гряньте, неженаты-холосты,
Уж вы гряньте ко крутому бережку,
Уж вы гряньте ко зеленому лужку.
Вышли на берег, махнули желто-
-ситцевым платком,
Прираскинули бел-полотенной шатер,
Приразрушали бел-круписчатой калач.
Неоткуль да красна девица взялась.
Начали они во карточки играть,
Проиграли день до вечера с утра.
Проигрался наш удалой молодец,
Проиграл он своя ворона коня.

(Каждая строчка этой песни повторяется два раза)

л. 35 Та же песня поется второй раз невесте, и после слов
«Проиграли день до вечера с утра» поется вместо «Проигрался
наш удалой молодец» —

Проигралася красавица душа,
Проиграла свою трубчату косу
Со алыми со ленточками.

(Так же эта песня поется, т. е. каждая строка повторяется
2 раза).

[27]⁷⁴

Из-за леса, леса темного,
Из-за садичка зеленого
Шел-проходил удалой молодец.
Он шел-дошел до розова куста,

⁷⁴ В ркп данный текст пронумерован латинской буквой «с».

Сорвал с кустичка розовой цветок.
Сам над цветиком любитесь,
Красоте своей дивуется:
Красота ли, моя красоточка,
Красота моя неумяя,
Расгорается, не уймется.
Пойду-зайду я во купеческую лавочку,
Наберу цветнаго платьица,
Во собор зайду, Богу помолюся:
— Создай же мне, Господи Боже,
Невесту хорошу:
Чистую, речистую,
Дельную, рукодельную,
Отца матери богатаго,
Рода племени хорошаго.

[28]⁷⁵

Из-за леса, леса темнаго,
Из-за садичка зеленаго
Табун коней выбегат.
Чей этот конь наперед всех забегат?
Копытча мечет,
Путь-дорожиньку сечет,
Шейньку несет колесом, колесом,
Гривоньку несет парусом, парусом,
Хвостичек несет повиличной трубой.
(Песни эти тоже поются весело).

[29]⁷⁶

Винная ягодка,
Виноградная веточка,
Наливной хорош яблочек —
Удалой доброй молодец
(имя и отечество жениха).
У его же, у молодца,
У его лицо белое,
У его щечки алые,
Примени к маку алому,
К маку алому ко кудрявому.

л. 36

⁷⁵ В ркп данный текст пронумерован латинской буквой «d».

⁷⁶ В ркп данный текст пронумерован латинской буквой «e».

Пройдет он — не трехнется,
Говорит — не розсмехнется.
Говоря павлиная,
Его речь лебединая.
Удалой доброй молодец
(Имя и отчество жениха).

[30]

Песня тысяцкому

Пристало дело черемушке, <...>⁷⁷
Пристало во саду цвести,
Цвести, цвести и росцвести.
Пристало дело тысяцкому,
Пристало впереди стоять,
Впереди под иконами,
За столами дубовыми,
За скатерочками шито-бранными,
За ясвами за сахарными,
За питьями за медянными.
— Ты подвинься, княже тысяцкой,
От пути да до переду
По брусчатой лавочке.
Над тобою, да княже тысяцкой,
Все Никола со милостию,
Богородица со радостию.
На тебе, княже тысяцкой,
Добра⁷⁸ шуба до полу:
Права пола — сто рублей,
Лева — во тысячу,
Самой шубе и цены нет.
Цена — молодая жена.

[31]

Песня дружке в свадьбу

Приве: Кто у нас хорошинькой,
Кто у нас пригожинькой? —
Дружинька хорошинькой,
Дружинька удалинькой.

⁷⁷ В ркп зачеркнуто: «цвести».

⁷⁸ Сверху простым карандашом надписано: «Дорога».

[32]

Песня подружью

Припев: У дружки подружьище хорошо,
Люли-люли, да хорошо.

За что его цари-то полюбили,
Хороший тулуп подарили?

Припев: «У др<ужки> подр<ужьище> хор<ошо> и т. д.»

За что его цари-то полюбили,
Хорошую рубашку подарили?

Припев: «У дружки...

За что его цари-то полюбили,
Шапочку-караблик подарили?

Припев: «У др<ужки>...

За что его цари-то полюбили,
Суконные брюки подарили?

Припев: «У др<ужки>...

За что его цари-то полюбили,
Козловые сапожки подарили?

Припев: «У др<ужки>...

За что его цари-то полюбили,
Жамшевые перчаточки подарили?

Припев: «У др<ужки>...

За что его цари-то полюбили,
Молодой женой наградили?

[Припев]: У дружка подружьище хорошо,
Люли-люли, да хорошо...

[33]

Песни поезжанам или как наз<ываемым> боярам

Цветичек алинькой,
Розовой голубиной.
Кто у нас хорошиной,
Кто у нас пригожинкой?
Бело он умылся,
Снарядно снарядился:
Рубашка кашемирова,

Брюки тонкого сукна, //
Сапоги с калошами.
Удалой доброй молодец
(Имя и отчество того, кому поется песня).

л. 39

[34]⁸¹

Неженатому боярину

Над рекой, речкой, рекою,
Над широкой ширью⁸² широкою
Стоит дряво кудряво.
На том дряве кудряве
Сидит пташка веселая,
Веселая пташка — соловейка.
Она песенки поет веселье,
Речи говорит премудрые:
— Кто у нас на свадьбе не женат?
Удалой молодец неженатой. <...>⁸³
(Имя) не женат (отчество)-соколик не женат.
Посадите его всех повыше,
На три стуличка на дубовы,
На четвертую подушечку пухову.
Еще мы бы на него поглядели,
Невесте его похвалили.
(Имя)-молodeц хороший,
(Отчество)-соколик удалой,
Ровно белой сыр на окошке,
Бел-круписчатой калач на тарелке.
Сыр калача побелее —
Сын дочери помилее.
(Имя)-молodeц хороший,
(Отчество)-соколик удалый.

[35]⁸⁴

Молодому боярину

Вокруг Казани, вокруг города,
Вокруг високаго терема
Пролегала путь-дороженька

⁸¹ В ркп данный текст пронумерован римской цифрой II.

⁸² Слово «ширью» И. В. Ивановым написано неразборчиво; сверху карандашом, рукой неизвестного лица, написано разборчиво.

⁸³ В ркп зачеркнуто: «(имя)».

⁸⁴ В ркп данный текст пронумерован римской цифрой III.

Непрохожая, непроезжая.
 Тут проходил и проезжал //
 Удалой доброй молодец
 На своем коне вороном,
 На шитом ковре золотом.
 Увидала его сестрица
 Из высокога терема
 Через кошечето окошечко,
 Через немецкое стеколышко.
 Говорила ему сестрица:
 — Полно, брат, ездити,
 Добра коня томити,
 Самому себя беспокоити.
 — Ты, сестра ли моя, сестрица,
 Не жалей-ко чужого живота,
 Чужого живота тястюшкова.
 Мне не батюшко коня скормил,
 Мне не матушка ковер скроила,
 Не ты, сестра, вышила.
 Вышивала своячница,
 Подарила суженая
 Душа красная девица
 (Имя)-свет (отечество).

[36]⁸⁵*Песня боярину*

Во городе Клемесчетом,
 На стуле на решесчетом
 Сидит удалой молодец.
 Он чесал русы кудричи,
 Он чесал и приговаривал:
 — Ой вы, кудри ли, кудричи,
 Вы с чего завивалися?
 Вы теперь бы развилися.
 Не успел слово молвити —
 В терем двери отворилися,
 К нему барыни явилася,
 Молодая жена боярани
 (Имя и отечество>).
 — Ты иди, иди, барыни, //
 Ты пльви, пльви, бел лебедь,
 Ты лети, лети, косаточка,

⁸⁵ В ркп данный текст пронумерован римской цифрой IV.

Ты катись, катись, злат перстень,
Ты алей, алей, ал цветок.
На то барыни ответила:
— Кабы я была барыни —
Передо мной были служаночки.
Кабы я была бел лебедь —
По синю морю плавала.
Кабы я была косаточка —
По воздуху летала.
Кабы я была злат перстень —
У тебя б была на ручиньке.
Кабы я была ал цветок —
У тебя б во саду цвела,
Во саду под окошечком.

[37]⁸⁶

Неженатому боярину
Во светлой во светлице,
Во столовой новой горнице
Столовали бояре,
Пировали князя московские,
Губернаторы казанские.
Они задумали пожениться,
Пожениться, потешиться
Над душою хорошей девицей
(Имя и отчество невесты).
Она стала бегати
В темны леса кунницею,
В шелковы травы ласкою,
Во сине море рыбой щукою.
— Вот и дойду я, доступлюся,
Все леса повырублю,
Всех кунниц повыловлю,
Все травы, травы повыкошу,
Всех ласточек повыимаю...

[38]

Песня невесте

л. 42

В раю-раю,
(Имя) в оgrade

⁸⁶ В ркп данный текст пронумерован римской цифрой V.

Стоит колодец
Кипучей, горючей;
Кипит, выкипает,
Горит, выгорает.
Тут ходила и гуляла
Душа красная девица
С палевым блюдечком,
Со серебряной ложечкой;
Золотую пелену снимала,
Образа поновляла,
На них же она Богу молилась.⁸⁷ //
— Еще дай же мне, Господи-Боже,
Жениха-то умного-разумного,
Отца-матери богатого,
Рода-племени хорошаго. //

л. 42а

л. 43

Все моря повысушу,
Всех рыб-щук повыимаю,
Дойду я, доступлюся
До души хороши девицы
(Имя и отечество).

[39]

Жениху и невесте

Где же, где же селезенько взрос? — (2)
На синем на море. (2 раза)
Где же, где же повыросла утица? — (2)
На тихой на воде. (2)
Раньше не слеталися —
Нынче солетилися,
Солетилися, сопарилися,
Сопарилися, на одном гнезде сидят.
Нынче они (2)
Одну травку едят, (2)
Нынче они (2)
Одну воду пьют. (2)
Где же, где же удалой молодец взрос? — (2)
Он в высоком во тереме. (2)
Где же, где же взросла красная девица? — (2)
Она взросла в высоком во тереме. (2)
Раньше они не видалися — (2)
Нынче они солетилися, (2)

⁸⁷ Л. 42а приклеен снизу к л. 42.

Солетилися, сопарилися. (2)
Нынче они на одном стуле сидят
За питьями за медянными,
За ясвами за сахарными.

[40]

Будуц<ей> свекрови

Пойду я низко поклоняюся,
Свысока да понизехонько,
Своей матушке (имя свекрови):
— Подойди, благоданная матушка,
Ко мне, да молодешеньке, //
Ко кручинною красной девице.
Не брось меня на чужой стороне,
Не дай меня в обидушку
Своему сыну милому
(Имя и отчество жениха).

л. 44

[41]

Свекру

Вот пришла весна —
Прибыла вода,
Круты бережка принаполнилися,
Кораблички принагрузилися.
Один корабличек не нагрузился.
На тот корабличек ступила красна девица
Душа (имя и отчество невесты).
Разслезила батюшка с матушкой,
Звеселила свекра с матушкой,
(Имя и отчество свекра).

[42]

Брату невесты

На горе стоит шатер,
Под горою бел-полотянной.
Вокруг шатерышка братец похаживает,
Он во шатричек завернется,
Он у сестрицы спросится,
Он и сестрице доложится:

— Приходил чужой чужанин,
Он просил узду строченую.
— Ты ему, брат, отказывай,
Меня, младу, не сказывай.

За каждую спетую песню, кому она поется, тот кладет деньги, т. е. дарит девушек деньгами. После каждой спетой песни поется припевка.⁸⁸

[43]⁸⁹

л. 45

Стоит терем — //
Верхи крашенные,
Книзки золоченые.
На кроваточке тесовой,
На перинушке пуховой
Лежал удалой молодец
Со душою голубушкой,
Молодой женой боярыней.
Перина от сголовицей не рознится,
Одеялышко к ножкам не катится.
Промежу-то имя вьется
Не ласточка, не косаточка —
Милой сын (имя и отечество)
(Или милая дочь).
Промежу-то ими вьется
Совет да любовь, богатство.
Еще дай тебе Боже сорок быков,
Сорок быков, пятьдесят жеребцов.
Быки-то быкам потяжквали,
Белые снежки попыхивали,
Жеребцы-то бежали — полегивали,
Черные грязи побрызгивали.

[44]⁹⁰

Ты, (имя)-молодец, догадайся, (2)
Ты, (отечество)-соколик, догадайся, (2)
За монетовой кошель сохватайся. (2)
Ты монетовой кошель, шевелися,

⁸⁸ См. № 44. — Г. М.

⁸⁹ В ркп данный текст пронумерован римской цифрой I.

⁹⁰ В ркп данный песенный текст пронумерован римской цифрой II.

Серебро, на ребро становися, ой, (2)
По дубовому столу прокатися, ой, (2)
Да ты до нас, до девиц, докатися, ой. (2)
Ты дари-кося нас, не скупися, ой, (2)
Ты дари-кося нас понемножку, ой, (2)
Ты дари-кося нас по десятке, ой. (2)
Со десяточки сбавы нету, ой, (2 раза)
Ея нет и не будет, ой. (2)
Ты дари-кося нас по рублишку, ой. (2)
Нас немножко девиц, только сорок, ой, (2) //
Только сорок девиц со девицей, ой, (2)
Пятьдесят молодежи с молодежицей, ой. (2)

л. 46

[45]⁹¹

Благодарственная, когда получают девицы деньги

Да⁹² уж ты здравствуй, благодарствуй, молодец, (2)
Да на твоих на честных на дарах, (2)
Да на твоею гривне золотою, (2)
Да на другою позолоченною, (2)
Да на копеечке серебряною, (2)
Да на другою серебряною. (2)
Да я не знаю, куда денежки девать, (2)
Да я не знаю — их пропить прогулять, (2)
Да я не знаю — на орешках прощелкать, (2)
Да я не знаю — на кабаке снести, (2)
Да я не знаю — на вине пропить, (2)
Да я не знаю — их на рыбке съест, (2)
Да я не знаю — на [нрзб.] (2)
Да уж я рыбку-то не ем,
Да только ем треску,
Да поцелуй девку баску.

(В это время, кому поется песня, если он мужчина, будь женатый или неженатый, подходит и всех девушек перещеловывает).

[46]⁹³

Ваши денежки золотые,
Наши песенки веселые

⁹¹ В ркп данный песенный текст пронумерован римской цифрой III.

⁹² Здесь и в последующих строках частица «да» слева дописана позже, чем основной текст, о чем свидетельствуют заглавные буквы первых слов в каждой из строк (при публикации заменены на строчные).

⁹³ В ркп данный песенный текст пронумерован римской цифрой IV.

Всю компаньицу звеселили:
Княжий тысяцкой свеселился,
Княжий дружинька срадовался,

(Каждая строка повторяется по 2 раза).

л. 47 Эта песня поется тогда, когда подходят к женихову пирогу;
в это время подают водку, пиво и брагу, т. е. угощают жениховым.

[47]

Синее море, ой, (2)
На валах стояло, ой. (2)
Зелено вино, ой, (2)
На столе внесено, ой. (2)
Кто у стола, ой, (2)
Зелено вино пьет, ой? (2)
Батюшко пьет со матушкою. (2)
— Батюшко пей, ой, (2)
Да меня не пропей, ой. (2)
Пей, пропивай, ой, (2)
Свой высок терем, ой. (2)
Ты его пропьешь, ой, (2)
Пропьешь — выкупишь, ой, (2)
Пропьешь — выручишь, ой. (2)
Ты меня пропьешь, ой, (2)
Пропьешь — не выкупишь, ой, (2)
Пропьешь — не выручишь, ой. (2)
— Милая дочь, ой, (2)
Ты давно пропита, ой, (2)
Запорученая, ой. (2)
Белья ручки, ой, (2)
Задаванные, ой, (2)
Сахарны уста, ой, (2)
Зацелованные, ой. (2)
Хорошо жила, ой — (2)
Честно замуж пошла, ой, (2)
Со ленточками, со красоточками, ой, (2)
Со кисточками, с разноцветными, ой, (2)
Со бантичками, со голубинькими, ой. (2)

Эта же песня поется каждому принимающему участие на свадьбе за исключением припева «Батюшка пьет...»; припеваается тот, кому она поется, песня, тот и подходит к столу за угощением.

В это время, как кладут деньги на красоту и подходят к пирогу, поется песня отцу и матери невесты.

[48]

Я воскличу да восгаркаю
 Своего батюшка со родимую матушкой:
 — Приступите-ко, родимая матушка,
 Мой родимой батюшка,
 Ко мне, молодешеньке,
 Ко столику ко дубовому,
 Ко столешенке ко кедровую,
 Ко скатерочке шито-браною.
 Откупи-ко, мой родимой батюшка,
 Моя родимая матушка
 Золотой казной
 Мою трубчату косу
 Со дивьею красотою.
 Не жалей-ко, родимой батюшка,
 Золотой казны,
 Пожалей моей трубчатой косы,
 Моей дивьей красоты
 Со алыми со ленточками...

[49]

Сборка поезжан к венцу от невесты

- а) Бочка с вином (2)
 Разгорается, (2)
 Рюмка вина (2)
 Наливается, (2)
 Зять у ворот (2)
 Извивается: (2)
 — Тястюшко, отвори ворота, (2)
 Отвори широки. (2)
 Тясть идет, (2)
 Коня ведет. (2) //
 — Это не мое, (2)
 Не суженое, (2)
 Это не мое, (2)
 Не ряженое. (2)
 Мое суженое (2)
 За занавесой сидит, (2)
 Мое ряженое (2)
 В коробейке лежит. (2)

б) Бочка с вином (2)
Разгорается,⁹⁴ (2)
Рюмка вина (2)
Наливается, (2)
Зять у ворот (2)
Извивается: (2)
— Тещинька, отвори ворота, (2)
Отвори широки. (2)
Тещинька идет, (2)
Корову ведет. (2)
— Это не мое, (2)
Это не суженое, (2)
Это не ряженое. (2)
Мое суженое (2)
За занавесой сидит, (2)
Мое ряженое (2)
В коробейке лежит. [2]

с)⁹⁵ Бочка с вином (2)
Разгорается, (2)
Рюмка вина (2)
Наливается, (2)
Зять у ворот (2)
Извивается: (2)
— Шурин, отвори ворота, (2)
Отвори широки. (2)
Шурин идет, (2),
Сестру ведет. (2)
— Это мое суженое. (2)
Сестра идет (2),
Сундуки несет. (2)
— Это мое ряженое. (2)

[50]

В сенях, по выходе невесты, ехать в церковь к венцу.

л. 50

Жарко камню, ой, (2)
На горе лежати, ой. (2)
Тошно сердцу, ой, (2)
Тошно батюшкиному, ой. (2)

⁹⁴ В ркп «расгорается»; рукой неизвестного лица сверху над буквой «с» написано: «з?».

⁹⁵ В ркп текст данного песенного эпизода выписан сдвоенными строками; при публикации сохраняется прежняя разбивка на строки.

Милую дочь, ой, (2)
Со двора повели, ой, (2)
За нею сундуки понесли, ой. (2)
Три сундука, ой, (2)
Три окованные, ой. (2)
В первом сундуке, ой, (2)
Цветное платьице, ой, (2)
В другом сундуке, ой, (2)
Алы румяна, ой, (2)
В третьем сундуке, ой, (2)
Дивья красота, ой. (2)
Сени говорят, ой, (2)
Подломились, ой, (2)
Дорога говорит, ой, (2)
Провалилась, ой, (2)
Лес говорит, ой, (2)
Задавило, ой, (2)
Море говорит, ой, (2)
Утопило, ой. (2)

По приезде из церкви к...⁹⁶

л. 51

В церкви

Самое обряд венчания описывать не приходится, т. к. он общеизвестен. Но я укажу только на одну особенность, что при венчании стелется платок под ноги, и, кроме того, невеста и жених должны стараться по возможности ставить соприкасаемыми ногами на одну половичку. После же обряда венчания невесту, уже теперь «молодушку», свахи уводят «обряжать»; здесь заплетают (т. е. в сторожке) две косы. Кроме того обряженная «молодушка» со своим супругом смотрятся в зеркало оба <...>⁹⁷ вместе. Присутствующие спрашивают, кого там видят; они по очереди отвечают, называя и величая один другого. Из церкви молодые едут в одних санях.

Приехали.

В доме жениха теперь, ожидая молодых, настлана солома, дабы не вводить молодых в голую избу. Ожидая свадьбу, около дома жениха собралась большая толпа соседей. Все ждут с нетерпением. Вот слышатся вдали колокольцы. // Надо заметить еще, что во время свадьбы у всех поезжан на дугах привязано по три колокольца. Лошади украшены, а на шеях их особые галстуки

л. 52

⁹⁶ Далее лист оборван.

⁹⁷ В ркп зачеркнуто: «сразу».

с бубенцами. «Едут! Едут!!» — раздаются в толпе, все напряженно смотрят, откуда должен показаться поезд.

Примечание: В то время, когда вообще «поезд»-«свадьба» едут или к невесте еще, или от «венца» домой, их сопровождают ружейными выстрелами.

Заехав⁹⁸ в деревню, раздаются ружейные залпы. Это встречают поезд. Когда поезд остановится в ограде жениха, то отец с матерью идут встречать молодых с хлебом, завернутым в платок. И дают попеременно до трех раз укусить молодым. Раздевшись, садятся за стол. Для молодых приготовлен войлок на лавке. Над головами полка с иконами «Благословение молодым» от родителей невесты и жениха. //

В этот вечер угощает жених свою супругу с одной вилки. л. 53
Вначале все в порядке. Молодых беспрерывно заставляют целоваться, говоря: «горько, надо посластить». А когда поцелуются, то слышатся возгласы «хорошо!!»... и т. д...

«Кончил дело — гуляй смело». Кто танцует тут же под звуки незатейливой музыки: берется пила, которой пилят дрова, и железный предмет и выигрывается что-нибудь веселое; или же от печи заслонка, ведро и т<ому> под<одобное>. Девушки тоже поют всем поезжанам песни, те же свадебные.

Утомившись, а многие похмелев, уже спят. После этого молодых кладут в отдельную комнату спать. «На подклет».

[Большие] столы⁹⁹

Большие столы, так называют второй день свадьбы (после венчания).¹⁰⁰ В тот день много готовится угощений. В этот же день приезжает и отец, [и] мать, и друг<ая> «новая родня». // Отец и мать привозят приданное: сундуки и прочее в них добро. л. 54
В этот день, желая показать себя, «молодая» несколько раз переодевается *все в новое*, дабы показать, что у нее кое-что есть. Идет все время усиленная попойка. Если свадьба не очень богатая, то делается «складчина» и все-таки пьют до «рога в землю». В это же время, во время больших столов, раздаются «молодой» подарки: отцу — штаны *и рубашку*, матери — на платье. Кроме того, подарки раздаются и друг<им> членам семьи и всем поезжанам, за что отдаривают деньгами. Вырученные деньги идут «молодым».

⁹⁸ Поверх карандашом другой рукой написано: «При въезде» — очевидно, чья-то попытка исправить неправильное употребление автором дееспричастного оборота.

⁹⁹ Заголовок в ркп: «Столы».

¹⁰⁰ В ркп: «...так называют второй день *после венчания* свадьбы».

Пирожный стол

Третий день после венчания происходит в разных «шутках» и «балагурах».

л. 55 В этот день «молодая» самостоятельно принимается за дело. Ходит по воду, печет хлеб и проч<ее>. «Поезжана» и все «гости» стараются как можно // острее выкинуть какую-либо шутку: Первым делом ложат в квашню «молодой» солоду и соли, дабы хлеб был «в рот взять нельзя», как выражаются. Далее прячут все, что можно спрятать из кухни, дабы вовремя ничего нельзя было сыскать. Затыкается с крыши дымовая труба и т. д. В свою очередь, на все эти шутки молодая должна ухитриться <...>¹⁰¹ не дать это спрятать, т. е. заметить вовремя. Этим шуткам придается большое значение, так как определяют степень трудоспособности и умелости «молодой» и умения не растеряться и предусмотреть вовремя все! <...>¹⁰²

л. 56 Кроме всего этого, как только пробужаются и начинают вставать исполняющие должности дружка и подружьев, всех поочередно, начиная // с «молодых», таскают в снег, если дело происходит зимой, или обливают водой, если это бывает летом. Кроме того, «молодых» водят в баню, совсем не натопленную как следует. Как только молодые зайдут в баню, тотчас же ее обкладывают соломой и солону зажигают.

Примечание>: Эта шутка прodelывается только зимой.

В пирожный стол угощают молодые вместе. За столом не садятся.

После обеда начинаются опять новые шутки. Берется из приданного «молодой» полотенца, и гости, кто опояшется, кто как хочет наденет, на шею; идут по деревне, поют. После этой прогулки приносят молодым сюрпризы: рог с соской, маленькие куклы ребят, а также бараны рога и тому подобное. //

л. 57 В заключение придется сказать, что эта «комедия брака» начинает вырождаться. Из то[лько] что сказан[ного]¹⁰³ мною по истечении 9—10 лет, в настоящее время, очень и очень многое изменилось. И если мы обратимся к периоду более раннему, чем мною описано, то увидим, что там была разница в обряде в том, что главную роль играл «дружка», «знающий» и бывающий на сотне свадеб. В описанный мною период хотя и «дружка» имел значение, но он уж не отличался тем умением. Это был просто

¹⁰¹ В ркп избыточное по смыслу «или».

¹⁰² В ркп зачеркнуто: «Обед приготовлен!... Начинается».

¹⁰³ Окончания в словах «только», «сказанного» восстановлены в ркп карандашом, рукой неизвестного лица.

свой человек, из поколения молодежи. А потому об этом периоде «дружки» я не мог ничего написать.

То же, что и в этот период всем этим обрядам придается большое значение и вера, сомневаться не приходится. Лишь молодежь под влиянием «новой школы жизни» хотя и исполняет // эти обряды, но не с тою верою, как это исполняется старыми пожившими людьми. л. 58

И. Иванов.

* * *

Аннотация: Публикация Г. Н. Мехнецовой знакомит читателя со свадебным обрядом д. Ананичи Оханского уезда, который в начале XX в. зафиксировал местный крестьянин И. В. Иванов. Источником публикации является его рукопись «Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии» (1917), хранящаяся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН. В своем описании И. В. Иванов последовательно раскрывает содержание основных этапов ритуала, приводит поэтические тексты свадебных песен и причитаний, лирических песен, частушек. Данная работа позволяет взглянуть на свадебный обряд в его естественном живом бытовании глазами непосредственного наблюдателя и участника.

Ключевые слова: Прикамье, свадебный обряд, свадебный фольклор, И. В. Иванов, начало XX в., публикация рукописи

Abstract: The publication of G. N. Mekhnetsova presents the wedding ceremony of the village of Ananichi of Okhansky district, which was recorded by peasant I. V. Ivanov at the beginning of the 20th century. The source of the publication is his manuscript "Wedding customs and songs of the peasants of the Stryapuninsky county of the Okhansky district of the Perm province" (1917), which is kept in the Manuscript department of the Institute of Russian Literature. In his description I. V. Ivanov consistently reveals the content of the main stages of the ritual, gives the poetic texts of wedding songs and lamentations, lyric songs, sung couplets. This work allows to look at the wedding ceremony in its natural living existence through the eyes of the immediate observer and participant.

Keywords: Prikamye, wedding ceremony, wedding folklore, I. V. Ivanov, early 20th century, publication of the manuscript

А. И. ВАСКУЛ

**«ЖИВИТЕ. БОГ БЛАГОСЛОВИТ»:
О БРАКАХ НАСЕЛЬНИКОВ
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО АНУФРИЕВСКОГО СКИТА
ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)¹

В 1868 году в ответ на составленную и разосланную по губернским учреждениям Императорским Русским географическим обществом (далее — РГО) программу по собиранию народных юридических обычаев² в общество поступила рукопись К. А. Шабунина «Ануфриевский выселок»:³ В сопроводительном письме автор ее писал: «При сем честь имею в канцелярию Географического Общества представить сведение народного обычая людей Ануфр<и>евского выселка в церковном отношении, которое хотя под условие программы не подходит, но как оно небезынтересно, то и счел это нелишним доставить наперво, не отказываясь доставить и в отношении гражданском, по программе, полученной 26 сего марта».⁴

О Кирилле Алексеевиче Шабунине известно немного. Его деятельность по собиранию и публикации материалов, касающихся истории и быта Архангельской губернии, пришлось на

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты», № 17-78-20194.

² Программа по собиранию народных юридических обычаев // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. Приложение.

³ Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Р. 1. Оп. 1. № 22.

⁴ Там же. Л. 3.

1860—1870-е годы. В середине 1860-х годов для готовящегося Архангельским губернским статистическим комитетом подробного описания губернии Шабунин прислал фольклорные сведения, которые были помещены в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранных П. С. Ефименко».⁵ В 1864—1877-е годы Шабунин доставил в РГО 13 корреспонденций различного содержания.⁶ Большинство присланных материалов получили негативные оценки Д. К. Зеленина, занимавшегося описанием архива Общества в 1910-е годы: «Как и все прочие рукописи Шабунина, настоящая статья имеет не научный характер, а публицистический; кроме того, статья эта бессодержательна и бессвязна»,⁷ или: «Бессодержательные описания природы, с претензией на художественность; бессодержательные рассуждения».⁸

Однако некоторые материалы Шабунина, в особенности касающиеся старообрядцев, содержат ранее неизвестные сведения и представляют интерес для науки. В 1866 году он напеча-

⁵ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко, д<ействительным> чл<еном> Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1877—1878. Ч. 1.—2.

В сборнике опубликованы материалы, записанные Шабуниным в Пинежском уезде: подробности свадебного обряда — поздравление молодых после венца (Ч. 1. С. 86—87), текст заговора «чтобы ворон не ел попавших в ловушку животных» (Ч. 2. С. 182—183).

⁶ Часть материалов представляет собой описание путешествий Шабунина по Архангельской губернии: «Путевые заметки по Совпольской волости Пинежского уезда» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 23), «Путевые заметки» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 24), «Отрывки из путевых заметок чрез Урал» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 33), «Люди и жизнь в тундре Мезенского уезда. Верования самоедов» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 44; материалы опубликованы автором в статье «Люди и жизнь в Мезенской тундре» (Заря. 1872. № 1. С. 219—248)), «О магнитных явлениях в Русской Виловатой губе, Кольского уезда» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 32). Характеристика быта и промыслов жителей Северного края дается в рукописях: «Юридическая заметка» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 20), «Ануфриевский выселок» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22), «Из Мезени» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 26), «Колония Печенга Кольского уезда» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 27), «Известие» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 28), «Оригинал севера и его шансы с некоторым уменьшением безлюдья и запустения» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 29), «Отрывок этнографии Кемских раскольников» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 34; текст полностью помещен на сайте http://ethnomap.karelia.ru/item.shtml?place_id=8&map_id=4760 (дата обращения — 04.09.2018)), «О развитии и состоянии морских промыслов Северного края и о состоянии северных островов» (АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 35).

⁷ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. С. 13.

⁸ Там же. С. 15.

тал очерк «Люди и жизнь в Запечерском крае»,⁹ созданный по впечатлениям от поездки на Печору. В том же году в журнале «Странник» Шабунин опубликовал письмо, обращенное к жителям Печорского края, где сделал попытку развенчать догматы староверия (неправильность исполнения обрядов, полемика по поводу исправления Никоном богослужебных книг и проч.) и убедить их посещать церковь.¹⁰ Материалы, касающиеся бытового уклада и ритуалов старообрядцев, отразились в рукописях, доставленных Шабуниным в РГО, среди них: сведения о жизни келейниц и келейников Кемского уезда, примеры пропаганды «старой» веры («Отрывок этнографии Кемских раскольников»)¹¹ и описание Ануфриевского скита Мезенского уезда с характеристикой свадебных обрядов его насельников («Ануфриевский выселок»);¹² Шабунин, вероятно, некоторое время жил в Ануфриевском выселке, благодаря этому ему представилась возможность познакомиться с бытом и обычаями местных старообрядцев: «О сих жителях наперво приводится <так!> говорить, как я здесь проживаю, хотя и немногих лицах, но однако не сказать об них нельзя, ибо безынтересны их обычаи во многих отношениях».¹³

Ануфриевский выселок в середине XIX века относился к Долгощельскому приходу Майденской волости Мезенского уезда и был образован на месте, где ранее находился старообрядческий скит, основанный в 1710-е годы¹⁴ старообрядцами, бежавшими с Керженца во главе со старцем Ануфрием, последователем протопопа Аввакума.¹⁵ Шабунин относит создание Ануфриевского

⁹ Шабунин К. А. Люди и жизнь в Запечерском крае // Записки для чтения. 1866. № 10/11. Отд. 2. С. 92—114.

¹⁰ Шабунин К. А. Письмо к друзьям о единомыслии к церковию // Странник. 1866. № 12. Отд. 2. С. 111—144.

¹¹ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 34.

¹² АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22.

¹³ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22. Л. 1.

¹⁴ Первые старообрядцы на Зимнем берегу Белого моря появились в 1670-е годы и проживали в так называемых «зимнесторонских пустынях», см.: *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908; *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. Архангельск, 1999. С. 455; *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 130—134.

¹⁵ История Ануфриевского скита затрагивается в следующих работах: *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский; *Ивановский А. А.* Страничка из истории раскола в Архангельской губернии. (Ануфриевский скит) // Архангельские губернские ведомости. 1912. Ч. неоф. 15 мая, № 10. С. 264—271; *Леонтьев А. И.* Зимняя сторона. С. 439—464; *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII—XVIII в. // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003.

скита на Зимнем берегу Белого моря к 1690-м годам; на наш взгляд, это датировка маловероятна, а ее появление объясняется тем, что в 1690-е годы был основан Керженский скит. В 1740-е годы скит на Зимнем берегу был разгромлен карательной экспедицией по доносу мезенского крестьянина Артемия Ванюкова,¹⁶ но в скором времени вновь возродился. Ануфриевский выселок просуществовал до начала XX века, когда был переименован в выселок Коптяковский, который последние жители покинули в 1980-е годы.

Ануфриевский скит представлял собой несколько келий, расположенных на некотором расстоянии друг от друга по берегам Койд-озера и р. Койды,¹⁷ потому одно из его названий «койденские кельи». В разные периоды количество келий и проживающих в них насельников менялось. В начале XIX века в скиту было 20 келий, в которых проживало «по ревизии, мужеского пола 23, женского 143 души <...> по разным местам рассеянных, в отстоянии между собою от одной до двух и трех верст».¹⁸ По сведениям Окладникова, в 1856 году были заселены 13 келий, в которых проживало 73 человека (20 мужчин и 53 женщины), в 1862

С. 102—115; *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30—40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74—83; *Окладников Н. А.* Поборники древлего благочестия. Архангельск, 2012. С. 172—185; *Старицын А. Н.* Зимний берег в истории староверия. С. 130—134; *Бильдюг А. Б., Комелина Н. Г.* Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря // Былины Зимнего берега Белого моря / Отв. ред. А. Н. Власов; Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. С. 149—156 (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 8), и др.

¹⁶ См.: Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 г. // *Мальшев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX в. Сыктывкар, 1960. С. 186, 191.

¹⁷ «Ануфриевский скит состоял из 11 отдельных сельбищ, разбросанных по берегам о. Койдозера и реки Койды. Все эти сельбища имели свои особые названия. Главным среди них являлось сельбище Ануфриевское, от которого и получил свое название весь скит. Расположено это сельбище было на южном берегу Койдозера. Далее в двух верстах от Ануфриевского сельбища расположено было сельбище Ильинское, в 2¹/₂ в<ерстах> Заводское, в 8 вер<стах> уже при реке Малой Койде — Коптяковское, в 2¹/₂ в<ерстах> Киликсинское, в 2³/₄ вер<стах> Курчик, в 2¹/₂ в<ерстах> Минодоринское, в 5 в<ерстах> Юринское, в 8 в<ерстах> Усольцово, в 8¹/₂ в<ерстах> Оградское, в 8³/₄ в<ерстах> Полинаринское» (*Ивановский А. А.* Страничка из истории раскола в Архангельской губернии. С. 266).

¹⁸ *Пошман А. П.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Архангельск, 1866. Т. 1. С. 56.

году было 4 жилых дома, в которых проживало 59 человек (16 мужчин, 43 женщины).¹⁹ Во время пребывания Шабунина в выселке насчитывалось 10 келий, в который проживало 37 человек.

Вопрос о конфессиональной принадлежности старообрядцев Ануфриевского скита до настоящего времени однозначно не решен. Первые насельники, пришедшие из разгромленного на р. Керженец скита, где исповедовались догматы поповского староверия, скорее всего, были поповцами.²⁰ Обособленное существование поповского скита на Русском Севере, где преобладали староверы беспоповских согласий, было практически невозможно, потому, вероятно, постепенно произошло смешение несколько толков в койденских кельях.²¹

Вопрос о браке вызывал самые существенные разногласия в среде старообрядцев, которые в отсутствие священника не могли совершать обряд бракосочетания, что вызвало деление на множество толков и согласий.²² Т. А. Бернштам следующим образом описывает свадьбы старообрядцев Зимнего и Поморского берегов: «До начала XX в. во многих селах Поморского и Зимнего берегов старухи-старообрядки оказывали сильное влияние на семейную и календарную обрядность, что проявлялось в характере проведения праздников (службы в частных молельнях, отсутствие вина в обрядовой пище, запрет курения, пение старообрядческих псалмов в рождественские дни, духовных стихов в посты и праздники и т. п.), в запретах на браки с “никонианцами” или на венчание в церкви, в сдержанном характере молодежных вечеринок, требовании “ухода от жизни” овдовевших молодых женщин и т. п.

¹⁹ *Окладников Н. А.* Поборники древлего благочестия. С. 184—185.

²⁰ «По верованиям своим жители скита принадлежали к поповщинскому толку Веткинской церкви, но это было, кажется, лишь религиозное ядро, вокруг которого группировались единоверцы, принадлежавшие к церкви в Стародубе, а затем склонные к расколу православные. Всех их, видимо, объединяло одно желание: молиться старинным иконам и по старинным книгам. Этим их стремлением определяется и вся их деятельность и роль среди населения. <...> На деле все они были скрытыми раскольниками или склонными к расколу» (*Ивановский А. А.* Страница из истории раскола в Архангельской губернии. С. 269).

В пользу того, что в этих местах было распространено поповское старообрядчество, может свидетельствовать и тот факт, что в 1914 году в близлежащем к скиту селе Койда была построена Никольская церковь старообрядческой общины белокриничского согласия.

²¹ *Хрушкая Л. Н.* История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII—XVIII в. С. 102—115.

²² Подробнее см.: *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. СПб., 1896. Вып. 1—2; *Садовая О. И.* Старообрядческие полемические сочинения о браке XVIII — первой трети XIX вв. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 196—218.

Даже в конце XIX — начале XX в. игнорирование церковного венчания было настолько частым явлением, что местное духовенство было вынуждено смотреть на это сквозь пальцы и идти на компромисс: венчать людей, уже имевших внуков, крестить уже окрещенных по старому обряду. Отголоски этого компромисса в начале XX в. проявлялись в случаях, когда в местностях, где не было церкви и попа, венчание даже православных производилось на дому сельским учителем». ²³

Шабунин, основываясь на отношениях жителей Ануфриевского выселка к браку, разделяет их на три конфессиональные группы: «1. безбрачников, 2. брачников простолюдина <так>, 3. перекрещиванцев». ²⁴ В тексте помещены выписки из дониконовских печатных изданий (Большой Катехизис, ²⁵ Кормчая ²⁶ и др.), которыми руководствовались старообрядцы, доказывая правомерность заключения браков. Кроме того, Шабунин приводит описание этнографической составляющей свадебного обряда жителей выселка.

Безбрачники представляли собой радикальное течение старообрядчества, принадлежащее к беспоповским соглашениям. Они отрицательно относились к браку, поскольку не имели рукоположенных священников, которые могли бы совершить таинство венчания. В рукописи Шабунин отмечает, что брак среди безбрачников мог быть заключен в том случае, если девушка, жившая под присмотром старых дев, беременела.

Брачники, также не имеющие рукоположенных священников, допускали сводные браки, ²⁷ под которыми подразумевалось «сведение брачущихся лиц на брачное сожитие их родителями или родственниками». ²⁸ Одними из первых допускать сводные браки стали старообрядцы беспоповского поморского соглашения, позднее такие браки начали заключать и староверы поповских соглашений. Например, сводные браки заключали старообрядцы ветковского поповского соглашения на Иргизе: «Некоторые же родные и крестные отцы брачных сводят своих детей сами собою. Они поступают несколько иначе: брачных ставят перед образами, и отец жениха говорит громко: “Се земля под вами, а небо

²³ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983. С. 98—99

²⁴ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22. Л. 1.

²⁵ [Лаврентий Зизаний Тустановский]. Катехизис Большой. М., 1627.

²⁶ Кормчая. М., 1650.

²⁷ О сводных браках см.: Муллов П. Как заключаются (иногда) сводные браки. (Практическая заметка) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1860. Кн. 1. С. 21—32; Фукс В. Я. О сводных браках в историческом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1862. Вып. 5. Смес. С. 1—9.

²⁸ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22. Л. 1 об.

над вами, — живите, Бог с вами!» и тут же сажают брачников за стол, как уже обвенчанных».²⁹ В тексте рукописи К. А. Шабунин приводит последовательную характеристику свадебного обряда старообрядцев Ануфриевского скита с указанием молитвенных текстов и канонов, которые читаются на каждом этапе.

Перекресты, которые, как правило, являлись старообрядцами-беспоповцами, исповедовали безбрачный образ жизни, поэтому после принятия второго крещения разводились с женами. Своим единомышленникам разрешали венчаться в православной церкви, чтобы избежать преследования властей; снисходительно относились к «распутству».

В приложении публикуется рукопись Шабунина «Ануфриевский выселок». В тексте рукописи приведены цитаты, которые, по свидетельству автора, «выписаны буквально из раскольнических книг, так называемых цветников, с соблюдением правописания по возможности».³⁰ Однако не все их источники удалось установить, так как, возможно, это были рукописные сборники, не выходявшие за пределы Ануфриевского скита. При публикации текста сохранена орфография оригинала. В тексте заменены «ѣ» на «е», убраны «ъ» в конце слов. Приставки и окончания прилагательных исправлены в соответствии с современными нормами правописания (например, «остальные» заменено на «остальные»). Тем не менее, в тексте сохранены особенности орфографии автора (например, «папало», «христиане»). Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами пунктуации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К. А. ШАБУНИН

АНУФРИЕВСКИЙ ВЫСЕЛОК¹

л. 1.

Известно, почти всякий знает, что выселком называется та небольшая деревня, состоящая из 2, 3 и 1 дома. Выселок, о котором хочу говорить, прежде был скит, в юридическом отношении принадлежит к Долгощельскому приходу в 60 вер<стах от> Майденской волости деревни, ближе которой нет 50 в<ерст> Мезенского уезда, 120 в<ерст> Архангельской губернии, от города Архангельска к Северо-востоку в 300 вер<стах>, получил название свое от старца монаха Ануфрия,² ученика рас<с>триженного протопопа Аввакума, раскольника. Время заведения этого скита

²⁹ Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. М., 1866. Т. 2. С. 125.

³⁰ АРГО. Р. 1. Оп. 1. № 22. Л. 2.

было около 1690 г.,³ хотя есть какое предание, но в руках тайны, известно, что прежние старцы были бежавшие из разных мест, как-то: Стародубие,⁴ Романова⁵ и других, живя в отдаленных местах, заселялись здесь. Оно в 1802 году⁶ состояло из 20 келий, по ревизии 23 муж<чины> и 143 ж<енщины> по разным местам расселенных, в рас<с>тоянии между собою от 1 до 3 вер<ст>, ныне в числе 10 келий в рас<с>тоянии между собою от 3 до 5 вер<ст>, по ревизии 3 муж<чины> и 10 ж<енщин>, а остальные все живут по паспортам — 3 муж<чины>, 21 жен<щина>. Жители сих келий пропитание имеют от подаяния, а притом состоящие из них в крепком здоровом телосложении занимаются ловлением рыбы в озерах, собиранием грибов и ягод, зимою из собранного в виде подаяния и покупаемого в г. Архангельске льна прядут нитки, ткут и выделывают холсты для собственного употребления и в продажу.⁷ О сих жителях наперво приводится <так!> говорить, как я здесь проживаю, хотя и немногих лицах, но однако не сказать об них нельзя, ибо небезынтересны их обычаи во многих отношениях. Жителей Ануфриевского выселка можно разделить на три категории, как-то: 1. безбрачников, 2. брачников простолюдина <так!>, 3. перекрещиванцев; или лучше сказать раскольников. 1<о>е. Жители раскольники все безбрачники, осуждают брак, приводя на это тексты Св<ятого> писания: «Вдавая деву в брак хорошо творит и не вдавая — лучше творит»;⁸ а молодые девки, живя под присмотром старых девок, часто творят блудодеяние, и как скоро заберемяют, то выходят за кого папало <так!> при скорой помощи надзирательницы, у которой в доме жила, дабы не опозорила дом рождением, а иногда совершается свадьба, с согласия одной девицы-невесты и жениха, при этом девица, оставляя дом-келью раскольников, // забирает к себе под руку, что ближе и отвесло было, и тем бывает довольна; но выдела ей никакого не бывает, хотя бы она жила 30 лет. Выход замуж девицы, почти всегда бывает не за того мужчину, от которого забеременела, а совсем чуждого и незнакомого. Свадьба играет на счет обоих — жениха и невесты. Договор считается заключенным, когда жених даст кольцо невесте, а невеста жениху красный плат и помолятся Богу. Это где бы не совершилось, бывает делаемо наперво секретно без свидетелей, во хлеве скотском на улице, в сенике или где в другом месте — все равно, считается верным и окончательным.

2ое. Как не имеют священников, а православных чуждаются, то и допускают сводные браки. Сводными браками называют сведение брачующихся лиц на брачное сожитие их родителями или родственниками. Такие браки, в начале их появления, быва<ли> осуждаемы самими раскольниками, как незаконные, или, лучше сказать, называли блудным сожитием, но после вынуждены были за неимением беглых попов, допустить у себя сводные браки, и

л. 1 об.

доказывают теперь законность их тем, **А.** что сам Бог благословляет брачующихся на брачное сожитие. Как благословил он первых двух человек в раю, что по самому, сводя брачующихся без законного священника, они в этом случае поступают по адамовой вере, по Ветхому Закону, что нужды ради закон переманяется, **Б.** свидетельством Большого Катихизиса, печат<анного> при патр<иархе> Филарете 1627 г.: «Кто есть действеник тайны сея (т. е. брака)? Первое убо сам Господь Бог, яко Моисей Боговидец пишет: “И благослови я Господь Бог, глаголя: раститесь и множитесь и наполняйте”»⁹ и пр., «потом сами брачующиеся сию себе тайну действуют, глаголюще: “Аз тя посягаю в жену свою, аз тя посягаю в мужа моего”»,¹⁰ **В.** свидетельством Кормчей книги, печат<анной> при патр<иархе> Иосифе, главы 42, лист 342: «Чем л. 2 убо лучший // брак обручения? Понеже браку старейшинство имать обручение. И паче яко залог образ его имать, яко же Закон рече»,¹¹ лист 343: «И повелевает такову обручению, иже по истинне обручение бывает, неподвижну пребывати и неразручиму и отнюдь неразрушиму».¹² «Значит, — говорят раскольники, — важно не венчание, а обручение, которое они совершают сами». Но всего более ссылаются на следующие слова той же Кормчей, част<ь> 2, гл<ава> 50, лист 500: «Аще ли по тесноте, или смиренном не возможет кто добре прияти и написано составить брака, то и не написано, да совершается женитва нелукавно, советом совокупляющих лиц родителей или в церкви благословения ради, или пред други пятьми повелено бысть; но и како любо поимати жену свободну и поручая дому своего строения, и примесився ей плотию не написано, и совокуплятися к ней браком»,¹³ **Г.** словами апостола Павла I Кор<инфиянам> 7, 14: «Святится муж неверен о жене верне, и святится жена неверна о муже верне»,¹⁴ тут дело делается без священника, и «Это, — говорят ануфриевцы, — делается еще в Греции, откуда мы и веру приняли, и такие браки были и в первенствующей церкви, т. е. без венчания, а признаны браками, да еще святыми», подтверждают раскольники ересеучителя, **Д.** свидетельством Тиктон прав<ило> 136: «Аще кая душа примет от еретик крещение, или покаяние, или благословение, или телесное брашно сиречь брак: то таковыя убо суть от бесов примут, а скверни и с ними мучими будут в огни неугасаемом, и сего ради несть общение с неверными»¹⁵ и **Е.** гражданскими законами, изложенными в книге: основание Российского права, где § 116 сказано: «Брак есть тайна, совершаемая законным союзом двух лиц обоего пола, которые приобретают тем исключительное право на супружество»¹⁶.

* Примечание. Эти выше приведенные свидетельства выписаны буквально из раскольнических книг, так называемых цветников, с соблюдением правописания<я> по возможности — *К. Ш.*

Процесс венчания от мужика бывает так: после обручения кольцами, бывшего тайно в доме невесты, назначается день для сведения брачующихся, в который отправляется утренняя, часы и молебен, кануны Богородице, святителю Николаю, после чего читается «Ослаби, остави» до конца и по «Отче наш» возглас за молитв св<ятых> отец и проч<ее> делается // всеми поклон, далее читается условие: по воле ли вступают в брак. Потом расплетают косу. Потом читается Канон кресту до 6 песни, «Господи помилуй» — 40. В это время отец и мать обеих сторон вручают сводящих друг другу со словами: «Вручаю Богу и тебе. Живите. Бог благословит». Читается наставником жениху и невесте, преклонившимся на землю, прошение, которое оканчивается «Иисусовой молитвой». После сего свахи накрывают голову невесты повойником, расплетенную косу плетут на две, по-женски, и дают брачующимся свечи, которые они должны держать против самого лица, последними двумя перстами. Когда пропоется 6 песен, то чтение прерывается. Читается Евангелие (после свахи накрывают голову невесты повойником, расплетенную косу плетут) и читается молитва. После ней наставник-поп ставит икону Спасителя на голову жениха, а икону Божией Матери на голову невесты. Иконы эти поддерживаются участвующими в сведении брачующихся. Затем бывает питье вина красного с водою из чаши, осушив, ее кладут порозную на стол, вокруг которого бывает троекратное хождением на посолонь и продолжается чтение канона. После пропетия «Исаия, ликуй»,¹⁷ жених говорит невесте: «Ты, дева, не толкуй», и чаша, из которой пили сводимые соединение <так!>, растаптывается ногами. Лжепоп снимает с них иконы и, оными благословив, кладет 15 поклонов за брачных. Затем кланяется в ноги новобрачным, испрашивает в чем-то прошение.

л. 2 об.

З<й> брак дозволяется только мирянам, а христиане, как себя называют перекресты, должны проводить жизнь безбрачную. Согласно этому учению, по крещении вторично, если были женаты, разводятся со своими женами, и до конца своей жизни с женами не соединяются. Замечательно то, что они отвергают сводные браки, и дозволяют своим единомышленникам венчаться в православной церкви, конечно, потому, что в браке видят не благодатное таинство, а одну внешнюю форму, гражданское условие, припись или сведение, а потому венчают, где только возможно, чтобы только избежать преследование со стороны гражданского начальства. Впрочем, допускают и сводные браки, на распутство, на которое все вообще смотрят снисходительно, не обращают на него внимание, или стараются не видеть его, даже незаконнорожденных детей любят более, чем законнорожденных.

Вот обычное народное право расколоучителей и малого числа людей раскольников Ануфриевского выселка в обряде церковном и обычае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив РГО. Р. 1. Оп. 1. № 22. Л. 1—2.

² О старце Ануфрии см. выше на с. 320.

³ О сомнительности 1690 года как даты основания скита см. выше на с. 320—321.

⁴ Местность в Черниговской губернии, где проживали староверы-поповцы ветковского согласия. В литературе встречаются упоминания, что в Ануфриевском скиту проживали старообрядцы, придерживавшиеся ветковского согласия, см.: *Ивановский А. А.* Страничка из истории раскола в Архангельской губернии. (Ануфриевский скит) // Архангельские губернские ведомости. 1912. Ч. неоф. 15 мая, № 10. С. 269.

⁵ В начале XIX века город Ярославской губернии. О связи Ануфриевского скита с Романовым см.: *Сироткин С. В.* Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30—40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74—83.

⁶ В рукописи: 1806 год. Дата ошибочна, т. к. описание устройства скита заимствовано К. А. Шабуниным из составленной в 1802 году А. П. Пошманом книги «Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями» (Архангельск, 1866—1873. Т. 1—2). Ср: «Ныне в ските сем находится, по ревизии, мужского пола 23, женского 143 души. Поселение состоит из келий, в числе 20, по разным местам рассеянных, в отстоянии между собою от одной до двух и трех верст» (Архангельск, 1866. Т. 1. С. 56).

⁷ Ср.: «Жители сих келий пропитание имеют от подаяния, а при том состоящие из них в крепком и здоровом телосложении, занимаются деревянными изделиями: делают чашки, ложки, ковши и иную мелкую посуду, которую продают в городе Архангельске. Сверх того, отъезжают к Мурманским или Лапландским берегам на промыслы звериные и ловлю рыбы. Впрочем, ловят они рыбу и в близлежащих реках и озерах. Женский пол летом занимается собиранием грибов и ягод, а зимою — из покупаемого в Архангельске льна, прядут нитки, ткнут и выбеливают холсты, для собственного употребления и в продажу» (*Пошман А. П.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Архангельск, 1866. Т. 1. С. 56).

⁸ 1 Кор. 7:38: «Темже и вдаяй браку свою деву добре творит: и не вдаяй лучше творит».

⁹ [*Лаврентий Зизаний Тустановский*] Катехизис Большой. М., 1627. Л. 342: «Кто есть действеник сея тайны? Ответ: Первое убо сам Господь Бог, яко Моисей Боговидец пишет: “И благослови я Господь Бог, глаголяй, раститесь и множитесь и наполняйте землю и обладайте ею”».

¹⁰ Там же. Л. 342: «По сем сами брачашися сию себе тайну действуют, глаголюще: “Аз тя посягаю в жену мою, аз же тебе посягаю в мужа моего”».

¹¹ Кормчая. М., 1650. Л. 342: «Чим убо лучшии брак обручения? Понеже браку старейшинства имать обручение. И паче яко залог образ его имать, якоже закон рече».

¹² Там же. Л. 345: «И повелевает такову обручению, иже по истине обручение бывает, неподвижиму, и неразлучиму, и отнюдь неразрешиму».

¹³ Там же. Л. 500: «Аще ли по тесноте, или смирением не возможен, кто добре приятие, и написано составити брака, то и не написано, да сощещается женитва нелукавно, советом совокупляющих лиц родителей или в церкви благословения ради, или пред други пятьми повелено бысть; но и како любо поймаю жену свободну и поручая дому своего строение, и примесився ей плотию не написано, и совокупится к ней браком».

¹⁴ 1 Кор. 7:14: «Святится бо муж неверен о жене верне, и святится жена неверна о мужи вернее».

¹⁵ Вероятно, в тексте приведена выписка из «Тактикона», составленного Никоном Черногорцем.

¹⁶ Основание российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. СПб., 1818. Т. 1. С. 65: «Глава 6. О браке или супружестве, I. О законном браке, § 116. Оправдание брака. Брак есть тайна, совершаемая законным союзом двух лиц обоего пола, которые приобретают тем взаимное право на исключительное сожитие».

¹⁷ В рукописи: «Исаия, лукуй».

* * *

Аннотация: В статье рассматривается история старообрядческого Ануфриевского скита, существовавшего на Зимнем берегу Белого моря в XVIII—XX вв. На материале, присланном К. А. Шабуниним в 1868 году в Русское географическое общество, показаны в зависимости от конфессиональной принадлежности различные отношения жителей скита к браку (брачники, безбрачники, «перекрещиванцы»). В приложении к статье публикуется текст рукописи К. А. Шабунина «Ануфриевский выселок».

Ключевые слова: старообрядцы, Ануфриевский скит, Зимний берег Белого моря, свадебный обряд

Abstract: The article discusses the history of the Old Believers of Anufrievsky skit, which existed on the Winter Coast of the White Sea in the XVIII—XX centuries. The material sent by K. A. Shabunin in 1868 to the Russian Geographical Society shows, depending on the confessional affiliation, the different attitudes of the residents of the monastery to marriage. The text of the manuscript of K. A. Shabunin is published in the article.

Keywords: Old Believers, Anufrievsky monastery, Winter Coast of the White Sea, wedding

Л. И. ПЕТРОВА

ЭПИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ И. Н. ЭТИНОЙ В МАТЕРИАЛАХ ФОЛЬКЛОРНОГО ХРАНИЛИЩА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Биографические сведения об Иде Николаевне Этиной весьма отрывочны. В 1934 году, по всей вероятности, она поступила на филологический факультет Ленинградского университета. В первые же годы обучения проявила особый интерес к фольклору. Принимала активное участие в работе студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка, возглавляемого проф. М. К. Азадовским и ставившего своей целью подготовку молодых кадров фольклористов. Много позднее А. М. Астахова характеризовала И. Н. Этину именно как ученицу М. К. Азадовского.¹

Первый опыт ее собирательской работы состоялся, возможно, еще зимой 1935 г. В Разряде V Рукописного Отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ) хранятся полевые (в основном, карандашные, на отдельных листах, не систематизированные) записи сказок, песен, романсов, частушек, осуществленные И. Этиной в Тверской губернии.² Паспортные данные практически отсутствуют. Только в трех случаях указаны фамилии исполнителей. Где именно производились записи, неизвестно. Безотносительно к какой-либо из них среди материалов имеются лишь две пометы на полях: названия населенных пунктов — Веретье^{<e>}, Большое Осташков^{<o>}³ и дата: 15 января 1935 г.

¹ РО ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, ед. хр. 34, л. 1.

² Так обозначено в архивных материалах, хотя в то время это была Калининская область (РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 1, ед. хр. 1—39).

³ В состав Тверской губ. (обл.) входили (входят) город Осташков и деревня Осташково, деревни Большое Веретье и Малое Веретье Осташковского у. (р-на).

Вторая экспедиция И. Этиной состоялась летом того же года на Карельский берег Белого моря, где студентка второго курса ЛГУ проявила себя как уже более опытная, прошедшая специальную подготовку собирательница. Впоследствии (вероятно, в 1936 г.) И. Н. Этина под руководством П. Г. Ширяевой, научного сотрудника Фольклорной секции Института Антропологии, Археологии и Этнографии АН СССР (далее — ИАЭ АН СССР), принимала активное участие в собирании так называемого «рабочего фольклора» на заводах и фабриках Ленинграда и Колпино.⁴

О дальнейшей судьбе этой начинающей фольклористки известно лишь из краткой биографической справки, составленной 29 октября 1960 г. А. М. Астаховой и приложенной к архивным материалам: по окончании в 1939 г. Ленинградского университета Ида Николаевна «преподавала фольклор и литературу в Педагогическом Институте г. Ашхабада. Начала работать над туркменскими народными сказками. В начале или середине 1950-х годов умерла (подробности неизвестны)».⁵

В настоящей работе речь пойдет об эпических записях И. Н. Этиной, осуществленных ею на Карельском берегу Белого моря летом 1935 г.

И. Этина «была прикомандирована», по ее определению, «в качестве практикантки»⁶ к экспедиции в Кемский р-н АКССР, организованной в рамках совместного проекта Фольклорной секции ИАЭ АН СССР (в настоящее время — Отдел фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) и Карельского научно-исследовательского Института культуры (в настоящее время — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН): обследование современного состояния фольклорной традиции на Русском Севере.

Записи производились, в основном, в двух деревнях Кемского района — Калгалакше (с 29 июня по 7 июля) и Гридино (с 9 по 15 июля).⁷ В состав группы, обследовавшей эти населенные пункты, входили И. Н. Этина, «подготовленная и инструкторованная для данной работы Фольклорной секцией, и сотрудник Карельского научно-исследовательского института А. Н. Нечаев».⁸

⁴ Материалы хранятся в РО ИРЛИ, р. V, кол. 77, п. 1.

⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 57, п. 3, ед. хр. 34, л. 1.

⁶ Этина И. Былины Кемского района: Записи 1935 года // Студенческие записки филологического факультета Ленинградского университета / Отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937. С. 1. (Далее — Студ. зап. 1937).

⁷ Единичные записи были сделаны в г. Кемь, Петрозаводске, с. Поньгома и дер. Островок.

⁸ Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 2. (Далее в сокращении: Аст. 1). Нечаев Александр Николаевич (1902—1986) — собиратель и публикатор фольклора Рус-

«Наряду с записью других жанров фольклорная экспедиция ставила своей целью выяснение состояния старинного былинного эпоса в колхозных деревнях», — отмечала И. Н. Этина в подготовленных ею «Тезисах к работе “Былины Кемского района”».⁹ Впоследствии эти тезисы легли в основу небольшой статьи, предварившей публикацию текстов, записанных И. Н. Этиной в 1935 г.¹⁰ Сбор именно эпического материала являлся, судя по всему, основной задачей собирательницы-студентки, непосредственным куратором работы которой была А. М. Астахова, осуществлявшая общее руководство карельскими экспедициями в 30-е годы.

Выбор населенных пунктов для решения поставленной задачи не был случайным. «Записи былин в Калгалакше и Гридино, — отмечала И. Этина, — представляют большой интерес в связи с тем, что в этих районах былины не записывались за исключением случайных записей Максимова и Маркова».¹¹

На то же указывала и А. М. Астахова, положительно оценивая впоследствии работу собирательницы: «Большой интерес представляют записи И. Н. Этиной 1935 г. в деревнях Калгалакша и Гридино Кемского района, откуда мы до сих пор имели всего 6 текстов. Благодаря этим записям (29 былин и 2 сказки на былинные сюжеты)¹² мы имеем теперь общее представление о былинном репертуаре и характере былинных обработок в данном районе».¹³ Руководствуясь известными на тот момент публикациями материалов С. В. Максимова и А. В. Маркова, ни А. М. Астахова, ни тем более И. Н. Этина не знали о существовании эпических записей, произведенных в д. Гридино в 1909 г. А. В. Марковым и лишь в недавнее время введен-

ского Севера, писатель-сказочник. См. о нем: Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова и А. Л. Топорков. М., 2010. С. 192—194.

⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 1, л. 3.

¹⁰ Студ. зап. 1937. С. 1—5.

¹¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 1, л. 3.

¹² Следует уточнить, что одна из сказок («Сказка про Илью Муромца») была записана в Петрозаводске от приехавшего в город за хлебом Афонина Ивана Андреевича, 39 лет, крестьянина из другого района АКССР — Заонежского (Кижского с/с). См.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 57, п. 1, ед. хр. 24 (полевая запись); п. 2, ед. хр. 11, л. 28 об.—29 (полевая запись; текст не до конца); п. 3, ед. хр. 15, 15 d (машинописный текст; далее везде — маш.).

¹³ Аст. 1, с. 3. В частности, сюжетный комментарий к былине «Добрыня и Алёша» был написан А. М. Астаховой с учетом записей И. Н. Этиной (См.: Былины Севера / Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 722).

ных в научный оборот.¹⁴ По имеющимся на сегодняшний день сведениям, до 1935 года в д. Гридино было записано (А. В. Марковым) 23 былины,¹⁵ 9 баллад, 11 духовных стихов, а в д. Калгалакша (С. В. Максимовым) — 1 баллада и 4 духовных стиха. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что честь «открытия» былин в Калгалакше принадлежала именно Иде Николаевне Этиной.

Эпические тексты составляют основную часть собранных ею карельских материалов разных жанров (сказок, песен, причетов, заговоров, частушек и пр.), хранящихся в архиве Пушкинского Дома: РО ИРЛИ, р. V, кол. 57, п. 1—3 и кол. 76, п. 2—3. В двух разных коллекциях мы насчитали записи 9 былин и 8 баллад из Калгалакши (включая неполные тексты), 6 былин, 6 баллад (включая неполные тексты) и 1 сказки на былинные сюжеты из Гридино.¹⁶ Кроме того, имеется еще 1 баллада и 1 фрагмент (4 стиха) баллады, паспортизация которых вызывает сомнения (см. Приложение). В РО ИРЛИ находится также около двух десятков текстов (за некоторым исключением — машинописных) духовных стихов. По известным причинам осуществить их записи, тем более в большом количестве, в середине 1930-х было весьма непросто и свидетельствовало об умении И. Н. Этиной войти в особое доверие к сказителям.

Однако нас интересуют в первую очередь те фольклорные произведения, которые собирательница относила к жанру былины. В общее число «29», названное ею во вступительной статье к публикуемым материалам¹⁷ и повторенное А. М. Астаховой, включались и собственно баллады. Почти каждая эпическая запись в архиве И. Н. Этиной сопровождается заголовком: «Стих [былина]», где, вероятно, название «Стих» принадлежит сказителю, а указание на жанр — собирателю. Причем былинами названы не только те балладные сюжеты, которые рядом исследователей относятся к этому жанру («Мать продает своего сына», «Князь Роман и Марья Юрьевна»), но вообще все баллады. Отметим также, что заголовок: «Стих [былина]» предваряет и некоторые тексты духовных стихов («Алексей человек Божий», «Два Лазаря»). Последнее усиливает наши сомнения относительно точности информации И. Этиной: «Большинство сказителей на вопрос, от-

¹⁴ См.: Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.

¹⁵ В том числе одна с напевом.

¹⁶ Перечень этих текстов (с разного рода уточнениями и возникающими вопросами по поводу точности их паспортизации) помещён в настоящей работе в Приложении.

¹⁷ Студ. зап. 1937. В упоминавшихся ранее «Тезисах к статье...» названа цифра 32 (РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 3, л. 7).

куда они знают былины, отвечали, что знают их от калик переходивших, раньше ходивших по дворам и певших былины».¹⁸

Из всего собранного в Калгалакше и Гридино материала И. Н. Этиной было отобрано 12 наиболее полных эпических текстов (7 былин и 5 баллад) для публикации в «Студенческих записках филологического факультета», в Предисловии к которым М. К. Азадовский, в частности, писал: «Записи былин, сделанные студенткой И. Этиной, имеют большую ценность для выяснения современной былевой традиции».¹⁹ Некоторые выводы по поводу состояния эпической традиции были сделаны самой начинающей фольклористкой в упоминавшихся уже «Тезисах к работе “Былины Кемского района”» и во вступительной статье к публикации текстов. Сравнивая свои записи с известными ей аналогичными записями С. В. Максимова и А. В. Маркова, И. Н. Этина обращала внимание на признаки намечающегося затухания эпической традиции (упрощение фабулы, отсутствие так называемых «типических мест», отсутствие четкой ритмичности и пр.), справедливо связывая это прежде всего с изменившимися общими условиями труда и быта колхозной деревни. В то же время нельзя не отметить, что записи эпических жанров фольклора весьма успешно осуществлялись в Гридино и Калгалакше и впоследствии.²⁰ В частности, было опровергнуто категоричное утверждение И. Этиной, имевшей, вероятно, в виду интонирование, восходящее к традиции повествовательной речи, а не пение как таковое: «В этих деревнях былины не поются, а только сказываются».²¹

Как уже отмечалось, вместе с И. Н. Этиной в экспедиции 1935 г. принимал участие сотрудник Карельского научно-исследовательского института Александр Николаевич Нечаев. Однако в качестве собирателя на всех текстах, записанных в Гридино и Калгалакше в 1935 г., указана только фамилия И. Н. Этиной.

Большинство этих текстов представлено в машинописных копиях. Вопрос о нахождении рукописей (полевых записей или хотя бы их беловых копий) остается открытым. Среди пяти объемных папок с материалами И. Н. Этиной, хранящимися в РО ИРЛИ, обнаружено лишь шесть текстов (включая неболь-

¹⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 3, л. 8. По свидетельству И. Н. Этиной, лишь одна сказительница, 76-летняя Иванова А. И., «в молодости слышала былины на тонях» (Там же, л. 9).

¹⁹ Студ. зап. 1937, Предисловие. Еще одна былина была опубликована уже после смерти собирательницы (см. Приложение).

²⁰ См., например, материалы экспедиций Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР 1963—1965 гг., частично опубликованные в изд.: Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.

²¹ Студ. зап. 1937. С. 1.

шие отрывки), записанных «от руки» в двух тетрадах и на отдельных листах в россыпи. Между тем в «Книге поступлений» фольклорного архива, существовавшего тогда при Фольклорной секции ИАЭ АН СССР, отмечено, что 16.10.1935 г. А. М. Астахова приняла на хранение от собирательницы 2 папки с материалами карельской экспедиции, а рядом приписано: «13 общ<их> тетр<адей>». Позднее, в 1936 г., в хранилище было передано еще четыре папки материалов И. Этиной, две из них — от А. Н. Нечаева, но с машинописными копиями. В то же время в делах Отдела фольклора ИРЛИ РАН сохранилось обращение к А. Н. Нечаеву, датированное мартом 1938 г. и подписанное заведующим Фольклорной Комиссией М. К. Азадовским Александр Николаевич! Просим в самый кратчайший срок вернуть тексты экспедиции 1935 г. (записи И. Н. Этиной), взятые Вами под расписку для перепечатки на машинке и до сих пор не возвращенные». ²² Возможно, полевые записи текстов в большинстве своем не сохранились. Возможно, что многие из них были переданы А. Н. Нечаевым по месту работы — в Карельский научно-исследовательский Институт и находятся в настоящее время среди других материалов И. Н. Этиной в Научном архиве Карельского научного центра РАН. К сожалению, ни в одном из столь необходимых описаний коллекций архива ²³ не указывается, какого рода тексты в них содержатся: рукописные или машинописные.

Всего в фольклорном собрании И. Н. Этиной (РО ИРЛИ, р. V, кол. 57 и 76) насчитывается 16 записей былин и 16 записей баллад (включая фрагменты). В то же время количество единиц хранения, каждая из которых представляет один текст, значительно превышает эту цифру: 39 текстов былин и 39 текстов баллад. Такого рода несоответствие вызвано, прежде всего, историей формирования самих коллекций. Сопоставление архивных материалов из собрания И. Н. Этиной приводит к выводу, что ее записи перепечатывались неоднократно, разными людьми, с разными целями и в разное время. Приведем лишь несколько примеров.

Запись былины «Добрыня и Алеша» от У. С. Ерловой в РО ИРЛИ представлена двумя машинописными копиями, находя-

²² Индекс № 661. Переписка по научно-консультационной работе. Начато 21 ноября 1932 г. Окончено 15 декабря 1939 г. Л. 161.

²³ См.: Русские эпические песни: Каталог рукописного фонда Научного архива Карельского научного центра АН СССР / Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1990 (далее в сокращении: Каталог-1990); Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН / Сост. Е. В. Марковская // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: Материалы V научно-практического семинара (г. Петрозаводск, 21—22 марта 2012 г.). Петрозаводск, 2012. С. 127—274.

щимися в разных коллекциях: кол. 57, п. 3, ед. хр. 16 и кол. 76, п. 3, ед. хр. 15. Во втором машинописном тексте карандашом вставлены две строки: 23-я «Понизешеньку ему поклоняются» и 44-я «Откуда идешь, калика перехожая?». В первом машинописном тексте строки эти не пропущены, а значит, мы имеем дело не с обычными дублями «под копирку».²⁴

Или другой пример, отчетливо демонстрирующий, как по-разному при перепечатке текста прочитывались (явно не одним и тем же копировщиком) неясные места рукописи. В балладе «Князь, княгиня и старицы», исполненной К. Е. Редкиной, в числе наказов князя своей супруге перед разлукой следовал и такой: «Штобы добры коники были не утопчены». Последнее слово в рукописном тексте (кол. 57, п. 1, ед. хр. 21, л. 4 об.—6) зафиксировано нечетко. В одной из машинописных копий (кол. 57, п. 3, ед. хр. 28) этот стих воспроизведен так: «Штобы добры коники были не утоплены», в другой (кол. 76, п. 3, ед. хр. 23) — «Штобы добры коники были не утомлены» (поверх «п» в последнем слове напечатано «м»).

Кроме того, в разных машинописных копиях как этого, так и других текстов, имеется достаточное количество мелких отличий. При отсутствии рукописи-оригинала (а таковых, напомним, всего шесть) это существенно затрудняет публикацию материалов И. Н. Этиной. Если, к примеру, опубликовать балладу «Дмитрий и Домна», записанную от Х. И. Костиной, по одной единице хранения (кол. 76, п. 3, ед. хр. 10), не учитывая другую (кол. 57, п. 3, ед. хр. 31), то «змея семиглавая» превратится в тексте в «змею семиглазую», диалектная форма «свадьбы быть» будет заменена литературной: «свадьбе быть» и т. д.

Правки в машинописях немногочисленны. В основном — внесенные чернилами знаки препинания, иногда выправлены отдельные буквы. Но вычитывались тексты явно разными людьми. Так, в записи «от руки» былины «Добрыня и Алеша» (кол. 57, п. 1, ед. хр. 21, л. 2 об.—4 об.) имеется стих, последнее слово в котором оказалось зафиксированным неразборчиво даже для самой собирательницы: «Завесила окошечко черной мате...очкой». В одной из машинописных копий было напечатано здесь со знаком вопроса на полях: «матемочкой» (кол. 57, п. 1, ед. хр. 23 — это 1-й экз. маш.), в другой — «матеточкой», с исправлением чернилами на «матерочкой» (кол. 57, п. 1, ед. хр. 24), в третьей напечатано — «матерочкой» (кол. 76, п. 3, ед. хр. 21), в четвертой (кол. 57, п. 1, ед. хр. 22) слово выправлено чернилами на «матерточкой», что считаем, кстати, наиболее точным воспроизведением записанного. При публикации И. Н. Этина просто заменила

²⁴ Нам встретился только один машинописный дубль такого рода.

это слово синонимом, употребленным исполнительницей в аналогичной строке того же текста, — «занавесточкой» .

Подготовка к изданию материалов по машинописным текстам при отсутствии рукописи кажется более простой. Но на самом деле это представляет особую трудность в случаях, аналогичных тем, с которыми сталкиваешься при обращении к архивному собранию И. Н. Этиной. К тому же необходимо учитывать, что записи производились студенткой второго курса. Например, один и тот же текст былины «Дунай и Настасья-королевишна» в РО ИРЛИ оказался разделенным в машинописных копиях на два разных «варианта»: в кол. 57, п. 3, ед. хр. 6 и в кол. 76, п. 3, ед. хр. 37 — начало и основная часть текста, завершаемая многоточием; в кол. 57, п. 3, ед. хр. 13 и в кол. 76, п. 3, ед. хр. 36 — окончание текста, обозначенное как «Фрагмент былины “Дунай и королева”». Возможно, эти перепечатки ввели в заблуждение и саму собирательницу. Явное окончание текста представлено в ее итоговых записях (составлявшихся, по всей видимости, спустя какое-то время после экспедиции) в качестве самостоятельного фрагмента былины «без начала».²⁵

Сложность заключается еще и в том, что такой положительный факт, как обязательная передача копий (а в те годы из технических средств копирования доступной была лишь печатная машинка) в архивы разных организаций-участников экспедиции, мог породить дополнительную путаницу. Так, почти все тексты духовных стихов в записи И. Н. Этиной были опубликованы в антологии «Духовные стихи Русского Севера»,²⁶ но по архивным материалам Карельского научного центра РАН (АКНЦ). К сожалению, в издании нет характеристики источника: рукопись это (полевая либо беловая запись) или машинопись. Если за основу взяты машинописные копии, то они почти неизбежно будут отличаться от машинописных копий тех же записей, хранящихся в РО ИРЛИ. И это может касаться не только самих текстов, но и паспортных сведений. Например, духовные стихи под № 47 («Алексей человек Божий»), № 48 («Вознесение») и № 49 («Михаил Архангел»), включенные в издание «Духовные стихи Русского Севера» как записанные от М. С. Ефремовой, в машинописных материалах РО ИРЛИ значатся как исполнен-

²⁵ См. составленные И. Н. Этиной Таблицу № 1 «Сказители и записанные от них былины» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 5) и Таблицу № 2 «Былинные сюжеты, записанные в Гридино и Калгалакше в 1935 г.» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 76, п. 3, ед. хр. 6). Далее (в Приложении) — Таблица № 1, Таблица № 2.

²⁶ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова. Сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015.

ные Х. И. Костиной: кол. 76, п. 2, ед. хр. 112 («Алексей человек Божий»); кол. 76, п. 2, ед. хр. 114 («Вознесение»); кол. 76, п. 2, ед. хр. 117 («Михаил Архангел»). Разноречия возникают, конечно, и в тех случаях, когда оригинал находится в одном архиве, а публикация осуществляется по материалам другого архива. К примеру, в фольклорном архиве Пушкинского Дома имеется рукописный текст духовного стиха «Пятница и Трудник» (кол. 57, п. 1, ед. хр. 13, л. 1), буквально совпадающий с опубликованным в антологии № 55 («Старец и Пятница»). Но в трех словах все же присутствуют отличия, обусловленные, вероятно, желанием копирировщика привести форму слов к литературной норме при перепечатке текста: в рукописи — «проклеты» (в 2-х строках), «жидовьями», в издании — «прокляты», «жидовьями».

Учитывая всё сказанное, мы публикуем в настоящей работе только те немногие эпические произведения (фрагменты) из собрания И. Н. Этиной, рукописные оригиналы которых хранятся в Пушкинском Доме. Публикация остального материала возможна лишь после сопоставления с соответствующим материалом архива Карельского научного центра РАН.

Тексты печатаются по рукописям. Реконструированные нами при необходимости части слов заключены в угловые скобки. Подчеркнутое «ѐ» означает, что в рукописи точки над «е» не проставлены, однако нет сомнений, что это всего лишь результат скорописи. Сняты (но отмечены при этом подчеркиванием замененной буквы) отраженные в рукописи явления ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой на конце слова (вместо «ити» — «идти», вместо «уш» — «уж» и т.п.). Все остальные отступления от рукописи оговариваются в примечаниях. Довольно многочисленные разночтения с публикацией И. Н. Этиной, вызванные в том числе явными опечатками в издании, не приводятся, кроме единичных случаев.

ТЕКСТЫ

Добрыня и Алёша

№ 1

Жил-был Никитюшка Микит млад.

Задумал он ехать ¹во чисто поле¹

И приказывает своей молодой жене:

«Дождидай меня через три года.

⁵ Как не приеду я через три года —

Так ожидай меня через шесть² годов.

- Как не приеду через шесть годов —
 Так ожидай меня через девять лет.
 Через девять лет не приеду —
- ¹⁰ Тогда ожидай меня через двенадцать лет.
 Через двенадцать лет не приеду —
 Тогда хоть вдовой живи, хоть замуж пойди.
 Пойди за кнезей, бояров пойди,
 Только не ходи за Алёшу за Поповича:
- ¹⁵ Алёша Попович — мне крестовый брат, он задушевный друг!»
 И распрости́лся,³ и поехал Никитушка Микит млад.
 И прошло времечко уж три года —
 И не приехал кнезь из чиста поля⁴
 Добрынюшка Микитич млад.
- ²⁰ И прошло уж времечко шесть годов —
 И не приехал Добрынюшка ⁵из чиста поля.⁵
 И прошло уж девять годков —
 И не приехал Добрынюшка ⁵из чиста поля.⁵
 И прошло уж времечко двенадцать лет —
- ²⁵ И не приехал Добрынюшка Микит млад из ⁵чиста поля.⁵
 И матушка егова запечалилась,
 Завесила окошечко черной матерточкой.⁶
 И тоже молода жена и запечалилась.
 И прошло уж времечко двенадцать лет —
- ³⁰ И не видать Добрынюшка из чиста поля.
 Стали Добрынюшкину молодую жену
 Сватать за Алёшу за Поповича.
 И стала сватать Апраксна-королевишна.
 А⁷ она говорила, что «мне Добрынюшка не приказывал
- ³⁵ Идти за Алёшу за Поповича.
 И сказал: “Пойди за кнезей и бояров,
 А за Алёшу Поповича не иди:
 Алёша Попович — мне крестовый брат и задушевный друг!”»
 Она не идет, а ей силой берут.
- ⁴⁰ И вот едет Добрынюшка ⁸по чист<у> полю.⁸
 Попали навстречу ему калики перехожие.
 «Всё ли у нас в городе по-старому,
 Всё ли у нас во Киеве по-прежнему?» —
 «Всё у вас во городе по-старому,
- ⁴⁵ И всё во Киеве по-прежнему.
 Только у твоей у матушки не по-старому.
 Матушка твоя очень печальная,
 Занавесила она окошечки темными занавесточками.
 И еще выходит твоя молода жена
- ⁵⁰ Замуж за Алёшу за Поповича.
 Она не походила и сказала, что “мне Добрынюшка не приказывал
 Идти за Алёшу за Поповича.

- Алѣша, — сказал, — мне крестовый брат и задушевный друг!?”
 Она не шла, а ей силой берут.
- 55 И сватала ей Апракса-королевишна». И Добрынюшка говорит каликам перехожим:
 «Дайте мне платье вашего каличьего на себя одеть!»
 Ну, они ему дали свою платье каличьего.
 И он пришел в этом платье ко своей ко матушке.
- 60 И матушка его не узнала.
 «Да здравствует ты, матушка Добрынюшкина!
 И дай-ка ты мне, матушка Добрынюшкина, звончаты гусли,
 И дай-ка мне Добрынюшки сапожки сафьяненькие⁹ —
 Я пойду к Алѣши ко Поповичу на почестен пир».
- 65 Вот он и пришел к Алѣши Поповичу на почестен пир.
 И сел он на дверну лавочку,
 И раздернул он да звончаты гусли.
 И услышала Добрынюшкина молода жена,
 Что эти гусли да не калики перехожего,
- 70 А эти гусли Добрынюшки Микитича.
 И она и говорит: «Ты, Алѣша Попович!
 Дай мне чару зелена вина да полтора ведра —
 И поднести этому калики перехожему».
 Ну, и она и поднесла ему.
- 75 И брал тут Добрынюшка ка<к>¹⁰ чару во белы руки,
 И выпивал-то он на единый дух.
 И спустил он в эту чару перстень имянной свой.
 И она взяла из чары перстень имянной,
 И бросилась Добрынюшки на белы руки:
- 80 «И прости-ка, Добрынюшка Микитич млад, меня!» —
 «Ой же ты, Апракса-королевишна!» —
 «Да не пошла я своею волею, меня силою брали!»
 Подошел Добрынюшка к Алѣши ко Поповичу
 И хватил Алѣшу да Поповича за желты кудри,
- 85 И через стол его хватал,
 И бросил его о кирпичный пол:
 «Ты у живого мужа жену обираешь!
 И ты же, курва¹¹ Апракса-королевишна,
 Вы хотели у живого мужа жену обрать!»
- 90 И только Алѣша Попович и женат бывал!
 Про Алѣшу Поповича и славу поют, и стихи сказывают.

Зап. в Калгалакше от К. Е. Редкиной (подробнее см.: Приложение I.1).

Примечания: ¹⁻¹ В ркп. (и изд.) «во чистополье» — скорее результат восприятия собирательницей текста «на слух», нежели особенность произнесения этого сочетания сказительницей. Ср. стих 30, где в ркп. зафиксировано традиционное: «из чиста поля». ² Все числительные в ркп.

обозначены цифрами. ³ Остается неясным, имеем мы здесь дело с удлинением согласных при сказывании былины или с орфографической ошибкой в студенческой записи. ⁴ В ркп. (и изд.) «поля». ⁵⁻⁵ В ркп. (и изд.) «из чистополя»; см. примеч. 1-1. ⁶ В ркп. слово прописано нечетко, в разных машинописных копиях отражено по-разному, в издании заменено на «занавесточкой». ⁷ В ркп. «А» можно посчитать зачеркнутым; в двух маш. копиях «А» напечатано, в двух других — нет; печ. по изд. ⁸⁻⁸ В ркп. (и изд.) «по чистополю»; см. примеч. 1-1. ⁹ В ркп. первоначально «серебряные», но прилагательное зачеркнуто. ¹⁰ В ркп. слово написано не совсем разборчиво; в изд. «ка». ¹¹ В ркп. (и изд.) «кура»; вероятно, студентка-собирательница не расслышала слово или сочла его неэтичным; в маш. копиях (РО ИРЛИ, р. V, кол. 57, п. 3, ед. хр. 22 и 24) чернилами вставлена «в» после буквы «р».

Козарин

№ 2

На роду Козарина попортили.
Отдавали ¹-бабушки-задворенки¹
Кормить-поить до трех годов,
От трех годов до шести лет,
⁵ От шести лет до двенадцати.
Стал Козаринушка конем владать
Да копьем штурмовать.
Поехал в чисто поле.
Во чистом поле курева стоят
¹⁰ Да дым столбом валит.
Приезжает к полатушки белокаменны:
«Есть ли у меня отец с матушкой?»
Выходит Настасья да на красно крыльце,
Выносит чару зелена вина, зелья лютого.
¹⁵ Она ему подават чару зелена вина —
Лошадь задурела да пролила зелья лютого.
Поехал прочь Козаринушка:
«На роду, роду — да будто мать родна,
По житью-бытью — да змея лютая!»

Зап. в Гридино от М. С. Ми(я,е)хниной (подробнее см.: Приложение VI.4).

Примечания: ¹⁻¹ В ркп. «бабушки в задворенки»; считаем маловероятным, что так и было сказано — вместо традиционного для былин сочетания «бабушка-задворенка».

Князь Роман и Марья Юрьевна

№ 3

- «Я-ей ту ночь мало спала и во снах видела,
Как сокатился со... перстень со правой руки,
И рассыпался перстень на мелки зернышки.
Все я зернышки присобрала —
- ⁵ Одного я зернышка не могла собрать».
Не послушал Романушка молодой жены:
Он ушел-ко стрелеть да белых лебедей.
Пришла-то Марьюшка ко окошечку,
Села и смотрела вси на мори.
- ¹⁰ Как в синем-то мори бежат три корабля,
Три корабля, да три черенные,
А паруса-то — полотняные.
И бежат они-то в гавань корабельную.
Метали-то они якоря булатные,
- ¹⁵ Обирали паруса белополотнянные,
И спуш<ш>али¹ они шлюпочки черенные.
А тут пошла Марьюшка тулит<ь>ся² и хоронит<ь>ся.²
Зашла она в зеленый сад,
И села она под яблоньку кудрявую.
- ²⁰ Вот приехали пановья да булатные,³
Стали ею искати.
Зашли-то они в зелен сад,
Приздвинули они яблоньку —
И увидали они Марьюшку.
- ²⁵ И брали ей за белы руки,
Целовали ей в сахарны уста
И взяли Марьюшку на свой корабь.
И стали жеребья метать,
Стали чаи попивать.
- ³⁰ И один скажет:
«Если ты мне достанешься —
То будешь родима сестра!»
И другой скажет:
«Если ты мне достанешься —
- ³⁵ Ты будешь молода жена!»
А третий скажет:
«Если ты мне достанешься —
То тебе будет золота казна!»
(Дальше не помнит)

Зап. в Калгалакие от М. С. Ефремовой (подробнее см.: Приложение IX.2).

Примечания: ¹ В ркп. «спушали», в маш. «спушали». ² Отсутствие «ь» в глаголе считаем орфографической ошибкой, допущенной при записи текста. ³ Вместо традиционного «буланове».

№ 4

Походит Романушка за охотами,
Он стрелеть-то гусей да белых лебедей,
Маленьких перелетных серых уток.
Унимат Романушка молода жена,
⁵ Молода жена Марья Юрьевна.
Села Марьюшка к окошечку,
И гледит-то Марьюшка
Во сине море да во солоное:
Там бежит-то¹ три корабля, три червленны,
¹⁰ Забегали в гавань корабельную,
Опускали-то паруса белополотняны,
Подымали-то шлюпочки дубовые.
А гледит-то Марьюшка — беда пришла,
Беда пришла, и деться некуда.
¹⁵ Побежала Марьюшка хоронит<ь>ся²
Да во чисто полье,
Да приздырнула-то она яблонь кудреватую.
Идут-то два разбойничка-тотарина:³
«Не ты ли есть Марья Юрьевна?
²⁰ Не ты ли есть Лебедь Белая?»...
(Дальше забыла)

Зап. в Гридино от М. С. Ми(я,е)хниной (подробнее см.: Приложение IX. 3).

Примечания: ¹ В бел. ркп. из «бегут-то». ² Отсутствие «ь» в слове считаем орфографической ошибкой при записи. ³ Можно прочесть и «татарина».

Князь, княгиня и старицы

№ 5

Жил-был кнезь молоденькой
И взял княгинушку молоденьку.
Князю было двенадцать¹ годов
И взял княгинушку девяти годов.
⁵ И недолго они с нею пожили —

И жили всего три денечка.
 И недолго с ней спали —
 Всего три ноченьки.
 И задумал ехать кнезь ²во чисто́ поле.²
 10 «Поеду я, — говорит, — на три годика.
 Не приеду я через три годика —
 То дожидай меня через шесть годов.
 Как не приеду я через шесть годов —
 То дожидай меня через девять лет.
 15 Как не приеду через девять лет —
 То дожидай меня через двенадцать лет.
 Штобы питья, кушанья не закрывались
 И лампадки Божие теплелись.
 Штобы цветно мое платье было не издержано,
 20 Штобы добры коники были не утопчены».³
 Распростился кнезь со княгинюшкой
 И поехал ²во чисто поле.²
 И прошло время три годика —
 И не приехал кнезь ⁴из чист<a> поля.⁴
 25 И прошло времячко шесть годов,
 И прошло времячко уже девять лет —
 Не приехал князь ⁴из чист<a> поля.⁴
 И прошло времячко двенадцать лет,
 Уже идет тринадцатый годок —
 30 И едет кнезь из чиста поля.
 Попались ему навстречу две старины, да две чернявины.
 И спрашивает их княгинушка молоденькой:
 «Здравствуйте, старины-чернявины!
 Всё ли у нас в городе по-старому
 35 Всё ли у нас в Киеве по-прежнему?» —
 «И⁵ всё, — говорят, — у вас во городе по-старому,
 Да всё во городе по-прежнему.
 Только у твоей княгинушки всё не по-старому,
 А только всё по-новому:
 40 Питья, кушанья все закрытые,
 Лампадки Божие не теплятся,⁶
 И добры кони вси приеждены,
 И цветно платье твое да всё придержано.
 Да еще качается юноша тримесячный!»
 45 А недолго с има кнезь разговаривал⁷ —
 И поехал он скорее:
 Разгорелось⁷ его сердечко княженецкое.
 И приехал он к своей к полати белокаменной.
 50 И выходит княгинушка молоденька его встречать.
 И говорит княгинушка:
 «Двенадцать годиков, двенадцать летиков солнышко не пекло,

- И на тринадцатый годик сольшко распекло!»
 Как приехал кнезь да из чисто поля —
- 55 А он, кнезь,⁸ с ей не разговаривал:⁷
 И брал он саблю во белы руки,
 И сказнил, срубил он у ей буйну голову.
 И падала ейная головушка
 Не на воду, да и не на землю —
- 60 А да подынулась прямо к Господу Богу на небо.
 Он зашел в комнаты, глядит:
 Лампадки Божьи теплятся,⁶
 Питья, кушанья не закрытые.
 И смотрел он цветно платье:
- 65 Цветно платье не придержано.
 И бросался он во конюшник:⁹
 И кони все стоят и сытые, и лосеют.¹⁰
 И он всё искал по комнатам
 И юношу трехмесячного —
- 70 И найти не мог князь молодецкой.
 И брал он самого лучшего коня
 И поехал, заставал этих старин
 И сказал: «Эй же вы, старины-чернявины!
 Проходите сквозь сыру землю,
- 75 И одни клюшаки оставайтесь!»
 И прошли старины сквозь сыру землю.
 И приехал он домой обратно.
 И сделал он петелку шелковую
 И сам задался.

Зап. в Калгалакше от К. Е. Редкиной (подробнее см.: Приложения X.2).

Примечания: ¹ В ркп. здесь и далее в тексте числительное (кроме числительного «три») обозначено цифрой. ²⁻² В ркп. «во чистополье» — скорее результат восприятия собирательницей текста «на слух», нежели особенность произнесения этого сочетания сказительницей. Ср. стих 30, где в ркп. зафиксировано традиционное: «из чиста поля». ³ В ркп. слово прописано не совсем четко. В одной маш. копии (кол. 57, п. 3, ед. хр. 28) напечатано «утоплены», в другой — (к. 76, п. 3, ед. хр. 23) «утомлены» (поверх «п» напечатано «м»). ⁴⁻⁴ В ркп. «из чисто поля»; см. примеч. 2-2. ⁵ В ркп. наложение «И» на «А». ⁶ В ркп. можно прочесть и «теплется». ⁷ В ркп. приставка прописана нечетко: можно прочесть и «роз-». ⁸ В ркп. можно прочесть и «князь». ⁹ Так в ркп. ¹⁰ Так читается в ркп. — возможно, искажение от «лоснятся»; в маш.: «посеют».

- Поеждает кнезь во чисто поле,¹
 Молоденькой во чистое.
 Оставляет он кнежну молоденьку,
 Оставляет он питье-кушанье,
⁵ Оставляет он ей свище-ладаны,²
 Оставляет он ей кони во конюшнях.
 Уехал кнезь во чисто поле,¹
 Молоденькой во чистое.
 Кнежна за кнезя Бога молила,
¹⁰ Свеще-ладаны³ она повыдержала,
 Питье-кушанье она не выпила,
 Цветно платьице она не держала,⁴
 Бурых коней она кормила.
 Едет кнезь по чисто полю.¹
- ¹⁵ Идут ему — две старина, две чернявина:
 «Здравствуй, кнезь, здравствуй, молоденькой!» —
 «Здравствуй, старина-чернявина!
 Откуда идете, откуда ль попадаете?» —
 «Мы идем из города твоего,
²⁰ Были у твоей кнегини молоденькой:
 У ей питье-кушанье все выпьето,
 Цветно платьице все выдержано,
 Свеще-ладаны у ей не держаны,
 Конички у ей все приеждены!»
- ²⁵ Воротился кнезь из чиста поля,¹
 Молоденькой из чистого.
 Приеждает к полаты белокаменной.
 Выходит кнегина на красно крыльцо,
 Говорит кнегина таковы слова:
³⁰ «Девять лет солнышко не пекло́ —
 А на десятый год солнышко прироспекло».
 Брал он тут саблю острую,
 Срубил ейну головушку!
 Пала головушка прямо на небо.
- ³⁵ Вышел кнезь в полату белокаменну —
 Видит: питье-кушанье не выпито,
 Цветно платьице не ношенно⁵
 И свеще-ладаны придержаны,
 Конички во конюшники⁶ не держаны.
- ⁴⁰ Поехал кнезь во чисто поле,¹
 Молоденькой во чистое.
 Едет кнезь по чисто полю¹ —
 Идут эти старины-чернявины.
 Говорит он им:

⁴⁵ «Прошли бы вы сквозь сыру землю, сыроматерну!»
Прошли они в сыру землю, сыроматерну.

Зап. в Гридино от В. В. Ми(я,е)хнина (?) (подробнее см.: Приложение X. 3).

Примечания: ¹ В ркп. «полье» — скорее результат восприятия собирательницей текста «на слух», нежели особенность произнесения этого слова исполнителем. ² Так в ркп.: искаженное от «свечи («свечи»)-ладаны». ³ В ркп. читается: «Свеже ладаны». ⁴ Так в ркп.: в значении «не износила». ⁵ Второе «н» вставлено. ⁶ Так в ркп. вместо «конюшинки» — возможно, описка собирательницы или оговорка исполнителя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень былин и баллад, записанных И. Н. Этиной в 1935 г. и хранящихся в Рукописном Отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

(указан исполнитель; место записи; архивный шифр: первая цифра шифра означает номер коллекции, вторая — номер папки, третья — номер единицы хранения; в скобках уточняется: рукописный или машинописный текст;²⁷ дана ссылка на публикацию, если таковая имеется, а также различные существенные пояснения к паспортным данным).

Былины

И. Добрыня и Алеша:

1. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша — 57/1/21, л. 2 об. — 4 об. (ркп.: чернила, запись на разрозненных листах в основном большого размера; возможно, это не перебеленная, а полевая запись); 57/3/22 (маш.); 57/3/23 (маш.); 57/3/24 (маш.); 76/3/21(маш.).
Оубл.: Студ. зап. 1937. С. 13—15.

[Фамилия исполнителя в рукописи не обозначена, но указана в издании (с. 29) и машинописных копиях текста].

2. Ерлова Ульяна Самсоновна, 56 л.; Калгалакша — 57/3/16 (маш.); 76/3/15 (маш.).

II. Илья Муромец и разбойники:

1. Ерлова Ульяна Самсоновна, 56 л.; Калгалакша — 76/3/17 (маш.).
Оубл.: Студ. зап. 1937. С. 11—13.

2. Коновалова Екатерина Ивановна, 67 л.; Гридино — 57/3/1 (маш.; под заглавием «О старом казаке Илье Муромце»); 76/3/34 (маш.; под

²⁷ Еще раз подчеркнем, что находящиеся в разных папках и разных единицах хранения машинописные тексты не являются обычными дублями «под копирку».

заглавием чернилами: «Три поездки Ильи Муромца»). *Оубл.*: Русские эпические песни Карелии / Изд. подг. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. № 51.

3. Костина Харитина Ивановна, 76 л.; Калгалакша — 57/3/29 (маш., под заглавием «Три поездки Ильи Муромца»); 76/3/11 (маш.).

III. Дунай и Настасья-королевишна:

1. Коновалова Екатерина Ивановна, 67 л.; Гридино — 57/3/3 (маш.); 76/3/33 (маш.). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 20—21.

[В публикации явная опечатка: в качестве исполнительницы указана Катерина Ивановна Кондакова].

2. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша — 57/3/25 (маш.) ; 76/3/19 (маш.).

3. Иванова Анна Ивановна, 76 л. ; Гридино — 57/3/6 (маш. <в конце многоточие>), окончание текста: 57/3/13 (маш.); 76/3/37 (маш. <в конце многоточие>), окончание текста: 76/3/36 (маш.), обозначено как «Фрагмент былины “Дунай и королевна”».

[В Таблице № 1 указано, что от А. И. Ивановой записан 1 текст и 1 фрагмент этой былины. В Таблице № 2 отмечено, что в Гридино записаны 2 текста и 1 фрагмент этой былины. То есть один и тот же текст оказался разделенным на два варианта].

IV. Дунай Иванович-свят:

1. Иванова Анна Ивановна, 76 л.; Гридино — 57/3/4 (маш.); 57/3/5 (маш.); 76/3/39 (маш.). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 18—19.

V. Алеша Попович и сестра Петровичей-Збродовичей:

1. Костина Харитина Ивановна, 76 л.; Калгалакша — 57/3/30 (маш.; под заглавием «Алеша и сестра Брадовичей»); 76/3/14 (маш.; под заглавием «Алеша и сестра Бродовичей»). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 26—27.

VI. Козарин:

1. Коновалова Екатерина Ивановна, 67 л.; Гридино — 57/3/2 (маш.; под заглавием «О Казарине»); 76/3/32 (маш.; под заглавием «О Казарине» и сноска: «Название былины дано сказительницей»). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 15—18.

2. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша — 57/3/ 26 (маш.); 76/3/20 (маш.).

3. Ефремова Марфа Семеновна, 83 г.; Калгалакша — 57/3/20 (маш.); 76/ 3/9 (маш.).

4. Михнина Марья Сильвестровна, 26 л.; Гридино — 57/1/6, л. 5—5 об. (ркл.: запись чернилами в общей тетради блокнотного размера); 57/3/9 (маш.); 76/3/28 (маш.).

[Фамилия исполнителя в рукописи не обозначена, но указана в машинописных копиях текста].

VII. Соломан и Василий Окулович:

1. Ерлова Ульяна Самсоновна, 56 л.; Калгалакша — 57/3/17 (маш); 76/3/16 (маш.). Под заглавием «Саламан-царь». *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 5—9.

VIII. Сказка на былинные сюжеты («Сказка про Илью Муровца, Алексея Поповича и Добрыню Никитича»):

1. Михнин Игнатий Егорович, 26 л.; Гридино — 76/3/24 (маш.); 57/3/14 (маш., отсутствует 3 и 4 стр. из 5); 14d (маш., отсутствует 3 и 4 стр. из 5).

Баллады

IX. Князь Роман и Марья Юрьевна:

1. Михнина Евдокия Герасимовна, 35 л.; Гридино — 57/3/10 (маш.); 76/3/27 (маш.). *Опубл.*: Студ. зап. 1937. С. 10—11.

2. Ефремова Марфа Семеновна, 83 г.; Калгалакша (фрагмент: 38 ст.) — 57/1/8, л. 1—2 (ркп.: запись чернилами в школьной тетради; возможно, это не перебеленная, а полевая запись); 57/3/19 (маш.); 76/3/7 (маш.).

3. Михнина Мария Сильвестровна, 26 л.; Гридино (фрагмент: 20 стихов) — 57/1/6, л. 11—11об. (ркп.: запись чернилами в общей тетради блокнотного размера; под заглавием «Романушка»); 76/3/29 (маш.); 57/3/7 (маш.).

[Фамилия исполнителя в рукописи не обозначена, но указана в маш. 76/3/29 и Таблице № 1. В маш. 57/3/7 чернилами в качестве исполнительницы ошибочно указана Иванова Анна Ивановна].

4. Коновалова Екатерина Ивановна, 67 л.; Гридино (фрагмент: 6 стихов) — 76/3/31(маш.).

5. Иванова Анна Ивановна, 76 л.; Гридино (фрагмент: 5 стихов) — 76/3/35(маш.).

X. Князь, княгиня и старицы:

1. Ерлова Ульяна Самсоновна, 56 л.; Калгалакша — 57/3/18 (маш.); 76/3/18 (маш.). *Опубл.*: Студ. зап. 1937. С. 21—23.

2. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша — 57/1/21, л. 2 об—4 об. (ркп.: чернила, запись на разрозненных листах в основном большого размера; возможно, это не перебеленная, а полевая запись); 57/3/28 (маш.); 76/3/23 (маш.).

[Фамилия исполнителя в рукописи не обозначена, но указана в машинописных копиях текста].

3. Михнин Василий Васильевич, 33 г.; Гридино [?] — 57/1/13, л. 1—1 об. (ркп.: чернила, запись на разрозненных листах в основном большого размера; возможно, это не перебеленная, а полевая запись); 57/3/33(маш.); 76/3/25.

[Фамилия исполнителя в рукописи не обозначена. В Таблице № 1 и маш. 76/3/25 (чернилами) в качестве исполнителя указан В. В. Михнин. В маш. 57/3/33 указан другой сказитель: Степанкова Наталья Кирилловна, 36 л., жительница д. Калгалакша. На том же листе рукописи, где начинается текст баллады (57/1/13, л.1), записан духовный стих «Пятница и Трудник», также без указания исполнителя. Но в машинописной копии этого духовного стиха (76/2/151) в качестве исполнительницы названа Н. К. Степанкова, как и в антологии «Духовные стихи Русского Севера», составленной В. П. Кузнецовой (№ 55). Трудно себе представить, чтобы на одном листе записаны были тексты из разных деревень, один за другим, тем более, что в

этих деревнях записи производились в разное время. Однако в Таблице № 1, где перечислены все сказители былин и баллад, фамилии Степанковой Н. К. нет. Кроме того, в Таблице № 2 указано, что на этот сюжет было записано 3 текста в Калгалакше и 1 в Гридино].

4. Костина Харитина Ивановна, 76 л.; Калгалакша — 76/3/12 (маш.).

XI. Дмитрий и Домна:

1. Иванова Анна Ивановна, 76 л.; Гридино — 57/3/12(маш.); 76/3/38 (маш.). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 24—25.

2. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша — 57/3/27 (маш.); 76/3/22 (маш.); 57/3/8 (маш.; чернилами ошибочно указана в качестве исполнительницы Иванова А. И., 76 л.; Гридино).

3. Костина Харитина Ивановна, 76 л.; Калгалакша — 57/3/31(маш.); 76/3/10 (маш.).

4. Редкина Капитолина Евдокеевна, 58 л.; Калгалакша [?] (фрагмент: 4 стиха) — 57/1/21, л. 6 (ркп.: чернила, запись на разрозненных листах в основном большого размера; возможно, это не перебеленная, а полевая запись):

«Жил-был Дмитрий-кнезь,
Сватался он по три весны, да по три осени,
На 4-ую осень только свадьбе быть да к венчу пойти
Да к венчу пойти да за Софьюшку.

(*Дальше забыла*)»

[На отрезанной полоске листа (76/3/26) напечатан тот же текст (с отличием в одну букву: «князь» вместо «кнезь»), где в качестве сказителя указан (чернилами) Михнин Василий Васильевич, 33 лет, житель д. Гридино. В Таблице № 1 именно он назван исполнителем 4-х строк «Дмитрия и Домны». В Таблице № 2 отмечено, что на этот сюжет было записано 2 текста в д. Калгалакша, 1 текст и 1 фрагмент — в д. Гридино. Но в тетради с библиографией вариантов, где перечислены и записи 1935 г., этот фрагмент не упомянут. Предполагаем, что приведенные здесь по рукописи 4 стиха баллады «Дмитрий и Домна» были исполнены К. Е. Редкиной, что подтверждается, в частности, употреблением женского рода глагола прошедшего времени в приписке: «Дальше забыла». Впоследствии она, вероятно, вспомнила текст, и он был записан полностью].

XII. «Мать князя Михаила губит его жену»:

1. Костина Харитина Ивановна, 76 л.; Калгалакша — 57/3/32(маш.); 76/3/13 (маш.). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 25—26.

XIII. «Василий и Софья»:

1. Сош(ж)кова Александра Дмитриевна, 70 л.; Гридино — 57/3/11 (11d и 11dd) (два машинописных дубля «под копирку»); 76/3/30 (маш.). *Оубл.*: Студ. зап. 1937. С. 27—28.

[В публикации фамилия исполнительницы искажена: Сазикова].

XIV. «Мать продает своего сына»:

1. Ефремова Марфа Семеновна, 83 г.; Калгалакша — 57/3/21 (маш.); 76/3/8 (маш.).

* * *

Аннотация: Работа содержит описание эпических материалов (включая замечания текстологического характера), собранных И. Н. Этиной в 1935 г. в Кемском районе Карельского Поморья. Приведен аннотированный перечень записанных ею былин и баллад, хранящихся в Рукописном Отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Даны краткие биографические сведения о собирательнице. Включена публикация текстов по рукописным оригиналам.

Ключевые слова: баллады, былины, И. Н. Этина, Карельский берег Белого моря, текстология

Abstract: The work contains a description of epic materials (including textological comments) collected by I. N. Ethina in 1935 in the Kemsy district of the Karelian Pomorye. An annotated list of the epic songs (bylinas) and ballads she recorded is kept in the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Brief biographical information about the collector is given. The publication of texts on manuscript materials is included.

Keywords: ballads, bylinas, I. N. Ethina, Karelian coast of the White Sea, textology

ЗАПИСИ ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИРЛИ 1949 ГОДА

(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА С. Д. МАГИД)

Публикация Е. И. Якубовской

Полевая собирательская деятельность Пушкинского Дома в Псковской области проводилась в 1940-х годах XX века. Ее результаты отложились в звуковых коллекциях Фонограммархива ИРЛИ №№ 221 F (1941 г.)¹ и 226 F (1946,² 1947,³ и 1949 гг.)⁴.

Из трех псковских экспедиций ИРЛИ 1940-х гг. первые две (1941 и 1946 гг.) носили разведывательный характер. Углубленные полевые исследования традиционного фольклора, согласно сформулированным на основе анализа материалов первых поездок научным задачам, проводились в экспедиции 1947 года. Основными собирателями в ней выступили С. Д. Магид и Н. Л. Котикова. В 1949 гг. исследователи осуществляют новую разведывательную экспедицию в места, издавна входившие в состав псковских земель, но в то время получившие статус Великолульской области.⁵

Биографии обеих собирательниц до недавнего времени были известны мало. Н. Л. Котиковой, позже посвятившей свою жизнь и научно-творческую деятельность собиранию псковского

¹ Поселения в окрестностях Пскова и Псковского озера, в то время входившие в Ленинградскую область. Собиратели Ф. А. Рубцов и П. Г. Ширяева.

² Печорский район Псковской области. Собиратели Н. Л. Котикова и А. Г. Кудышкина.

³ Печорский, Полновский и Пушкиногорский районы Псковской области. Собиратели С. Д. Магид и Н. Л. Котикова.

⁴ Пеновский, Пореченский, Опочечкий и Пустошкинский районы Великолульской области. Собиратели С. Д. Магид и Н. Л. Котикова.

⁵ Ныне обследованные собирателями населенные пункты входят в состав Псковской и Тверской областей.

Илл. 1. Н. Л. Котикова
30.06.1906, с. Иваньково
Псковской губернии⁶ —
16.02.1981, Ленинград

фольклора, довелось еще при жизни увидеть опубликованной значительную часть своих трудов.⁷ Нам удалось восстановить основные вехи ее биографии, раскрыть тайны ее «родословного древа», связывающего эту неординарную творческую личность с людьми, оставившими значительный след в истории русского государства, его культурной и общественной жизни.⁸ Что же касается С. Д. Магид, то, несмотря на то, что она была заметной фигурой ленинградской фольклористики 1920-х — 1950-х гг., ее основные, крупные работы при жизни не издавались.⁹ Научная биография С. Д. Магид ныне воссоздана на основе документальных источников в трудах Н. Д. Светозаровой и Л. И. Петровой.¹⁰

⁶ Дата и место рождения Н. Л. Котиковой (урожденной баронессы Остен-Сакен) приводится по ее официальным паспортным данным. Согласно уточненным сведениям, Н. Л. Котикова родилась 19/30 июня 1905 года в Кронштадте (*Якубовская Е. И.* Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013. С. 527).

⁷ 1) Гдовская старина: Русские народные песни и наигрыши Гдовского района [Составитель Н. Котикова]. Л.: Сов.композитор, 1962; 2) *Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М.: Музыка, 1966; 3) Псковские песни [/ Сост. Н. Котикова; Ред. С. А. Полянский; Муз. ред. Ф. А. Рубцов]. Псков, 1958; 4) Русские народные частушки, страдания, припевки [/ Сост. Н. Л. Котикова; Под общ. ред. М. Матвеева]. Л.: Музгиз, 1961; 5) Русские частушки [/ Сост. Н. Котикова]. [Л.]: Музгиз, 1956.

⁸ *Якубовская Е. И.* Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013. С. 512—584.

⁹ Список трудов С. Д. Магид см.: Приложение 1.

¹⁰ 1) Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / Изд. подгот. А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф. СПб., 2005; 2) *Светозарова Н. Д.* Звучовая база данных в изучении фольклора // Материалы XXX научнометод. конф., секция фонетики, СПб., 2001. С. 102—105; 3) *Она же.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы: (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) //

Илл. 2. С. Д. Магид
22.12.1892 / 03.01.1893,
Петербург — 20.06.1954,
Ленинград

Необходимо подчеркнуть, что формирование научных взглядов Магид как музыковеда, филолога и этнографа, выработка принципов полевой собирательской работы, подход к публикации ее результатов связаны с деятельностью ученого в рамках Фольклорной секции ГИИИ в тесном сотрудничестве с Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд под руководством Б. В. Асафьева. Выпускница Петроградской консерватории (1917 г., класс ф-но проф. С. М. Майкапара), затем Высших курсов искусствоведения при ГИИИ по отд. МУЗО, С. Д. Магид, вместе с другими молодыми сотрудниками «Зубовского» института активно исследовала русскую и зарубежную му-

зыку, переводила труды современных ей европейских музыковедов, постепенно все более отдавая предпочтение фольклористике.

Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2007. Вып. 7. С. 493—508 (Раздел, посвященный С. Д. Магид: С. 500—505); 4) *Она же*. Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России: Материалы междунар. науч. конф. «Евр. проф. музыка в России. Становление и развитие», Санкт-Петербург, 1—2 дек. 2003 г. / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова, А. С. Френкель. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309—334 (здесь же опубликован список печатных трудов С. Д. Магид); 5) *Светозарова Н. Д., Бурыкин А. А., Кастров А. Ю.* Софья Давыдовна Магид — исследователь музыкальных записей из коллекций С. М. Широкогорова // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР (III Широкогородские чтения). Владивосток: изд. ДВГУ, 2008. С. 135—141; 6) *Svetosarova N. D.* Sofia Magid und ihre Sammlung-jiddis cher Folklore // Karl E. Grözinger (Hg.) *Klezmer, Klassik, jiddisches Lied. Jüdische Musik kultur in Osteuropa.* Wiesbaden, 2004. S. 73—80; 7) *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме (Документы и факты) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2013. Вып. 8. С. 147—204. См. также: 8) *Гуральник Л. Ю.* Музыкальное оформление народных баллад на идише (по материалам неопубликованного исследования Софьи Магид) // Из истории еврейской музыки в России: Материалы междунар. науч. конф. «Евр. проф. музыка в России. Становление и развитие», Санкт-Петербург, 1—2 дек. 2003 г. / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова, А. С. Френкель. СПб., 2006. Вып. 2. С. 335—352; 9) Магид (Экмекчи) Софья Давыдовна // Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905—2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 475.

Значительную часть своей жизни Магид посвятила работе в фольклорном Фонограммархиве, начиная с 1931 г., когда это подразделение еще не входило в структуру Института русской литературы (Пушкинского Дома). С 1931 г. С. Д. Магид — научный сотрудник, и. о. хранителя Фонограммархива Фольклорной секции АН СССР. Ее работа с фольклорными звуковыми материалами началась еще раньше — в 1927 г., когда, после зачисления ее в 1926 г. внештатным сотрудником ГИИИ, она начала работать в фонолаборатории, совместно с Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Свои первые фольклорные экспедиции на Волынь С. Д. Магид провела в 1928 и 1930 гг. Ее вклад в звуковое собрание Фонограммархива — один из самых крупных и разнообразных по охвату фольклора различных народов СССР: более 10 экспедиций. Полевая работа ученого не прекращалась даже в годы блокады и эвакуации и продолжилась в послевоенный период. Таким образом, ко времени проведения экспедиций в Псковскую область (1947 и 1949 гг.) С. Д. Магид являлась одним из наиболее авторитетных «полевиков» и сумела передать свой опыт начинающей собирательнице Н. Л. Котиковой.

Рукопись сборника С. Д. Магид «Песни Псковщины» (1948—1950), созданного по результатам трех первых псковских экспедиций ИРЛИ — одна из ее последних работ в качестве сотрудника Пушкинского Дома, более 60 лет пролежавшая в архивах, ныне подготовлена к печати в стенах Фонограммархива, где она когда-то создавалась.¹¹ Последней же работой стал «Сборник песен Великолукской области» (1949—1951), который разделит судьбу предыдущего. Настоящая статья, включающая часть его материалов, таким образом, станет одной из первых публикаций работы С. Д. Магид на русском материале, в качестве сотрудника Пушкинского Дома.

В предлагаемой публикации представлены материалы экспедиции С. Д. Магид и Н. Л. Котиковой в Великолукскую область в июле 1949 г., зафиксированные на звуковых носителях, а также в полевых тетрадях Н. Л. Котиковой. Часть записей вошла в рукописный «Сборник песен Великолукской области», составленный С. Д. Магид.¹² Он состоит из двух частей: традиционный

¹¹ *Магид С. Д.* Песни Псковщины: Материалы экспедиций Фонограммархива Пушкинского Дома 1940-х гг. / Сост. и отв. ред. Е. И. Якубовская. Рукопись. 2015—2018.

¹² ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1. Переплетенная рукопись. На форзаце синими чернилами: Магид С. Д. Далее сшитые тетради нотной бумаги, на которых тушью написаны нотировки, а тексты напечатаны на пишущей машинке (под копирку 3-й экз.) на стандартных листах А4 и наклеены на нотные листы. В нотах правка карандашом. Оригинал авторских нотных расшифровок не сохранился. Об этом свидетельствует надпись карандашом на л. 3: сбоку справа от оглавления первые 12 номеров отмечены фи-

Илл. 3. С. Д. Магид в хранилище Фонограммархива. 1940-е гг.

фольклор Великолукского района (11 напевов, 12 текстов) и песни Великой Отечественной войны: фронтовые и партизанские (см. Приложение 2 — Оглавление сборника). Вступительная статья или предисловие, комментарии (кроме кратких данных об исполнителях) в сохранившейся рукописи отсутствуют.

Две полевые рукописные тетради Н. Л. Котиковой, которая вела экспедиционный дневник и записывала тексты, содержат дневниковые записи, сведения об исполнителях, их высказывания, а главным образом — тексты песен и частушек, зафиксированные при первоначальной, предварительной записи, а затем правившиеся во время звукозаписи.¹³ Позже тексты были перебелены собирательницей и сданы С. Д. Магид, а она в свою очередь

гурной скобкой; слева от нее: «В. Лукская экспедиция 1949 г. Черновики уничтожены. III. 1957» (почерк Б. М. Добровольского — в те годы зав. Фонограммархива). Копия великолукской рукописи, переплетенная аналогичным образом (причем машинописные копии текстов представляют собой 2-й экземпляр), хранится в Отделе рукописей РНБ: Фонд 1000, пост. 1978.9, № 2 (Сведения 2013 г.).

¹³ Рукописный фонд ФА ИРЛИ, кол. Котиковой: ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 3, 4.

передала их в рукописный фольклорный архив.¹⁴ Впоследствии они вошли в состав коллекций разряда V Рукописного Отдела ИРЛИ.¹⁵

Записи производились с помощью фонографа на восковые цилиндры (фонографические валики). Ныне они составляют часть звуковой коллекции 226 F Фонограммархива ИРЛИ.¹⁶ Фонографические валики, записанные в 1949 году, в настоящий момент находятся в удовлетворительном состоянии, кроме разбитого цилиндра ФВ 5721. Копии, снятые в 1970-х гг. с восковых носителей на магнитную ленту и оцифрованные в 2017—2018 гг., позволяют прослушать записи и оценить качество звучания. Почти все записи хорошо сохранились, тембр голосов, вокальная техника исполнителей, многоголосие ясно прослушиваются, а некоторые из записанных песен производят большое впечатление своим неповторимым стилем исполнения, певческим мастерством народных исполнителей.

Решение о проведении серьезного полевого обследования фольклора Псковщины сформировалось у руководства Фонограммархива не сразу. В конце 1930-х гг., будучи подразделением Пушкинского Дома, Отдел фольклора, включавший в себя Фонограммархив, ставит задачу экспедиционного обследования Ленинградской области. В то время в состав Ленинградской области входили и псковские земли. К тому же изучение псковской традиции должно было быть одной из приоритетных задач именно для фольклористов Пушкинского Дома, так как первые записи псковских песен были сделаны А. С. Пушкиным.¹⁷

¹⁴ См.: РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, ед. хр. 8, № 1 (Кравчинская Вера Александровна. Акт приема экспедиционных материалов от Магид Софьи Давыдовны).

¹⁵ Беловая рукопись (чернилами): РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, ед. хр. 8, № 2 (Котикова Наталья Львовна. Опись текстов, включавший в Великолукской области); № 3—79 (Она же. Тексты песен).

¹⁶ ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5698—5723.

¹⁷ Во вступительной статье к сборнику «Песни Псковщины» С. Д. Магид упоминает об академической публикации в 1935 году М. А. Цявловским записей Пушкина (см.: *Цявловский М.* Записи народных песен и сказок // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Л.: Academia, 1935), ранее частично вошедших в собрание П. В. Киреевского. Она пишет также о записях псковских песен в статьях В. И. Чернышева (см.: *Чернышев В. И.* «Пушкинский уголок», его быт и предания // Известия Русского географического общества. Л., 1928. Т. 60. Вып. 2. С. 327—360) и С. А. Бугославского (1941, см.: *Бугославский С. А.* Русские народные песни в записи Пушкина (с публикацией нотных записей Бугославского в Пушкинских местах) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. VI), сделанных в целях изучения литературоведами-пушкинистами фольклора пушкинских мест.

«Что же касается музыкальной стороны устно-поэтической традиции Псковщины — пишет С. Д. Магид во вступительной статье к своему первому псковскому сборнику (1948 г.), — то она до сих пор остается белым пятном для музыкантов-фольклористов, поскольку ни в XIX веке, ни позже никаких, даже единичных, музыкальных записей фольклора Псковщины опубликовано не было».¹⁸ Мало того, продолжает она: среди музыкантов-фольклористов бытует «ничем не обоснованное, но прочно установившееся мнение о том, что народная музыкальная культура Псковщины бедна и неинтересна, что на Псковщине совершенно отсутствует многоголосно-подголосочный стиль хорового исполнения народных песен, а имеется лишь унисонный, самого элементарного типа».¹⁹

Материалы, собранные Ф. А. Рубцовым и П. Г. Ширяевой в районе Псковского озера буквально перед самой войной, в июне 1941 г.,²⁰ оказались интересными как в текстовом, так и в музыкальном отношении, они показали неоспоримую перспективность экспедиционной работы на территории распространения псковской традиции.

¹⁸ [Магид С. Д. Вступительная статья «Современная народно-песенная традиция Псковщины»]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 12. Необходимо уточнить, что ко времени создания сборника С. Д. Магид отдельные музыкальные записи псковских песен все же были опубликованы. Прежде всего, это 14 напевов, записанных Бугославским (см.: Бугославский С. А. Русские народные песни в записи Пушкина). Сообщение об этой публикации вписано С. Д. Магид чернилами в машинописный экземпляр вступительной статьи (л. 12, сноски 10). Кроме того, напевы имелись в изданных в 1936 г. в «буржуазной Латвии» сборниках И. Фридриха и М. Шпис (см.: 1) Фольклор русских крестьян Юнлатгальского уезда / Собраны И. Д. Фридрихом. Рига, 1936; 2) *Шпис М.* Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в Городище Петсерского уезда (б. Псковской губ.) в Эстонии. Собственное издание. [Рига], 1936), отразивших псковскую традицию в пограничье с Латвией и Эстонией. Разумеется, эти сборники были известны С. Д. Магид (они имеются в подсобной библиотеке Фонограммархива), но для советской фольклористики 1940-х гг. они как бы не существовали, а записи Э. Малер (см.: *Mahler E.* *Altrussische Volkslieder aus dem Reßoryland.* Basel. 1951. [Малер Эльза. Старинные русские народные песни Печорского края]), сделанные еще в 1930-х гг., но опубликованные только в 1951 г., были недоступны.

¹⁹ [Магид С. Д. Вступительная статья «Современная народно-песенная традиция Псковщины»]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 12.

²⁰ В 1941 г. была сделана 51 запись от жителей д. Анашкино, хора колхоза «Согласие» Средкинского (ныне Псковского) района и трех молодых женщин на острове Залита (бывш. Талабск) Псковского района. Более всего записано свадебных песен, а также плясовые, хороводные, лирические песни и частушки (припевки). Фонограммы хранятся в ФА ИРЛИ, кол. 221, цилиндры №№ 5581—5590. Полевая тетрадь Ф. А. Рубцова — ФА ИРЛИ, РФ — п. 55, ед. хр. 10.

После войны Рубцов стал заведующим Фонограммархивом и планировал продолжить полевую работу в районах, столь богатых традиционным фольклором; особенно привлекательным в этом отношении был Печорский район, активно обследовавшийся собирателями в 1920—1930-х гг., когда находился под юрисдикцией Эстонской республики.²¹ В 1946 г. эта местность уже входила в состав образованной в 1944 г. Псковской области.²² В первый же послевоенный год в Печорский район направляется экспедиция Пушкинского Дома²³ в составе А. Г. Кудышкиной²⁴ (тогда еще студентки

Илл. 4. Ф. А. Рубцов. 1946 г.

²¹ См. упоминавшиеся в сноске 18 публикации И. Фридриха, М. Шпис и Э. Малер.

²² Псковская область образована 23 августа 1944 г. после выделения из состава Ленинградской области одновременно с образованием Великолукской области, выделенной из состава Калининской (ныне Тверской) области. Окончательное определение современных границ области нужно считать с 29 июля 1958 года, когда Плоскошский район был перечислен из Псковской области в состав Калининской области, а Холмский район — в состав Новгородской области.

²³ Экспедиция 1946 года работала в деревнях Декшино и Митковицы, Старом Изборске, известных по публикациям 1930-х гг., и в самих Печорах. Среди 80 записей — лирические, свадебные, плясовые песни, плачи, припевки (частушки), стих «за здоровье военного человека», исполнявшийся слепыми бродячими певцами (по-местному «ревунами») под окнами в годы Первой мировой войны. Фонограммы хранятся в ФА ИРЛИ, кол. 226, цилиндры №№ 5631—5648; 5761. Полевые тетради — в Рукописном фонде Фонограммархива, в архиве Н. Л. Котиковой: ФА ИРЛИ, РФ, Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 1. Беловая рукопись (чернилами) текстов хранится в РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, ед. хр. 8 (опись текстов — № 80), 9 (тексты песен: № 81—129).

²⁴ Кудышкина Анна Георгиевна (по уточненным сведениям: 25.06.1915 — 2002) работала в ИРЛИ с 05.1946 по 16.12.1953 (в штате с 15 янв. 1947). В 1941 г. она поступила в Ленинградскую консерваторию; в блокаду работала преподавателем, бухгалтером, служила на флоте. В 1944 г. вернулась в ЛГК, окончила ее в 1950 г. по специальности «народное творчество». Уволена из ИРЛИ в период массового увольнения сотрудников в конце 1953 г. в связи с реорганизацией структуры Института. См.: Кудышкина Анна Георгиевна // Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905—2005 // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 464.

Консерватории) и музыковед Н. Л. Котиковой (обе — в статусе практиканток). Участие в этой экспедиции Котиковой стало началом ее большой работы по собиранию и популяризации фольклора Псковской области, определившей творческие интересы и дальнейший путь собирателя на многие годы. Поистине выдающимся событием явилась встреча с талантливой народной певицей Татьяной Ивановной Каношиной из деревни Декшино Печорского района.

Результаты полевой работы были настолько впечатляющими, что Отдел фольклора принимает решение о подготовке сборника, при этом продолжив экспедиционное обследование.²⁵ С. Д. Магид, которая в конце 1946 года вновь приступила к своим обязанностям в Фонограммархиве после вынужденного войной перерыва,²⁶ берет дело в свои опытные руки; в качестве второго участника группы вновь приглашается Н. Л. Котикова, уже в статусе младшего научного сотрудника.²⁷

Экспедиция состоялась летом 1947 г. Собиратели вновь посетили Т. И. Каношину, которая своим высокоталантливым исполнением подтолкнула С. Д. Магид к поиску решения проблемы отражения в письменной графике художественной формы протяжной песни, и записали от нее как новые песни, так и варианты тех, что были зафиксированы в 1946 году. Затем они побывали в Пушкиногорском и Полновском районах. В селах Пушкиногорского района от местной молодежи было записано несколько сотен частушек — своеобразная песенная летопись событий прошедшей войны, поэма новых надежд на лучшую жизнь, на счастье. Колхозные хоры деревень Сиянщина и Мишина Гора Полновского района²⁸ исполнили свадебные опевальные песни и голошения, лирические, хороводные, плясовые и современные песни (партизанская, о Сталине и др.), припевки «под язык», обнаружив неизвестные прежде полифонические формы песенной фактуры. Всего было сделано 82 записи.²⁹

²⁵ Петрова Л. И. Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 158.

²⁶ «...в связи с деконсервацией Фонограммархива С. Д. Магид была восстановлена в прежней должности старшего научного сотрудника Фольклорного сектора и с 1 ноября 1946 г. приступила к работе, включившись в пятилетний план публикаций сектора по разделу русской народной песни» (Светозарова Н. Д. Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. С. 503).

²⁷ Об этом свидетельствует также замечание в описи перебеленных текстов, записанных в данной экспедиции: «Запись текстов мл. н/с Н. Л. Котиковой»: РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, ед. хр. 8, л. 1. В обеих экспедициях Н. Л. Котикова отвечала за запись поэтических текстов.

²⁸ Ныне входит в состав Гдовского района Псковской области.

²⁹ Фонограммы хранятся в ФА ИРЛИ, кол. 226, цилиндры №№ 5666—5697. Полевые тетради — в Рукописном фонде ФА, в архиве Н. Л. Котиковой:

Еще до летней поездки Магид начинает подготовку псковского сборника — обработку материалов 1941 и 1946 годов с перспективой новых записей, уточняющих полученные в этих экспедициях результаты и расширяющих географию полевого обследования — об этом свидетельствует ее план работы на 1947 год, причем намеченный срок сдачи тома — декабрь этого же года. На 1948 год планируется продолжение работы над сборником: «Подготовка к печати дополнительного материала (30 <номеров>) для расширенного издания сборника “Песни Псковщины”, объем 5 п. л. Срок 1 июля 1948 г.».³⁰ В этом же году была завершена работа над расшифровкой и подготовкой к печати многоголосных записей 1947 года, комментариями и написана вступительная статья. Одним из важных моментов работы была «обработка» песенных текстов «по фонографу»³¹ с целью придания им графического вида, отражающего связь слова с «протяжной формой» напева (различные виды «лесенок»).

В июле 1948 года материал сборника был представлен автором на обсуждение Отдела, после чего в 1949 году планировалась его доработка согласно указаниям, полученным в результате обсуждения, что не было сделано вследствие болезни С. Д. Магид.³² Имеется экземпляр со следами правки (хранится в Отделе рукописей РНБ), где красным карандашом выделены фрагменты текста, очевидно, предназначенные автором для выступления на заседании Отдела. По-видимому, работа над сборником шла и в 1950 году, во всяком случае, сохранившийся экземпляр датирован этим годом.

Между тем, несмотря на нервную обстановку в Отделе, С. Д. Магид стремится продолжить полевые исследования псковской традиции, имея в виду выяснение границ ее распространения. Движение собирателя в избранном направлении определялось также перспективой сравнения с материалами Ф. А. Рубцова по Смоленской области.³³ Летом 1949 г. она вместе с Н. Л. Котиковой выехала в Великолукскую область, которая

ФА ИРЛИ, РФ, Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 2. Беловая рукопись текстов хранится в РО ИРЛИ, р. V, к. 145, п. 1, № 130 — 200 (беловая рукопись чернилами, несколько полевых записей частушек карандашом).

³⁰ Петрова Л. И. Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 158.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 159—160.

³³ Ф. А. Рубцов в это же время готовил сборник по смоленским материалам. В 1949 г. А. Г. Кудышкина — участница первой послевоенной экспедиции на Псковщину — записывала фольклор от уроженок Смоленской области в Ленинграде и ближайших пригородах. Записи вошли в составленный Ф. А. Рубцовым сборник «Русские народные песни Смоленской области». Так же, как и сборники Магид, он не был признан Отделом фольклора ИРЛИ и был издан лишь после смерти автора (Русские народные песни

незадолго до этого была образована как самостоятельная административная единица.³⁴ По материалам этой поездки был подготовлен небольшой сборник (1949—1951 г.), который ныне является объектом нашего внимания.

Тем временем, 29 декабря 1949 г. вышло Постановление Президиума Академии наук СССР, согласно которому руководство Института русской литературы должно было «пересмотреть кадры научных сотрудников и освободить от работы в Институте лиц, не отвечающих в деловом и политическом отношении требованиям, предъявляемым к научным сотрудникам Академии наук СССР».³⁵ В связи с этим постановлением в отделах (секторах) института развернулись обсуждения деятельности сотрудников, в соответствии с действовавшим тогда принципом «критики и самокритики». С. Д. Магид была обвинена в том, что сборник «Песни Псковщины» «не отражает современной песенной культуры Псковской области. Он повернут в прошлое, а советское народное творчество в нем обеднено — оно представлено всего тремя песнями и небольшим количеством частушек. <...> Вступительная статья не является теоретическим исследованием о значении песенной культуры в советскую эпоху и не дает научной характеристики современного песенного творчества».³⁶ В результате этой идеологической «проработки» в справке «Итоги работ Сектора за 1948—1950 гг.», подписанной новым заведующим И. П. Дмитраковым 26 марта 1951 г., определение «доработка» сборника в документах Сектора фольклора превратилось в его «переработку».³⁷

13 апреля 1950 г. С. Д. Магид была отчислена из штата Института «как не выполнившая план 1949 г. и представившая работы, выполнявшиеся в 1949 г. на низком теоретическом уровне».³⁸ Последнее утверждение нельзя оставить без комментариев. Требование «переработки» псковского сборника, по всей видимости, было направлено в первую очередь на «повышение теоретического уровня». В ту пору это предполагало наличие

Смоленской области: в записях 1930—1940-х гг. / Сост., расшифр., коммент. Ф. Рубцова. Л.: Сов. композитор, 1990).

³⁴ 23 августа 1944 г.

³⁵ Цит. по изд: *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 147. Архивные реквизиты цитируемого документа см. там же, сноска 1.

³⁶ Цит. по изд: *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 164.

³⁷ *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 165.

³⁸ Прочитанная Н. Д. Светозаровой (*Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. С. 504) выписка из приказа за подписью директора Института Н. Ф. Бельчикова на основании протокола научного заседания Сектора фольклора от 13 марта 1950 г.

обильных цитат из сочинений И. В. Сталина, а также «идеологически выверенных» утверждений, в духе тех, что можно найти в образцовой в этом отношении вступительной статье к сборнику народных песен Ленинградской области, который готовился к изданию в те же годы. Так, например, авторы статьи В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева пишут: «Принципиально новое качество советского народного творчества состоит в его высоком идейном содержании, запечатлевшем лучшие черты советского человека, его любовь к Родине, мужество, железное упорство в борьбе за построение коммунистического общества».³⁹ Обязательное же «теоретическое исследование о значении песенной культуры в советскую эпоху», требуемое и от С. Д. Магид, в цитированной выше вступительной статье к сборнику Кравчинской и Ширяевой открывается следующим пассажем: «Жить стало лучше, жить стало веселее, и эта особенность сталинской эпохи сказалась на расцвете народного творчества. К открытию III сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР “Правда” писала: “Страна поет, народ поет <...>” (Правда. 11 января 1937 г.)».⁴⁰

Итак, работа С. Д. Магид, проделанная в 1949 г.: великолукская экспедиция и подготовленный по итогам поездки сборник, по мнению руководства Института, были выполнены «на низком теоретическом уровне». Публикации, подготовленные С. Д. Магид по результатам псковских и великолукских экспедиций Фонограммархива, не были признаны Отделом фольклора. Вероятно, в то время они и не могли быть признаны, так как составитель упрямо старалась включить в них собранные образцы традиционного фольклора. Она прекрасно сознавала, насколько важно было введение в научный оборот материалов, большинство которых впервые представляли выявленные в результате полевой работы уникальные местные песенные и исполнительские традиции. Сборники «Песни Псковщины» и «Песни Великолукской области» должны были восполнить лагуну, которая образовалась в массиве региональных фольклорных собраний, посвященных, в большинстве своем, традициям Русского Севера. Псковский сборник, составленный по результатам трех первых экспеди-

³⁹ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области: 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева; Под ред. А. М. Астаховой; Муз. ред. Ф. А. Рубцова. Л.; М., 1950. С. 9. В этом сборнике, не в пример сборнику С. Д. Магид, количество публикуемых произведений «советского народного творчества» намного больше: 85 образцов, из них только один — с напевом. Большинство — известные советские песни. Одна из песен, партизанская «В чистом поле под ракитой», записанная Магид (№ 61), имеется и в псковском сборнике (№ 2).

⁴⁰ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. С. 9.

ций, представлял традицию северной Псковщины: Псковский, Печорский и Полновский (современная территория Гдовского) районы. Великолукский — демонстрировал отдельные образцы южно-псковской песенности.

Целью полевого обследования Великолукского района была разведка. Необходимо было сделать пробные записи в нескольких относительно самостоятельных центрах местной традиции, чтобы выяснить репертуар, жанровый состав, особенности календарных и свадебного обрядов, включавших в себя песенный компонент, составить общее понятие об основных обрядовых напевах, исполнительском стиле, особенностях многоголосия. Среди задач была также фонографическая фиксация образцов различных историко-стилевых слоев песенной лирики и уникальных местных мелодических форм припевок (частушек). В ходе экспедиции была записана также инструментальная музыка, в том числе несколько наигрышей на редкой уже в то время гармоникеноднорядке. Значительная часть собранной коллекции посвящена современному фольклору — песням только что окончившейся Великой Отечественной войны, прежде всего партизанским. Эта часть, представляющая значительный интерес, пока еще ждет публикации и исследования.

Вначале собиратели отправились в деревню Ольховка Пустошкинского района. Среди записей выделяются по стилю исполнения лирические протяжные («долевые») песни, расшифровки которых С. Д. Магид включила в сборник. Особенно интересно звучит протяжная лирика в исполнении ансамбля из трех певиц, которые пели вместе с молодыми лет: М. Е. Жгун (1882 г. р.), М. Л. Киселевой (1894 г. р.) и С. А. Амелюшиной (1883 г. р.). В песнях «Ай, да распредмилые подружки» (№ 1) и «Ой, да не в моего ли дружка любезного» (№ 2) на фоне долго звучащего унисонного заключительного тона голос одной из певиц поднимается на пятую ступень лада, образуя квинтовое созвучие. Певицы любовно вслушиваются в его постепенно замирающее, акустически чистое звучание, прежде чем, не торопясь, взять дыхание для следующей мелодической фразы. В репертуаре ольховских женщин нашлись и песни, воспринятые ими от родных, побывавших на Украине, на юге России — их тоже записывают собиратели, чтобы представить образцы разной манеры исполнения. К числу хорошо сохранившихся фонозаписей принадлежит песня «Вербá» (№ 3), которую Т. В. Киселева (1885 г. р.) — обладательница могучего и яркого голоса — выучила от своего свекра, слышавшего ее в Воронежской области. Богатая подголосочная фактура отличает и лирические, и плясовые (№ 4 и 5) песни. В деревне Ольховка местная молодежь спела для записи также песни Великой Отечественной войны.

Далее экспедиция работала в Опочке и соседней деревне Исаки. Здесь они записали прекрасно распетые протяжные песни, в том числе на классический сюжет «Полно солнышко, по-за лэсицем ходить», а также напевы и наигрыши местных припевков (частушек) под «полубаян». А в самой Опочке удалось записать игру на гармошке-однорядки с припевками в исполнении 87-летнего Луки Николаевича Потехина. Припевки пела также дочь гармониста Надежда Лукинична. Для последующей работы над нотацией наигрышей на редком инструменте С. Д. Магид зафиксировала строй («лады и басы») однорядки. В Опочке, а затем в Великих Луках был записан также партизанский репертуар от бывших участников партизанских отрядов.

Следующим пунктом работы было село Урицкое Пореченского района, где собиратели впервые за время работы экспедиции сделали записи напевов календарных и свадебных обрядовых песен от ансамбля из трех женщин: К. Д. Толписовой (1887 г. р.), В. А. Мартыновой (1900 г. р.) и Т. Т. Калининой (1910 г. р.). Десяток свадебных песен и голошение невесты, прекрасно сохранившиеся на фонограмме, представляют большинство типовых «формульных» напевов местной свадьбы и еще ждут публикации. Календарные же песни нашли свое место в сборнике. Это масленичная («маслянская», № 8), жнивная («пожиночная», № 9), «толочная» (№ 10) и «иваньские» (№ 11а, б) песни. В тетради Н. Л. Котиковой, писавшей слова песен, есть также и другие тексты, исполнявшиеся на «формульный» напев; мы приводим их в настоящей статье: три масленичных (№ 8.2, 8.3 и 8.4) и один текст жнивной песни (№ 9.2). Несмотря на резко негативное отношение большинства сотрудников Отдела к обрядовому фольклору, Магид, по всей видимости, просто не смогла изменить своему долгу ученого, впервые вводя в научный оборот напевы календарно-обрядовых песен, записанные в пушкинских местах. Свадебные же песни остались за рамками подготовленного к публикации материала. Они, несомненно, требовали дополнительного специального изучения, а времени для работы над сборником было мало.

Не попали в корпус великолукского собрания и свадебные песни, записанные в последнем пункте работы экспедиции — деревне Ильино-Выселок (Покровская) Занепреченского сельсовета Пеновского района: крайней восточной точке избранного маршрута. Более 10 песен спели участницы «хора Занепреченской избы-читальни»: М. С. Котова (1903 г. р.), М. Я. Крылова (1905 г. р.),⁴¹ А. Д. Гоголева (1909 г. р.),⁴² А. С. Ильиногорская (1908 г. р.) и др. — всего 6 человек. Корпус обрядовых

⁴¹ По уточненным сведениям 1964 г. — 1907 г.р.

⁴² По уточненным сведениям 1964 г. — 1911 г.р.

свадебных напевов местной традиции оказался отличен от пореченских. Две лирических песни, спетые занепреченскими песенницами, различные по времени происхождения и песенному стилю: «Сегодня у нас день да, ох, воскресенье» и «Размосковская ли славная дорожка», собирательница поместила в свой сборник (соответственно, № 6 и 7). В деревне Ильино-Выселок были записаны также народные варианты военных песен и уникальная авторская песня, сложенная М. С. Котовой на смерть своей маленькой дочери, расстрелянной во время войны немцами-оккупантами.

Работу по дальнейшему полевому обследованию разведанных экспедицией 1949 г. традиций районов Великолукской области, большинство которых с 1957 года было вновь причислено к Псковской,⁴³ продолжила, уже в конце 1950-х — 1960-е гг. Н. Л. Котикова. После 1949 г. С. Д. Магид в экспедиции уже не выезжала. Тяжелые для нее события 1950 года и последующая борьба за восстановление доброго имени в науке подкосили здоровье уже немолодой исследовательницы, и в июле 1954 г. она уходит из жизни. В 1959 г., подводя итоги многолетней работы в Печорском районе, Котикова намечает новые направления, в числе которых — Опочецкий район.

Экспедиция в Опочецкий район прошла в июле 1959 г. Среди находок — прекрасные протяжные песни, такие как «Ой, полно солнышко, по-за лэсицем ходить», которая, будучи записана еще 10 лет назад в деревне Исáки, порадовала собирателей близкими вариантами теперь уже в других деревнях Опочецкого района. Давние записи гармонных наигрышей отозвались целым каскадом новых, запечатлевших игру выдающихся народных музыкантов, среди которых тальянщик Алексей Ильич Ильин (Опочка), скрипач Степан Михайлович Блюм — кузнец, родом из деревни Курочкино, и многих других.⁴⁴

Начиная с 1962 года, Котикова работает, проходя маршрутами, намеченными в 1949 г.: вокруг Пустошки, Невеля, Великих Лук, Пено,⁴⁵ а затем через центральные районы области выходит

⁴³ В современных границах Псковская область сформировалась 2 октября 1957 г. после объединения Псковской и Великолукской областей. Из обследованных экспедицией центров местных традиций лишь Пеновский район отошел в границы Калининской (ныне Тверской) области.

⁴⁴ Примечательно, что в этой поездке участвовали студенты Ленинградской консерватории Валерий Гаврилин, впоследствии ставший одним из крупнейших русских композиторов второй половины XX в. и Юлия Красовская, посвятившая себя собиранию и изучению фольклора.

⁴⁵ 1962: Красногородский, Пустошкинский, Пушкиногорский районы; 1963: Великолукский, Невельский, Куньинский районы; 1964: Торжокский и Пеновский районы Калининской области, Холмский район Новгородской области; 1965: Куньинский, Новосokolьничский, Великолукский и

к Пушкиногорскому району, с которого еще в 1947 году началось движение на юг Псковщины.⁴⁶ При этом она постоянно имеет в виду возвращение в места, где проводилась работа вместе с Магид. Так, в полевой тетради 1962 года собирательница выписывает адреса, имена исполнителей, названия песен из записей 1949 г.: «Пеновский р-н, деревня Покровское, Занепреченский с/с. Котова Марфа Сергеевна; с. Урицкое, Великолукский р-н. Катя Мартынова, Надя Сосунова — молодежь: Иванские, толочные, пожиночные, масляница; 1949 г.: деревня Ольховка Лайкинского с/с (Т. Б. Киселева)».⁴⁷

Некоторых исполнителей, напевших свой репертуар еще на фонографические валики в 1949 г., удается найти и записать вновь — уже на магнитную ленту. Так, 18 июля 1964 года Н. Л. Котикова пишет в полевом дневнике: «Сделали записи 8 песен в д. Покровском (оно же Выползово) в 6 км от Пено от Крыловой М. Я. и Гоголевой А. Д.».⁴⁸ Были повторно записаны свадебные песни, включая новые напевы и сюжеты, а также лирическая песня «Где я не жожу-гуляю, скучно сердцу моему», которую, как рассказывали исполнители, «Пели на масляной: выходили на гору, и ходя по деревне в Прощальное воскресенье, а потом “зажигали блинki”».⁴⁹ Протяжную «Размосковская ли славная дорожка», которую покровские певицы уже не смогли исполнить, удалось записать в деревне Лохово Волжского с/с от Пелагеи Васильевны Ивановой 1906 г. р.

В экспедиции 1965 г. удалось встретиться с Ксенией Даниловой Толписовой (1882 г. р.) — запевалой записанного в 1949 г. ансамбля из села Урицкое Великолукского района. Еще в 1964 году на первой же странице полевого дневника Наталья Львовна Котикова вспоминает ее имя и репертуар.⁵⁰ Ксения Даниловна оказалась интересной собеседницей. «<ело> Урицкое

Себежский районы; 1966: Себежский район. Участником двух экспедиций этого направления — 1963 и 1965 гг. стал видный композитор современности — Сергей Слонимский. Начиная с 1965 г. в экспедиционную группу входил создатель Музыкально-этнографического центра и Кафедры этномузыкологии СПб. государственной консерватории Анатолий Мехнецов, получивший от Котиковой первые навыки самостоятельной полевой работы. Постоянным участником экспедиций был и композитор Геннадий Белов.

⁴⁶ 1967: Бежаницкий, Локнянский, Новоржевский и Пушкиногорский районы.

⁴⁷ ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 2, п. 13 (1962 г.), ед. хр. 3, л. 12 об., 13, 13 об.

⁴⁸ ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 2, п. 16, ед. хр. 4, л. 14—17 (тексты свадебных, масленичной песни).

⁴⁹ Там же, л. 17.

⁵⁰ ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 2, п. 16, ед. хр. 2, л. 1.

называлось раньше Серу́то,⁵¹ — рассказала она, — “тут были яврѣи — торговали. Рыболовы были, и землю пахали. Мещанину рыбу сдавали”. Сама певица родом из д<еревни> Рудни — рядом с Урицким. “Губ<ерния> была Витебская, <Невельский уезд>, но мы не белоруссы, а звали нас полякам — может, шутили гля нас-то. Кругом москали, да скобари. Мы носили балахоны из толстого холста, лапти. Пинжаки суконные, тогда все свое было. Потоньше пряжу ткем на кроватное”». ⁵²

Ксения Даниловна вспомнила все календарные и свадебные песни, которые напела 15 лет назад, и добавила новые подробности об обстоятельствах их исполнения. О масленичных рассказывала: «С песнями всё по деревне ходили и на гору. На масленица такая мода была песни играть. Во всех деревнях отовсюду слышно. Пели, которые помоложе». ⁵³ «Словам <“толóшные”> песни разные, а голос один. Это песни рабочих женщин, когда навоз разбивают в Петровский пост: “У богатого мужика сягодни толока. Он кудерышкам потрясет и нам горелочки поднесет”». ⁵⁴ «Иванские песни — пойдем цветы рвать и поём». ⁵⁵ К. Д. Толписова, по просьбе собирателей, уточнила определение «Артельные песни», которое в сборнике «Песни Великолукской области» относилось только к иванским песням. Так, текст № 116 «Наше поле кру́гло» имеет в рукописи название: «Артельная песня» (с указанием, что текст поется на тот же напев, что приведенный выше текст № 11а «Как Иван да Марья»). — Ксения Даниловна объяснила, что так называли не только иванские, но и любые песни, которые пелись сообща в период коллективных работ, — «например, <песня> “Какой Ванька разудала голова”». ⁵⁶

Таким образом, в 1949 г. разведочная поездка С. Д. Магид и Н. Л. Котиковой в Великолукскую (в то время) область в дальнейшем помогла Котиковой определить маршруты экспедиций, осуществленных ею в 1959—1966 гг. Полевое обследование Псковской области в 1980-х — 1990-х гг. продолжили студенты и преподаватели Ленинградской (Петербургской) консерватории под руководством А. М. Мехнецова — участника экспедиций Котиковой. ⁵⁷

⁵¹ Государственный водный реестр: оз. Серутское (Сирото).

⁵² ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 2, п. 17, ед. хр. 7, л. 1—1 об.

⁵³ Там же, л. 3.

⁵⁴ Там же, л. 4.

⁵⁵ Там же, л. 1 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Результаты экспедиций нашли отражение в ряде крупных публикаций: 1) Песни Псковской земли: Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1; 2) *Лобкова Г. В.* Древности

Итак, вернемся к «Сборнику песен Великолукской области». В его первой части, включающей традиционные песни, преобладает лирика, в разнообразии певческих традиций и историко-стилевых слоев. Имеются также две плясовые песни, исполнявшиеся на свадьбе, и подборка календарных песен: масляничная, жнивная, толочная и иваньская. Именно эти образцы представлены в нашей публикации. Лирические: две протяжные (№ 1—2) и песня более поздняя по происхождению, но распетая на интересный в ладовом отношении напев (№ 3) и плясовые песни (№ 4—5) представляют традицию деревни Ольховки Пустошкинского района. Две лирические песни: протяжная (№ 7) и поздняя, романсового склада (№ 6) записаны в деревне Покровская (Выползово) Занепреченского сельсовета Пеновского района. Календарные песни (№ 8—11) представлены в записи из села Урицкого Пореченского района. В конце сборника приводятся краткие сведения о месте записи и исполнителях. Некоторые из них оказались неточны — мы исправили и дополнили их сведениями, почерпнутыми из полевых тетрадей Н. Л. Котиковой, а также инвентарных книг Фонограммархива.

В отличие от первого псковского сборника, «Сборник песен Великолукской области» не имеет вступительной статьи и комментариев, где составительница бы изложила свои научные позиции. Отчасти это объясняется тем, что сама поездка имела своей целью первоначальное обследование, «пробы» материала, и обобщения были бы просто преждевременны. Другой немаловажный момент — нежелание очередной раз становиться мишенью политизированных нападок коллег по Отделу фольклора. Вместе с тем, ряд научных идей Магид, разработанных в процессе подготовки сборника «Песни Псковщины» (1948—1950), в частности принцип подачи поэтических текстов, в этой работе продолжает развиваться на новом материале. В связи с этим, необходимо обратиться к материалам псковского сборника.

Специальный раздел вступительной статьи был посвящен принципу изложения песенных текстов. Главными вопросами, поставленными С. Д. Магид, были: раскрытие формы песенной строфы и метроритмической структуры песенного стиха.

Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000; 3) Народная традиционная культура Псковской области : обзор экспедиционных материалов : [в 2 томах] / М-во культуры Российской Федерации, Фольклорно-этнографический центр, Ком. по культуре Псковской обл., Обл. центр нар. творчества ; [Е. А. Валевская и др.]. СПб.; Псков: Изд-во Псковского обл. центра нар. творчества, 2002; 4) *Мехнецов А. М.* Русские традиционные наигрыши на гусях (в записях из Новгородской и Псковской областей) / Фольклорно-этнографический центр СПб. гос. консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова; ред. Г. В. Лобкова, сост., авт. нотаций и примеч. К. А. Мехнецова. СПб. М., 2009.

Исследовательница полагала, что верное решение проблемы возможно лишь при учете музыкальных закономерностей напева («обработке текста согласно напеву»⁵⁸). Поскольку «в русской народной-песенной традиции текст песни в отрыве от напева не существует»⁵⁹ ни в живой практике, ни в сознании исполнителей, поэтому при печатании текстов музыкальный принцип изложения должен быть целиком сохранен как момент, определяющий стихотворно-поэтическую форму произведения».⁶⁰ Магид применяет разбиение поэтической строки текста на части в связи с цезурами напева. Что же касается метроритмики, особенно при публикации текстов протяжных песен, то «метроритмическая структура русского народно-песенного стиха раскрывается, только будучи изложена с теми акцентами, как их поет народ»⁶¹ (передвижная система акцентуации), что также может быть выявлено только при применении «музыкального принципа».

Особенностью композиции сборника «Песни Псковщины» является то, что поэтические тексты и напевы песен даются отдельно. По-видимому, основной причиной выделения песенных текстов в отдельную главу стал поиск автором специфической графической формы подачи песенной строфы — аналога музыкально-поэтической формы песни («лесенки»). При этом, как пишет исследовательница, «строфой мы считаем отрывок текста, покрывающий весь напев целиком. Следующая строфа начинается с повторением напева».⁶² Характерной особенностью подачи поэтических текстов псковских песен является передача диалектного звучания слова в вокальном его произнесении: *расиумелись комари; продай, баба лимяши; часал мильий кудерцы; не вздыхай-ка тижало; еслив*.⁶³ Автор стремится сохранить также «характерную и четко выделяющуюся в песенном звучании “разноголосицу”, когда одно и то же слово в одной и той же песне произносится по-разному, например: “У батюшки” и “У батюшка”, “ему” и рядом “яму” и т. д.».⁶⁴ Это особенно важно, когда

⁵⁸ [Магид С. Д. Предисловие]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 5.

⁵⁹ Подчеркнуто С. Д. Магид.

⁶⁰ [Магид С. Д. Предисловие]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 5.

⁶¹ Там же.

⁶² [Магид С. Д. Вступительная статья]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 40.

⁶³ Тем не менее, в документах по Фонограммархиву, приводимых в статье Л. И. Петровой, отразилась критика в адрес подачи местного диалекта. Так, в процессе обсуждения псковского сборника была высказана претензия в том, что «транскрипция текстов, переданная в псковском говоре <...>, по отзыву лингвиста А. П. Евгеньевой, является не точной и не научной» (Цит. по.: Петрова 2013. С. 165).

⁶⁴ [Магид С. Д. Вступительная статья]. ОР РНБ, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 626, л. 40.

в пении акцент передвигается на неударный слог, и гласный звук «резко выделяется, например, “Плыла лебедь” и “лебидь”, “По морю синему” и рядом “по синиму” и пр. Тщательное сохранение таких особенностей дает нам настоящую, богатую и разнообразную картину подлинного звучания русского народно-песенного стиха, помогает выявить сложную и затейливую поэтическую систему».⁶⁵

Вместе с тем, в сборнике «Песни Великолукской области» Магид дает тексты практически без особенностей диалекта, из достижений своей предыдущей работы сохраняя лишь «лесенки» и обязательные акценты. Кроме того, в переплетенном экземпляре рукописи «Сборника» слова песен, подтекстованные в нотах напевов песен и их варианты, оформленные в виде поэтических текстов, отличаются. В подтекстовке напевов, переписанной с нотных расшифровок фонограмм, более сохранились черты местного диалекта, отмеченные С. Д. Магид и отражающие реальное звучание слова в процессе его распева. Поэтические тексты были ею отредактированы в направлении литературной формы слов (быть может, в результате саморедактуры, нацеленной на снятие особенностей местного говора, отвлекающих от восприятия содержания слов). Так, в частности, из окончательной редакции текстов ушла местная форма слова «мимо», звучащая здесь как «вымо»: «кудрявая голова, да не ходи вымо сада». Строфика, выстроенная составителем согласно ее научной концепции о зависимости поэтической формы поющей строфы от формы напева, в ряде случаев представляет собой «лесенки», ориентированные на композиционную структуру напева. Такая необычная графическая форма подачи стиха применяется в основном в лирических, протяжных песнях.

Для более полного восприятия звучания песен, публикуемых в авторской транскрипции С. Д. Магид, мы публикуем также их тексты, записанные в экспедиции Н. Л. Котиковой, которые, вместе с краткими заметками дневникового и музыкально-этнографического характера, сохранились в полевых тетрадях собирательницы. Нумерация материалов этого раздела публикации для удобства сопоставления соотнесена с нумерацией основного раздела (согласно сборнику С. Д. Магид).

Тексты песен, согласно полевой методике того времени, определяемой особыми условиями записи на фонограф: прежде всего, небольшим объемом полезной площади воскового цилиндра, позволяющего записать лишь несколько строф протяжной песни, а также необходимостью беречь валики, количество которых было ограничено, предварительно записывались в тетрадь, а затем уже осуществлялась звукозапись. Во время предвари-

⁶⁵ Там же.

тельной записи исполнители спевались, вспоминали слова, чтобы сама запись прошла гладко. Особой подготовки требовал и процесс рассаживания певцов перед «трубой» — рупором фонографа, чтобы звучание всех голосов ровно «легло» на звуковую дорожку. В эти моменты песня повторялась вновь, позволяя собирателю, писавшему слова в тетрадь, вносить изменения в текст, его варианты. Наконец, непосредственно во время записи фонограммы в тетрадь вносились все мелкие подробности звучания поэтического текста, отличающие именно данный его вариант, зафиксированный иглой фонографа на поверхности воскового цилиндра.

В связи с этим полевые рукописные материалы дают дополнительный материал для анализа публикуемых образцов в самых различных аспектах, в том числе и в направлении понимания особенностей отражения звучания фонограммы в нотной расшифровке, эдиционных принципов подачи материала в готовом сборнике. В целях обогащения информации о реальном звучании текстов песен на фонограммах (публикация которых, надеемся, еще предстоит), рукопись Котиковой дополнена нашими наблюдениями в процессе сличения ее с фонозаписями. Таким образом, в каждом из номеров текстового раздела, первые мелодистрофы песни, записанные на фонограф, даются в нашей расшифровке. Нумерация текстов также соотнесена с нумерацией песен в сборнике Магид. Далее следует текст продолжения песни из рукописной полевой тетради Н. Л. Котиковой. Знаки препинания, отсутствующие в рукописи, выставлены нами в соответствии с современными правилами пунктуации.

Нотации С. Д. Магид выполнены в традициях, сложившихся в среде фольклористов Фонограммархива Пушкинского Дома, прошедших в 1920-х — 1930-х годах научный и творческий путь формирования в комплексных экспедициях и научных семинарах, в процессе подготовки первых фольклорных изданий ГИИИ. Свою задачу в нотировании звучащего материала Магид видит в отображении ладовой и ритмической основы песни, не стремясь выписать на бумаге мелкие украшения мелодической линии (они изображаются в виде двойной лиги, связующей два основных тона мелодии). Большей частью не фиксируются и огласовки, которые, как правило, образуют четкие мелодико-ритмические фигуры. Вместе с тем, она не упускает яркие мелодические (переменность тонов) и ритмические (необычные ферматы внутри строфы и между строфами) особенности, фиксирует певческое дыхание. Тактировка, которая отражает складывающийся в те годы научный подход к соотношению слова и мелодической линии в напеве, интересна своей соотнесенностью с аналитическими «лесенками» в графической форме подачи поэтических текстов. Вместе с тем, нотации С. Д. Магид

носят отпечаток некоторой незавершенности, что часто выражается в отсутствии подробного отображения движения мелодических линий (например: штили у нот лишь в одну сторону, паузы у других голосов не прописаны и др.). Думается, что причина здесь не только в спешности, вследствие нервной обстановки, в которой готовился сборник, но и в особом отношении собирателя к сохранности фонограммы, которую Софья Давыдовна стремилась сохранить для будущего. Дело в том, что качество звучания на восковом носителе ухудшалось при каждом прослушивании, а процесс нотной расшифровки мелодии во всех подробностях требовал многих дополнительных прослушиваний.

Как уже отмечалось, большинство восковых валиков великолукской экспедиции 1949 г. сохранилось удовлетворительно, звучание песен не потеряло своей отчетливости, не говоря уже о свойственных именно этому способу фиксации звука эффекту присутствия живых человеческих голосов. Поэтому при современных технических средствах и методах нотирования звучащих образцов, в будущем возможно более подробное изображение в нотациях особенностей голосоведения, богатства мелодических украшений.

Нотный набор песен выполнен Г. Н. Мехнецовой в порядке творческого участия в нашей работе по подготовке рукописи к печати, за что мы приносим ей особую благодарность.

ПЕСНИ ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ В ЗАПИСИ 1949 ГОДА

I. МАТЕРИАЛЫ СБОРНИКА,
СОСТАВЛЕННОГО С. Д. МАГИД
(1949—1951 гг.)

НАПЕВЫ

№ 1

Протяжно ♩ = 92

Зап.

1. Ай да рас-пред-ми - - - - - лы - е по-дру...

2-е и 3-е голоса

ай вы-то по-друж-ки, вы ж-то го-лу - - - - - буш - ки, ой,

вы ж-то го-лу - - - - - буш - ки, ох, вы мо-и.

Зап.

2-е и 3-е голоса

2. Ай да вы го-лу - - - - - бушки мо-и ой

да вы-то мо-и, ай, вы ж-то по-ду - - - - - май - те - тко,

вы ж-то по-ду - - - - - май - те о-бо мне.

№ 2

Не спеша $\text{♩} = 104$

Зап.

1. Ой, да не в моё - го ли друж-ка лю-без-но...

Хор

в лю-без-но - ва зе-лен са - ди-чек,

зе-лен са - ди-чек, ой, под ок-ном.

№ 3

Протяжно $\text{♩} = 84$

1. Ты вер-ба́, ой, ты вер-ба́, ой, вёр-ба

бе-лень-ка-я, ой, вер-ба бе-лень-ка-

-я, ой, кор-чу-ва-стень-ка-я.

2. Вер-ба бе-лень-ка-я, ой, кор-чу-

-ва-стень-ка-я, ой, ты ко-гда, вер-ба́, взо-

-йшла, ой, ко-гда вы - ё... вы - рос - ла?

3. Ты ко-гда, вер - ба́-й, у-зо-йшла, ой, а тон-ка

вы... вы - рос - ла? - Ой, я вес - ной, ой, взо -

-йшла, ой, ле-том вы - ё... вы - рос - ла.

№ 4

Живо $\text{♩} = 120$

1. Чер - но - бров - ка, чер - но - гла - зоч - ка мо - я,

Не тыль ме - ня вы - су - ши - ла?

2. Не тыль ме - ня вы - су - ши - ла,

Чер - но - бров - ка, серд - це вы - зно - би - ла,

3. Чер - но - бров - ка, серд - це вы - зно - би - ла,

V II

Пу - сти - ла су - хо - ту по жи - во - ту,

4. Пу - сти - ла су - хо - ту по жи - во - ту,

Рас - се - я - ла пе - чаль по пле - чам.

№ 5

Умеренно скоро $\text{♩} = 138$

1. Ох, ты куд - ряш, ты куд - ряш,

Куд - ря - ва́ - я го - ло - ва,

Куд - ря - ва́ - я го - ло - ва, не хо - ди ми - мо са - да́.

2. Куд - ря - ва́ - я го - ло - ва, да

Не хо - ди ми - мо́ са - да

Не хо - ди ми - мо са - да́, не про - кла - ды - вай сле - да.

3. Не хо - ди ми - мо́ са - да́, да

Не про - кла - ды - вай сле - да,

До-ро-жён-ку не то-ри, ху-ду сла-ву не кла-ди.

№ 6

Протяжно $\text{♩} = 80$

Зап. Хор

1. Се - го - дня у нас день, да, ох, во-скре-
се - нье, а ми - лый да-й ко
мне не при - шел, а ми - лый ко
мне не при - шел. 2. Сы - грай - те мне
пес - ню, ой, по-ско-ре - я, на -

вер - но дру - гу - ю на - шел, на -

вер - но дру - гу - ю на - шел.

№ 7

Протяжно $\text{♩} = 72$

Зап.

1. Ой, раз - мос - ков - ска - я ли сла... да

сла - вна - я до - рож - ка Мос - ков - ска -

я, Ой, Мос - ков - ска - я

в по - ле, в по - ле про - лег - ла.

2. Да в по - ле про - лег - ла, ну...

Хор

Что ни - кто, ой,

что ни - кто да по э...

по э - той до - рож - ке, да до - рож - ке,

Ни - кто не... ой,

ни - кто не был по ней, ни - кто не гу - лял.

Зап.

3. Да по ней не гу - лял... ну

Хор

толь - ко шел, ой,

толь - ко шел да про - шел

по э - той до - рож - ке, да до - рож - ке
 Пре - о - бра - жен - ский, Пре -
 о - бра - жен - ский слав - ный, слав - ный полк сол - дат.

№ 8

В темпе марша ♩ = 108

Зап. **Хор**

1. А мы ма - сле - ни - цу до - жи - да - ли,
 До - жи - да - ли, лё - ли, до - жи - да - ли.

Зап. **Хор**

2. У о - ко - печ - ка по - гля - да - ли,
 3. Мы на го - руш - ку вы - хо - ди - ли,
 По - гля - да - ли, лё - ли, по - гля - да - ли.
 Вы - хо - ди - ли, лё - ли, вы - хо - ди - ли.

Зап. Хор

4. Мы сыр с мас - лом вы - но - си - ли,
Вы - но - си - ли, лё - ли, вы - но - си - ли.

№ 9

Протяжно $\text{♩} = 120$

Зап. Хор

1. Ой, как на на - шей, ой, нив - ке
се - го - дня по - жин - ки. ой,
сла - ва Бо - гу.

2. Ой, жа - ли, по - жи - на - ли, ой,
сер - пы по - те - ря - ли, ой,

по - те - ря - - - ли.

3. Ой, за - хо - ди - ла туч - ка, ой,

из - за тем - но - го ле - са, ой,

за - хо - ди - - - ла.

№ 10

Con moto $\text{♩} = 108$

1. Над ре - кой, ой,

там сто - ять да лю - ди

та - ла - кой!

2. Та - - ла - кой...

о - ни сто́ - е - о - ча, ой,

го - во - рят.

3. Го - во - рят:

Ка - бы кто реч - ку,

ой, пе - ря - я(й) - шёл.

4. Пе - ря - я(й) - шёл,

ка - бы кто ко - го, ох,

пе - ря - вёл.

№ 11

Не затягивая $\text{♩} = 192$

1. Как И - ван да Ма - рья,

как И - ван да Ма - рья

2. На го - ре Ку - па - лья,

на го - ре Ку - па - лья.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 1а

Ай да распредмилые подру... ой вы то подружки,
Вы-ж то голубушки, ой, вы-ж то голубушки, ой, вы мои.
Ой!

Ах, да вы голубушки мои, ой, да вы то мои,
Вы-ж то подумайте-тко, вы ж то подумайте, ой, обо мне.
Ой!

Ай да вы подумайте обо мне, ой вы-ж обо мне,
Да об несчастной, ох, об несчастной да... девушке.
Ой!

Ах, да об несчастной девушке, ой, девушке,
Да я ж то вроділася, я то вроділася, ой, хороша.
Ой!

Ай да я вродилась хороша, ой, хороша,
Да я ж не знаю, я ж то не знаю, как мне жить!
Ой!

Ай да я не знаю, как мне жить, ой, как мне жить,
Да без милóго, бе... без милóго дру... дружка быть.
Ой!

Ай, да без милóго дру́жка быть, дру́жка быть,
Ай, да нападет, ой, да нападет горюшко-тоска.
Ой!

Ай, да нападет горé-тоска, ой, что да тоска,
Да кручинушка, да кручинушка, ой, велика.
Ой!

№ 2а

Ой, да не в моёго ли
дру́жка любезно́го,
в любезно́го
Зéлен садичек,
зелен садичек
ой, под окном.

Ах, да зéлен садичек
ох, под окном,
под окошечком,
Ой, как во этом,
как во этом же
во садику.

Ой, как во этом,
в этом во садику,
во садочке
Сладка вишенья,
сладка вишеньица
да растет.

Ах, да сладка вишенья
хоть и растет.
Как на вишеньице

Млад соловьюшко,
млад соловьюшко
песенки поет.

Не ты ль меня высушила,
Чернобровка, сердце вызнобила,

Чернобровка, сердце вызнобила,
[Пустила сухоту по животу,

Пустила сухоту по животу,]
Рассеяла печаль по плечам,

Рассеяла печаль по плечам,
Приневолила ходить по ночам,

Приневолила ходить по ночам,
По ночам, ночам, по темным лесам,

По ночам, ночам, по темным лесам.
Ветер веет, дрéва клонит на меня,

Ветер веет, дрéва клонит на меня,
На тебя, Саша, несчастная, беда,

На тебя, Саша, несчастная, беда,
Доставалась я старóму молода,

Доставалась я старóму молода.
Не пускает стар на улицу гулять,

Не пускает стар на улицу гулять,
Хоть и пустит, так сам пóзади идет,

Хоть и пустит, так сам пóзади идет —
Не стоит ли со иным мужá жена,

Не стоит ли со иным мужá жена,
Не роняет горячие слезы с глаз.

Не роняет горячие слезы с глаз;
Вынимает тонкий беленький платок,

Вынимает тонкий беленький платок,
Выстилает на миткальный рукавок,

Выстилает на миткальный рукавок,
Выстилает и выспрашивает.

Выстилает и выспрашивает:
«Не поедешь, мил, на ярманку,

Не поедешь, мил, на ярманку,
Ты не купишь на два платьица?

Ты не купишь на два платьица:
Одно платье, платье розовое,

Одно платье, платье розовое,
А другое коленкоровое,

А другое коленкоровое».
Цвет на платьице от солнышка горит,

Цвет на платьице от солнышка горит,
Коленкор белый марается,

Коленкор белый марается,
А мне, девушке, не нравится,

А мне, девушке, не нравится,
Приду домой — догадаются,

Приду домой — догадаются,
Чего личко разгорается?

№ 5а

Ох, ты кудряш, ты кудряш,
Кудрявая голова,
Кудрявая голова, не ходи мимо сада́.

Кудрявая голова, да
Не ходи мимо сада́
Не ходи мимо сада́, не прокладывай следа.

Не ходи мимо сада́,
Не прокладывай следа,
Дороженьку не тори, худу славу не клади.

Дороженьку не тори,
Худу славу не клади,
Худа славушка пройдет, никто замуж не возьмет.

Худа славушка пройдет,
Никто замуж не возьмет,
Не возьмет, не возьмет, не посватается.

Никто не...
ой, никто не́ был по́ ней,
никто не гулял.

Да по ней не гулял...
Только шел,
ой, только шел да про́шел
по этой дорожке, да дорожке
Преображенский,
Преображенский славный,
славный полк солдат.

Да славный полк солдат, ну...
Не дошовши,
ой, не дошовши они
до Новóй деревни, до деревни
Становились,
ох, становились óни
в поле ночевать.

Да в поле ночевать, ну...
Что под белой
ой, что под белой они,
в поле под березой, под березой.
Под кудрявой,
ой, под кудрявой óни
в поле зеленóм.

Да в поле зеленом, ну...
Не от ветру,
ах, не от ветру шúмит
белая береза, да береза —
От солдатских,
и от солдатских óна,
óна горьких слез.

№ 8а

А мы масленицу дожидали,
Дожидали, лёли, дожидали.

У окошечка поглядали,
Поглядали, лёли, поглядали.

Мы на горушку выходили,
Выходили, лёли, выходили.

Мы сыр с маслом выносили,
Выносили, лёли, выносили.

Сыром гору укладáли,
Укладáли, лёли, укладáли.

Сверху маслом поливали,
Поливали, лёли, поливали.

А от сыру гора, будь убойна,
Будь убойна, лёли, будь убойна.

А от масла, гора, будь катли́ва,
Будь катли́ва, лёли, будь катли́ва.

Наши девушки веселье,
Веселье, лёли, веселье.

А молóдушки щегольливы,
Щегольливы, лёли, щегольливы.

Стары бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.

№ 9а

Ой, как на нашей, ой, нивке
Сегодня пожинки.
Ой, слава Богу.

Ой, жали, пожина́ли,
Ой, краю не видали,
Ой, не видали.

Ой, заходила тучка,
Ой, из-за темного леса,
Ой, заходила.

Ой, наносила тучка
И все буйного ветра,
Ой, наносила.

Ой, да буйного ветру
Да и частого до́ждю,
Ой, наносила.

Ой, а я молодёнька
Во все Богу молила,
Ой, молила.

Ой, чтобы мѳего свѳкра
Да его громом убило,
Э-ѳ, убило.

Ой, а люту свекровку
Мѳланкой спалило,
Ой, создай, Боже!

№ 10а

Над рекой
там стоять да люди
талокѳй!

Талокѳй...
они стѳеча, ой,
говорят.

Говорят:
Кабы кто речку, ой,
пере(я)шел.

Пере(яй)шол,
кабы кто кого, ох,
перевел.

Перевел,
добрый молодец, эх,
пере(й)шел,

Пере(й)шел,
красную девицу, ох,
перевел.

№ 11а

Как Иван да Марья
На горе Купалья,
Под горой гулянья.
Иванова матка

Всю ночку не спала,
Все шила рубашку
С прямым вороточком
С косым рукавочком.

(Каждый стих повторяется 2 раза)

№ 116

Наше поле кру́гло
На четы́ре у́гла,
Там яго́док много.
Я яго́дки брала
И спелы́ и зрелы́.
Желяпу́шки⁶⁶ соби,
А спелы́е батьки,
А зрелы́е матки,
Желяпу́шку свёкру.
Ешь, батька, живися,
Ешь, свекор — давися!

(Каждый стих повторяется 2 раза)

II. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОЛЕВОЙ ТЕТРАДИ Н. Л. КОТИКОВОЙ (1949 г.)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

В полевой тетради Н. Л. Котиковой тексты песен, записанных на фонограф в виде небольшого фрагмента из нескольких начальных мелостроф, приводятся полностью. Запись слов осуществлялась во время предварительного прослушивания певиц в порядке подготовки звукозаписи. В момент самой записи Н. Л. Котикова делала пометки и исправления в тексте, соответственно звучащему варианту, как правило, немного отличному от предварительной версии. Эти пометки отражают восприятие собирателем текста песни в процессе ее неоднократного исполнения.

В данной публикации мы приводим запись Котиковой, начиная с той мелострофы, которая следует за окончанием фонограммы. Начальные же мелострофы, зафиксированные на восковом цилиндре, благодаря удовлетворительному качеству звучания,

⁶⁶ Желяпушки — незрелые (местное выражение).

оказалось возможным привести в более подробной транскрипции. Окончание фонограммы отмечается знаком *. Знаки пунктуации выставлены согласно современным нормам.

№ 1.1

Ай да распредмильи подру... ай вы-то подружки,
Вы ж(и)-то голу... бушки, ай, вы ж-то голубушки, ох, вы моё.
Ой!

Ай да вы голубушки мои, ой, вы-те мои, да
Вы ж(и)-то поду... ..дिति-тка, ой, вы-ш(и) да приди...
ой, ...те-тка ко мне. Ой!

Ай да вы придите-тка ко мне, ой, вы-то ко мне, да
Вы-та поду... (у)майте, ой, вы-та подумайте, ой, (в)аба мнё. Ой!*

Ай да вы подумайте обо мне, ай вы ж обо мне, да
Об несчастной, ох, об несчастной де... девушке (ой!).

Ай да об несчастной девушке, ай, девушке,
Да я же-то вроде лася, я-то вродилася, (ахті,) ой, хороша (ой!).

Ай да я вроде лась хороша, ай, хороша, да
Я же не знаю, я ж-та не знаю, ох как мне жить (ой!).

Ай да я не знаю, как мне жить, как жить,
Да без милово, бе... без милово дру... дружка быть (ой!).

Ай, да без милова дружка быть, дружка быть,
Да нападет, ой да нападет горюшка-тоска (ой!).

Ай, да нападет горе-тоска, ой, что да тоска,
Да кручинушка, да кручинушка, (охти) ой, велика (ой!).

Ой да кручинушка велика, ой, велика,
Я ж кручину прочь откину,
Я кручину прочь откину, прочь откину,
Печать-горюшко, печать-горе, охти, отложу (ой!).

Ой да печать-горе я отложу, ой, отложу,
Да ой, постоянно, ай да постоянно, охти, буду жить (ой!).

Ай да постоянно буду жить, ой, бу... буду жить,
Да я одного я тебе, одного тебе буду любить (ой!).

№ 2.1

Ой да ни в маёва ли дружка в любязно... в любязно́ва
Зелен са́дичак, зелен садичек, ой, под окном. Ой!

Ай да зелен садичек, э́хти ж, пыд окно́м, под окошечком,
Как во етом... как во етом жа, ай, во садо...

Ой, да как во ётам, же, охти, во садо... во садочку
<Сладкая вишенья, сладкая>⁶⁷ вишеньица да растет. Ой!*

Ах, да сладка вишеньица хоть и растет, да растет жа,
Как на етом, как на етом на слатком, слатком вишеньице
Млад соловьюшка, млад соловьюшка песенки поеть. <Ой!>⁶⁸

Ой, да млад соловьюшка песенки поёт, да поет
Как не пой, выльно́й, не пой, вольненький да молодой.<Ой!>

Ай, да не пой, вольненький, охти ж, молодой, молодой,
Как не давай-ка, не давай-ка ж тоске досадушке, тоске досадушке,
Друг, сердечушку, друг, сердечушку, ой, да моему.<Ой!>

Ой, да друг сердечушку да моему, моему,
Как сердце ноить, сердце ноит, ай, грудь болит, грудь болит
По табе, по табе ж, дружок любезной мой.<Ой!>

Ой, да по табе ж-то, друг любезной мой, да ты мой,
Шла я лесом да как ишла лесом да буравино́чкой, да буравино́чкой,
Не боялася, не боялася в лесу никого.<Ой!>

Ой, да не боялася в лесу никого, никого,
Да мне казалось, мне казалось, что, ахти, белый день, белый день,
Ажно в садике, ажно в садике алый цвет.<Ой!>

№ 3.1

Ты вер(ы)ба́, ой(е), ты вер(ы)ба́, ой(е), вер(ы)ба бе... ленькая,
Ой(и), вер(ы)ба бе... лен(и)кая, ой(и), карчова́стенькая.

Верба белинькая, ой(и), карчова́стенькая,
Ой(я), ты когда, верба, в(а)зой(и)шла, ой, когда вы... е... выросла?

⁶⁷ Лакуна, вследствие дефекта записи.

⁶⁸ В заключение каждой строфы (кроме второй), на фоне протяженного основного тона, на квинте лада звучит возглас «ой!».

Ты ког(ы)да, вер(ы)ба, й-узойшла, ой(е), ког(ы)да вы... выросла?
Ой, я весной, ой, взойшла, ой, летом вы... е... выросла.*

Ой, я весной, ой, взойшла, ой, летом выросла,
На крутом на бережку ой, да на жолтом песку.⁶⁹

На крутом на бережку ой, да на жолтом песку.
Там сидела млада ой, поздно звечера одна,
Зажигала свечу воску ярово,
Дожидала дружка гостя удаленькова.
Не стучит, не гремит, по дорожке идет,
Что ни вор идет, не разбойничек,
А нашей Машеньки полюбовничек.

№ 4.1

Чар(ы)ноб(ы)ровка, чар(ы)ноглазычка моя,
Ня ты ли меня высушала?

Ня ты ли меня высушила,
Чарнобровка сердца выз(ы)нобила,

Черноб(ы)ровка сердца вызнобила,
Пустила сухоту по животу,

Пустила сухоту по животу,
Рассéила печаль по плечам,

Рассéила печал(и) по плечам,
Приневолила ходить по ночам,

Приняволила ходить по ночам,
Ночам, ночам, по тёмнам лесам.*
Ветер веет, древа клонит на меня,
На тебя, Саша несчастная, беда:
Доставалась я старóму молода.
Не пушает стар на улицу гулять,
Хоть и пустит сам позади идет:
Не стоит ли со иным мужа жена,
Не говорít тайну речь про миня,
Не роняет горячие слезы с глаз?
Вынимает тонкий беленький платок,

⁶⁹ В тетради собирательницы повторы обозначены: «2 р.».

Выстилает на миткальный рукавок,
Выстилает и выспрашивает:
— Не поедешь, мил, на ярманку,
Ти не купишь на два платьица?
Одно платье, платье розовое,
А другое каленкоровое,
Цвет на платьице от солнушка горит,
Коленкор белый марается,
А мне девушке не нравится.
Приду домой, догадаются,
Чаво личко разгорается,
Ай от чаю, ай от кофию,
Ай от слатенькой воточки.
Слатка водочка анисовая,
Моя милая написанная,
Наведенная, намазанная,
Алым лентам уряженная.
Ах вы, цветики, румянчики мои,
Сокатитесь со бела лица долой!
Едет, едет мой сярдитый муж домой,
Вязет, вязет подарок дорогой:
Шелкову́ю плетъ под правую полой.
Я не знаю причины никакой,
Только знаю причинушку одну:
У сузета беседа была,
А я млада не спросилася, пошла,
С холостым с парнем на лавке сидела,
Со женатым на скамеечке,
Холостому стакан меду налила,
А женатому зеленого вина.
Холостой, шельма, не вежливо принял,
Стакан в белы руки прижимал,
При в народе сестрой называл,
Без народу он душечкой назвал.
— Ах ты, душка Катюшка моя,
Мне понравилась походочка твоя,
Походочка павушкина,
Поговорочка сударушкина,
Походочка любушкина,
Разговоручка голубушкина.

№ 5.1.

Ой, ты кудряш, ты кудряш, да кудрива́я голова,
Кудрева́я голова, не ходи вымо сада.

Кудрева́я голова, да не ходи вымо сада
Не ходи вымо сада́, не прокладывай следа.

Не ходи вымо сада, да не прокладавай следа,
Дарожёчку не тори, худу славу не клади.

Дарожёчку не тори, да худу славу не клади,
Худа славушка пройдёт, да никто замуж ни возьмёт.

Худа славушка пройдёт, да некто замуж ни возьмёт,
Ни возьмёт, ни возьмёт, ни посватайтца.*

Не возьмет, не возьмет, да не посватается,
Что не барин, ни купец, ни проезжай молодец.

Что не барин, ни купец, да ни проезжай молодец.
Я у садику была, во зеленом гуляла.

Я у садику была, да во зеленом гуляла,
Во зеленом гуляла, сладки яблочки рвала.

Во зеленом гуляла, да сладки яблочки рвала,
Сладки яблочки рвала, на бело блюдо клала.

Сладки яблочки рвала, да на бело блюдо клала,
Что на тое на белое, на серебряный поднос.

Что на тое на белое, да на серебряный поднос,
Я милому подносила во высок новый терём.

Я милому подносила да во высок новый терём,
Мил яблочко не береть, мне ответа не даёт.

Мил яблочко не береть, да мне ответа не даёт,
Что ж ответа, ни привета, никакого слова нет.

Что ж ответа, ни привета, да никакого слова нет,
А я топнула ногой, сама с терему долой.

А я топнула ногой, да сама с терему долой,
Сама с терему долой — оставайся, чорт с тобой.

Сама с терему долой, да оставайся, чорт с тобой,
Оставайся, чорт с тобой, ты не смейся надо мной.

Оставайся-ломайся, (да) ты не смейся надо мной,
Ты не смейся надо мной, над девочкой молодой.

№ 6.1

Севодни у нас день да, ой, воскресенья,
А мiлай ко мне не пришёл,
А мiлай ко мне не пришёл.

Сыг(а)райти м(ы)не песню, ой, поскорей,
Навер(ы)на вторую(й) нашёл,
Навер(ы)на вторую нашёл.

Тяжко я, важко, ох, выдыхáла,*
Когда же он с другою стоял,
Когда же он с другою стоял.

А сердце мое да, ох, разрывалось,
Катилися слезы из глаз,
Катилися слезы из глаз.

Зачем я тебя да, ох, полюбила,
Я душу тебе отдала,
Я душу тебе отдала.

На свете я всех да ох, позабыла,
А я счастья найти не могла,
А я счастья найти не могла.

Посудите вы, добрые люди,
Что сделал подлец надо мной,
Что сделал подлец надо мной.

Сорвал он как в поле цветочик
И бросил, стоптал под ногой,
И бросил, стоптал под ногой.

Зачем же ты топчешь ногами
Невинную душу мою,
Невинную душу мою?

Так будь же ты проклят врагами,
Злодей, за измену свою,
Злодей, за измену свою!

Не шейте мне белое платья,
Носить я не буду его,
Носить я не буду его.

А шейте вы мне да ох, голубое,
Я буду страдать за него,
Я буду страдать за него.

№ 7.1

Ой, размаскóвская ли славная дорожка, да дорожка
Масковская, ой, Масковская в по́ли, в по́ли пролегла.

Да в поле пролегла, ну...
Что никто... ой, что никто по э... по этой дорожки, да дорожки,
Никто не... ой, никто не бал па́ ей, па́ ей не гулял.

Да по ней не гулял, ну...
Только шёл... о-ой, только шёл жа, пра́шёл по этай дорожке,
по дорожки
Приображе́... Преображе́нский славный, славный полк солдат.

Да славный полк солдат, ну...
Не дошо... ой, не дошовши ж а́ни до новай дяревни, до дяревни,
Станови... лись, ой, становились а́не в поли начева́ть.*

Да в поле ночевать...
Ну, что под белой, ой, что под белой они в поле под березой,
под березой,
Под кудрявой, ой, под кудрявой они в поле зеленóм.

Да в поле зеленом...
Но, ни от ветру, ах, ни от ветру шумит белая береза, да береза,
От солдатских, и от солдатских она, она горьких слез.

№ 8.1

А мы ма́слен(ы)цу дожидали,
Дожидали, лёли, дожидали.

У окошечка паг(а)ляда́ли,
Пыгляда́ли, лёли, пагляда́ли.

Мы на горушку вахади́ли,
Вахади́ли, лёли, вахади́ли.

Мы сыр(ы) с ма́слым(ы) ванаси́ли,
Вынаси́ли, лёли, ванаси́ли.*

Сыром гору укладали,
Укладали, лёли, укладали.

Сверху маслом поливали,
Поливали, лёли, поливали.

А от сыра, гора, будь убойна,
Убойна, лёли, убойна.

А от масла, гора, будь котлива,
Будь котлива, лёли, будь котлива.

Наши девушки веселые,
Веселые, лёли, веселые.

А молóдушки щегольливы,
Щегольливы, лёли, щегольливы.

Стары бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.

На печке сидять, своего сына бранять,
Гоголечик, гоголечик, лёли, гоголечик.

Ох, ты, сын, мой сынок, твой глупый разумок,
Гоголечик, гоголечик, лёли, гоголечик.

Споучай жану, не пушай на гору,
Гоголечик, гоголечик, лёли, гоголечик.

С красным девушкам песни играти,
Песни играти, лёли, песни играти.

№ 8.2⁷⁰

Ня с гор-горы снежки сыплют,
Снежки сыплют, лёли, снежки сыплют.

Меня⁷¹ молоду домой клечуть,⁷²
Домой клечуть, лёли, домой кличуть.

⁷⁰ Данный сюжет на фонограмме не зафиксирован. Исполняется на напев № 8.

⁷¹ В слове «Меня» над *e* в рукописи стоит в скобках *я*.

⁷² В слове «клечуть» над *e* в рукописи стоит в скобках *и* (дважды при повторах этого слова).

Невестушка молодая,
Молодая, лёли, молодая.

Ходи домой поскорей,
Поскорей, лёли, поскорей.

У нас дома нездоровья,
Нездоровья, лёли, нездоровья.

Свекор-батька с печки свалился,
Свалился, лёли, свалился.

За корыто завалился,
Завалился, лёли, завалился.

Мякиною подавился,
Подавился, лёли, подавился.

Как бы была я вястима,
Я вястима, лёли, я вястима.

Я б повыше подмостила,
Подмостила, лёли, подмостила.

Свекру голыву я б сломила,
Я б сломила, лёли, я б сломила.

Свекровушки наломила,
Наломила, лёли, наломила.

Что я б Богу помолила,
Помолила, лёли, помолила.

Я б за свекровá за здоровья,
За здоровья, лёли, за здоровья.

За свекровино безголовья,
Безголовья, лёли, безголовья.

№ 8.3⁷³

Ох вы, девушки, вы подружки,
Вы подружки, лёли, вы подружки.

⁷³ Данный сюжет на фонограмме не зафиксирован. Исполняется на напев № 8.

Выходите к нам на горушку,
На горушку, лёли, на горушку.

В нас на горушки ребят много,
Ребят много, лёли, ребят много.

Все ребяташки не простые,
Не простые, лёли, не простые.

Нежанатые холостые,
Холостые, лёли, холостые.

А кто у нас холыст ходит,
Холыст ходит, лёли, холыст ходит.

А кто у нас нижанатый,
Нижанатый, лёли, нижанатый.

Чистый беленький кудряватый,
Кудряватый, лёли, кудреватый.

Иванушка холыст ходит,
Холыст ходит, лёли, холыст ходит.

Иванушка нижанатый,
Нижанатый, лёли, нижанатый.

Чистый и белый кудряватый,
Кудряватый, лёли, кудреватый.

Яму мать говорила,
Говорила, лёли, говорила.

Иванушка, ожанися,
Ожанися, лёли, ожанися.

Возьми жану молодую,
Молодую, лёли, молодую.

Вяселушку висялúю,
Висялúю, лёли, висялúю.

№ 8.4⁷⁴

А мы масляницу прокатали,
Прокатали, лёли, прокатали.

У ямочку закопали,
Закопали, лёли, закопали.

Ляжи, маслянца, до налетья,⁷⁵
До налетья, лёли, до налетья.

Ти ня будет лучше с летья,
Лучше с летья, лёли, лучше с летья.

Ажно маслянца семь⁷⁶ дянечков,
Семь дянечков, лёли, семь дянечков.

Нас маслянца сподманила,
Сподманила, лёли, сподманила.

На Большой пост посадила,
Посадила, лёли, посадила.

На хрён, на хрён, да на редьку,
Да на редьку, лёли, да на редьку.

На кислую на капусту,
На капусту, лёли, на капусту.

№ 9.1

Ой, как на нашей нивке сягодня спажинки.
Ой, слава Богу.

Ой, жали-пыжинáли, ох, сёрпы потярjáли,
Ой, потярjáли.⁷⁷

⁷⁴ Данный сюжет на фонограмме не зафиксирован. Исполняется на напев № 8.

⁷⁵ В рукописи строфы пронумерованы, 3-я и 4-я строфы, видимо, пропущенные исполнителями при предварительной записи, приведены сразу после окончания песни. После второй строфы стоит знак вставки.

⁷⁶ В рукописи «семь» записано цифрой.

⁷⁷ Звукозапись <данной песни> состоит из 2-х первых куплетов № 1 <См.: № 9.1> и 3-го куплета № 2 <См.: № 9.2>. — *Примеч. Н. Л. Котиковой.*

Ой, Исаёвы жнеи, ох, как лебеди белы,
Ой, бёлам-бёлы.*

Ой, заходила тучка, ой, из-за темного леса,
Ой, заходила.

Ой, наносила тучка и все буйного ветру,
Ой, наносила.

Ой, да буйного ветру да и частого дóждю,
Ой, наносила.

Ой, а я молоденька вове́ Богу молила,
Ой, молила.

Ой, чтобы моего свекра да его громом убила,
Э-е, убила.

Ой, а люто свекровку моланкой спалило,
Ой, создай, Божа!

№ 9.2⁷⁸

Ой, как на нашей на нивке сягдни пожинки
Ой, слава Богу.

Ой, жали, пожинали, ой, краю не видали,
Ой, не видали.⁷⁹

Ой, Исаёвы жнеи, ох, как лебеди белы,
Ой, бёлам-бёлы.

Эй, дамой прилятели, по лавкам посели,
Эй, посели.

Ой, по лавкам посели ж, горелки хотели,
Эй, горелки.

Ой, по чарки горелки, ой, и меду на тарелки,
Ой, на тарелки.

⁷⁸ Данный сюжет на фонограмме не зафиксирован. Исполняется на напев № 9.

⁷⁹ Строфа восстановлена по записи Н. Л. Котиковой, которая над словами «серпы потеряли» сверху вписала «краю не видали», объединив оба словосочетания скобкой.

Наша госпожня две каши варила,
Ой и варила.

Ой, как ячнею с(ы) салом, гречешнею с(ы) маслом,
Эй, варила.

№ 10.1

Над рякой
Там стоят(и) люди талокóй!

Тылокóй...
Оны стóеча, говорятъ.

Говорять:
«Кы́ба кто речку перяй(и)шол.

Перяй(и)шол(ы)...
Кы́ба кто каво, ох, перявёл».*

Перявёл...
Добрый молодец, эх, перяишол,

Перяишол...
Красную девушку,⁸⁰ ох, перевел.

№ 11.1

Как Иван ды Марья,
Как Иван ды Марья.

На гáры купалья,
На гáры купалья.*

Под горой гулянья,
Под горой гулянья.

Иванова матка,
Иванова матка

Всю ночку не спала,
Всю ночку не спала.

⁸⁰ Под словом «*девушку*» в скобках «*девицу*».

Все шила рубашку,
Все шила рубашку.

С прямым вороточкым,
С прямым вороточкым.

С косым рукавочкым,
С косым рукавочкым.

№ 11.2

Нашá по́ля крúгла,
Нáша по́ля крúгла,

На ча́тыри у́гла,
На ча́тыре у́гла.

Там я́гыдык мно́га,
Там я́гыдык мно́га.

И сы́пéлы и зрeлы,
И сы́пéлы и зрeлы.⁸¹

Я сы́пéлы(й)и ба́тьки,
Я сы́пéлы(й)и ба́тьки.*

А зрeлыи ма́тки,
А зрeлыи ма́тки.

Желяпушки⁸² со́би,
Желяпушки со́би.

Желяпушку свeкру,
Желяпушку свeкру.

Ешь, ба́тька, живи́ся,
Ешь, ба́тька, живи́ся.

Ешь, свeкор — да́вися,
Ешь, свeкор — да́вися!

⁸¹ При записи была пропущена мелострофа: «Я яголки брала, / Я яголки брала». Строфа записана Н. Л. Котиковой рядом с основным текстом песни, с пометкой: Пропущено при записи.

⁸² По-псковски *зеляпуш*<ки>. — *Примеч. Н. Л. Котиковой.*

КОММЕНТАРИИ

I. МАТЕРИАЛЫ «СБОРНИКА ПЕСЕН ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ», СОСТАВЛЕННОГО С. Д. МАГИД (1949—1951 ГГ.)

НАПЕВЫ

(ноты, переписаны набело тушью «писарским» почерком)

№ 1. Ай да распредлимые подру... ай, вы-то подружки — лирическая протяжная «долевая» песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 4 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.01. Зап.: 11.07.1949. Деревня Ольховка Лайкинского сельсовета Пустошкинского района Великолуksкой области. Исп.: Жгун Мария Егоровна (1882), Киселева Марья Лукинична (1894), Амелюшина Софья Амосовна (1883). Поют вместе с молодых лет. Запеваает М. Е. Жгун.

Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 1а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 1.1.

№ 2. Ой, да не в моёго ли дружка любезно... в любезнова зелен садичек, зелен садичек, ой, под окном — лирическая протяжная «долевая» песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 5 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5700.01. Сведения о записи и исполнителях см. № 1. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 2а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 2.1.

Исполнители не сразу вспомнили песню, в процессе исполнения путали напев, который складывался то из двух, то из трех мелостихов. Записаны только три первые мелострофы (двухстиховые). К сожалению, вариант, состоящий из трех мелостихов (4, 6, 7, 8 строфы), в фонозаписи не сохранился, имеется лишь рукописная полевая запись Н. Л. Котиковой от М. Е. Жгун.

№ 3. Ты верба́, ой, ты верба́, ой, верба беленькая — лирическая «долевая» песня. «Старинная песня. Узнала от свекра».

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 6 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.02. Сведения о записи см. № 1. Исп.: Киселева Татьяна Васильевна (1885), родом из деревни Житникова Шолоховского сельсовета. О себе рассказывала: «Отец, мать, сестры, братья пели, и свекор — <у него>голос хороший и склад хороший».

Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 3а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 3.1.

№ 4. Чернобровка, черноглазочка моя — свадебная («свадебная») плясовая песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 7 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.03. Сведения о записи см. № 1. Исп.: Жгун Мария

Егоровна (1882), Киселева Марья Лукинична (1894), Амелюшина Софья Амосовна (1883), Киселева Татьяна Васильевна (1885), Киселева Мария Васильевна (1881), Киселева Анастасия Васильевна (1886). Запеваёт Т. В. Киселева.

Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 4а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 4.1.

№ 5. Ох, ты кудряш, ты кудряш, кудрявая голова — свадебная («свадебная») плясовая песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 8 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 Ф, ФВ 5700.02. Сведения о записи и исполнителях см. № 1.

Несмотря на лакуны, вследствие дефекта записи, многоголосие и поэтический текст хорошо прослушиваются. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 5а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 5.1.

№ 6. Сегодня у нас день, да, ох, воскресенье — лирическая песня. («Марфа Сергеевна была в <19>19 г. на Украине, в Воронежск<ой> обл<асти>; эта песня оттуда»).

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 9 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 Ф, ФВ 5718.02. Зап.: 25.07.1949. Деревня Ильино-Выселок Занепреченского сельсовета Пеновского района Великолукской области. Исп.: Хор Занепреченской избы-читальни — Котова Марфа Сергеевна (1903), родом из деревни Покровской, Крылова Мария Яковлевна (1905), Гоголева Антонина Дмитриевна (1909), Ильиногорская Александра Сергеевна (1908), Григорьева Ульяна Осиповна. Запеваёт М. С. Котова.

Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 6а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 6.1.

№ 7. Ой, размосковская ли сла... да славная дорожка — лирическая протяжная песня. «От отца слышала».

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 10 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 Ф, ФВ 5718.01. Сведения о записи и исполнителях см. № 6. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 7а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 7.1.

№ 8. А мы масленицу дожидали — масленичная («маслянская, масляная») обрядовая песня. «Продолжительным голосом нужно петь масляные песни. Пели на улице. Круто <поют> частушки, веселые песни».

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 11 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 Ф, ФВ 5710.01. Зап.: 21.07.1949. Село Урицкое Урицкого сельсовета Пореченского района Великолукской области (бывш. Невельский уезд Витебской губернии). Исп.: Толписова Ксения Даниловна (1887), Мартынова Василиса Андреевна (1900), Калининна Татьяна Тимофеевна (1910). Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 8а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 8.1.

Собиратели записали еще три масленичных песни, которые исполняются на данный напев: «Ня с гор-горы снежки сыплют» (№ 8.2), «Ох вы, девушки, вы подружки» (№ 8.3), «А мы масляницу прокатили» (№ 8.4), но на фонограф записана лишь одна — «А мы масляницу дожидали» (№ 8). Текст песен приводится по тетради: ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 26—26 об.

№ 9. Ой, как на нашей, ой, нивке — жнивная («пожинальная, пожиночная») песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 12 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.02. Сведения о записи и исполнителях см. № 8. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 9а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 9.1.

Певцы вспомнили еще одну жнивную песню со сходным зачином, которая исполняется на данный напев: № 9.2, но на фонограф записана лишь одна (№ 9). При этом исполнительницы спели две мелострофы первой песни, а затем третью — второй, что отметила Н. Л. Котикова: «Звукозапись <данной песни> состоит из 2-х первых куплетов № 1 <См.: № 9.1> и 3-го куплета № 2 <См.: № 9.2>». В нотах (№ 9) и словесном тексте (№ 9а) в сборнике С. Д. Магид приводится сюжет первой песни. Второй сюжет (№ 9.2) извлечен из тетради: ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 24 об.—25.

№ 10. Над рекой, ой, там стоять да люди талакой — толочная («талочная») песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 13 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.03. Сведения о записи см. № 8. Исп.: Толписова Ксения Даниловна (1887). Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 10а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 10.1.

№ 11. Как Иван да Марья — иванская («иванская») обрядовая песня.

Ноты: ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 14 об. Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.04. Сведения о записи и исполнителях см. № 8. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид: см. № 11а. Версия текста, расшифрованная с фонограммы и дополненная окончанием сюжета из полевой тетради Н. Л. Котиковой: см. № 11.1.

Собирателями была записана еще одна иванская песня: «Наша поля кругла» (Текст № 11.2).

Фонозапись: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5711.01. Слова второй песни (№ 11б) С. Д. Магид поместила в сборнике вслед за текстом песни «Как Иван да Марья» (№ 11а) под заглавием «Артельная песня». В тетради Котиковой оба текста объединены общим названием: «Иванские. Артельные песни» (ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 25 об.).

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ
(машинопись, под копирку, 2-й экз)

№ 1а. Ай да распредмилые подру... ой вы то подружки. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 5. Поэтический текст песни № 1 в графической версии С. Д. Магид.

№ 2а. Ой, да не в моёго ли дружка любезного, в любезного. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 6. Поэтический текст песни № 2 в графической версии С. Д. Магид.

№ 3а. Ты верба́, ой, ты верба́, ой, верба беленькая. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 7. Поэтический текст песни № 3 в графической версии С. Д. Магид.

№ 4а. Чернобровка, черноглазочка моя. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 8. Поэтический текст песни № 4 в графической версии С. Д. Магид.

№ 5а. Ох, ты кудряш, ты кудряш. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 9. Поэтический текст песни № 5 в графической версии С. Д. Магид.

№ 6а. Сегодня у нас день, да, ох, воскресенье. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 10. Поэтический текст песни № 6 в графической версии С. Д. Магид.

№ 7а. Ой, размосковская ли сла... да славная дорожка Московская. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 11. Поэтический текст песни № 7 в графической версии С. Д. Магид.

№ 8а. А мы масленицу дожидали. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 12. Поэтический текст песни № 8 в графической версии С. Д. Магид.

№ 9а. Ой, как на нашей, ой, нивке. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 13. Поэтический текст песни № 9 в графической версии С. Д. Магид.

№ 10а. Над рекой там стоять да люди талокóй! ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 14. Поэтический текст песни № 10 в графической версии С. Д. Магид.

№ 11а. Как Иван да Марья. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 15. Поэтический текст песни № 11 в графической версии С. Д. Магид.

№ 11б. Наше поле крúгло. ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 15. Поэтический текст в графической версии С. Д. Магид. Исполняется на напев № 11.

**II. ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОЛЕВОЙ
ТЕТРАДИ Н. Л. КОТИКОВОЙ (1949 г.)**

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 1.1. «Распредмилые подружки». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 10—10 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.01. «Очень сложная песня» — комментарий Н. Л. Котиковой.

№ 2.1. «Зелен садик под окном». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 9—9 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5700.01.

№ 3.1. «Верба (старинная песня, узнала от свекра)». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 5—5 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.02.

№ 4.1. «Чернобровка черноглазенькая. Свадебная (каждая строчка 2 раза)». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 6—8. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5701.03.

№ 5.1. «Кудряш (свадебная)». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 11—11 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5700.02.

№ 6.1. «Воскресенье (Марфа Сергеевна была в <19>19 г. на Украине, в Воронежск<ой> обл<асти>; эта песня оттуда). Запись № 2». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 38. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5718.02.

№ 7.1. «Московская дорожка. Запись № 1 от Котовой Марфы Сергеевны (от отца слышала эту песню)». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 38 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5718.01. «Замечательная» песня» — комментарий Н. Л. Котиковой.

№ 8.1. «А мы масленцу дожидали, дождале (запись № 1—21/ VII)». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 26—26 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.01.

№ 8.2. «№ 2. Ня с гор-горы снежки сыплот». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 26 об.—27.

№ 8.3. «№ 3. Ох, вы, девушки, вы подружки». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 27—27 об.

№ 8.4. «№ 4. А мы маслянцу прокатали». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 27 об.—28.

№ 9.1. «<Ой, как на нашей на нивке сягодня пожинки, ой, слава Богу!> (Запись № 2, 21/VII). Пожинальные, пожиночные песни». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 24 об. «Звукозапись № 2 состоит из 2-х первых куплетов № 1 и 3-го куплета № 2» — комментарий Н. Л. Котиковой. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.02.

№ 9.2. «<Ой, как на нашей на нивке сягодня пожинки, ой, слава Богу!> Запись № 2, 21/VII. Пожинальные, пожиночные песни». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 24 об.—25.

№ 10.1. «Ой, над рякой там стоять люди толокой. Запись № 3, 21/VII. Толочные песни». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 25. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.03.

№ 11.1. «Как Иван да Марья, на горы купаньё. Запись № 4, 21/VII. Иванские. Артельные песни». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 25 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5710.04.

№ 11.2. «Наша поля кругла, на чатыре угла. Запись № 5, 21/ VII. Иванские. Артельные песни». ФА ИРЛИ РФ. Котикова-Рук., коробка 1, п. 1, ед. хр. 4, л. 25 об. Фонограмма: ФА ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5711.01.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

СПИСОК ТРУДОВ С. Д. МАГИД⁸³

1. *Магид С. Д.* Девятая симфония Бетховена (опыт музыковедческого анализа). Рукопись. 1926.
2. *Магид С. Д.* Стилистические особенности романсов Н. А. Римского-Корсакова // Русский романс. Опыт интонационного анализа. М.; Л., 1930.
3. *Магид С. Д.* Народные песни и инструментальная музыка евреев Украины. Рукопись. 1931 [300 песен с текстами и примечаниями (по неопубликованным материалам Фонограммархива)].
4. *Магид С. Д.* Институт еврейской культуры при Всеукраинской Академии Наук. «Проблема фольклористики». 1932. С. 276—278.
5. [*Магид С. Д.*] Испанская музыка. МСЭ. 1933.
6. [*Магид С. Д.*] Еврейская музыка. МСЭ. 1933.
7. *Магид С. Д.* Рец. на книгу: Институт еврейской культуры при Всеукраинской Академии Наук, этнографическая секция. «Проблемы фольклористики». Сб. 1. Под. ред. М. Винера // Советская этнография. Л., 1934. № 1—2. С. 276.
8. *Магид С. Д.* Собрание русских революционных песен 1890—1905 гг. Рукопись. 1935 [200 песен, записанных автором в 1935 г. от членов Общества Старых Большевиков и Общества Политкаторжан (по неопубликованным материалам Фонограммархива)].
9. *Магид С. Д.* Еврейский революционный фольклор // Советский фольклор. 1935. № 2—3. С. 396—408.
10. *Магид С. Д.* Список собраний фонограммархива фольклорной секции ИАЭ АН СССР с приложением алфавитных списков народностей и собирателей // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 415—428.
11. *Магид С. Д.* Баллада в еврейском фольклоре (кандидатская диссертация). 1939. [Содержит статью, 100 баллад с национальными текстами и сравнение их с вариантами других народов, развернутых комментариев и примечания. Было включено в издательский план ИЛИ на 1940 г.].
12. *Магид С. Д.* Эвенкийский песенный фольклор // Советский фольклор. 1940. № 6.

⁸³ В качестве основного источника использованы сведения, приведенные Н. Д. Светозаровой на основе собственноручно составленных С. Д. Магид списков: 1) *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954): Приложение 1 // Из истории еврейской музыки в России: Материалы междунар. науч. конф. «Евр. проф. музыка в России. Становление и развитие», Санкт-Петербург, 1—2 дек. 2003 г. / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова, А. С. Френкель. СПб., 2006. Вып. 2. С. 331—332; 2) *Она же.* Материалы к биографии С. Д. Магид: Список научных трудов (синтез собственноручных списков 1946, 1947 и 1949 годов) // Voices from the Shtetl, the Past and Present of the Yiddish Language in Russia (1998—2001). NOW Russian-Dutch Research Cooperation. 1998. Finalreport. Appendix 3: Sofia Magid's biography. P. 8—10.

13. *Магид С. Д.* Новая эвенкская песня (совместно с Г. М. Василевич) // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 72—81.
14. *Магид С. Д.* Песни белорусских евреев (сборник). Рукопись. 1941. [200 нотных расшифровок с текстами, комментариями и вступительной статьей (по неопубликованным материалам Фонограммархива)]. Принято к печати. Сверстано.
15. *Магид С. Д.* Песни карелов и вепсов (сборник). Рукопись. 1941. [Для серии «800 песен народов СССР»].
16. *Магид С. Д.* Эпические песни казахов (статья). Рукопись. 1944. [Направлено для публикации в Казахский филиал АН СССР].
17. *Магид С. Д.* Массовая песня во время Великой Отечественной войны. Рукопись. 1945. [Доклад на музыковедческой конференции Института театра и музыки совместно с ЛССК. Принята для публикации].
18. *Магид С. Д.* Песенное творчество ленинградских композиторов в период блокады города. Рукопись. 1945.
19. *Магид С. Д.* Проблемы песни и песенности. Рукопись. 1946. [Доклад на дискуссии о массовой песне, организованной ЛССП совместно с ЛССК в марте 1946 г.].
20. *Магид С. Д.* Песни творческой группы ПУБАЛГА во время Великой Отечественной войны // Бюллетень ЛССК. № 1.
21. *Магид С. Д.* Композиторская группа Краснознаменного Балтфлота // Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., 1946.
22. *Магид С. Д.* Проблема песни в советскую эпоху. Рукопись. 1947.
23. *Магид С. Д.* Песни Псковщины (сборник). Рукопись. 1948<—1950>. [120 русских народных песен с нотами, текстами, развернутым комментарием и вступительной статьей].
24. *Магид С. Д.* Современная народно-песенная традиция Псковщины. Рукопись. 1949. [Включена в план Псковгосиздата на 1949 г.].
25. *Магид С. Д.* Сборник песен Великолукской области. Рукопись. 1949—1951.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

МАГИД С. Д.

Сборник песен Великолукской области (экспедиция 1949 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ⁸⁴

I

1. Ай, да распредмилые подружки
2. Ой, да в моего ли дружка любезного
3. Ой, верба, ой, ты верба, ой, верба беленькая
4. Чернобровка, черноглазочка моя

⁸⁴ ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 3.

5. Ой, ты кудряш, ты кудряш
6. Сегодня у нас день, да ох, воскресенье
7. Размосковская ли славная дорожка
8. А мы масленицу дожидали
9. О, как на нашей нивке сегодня пожинки
10. Над рекой, там стоят люди толокой
- 11а. Как Иван да Марья
- 12а. Наше поле кругло

II

Песни Великой Отечественной войны (фронтовые и партизанские)

13. То ли в Кунянске, то ли в Рязани
14. Над озером чаечка вьется
15. Никто так не воюет, как милый на войне
16. Вспомните, ребята, огневые годы
17. Когда над страной нависла угроза
18. Кто сказал, что надо бросить песни на войне
19. Песня о Зое Космодемьянской
20. Село с рассветом вышло из тумана
21. У болота при дороженьке
22. В темной роще густой
23. Здравствуй, мать, прими письмо от сына
24. Здравствуй, мать, привет тебе от дочки
25. Зима суровая настала
26. Помни час короткого привала
27. Мальчишку встретили в Луганске
28. Здравствуй, милая Маруся
29. Дорогуша, мне скучно сегодня
30. Старушка на фронт провожала сыночка
31. На Каспийском сером море

III

Сведения об исполнителях⁸⁵

Великолукская область, 1949 г.

- I. Деревня Ольховка Пустошкинского района
1. Колхозницы: Жгун Мария Егоровна 67 л. (запевала), Киселева Марья Лукинична 55 л., Амалюшина Софья Амосовна 66 л. Поют вместе с молодых лет. Пели № 1, 2 и 5.
2. Киселева Марья Васильевна 68 л. Пела № 3.
3. Хор колхозниц из 6 человек (запевала М. В. Киселева) — № 4.
4. Хор девушек 16—19 лет. Пели № 27, 28 и 29.
5. Хор девочек-школьниц 9—10 лет. Пели № 30.

⁸⁵ ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1, л. 35.

II. Город Опочка
Шабашова Полина Ивановна 26 лет, бывшая партизанка-разведчица Калининского фронта. Пела № 18, 20, 21, 22.

III. Село Урицкое Пореченского района
Колхозницы:
1. Мартынова Катя 15 л. с матерью Мартыновой В. А. 42 л. Пели № 19.
2. Мартынова Анна 21 г. с сестрой Катей пели № 23, 24.
3. Толписова Ксения 44 г., Мартынова В. А. 42 г., Калинина Татьяна. Пели № 8, 9, 10, 11.

IV. Город Великие Луки
Киселева Татьяна Борисовна 28 л., бывший командир женского партизанского отряда Белорусского фронта. Пела № 25 и 26.

V. Деревня Ильино-Выселок Занепреченского сельсовета Пеновского района. Колхоз «Волга»

Колхозницы: Котова Марфа Сергеевна (запевала) 46 л., Крылова М. Я. 44 г., Гоголева А. Д. 40 л., Ильиногорская А. С. 41 г. — все из деревни Выползово-Покровское. Пели № 6, 7.

Ленинградская область, 1951 г.

VI. Город Бокситогорск Тихвинского района
Бригада прачек Алюминстроя (5 человек). Запевалы: Гожуро Марья Петровна 36 лет и Рыжик Лукерья Яковлевна 45 лет. Пели № 12 и 14. № 13 пела М. Гожуро с дочкой 10 л.

VII. Эн-ский полк Гвардейской краснознаменной дивизии, возвратившейся с фронта в Ленинград весной 1945 г. Записи произведены в сентябре 1945 г., в лагерях.

Песня № 15 записана от сержанта Павличенко, № 16 от мл. сержанта Кочетова. Эту песню «пели, когда возвращались в Ленинград своим ходом». Обе песни сложены в полку. № 17 записана от курсанта Артиллерийских курсов ЛВО И. И. Стрежнева 22 лет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

СВЕДЕНИЯ О ЗАПИСЯХ ЭКСПЕДИЦИИ 1949 г.

Коллекция 226, 1949 г. Собиратели: Магид — Котикова

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
Великолукская область, Пустошкинский район, Лайкинский сельсовет, деревня Ольховка, 12.07.1949		
ФВ 5698.01	Соловей, мой, соловей, дробная пташка, ой, да чево раненька во садок прилетал?	Лирическая «долевая» песня.
ФВ 5698.02	Бежал Ваня даро... ой, дарожкой, дарожкой Ваня широкой	Лирическая «долевая» песня

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
ФВ 5699.01	Что ж ты, Машенька, приуныла, не слышать твоих речей	Лирическая «долевая» песня
ФВ 5700.01	Ой, да не в моего ли дружка любезного, в любезнова, зелен садичек, зелен садичек, ой, под окном. Ой!	Лирическая протяжная «долевая» песня
ФВ 5700.02	Ой, ты кудряш, ты кудряш, да кудрявая голова, кудрявая голова, да не ходи вымо сада	Свадебная (свадебная) плясовая песня
ФВ 5700.03	Солнце низенько, вечер близенько, выйди на улицу, мое серденько	Украинская лирическая песня
ФВ 5701.01	Ай, да распредмилые мои подру... ай, вы-то подружки, вы ж-то голубушки, ох, вы мои. Ой!	Лирическая «долевая» песня
ФВ 5701.02	Ты верба, ой, ты верба, верба беленькая, верба беленькая, ой, курчавастенькая	Лирическая «долевая» песня.
ФВ 5701.03	Чернобровка, черноглазочка моя	Свадебная плясовая песня
ФВ 5702.01	Здравствуй, милая Маруся	Лирическая песня ВОВ
ФВ 5702.02	Дорогуша	То же
ФВ 5702.03	Старушка	То же
ФВ 5703.01	Ой, туманы мои, растуманы	То же
ФВ 5703.02	До свиданья, мама	То же
ФВ 5703.03	На Каспийском сером море	То же
Великолукская область, Опочецкий район, Лоскутовский сельсовет, деревня Исáки, 15.07.1949		
ФВ 5704.01	Ой, над рякой стояла калина, и-ой, по другой стороне малина.	Лирическая протяжная песня
ФВ 5704.02	Ой, полно солнышко, по-за лесищем ходить, и полно красному в саду яблоньку сушить.	Лирическая протяжная песня
ФВ 5704.03	Ой, раскройте, раскопайте, папину могилочку, заройте, закопайте, меня сиротиночку	Припевки в сопровождении полубаяна
ФВ 5705.01	Мой милый тракторист, я ему велела: запаши мою любовь, чтоб сердце не болело	То же
ФВ 5705.02	Я девчоночка брожу, что мертвая букашечка. Меня сушила-сокрушила белая рубашечка	То же

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
Великолукская область, город Опочка, 16.07.1949		
ФВ 5706.01	Пою, пою я песенки, пою я хорошо. Люди думают – с веселья, в мяня горюшко большо.	Припевки в сопровождении гармошки-однорядки
ФВ 5706.02	Не запить мне свово горюшка ни пивом, ни вином. Не забыть мне своей кровушки ни летом, ни зимой	«Долевые припевки» в сопровождении гармошки-однорядки
ФВ 5706.03	Я ишёл деревней вашей, там родняша сени пáша. Паша сени и крыльцы, чтоб ходили молодцы	Плясовые припевки в сопровождении гармошки-однорядки
ФВ 5706.04	Лады и басы однорядки	
ФВ 5707.01	Частушки	Припевки в сопровождении гармошки-однорядки
ФВ 5707.02	Плясовые припевки	То же
Великолукская область, город Опочка, 16.07.1949		
ФВ 5708.01	Село с рассветом вышло из тумана. Песня о Зое Космодемьянской	Лирическая авторская партизанская песня
ФВ 5708.02	В темной роще густой	То же
ФВ 5708.03	Письмо матери	То же
ФВ 5709.01	Этот случай был недавно	То же
ФВ 5709.02	Поздно вечером	То же
ФВ 5709.03	Ивашка	То же
Великолукская область, Пореченский район, Урицкий сельсовет, село Урицкое (бывш. Витебская губ.), 21.07.1949		
ФВ 5710.01	А мы масленицу дожидали, дажидали, лёли, дожидали. У окошечка поглядали, поглядали, лёли, поглядали	Масленичная («маслянская») песня. Продолжительным голосом нужно петь масляные песни. Пели на улице. Круто — частушки, веселые песни.
ФВ 5710.02	Ой, как на нашей на нивке сядогня пожинки, ой, слава Богу!	Жнивная («пожинальная, пожиночная») песня.

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
ФВ 5710.03	Над рякой там стоять люди талокой. Тылокой... Они стоеча ой, говорить.	Толочная («талочная») песня
ФВ 5710.04	Как Иван да Марья, как Иван да Марья, на горы Купальё, на горы Купальё	Иваньская обрядовая песня
ФВ 5711.01	Наша поля крúгла, наша поля крúгла на чатыре úла, на чатыри úгла	Иваньская обрядовая песня
ФВ 5711.02	Дорогая моя сястрица лябёдушка, зачачи мою буйную головушку дуже гладёшенько. Заплати мою русую косыньку кряпёшенько	Сольное свадебное голошение при-читание. Невесте чешут голову
ФВ 5711.03	Пресвятой Кузьма-Демьян, скуй нам свадебку, лё-лё-лё	Свадебная опе-вальная песня. Хлопают двумя пирогами друг о друга.
ФВ 5712.01	Уж и чьи это комоны рано в луг попу-щены	Свадебная опевальная песня
ФВ 5712.02	Стелется да вьётся, стелется да вьётся по лугам трава шелковáя, по лугам трава шелковáя	Свадебная величальная песня
ФВ 5712.03	Коло саду, коло саду, коло вишенья. То-то люли, то-то люли, коло вишенья	Свадебная величальная песня
ФВ 5712.04	Березничек листоватый, березничек листоватый, лёли, лёли, листоватый	Свадебная величальная песня
ФВ 5713.01	Куковала кукушечка в шыр-бор летая... (чи), в шер бор летаячи, к сосоню при-падае... (чи)	Свадебная опевальная песня. «Плакальная песня, когда наде-ляют невесту».
ФВ 5713.02	Ти ня то, хрёстный батюшка, Василий Иванович, на большом мести сидит – в переду под иконами	Свадебная опевальная песня
ФВ 5713.03	Бог по пути, Бог по пути, только злой не мути, Бог по пути	Свадебная опевальная песня. Поют, когда уез-жают под венец.
ФВ 5713.04	Уж и чьи это комоны рано в луг попу-щены	Свадебная опевальная песня
ФВ 5714.01	А кто в нас хороший, а кто в нас приго-жий, лёшиньки-лёли, лёшиньки-лёли	Свадебная величальная песня
ФВ 5714.02	Под лесом, лесом, под лесом-лесом жито колосисто, жито колосисто.	Хороводная песня

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
ФВ 5714.03	Зеленая роща всю ночь шумела, ай, бай-говори, головка, всю ночь шумела	Плясовая песня
ФВ 5715.01	Село с рассветом вышло из тумана	Лирическая песня ВОВ
ФВ 5715.02	Над рекой над быстрой бела лава лежит, над рекой над быстрой бела лава лежит	Свадебная опевальная песня
ФВ 5716.01	Гибель летчика	Лирическая песня ВОВ
ФВ 5716.02	Письмо к матери	Лирическая песня ВОВ
г. Великие Луки, 24.07.1949		
ФВ 5716.03	Мальчишку встретили в Луганске	Лирическая авторская песня Гражданской войны
ФВ 5717.01	Помню день короткого привала	То же
ФВ 5717.02	Куковала кукушечка во саду, прикинувши голову, ой, ко листу	Свадебная опевальная песня
Великолукская область, Пеновский район, Занеprеченский сельсовет, деревня Ильино-Выселок, 25.07.1949		
ФВ 5717.03	Катюша. Расцвели яблони и груши	Лирическая авторская песня ВОВ
ФВ 5718.01	Ой, размосковская ли славная дорожка, да дорожка Московская, да ой, Московская ли в поле, да в поле пролегла	Лирическая протяжная песня баллада. От отца слышала.
ФВ 5718.02	Сегодня у нас день да, ох, воскресения, а милый ко мне не пришел	Лирическая песня
ФВ 5719.01	Из-за леса, из-за гор да вышла ротушка солдат: эй, эй, любя да люли, идет ротушка солдат	Солдатская строевая песня
ФВ 5719.02	Тихо вы, бояре, да справляйтесь, тихо вы, бояре, суряжайтесь	Свадебная величальная песня
ФВ 5720.01	Бором, бором, борочком увита дорожка колечком, увита дорожка колечком	Свадебная величальная песня
ФВ 5720.02	Слалася, расстилалася, слалася, расстилалася зеленая трава по лугами, зеленая трава по лугами	Свадебная величальная песня
ФВ 5721.01 Валик разбит	По ельничку, по березничку, ай люли, по березничку	Свадебная величальная песня

Арх. шифр	Первые слова	Жанр
ФВ 5721.02 Валик разбит	Вылетал соловей из зеленого сада, ой, калина моя, ой, малина моя	Свадебная величальная песня
ФВ 5721.03 Валик разбит	Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?	Свадебная величальная песня
ФВ 5722.01	Ягодка Зинаида-душа, ягодка да Васильевна	Свадебная величальная песня
ФВ 5722.02	Кто у нас в горенке холостой неженат, кто у нас во горенки холостой неженат?	Свадебная величальная песня
ФВ 5722.03	У голуба, у голуба золотая голова, у голубки, у голубки шейка ряженная	Свадебная величальная песня
ФВ 5723.01	Ты река ли моя, реченька, ты река ли Волга быстрая	Свадебная опевальная песня
ФВ 5723.02	Благословлялась Зинаида-душа, благо- словлялась Васильевна	Свадебная опевальная песня
ФВ 5723.03	И что было – прошло и не стало, жизнь прошла, обошла стороной, и осталась одна лишь гитара поздно вечером пла- кать со мной	Лирическая автор- ская песня. Сочинила М. С. Котова на гибель своей дочери, расстре- лянной немцами

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н. Л. Котикова. 1940-е гг. Экспозиция Народного музея «А музы не молчали». Санкт-Петербург.
2. С. Д. Магид. Опубл.: Voices from the shtetl: The Past and Present of the Yiddish Language in Russia. NWO Russian-Dutch Research Cooperation, 1999—2002. Project nr. 047-007-012. С. 1 (29).
3. С. Д. Магид в хранилище Фонограммархива. 1940-е гг. Фотоархив Отдела фольклора Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
4. Ф. А. Рубцов. 1946 г. Рукописный фонд Фонограммархива ИРЛИ. Коллекция Н. Л. Котиковой. Фотоархив.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР — высшее научное учреждение СССР

Архив ОФ ИРЛИ — Архив Отдела фольклора ИРЛИ (Планы, отчеты, переписка, документы по Фонограммархиву).

ГИИИ — Государственный институт истории искусств

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

МФ — магнитофонная пленка
МУЗО — музыкальный отдел ГИИИ
ОР РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
(Отдел поступлений. Ф. 1000. 1978.9: Личный архив С. Д. Магид)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН
(Пушкинский Дом)
ФА ИРЛИ — Фонограммархив ИРЛИ (Фонографический фонд)
ФА ИРЛИ, РФ — Фонограммархив ИРЛИ (Рукописный фонд)
ФВ — фонографический валик (цилиндр)

* * *

Аннотация: Публикация, подготовленная Е. Якубовской, имеет целью введение в научный оборот полевых записей традиционного фольклора пушкинских мест Псковской области по материалам экспедиции Фонограммархива Отдела (Сектора) фольклора Пушкинского Дома. Поездка состоялась летом 1949 г. В том же году участница экспедиции С. Д. Магид включила часть собранных записей в сборник «Песни Великолукской области», который по ряду причин стал достоянием архива. Записи, произведенные с помощью фонографа на восковые цилиндры, принадлежат к особо важным для истории науки и культуры Историческим коллекциям Фонограммархива ИРЛИ (включены в Мировой Реестр программы Памяти Мира ЮНЕСКО). Публикация снабжена комментариями и дополнительными материалами, новыми архивными изысканиями, касающимися истории создания рукописи в связи с научной биографией ее автора.

Ключевые слова: псковский фольклор, фонографические записи, С. Д. Магид, Фонограммархив Пушкинского Дома

Abstract: The goal of the project is to prepare for the publication the newly discovered manuscript of the collection «Songs of the Velikie Luki region», created in 1949 by S. D. Magid, the employee of the Phonogrammarchiv of the Department of folklore of the Pushkin House. The collection is based on the expeditions of 1949. Velikie Luki region belongs to Pushkin's places in the Pskov region. The records now belong to the Historic Collections of the Phonogrammarchiv of the Pushkin House (they are included in the World Register of the UNESCO World Memory Program) and are especially important for the history of science and culture; they were produced with the help of a phonograph on wax cylinders. The publication is supplied with commentary and additional materials, new archival researches concerning the history of the manuscript creation in connection with the scientific biography of its author.

Keywords: Pskov folklore, phonographic records, S. D. Magid, Phonogrammarchiv of Pushkin House

М. Н. ВЛАСОВА

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ВЕЛИЖСКОГО И РУДНЯНСКОГО РАЙОНОВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ; ТРОИЦКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

(ПО ЗАПИСЯМ 1978, 1982—1985 ГГ.)

Несказочная проза

Успешная экспедиционная деятельность последней четверти XX в., в первую очередь — осуществленная Е. Н. Разумовской и работавшими бок о бок с нею учениками и соратниками, заполнила многие лакуны в изучении музыкального фольклора и этнографии русско-белорусского пограничья. Однако систематическое описание сюжетного и мотивного фонда прозаического фольклора не могло стать для этномузыковедов приоритетными.

Выдающиеся собиратели, исследователи XIX — начала XX вв. — Н. Я. Никифоровский, В. Н. Добровольский — также не ставили перед собой задачи поступенчатой, подробной и полной фиксации прозаического фольклора деревень, входивших в столь сложную в историко-культурном отношении агломерацию как «Витебская Белоруссия» (Н. Я. Никифоровский) или «Смоленский край» (В. Н. Добровольский).

Полагая, что достаточная основа¹ доказательного исследования, которое позволило бы выявить особенности и динамику развития рассматриваемых традиций отсутствует, ограничусь со-

¹ Здесь мы имеем в виду отсутствие Указателей сюжетов и мотивов либо комментированных сборников произведений несказочной прозы, явившихся результатом «сплошного», проводившегося из года в год обследования конкретных районов.

поставлениями типологического характера,² дополнив их фольклорно-этнографическими материалами, собранными на протяжении четырех-пяти лет в двух районах Смоленской области, в деревне Шумилово Велижского района и селе Понизовье Руднянского района.

В подборку текстов, помещенных в конце статьи, вошла преимущественно та категория несказочной прозы, которая в русской фольклористике обозначается как «былички и бывальщины» или «суеверные рассказы».³ Жанровые особенности быличек емко охарактеризованы В. Я. Проппом⁴ (в XIX — начале XX в. эту разновидность крестьянской прозы воспринимали как относительно «случайную» форму фиксации тех или иных верований).

На Смоленщине, как и в других районах России, былички сохраняются в живом бытовании вплоть до начала XXI в. Большая часть сюжетов публикуемых быличек имеет общерусское хождение. Местная специфика прослеживается в особенностях «реального» обрамления чудесных событий, которое является одной из отличительных черт жанра и, наряду с варьированием традиционного сюжета, дает простор для творческой интерпретации.

«Беглый срез» локальных традиций позволяет выявить ряд тематических групп, видимо, особенно здесь популярных: это повествования о том, как «водит» и морочит путников; о колдунах и лекарях; о посмертной участи человека. Ряд распространенных сюжетов записан в интерпретации одаренных рассказчиц — А. Ф. Гапеевой, А. А. Дроздовой, П. Л. Ершовой.⁵

Длительное, из года в год, общение с этими смоленскими крестьянками переросло «узкоспециальные» рамки собирательства, став неотъемлемой частью моего жизненного опыта.⁶ Самые светлые воспоминания связаны с глубоко интеллигентным (несмотря на неграмотность), вдумчивым, сострадательным человеком — Анисей Александровной Дроздовой. Красивая, живого и веселого нрава молодая женщина, счастливая в замужестве,

² Подробнее публикуемые тексты рассмотрены в комментариях к ним.

³ № 2—7, 11—14 публикации.

⁴ «Под быличками понимаются рассказы, действующими лицами которых выступают лешие, водяные, полевика, домовые, русалки, банники и т. д., то есть демонические существа, проявляющие на человеке свои сверхъестественные силы, добрые или злые. Мы предлагаем выделить былички — по признаку принадлежности их образов к дохристианской религии, не умершей к моменту исполнения рассказа, и по признаку веры в действительность передаваемых событий — в особый жанр». — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 46, 48.

⁵ № 2—4, 6—8, 11—13, 14 публикации.

⁶ О различных аспектах и значимости «личного опыта» собирателя см.: *Ромодин А. В.* Человек творящий: Музыкант в традиционной культуре. СПб., 2009. С. 4—6.

Илл. 1. А. Ф. Гапеева и Ф. С. Васильева
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1984 г.).

овдовела, когда ей было немногим за тридцать лет. Муж Анисьи Александровны погиб во время Великой Отечественной войны, по смутно дошедшим до нее слухам — был замучен в концлагере (облит ледяной водой на морозе). Рассказ про гадание о судьбе мужа краток, но предельно выразителен.

«Загадывала на хозяина с войны. Вижу: купёнок и купёнок (холмик. — *М. В.*), и всё.

А после гадалка говорит:

— Тетенька, ты не беспокойся про него. Он в глубоком-преглубоком месте и не придет. И не беспокой его».

Акулина Филипповна Гапеева, в противоположность сдержанно-печальной Анисье Александровне, — пребывала в непрерывных раздумьях, сомнениях, хлопотах («живем как горох при

дороге»). Во время войны деревня Шумилово долго находилась в полосе военных действий. Сельчане скитались, покинув дома и хозяйство. «Корову в войну за собой водила: куда мы, туда и корову, — вспоминала Акулина Филипповна. — Нас все переселяли. Думала, не переживу. Недалеко от Велижа отошли, и видно, как там бьются. Уходила — огород был запаханный, и прикопала картошку, я же ее не взяла. Меня отселили, а картошку военные взяли. Ой, мы натерпелись: придем куда — картошку едят. Ничего не надо, нам бы картошки». Перемогая беды, Акулина Филипповна «страстно и пристрастно» оценивала события личной и общественной жизни, находя в них глубокий, необыденный смысл. Эти черты ее личности отразились в творчестве; в напряженности и яркой образности ее повествований.

«Не спавши на небе видела. Это ж кабы знать, какого числа — только первую мобилизацию мы отправили.

Это был туман сильный, соединивши с землей, а на восход зарево. Туман стал подниматься, и образовалась дорога. А на той дороге правители как на крыльчке сходят.

И образовался Гитлер этот... Я его не видела еще тогда, после в Велиже увидела в газете. Тогда он махнул правой рукой, и войска подвинулись. Машины как копы бегли, потом мотоциклисты пошли.

Я к соседке побегла.

— Вставай, — говорю, — чтой-то делается на небе!

Она то ли увидела, то ли нет, глянула — и враз закричала. Прощай войска, и они исчезли, и закрылась дорога.

И под восход вышли трое — Хрущов, Маленков и еще ктой-то белый. И за этим исчезло все...»

Троицкая обрядность

На протяжении нескольких лет (1982—1985 гг.), в д. Шумилово Велижского района Смоленской области, — благодаря заинтересованному, творческому участию Акулины Филипповны Гапеевой, Федосьи Сидоровны Васильевой и других местных жительниц⁷ — мне удавалось фиксировать троицкий обряд «венчания коров».

Это действие, являющее собой «локальный вариант общеславянской скотоводческой обрядности»⁸ привлекло пристальное

⁷ Из года в год деятельное участие в «венчании коров» принимали Ф. Андреева (год рождения не зафиксирован); М. С. Гапеева (1905 г. р.), В. М. Андреева (1910 г. р.).

⁸ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда (По материалам русско-белорусского пограничья) // Северобелорусский

Илл. 2. Троицкое «венчание» коров в поле
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1982 г.).

внимание фольклористов в последней четверти XX в., когда обряд находился на грани исчезновения. Сведения о нем собирались фрагментарно, в разных районах Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской областей. Научная добросовестность, думается, все же не позволяет делать на основе имеющегося материала некоторые обобщающие выводы глобального звучания, по крайней мере — о бытовании обряда «автономными зонами», хотя нельзя не согласиться с тем, что он существовал, по-видимому, «в многообразии локальных вариантов».⁹

По моим наблюдениям начала 80-х годов XX в., «венчание коров» в живом бытовании имело довольно расплывчатые формы, напоминающая варьирующий обычай, а не отчетливо структу-

сборник: Обряды, песни, наигрыши, плачи, ворожба. СПб., 2012. С. 65—66. В данной статье (С. 66) содержится библиография по исследуемой теме. В ней не упомянуты, к сожалению, комментированные материалы из Холмского района Новгородской области (см.: Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. Пословицы и поговорки. Загадки, Детский фольклор. Эсхатология / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006. С. 193—194, 437—438), смежного с Андреапольским районом Тверской области, где «венчание коров» было зафиксировано Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Лаврентьевой.

⁹ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 66.

Илл. 3. Семья Васильевых «венчает» корову
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1982 г.).

рированный ритуал.¹⁰ В немалой степени этому способствовало падение «института пастушества», сопутствующее исчезновению одной из центральных фигур реконструируемого действия — пастуха-профессионала, обладающего особыми знаниями и статусом. В Шумилове коров давно пасли «в очередь»; в роли пастуха мог оказаться любой из сельчан, вивший либо не вивший венки для коров по своему усмотрению. «Кто в поле — тот и вьет».

¹⁰ Его основные составляющие (в интерпретации В. В. Виноградова): «1. Подготовка венков пастухами. 2. Передача венка пастухом хозяйке. Обрядовые действия с венком. 3. Хранение и дальнейшее использование коровьего венка». — *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67.

Ключевой фигурой венчания становилась, таким образом, хозяйка коровы — приверженная либо не приверженная традиции; обряд перемещался в сферу домашней, семейной жизни.¹¹

Для Акулины Филипповны Гапеевой, трепетно относившейся к соблюдению традиций и венчавшей корову дома вне зависимости от того, будет ли она «увенчана» пастухом, изготовление венка было почти священнодействием, одной из кульминаций праздничного Духова дня. Тщательно — с утра пораньше («до Духа никакой веночек вить нельзя») она отбирала ветви: «хорошо ясень, березка, черемшина, лозинка белая, осинка, каждого дерева лиственных, кроме яблони. Что плодится — нельзя». Непременный компонент венка — черемуха (черемуха), обладающая целебными свойствами и ввиваемая «от болезни».

Изготовление венка из ветвей различных деревьев и кустарников — отличительная черта традиции деревни Шумилово и соседней с ней Будницы, где использовались липа, клен, береза, черемуха, смородина.¹² Такое же разнообразие отмечено в Жарковском районе Тверской области.¹³ Прочие традиции «демонстрируют единство в выборе материала для венка — ветви березы»,¹⁴ однако, как очевидно, упоминания о разнообразии состава венка в Велижском районе устойчивы. Эта локальная тра-

¹¹ Упоминания о том, что корову венчал владелец животного, не единичны: «Коровам совьешь на рог и гонишь» (*Духовщ.*). «Венки завивал на роги хозяин, чтоб не болели» (*Кардым.*). Веночек завивают в поле хозяева (*Смолен.*). «Иногда сами вили» (*Велиж.*). — Смоленский музыкально-этнографический сборник (далее — СМЭС). Т. 1. Календарные обряды и песни. М., 2003. С. 331—332.

¹² СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 332.

¹³ По сведениям из Жарковского района (*Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67) черемуха для венка «запретна», что в корне противоречит представлениям о благотворности черемухи, распространенным и в д. Шумилово, и в с. Понизовье.

¹⁴ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67. Приводимый В. В. Виноградовым перечень дополняет традиция Холмского района Новгородской области, с тем уточнением, что в д. Пономарёво Холмского района материалом для венка могли служить не ветви березы, а «желтенькие цветы». — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 437. Отмечу также: в четырех из восьми записей, сделанных в Смоленской области (Кардымовский, Демидовский, Велижский районы), состав венка не указан. В двух записях из Духовщинского и Смоленского районов упомянуты березовые ветви; еще в одной записи из Велижского района имеется сноска на «цветы». — СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332. Столь разнородные и неполные сведения, особенно с учетом противоречивых записей из Велижского района, едва ли могут стать основой доказательных обобщений.

диция имела некий ареал распространения, определить границы которого сейчас не представляется возможным.

Особо значимы перечень и характеристики растений, используемых жителями Шумилова для изготовления венка: клен, береза, липа (М. С. Гапеева); любое из лиственных деревьев, особенно клен, черемуха,¹⁵ за исключением ольхи и осины (Ф. Андреева, Ф. С. Васильева) либо ольхи и рябины (М. С. Гапеева). Из кустарников упоминается смородина (М. С. Гапеева). Отношение к рябине и осине варьируется в пределах одной деревни. Ср.: «Рябину можно» (Ф. Андреева); «У нас один дед старый давным-давно удавился на рябине. Я едва помню. С тех пор не носим» (М. С. Гапеева).

Трудно сказать, является ли такое объяснение локальным либо к рябине отнесена распространенная легенда о проклятой осине, на которой удавился Иуда.¹⁶

Рябина, как и осина, — особо отмеченное, двойственно воспринимаемое дерево в поверьях ряда регионов России. Ср.: «Из деревьев Сатана произвел рябину, осину, подсолнечник и табак. На плодах рябины... Бог заметил что-то вроде крестов, да и лист рябины похож на крест (лапчатый), а потому отобрал это дерево у Сатаны».¹⁷ В с. Понизовье Руднянского района рябину (наряду с калиной, малиной, березкой, лозиной, крушиной) ввивали в троицкий венок, изготавливаемый для людей.¹⁸ Осину «не ломали» («горькая осина, проклянутое дерево»), хотя уточняли: осина наделена целебными свойствами — «лекарственная» (Х. П. Мартынова).

Не имея возможности останавливаться на этом подробно, подчеркну: шумиловский троицкий венок не только разнообразен по составу, но (в первую очередь — благодаря различию

¹⁵ Черемуху и клен относили к «майской», вносимой в хлев «для хо-рошего» зелени и в с. Понизовье Руднянского района Смоленской области (Х. П. Мартынова, 1906 г. р.). Целительные свойства черемухи отмечены в записи середины XIX в.: отправляясь в церковь в Духов день, помимо трав (полыни, аира и др. — М. В.) брали с собой ветви черемухи и березы, освящали и «употребляли в болезнях». — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния / Сост. М. Цебриков. СПб., 1862. С. 280.

¹⁶ Версия этой легенды бытовала в Витебской губернии: Иуда «ны осини ни задавився, а ны олешину кров пускав», поэтому у осины — горький вкус, а у сырой ольховой древесины — кровавый цвет. — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897. С. 130.

¹⁷ Новг., Череп., АРЭМ. № 679, л. 2—3.

¹⁸ «В бане большой венок вешали. Березки, рябина, где какое собирали. Помыешься, пролазишь, — кто три раза, кто раз» (Х. П. Мартынова).

Илл. 4. Троицкий венок на стене хлева
(Велижский район Смоленской области, 1980 г.).

практических и символических свойств используемых растений) полифункционален¹⁹ и, главное, красив. «Для красоты — дуб кучерявый, клянина — лист широкий. Клянина хорошо, дуб, ясень» (А. Ф. Гапеева). Плетение не исключительно утилитарного, красивого «венка-венца» подразумевало творческий, индивидуальный подход.

Венки в Шумилове плели для каждой коровы, телки и, кроме того, — «про запас», чтобы повесить на хлев, если «увенчанное» животное свой венок растреплет.

На протяжении нескольких лет я наблюдала разные варианты «венчания коров»: хозяйкой — во дворе; сельчанами, пасущими «в очередь» — в поле. Исполнение этого ключевого для местной традиции действия зависело исключительно от норова коровы, спокойной и ласковой; «смелой» (не боязливой) либо пугливой и недоверчивой. «Которая коровка смелая — на рога настелю и идет домой с венком. Одной ли, двум — которые сме-

¹⁹ Ср.: в венок вплетали ветви дуба, «чтобы рога были крепкие» (Польское Поморье). — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 463. Деревья различных пород исцеляют болезни, оздоравливают питьевую воду, предсказывают будущее, помогают в хозяйстве. — *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С. 61.

лые» (Ф. Андреева). «Которую корову поймашь — наденешь» (Ф. С. Васильева). «Рукастым» (бодучим) коровам венки «прививали к рогам» (А. Ф. Гапеева). Соответственно, венки «стелили», «надевали», «прививали».

Ср. также небесспорное разделение венков и «заплетенных на рогах» ветвей: венки надевались на животное и «представляли некую ценность», использовались для магических действий; ветви лишь «украшали» коров.²⁰

Неполнота этнографических материалов не дает оснований для отчетливого разграничения надевания венка на рога либо шею животного и завивания венка на рогах коровы: детальные описания «завивания» («заплетания») отсутствуют. Некоторые формулировки (венки надевают, смиренным коровам — заплетают на рогах — *Нелид.*; венки заплетают на рогах — *Андреаполь.*; «венчают вокруг рог» — *Холм.*; венки «прививают к рогам» — *Велиж.*) указывают, по-видимому, не на особый вид венчания, а на способ укрепления венка на рогах животного.

Согласно наиболее определенным сведениям из Холмского района Новгородской области, «кругом рог обвивали березинку» — эквивалент полифункционального «венка-венца». Само название «венчание», как и сопоставление венка с венцом устойчиво в соседствующих районах Тверской, Псковской и Новгородской областей — Куньинском, Нелидовском,²¹ Холмском. «На Троицу вили веночки — так и коровушке надо венец»; «Коров в полях венчают. Которая к хлебу подойдет — оденут».²²

Однако «терминологические нюансы» не затрагивают сути действия — охранительного, продуцирующего, приобщающего к силам весенне-летнего расцвета универсума.²³ «Венок — для отгона, чтобы волки к скотине не подходили» (Ф. Андреева). Венок — «для скота» (для благополучия скота — *М. В.*), и так «ведется от потопа» (Ф. С. Васильева).

Если венки плелись в поле, то, «увенчав» несколько коров, некоторую их часть разносили по дворам одновременно с возвращением стада. «В прошлый год я села, повила, тогда всем раз-

²⁰ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 68—69.

²¹ Там же. С. 69, 70.

²² Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193—194, 437.

²³ Троицкий венок «содержит и задерживает в себе растительную силу земли». — *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963. С. 130. На «широкий спектр значений» обряда «венчания коров», в том числе — «соотносимых с обережной функций венка и функцией самого круга» указывает Т. А. Агапкина. — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. С. 464.

несла» (Ф. Андреева). Изготовителя венка одаривали. «Яички несколько давали, парочку. Блины обязательно» (Ф. С. Васильева). «На Духа» яйца красили «черемухой, березкой, крапивой» — в желтый, а не красный цвет. По воспоминаниям, некогда также одаривали «пастуха-профессионала», однако в бытующей местной традиции процедура передачи венка не занимала центрального места и была куда менее значима, нежели само «венчание». ²⁴

Венок, свитый дома либо принесенный, «ставили в кут (красный угол — М. В.) на три-четыре дня» (Ф. С. Васильева). Такое обыкновение в Шумилове было практически повсеместным и приумножало, по-видимому, заключенные в венок силы, его сакральность. Ср. упоминание о «святости» венка — (Жарк.). ²⁵

Затем венок вешали на хлев (А. Ф. Гапеева, Ф. С. Васильева) либо клали на крышу хлева (Ф. Андреева). Спустя год венок заменяли, точнее — дополняли новым, поскольку каждый очередной венок должен был находиться во дворе до трех лет: «висит три года» (А. Ф. Гапеева, Ф. С. Васильева). ²⁶

Постоянное пребывание венка во дворе, на стене хлева — залог благополучия домашней скотины, что с несомненностью подчеркивает его основное назначение — «для скота». Согласно свидетельству из Демидовского района Смоленской губернии — венок в хлеву вешают, «чтобы скот велся, усё такое». ²⁷ Венок не терял значимости, не «оставался без особого внимания», даже если с ним не производили дальнейших магических действий.

²⁴ Обряд «венчания», где ключевой фигурой является пастух, а способы передачи венка и последующие действия с ним «составляют главную специфику локальных вариантов» реконструирован В. В. Виноградовым. — *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 69—71.

²⁵ Там же. С. 73.

²⁶ Отслуживший венок снимали («который на крыше — сам сгниет» — Ф. Андреева) и выбрасывали «куда хошь» (А. Ф. Гапеева) либо «бросали в хлев», с тем уточнением, что на протяжении трех лет снятый венок должен был так или иначе находиться во дворе (Ф. С. Васильева, А. Ф. Гапеева). Противоречивость суждений о последующей судьбе венка в других локальных традициях, вплоть до того, что ему «не придавали значения» (Олен., Духовщ., *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 72), думается, в первую очередь обусловлена неполнотой записей либо размытием традиции. Уничтожение венка, как и любого предмета, утратившего сакральность, но остающегося «чистым», традиционно регламентировалось. — *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. С. 68. Ср. подробные сведения из Холмского района: «Венок вешали на двор, а потом бросали в позем, а позем вывозили на полюсу». Варианты: венок сжигали; его съедала (трепала) «развенчанная» корова. — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 437.

²⁷ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 72.

Постулаты, согласно которым особое значение венку придают лишь последующие ритуальные действия (к примеру — доение сквозь венок), а время его хранения и способы уничтожения зависят, в свою очередь, от «ритуальной ценности»,²⁸ представляются достаточно спорными. Наиболее ценным, целебным в Шумилове мог считаться венок, всего лишь провисевший на стене хлева в течение трех лет (Ф. С. Васильева), т. е., напротив, «ритуальная ценность» венка определялась длительностью хранения.

В критических ситуациях венок использовали для лечения коров. «Бывают у животных стрелки (схватки) схватывают: венком труть, и они отпускают» (А. Ф. Гапеева).

«Моя корова, с поля шовши, раз бахнулась, и все! — повстует Акулина Филипповна Гапеева. — Она завалилась кверху ногам, глаза выгалила. Я прибегла:

Ой, рятунки! Помирает моя корова!

И была бабка. Венок уж неколи...

— Ломайте мне чаремшину!

Она с чаремшиной походила круг телки, наша телка стала и пришла, только как пьяная.

Это от сглазу.

Раз провела корову скрозь народ. Ничог не заметила... А в вечере: молоко ёсть, но молока она мне уже не дала.

Я к ей пришла.

— Сейчас, детка, помогу тебе!

Принясла венок, положила от порога на метр. Потом еще второй — на метр. На третьем стала на коленки, стала воду шептать.

— Видишь корову свою скрозь бутылку? Ее сглазили. Приди, помочи коровку и дай ей выпить.

Тая баба потом сгорела. Она дуже помогала!»

Венок мог служить и для исцеления людей (сквозь венок, провисевший на хлеве не менее трех лет, «протягивали» больного ребенка — Ф. С. Васильева), однако разделение венков («коровый» и / или «человеческий»), в зависимости от «функционального назначения»,²⁹ в местной традиции не прослеживается.³⁰

Не прослеживается, как отмечалось выше, и разграничение венков, сплетенных «для украшения» нескольких коров из стада, и венков, изготовленных для каждой коровы в отдельности;

²⁸ Там же. С. 71, 72.

²⁹ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 69.

³⁰ Согласно двум свидетельствам из других деревень Велижского района, протягиванием сквозь венок, подкуриванием его листьями лечили и людей, и животных. В единичной записи из этого же района он использовался «от грозы». — СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332.

«главного» (передаваемого из рук в руки») и «коровьего» (остающегося на животном) венка.

Сведения о подобном «удваивании венков» (термин, используемый В. В. Виноградовым), немногочисленны и в основном ограничивают от прочих тот веночек, который плели специально «на подойник».

Помимо Демидовского района Смоленской области,³¹ это обыкновение отчетливо зафиксировано в Холмском районе Новгородской области. «Коров венчали кругом рог, и на подойники делали венки»; «На эти дни крепче коров обязательно венчали (корова ходила в венке «денечка три». — *М. В.*). Я в полях, если мой черед пасти, должна веночек сплести, а хозяйки на ворота повесят, чтоб доить через веночек. <...> Подоит хозяйка и повесит веночек на дверь, а корова растягает».³² Записи из соседнего Андреапольского района Тверской области соотносят количество венков (два) и ритуальное доение коровы сквозь веночек.³³ В единичном тексте из Велижского района Смоленской области засвидетельствовано: коров доят сквозь веночек «для молока и здоровья», но количество изготовлявшихся веночков не уточнено.³⁴

Венки, надетые в поле на «давшихся в руки» коров, в сущности «увенчивают» все стадо; в таком контексте их точное количество не принципиально. В пределах двора венками, в том числе — собственноручно свитыми дома, распоряжается по своему усмотрению хозяйка: возлагая либо не возлагая венки на животных, помещая либо не помещая венки, снятые с коров, в кут, но непременно вешая пролежавший в красном углу веночек на хлев.³⁵

Таким образом, важнейшие эпизоды местной традиции «венчания коров», сохранившейся в живом бытовании: изготовление веночков из ветвей деревьев и кустарников определенных пород; возложение венка на корову (в поле либо дома); возложение веночков на нескольких животных в стаде (эквивалент «венчания»

³¹ Там же. С. 331.

³² Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193—194, 437.

³³ *Шатовалова Г. Г.* Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 109; *Шатовалова Г. Г.* Традиционный фольклор сегодня (по материалам экспедиций в Калининскую и Костромскую области) // Современность и фольклор. М., 1977. С. 275.

³⁴ СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332.

³⁵ По обычаям Холмского района, на следующий день корову могли «развенчать». — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193. Приоритетная роль в этом действе, как и в ритуальном доении сквозь веночек, отводилась не пастуху, а хозяйке.

стада); пребывание венка в красном углу избы и последующее — во дворе.³⁶

По наблюдению В. В. Виноградова, в Жарковском районе Тверской области разнообразие состава троичного венка, свиваемого для коров, коррелирует с разнообразием троичной зелени («мая») — «на сопредельных территориях “май” представлен только березовыми ветками».³⁷ Такое же соотношение характерно для Шумилова: помимо березы, «маем» здесь считают клен, липу, смородину.

Разнообразие «мая» было отмечено на Смоленщине в середине XIX в.: «В субботу перед Духовым днем церкви и дома внутри и снаружи украшают “маем” — срубленными молодыми березками, кленам и липой».³⁸

Согласно записям последних лет, к «маю» относят ветви березы, рябины, калины, сирени, дуба, тополя, ясеня, клена, черемухи, липы.³⁹

К сожалению, сведения о «мае» в форме отдельных примеров из разных районов Смоленской области едва ли могут дать материал для сопоставления собственно троичной зелени и зелени, вплетаемой в венки. К примеру, сообщено, что в Руднянском районе «духовский веночек, сквозь который пролезали после бани «для здоровья», изготавливали из березовых ветвей».⁴⁰ Однако в селе Понизовье того же района такой веночек вили из калины, малины, лозины, крушины, а «маем» считали черемуху и клен (см. выше).

Местную «шумиловскую» традицию отличает особая форма внесения троичной зелени на кладбище: в духовскую субботу кресты на могилах родственников «увивают» (обвивают) ветвями цветущих растений, преимущественно — жасмина и сирени. «Увивание крестов» — с любовью и тщанием — предшествует поминальной трапезе на могиле, которую осеняют снежно-белые и сине-фиолетовые соцветья.

В немногочисленных записях из северо-западных районов Смоленской области, описывающих обычай «украшать “маем” могилы умерших родственников»⁴¹ параллели к «увиванию» отсутствуют. Ср.: «май» или «пучок мая» (конкретное растение не

³⁶ При отсутствии квалифицированных этнографических описаний, сделанных хотя бы в XIX – начале XX в., а не в период угасания местных традиций, построение некоего «инварианта обряда», его изначально заданной схемы проблематично.

³⁷ Виноградов В. В. Троичное «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67.

³⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния. С. 280.

³⁹ СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 334.

⁴⁰ Там же. С. 332.

⁴¹ Там же. С. 338.

Илл. 5. М. С. Гапеева «увивает» крест.
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1986 г.)

названо) втыкают («торкают») в могилу (*Рудн., Велиж.*); «обтаркивают» могилу березовыми ветвями (*Рудн.*); кладут на могилу ветви явора (*Краснин.*). В единичных сообщениях на могилу, наряду с березовыми, приносят кленовые ветки и «калину с цветом» (видимо, втыкая в землю) (*Рудн.*); «торкают» в землю цветы (*Велиж.*). Ближе всего к описываемому «увиванию креста» обыкновение «вешать май на крест» (к сожалению, уточнения, касающиеся самого «мая» и сопутствующих действий отсутствуют) (*Велиж.*).⁴²

Не затрагивая глубинных пластов значений этого обычая, отмечу, что его народные осмысления различны и зачастую обусловлены разностью производимых с «маем» действий. «Май» кладут или втыкают в изножье могилы; стегают им могилу либо обметают, то есть «пряют родителей» (могилу); «опахивают могилу»; «глаза опахивают» (*Витеб., Смол., Новг., Пск., Петерб.*).

Точка зрения, согласно которой перечисленные действия синонимичны и являются «ослабленной формой» обычая «прочистить глаза умершим», сопряженным с представлением об их «окказиональном зрении»,⁴³ кажется неадекватно однозначной.

⁴² Там же.

⁴³ *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. С. 397.

Обычай «парить родителей» можно трактовать как очистительный, «воскрешающий», приобщающий к кругообороту «жизнь — смерть — жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу». «Через чувствительное соприкосновение» сила растительности благотворно действует и на живых, и на мертвых.⁴⁴ Ср.: могилу хлещут ветвями крест накрест, приговаривая: «С легким паром, сегодня праздник у нас!»; «В Троицу ходили, березку ломали, парили родителей на могилках. Веник так и оставляли. Мы паримся, надо и родителей попарить, они тоже париться хотят. Кто положит березки [после, на могилу], кто поторнет» (*Холм.*).⁴⁵

Подобные трактовки — не инновация последней четверти XX в. и зафиксированы в фольклорно-этнографических материалах, начиная с середины XIX в.⁴⁶

Символом воссоздания, воскрешения жизни может стать и надмогильный крест — не просто украшенный троицкой зеленью, но «расцветший».

Духовская суббота в Шумилове — один из важнейших поминальных дней календарного цикла, объединявший всех жителей деревни, которые собирались на кладбище к двенадцати часам дня, дабы пропеть заупокойную молитву. Коллективный помин — устоявшаяся черта местной традиции. Ранее поминовение происходило под водительством священника: он приезжал «в субботу перед Духом» и, служа панихиду, «кругом родителей обходил» (Ф. Андреева).

Помин на «своих» могилах, следовавший за общей молитвой, включал «увивание крестов» и поминальную трапезу, разворачивавшуюся в торжественное действо. На могиле раскладывали скатерть, которая сберегалась особо,⁴⁷ — «накрывали стол», более или менее обильный в зависимости от устоев и достатка семьи, но непременно — с поминальной едой (кутьей, блинами, крашены-

⁴⁴ *Протт В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). С. 23, 57.

⁴⁵ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 192, 436.

⁴⁶ См.: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб, 1849. С. 88 (*Тул., Пск.*); АРГО. Р. 24, оп. 1, № 29, л. 14—15, *Пардалоцкий Ф.* Простонародный календарь или заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частью Боровичского // Новгородские губернские ведомости. 1854. № 7. С. 37—38 (*Новг.*). Ср. описание локального варианта обычая обметать либо «парить» могилы, сделанное в Витебской губернии. — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива ИРГО: В 3 вып. Пг., 1914. Вып. 1. С. 137. Об обычае «парить предков» см.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. Л., 1991. С. 357.

⁴⁷ Ср.: «Раскладывают старинные скатерти, с прошвами. Раскладывают помин. А берегут вакурат только для такого дня» (*Рудн.*) (Х. П. Мартынова).

Илл. 6. Помин на могиле в духовскую субботу
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1983 г.)

ми яйцами).⁴⁸ «Кутьи в кружке посолодишь и на доно [глиняной миски] нальешь. Наломашь лучиночки три и настелешь, чтобы блины не мочились. Блины, мякушку (булочку своейскую), яички поверх — вот и весь помин. С миской пойдешь на могилку» (М. С. Гапеева).

После полудня на кладбище, где постепенно собиралась родня из окрестных городков и сел, становилось многолюдно, шумно, чуть ли не весело; случались и драки. Поминование с элементами праздничного гуляния продолжалось до сумерек, однако не выходило за пределы кладбищенской ограды.

⁴⁸ Духовская суббота и в XIX в. относилась к тем «исключительным дням», когда нужно «поминать сродников» как позволяют средства и возможности». — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. С. 296. Все эти сведения вступают в противоречие с утверждением, согласно которому в духовскую субботу по всей Смоленщине на кладбище «не столь многолюдно, как на Радуницу», а поминование ограничивается украшением могил березовыми ветками и оставлением на них крашенных яиц. — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд, плачи и поминальные стихи. М., 2003. С. 116—117.

ТЕКСТЫ⁴⁹

Анисья Александровна Дроздова

1

Один раз я недалеко о двора зашла. И оказался мне город такей: дома, древа...

И куда ж я зашла! Я села в тростники и сижу спокойно...

А петуха мне матка дала. Петух мой поеть на руках. На этом месте здавалось у нас каждому.

Сидела я, сидела... Бежить собака соседская. Докуль бы я сидела, пока не отошло! Идеть Кулина с нашей деревни и кличь:

— Шарик!

А я сижу и боюсь выйти.

Такей город! Помру и не увижу ни разу!

А Шарик заходитя — деться негде! Стало отходить, светлей стало коло глазов: что это наша местность, Росляки.

Как стала одумываться, стала говорить Воскресну молитву. И отошло.

2

Черти водили. Мой дед был старшином в Кошавичах. Поехал он на кони с Кошавич.

Идётся кум Павлюк.

— Кум Михалко, возьми меня!

Пояс красный у него завязан, как старики ходили.

Поехали. Приехали к Селезням, конь заерошился. Дед на него:

— Что ты!

Да хлысь коня! Конь — раз, и в сажелку (в пруд)! А кум Павлюк захохотал и убежал.

Прибежали мужчины и коня вытянули.

3

А еще матка моя ехала с дедом. Приехали в Яновицы. Дед говорит:

— Там что-то купишь сабе!

А матка девкой была.

Подъезжам под Борки. А бани за деревней состроены. Подъезжаем: выскакивают с бани и берутся за повозку. Дед — раз по коню! Раз — по их!

⁴⁹ Тексты записаны в полевых тетрадах «от руки», без применения технических средств, поэтому сохранение исполнительской манеры рассказчиков и диалектной лексики может быть недостаточно полным.

— Это черти с бани. Как бы до деревни мне доехать!
Так в деревню и ввез их:
— Только держись за меня, девка! Ну, конь хороший у меня.
Как петухи пропели — они как сквозь донны прошли. А то бы
в деревню привез.
Ну, и приехали. Как населяются сзади, волокутся, и все.
Теперь черти в нас все!

4

Ведьмаки — это от Бога отринуты. Ведьмак — кто колдует и
делает вред.

А пользу дает — бабка. Она не только дает хорошо. Ребят об-
севают, как спужают: собирают три вещи семян и обсевают. Кинут
через голову ячмень, жита, мачку, хлебца троху. Посодят перед
Богом и сзади становятся. Какую-то молитву говорят.

5

Гадают так: чистенькая тарелочка, стакан воды ставишь и зер-
кало над ним:

— Кто мой милый-чернобровый, попроси у меня кольцо!
Одной — в какой-то шубе, шапке — так в зеркале и вышел.
— Чтобы я пошла за такого Михлюка!

А приехал он в сваты об масленице.

Или до половины метешь пол (не с куту), домятешь до порогу.
А потом отломи три веточки и положи под подушку:

— Кто мой милый-чернобровый, приди в зеленый сад гулять!

Я дружила с парнем. Он был бедный. Один раз на коляду за-
гадала на парня и вижу сон: он дошел до окнища (до провала в
болоте — *М. В.*) и воротился. И боле не видала. И на другую ко-
ляду загадала. Он пришел и говорит:

— Завернись, я буду кидать кольцо!

Я смеюсь:

— Я не вижу, куды!

И кинул, и всю траву выскребали и не нашли кольца. И не
зашла за него.

А другой вижу сон, про хозяина (про будущего мужа — *М. В.*):
идет парень из-за мха и все назад поглядает. Думаю, чего это он
назад поглядает, все равно не пойду за него! Но проснулась. Жди
его, черт кого!

И замуж зашла за него. А гадалка сказала:

— У тебя есь парень, но ты на него не надеешься. А другой
есь: окно в окно, стекло в стекло. Через мох (за болотом — *М. В.*).
И сейгод за него замуж зайдешь!

Хоть мы и не признаем Бога, но Бог все же есть. Загробная жизнь есь какая-то. Есь от-ки!

Вот я замуж зашла. Надо было к свекру овец вести. Матка, помню, чашку клала. Ложкой ток-ток о чашку! А я пришла, стою в дверях, как казак.

И идет по двору женщина. Как сегодня ето было! Собака — «гав» на нее! Она махнула рукой. Собака отвернулась. Она бярет закладку в пуне, отложила. Коня отвела рукой. Пошла в пуню и за собой подпираться.

— Анют, иди ись! — мне кричат.

— Нам некто в пуню зашел, — говорю.

— В чем она?

Я сказала.

— Это, — батька говорит, — моя матка. — У нас кто-нибудь помрет.

А после как обсыпало меня страхом! Собака бросила боркать, стоить и смотреть, куда она пошла. Мы тихонечко открываем, чтоб она не шаркнула оттуда. И — никого!

С этого батька заболел и помер.

Померла у нас дяденка. Родами. Открылся у ей младенец. Померла дяденка, а ребеночек остался маленький.

Моя матка неделю грудью кормила того, и своо. И дядька пошел на двор ввечере. Темно уже было. Только отхутал хату — захутал и назад пришел.

— Что ты вернулся назад?

— Я как отхутал хату, стоить тут жонка. Я ей ничог не сказал. К сыну приходила, и в той же одеже!

Справляли праздник у нас. И вот одна женщина... Все соседи ядуть и ядуть. Она все сидить. Надо ж кушать что-нибудь!

Тады меня шарнули бабы сбоку: она обмирала шесть дней.

Так она меня заинтересовала! И вот я поинтересовалась с ней посидеть.

— Останься ты у нас ночевать, — говорю.

Она и рассказала:

— Так водили, так водил... А я хотела дуже погляжеть дочку. Как мглой пронесло, как волосу перегореть! Всячину показывал. Приводяь меня ко рву, и как есь около огня сидить кум. И евню топить кум.

— Кума, ты ты пришла сюда?! Приткнись ко мне хоть одним перстом, я весь сгорел тут.

А мне говорят:

— Пойдем, ты не обязана дотрагиваться!

Мужчина водил.

Привел: ров большой-большой. А в том рву лежить развернутая кобыла.

Как он меня туда пихнул, я проснулась.

9

Здесь всегда был лес — звери, птицы, дубы, орехи... Когда копали торф, выкапывали дубы в три обхвата. И когда был тот лес, ни мой дед, ни прадед не помнят...

Было — стогнет все, была радость и молодым! Ныне все мертвые, и молодые и старые. Затямение. Беги с работы домов, чтобы жулик никакей не поймал.

Было: идем в праздник на реку все толпой. Дожидаешь, с какой деревни мальцы. Нынче глухь и темь.

Нечистый дух въевши, это ж антихристы!

Сейчас думают один одного как бы купить да и украсть. Господь сказал: «Приду на землю и навряд ли найду верного человека».

Придет такое время, что ни в одной семье не будет миру. Будут искать того человека, что о Боге скажет, и не найдут.

Все плохо: матки поедают детей (имеются в виду аборты — М. В.). Стены говорят, суды кривые, дороги прямые — стоим при дверях.

Акулина Филипповна Ганеева

10

Коров пас у нас дед Богомол, у него коровы веночком шли. Он верно что знал. Рожь, овес — корова никуда не пойдет, будет стоять.

Любил дуже скот, никогда не поругает.

Старик был сильно богомоленный. Что-то есь, но нам не надо знать... Ето волшебство сейчас далек уходит.

Она раз в сторону побегла, моя животина. Я и кричу:

— Чтоб тебя волки съели!

Дед Богомол меня подозвал:

— Ходи-ка сюда, молодлица. Ты не хозяйка! Ты что сказала? Свою животинку посулила волку! Коли уж невтерпеж, можешь сказать:

— Чтоб тебя не видели другие звери!

После иной раз стерванюсь, но кричу:
— Чтоб тебя волки уж не видели!
У Богомола ни одну корову не потрогают за год.

11

Моя корова, с поля шовши, раз бахнулась, и все! Она завалилась кверху ногам, глаза выгалила. Я прибегла:

Ой, рятунки! Помирает моя корова!

И была бабка. Венок уж неколи...

— Ломайте мне чаремшину!

Она с чаремшиной походила круг телки, наша телка стала и пришла, только как пьяная.

Это от сглазу.

Раз провела корову сквозь народ. Ничог не заметила... А в вечере: молоко ёсть, но молока она мне уже не дала.

Я к ей пришла.

— Сейчас, детка, помогу тебе!

Принясла венок, положила от порога на метр. Потом еще второй — на метр. На третьем стала на коленки, стала воду шептать.

— Видишь корову свою сквозь бутылку? Ее сглазили. Приди, помочи коровку и дай ей выпить.

Тая баба [потом] сгорела. Она дуже помогала! <...>

Опять что-то с коровой зробоилось... Ну, я побегла. За Мареницей женщина, она меня встречает:

— Идешь за помощью, вижу. Так и я помогаю!

Ну, я пошла до старушки в Панфилово, она мне разом и говорит:

— Кто ж хотел перенять мою водичку у тебя? Тебя женщина встретила!

А как же эта баба узнала?!

— Как идешь за помощью, — говорит, — ни с кем не останавливайся.

12

В Чеплях была старушка. Сын ее по банде ходил — Василек, а невестка яе выгнала (знаю, что было в Буднице сродство).

А эта баба пошла по миру — время притясения было шоптухам. Идешь она по миру, идешь она в милицию.

— Ты что, бабка, делаешь?

— Детки, побираюсь. Сына зловили, не знаю, где дели.

— Бабка, нельзя ходить!

— Детки, негда жить. Ти нельзя ходить, так мне жить негде.

— Ты, бабка, шептишь?

— Шептю.

А у начальника той поры жена болела, не вставала.

— Вылечишь — дам уголок в милиции, дам комнату.

— Бог будет лечить. Я буду просить, Бог будет лечить.

А женщина логом лежить. Старушка что сделала, она стала подниматься, просить есть. Начальник дал старушке при милиции уголок, и не противилась милиция, что ходили к ей.

Я видела: идти по Велижу прибравши. Нашивные рубахи и кофты были тады. Жила ена в милиции, покуль не померла.

С Чеплев была старуха. В нашем селе была ее племянница вышедши замуж. Я к ей ходила — завела меня в переулок, пошептала... Обратнo шла легко!

А сына зловили и куда-то дели, он не достався. Милиционерство это, гари оно гаром!

Сглазу бываеть, с упуду. Упуд может покоробить человека, что без рук, что без ног, что без глаз...

13

До шести недель душа неопределенная, душу не определили к земли, и она домов прилетает. Есь что-то невмирущее. До семи лет человек — младенец, а уж после — раб.

Помер младенец, и ен прилетает. Ен летить как птушка, как птушка летить душа. Как взрослый — душа идти. Во всем одянии идти душа, как человек живой.

В которой одёже душа умирает, в той домов и появляется до Сорокоуса.

У сестры мужик помер. Она стала готовится к году. Вызвала меня на гон. Она чугуи выгнала самогонки:

— Возьми, догонь, а я посплю.

А я пошла за снегом на двор. А ён стоить против окна и глядеть против угла. На угол оперся и глядеть в окошко. Я не боялась ничего.

После говорю:

— Ну, Марин, приходил.

— Ой, что же ты меня не разбудила!

— А, может, табе не показался бы ён.

Глазы вскинул, поглядел, поглядел. В той одежде, в которой со двору ехать.

Полина Ларионовна Ериова

14

Басни баят в святки. Мальцы ходят и девки. В Рожествян день начинают прясть: девки прядуть, и идут мальцы.

А нам все говорили:

— Не ходите в баню прять! Може малыцы ходят, а може хто!
Ходил один раз малец — рубашка красна, пояс зеленый.
Сидит коло прялицы и уж влюбился. (Две деревни, два села, во-
семь девок, один я... Не ходи по баням!) И подговорил девку за-
муж. А ён же не малец! Ён же не Колька! А хвост подолой!
А поди узнай, ти малец ён!

— Я тебя увезу в двенадцать часов только!

— А что, если днем завтра?

(Ну, эта была дура девка! Ему-то только до двенадцати часов
ночи! Она где же поймет! Во, Любкину же бабу черти на печке
ссадили. А у нас была коло дороги баня... Есь лизуны, и черти
есь! Поглядим: ей-Богу мелькается!)

А заметила у его хвост. И говорит малой сестре:

— Буду тебя обувать, кричи: «Неловко!»

Ён говорит:

— Быстрой! Надо кубелы (сундуки — *М. В.*) забирать!

А сестра:

— Неловко!

Ну, обула ей. «Верно я поеду». А ён когда повернулся, она
хвост заметила.

Ну... Надо поехать. Один кубел поставили, другой, третий.
Приехали, подъезжают.

— Ну, вот сейчас будет дом!

Яма выкопан глубок, с хату:

— Ти ты полезешь вперед?

— Лезь ты!

Так ён полез.

— Ти все тебе кидать?

— Нет, поодиночке! (А ей, верно, сделали заклятье ей).

— Ти все?

Так она взяла все — и туда в яму! Глядь — она уж пошла
убегать!

Так бежит: раз — платок с себе долов! Ён камень на камень,
дробны части разобьет... И опять догоняет! Она крали (бусы —
М. В.) с себе долов: опять бежит! У ней уже тельна рубашка одна
осталась. Так к воротам подбегат, петух:

— Куль-кули!

Только и спаслась!

То не ходите по баням! Мимо бани раньше ходить боялись: ти
заловят нас? Черти черны, а лизуны желты. Мужик или черт? Вот
блягём — а никто не бежит за нам!

15

На Здвиженье мы были в поле. А на Здвиженье змеи хова-
ютца. Не ходите в ягоды!

И взошли коровы на мох. Я пошла догонять. Как лежить круг [змеи]...

Кричу заступки! Покуль Павлик пришел — куды тот круг делся! В землю змеи пошли.

Он знал заговор какой-нибудь. Возьмет змею и на грудь посадит. А Ольга ходила в ягоды босиком. В поставку втыкала иголку.

И надо сказать три раза:

— В лес иду, осиновый колик беру, кого найду, того колом убью!

Матвей Никонович Никонов

16

Убил тут один у нас аистиху, то есть подранил сильно. Женщина ее подобрала и сохраняла до сентября.

Она уж и хольная стала. А потом попросилась на двор, вышла за околицу и издохла.

А аист прилетает все время. Ну, он женку себе не найдет. Мы можем себе найти: подружались, и опеть.

А аист — нет, неправильно. Аист не может, ему надо одна, и все, конец. Аист другую семью не может заводить.

С этим аистом я бы подружился, так бы... Ходить он один, прилетить, побудеть... Жалко.

Он тоже жить хочет.

17

Я сам с 16-го года, но знаю намного назад, потому что мой отец, дед и дядьки прожили намного назад.

Вот банька, одна уже есть у меня. Я ее сделал как куклу, посадил шапку. Окно есть, вид есть. Можно придать туда свет, разделать фронтончик. Карнизики для фасона и чтобы не забивали буря, снег.

Лес хороший, руки пока гнутся! Вырежу железного петуха на крышу, а в окно будут пиво ресторанное подавать. Может, я когда хочу отдохнуть здесь культурно и хорошо!

Руки мне отзываются.

Дом после войны поставил. Пришел... Все у меня сгорело, ничего нет. Дом ставил большой, чтобы себя не позорить. У меня никто не живет без крыши. У коровы окно: она смотрит. Сильно спокойная коровка, зовут Вишня. Дом для кур...

Когда я шел на войну, весь измокши, да по болотам, я после все изучил, чтобы ни мне, никому плечи не мочило. <...>

У меня большой аппетит появился к пчелам. Пчела за пять километров летит, несет грамульку меда и (как это можно сопо-

ставить!) кормит нас. Кормить ее не надо, в хлев загонять не надо. Если в обед не заспел их, они все равно не улетают от меня. Они, верно, тоже меня полюбили, потому что я отношусь к ним как отец, со всем услугом к ним.

Пчела семью развела во какую! Как их разместить? Квартира-то маленькая. Молодая семья уходит, а старая говорит:

— Я себе жизнь найду.

Как в жизни бывает... Что дом рубить, что улей!

Пчелы грязь не любят. Утепление засторонить. Как я это сделаю, только пчелы у меня никуда не уходят. Приду — у меня пчелы сидят, дожидаются меня.

Пчела свою голову подставляет под хвост и крылышки прячет. Русло души своей у нее все сухое: чтоб человек для них и они для человека трудились на славу. Когда они ушли на работу, а ты тишенько воруй у них. Но не трогай ихнее добро, а возьми, сколько положено. Пчелу тоже надо освободить.

Когда я пришел в 46-ом году, проходит год, я три березки сажал, и дубы, и липы. Я любитель всего. Захотел, чтобы после моей жизни сказали: был человек, и не стало. Но он был. <...>

Жулейки тоже делал, с крушины. Высушивают крушину, просверливают и делают дудку. Как свирель просверливают. Она и танцы играет, и песни производит.

А так я и сам играл. И скрипку делал. Как уехал в армию, у меня осталась гармонь. И пропала.

Скрипку делать очень просто. Ходил в лес, драл кленовую тонкую пленку. Она в три миллиметра толщиной. Как лучинка. И гнешь, как у скрипки поделано. Крышку выделал сквозную, чтоб не клеить. Гриф кленовый или же ореховый. Он крепок и послушен. Это все музыкальное!

Дед привез скрипку из Германии в 1914-ом году. Свадьбы играют — к деду Сапрону надо. Это ему дарил когда-то ундертот: ружье подарил и скрипку.

В то время сильно славился тот, кто играл на скрипке. Была семья: двое играли на скрипках, третий на цимбалах. Как дадут на скрипке и цимбалах! Их же уважали... Когда человек умеет делать что-то хорошее, это сильный дар, хорошее. А с другого некого спросить.

Смычок для скрипки — конский волос. Выбираешь от хребетки. Если будет он своевременный, очищаешь. Смычок ценный. Палочка — кленина, вязина... Тоненько выстругаешь и обрабатываешь, лочком тернешь. Чтобы был склизкий, чтобы ты протянул по руке, и тебе было не стыдно.

Липа, клен — инструментальное дерево; береза, осина — дровяное; сосна, ель — строительное. Дерево хорошее, которое само работе подчиняется.

Чтобы понять жизнь, надо крепко подумать. Роблю! Праздники не признаю, хучь людей неудобно. Надо же все вырастить, приготовить, тогда оно пойдет тебе в дар...

Я городских жалею. Они железо не будут есть! А хлеб есть самая сильная наша борьба. И надо традицию тую беречь, которая нас кормит. Природу ничем не перешибить! Интересно пройдено путь, а все ворочается к тому, что раньше было. Можно только подумать своим мыслям и сказать, что да, человек прожил великий век.

Было мне двадцать семь лет... Что поглядеть: старшина! А теперь — просто старый.

Федор Осипович Андреев

18

Было гонения по Двины. Литва шли и Польша. И один человек нашел это место, и фамилия ему была Шумилин.

И развел деревню, и тут сабе все разработал. Шумилин этот не дурнэй был, выбрал место самое хорошее: и на ключах, и земля хороша.

Природа на месте не стоит никогда, она колеблется.

Сынов тут построил, дочок. Тысяча годов прошло, а, может быть, и больше тысячи годам.

Таперь опять пошла на низ эта деревня. Болотом зарастет. Нас не будет, только будем помирать, помирать...

Хлеб-то пахать надо кому-то, без хлеба они не смогут, будут что-то придумывать. Дадуть условие молодым, и будить как на целину.

А какое тут можно условие дать? Трудиться надо. Им веселость надо, свобода, и все такое.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

1. Один раз... Понизовье Руднянского района Смоленской области, Дроздова А. А., 1903 г. р., 1983. Девушке видится чудесный город. — Опубликованные версии сюжета неизвестны.

2. Черти водили. Дроздова А. А., 1984. Нечистая сила (в обличье знакомого, родственника) морочит проезжающего: просит подвезти (в итоге конь бросается в пруд). — Подобные мотивы характерны для быличек о лешем, реже — о черте. Ср.: шишкí (нечистые) просят подвезти их; заводят путника к проруби (Новг., Власова, Жекулина, 2002-II: 252); черт подталкивает прохожего к реке (Ляцкий, 1892: 252—253). Леший прикидывается прохожим, заводит разговор, присаживается в телегу, —

и плурует мужик по лесу, пока не сотворит молитву или крестное знамение. Тогда он «с ужасом замечает, что висит где-нибудь над пропастью или притянут со своею лошадыю к вершине какого-нибудь дерева» (а его «слутник», внезапно поднявшись выше леса, с хохотом исчезает) (Волог., Верюжский, 1864: 86). Представления о «вождении» лешим и о его способности принимать разные облики отмечены в Смоленской губернии (Добровольский, 1908-1: 4).

3. А еще матка моя... Дроздова А. А., 1984. Нечистая сила («черти с бани») мешают проезжающему: задерживают коней. — Ср.: черти (нечистая сила, леший) забираются в повозку: лошадь не идет (Арх., Ефименко, 1864: 51; Мурм., Балашов, 1970: 343—344); черти задерживают коней (Новг., архив соб., 1988).

4. Ведьмаки... Дроздова А. А., 1983. Запись повествует о традиционном разделении «знающих людей» на тех, кто «делает вред» и «дает пользу». «Колдуны и знахари различаются по роду своей деятельности. Первый действует с помощью нечистой силы» (Новг., АРЭМ. № 710: 5). В смоленских материалах XIX—XX в., где такое разграничение может быть очень отчетливым, противопоставляются не только доброжелательный знахарь (дед, бабка) и колдун (ведьмак), но добрый и злой знахари. «Добрыи знахари Божьим иминим пумугають людём, а злыи знахари тириз аггала чарадэйствуют» (Добровольский, 1891: 84). «В тех случаях, когда болезнь приписывается навождению злых духов (порче), не приглашают и лечение врачей, а советуются с дедами и бабами» (Смол., Цебриков, 1862: 265).

5. Гадают так... Дроздова А. А., 1984. Гадающая видит в зеркале будущего мужа. — Новг., Черепанова, 1996: 100; В. Сиб., Зиновьев, 1987: 294, и др. (мотив общераспространен). Гадающая дважды видит во сне любимого парня (к разлуке), а на третий раз — будущего мужа (к свадьбе). — В тексте описан редкий способ гадания (с прутьями веника). Возвращение парня с половины дороги, потерянное кольцо трактуются как предвестья расставания.

6. Хоть мы и не признаем Бога... Дроздова А. А., 1983. Покойник «ходит» после погребения: показывается к смерти одного из членов семьи. — В основе распространенного сюжета — представление о том, что появление покойника, кровно связанного с домом, может предвещать смерть кого-либо из его близких: «другого покойника ищет» (Арх., Карнаухова, 1928: 88). «Покойник у ворот не стоит, а свое возьмет» (Смол., Добровольский, 1897: 375).

7. Померла у нас дяденка. Дроздова А. А., 1983. Умершая мать приходит кормить грудью ребенка. — Ср.: Афанасьев, 1985: 69; Зиновьев, 1987: 276 (В. Сиб.); Арх., Черепанова, 1996: 21 (Арх.); Власова, Жекулина, 2001-II: 300 (Новг.). Поверья о встающей из могилы матери грудного ребенка бытовали в смежных районах Смоленской и Витебской губерний повсеместно (Никифоровский, 1897: 293). В расширенных версиях сюжета покойница-жена либо муж навещают родных, пытаются помочь по хозяйству (в том числе — накормить, причесать, вымыть детей). — Семенова, 1898: 233—234 (Ряз.); Колчин, 1899: 47—49 (Тул.); Машкин, 1903: 106 (Курск.); Ончуков 1909: 570—571 (Арх.); Порфенцева, 1974: 10 (Ирк.); Зиновьев, 1987: 267—272, 275 (В. Сиб.);

Черепанова, 1996: 29 (Новг.), и др. Согласно трактовкам рассказчиков, возвращается именно сам умерший, а не душа умершего в материальном обличье либо нечистый в его облике. Тем не менее, приход покойника нежелателен, опасен. Ср.: «кроме чаровников, из могил выходят матери к оставшимся грудным детям, разные неприго́мники, недовольные родственниками, желающие места и проч. Все они тревожат живых, и от этого приходится искать спасения в различных подручных средствах» (Витеб., Никифоровский, 1897: 293).

8. Справляли праздник у нас. Дроздова А. А., 1982—1983. Обмершая женщина странствует «по тому свету». — Ср. различные версии повествований об обмирании: Добровольский, 1893: 336—337 (Смол.); Попов, 1903 (Пенз.); АРЭМ. № 841: 12 (Новг., Череп.); Черепанова, 1996: 30, Власова, Жекулина, 2001 — II: 297—298 (Новг.), и др. В записи, сделанной на Смоленщине, обмершая женщина переносится в про странство, напоминающее монастырь либо церковь, однако его концовка почти тождественна тексту А. А. Дроздовой. «Повели к яме: “Глянь сюда!” — И там одни ребра, мне в ребра пихнули» (в этот момент обмершая просыпается) (Добровольский, 1893: 337).

9. Здесь всегда был лес... Дроздова А. А., 1984.

10. Коров пас у нас дед Богомол... Шумилово Велижского района Смоленской области, Гапеева А. Ф., 1911 г. р., 1983. «Знающий пастух» учит хозяйку обращению с домашней скотиной. — Согласно традиционным представлениям, умелые пастухи могут быть колдунами либо знахарями, «дédят и колдуют» (Смол., Добровольский, 1897: 360). Пастух, о котором идет речь, подчеркнута богомолет, то есть входит в категорию добрых знахарей, которые «помогают людям Божьим именем» (Смол., Добровольский, 1891: 84—85); употребляют в наговорах молитвы (Новг., Пардалоцкий, 24: 1).

11. Моя корова... Гапеева А. Ф., 1983. «Знающая женщина» (бабка) «ладит» корову. — Ср.: знахарь уничтожает «поддел» (снимает порчу) (Смол., Добровольский, 1891: 85—86). В быличке описаны магические действия с венком, которые плели для коровы на Троицу.

12. В Чеплях была старушка. Гапеева А. Ф., 1983. Нищая бабка-шептунья, излечившая жену милицейского начальника, получает приют (комнату при милиции). — Опубликованные версии сюжета неизвестны.

13. До шести недель... Гапеева А. Ф., 1983. Покойник «ходит» после смерти: является (прилетает) домой на сороковой день после погребения. — Ср.: Черепанова, 1996: 20—21, 22—23 (Волог., Новг.); Зиновьев, 1987: 270 (В. Сиб.). Рассказчица уточняет: младенец (дитя до семи лет) прилетает домой «птушкой», но душа взрослого — двойник умершего (либо сам умерший), который не летит, а идет. В поверьях русско-белорусского пограничья представления о «крылатости» умершего соседствуют с верой в его способность «вставать и ходить». «Приближаясь к кладбищу (во время похорон. — М. В.), на определенном расстоянии от него можно увидеть всех погребенных здесь мертвецов, которые поднимаются, чтобы посмотреть на своего нового соседа» (Витеб., Никифоровский, 1897: 290). «Душа вылетает из покойника бабочкой, мухой, птичкой... “Птушкой выливила из яго душа”» (Смол., Добровольский, 1893: 307).

14. Басни баят в святки. Понизовье Руднянского района Смоленской области, Ершова П. Л., 1906 г. р., 1983. Девушку, которая во время святков прыдет в бане, сватает черт, обернувшийся красивым парнем; увозит ее в свой «дом»; девушка тянет время до крика петуха и спасется. — Первая часть сюжета повествует о пребывании в бане во время святков, чреватом опасностями, но необходимым, судьбоносном. В бане гадают, «узнают» судьбу, обретают суженых; подвергаются искушениям, испытаниям; нападению чертей и прочей нечисти. «Для своих посиделок девушки выбирают обыкновенно нежилые избы, а то и просто бани. Свободно, вольготно им там, никто не мешает им предаваться веселью. <...> Полночь, всеобщая тишина... Вот-вот к ним заглянет домовый, волкодлак, лаума, какая-нибудь нечистая сила. Да и от баб, теток и дедов не раз слышали они, что именно на посиделках и сдаются девушкам разные страхи» (Смол., Добровольский, 1891: 141). Сюжеты о настоячивых попытках нечистого завладеть девушкой бытовали и в XIX, и в XX в. См.: Померанцева, 1975: 180. Ср. рассказ о чертях, подстерегающих девиц на посиделках (Пск., Ромодин, 1990: 209). Вторая часть былички напоминает сюжет о «женихе-мертвце» («женихе-нечистом»), который записан в разных версиях и вариантах во многих областях России. — Добровольский, 1891: 126—127 (Смол.); Иванов, 1900: 99—100 (Орл.); Смирнов, 1920: 51—52 (Костр.); Едемский, 1908: 215—216 (Волог.); Ончуков, 1909: 102, 575—576 (Арх.); Зиновьев, 1978: 273—274; 272—273, 275—276 (В. Сиб.). См. также СУС 365 Жених-мертвец.

15. На Здвиженье мы были в поле... Ершова П. Л., 1983. В праздник Воздвиженья змеи собираются в лесу; не дают прохода людям; «знающий человек» спасает от змей. — В основе сюжета — устойчиво сохраняющееся поверье: в день Воздвиженья (Здвиженья; 14/27 сентября) змеи «здвигаются», сползаются в одно место, а затем уходят под землю (Смол., Добровольский, 1891: 94—96; Орл., Тамб., Влад., Максимов, 1903: 506, и др.) или «лежат колесами», «гуляют, трутся друг об друга и закатываются» (Новг., архив соб., 1987). Вера в то, что от змей оберегают «знающие люди», а также особые заговоры, магические действия была распространена повсеместно. Ср.: змеи повинуются знахарю; знахарь расщепляет осиновою палку и зажимает в нее змею, карая ее за то, что она укусила лошадь (Смол., Добровольский, 1891: 86). «Одна знахарка хвалилась: “Я как гляну на змею, так она и околет. От этого я не вижу их — Яны бягутъ от мяне!”» (Смол., Добровольский, 1908-2: 154).

16. Убил тут у нас один аистиху... Большая Ржава Велижского района Смоленской области, Никонов М. Н., 1916 г. р., 1978.

17. Я сам с 16-го года... Никонов М. Н., 1978.

18. Было гонения по Двины. Шумилово Велижского района Смоленской области, Андреев Ф. О., около 70-ти лет, 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Андреаполь. — Андреапольский район Тверской области
Арх. — Архангельская губерния, область
В. Сиб. — Восточная Сибирь
Велиж. — Велижский район Смоленской области
Витеб. — Витебская губерния
Влад. — Владимирская губерния, область
Волог. — Вологодская губерния, область
Ворон. — Воронежская губерния, область
Духовщ. — Духовщинский район Смоленской области
Жарк. — Жарковский район Тверской области
Ирк. — Иркутская губерния, область
Калужск. — Калужская губерния
Кардым. — Кардымовский район Смоленской области
Костр. — Костромская губерния
Краснин. — Краснинский район Смоленской области
Курск. — Курская губерния
Мурм. — Мурманская область
Нелид. — Нелидовский район Тверской области
Нижегор. — Нижегородская губерния
Новг. — Новгородская губерния, область
Новг., Череп. - Череповецкий уезд Новгородской губернии
Олен. — Оленинский район Тверской области
Олон. — Олонецкая губерния
Орл. — Орловская губерния
Пенз. — Пензенская губерния
Петерб. — Петербургская губерния
Пск. — Псковская губерния, область
Рудн. — Руднянский район Смоленской области
Ряз. — Рязанская губерния
Сарат. — Саратовская губерния
Смол. — Смоленская губерния, область
Смолен. — Смоленский район Смоленской области
Тамб. — Тамбовская губерния, область
Тул. — Тульская губерния
Холм. — Холмский район Новгородской области

АРГО — архив Русского географического общества
Архив соб. — архив собирателя М. Н. Власовой
АРЭМ — архив Российского этнографического музея
Афанасьев, 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева:
в 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Т. III. М., 1985.

Балашов, 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.

Верюжский, 1864 — *Верюжский Д.* Народные суеверия в Верхопеземском приходе Вельского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1864. № 27. С. 86; № 28. С. 89.

Власова, Жекулина, 2001-II — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001.

Добровольский, 1891 — Смоленский этнографический сборник: В 4 т. / Сост. В. Н. Добровольский. Т. 1. СПб., 1891 (Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XX).

Добровольский, 1893 — Смоленский этнографический сборник: В 4 т. / Сост. В. Н. Добровольский. Т. 2. СПб., 1893 (Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XXIII. Вып. 1).

Добровольский, 1897 — *Добровольский В. Н.* Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями // Живая старина. 1897. Вып. 3/4. С. 357—380.

Добровольский, 1908-1 — *Добровольский В. Н.* Нечистая сила в народных верованиях // Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 1—16.

Добровольский, 1908-2 — *Добровольский В. Н.* Егорьев день в Смоленской губернии // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 150—154.

Едемский, 1908 — *Едемский М. Б.* Из кокшеньгских преданий. IV. Еретики // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 211—216.

Ефименко, 1864 — *Ефименко П. С.* Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1865 год. Архангельск, 1864. С. 49—93.

Зиновьев, 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов, 1900 — *Иванов А. И.* Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. XLVII. № 4. С. 68—118.

Карнаухова, 1928 — *Карнаухова И. В.* Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Ч. 2. Л., 1928. С. 77—97.

Колчин, 1899 — Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. XLII. № 3. С. 1—60.

Ляцкий, 1892 — К космогоническим легендам дуалистического типа. Сообщ. Е. Ляцкий // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. XIII—XIV. № 2—3. С. 252—253.

Максимов, 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Машкин, 1903 — *Машкин А. С.* Материалы по этнографии курской губернии // Курский сборник. Вып. 4. Ч. 3. Курск, 1903. С. 74—115.

Никифоровский, 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

Ончуков, 1909 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909.

Пардалоцкий, 24 — *Пардалоцкий Ф. Ф.* Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба // АРГО. Р. XXIV, оп. 1, № 29.

Пардалоцкий, 1854 — *Пардалоцкий Ф. Ф.* Простонародный календарь или заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частью Боровичского // Новгородские губернские ведомости. 1854. № 7. С. 36—39.

Померанцева, 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

- Попов, 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.
- Порфенцева, 1974 — *Порфенцева Г.* Об устно-поэтической традиции Приленья // Сказки Приленья. Под ред. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1974. С. 7—13.
- Ромодин, 1990 — *Ромодин А. В., Ромодина И. А.* Рассказы о посиделках (Публикация экспедиционных материалов) // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 204—213.
- Смирнов 1920 — *Смирнов В. И.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Второй этнографический сборник. Вып. 15. Кострома, 1920. С. 21—126.
- Смирнов, 1927 — *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1927. С. 91—106.
- Семенова, 1898 — *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 228—234.
- СМЭС, 2003-I — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни. М., 2003.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979
- Цебриков, 1862 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния / Сост. М. Цебриков. СПб., 1862.
- Черепанова, 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и коммент. О. А. Черепановой. СПб., 1996.

* * *

Аннотация: В статье М. Н. Власовой обнародованы и проанализированы фольклорно-этнографические материалы, относящиеся к ареалу так называемого «русско-белорусского пограничья». Особое внимание уделено Троицкому обряду «венчания коров», который автор статьи на протяжении нескольких лет подряд наблюдал и описывал в д. Шумилово Велижского района Смоленской области.

Собранные сведения позволяют существенно дополнить и уточнить представления об основных элементах и направленности Троицкого «венчания», поскольку в живом бытовании этот обряд, привлекая в последнее время внимание многих фольклористов, в данном регионе никогда не фиксировался.

Ключевые слова: фольклор, этнография, Троицкая обрядность, несказочная проза

Abstract: In the paper of M. N. Vlasova folkloristic and ethnographic materials collected in so called «Russian-Byelorussian frontier» area were published and analyzed. Special attention was paid to the Trinity ritual of «cows wedding ceremony». Author had been observing this ceremony in the village of Shumilovo (Velizhsky district of Smolensk oblast) during few years and then described it. The collected data allow significantly supplementing and specifying the conception of basic elements and directivity of the Trinity “wedding ceremony» because this ritual which has recently attracted attention of numerous folklorists has never been actually registered in this region.

Keywords: folklore, ethnography, the Trinity rituals, non-tale prose

РАЗДЕЛ III. ЭПИСТОЛЯРИЯ

МАКС ФАСМЕР И ЕГО ПИСЬМА А. А. ШАХМАТОВУ

Публикация Е. Шён

Максимилиан Романович Фасмер (нем. Max Julius Friedrich Vasmer) родился в 1886 г. в Петербурге в немецкой семье, изучал в 1903—1907 гг. сравнительное языкознание в Петербургском университете у Алексея Александровича Шахматова. После окончания университета в 1908—1912 гг. он был в долгосрочных научных экспедициях в Кракове, Вене, Граце и Афинах. В эти годы Фасмер усиленно изучает влияние греческого языка на русский.

Возвратившись в Петербург, в 1912—1917 гг. преподает на Бестужевских курсах;¹ с октября 1917 г. возглавляет кафедру сравнительного языкознания и славистики в Саратовском университете; в июле 1919 г. получает место профессора индогерманистики в Тартуском университете. В 1921 г. Фасмер по приглашению своего бывшего учителя из Граца Матия Мирко выезжает в Германию и работает на кафедре славянской филологии в институте индогерманских языков в Лейпцигском университете. Там он основывает научный журнал «*Zeitschrift für slavische Philologie*», который очень быстро становится ведущим научным изданием по славистике на немецком языке. Издание Фасмера можно по праву назвать достойным продолжением «*Archiv für slavische Philologie*» И. В. Ягича.

Главным научным трудом М. Фасмера является «Этимологический словарь русского языка», который и сегодня не потерял своей ценности и не только для филолога-слависта. Сам Фасмер рассказывал о своей работе: «О составлении „Этимологического словаря русского языка“ как о главной цели своей научной деятельности я мечтал еще во время первых исследований, посвя-

¹ Высшее женское учебное заведение в Петербурге (1878—1918).

щенных влиянию греческого языка на славянские (1906—1909). Недостатки ранних работ побудили меня в дальнейшем интенсивнее заняться изучением славянских древностей, а также большинства языков соседних славянам народов. <...> Только в 1938 г., находясь в Нью-Йорке, я стал работать над русским этимологическим словарем систематически, спустя десятилетия, в течение которых я делал лишь случайные выписки, предназначенные для этой цели».²

Фасмер создал огромную картотеку, которая находилась у него дома и погибла в 1944 году во время прямого попадания бомбы. Несмотря на гибель картотеки, он нашел в себе силы в трудные послевоенные годы продолжить работу над словарем. Русский этимологический словарь Макса Фасмера был выпущен издательством «Карл Винтер» в Гайдельберге в 1950—1958 гг.³ Эта большая работа явилась крупным событием в славянском и индоевропейском языкознании. Словарь подвел итоги многолетним и весьма плодотворным разысканиям автора в области лексики славянских языков, в частности русской топонимики и ономастики, а также в исторической лексикологии русского языка. Фасмер включил в свой труд не только лексику литературного языка, но и весьма значительный диалектный материал и даже какое-то количество фольклорной лексики. Еще в студенческие годы Фасмер определил для себя сферу научных интересов. Совершенно очевидно, что именно А. А. Шахматов повлиял на выбор М. Фасмера заниматься этимологией. В письме учителю от 24.03.1907 г. начинающий ученый пишет: «Этимологическое изучение русского языка теперь меня уже до того заинтересовало, что я надеюсь впоследствии приступить к изучению германского влияния».⁴ В октябре 1910 г. в письме из Кракова он отмечает: «Этимологическими вопросами я никогда не перестану заниматься, я научусь более успешно работать в этой области».⁵

В 1908—1911 гг. Фасмер изучает диалекты различных славянских языков и связанных с ними наречий. Неподдельный интерес к различным диалектам он унаследовал от своего учителя Алексея Александровича Шахматова, выдающегося филолога, этнографа и историка русского языка. Если Шахматов уделял

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 11. Предисловие автора.

³ Издание на русском языке появилось лишь в конце 1960-х — начале 1970-х гг. См. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4 / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., Прогресс, 1964—1973.

⁴ Переписка М. Фасмера с А. А. Шахматовым // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3, д. № 1585 (1906—1920). Далее — Переписка.

⁵ Переписка. Л. 17 об.

особое внимание диалектологии, то его ученик М. Фасмер посвятил всю свою творческую жизнь этимологии — науке, изучающей происхождение слов.

В конце XIX — начале XX вв., с приходом в науку таких ученых, как Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, сравнительное языкознание в России переживает новое развитие. Фокус научного интереса переносится на изучение народных, «живых» наречий, которые позволяют проследить фонетические изменения в языке и реконструировать его историю. Шахматов уделял особое внимание диалектологии как области языкознания, непосредственно связанной с «изучением живого языка во всем разнообразии его наречий и говоров»; и подчеркивал — именно живого языка, т. к. язык письменности, дошедший в печатных книгах, рукописях, надписях, «никогда нигде не отражал всей совокупности диалектов».⁶ Изучение только письменных памятников было уже недостаточным и побуждало ученых отправляться в диалектологические поездки для непосредственного изучения живых народных говоров, той фонетики, лексики и фразеологии, которая сохранялась в языке и в местном фольклорном материале.

Шахматов на протяжении своей научной деятельности принял многочисленные поездки, в которых собрал большой не только диалектный, но и фольклорный материал. Его фольклорные записи передают с особой точностью фонетические особенности народных говоров, значит, способствуют более глубокому изучению истории русского языка и истории становления фольклорных жанров в их региональной специфике.⁷ Следует подчеркнуть, что на выбор Олонецкой губернии, куда Шахматов отправился в первую свою экспедицию (1984 г.), повлияли богатейшие материалы известных собирателей фольклора — П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, ценные как для исследователей устного народного творчества, так и для диалектологов. В 1904 г. во многом по инициативе Шахматова была создана специальная комиссия, которая способствовала проведению регулярных экспедиций с целью изучения народных говоров. В эту работу активно включились тогдашние молодые исследователи — Макс Фасмер, Роман Jakobson, Виктор Виноградов и другие. Понятно, почему Шахматова столь интересовали успехи своих учеников, в том числе и М. Фасмера, а ученики и последователи учителя с неослабевающим вниманием следили за публикациями, связанными с языкознанием (в самом широком смысле слова) и фольклористикой.

⁶ Шахматов А. А. Русская диалектология. СПб., 2010. С. 27.

⁷ См. Еремича В. И. Фольклорное наследие А. А. Шахматова. СПб., 2005.

Фасмер, еще будучи студентом, с 1906 г. начинает переписываться с А. А. Шахматовым. Эту переписку прервала смерть Шахматова в 1920 году. 53 письма сохранились и находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. Письма до сих пор не публиковались.⁸

Письма Шахматову Фасмер писал часто, один-два раза в месяц, что свидетельствует о постоянном контакте его со своим учителем и, можно смело утверждать, другом и единомышленником. Некоторые письма — трогательные свидетельства того, как М. Фасмер дорожил хорошим отношением к себе своего учителя и не хотел его потерять. В одном из писем он извиняется, что был не очень внимателен на лекции Шахматова и объясняет это плохим самочувствием.

Письма из Петербурга представляют собой короткие записки и содержат просьбы и благодарности. Это неудивительно. В Петербурге Фасмер часто встречался с Шахматовым и имел возможность обсуждать с ним различные вопросы, связанные с языкознанием, и, разумеется, свои научные изыскания.

Во время пребывания за границей (Краков, Вена, Грац, Берлин) Фасмер писал более подробно и о своей работе, о новых исследованиях в области языкознания и о том, с кем встречается. Фактически это маленькие отчеты о проделанной работе и рассказы о научной жизни. Значение ученых, с которыми Фасмер встречался в этих поездках, невозможно переоценить: Ф. Лоренц, С. Рамулт, Я. М. Розвадовский, К. Штрекель, И. В. Ягич и многие другие. Эти встречи, без преувеличения, стали судьбоносными для молодого Фасмера.

В связи с работой над Словарем Фасмера волнует ряд вопросов, один из них — о прародине славян. В письме из Кракова от 9 ноября 1910 г. он сообщает: «Для славянской прародины накопляется матерьял (орф. сохранена — *Е. III*) на карточках, назначенных для русского этимологического словаря». Имеющиеся на тот момент словари убеждают Фасмера «в том, что теперь надо прежде всего заботиться о словарях отдельных славянских языков».⁹ Также он отмечает, что обнаружил несколько балканских элементов в праславянском языке. И спрашивает, насколько Шахматов склонен отнести прародину в Приднестровье. Вероятно, сам Фасмер тогда не совсем был согласен с учителем или не подготовлен хорошо к этой теме, потому не готов вступить с Шахматовым в научный спор по этому вопросу. Шахматов в те годы склонялся к северной прародине, Фасмер же разрабатывал вопрос о южной прародине. Это было связано с изучением греческого языка и с попытками отследить влияние греческого на сла-

⁸ Переписка. Л. 1—80.

⁹ Там же. Л. 18 об.

вянские языки. Однако, не получив достаточных доказательств «отнести ряд греческих заимствований к общеславянской эпохе» и не обнаружив значительного влияния греческих элементов в славянских говорах на северном берегу Черного моря, он приступает к изучению румынского языка, интересуется иранскими элементами, вникает в особенности старого македонского языка.¹⁰

Несмотря на краткое содержание большинства писем, видно, что отношения между Шахматовым и Фасмером не были формальными; их объединяло общее дело, огромный интерес к филологии, диалектологии и этнографии, но и семьи ученых были, видимо, близки. В конце многих писем М. Фасмер передает наилучшие пожелания супруге А. А. Шахматова. В письме из Кракова Фасмер вспоминает «об обществе, с которым часто приходилось встречаться в Вашем доме по воскресеньям».

В данной публикации представлены 20 писем М. Фасмера А. А. Шахматову. Письма написаны от руки чернильной ручкой на бумаге небольшого формата, сложенной вдвое. Есть также небольшие сообщения на почтовых открытках. Почерк разборчивый, легко читаемый. Краткие сведения о лицах, упоминаемых в Письмах, даются в Приложении.

Выражаю глубокую благодарность и признательность Валерии Игоревне Ереминой, без которой данная публикация не состоялась бы.

Время и место написания писем:

- Из Петербурга: Листы 1—15, 1906—1910 гг., без адреса.
- Из Кракова: Листы 16—25, 1910 г., Krakow, Studencka 14.
- Из Вены: Листы 26—30 об., 1911 г., Wien VII, Josefgasse 12 III.

Полный список трудов М. Фасмера см.: *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Berlin, 1956; *Zeitschrift für slavische Philologie*. Heidelberg, 1963. Bd. XXXI. H. 1.

ПУБЛИКАЦИЯ

1¹

Петербург, 13 декабря 1906.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Вчера я получил письмо от Эд<уарда> Альб<ертовича> Курца; он просит поблагодарить Вас за пересылку Известий² за 1906 г. Но вместе с тем сожалеет, что Изв<естия> присылаются ему,

¹⁰ Там же. Л. 19.

а не в городскую библиотеку в Риге, что<бы> ими мог бы пользоваться не только он. Нельзя ли и туда отправить Изв<естия> и за предыдущие годы? Курц хотел даже обратиться к Отделению с официальным прошением.

Еще одна нескромная просьба: я никак не могу у себя отыскать адреса проф<ессора> Ульянова, между этим, А. Д. Руднев просил меня пригласить его на лекции проф<ессора> Рамстедта. Будьте добры сообщить ему об этом весьма интересном курсе.

Искренне преданный Вам М. Фасмер.

¹ Переписка. Л. 1—1 об.

² Известия отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС АН) — журнал Российской Академии наук по истории письменности, славистике, языкознанию и фольклору. Издавался в Санкт-Петербурге с 1896 по 1927 годы. А. А. Шахматов был в 1905—1920 гг. главным редактором журнала

2¹

Петербург, 24 марта 1907.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Прилагая при сем несколько своих скромных «начинаний», которые Вы, надеюсь, не откажитесь принять, позволяю себе снова обратиться к Вам с нескромной просьбой. Если возможно, прислать мне из склада Академии следующие издания:

• Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка т. III вып. 2.

• Сборник русск<ого> отдел<ения> , т. 73.²

• Издание Болонской Псалтыри.³

• Postilla catholica Даукши, изд. Фортунатова и Вольтера.⁴

• Сборник в честь В. И. Ламанского — отчет Отделения за 1905 и 1906 гг.⁵

• Кроме того прошу Вас выслать на мое имя (в Университет или же ко мне на квартиру) для Кабинета Экспериментальной Фонетики, которым я теперь заведую:

• Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Sprachstammes. StPb, 1892.

• Его же Atlas der ethnographischen Geographie des Lettenlandes. StPb, 1892.

• Lorentz Slovenische Grammatik. <Его же> Slovenische Texte.⁶

• Исследования по русскому языку. т. I, II.

• Шахматов. К истории звуков русского языка. СПТ 1903.⁷

• Wiedemann. Estnisch-deutsches Wörterbuch 2 Aufl. StPb. 1893.

Работа моя о греческих заимствованиях в русском языке через год уже будет представлена в Отделение (если не раньше). Этимологическое изучение русского языка теперь меня уже до того заинтересовало, что я надеюсь впоследствии приступить к изучению германского влияния.

Искренне преданный Вам М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 2—3.

² Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук — ведущее российское периодическое издание до 1917 г. Всего Отделением был издан 101 том.

³ Болонская псалтырь (Psalterium Bononiense) — среднеболгарская рукопись, хранящаяся в библиотеке Болонского университета. Написана на кириллице между 1230 и 1241 годами. Книга содержит 264 пергаментных листа. Текст написан в две колонки: в левой находятся Псалмы Давида, а в правой — толкования Исихия Иерусалимского.

⁴ Сборник проповедей «Postilla Catholica. Tai est: Izguldimas Ewangeliu kiekwienos Nedelos ir Szwetes per wissus metus» подготовил к печати М. Даукша в 1582—1595 г. В 1904 г. Э. А. Вольтером и Ф. Ф. Фортунатовым подготовлен и издан первый выпуск «Литовского катехизиса Даукши 1595 г.» (издание Академии наук).

⁵ Фасмер, вероятно, имел в виду «Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учебно-литературной деятельности». СПб., 1905, и / или «Сборник статей, посвященный почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности». СПб. Ч. 1—2. 1907, 1908.

⁶ Издания, о которых упоминает Фасмер: Lorentz F. Slovinzische Texte. СПб. Изд. отделения Имп. АН, 1905; Lorentz F. Slovinzische Wörterbuch. Т. 1—2. СПб., Изд. отделения Имп. АН, 1908—1912.

⁷ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка: О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., тип. Имп. АН, 1903.

3¹

Петербург, 17 мая 1907.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Получив на днях лестное для меня приглашение участвовать в преподнесении сборника научных статей академику Ягичу я догадался, что этим я обязан Вам и спешу поблагодарить Вас за это. Очень Вам благодарен и за пересылку трудов Биленштейна для Кабинета Экспериментальной Фонетики, наконец и за то, что Вы подвинули печатание моей работы в «Сборнике Академии».²

Искренне Ваш М. Фасмер.

Ns.³ Статья к сроку будет представлена проф<ессору> Вондраку.

¹ Переписка. Л. 4.

² Скорее всего, Фасмер имел в виду свою статью «Греческие заимствования в русском языке» (Сборник Отделения русского языка и словесности. 1909. Т. 86).

³ Фасмер использует сокращение Ns (нем. Nachschrift), соответствующее латинскому PS (Postscriptum).

4¹

Петербург, 23 сентября 1907.

Пет<роградская> стор<она>.

Больш<ой> пр<оспект> 4, кв<артира> 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Сегодня я получил 2-ую книжку Известий за нынешний год и сердечно благодарю Вас за скорое напечатание моей статьи и за пересылку этой книжки. Вместе с этим я буду Вам очень обязан, если Вы найдете возможным прислать мне 1-ую книжку XII тома, почему-то мне не присланную. В настоящее время меня очень удерживают от научных занятий экзамены в <прзб.> комиссии, по окончании которых я намерен приняться за окончательную разработку своих материалов о греческом элементе в русском языке.

Искренне преданный Вам М. Фасмер.

¹ Переписка. Л. 5.

5¹

Петербург, 31 октября 1907.

Пет<роградская> стор<она>.

Больш<ой> пр<оспект> 4, кв<артира> 15.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Будучи очень занят, я еще не успел, к стыду своему, поблагодарить Вас за пересылку из склада Академии 2 книжек «Известий», как уже снова получил ценный подарок — II том Статей по славяноведению, чем я, без сомнения, опять обязан Вам. Поэтому считаю своим долгом от души поблагодарить Вас за любезную пересылку этих книг.

Искренне преданный Вам М. Фасмер.

Ns. Мне было бы приятно узнать:

1) Московский адрес Ф. Е. Корша,

2) Можете ли Вы принять от меня для «Известий» рецензию 2 томов Hirt'a «Die Indogermanen»² размером от 1—2 листов.

¹ Переписка. Л. 6.

² Hirt, Herman. Die Indogermanen: Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. 1—2 Bände. Straßburg 1905—1907.

6¹

Петербург, без даты.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Один из молодых греческих ученых, Др. Ад<нрзб.> Вутирас просит меня прислать ему вторую часть моих Гр<еко>-слав<янских> этюдов,² жалуясь, что он не может найти их в Берлине. К сожалению у меня нет ни одного оттиска этой статьи и я опять принужден обратиться к Вам с просьбой: не найдет ли Академия возможным выслать ему всю книжку, где помещена моя статья: Известия т. XII кн. 2? Вутирас живет близ Берлина: Charlottenburg, Grolmannstrasse 17 III r. Он занят исследованием о славянских элементах в новогреческом языке и в этой области, кажется, старается теперь предвосхитить мне интересную тему.

Преданный Вам М. Фасмер.

¹ Переписка. Л. 7.

² «Греко-славянские этюды» — работа М. Фасмера, посвященная греческим словам в церковнославянском и русском языке и состоящая из трех частей. См. *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Петербург 1909. Т. 86. Кн. 1.

7¹

Петербург, 26 ноября 1908.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Мне очень неприятно, что я не мог совершенно слушать сегодня Вашей второй лекции и крайне невнимательно сидел у Вас на первой, что вы вероятно даже заметили, <так> как я сидел довольно близко. Но причина довольно уважительная. Во время своей поездки в Турцию нынешним летом я там схватил

малярию, которая изредка все еще меня беспокоит и сегодня как раз заставила бросить Вашу интересную лекцию.

Я Вам сообщаю это в виду того, что мое поведение у Вас на лекции обратило на себя внимание некоторых лиц, довольно хорошо меня знающих. Что касается моей работы «Речь тонкословия греческого», то она находится в таком состоянии: введение к ней, филологического характера (довольно слабое) и издание текста уже отпечатано и заняло 8 листов. Конец издания, на 9 листе находится у меня в корректуре. Дальше уже идет лингвистическое исследование, полной переработкой которого я занят теперь. Мне не хочется представлять продолжения в типографию, т. к. я знаю, что оно снова будет задержано и что одна часть работы будет тогда отпечатана значительно раньше второй. Мне прямо не хочется при таком положении приступить к печатанию собственно лингвистической части, потому что в сравнении с другими моими работами (которые я, впрочем, вовсе не намерен хвалить) это будет очень значительный шаг назад.

Единственный выход из этого крайне неприятного для меня положения я вижу в том, чтобы Отделение русск<ого> яз<ыка> поставило мою работу в очередь на нынешний год: предполагается, кроме набранного уже 9 листа, еще листов 10. Кроме того, я бы попросил Вас сообщить мне, если это Вас не затруднит, по возможности скорее, послать <нрзб.> заседание, какое решение принято относительно моей работы, чтобы я уже вовремя мог предоставить в типографию оставшуюся еще ненапечатанной часть рукописи.

Наконец, еще одна нескромная просьба: Мне хотелось бы иметь из академических изданий:

- Masing L. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents, СПТ. 1876 (Memoires, t. XXIII, 5).
- Radloff W. Versuch eines Wörterbuches des Türkischen.²
- Гильфердинг, Онежские былины.³

Простите, что я так нецеремонно обращаюсь к Вам с просьбами. Но я надеюсь, что Вы не исполните их, если они Вас серьезно затрудняют.

Искренне преданный Вам М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 8, 9, 9 об.

² Может быть, Фасмер имел в виду труд В. Радлова «Versuch eines Wörterbuches der Türkdialecte» (Опыт словаря тюркских наречий). Т. I—IV. СПб., 1882—1911.

³ Сборник «Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года» вышел в 1873 г. (СПб., тип. Имп. Академии наук).

Петербург, без даты.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

При разговоре об ударении я забыл привести J. Wackernadel'a «Beiträge zur Lehre von griechischen Akzent», Basel, 1893, <нрзб.> где рассматривается грамматическая традиция. Затем: J. Vendryes, «Traité d'accentuation grecque», Paris 1904 (Nouvelle collection à l'usage des classes). Пользуюсь случаем, чтобы напомнит Вам о Вашем обещании подобрать для меня отписки Ваших лингвистических работ. Я пока только имею Вашу работу о летописных сводах.² Вместе с этим меня интересуют Ваши «Дополнения к двинским грамотам»³ и Корша «Слово о полку Игореве».⁴ Нет ли возможности их получить?

Благодарный Вам М. Фасмер

П<етроградская> Ст<орона>

Больш<ой> пр<оспект> 4, кв<артира> 15.

¹ Переписка. Л. 10.

² Имеется в виду итоговая работа А. А. Шахматова по русскому летописанию: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». СПб., 1908.

³ Имеются в виду следующие работы: *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV века. Ч. 1—2 // Исследования по русскому языку. Т. 1, № 3. СПб., 1909; *Шахматов А., Сибирцев И.* Еще несколько двинских грамот XV века // Исследования по русскому языку. Т. 2. № 5. СПб., 1909.

⁴ Имеется в виду работа Ф. Е. Корша «Турецкие элементы в языке Слова о Полку Игореве» (СПб., тип. имп. АН, 1904) или его же «Слово о полку Игореве» (СПб., 1909).

Петербург, 12 января 1910.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Бенешевич, к сожалению, мне прислал далеко не все нужные бланки.

Я выделил и шлю Вам то, что относится к Вашей части этой работы. Торопясь и не имея под рукой более подходящего по объему конверта, шлю вам а этом маленьком и прошу не сердиться, что немного страдают от этого бланки.

Уважающий Вас М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 12.

Петербург, 28 января 1910.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Может быть по недоразумению мне не был прислан гоно-
рар за мою работу Гр<еко>-сл<авянские> Эт<юды> III,² выдача
которого в Отделении постановлена еще в мае 1909 г. Не полу-
чил я и премии (Михельсона), которую дру<гому> коллеге уже
прислали в Гельсингфорс³ в декабре. Так как я в нынешнем году
выписал себе очень много книг, кот<орые> уплачиваются мною
в конце года обыкновенно из таких сумм, и т. к. библиография
«Известий» мне не дает в материальном отношении ничего, то
принужден дорожить этими суммами в данном случае. Мне
крайне неприятно говорить с Вами об этом и я бы устно нико-
гда не решился это сделать, но я боюсь, что поставлю в затруд-
нительное положение других лиц, если не уплачу этого свое-
временно. Если здесь не недоразумение, а просто опоздание, то
прошу Вас вовсе не тратить время на это мое дело.

Другой вопрос: студент Ник<олай> Антон<ович> Котля-
ревский,⁴ Вас<ильевский> остр<ов> 1 линия 54 кв<ртира> 16,
знает двух сербов из Белграда и Старой Сербии, студентов, пре-
длагающих свои услуги для лингв<истических> целей. Стоит ли
по Вашему мнению устроить заседание и если да, то в какой фор-
ме в лингв<стической> Секции?.

Пожалуйста и на это не отвечайте, если это Вам кажется из-
лишним.

Ваш М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 13, 14 об.

² Речь идет о третьей части работы М. Фасмера «Греко-славянские
этюды» (издано: СПб., 1909. Т. 86).

³ Гельсингфорс — ныне Хельсинки.

⁴ Вероятно, родственник или однофамилец Котляревского Нестора
Александровича (1863—1925).

Петербург, 8 февраля 1910.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Очень прошу извинить, что я наделал Вам столько хло-
пот с денежным вопросом и до сих пор все таки не заходил в
Акад<емическое> Казначейство: Я так был занят разными лек-

циями и заседаниями, что у меня совершенно не было времени. Шлю Вам листки и извиняюсь, что это не сделано много раньше. Искренне уважающий Вас
М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 15.

12¹

Краков, 16 октября 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Несколько раз собирался я уже Вам написать, но все как-то не выходило. Теперь, когда мы уже привыкли к жизни в Кракове и к здешним научным условиям, я с женой уже работаю значительно больше, чем в П<етер>б<ур>ге. Прежде всего сердечно Вас благодарим за телеграмму. Она очень обрадовала нас. Одновременно мы получили телеграммы от Розанова и Чернышева и это нам напомнило то общество, с которым часто приходилось встречаться в Вашем доме по воскресеньям. В начале сентября здесь был проф<ессор> Кульбакин. Я с ним летом переписывался по поводу «Народной Энциклопедии» в Харькове, <где> он редактирует лингвистический отдел и недавно я написал для него «О словарных заимствованиях в русском языке». Я на эту работу (1 печ<атный> лист) потратил месяц, потому что пришлось порядочно прочесть новых исследований. В июне до 20-ого стар<ого> стиля я просидел в П<етер>б<ур>ге. Пришлось там писать рецензию на словарь Verneker'a для Rocznika Slawist<yczn>ego t. III.² Она теперь уже подписана к печати и разрослась на 40 страниц. Теперь я стараюсь разработать к печати вступительную мою лекцию «О смешении языков». Она будет напечатана в отчете гимназии Мая в П<етер>б<ур>ге, где я учился и был последние 2 года преподавателем.³ Для нее порядочный материал удалось еще собрать летом, сначала из малорусского говора в Косове, а потом из польского в Закопанем. Потом буду разрабатывать то, что имею о греческом ζ.⁴ Необходимо это сделать, потому что материал все разрастается, а разработка совсем не продвинулась. У меня выводы довольно ясны, что во всех диалектах в древнейшую эпоху письменности было zd как фонетическое соответствие ζ и потом наступило уже в дорич<еских>⁵ говорах dd, а в других сохранные старого zd и лишь в эллинистическое время z. Я очень хотел бы из этого сделать что-нибудь серьезное и предпочитаю кончить работу в рукописи, чтобы еще полежала у меня, чем печатать очень мелкие статьи. Меня только возмущает бездеятельность

мая в славянском языкознании. Диалектологией с женой занимались мы у малор<оссов> в Косове, причем записывали один и тот же материал одновременно оба, независимо друг от друга. Зимой может быть другой раз удастся нам быть там, чтобы окончательно все проверить. По-польски я теперь говорю, хотя достаточно делаю ошибок. Лингвисты очень симпатичные. Зато (чаще всего) встречаюсь с Ничем и Лосем. Rozwadowski переехал на новую квартиру и поэтому занят еще устройством дома, так что ему мешать неудобно. Имели мы здесь уже лингвистическую битву в ресторане, где кроме упомянутых были еще Rudnicki и Smieszek. С Розвадовским виделся я пока только там, но интeресов общих с ним довольно много. Сегодня был я у Рамулты с женой. Он мне прислал свой кашубский словарь через Бодуэна.⁶ Он в странной степени страдает ревматизмом и не может уже несколько 10-ов <десятков> лет ходить. Но наукой он занимается. Он занят теперь кашубскими и полабскими следами в средневековых грамотах и постоянно работает. Его жена дает уроки и поддерживает всю семью. С ним говорить было очень приятно, но трудно. Говорили мы о кашубском вопросе. Я не понимаю (может быть ошибочно) отношения Нича, Бодуэна и др<угих> к этому вопросу. По-моему, не может быть сомнения, что это язык отдельный, не более близкий к польскому, чем к другим соседним западно-слав<янским> <языкам>. На это указывает ударение, прасл<авянское> tort — и др<угие> факты. Жаль, что с Вами не можно об этом побеседовать. Рамулту не доступны статьи Лоренца о кашубском языке на основании географич<еских> названий до XV века. Я Вам был бы очень благодарен, если бы вы прислали ему Известия русск<ого> отд<еления> том X кн<ига> 3, том XI книга I. В таком случае очень прошу Вас направить это по адресу: Prof. Dr. Stefan Ramult, Krakow, Ulica Siemiradskiego 11. Лось не имеет словаря Срезневского и сочинений Веселовского. Он почти ежедневно мне оказывает какую-нибудь услугу. Вы меня очень обяжете пересылкой ему этих книг, особенно сочинения Веселовского его очень интересуют. Его адрес Prof. Dr. Jan Los, Krakow, Loretanska.⁷

Я хотел сначала пробыть в Кракове только 2 месяца, но теперь пробуду вероятно дольше и, как мне кажется, с большей пользой для себя. При частых переездах человек, единственное спасенье которого в знакомстве с литературой, как я, не мог бы за нею следить. Здесь я немного привык уже и знаю, где искать нужные книги. Этимологическими вопросами я никогда не перестану заниматься, но теперь, кажется, я научусь более успешно работать в этой области. В конце концов я не сразу мог привыкнуть. Теперь я выбрал себе специальный семастологический отдел: пастушескую терминологию и за пределы ее пока в своих этимологиях выходить не буду.

Пока всего хорошего! Я и так утомил Вас, как всегда, скучными сообщениями о себе и неприятными для Вас просьбами. Мне очень хотелось бы получить от Вас весточку, но зная, как вы заняты в П<етер>б<ур>ге, не смею надеяться. Жена⁷ просила Вам передать свой сердечный привет, к которому присоединяюсь с просьбой передать его также Вашей супруге.

Искренне уважающий Вас М. Фасмер

Krakow, Studencka 14. M. Vasmer.

¹ Переписка. Л. 16, Л. 16 об., Л. 17, Л. 17 об.

² Основной труд Э. Бернекера, оставшийся незавершенным, — «Славянский этимологический словарь» (Slavisches etmologisches Wörterbuch. Вып. 1—6, 1908—1910, 2-е изд., т. 1—2, 1924, доведен до слова «мор»). Rocznik Slawistyczny — ежегодное издание славистов Польской Академии наук, выпускаемое с 1908 года в Кракове, с 1994 во Вроцлаве.

³ Известная мужская гимназия К. И. Мая находилась в Петербурге на Васильевском острове.

⁴ ζ (название: дзета) — 6-я буква греческого алфавита. От буквы дзета произошли латинская буква Z и кириллическая З.

⁵ Дорида — область древней Греции. Дорический диалект — северная или северо-западная греческая группа наречий в общей классификации древнегреческих диалектов.

⁶ Имеется в виду Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ.

⁷ Цезария Бодуэн де Куртенэ — жена М. Фасмера в 1910—1913 гг.

13¹

Краков, 9 ноября 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Очень Вас благодарю за письмо, которое меня обрадовало. Вопрос о славянской прародине все время меня интересует. А поскольку мы старались сопоставить заимствования праславянские в популярной статье, которая будет напечатана в Харьковской «Народной Энциклопедии» по просьбе Кульбакина, с кот<орым> я познакомился и вместе с женами имел «розмову»,² кишашую полонизмами со всех сторон. Интересно, чем кончится моя практика в славянских языках. С женой говорю только по-польски все время и имею такое чувство, что достаточно еще затруднений в польском яз<ыке> и что только успел забыть русский. Извиняюсь перед Вами, что не посылаю оттиска своей довольно разросшейся рецензии из Roczn<ika> Sl<awistyczn>ego t. III. на Berneker'a. Я пытался там заказать на свой счет, но в интересах издания редакция меня просила этого не делать и ограничиться даровыми экземплярами оттисков. А так приходится очень скупо рас-

сылать. Ведь Вы, если мне не изменяет память, получаете этот журнал.

Работать в библиотеках здесь приятно в том отношении, что имеются в прекрасном порядке все (наи)важнейшие славянские издания. Но книги вновь вышедшие отдельно в П<етер>б<ур>ге гораздо легче было выписывать для Ун<иверситет>ской библиотеки. Сегодня послал Липовскому вступительную лекцию для отчета гимн<азии> Мая «О смешанных языках». На эту тему на днях буду читать реферат в здешнем лингвистическом кружке по-польски. Теперь буду работать (кроме чтения элементов румынского языка) над греч<еским> ζ в старых диалектах и постепенно постараюсь дойти в этом вопросе до новогреч<еского> яз<ыка>. Уже несколько лет у меня накапливается для этого материал. — С января буду в Брно, в апреле, вероятно, в П<е>т<ербург>ге. Для славянской прародины накапливается материал на карточках, назначенных для русского этимол<огического> словаря.³ Verneker (словарь) убеждает меня в том, что теперь надо прежде всего заботиться о словарях отдельных слав<янских> языков.

Может быть, когда-нибудь удастся это написать. Румынские элементы меня уже давно интересовали. Для меня теперь на первом плане в этом вопросе балканская латынь. Как будто удастся найти несколько элементов из этого источника в прасл<авянских> языках. Вы, кажется, склонны отнести прародину в Приднестровье? Так, как будто Вы мне в разговоре намекали. — Затем меня интересуют иранские элементы. Македонский (старый) язык я теперь увереннее считаю негреческим, чем раньше. Особенно рад, что некоторые гласы чешские на основании болгарских новых фактов удастся отстоять перед игнорирующими литературное предание конъюктурами новейшего исследователя макед<онск>ого языка. Большое спасибо за отстояние интересов библиотеки Лося и Рамулта в заседании Академии. У меня имеется к Вам такая нескромная просьба: из дому мне пишут, что из Академии приносили для меня гонорар за библиографию (кажется 90 рублей). Посланное туда лицо хотело вручить деньги только мне лично, а не моей матери, т. к. я не оставил ей полномочий. Если вас не затруднит это, очень просил бы распорядиться о высылке денег по адресу М. Vasmer. Krakow, Studenska 14. Это проще, чем по П<е>т<ербург>скому адресу, раз дело так обстоит. Жена шлет Вам, вместе со мной, сердечный привет. Прошу от меня передать его также Вашей супруге.

Искренне Вас уважающий М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 18, Л. 18 об., Л. 19.

² Rozmowa — по-польски, разговор

³ Вероятно, это одно из первых упоминаний Фасмера о своей главной в жизни работе — Этимологическом словаре русского языка.

Краков, 28 ноября 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Большое количество пропадающих за последнее время на почте писем заставляет меня опасаться, не пропало ли мое письмо, посланное Вам. Если нет, то, конечно, отсутствие с Вашей стороны ответа на него меня не удивляет, т. к. я знаю, как Вы заняты. На всякий случай повторяю вы<ше> сказанную там просьбу. Из П<етер>б<ург>а мне писали, что в сентябре мне принесли гонорар из Известий (90 р<у>бл<ей>). Лицо, приходившее с ним, не хотело выдать этих денег моей матери и удалилось, не выяснив этого вопроса. Очень просил бы Вас поэтому сообщить, где следует, чтобы деньги мне были присланы по адресу Краков, Studencka 14.

Я очень нескромно обращаюсь к Вам, но имею причины, оправдывающие мой эгоизм. В министерстве теперь постановлено высылать деньги командированным без посредства Университета. Мне на днях сообщили об этом из П<е>т<ербург>а, и я поэтому получаю теперь свою стипендию с большим опозданием. В начале января надо будет переправиться в Вену, а для этого я стараюсь заблаговременно устроить свои денежные дела.

Пока работаю над греч<еским> ζ, о чем Вам говорил в П<етербур>ге. Работа чень разрастается и отодвинула на задний план все остальное. Мои выводы пока как будто подтверждаются за исключением того, благодаря которому я начал всю работу. По поводу нашей библиографии я уже написал Бенешевичу два длинных письма, где предлагал практические внешние и внутренние улучшения. Он, по-видимому, с Вами о них говорил. Свою долю для IV книжки пришлю к сроку. Ваш оттиск об «офенях» забыл вернуть Вам и правил у себя в П<етер>б<ург>ге. Вопрос о русских условных языках не перестает меня интересовать, но для этого нужны другие знания языков, чем мои. В конце концов, может, что-нибудь и выйдет.

В апреле предполагаю приехать в П<етер>б<ург> с женой. Там поговорим о многом. Рад был бы получить от Вас самое короткое сообщение о «прародине».

Жена и я сердечно кланяемся Вам и Вашей супруге.

Ваш М. Фасмер

Ns. Я за последнее время чаще переписываюсь с Шухардтом, с которым лично сошелся в Граце. Меня удивляет, почему он еще не состоит корреспондентом Академии, если состоит, например, Штрекель. Уже одна его теория происхождения иберейских диалектов, работы над смешанными языками, über die Lautgesetze,

Vokalismus des Vulgärlauten и проч. Работа его Slawodeutsches und Slawoitalienisches имеет отношение к русск<ому> яз<ыку>.

¹ Переписка. Л. 20, Л. 20 об., Л. 21.

15¹

Краков, 3 декабря 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Благодарю Вас сердечно за письмо, которое очень меня обрадовало. О прародине мне еще надо подумать перед дальнейшим разговором, так неожиданно явился Ваш результат. Что касается денег, то я так чувствую себя неловко ввиду причиняемых Вам хлопот, что стыдно об этом продолжать разговор. <...> С Вами у меня мог быть только такой разговор: моя доля библиографии во 2 книжке XV тома составляла 482 карточки. <...> Дальше у меня было сомнение о 4 книжке XIV тома,² но тут совершенно не помню, получил ли гонорар или нет. Если получил, то раньше 25 мая. Но к тому времени вышла ли книжка?

Скоро напишу Вам о своих занятиях за последнее время. В данный момент я как-то не в настроении писать письма, т. к. завален корректурами.

Искренне Вам преданный

М. Фасмер

Naddawca M. Vasmer, Krakow, Studencka 14.

Е<го> В<ысокопревосходительству> Академику А. А. Шахматову Импер<аторская> Академия Наук, Петербург, Rosja Petersburg.

¹ Переписка. Л. 22.

² Фасмер участвовал в составлении библиографии для «Известий отделения русского языка», том XIV, книга 4 и том XV книга 2.

16¹

Краков, 8 декабря 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Большое Вам спасибо за все Ваши хлопоты. Выписки пришлю сейчас же по получении. Я бы не стал Вас так тревожить, если бы меня не забыло от октября снабжать стипендиями министер-

ство. О прародине боюсь с Вами говорить, т. к. занят совершенно иным вопросом, все тем же греч<еским> ζ. Здесь все время присоединяются новые вопросы. Углубившись, под давлением необходимости, в греческую эпиграфику, я как будто нахожу новые факты в пользу своего мнения о zd. Если знак ζ в древнейшую эпоху имел другое фонетич<еское> значение, то это не противоречит мне, т. к. все почти специалисты теперь пришли к выводу, что начало греческой письменности относится к XII веку до Р<ождества> Хр<истова>. В то время могла быть разница в рефлексах прагреческого zd и прагреч<еского> dj. Потом только около 7 века эти рефлексы могли совпасть. Окончание этой работы, над которой я теперь работаю почти исключительно, не предвидится, если считаться еще с тем, что в ней надо будет критиковать все заимствованные слова в греческом языке: как с «буквой» ζ.

Может быть, в апреле удастся об этом прочесть реферат в Линг<вистическом> кружке, о котором я теперь ничего не слышу. С нетерпением жду момента, когда узнаю подробности о Вашей прародине. Теперь, когда я более основательно ознакомился с культурой и этнографическим составом древнегреческих колоний на юге России, я совершенно недоволен своими попытками отнести ряд греческих заимствований к общеславянской эпохе и признаю в эту эпоху очень мало греческих элементов. Именно поэтому я и предполагаю через несколько лет вместо продолжения своих греко-слав<янских> этюдов издать работу о греческом влиянии в слав<янских> языках. Там будет больше исторического элемента, чем в «этюдах» и совсем другая разработка. — Но именно ввиду такого отношения своего к греческим элементам общеслав<янского> языка, я теперь, пожалуй, готов согласиться с Вашим мнением о северной прародине. Иная, при высокой культуре греческих колоний на сев<ерном> берегу Черного моря незначительность греческого влияния была бы непонятна. Может быть, и Вы в апреле успеете прочесть доклад на эту тему? Жена теперь только и говорит со мной о прародине. Я при своих занятиях текстами теперь постоянно делаю выписки мест, относящихся к определению границ древних народов. Может быть, потом пригодится.

Еще вопрос: хотя мне Nitsch часто говорит, что отдел общезыкозн<ания> и сравнит<ельной> инд<о>-евр<опейской> грамм<атики> не относится к славянской библиографии, но я продолжаю их сохранять, хотя бы для того, чтобы давать понятия о новинках литературы этих отделов русским читателям. Может быть, когда-нибудь эти отделы разрастутся в особые библиографии, когда у нас будет свой лингвистический журнал? Или вы соглашаетесь с Nitsch'em? Фортунатов мне говорил весной, что он эти отделы считает полезными. Рамулт сердечно просит Вас

поблагодарить за 2 книжки «Известий». Жена и я сердечно кланяемся Вам и Вашей супруге.

Искренне Вам преданный
М. Фасмер

До 12 января н. ст.: Studencka 14.

¹ Переписка. Л. 23, 23 об., 24.

17¹

Краков, 12 декабря 1910.

Дорогой Алексей Александрович!

Получил сегодня за свое участие в библиографии «Известий отделе́ния> русск<ого> яз<ыка>» т<ом> XIV, кн<ига> 4 и т<ом> XV кн<ига> 2 сумму в двести корон, 19 гелеров = семьдесят восемь рублей 82 копейки. Сердечно благодарю Вас за это. Как это всегда бывает в таких случаях, одновременно получил огромную сумму из министерства, так что несколько месяцев совершенно могу не думать о таких скучных вопросах. Передайте пожалуйста наш поклон Вашей супруге.

Искренне Вам преданные
М. и Ц. Фасмер.

¹ Переписка. Л. 25.

18¹

Вена, 4 февраля 1911.

Дорогой Алексей Александрович!

Очень меня обрадовало Ваше письмо, но очень также сконфузило. Я все время собирался Вам написать, наконец Вы меня предупредили. Не писал я, потому что энергичнее чем раньше благодаря отличной Университет<ской> Библиотеке работал над своим ζ. Материалы из надписей у меня почти все уже собраны и распределены по местностям. Но теперь дело осложняется грамматической литературой древнего времени и литературными текстами в диалектической форме, наконец, приходится еще считаться со всей лингвистической литературой. Я рад, что в большинстве случаев я соглашаюсь с Бругманом. Не соглашаюсь пока в двух главных <вопросах>, если не считать мелочей. В дорических диалектах и западно-фессалийском, который подвергался сильной доризации, мне кажется, прагреч<еское> zd дало резуль-

тат, отличный от того z, которое получилось из прагреч<еских> dj, gj. Бругман предполагает, что во всех этих случаях получилось одинаково ζ. Между этим рефлексом прагреч<ского> zd там является gd, очевидно через žd, а рефлексом dj, gj является через посредство давнего zd (но более позднего чем прагреч<еское> zd) — долгое d (в письмах δδ). Очевидно прагреч<еское> zd уже изменилось в žd, когда прагреч<еское> dj, gj через посредство долгого z дало zd и долгое d(d). Различие между zd и žd у меня перешло в полную уверенность, что в надписях имеется ζοιϛδδω но Διорδοτος. Интересно, как все это обнаружится в аттических надписях. Затем много времени потратил на изучение кипрско-го силлабического шрифта. Проверил по<чти> все случаи, где встречается буква для сочетания ζα и убедился, что там всюду вместо него следует читать γα. Около месяца работал над кипрскими надписями и пришел к выводу, который в 70-ых годах считался единственно возможным. Но печальнее всего то, что кипрские надписи для вопроса о фонетическом значении zd (ζ) не дают никаких материалов.

Очень запутаны отношения в критских надписях. Там для zd прагреческого нет примеров, но прагреч<еские> dj, gj пишутся сначала в виде ζ (=zd), затем с V века до Р<ождества> Хр<истова> еще через ζ и δδ, т. к. zd изменилось в dd, а от 2 века до Р<ождества> Хр<истова> еще через ττ, т. к. это dd сохранило взрывную артикуляцию, а старое δ изменилось в спирант.²

Работа так разрастается, что мы уже оставили надежду быть в апреле в П<етер>бурге, хотя очень нам досадно так долго не видеться <с> родными и приятелями.

С нетерпением жду в Архиве Вашей прародины.³ Я уже давно хотел предложить Вам свои услуги при переводе Ваших статей на немецкий язык, но и теперь не слишком поздно об этом вспоминать. В будущем, надеюсь, Вы мне дадите возможность оказать Вам эту маленькую услугу. Я так часто Вас беспокоил!

Затем, если Вам кажется, что я могу быть Вам полезен при корректуре Вашей статьи о прародине, то с удовольствием принял бы участие в чтении ее, но боюсь, что с помощью моя будет слишком мала.

Здесь мы пока живем гораздо спокойнее, чем в Кракове. Жена работает над польским молитвенником XVI века и усиленно скрывает от меня свои выводы, а я постоянно сообщаю ей о ходе моих занятий. Были мы пока только 2 раза у Ягича. 2-ой раз с Поржезинским, с которым провели вместе 2 дня, и с семьей Решетара. К последним собираемся на днях. В библиотеке я познакомился с Локлем, писавшим о «Entnasalisierungsgesetz». С ним часто беседую там. Он теперь занят албанским языком, где находит много интересных вещей. С другими я не успел еще встретиться.

Вообще мы скоро привыкли к Вене. Здесь уже совсем пахнет весной: прекрасный город и здоровый климат, но с другой стороны нет таких прекрасных людей, как Розвадовский в Кракове, которые так много рассказывали о своих занятиях.

Уже собираясь кончить свое, я замечаю, что Вы еще не послали Ягичу <свою> статью. Если можно, пришлите мне! Я ее переведу и доставлю, не задерживая, Ягичу.

Жена и я сердечно кланяемся Вашей супруге и Вам.

Искренне уважающий Вас М. Фасмер.

Wien VIII, Josefgasse 12 III.

¹ Переписка. Л. 26—27 об.

² Спирит — фрикативный согласный звук

³ Речь идет о статье А. А. Шахматова «К вопросу о древнейших славянско-кельтских отношениях» (*Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen*) в журнале «Archiv für slavische Philologie», которая вышла в 33 номере за 1912 г.

19¹

Вена, 16 марта 1911.

Дорогой Алексей Александрович!

Бенешевич пишет мне о нашей библиографии непонятные для меня вещи. Он пишет, что следует упразднить «сравнительно-грамматику» и «языкознание (общее)». Мне это представляется очень странным, т. к. для русских ученых эти отделы полезны были, и, если не ошибаюсь, Ф. Ф. Фортунатов первых из них специально хвалил в разговоре со мной. Из Кракова я послал Бенешевичу свою часть библиографии. Я уже перед отъездом говорил ему, ввиду недоразумений с первыми книжками, что буду сотрудничать, только если корректуры мне будут присылаться. Теперь же он, по-видимому, забыл это сделать. Прошу поэтому не удивляться, что до сих пор я совершенно не забочусь о следующих книжках. Я начну это делать только после получения корректуры.

Получили ли Вы мое письмо из Вены? Я теперь очень занят все тем же вопросом, но собираюсь уже часть материалов о ζ подготовить уже к печати. Замечательно интересный вопрос! От Ягича получил сведения о вашей работе, из газет — о Ваших университетских заботах.

Сердечно Вас приветствуем с женой и желаем Вам и Вашей супруге всего хорошего!

Ваш М. Фасмер

¹ Переписка. Л. 28—28 об.

Вена, 14 апреля 1911.

Дорогой Алексей Александрович!

На праздники сюда приехал Розвадовский с женой, и мы все время почти были вместе. Неожиданно для меня закрыли теперь на неделю Университетскую библиотеку и я принужден буду позднее, чем думал, прислать свою библиографию. Я забыл ему и вам написать, что моя последняя библиография в ноябре или декабре была предназначена для 4 книжки Изв<естий>. Затем я надеялся, что в 1 кн<иге> будет одна библиография пропущена и вм<есто> нее указатель, и думал, что, продержав корректуру 4<-ой> кн<иги>, успею еще вовремя приготовить все для 2 кн<иги> XV тома. Теперь же, как будто, оказалась без указателя 1 кн<ига>, а 4 кн<ига>, вероятно, без всякой лингвистич<еской> библиографии? Ваша работа о финско-слав<янских> отношениях очень меня интересует. Удивляет меня отсутствие, как будто, очень старых финских заимствований в славянских языках.

Мои работы над ζ опять осложняются новым явлением. Я теперь собираю из литературных текстов слова с эолийской формой (ζα) предлога δια — напр. Ζαεος «весьма божественный» и проч<ие>. Их очень немного, но немногие слова всюду повторяются. По моему мнению, это — явление только эолийское, сравнительно позднее, а в других говорах такие слова — заимствования из поэтического языка. Действительно, они всюду появляются в стихотворных надписях. Пишу теперь для печати часть своей работы, которую пошлю в JF.

Не знаю, удастся ли раньше 15 мая ст<арого> стиля выехать отсюда. Потом около 2 недель будем в Германии и только в начале нашего июня приедем в П<етер>б<ург>. Иначе, боюсь, что работу придется остановить в середине. Надеюсь, что Вы в конце августа будете в П<етер>б<ург>е, если не в июне, а между тем Вам следовало бы отдохнуть летом. Вы спрашиваете меня, не должна ли мне редакция за карточки. За 3-ю книжку может быть должна. Там я имел 462 карточки. Если в 4 кн<иге> не было библиографии, то последняя вышла в 1 кн<иге> XVI тома. Там у меня было 778 карточек. Впрочем, относительно первой я не знаю, не получил ли я уже гонорар. Я не записываю ничего и вообще еще более плохой математик, чем лингвист. Очень Вам буду благодарен, если это будет послано в Вену. Из научных новинок пожалуй самая важная теперь — окончание 2 тома <нрзб>. Я ее выписал, но еще не получил. Недавно Марр мне прислал свою лазскую грамматику.² Меня очень она интересует. Его этимологии целого ряда армянских слов, несомненно до сих пор считавшихся инд<о>-евр<опейскими>, меня совершенно убеждают.

Очень возможно, что армянский такой же смешанный язык как албанский.

Письмо это я думал кончить в тот же день, как начал, но не пришлось, и оно пролежало у меня в столе. Сердечно приветствую Вас к праздникам³ и желаю всего хорошего. Только что получил я корректуру библиографии I кн<иги> вторично. Теперь нет сомнения, что за последнюю библиографию я не получил гонорара. На днях ближе познакомился с здешним праздником <нрзб.>, а затем вместе с Розвадовским был у Вондрака, который готовит 2-е издание своей *Altkirchenslav<ische> Grammatik*.⁴

Жена и я сердечно Вам кланяемся. Искренне Ваш

М. Фасмер

Ns. На днях вышла Meyer — Lübecke, *Etymologisches Wörterbuch d<er> roman<ischen> Sprachen* вып. 1.

¹ Переписка. Л. 29—30 об.

² *Март Н. Я.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. Петербург, 1910. Лазский язык родственен мегрельскому и входит в отдельную от грузинского мегрело-занскую (мегрело-чанскую) языковую группу картвельской семьи языков.

³ Очевидно речь идет о Пасхе

⁴ Vondrák, Václav. *Altkirchenslavische Grammatik*, 2. Aufl. Berlin 1912.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ М. ФАСМЕРА

Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1938) — российский и советский историк, византист, палеограф, специалист в области церковного права, член Императорского Православного Палестинского Общества, чл.-кор. РАН (1924).

Бернекер Эрих (Berneker Erich; 1874—1937) — немецкий языковед-славист и балтист, работал над Славянским этимологическим словарем.

Билештейн Август Иоганн Готфрид (1826—1907) — знаток и исследователь латышского языка, собиратель песенного латышского фольклора, чл.-кор. Петербургской Академии наук (1890).

Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (Baudouin de Courtenay, Jan Nicislaw Ignacy, 1845—1929) — русский лингвист польского происхождения, создатель Казанской лингвистической школы, специалист по сравнительному языкознанию.

Бодуэн де Куртенэ Цезария (1885—1967) — польский этнолог и этнограф. Дочь Ивана Бодуэна де Куртенэ. В 1910—1913 гг. — жена М. Фасмера.

Бругман Карл (Brugman(n), Karl; 1849—1919) — немецкий лингвист, специалист в области сравнительного языкознания и индоевропеистики.

Вакернагель Якоб (Wackernagel Jacob; 1853—1938) — швейцарский лингвист, специалист в области греческого языка и индологии.

Вандриес Жозеф (Vendryes Joseph 1875—1960) — французский лингвист — кельтолог и индоевропеист.

Видеман Фердинанд Иванович (Иоганн) (Wiedemann F.; 1805—1888) — лингвист, специалист по финно-угорским языкам, академик Петербургской Академии наук. Автор первого ливского словаря. Издал эстонско-немецкий словарь и Описательную грамматику эстонского языка.

Вольтер Эдуард Александрович (1856—1941) — российский и литовский лингвист, этнограф, фольклорист, археолог; приват-доцент Петербургского университета; в 1910—1920 гг. заведовал первым Фонетическим отделением при библиотеке Академии Наук в Петербурге.

Вондрак Вацлав (Vondrák Václav; 1859—1925) — чешский филолог, специалист по старославянским языкам и сравнительной грамматике славянских языков. Член Чешской Академии наук и искусств, в 1903—1919 гг. профессор Венского университета (преподавал сравнительную грамматику славянских языков).

Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — русский славяновед, собиратель и исследователь былин. Сборник «Онежскія былины записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года» вышел в 1873 г. (СПб., тип. Имп. Академии наук).

Даукша Микалоюс (Николай Даукша, лит. Mikalojus Daukša; ок. 1527—1613) — один из создателей литовской письменности, переводчик.

Йокль Норберт (нем. Jokl, Norbert; 1877—1942) — австрийский филолог, один из основоположников албанистики.

Корш Фёдор Евгеньевич (1843—1915) — русский филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик.

Кульбакин Степан Михайлович (1873—1941) — русский филолог-славист, палеограф, профессор Харьковского и Белградского университетов, член Сербской Академии наук.

Курц Эдуард Генрихович (1845—1925) — филолог-классик балтийско-немецкого происхождения, специалист в области византиноведения на территории современной Латвии.

Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк-славист, геополитик, создатель исторической школы русских славистов, общественный деятель.

Липовский Александр Лаврентьевич (1867—1942) — педагог, историк, славяновед. Директор гимназии и реального училища Карла Мая (1906—1920 гг.).

Лоренц Фридрих Карлович (Lorentz Friedrich Wilhelm Oloff Johannes; 1870—1937) — немецкий лингвист, этнограф, историк, член Западнославянского института (Instytut Zachodnio-Słowiański) в Познани, чл.-кор. Российской академии наук. Известен работами по языку, культуре и истории кашубов; изучал словенские говоры.

Лось Ян (Иван Людвигович) (Lós Jan; 1860—1928) — российский и польский славист, приват-доцент Петербургского университета, профессор Ягеллонского университета. Член Польской академии знаний, иностранный чл.-кор. АН СССР (1927).

Май Карл Иванович (May, Karl Johann; 1820—1895) — русский педагог, последователь педагогических взглядов Н. Н. Пирогова и К. Д. Ушинского. В 1856 возглавил петербургскую частную мужскую школу, впоследствии ставшую известной как «Гимназия Мая».

Март Николай Яковлевич (1864—1934) — востоковед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик имп. Академии наук (1909), академик и вице-президент Академии наук СССР.

Нич Казимир (1874—1958) — польский языковед, славист, диалектолог, профессор Ягеллонского университета в Кракове. Проводил в начале XX века диалектологические исследования в Кашубском Поморье.

Поржезинский Виктор Карлович (1870—1929) — русский и польский языковед, член Польской АН (1925). Окончил Московский университет (1892), был учеником Ф. Ф. Фортунатова.

Радлов Василий Васильевич (Radloff Friedrich Wilhelm; 1837—1918) — российский (немецкого происхождения) востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов.

Рамстедт Густав Йон (Ramstedt G. J.; 1873—1950) — финский лингвист и дипломат, специалист по исторической лингвистике уральских, алтайских, корейского и японского языков.

Рамулт Стефан (Ramułt, Stefan; 1859—1913) — польский лингвист, исследователь кашубского языка. Составил первый наиболее объёмный словарь кашубского языка.

Решетар Милан (1860—1942) — сербохорватский лингвист, славист, нумизмат и историк.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

Розадовский Ян Михал (Rozwadowski, Jan Michal; 1867—1935) — польский лингвист, исследователь профессор индоевропейских языков, профессор Ягеллонского университета в Кракове.

Руднев Андрей Дмитриевич (1878—1958) — исследователь монгольских диалектов, преподаватель. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета.

Рудницкий Миколай (1881—1978) — польский языковед. Учился в Ягеллонском университете в Кракове. Специалист в области индоевропейского и славянского языкознания.

Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист, этнограф, палеограф, академик Петербургской Академии наук (1851). В 1855—1880 гг. — декан историко-филологического факультета Петербургского университета.

Ульянов Григорий Константинович (1859—1912) — языковед, профессор, декан историко-филологического факультета и ректор Императорского Варшавского университета (1899—1904).

Фортунатов Федор Федорович (1848—1914) — лингвист, профессор, действительный член Петербургской Академии наук (1898), основатель московской лингвистической школы.

Хирт Герман (Hirth Hermann) (1865—1936) — немецкий индоевропеист. С 1896 профессор в Лейпцигском, с 1912 в Гессенском университетах.

Чернышёв Василий Ильич (1866—1949) — русский языковед, чл.-кор. Академии наук СССР (1931).

Штрекель Карл (Štrekelj K.; 1859—1912) — австрийский филолог-славист; чл.-кор. по Отделению русского языка и словесности (с 1902 г.)

Шухардт Гуго Эрнст Марио (Schuchardt, Hugo Ernst Mario; 1842—1927) — немецкий лингвист, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, креольским, романским и бакскому языкам. Основатель и главный представитель «Школы слов и вещей» (Wörter und Sachen), призывавшей изучать слова в связи с вещами, т. е. в культурно-историческом контексте.

Ягич Игнатий (Ватрослав) Викентьевич (Jagić Vatroslav; 1838—1923) — филолог-славист, фольклорист, лингвист, литературовед, историк, палеограф и археограф. Академик Петербургской Академии наук (1880). Один из крупнейших экспертов в области славянского языкознания во второй половине XIX в. Основал первый международный славистический журнал «Archiv für slavische Philologie» (1875—1929), редактором которого был в течение сорока лет.

Smieszek Antoni Józef (1881—1943) — польский египтолог и лингвист.

* * *

Аннотация: В публикации представлены письма М. Фасмера к А. А. Шахматову, написанные в течение 1908—1911 гг., снабженные вступительной заметкой и комментариями Е. Шён. Письма представляют большой научный интерес не только для историков языка, но также для фольклористов, диалектологов, исследователей традиционной культуры.

Ключевые слова: М. Фасмер, А. А. Шахматов, переписка, история русского языка, этимология, славянские диалекты

Abstract: The publication presents M. Vasmer's letters to A. A. Shakhmatov written during 1908—1911, with an introductory note and comments by E. Schön. The letters are of great scientific interest not only for historians of the language, but also for folklorists, dialectologists, researchers of traditional culture.

Keywords: M. Vasmer, A. A. Shakhmatov, correspondence, dialectology, history of the Russian language, etymology, Slavic dialects

**«ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР
ДМИТРИЕВИЧ!»: ПИСЬМА Н. Е. ОНЧУКОВА
К В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ 1930-Х гг.**

Публикация Н. Г. Комелиной

В настоящую публикацию вошли 20 писем Николая Евгеньевича Ончукова (1872—1942)¹ к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу (1873—1955) за 1930—1933 гг., хранящиеся в фонде В. Д. Бонч-Бруевича в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).² Это лишь первая часть переписки, и в дальнейшем мы надеемся продолжить ее публикацию.³

¹ См. о нем: *Иванова Т. Г.* 1) Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4. С. 126—137; 2) Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 168—186; 3) Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996 (1998). Т. II. № 4. С. 242—251; *Налепин А. Л.* Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. М., 1988. Вып. 10. С. 76—94; *Неизвестная автобиография Н. Е. Ончукова* / Публ. В. Ю. Дудник // *Из истории русской фольклористики*. Вып. 3. Л., Наука, 1990. С. 117—120.

² ОР РГБ Ф. 369. Кар. 312. В настоящей публикации представлены 20 писем из единицы хранения № 10. Письма к В. Д. Бонч-Бруевичу (1930—1933 годов. 55 писем).

³ В ОР РГБ (Ф. 369) имеются также следующие документы, касающиеся жизни и деятельности Н. Е. Ончукова (указываются номера единиц хранения): № 11: Письма к В. Д. Бонч-Бруевичу (1934, 1935 гг., 53 письма); № 12: Письма к В. Д. Бонч-Бруевичу (1936 г., 26 писем); № 13: Письма к В. Д. Бонч-Бруевичу (1937—1939 гг., 30 писем); № 14: Ончуков Н. Е. Письмо к Александровой Лидии Апполоновне; № 15: Ончуков Н. Е. Письмо к М. Горькому (от 28 дек. 1931 г.); № 16. Ончуков Н. Е. Заявление в ГПУ (от 11 ноября 1932 г.); № 17. Ончуков Н. Е. Письма к А. А. Ончуковой (Булавкиной) (1941 г., январь — июнь, 50 писем); № 18. Ончуков Н. Е.

Н. Е. Ончуков известен, в первую очередь, как собиратель фольклора. Наиболее весомым вкладом в науку были следующие сборники: «Печорские былины» (СПб., 1904), «Северные сказки» (СПб., 1908) и «Северные народные драмы» (СПб., 1911).

Его корреспондент Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в 1933—1945 гг. возглавлял созданный им Государственный литературный музей. Революционер и большевик, друг и соратник В. И. Ленина, он был крупным исследователем русского сектантства и раскола. Владимир Дмитриевич участвовал в переселении духоборов в Канаду в 1898 г., издавал «Материалы к истории и изучению русского сектантства»,⁴ опубликовал сборник писем «Животная книга духоборцев» (СПб., 1909), занимался библиографией раскола и сект, к работе над которой привлек Н. Е. Ончукова.

Публикуемый в настоящем издании фрагмент переписки с В. Д. Бонч-Бруевичем связан со сложным периодом в жизни Н. Е. Ончукова: пребыванием в ссылке и возвращением в Ленинград в 1932 г. Арест Н. Е. Ончукова (1 октября 1929 г.) был связан с разгромом советского краеведения. Пробыв в тюрьме до 23 июня 1930 г., Ончуков был приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Работал дезинфектором в Котласе, а затем в Никольске принимал участие в борьбе с эпидемией тифа среди ссыльных. В одном из первых писем к В. Д. Бонч-Бруевичу Н. Е. Ончуков подробно рассказывает об обвинении, причине ареста и ссылки, своей работе в послереволюционные годы.

В. Д. Бонч-Бруевич советует ссыльному этнографу заняться собиранием фольклора. Николай Евгеньевич хочет заниматься

Письма к Ончуковой (Булавкиной) (1941—1942 гг., 55 писем); № 19. Ончуков Н. Е. Письма к Павловой Ксении Сергеевне (1935—1939 гг.); № 20. Ончуков Н. Е. В комиссию по делам частных амнистий, Смидовичу Петру Гермогеновичу (1932 г.); № 21. Ончуков Н. Е. Ходатайство о помиловании в Президиум ВС СССР. Черновое. (1940 г.); № 22. Ончуков Н. Е. Письма от разных лиц (10 писем); № 23—26. Письма жены А. А. Ончуковой-Булавкиной) и др. В РГАЛИ в фонде 1366 также хранятся материалы Н. Е. Ончукова и его переписка. Ответных писем В. Д. Бонч-Бруевича 1930—1932 гг. нами пока не обнаружено. В РГАЛИ есть два письма В. Д. Бонч-Бруевича Н. Е. Ончукову 1937 и 1939 годов (Ф. 1366. Оп. 2. Ед. хр. 6). Кроме того, в отделе рукописей БАН также имеется собрание Н. Е. Ончукова, работа с которым еще предстоит.

⁴ См. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. II. Животная книга духоборцев / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1909; Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Вып. IV. Новый Израиль / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1911; Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России. Вып. VII. Чемреки / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1916; *Бонч-Бруевич В. Д. Духоборцы в канадских прериях*. Пг., 1918. Более подробно см.: *Эткнд А. Секты. Литература и революция*. М., 1998.

научной работой, собирательскую деятельность он считает уделом начинающего краеведа, по крайней мере, он использует это в качестве аргумента, почему он мечтает побыстрее освободиться из ссылки.

В. И. Еремина считает, что Н. Е. Ончукову помог вернуться из ссылки М. Горький.⁵ Однако судя по письмам к В. Д. Бонч-Бруевичу, именно Владимир Дмитриевич сыграл в этом решающую роль.

По возвращении из ссылки в Ленинград Н. Е. Ончуков работает в Словарной комиссии Академии наук, в Институте речевой культуры. Но положение краеведа шаткое, место работы непостоянное, заработок временные и скудные. В письмах Н. Е. Ончуков постоянно просит протекции (в получении персональной пенсии, справках, рекомендациях и ходатайствах). Просьбы касаются как научной деятельности (участия этнографа в «Звеньях»),⁶ так и бытовых и житейских вопросов (получение паспорта, покупка комнаты и пр.).

В публикуемых письмах говорится о посредничестве Н. Е. Ончукова в приобретении Государственным литературным музеем архива Дружининых, о работе над статьей «Песни и легенды о декабристах», опубликованной в «Звеньях».⁷ Н. Е. Ончуков предлагает и другие материалы для публикации в этом издании: песню о восстании Семеновского полка в 1820 г., мемуарную заметку о своем участии в передаче послания Л. Н. Толстого духоборческому лидеру Петру Веригину, статью об источниках романов П. И. Мельникова-Печерского и П. Д. Боборыкина.

После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Ончуков получил уведомление от НКВД в четырехдневный срок покинуть Ленинград. В апреле 1935 г. он с женой переехал в Пензу. Там же 5 октября 1939 г. Н. Е. Ончуков был вновь арестован, на сей раз по обвинению в контрреволюционной агитации (статья 58.10, 11).

В ходатайстве о помиловании в Президиум Верховного Совета СССР от марта 1940 г. Н. Е. Ончуков признается, что имели место неосторожные знакомства и ведение разговоров «в самом узком круге моих знакомых».

⁵ *Еремина В. И.* Жизнь и деятельность Н. Е. Ончукова. Собрание «Заветных сказок» // Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Издание подгот. В. И. Еремина и В. И. Жекулина. М., 1996. С. 31.

⁶ «Звенья» — неперIODические сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века, в составлении и редактировании которых активно участвовал В. Д. Бонч-Бруевич. В 1932—1936 гг. вышли первые 6 томов.

⁷ *Ончуков Н. Е.* Песни и легенды о декабристах // Звенья. 1935. № 5. С. 5—43.

«17—19 марта 1940 г<ода> Судебная комиссия по уголовным делам пензенского облсуда рассматривала групповое дело по обвинению Арболевского, Кипарисова, Глебова, Студенского, Лестведева [скорее всего — Медведева — Н. К.] и пишущего эти строки Ончукова, Н. Е. по обвинению» 58.10 и 58.11 УК РСФСР. В течение судебного процесса обвинение по ст. 58.11 от всех обвиненных отпало, по ст. 58.10 часть подсуд<имых> была оправдана, часть осуждена на разные сроки лишения свободы. Я, Ончуков, получил 10 лет лишения свободы (5 лет поражения в правах). Обвинялся я в контрреволюционной агитации против Совет<ского> строя и власти и в опoшлении Советской печати. Смело говорю, что агитацией как таковой я никогда не занимался, а имели место разговоры в самом узком круге моих знакомых, которые суд признал за агитацию. Но и ведение этих разговоров я теперь считаю совершенно недопустимым, легкомысленным и даже преступным и, находясь в течение 20-месяцев сначала в Пензенской тюрьме, а с 23 декабря в колонии ИТК, глубоко в своем поведении раскаиваюсь и признаю себя виновным. <...> И только неосторожное знакомство с некоторыми недостойными лицами привело меня на скамью подсудимых, а затем к судебному приговору и в тюрьму».⁸

Письма Н. Е. Ончукова к В. Д. Бонч-Бруевичу проливают свет на некоторые факты биографии репрессированного этнографа, дают возможность понять академическую «кухню» Ленинграда 1930-х гг. Н. Е. Ончуков был достаточно смел в своих высказываниях, его, например, очень удивляет, что был изъят из обращения «Этнографический вестник», возмущает, что на интересном докладе Н. Маторина присутствуют всего пара человек и пр. Наблюдения над научной жизнью, бытовые зарисовки (коммунальная жизнь двух академических сотрудников), административные трудности (требование справок, соответствий и пр.) погружают читателя писем в атмосферу ранних 1930-х гг.

Письма публикуются по рукописям, хранящимся в фонде В. Д. Бонч-Бруевича в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 369. Кар. 312. № 10. Ончуков Н. Е. Письма к В. Д. Бонч-Бруевичу. 1930—1933), в соответствии с нормами современной орфографии. Все подчеркивания в письмах сделаны Н. Е. Ончуковым.

⁸ ОР РГБ. Ф. 369. Кар. 312. № 21. Ончуков Н. Е. Ходатайство о помиловании в Президиум Верховного Совета СССР. 1940 март 17—20. Черновое. 5 лл.

ПУБЛИКАЦИЯ

1

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Дмитриевич!

Очень, очень благодарен Вам за новое заступничество за меня в тяжкий для меня момент жизни. Право на трехмесячное удостоверение я уже получил и, по-видимому, при пересмотре решения паспортного пункта Районной тройкой решающую роль сыграла Ваша справка о моей работе у Вас в «Звеньях». Теперь, с Вашим письмом к т<оварищу> Кирову, я буду чувствовать еще тверже и буду надеяться, что получу и паспорт. Жену мою (специалист ботаник)⁹ поддержал вице-президент Академии Н<аук> Вл. Л. Комаров,¹⁰ написав рекомендацию о ее 25-летней непрерывной и беспорочной службе при нем, как его аспирантки, и в Ботаническом саду, и в Университете, и она уже получила право на паспорт на три года. <...>

По получении Вашего письма вчера, сейчас же съездил к Дружининим.¹¹ Галина Марковна¹² порадовала меня тем, что часть архива они сумели вернуть домой, и она руками показывала пачку материалов с ½ аршина, где есть письма Гончарова, Островского, Даля и пр. Все это, по ее словам, так ценно, что она не решается послать Вам почтой, а намерена сама ехать к Вам в Москву и вручить все эти сокровища Вам лично. У нее также горе: ее родной матери также дали 10 дней для выезда.

Я уже давно отобрал Вам, очень правда немного, из своего архива по старообрядчеству, но переживания последних недель совершенно выбили меня из колеи, и я ничего не мог делать.

⁹ Булавкина-Ончукова Анна Александровна (1882—1947) — вторая жена Н. Е. Ончукова. Видимо, знакомство с мужем произошло на Географическом факультете, где они оба преподавали. Анна Александровна была талантливым ботаником, кандидатом ботанических наук.

¹⁰ Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — известный ботаник и географ, вице-президент (1930—1936) и президент (1936—1945) Академии наук СССР.

¹¹ Н. Е. Ончуков был посредником в приобретении архива Дружининых (материалов писателя и критика Александра Васильевича Дружинина (1824—1864) и его племянника археографа и этнографа Василия Григорьевича Дружинина (1859—1937). (Сейчас архив хранится в РГАЛИ. Ф. 167).

¹² Дружинина (Степанова) Галина Марковна (1906—1942) — вторая жена сына Василия Григорьевича Дружинина — Александра Григорьевича (1890—1939). Умерла в блокадном Ленинграде (см. *Попова-Яцкевич Е. Г. Василий Григорьевич Дружинин, его предки и родственное окружение // Памяти В. Г. Дружинина (1869—1936). Материалы научных чтений.* СПб., 2010. С. 121—135).

И впредь твердо рассчитывайте на меня в деле приобретения и поисков литературных памятников для Вашего Ценлитмузея. Всемирно буду стараться заслужить Ваше исключительно доброе отношение ко мне.

15/IV 1930 г. Бесконечно благодарный

Ваш Н. Ончуков

Если я останусь-таки в Ленинграде, не поручите ли Вы мне подготовить к печати и комментировать письма Даля, если, конечно, Вы будете их печатать в «Звеньях»?

2

23/1 31 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Бесконечно благодарен Вам за Ваше доброе письмо от 29/XII 30 г., которое я получил вчера. Оно влило в меня бодрость и надежду, что снова могу уехать в Ленинград к семье и своим работам. Посылаемое при сем заявление на имя тов<арища> Окулова,¹³ надеюсь, с соответствующим отзывом обо мне, и тогда, м<ожет> б<ыть>, скоро и свобода! Торопиться мне нужно, уже 66 лет,¹⁴ и не за горами и смерть, а замыслов еще у меня много, и работать я могу.

Что касается записей о импер<иалистической> и гражданской войнах и революции, то это я делаю с начала революции, и дома у меня богатый материал и неоконченная статья.¹⁵ Продолжаю я, конечно, и здесь кое-что записывать.

Перечисленные неоконченные работы, как есть, — все актуального значения, поэтому особенно обидно сидеть здесь и уподобляться начинающему краеведу. Место здесь не особенно интересное: слишком близко Котлас, бывший экономический центр, жизнь здесь нивелируется. Еще раз благодарю Вас и теперь буду ждать результатов своей просьбы и Вашего заступничества.

Безмерно благодарный Вам

Н. Ончуков

Адрес старый: Котлас, Хирургическая районная больница

¹³ Возможно, это Г. Окулов — председатель Котласского исполнительного комитета в 1930 г.

¹⁴ Н. Е. Ончуков ошибается. В то время Ончукову было 58 лет.

¹⁵ В фонде 1366 Н. Е. Ончукова в РГАЛИ хранятся его фольклорные записи. Однако материалов, соответствующих описанным в письмах, выявлено не было. О важности записывания актуального политического фольклора Н. Е. Ончуков говорил в методичке по собиранию произведений устного народного творчества (См.: *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать по народному творчеству // Краеведение. 1925. Т. 2. № 3/4. С. 269—284).

6.XII. 31 г. с. Вондокурское

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Недавно из Вашей статьи «Ленин о поэзии» узнал мнение В. И. Ленина о моей книге «Северн<ые> сказки». ¹⁶ И пользуясь этим, хочу попытаться изменить хотя в некоторой степени свою печальную судьбу.

1 сентября 30 года я был арестован, обвинен в принадлежности к контр-револ<юционной> организации, которой и во сне никогда не видал (сам следователь также не мог назвать ее). Просидел я в ДПЗ ¹⁷ сначала на Шпалерке, ¹⁸ затем в Крестах ¹⁹ 11 месяцев (2 ½ м<есяца> в одиночке), и выслан на 3 года в Северн<ый> Край. Здесь, в Котласе, 2 ½ мес<яца> работал дезинфектором в заразн<ом> бараке ²⁰ и ДПЗ оперсектора ВГПУ, теперь за сокращением штата уволен, и живу в селе Вондокурском, в трех верстах от Котласа. Сижу без работы, еле питаюсь, живу без книг, мерзну, по вечерам без керосину, влачу бесцельное,

¹⁶ Сборник «Северные сказки» вышел в 1908 г., в него вошли записи из Архангельской и Олонецкой губерний. Имеется в виду статья: *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин о поэзии // На литературном посту. 1931. № 4. С. 4—8. Бонч-Бруевич вспоминает о том, что дал Ленину фольклорные сборники. Тот, просмотрев их, ответил: «Смотрите! — в сказках Ончукова, которые я перелистал, — ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни» (С. 4). Более поздняя статья: *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин об устном народном творчестве // Советская этнография. 1954. № 4. С. 117—131. М. К. Азадовский пишет о том, что в своем высказывании Ленин сделал акцент на «необходимость изучения русских сказок «под социально-политическим углом зрения». Просмотренные им сборники Ончукова и Добровольского он считал очень пригодными для этой цели и видел в них превосходный материал для исследования о «народных чаяниях и ожиданиях» (*Азадовский М. К.* История русской фольклористики. Т. 2. М., 2013. С. 333).

¹⁷ Дом предварительного заключения.

¹⁸ «Шпалеркой» называлась следственная тюрьма при «Большом доме» ОГПУ: дом № 4 по Литейному проспекту и 23—25 по тогдашней улице Войнова (ныне опять Шпалерной).

¹⁹ Кресты — следственный изолятор в Санкт-Петербурге / Ленинграде. Изначально петербургская одиночная тюрьма.

²⁰ Н. Е. Ончуков по первому образованию был врачом. В 1890—1893 гг. учился в школе лекарских помощников в Казани, работал фельдшером в Казани (*Иванова Т. Г.* Н. Е. Ончуков (любительская линия в фольклористике) // Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 169).

нудное прозябание; между тем, хотя мне и 60 лет, я еще мог бы работать. Итак, много недоделанного мною по части фольклора, которому такое значение, оказывается, придавал сам Ленин.

Мои работы до Революции Вы, Вл<адимир>Дм<итриевич>, — знаете. После революции, при первой возможности я стал заниматься тем же. С 20 года начал получать научные командировки от Георг<афического> Об<ществ>ва²¹ и др. учреждений и съездил в Забайкалье²², Балаганский край, три раза на Урал,²³ в Лодейнопольский окр<уг>²⁴ и на Алтай. Кроме мелких записей, записал два сборника сказок — в Тавдинском крае²⁵ и дер<евне> Шокшозеро²⁶ (см. отчеты «Сказочн<ой>Комисс<ии>» Георг<афического> Об<ществ>ва),²⁷ которые уже переписаны, но еще не представлены к печати. За это же время почти 10 лет работал преподавателем и доцентом в Пермском и Ленинградск<ом> университетах, где вел занятия по фольклору. Еще в 30 г. вел на 4 курсе (славян<ского>) литературн<ого> отд<е-

²¹ Сотрудничество Н. Е. Ончукова с РГО началось в 1900 г. Собиратель при содействии общества совершил экспедицию в Чердынский уезд Пермской губернии.

²² От Восточно-Сибирского отдела РГО в 1922 г. состоялась экспедиция в Забайкалье.

²³ В 1926—1927 г. от Сказочной комиссии РГО он ездил в экспедицию на Урал в Верхотурский округ. Это подтверждает документ из РГАЛИ (Ф. 1366. Оп. 1. № 126. Удостоверение, выданное Ончукову Н. Е. Уральским отделом народного образования в том, что он командирован Институтом сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока и Географическим обществом в Уральскую область для этнографических исследований. Без даты).

²⁴ В 1928 г. — поездка от РГО в Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии. Задачей экспедиции было изучение фольклора одной деревни (См.: *Ончуков Н. Е.* Сказки одной деревни // Сергею Федоровичу Ольденбургу. Сб. статей. Л., 1934. С. 399—413).

²⁵ В 1926 г. в слободе Тавдинской и трех деревнях он записал 87 сказок от 7 сказочников. (*Ончуков Н. Е.* По Тавдинскому краю (о работе по фольклору в 1926 году // Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск, 1927. С. 107). Подчеркивания здесь и далее принадлежат Ончукову.

²⁶ Шокшозеро — куст деревень в Лодейнопольском районе Олонецкой губернии. За короткое время Н. Е. Ончуков записал 102 сказки от 28 жителей. Подготовленные сказки были опубликованы в 2000 г. (См.: Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки). Подгот. текстов В. И. Жекулиной, вступит. статья и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2000).

²⁷ *Ончуков Н. Е.* Сказки Тавдинского края // Сказочная комиссия в 1926 году. Обзор работ под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927. С. 30—31. Сказочная комиссия — структурное подразделение Русского географического общества, создана в 1898 г. В ее задачи входило составление и издание полного собрания русских сказок. Одним из результатов деятельности Комиссии был выход в свет «Северных сказок» (1908) Н. Е. Ончукова.

ления> Ленингр<адского> ун<иверсите>та семинарий: «Отражение советской действительности в фольклоре».

Кроме того, печатался в «Краеведении»;²⁸ в работах «Сказочн<ой> комиссии», в «Пермском Краеведч<еском> сборн<ике>», в «Сибирск<ой> жив<ой> старине», в «Извест<иях> по язык<у> и литер<атуре> Академии наук». Работал в Геогра<фическом> Об<щест>ве, Сказочн<ой> Комиссии, два года секретарем в ИЛЯЗВе (Исследовательский институт при Ленин<градском> Универ<сите>те) в секции фольклора.

Вот моя работа во время советской власти. Вины же решительно никакой нет. Я даже не пытался саботировать никогда: нужно было работать — и работал. Напр<имер>, в <19>19 г. работал как фельдшер целых 7 месяцев в тифозной больнице в Мысовске, на Байкале.

Я понимаю, что при больших политических кампаниях возможны ошибки, и никого не виню и не жалуясь. Но когда горячий момент прошел, можно искать и справедливости. Больше всего меня угнетает то, что я, еще будучи в силах трудиться, влачу здесь бесполезное, жалкое существование. Между тем, целых два сборника сказок не подготовлены к печати (и не будут без меня). Незадолго до ареста я задумал было ряд сборников по фольклору именно в том смысле, как думал В. И. Ленин.

Влад<имир> Дмитр<иевич>, обращаюсь к Вашему доброму сердцу и государств<енному> разуму — помогите мне выбраться отсюда в местность, где бы я мог читать, работать, приносить пользу, а не прозябать жалко.

Мне 60 лет, и моя жена А. А. Ончукова, ассистент вице-презид<ента> Акад<емии> Наук В. Л. Комарова, — могла бы взять меня на поруки и иждивение, чтобы я снова мог жить в Ленинграде, где библиотеки и пр. Если этого пока нельзя, нельзя ли мне получить, по кр<айней> мере, «минус»,²⁹ чтобы выехать отсюда в как<ой>-ниб<удь> город, где есть книги и сносн<ые> условия для работы и существования.

С глубоким уважением к Вам

Н. Ончуков

Адрес: Северн<ый> край гор<од> Котлас Районная хирургическая больница. Фельдшеру Николаю Евгеньевичу Ончукову.

²⁸ «Краеведение» — журнал, выходил в 1923—1929 гг. под редакцией С. Ф. Ольденбурга, с 1926 г. — совместно с Н. Я. Марром.

²⁹ «Минус» — неофициальное название запрета на проживание в крупных городах. Первоначально запрет распространялся на три города — Москву, Петроград и Киев.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: не можете ли выслать мне оттиск Вашей статьи «Ленин о поэзии» из журн<ала> «На Литер<атурном> посту» за 31 г. № 4.³⁰ Если у Вас нет, очень просил бы Вас позвонить по телефону в контору журнала, чтобы выслали всю книжку журнала наложным платежом по адресу: Северный Край гор<од> Никольск дер<евня> Абагурово д<ом> Татьяны Федор<овны> Рыковановой. Для Николая Евгеньевича Ончукова.

Как видите, Вл<адимир> Дм<итриевич>, я уже не в Котласе, а в Никольском районе, куда часть нас среди зимы перебросили из Котласского района (250 километр<ов>). Ехал 183 клм на лошадах плохо одетый при 25—30 °С и сильно простыл.

Лично меня не хотели оставлять в городе, а направить поглубже в район, на лесозаготовки для работы по специальности (медицине). Спасло меня (пока) от этого испытания Ваше письмо от 19/ХІІ 31 г., где Вы предлагаете мне заняться собиранием фольклорного материала.

Уже занялся, еще в Котласском районе, гл<авным> обр<азом>, собиранием лексического материала для Академического словаря русск<ого> языка. В Котласском районе фольклорного материала не так много (бурлачество, близость больш<их> пристаней и жел<езная> дорога). Здесь другое дело: край очень глухой, мало культурный, ближайш<ая> станция жел<езной> д<ороги> (Шарья, Северн<ой> ж<елезной> д<ороги>) 183 килом<етр>. В крае очень много архаичного. Я только успел копнуть и уже обнаружил залежи преинтереснейших частушек на современ<ные> темы (колхоз, пятилетка, политич<еские> мотивы и пр.) Есть сказки и др. интересн<ые> материалы.³¹

Очень интересны переживания народа в области религиозных исканий. Но только пригодится ли это нынче? Просил бы Вас, Вл<адимир> Дм<итриевич>, написать мне об этом. Вообще по части собирательства начну упорно работать.

³⁰ Бонч-Бруевич В. Д. Ленин о поэзии // На литературном посту. 1931. № 4. С. 4—8.

³¹ Н. Е. Ончуков в своем высказывании соединяет две линии собирательской работы в ранние советские годы. С одной стороны, понастоящему ценным представлялся материал «архаичный», собранный в глухих, труднодоступных районах. Мнение, что фольклор и старина сохраняются на периферии, перешло в советскую науку от дореволюционной. С другой стороны, вторая часть высказывания касается содержания записей — частушки на современные темы. Ончуков старается соответствовать запросам времени.

14/1 с<его> г<ода>, на другой же день после получения от Вас письма от 29/ХП 31 г. послал заявление на имя тов<арища> Окулова в Ваш адрес, как Вы мне разрешили.

Получили ли это письмо? Очень просил бы Вас, Вл<адимир> Дм<итриевич>, написать мне: в результате этого заявления, могу ли я надеяться на досрочное освобождение и когда это может произойти?

Кой-как и здесь можно жить и работать, но приходится заниматься, как начинающему краеведу — собирательством, а там, дома, лежат неоконченные работы, — имею дерзновение думать — представляющие большой научный интерес.

Исследовательской работой здесь, конечно, невозможно заниматься: нет библиотек и подходящей бытовой обстановки.

С глубоким уважением и преданностью к Вам

Н. Ончуков

Дер<евня> Абатурово
22 февр<алья> 1932 г.

5

II/III 32

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Не знаю, как уже и благодарить Вас за Вашу доброту и хлопоты, и заботы обо мне. Вчера получил Ваше письмо от 3/III и вот — шлю Вам мое прошение в Ком<исси>ю по амнистиям. Если что неладно или недостаточно, пожалуйста, исправьте, я перепишу и снова перешлю Вам. — Обстоятельства мои теперь таковы: по приезде в Никольск я было устроился в дер<евне> Абатурово и рьяно принялся за записи: лексика местной, частушек (есть удивительные, на политич<еские> темы), легенд (современные, оч<ень> интересные) и пр. Но только 10 дней проработал. Затем меня вызвали в Г.П.У. и обязали работать фельдшером по борьбе с эпидемией тифа среди адм<инистративно>-высланных, и я заведу карантинами в дер<евне> Родюкино, карантинном в соборе в с<еле> Никольском, на ферме около города. Да еще езжу и по лесопунктам. Разумеется, все время занят, и на записи времени почти не остается. Работа почтенная, нужная, но среди ссыльных уже есть три фельдшера, их, вероятно, посылают на лесопункты катать лес.

Я совершенно и безоговорочно согласен с Вашими взглядами на необходимость исчерпывающего собирания фольклора, на необходимость его изучения в наше время. М<ожет> б<ыть>, я первый в 1920—30 г<оды> начал пристально изучать современ-

ный фольклор: на 4 кур<се> Ленингр<адского> Ун<иверсите>-та объявил семинар об отражении нашей советской современности в фольклоре. Из своих записей и большой краеведч<еской> литературы я тогда извлек все что мог для студентов. Один мой ученик сделал прекрасный доклад «О песнях Ситного рынка»,³² сам я написал небольшое исследование об источниках современных городских песен и сначала прочел доклад в ИЛЯЗВе, а статью послал Ю. М. Соколову (не знаю об ее участи) в ж<урнал> «Художеств<енный> фольклор».

А вот теперь я здесь, меряю температуру, даю порошки, мажу йодом, т. е. делаю то, что может сделать любой фельдшер.

И лежат без движения не только мои неокончен<ные> работы, прервана и моя научная деятельность здесь. Полезно ли, рационально ли это? Не значит ли это зубными щипцами заколачивать в стену гвозди? А ведь для этого есть простой молоток!

Совершенно согласен с Вами, что приспело время осмыслить и обобщить весь собранный фольклорн<ый> материал и сделать из него разного рода выводы. Я еще в 27 или 28 г<одах> предлагал (письменно) Ленгизу составить сборник из разных, полезных в наши дни истор<ических> песен и проанализировать их в политич<еском> отношении — получил отказ.

Поскольку это возможно, я буду работать для науки и здесь, в ссылке; обидно только то, что оторван от моего коренного дела, которое за меня никто не сделает, да и не может сделать.

А ведь года уходят, мне 68 лет!³³

Поразили Вы меня сообщением о смерти Соколова, вероятно Бориса Матвеевича?³⁴ От души жаль его. Здесь теперь на лесопункте катает лес ученик А. А. Шахматова — лингвист В. М. Попов,³⁵ печатавшийся в академических изданиях.

Буду надеяться, что мои ходатайства о сокращении срока ссылки при Вашей поддержке не останутся бесплодными, и я получу-таки свободу и возможность делать настоящее мое дело. — За 10 дней, со службы здесь, с величайшим интересом прочел Вашу изумительно интересную книгу «На боевых постах»³⁶ <...>

³² Позднее уличными певцами Ленинграда заинтересует А. М. Астахова и подготовит сборник, который так и не увидит свет. (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25). В сборник вошли песни Ситного рынка, собранные самой А. М. Астаховой.

³³ Каждый раз Ончуков указывает разный возраст.

³⁴ Речь идет о смерти фольклориста Бориса Матвеевича Соколова 30 июля 1930 г.

³⁵ По-видимому, это Попов Владимир Михайлович (1887 г. р.) — историк литературы, лингвист (РГАЛИ. Ф. 319).

³⁶ Имеется в виду: *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930.

и брошюру о покушении на Ленина.³⁷ К сожалению, в Никольск<ой> биб<лиоте>ке нет всех Ваших работ по истории революции. Будьте здоровы! Желаю успеха в Ваших работах.

С глубоким и искренним уважением к Вам

Н. Ончуков.

Адрес: г. Никольск до востребования.

6

Ленинград 13/VIII 32 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

С великою радостью и бесконечной благодарностью извещаю Вас, что я свободен и уже в Ленинграде.

Оказывается, что еще 26/V в Москве освободили меня, и только на днях я смог приехать в Ленинград и обосноваться дома.

Приехал, просмотрел свои бумаги и, к большому огорчению, убедился, что многое ценное забрано следователем при обыске и не возвращено. К счастью — неоконченное исследование о песнях о декабрьском восстании (1825 г.) цело, и я постараюсь поскорей окончить его, только не знаю, где печатать, чтобы поскорее и не бесплатно.

Собираюсь съездить в Москву, и очень нужно бы повидать Вас. Благоволите написать: когда вернетесь в Москву, и где я могу увидеть Вас.

Благодарн<ый> Вам

Н. Ончуков

Адрес: Ленинград, Аптекарский пр. 10 кв. 17
Ник<олаю> Евген<ьевичу> Ончукову

7

29/IX 32

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич.

Это уже второе письмо Вам из Ленинграда. Первое, благодарственное, послал тотчас после возвращения, в августе месяце. Все еще никак не могу устроиться нигде на службе, медиком — мои друзья не советуют: сейчас же пошлют на работу в провинцию,

³⁷ *Бонч-Бруевич В. Д.* Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 года (По личным воспоминаниям). М., 1923.

а у меня после двухлетнего перерыва большая жажда к научной работе. Н. С. Державин³⁸ советует снова просить пенсию, но, я боюсь, не будет ли препятствием, что я был в ссылке? Да и без службы что я получу? 30 руб<лей>!

Работаю теперь над песнями о декабрьском восстании (1825 г.), скоро кончу, но не знаю, где печатать. М<ожет> б<ыть>, Влад<имир> Дмит<риеви>, напечатаете в Ваших «Звеньях»?

Крайне жаль мне материалов, выбранных следователем при обыске, в которых решительно не было ничего крамольного, а ценного в научном плане было много. Забрана, например, переписка с покойным А. И. Яцимирским³⁹ о его работе о новой теории происхождения русских былин; по этой переписке я хотел написать работку. Просил вернуть забранное у меня из Котласа, ответа не получил. Не можете ли Вы посодействовать? Или, по кр<айней> м<ере>, что посоветуете?

Из ссылки начинают возвращаться ученые, здесь уже 5 краеведов.⁴⁰

Не откажите черкнуть — могли ли бы Вы напечатать в «Звеньях» мою работу о песнях о «декабрьск<ом> восстании», и если да, когда прислать рукопись, чтобы попали в ближайш<ий> выпуск. Материал я собрал интересный и, кр<оме> того, — на

³⁸ Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог-славист, академик АН СССР (1931). В 1922—1925 гг. был ректором Петроградского университета.

³⁹ Яцимирский Александр Иванович (1873—1925) — филолог-славист, специалист по Молдавии и Румынии. Занимался русскими былинами: «Гидрографическая номенклатура русских былин» (1922); «Индия “богатая” в былинах о Дюке Степановиче» (1923); «Былины о Сауре Леванидовиче» (1924).

⁴⁰ Вероятно, Н. Е. Ончуков имел в виду среди прочих Золотарева Давида Алексеевича (1885—1937) — антрополог, этнограф, преподавал в ЛГУ, Географическом институте, Педагогическом институте им. А. И. Герцена. В 1920—1930 гг. возглавлял один из отделов Комиссии по изучению племенного состава народов. В 1930 г. был арестован по делу краеведов. Отбывал наказание на Беломорско-Балтийском канале. Был освобожден досрочно в 1932 г., вернулся в Ленинград. В 1933 арестован повторно и приговорен в пяти годам лагерей. (См. *Решетов А. М.* Репрессированная ленинградская антропология (К постановке вопроса) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб., 2004. С. 201—219). Вторым «краеведом» мог быть Георгий Эдуардович Петри (1888—1942) — историк, сотрудник Экскурсионного института, преподавал экскурсионное дело в Ленинградском университете. В июле 1929 г. был уволен из университета за то, что «ведя курс экскурсионного дела, совершенно не в состоянии построить его на основах марксистского метода». Летом 1930 г. арестован по делу «Академии наук», провел год в карцерах и одиночках ДПЗ и «Крестов», был сослан в Архангельск на три года. В 1933 г. вернулся из ссылки, работал в Музее истории религии и атеизма.

эту тему никто еще не писал кроме случайных обмолвок совершенно ничего нет в огромной литературе о декабристах.

Желаю здравствовать!

С глубоким уважением к Вам

Н. Ончуков

Адрес: Ленинград, 22 Аптекарский пр. 10, кв. 17.

8

Ленинград 21/X 32 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Спешу ответить на Ваше письмо от 15/X. Моя работа о «Песнях о 14 декабря 1825» будет скоро готова, но дело может надолго затормозить список старейшего варианта песни, хранящейся у Вас, в Москве, в архиве Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.⁴¹ Еще 2 года назад я просил М. Н. Сперанского⁴² списать этот вариант и прислать мне; он поднял на ноги Е. Н. Елеонскую,⁴³ но та ничего не могла сделать, так как В. В. Богданов⁴⁴ «никого не пускал в архив, так как он в беспорядке». Нынче я уже так же написал Е. Н. Елеонской и сегодня получил ответ: просит «еще запастись терпением» — надолго ли, не знаю. А Вы, Владимир Дмитриевич, просите скорее присылать статью. Тогда, может быть, Вы позвоните Богданову, и он для Вас, конечно, сделает. Это запись песни, сделанная неким М. Хрулевым в Мосальском

⁴¹ Судьба архива Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии отражена в статьях: *Арнольди В. С., Липец Р. С.* О передаче фонда этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в архив Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1962. № 6. С. 156—157; *Липец Р. С., Макашина Т. С.* Этнографическая деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (К столетию основания Общества) // Советская этнография. 1964. № 6. С. 115—129 и др.

⁴² Сперанский Михаил Несторович (1863—1938) — филолог, фольклорист и византист. Профессор Московского университета (1907—1923), с 1921 года академик Российской академии наук.

⁴³ Елеонская Елена Николаевна (1873—1951) — этнограф и фольклорист. Сотрудник Румянцевского музея, в 1920-е гг. работала в Центральном музее народоведения.

⁴⁴ Богданов Владимир Владимирович (1868—1949) — этнограф, краевед. В 1894—1930 гг. был секретарем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. С 1908 по 1924 гг. Богданов — хранитель Отдела этнографии Румянцевского музея.

у<езде> Калуж<ской> г<убернии>, доставленная в Об<щест>во В. Ласкиным. А я пока буду спешно кончать работу. Только я боюсь, Вл<адимир> Д<митриевич>, чтобы Вы не разочаровались в моей работе. Песни ведь не новые какие-ниб<удь>, а уже известные, напечатанные мной, Григорьевым⁴⁵ и Соколовым⁴⁶ в своих сборниках, правда, мной привлечены все имеющиеся у меня рукописные варианты, записанные за последн<ие> годы. И суть работы не в песнях, а в исследовании о них. Причем, я привожу все варианты (до 12) и боюсь, не обременительно ли это будет для Вашего изящного сборника, где всё такие кратенькие статьи? Конечно, варианты песни полностью можно и не печатать, а привести из них только нужные места. Во всяком случае, когда кончу и пришлю Вам — посмотрите.

Сейчас же, немедленно я бы мог предложить Вам вот что. В «Известиях по русск<ому> яз<ыку> и слов<есности> Академии наук» была принята моя небольшая исследовательская работа историко-литературно-мемуарного характера (еще три г<ода> назад) «Живые источники романов Мельникова «В лесах» и Боборыкина «Обмирщение»,⁴⁷ причем академики Истрин⁴⁸ и Карский⁴⁹ работу хвалили и называли очень интересной.

В ней я доказываю, что Боборыкин взял своих героев с живых лиц: Ф. Е. Мельникова,⁵⁰ купца Сироткина,⁵¹ раскольничьих архиереев, московских и купцов и пр. В 1930 г. Карский сказал мне, что благоразумно мою работу отложить печатанием, т<ак> к<ак> я могу попасть за нее в Соловки. В работе я рассказываю о своих связях со старообрядцами, о моих посещениях их съездов и знакомстве с их архиереями и пр. Работу отложили

⁴⁵ Григорьев Александр Дмитриевич (1874—1940) — фольклорист. Главный труд — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1900 гг. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910.

⁴⁶ Возможно, имеется в виду сборник Ю. М. и Б. М. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края» (М., 1915).

⁴⁷ Такая статья не была мной обнаружена.

⁴⁸ Истрин Василий Михайлович (1865—1937) — литературовед. С 1907 г. — действительный член Императорской Академии наук.

⁴⁹ Карский Евфимий Федорович (1860—1931) — филолог, этнограф. В 1905 г. — ректор Варшавского университета. В 1917 — профессор Петроградского университета. Работал директором Музея антропологии и этнографии.

⁵⁰ Мельников Федор Евфимьевич (1874—1960) — один из лидеров старообрядчества, историк белокрыницкого согласия.

⁵¹ Возможно, имеется в виду Сироткин Дмитрий Васильевич (1865/64—1946/53) — один из крупнейших судостроителей и судовладельцев России, нижегородский городской голова, один из деятелей старообрядчества в XX веке.

и вместо нее напечатали мою работу о «запрещен<ных> песнях о Констант<ине> и Анне»,⁵² которую Вы, вероятно, знаете.

Но я думаю, что покойный Карский «куста боялся». Работа, во всяком случае, интересна, особенно Вам, прекрасно знающему раскол. Она у меня, перепечатана на машинке, и, если удобно, я немедленно пришлю Вам ее, но с обязательством, что, если она и Вам в «Звенья» не подойдет, вернуть ее мне. Жду от Вас письма на этот счет.

Для Ц<ентрального> Литерат<атурного> Музея у меня ничего нет, но сведения о нем я буду распространять всюду.

Дела мои с заработком оч<ень> плохи. В Словарн<ой> ком<мисси>и⁵³ в 1-й месяц заработал 36 рублей! По-прежнему принят в ИРК (Инст<итут> речевой культуры),⁵⁴ но сверхштатно. На корректуре можно, говорят, заработать рубл<ей> 150, но жалко тратить время и уходящие силы на это. В больницу куда-ниб<удь> на мед<ицинскую> работу поступать боюсь — угонят куда-ниб<удь> в провинцию.

Желаю доброго здоровья и всего наилучшего!

Преданный Вам

Н. Ончуков

Адрес: Ленинград 22. Аптекарский проспект (а не переулок) д. 10, кв. 17. Н. Е. Ончукову.

9

И/ХI 32 г.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Одновременно с этим письмом, заказной бандеролью посылаю Вам свою статью «Живые источники романов «В лесах» — «На горах» Мельникова и «Обмиршение» Боборыкина». На первом листе рукописи Вы увидите подпись академика В. М. Истрина, одобившего статью и направившего ее в «Известия Акад<емии> Наук». Карский, прочтя статью, сна-

⁵² Ончуков Н. Е. Запрещенные песни о Константине и Анне // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 270—293.

⁵³ Имеется в виду Словарная комиссия Академии наук, работавшая над составлением «Словаря русского языка». (РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 116. Договор, заключенный между Н. Е. Ончуковым и ученым секретарем Института языка и мышления на подготовку словарных материалов для «Словаря русского языка». 29 января 1933 г. машинопись).

⁵⁴ Государственный институт речевой культуры (ИРК) существовал в Ленинграде в 1930—1933 гг. В 1933 г. на базе ИРК был создан Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания.

чала похвалил ее, а затем перепугался и не решался печатать. Надеюсь — Вам статья покажется интересной и, наверное, и Вы найдете в романе Боборыкина своих знакомых.

Очень Вам буду благодарен, если Вы понудите, вернее, принудите Богданова дозволить Е. Н. Елеонской списать для меня самый старый вариант песни о декабрьском восстании. Его адрес: Москва, Спиридоновка, Ермолаевский переулок д. 4, кв. 27, а домашний телефон 2-14-45. Зовут Владимирович Богданов, секретарь Этнографического отдела Общества антропологии и этнографии, заведует Архивом Общества. Для характеристики его отношений к делу, посылаю письмо Е. Н. Елеонской к М. Н. Сперанскому. Подобная переписка тянется уже три года! Ведь это же вредительство!

Так как с Вашей помощью я, может быть, и получу нужный старейший вариант песни, то я подожду присылать Вам свою работу, кстати, придется сделать сокращения вариантов, согласно Вашему указанию. Я ведь сам думал, что целиком варианты в Вашем литературном издании будут обременительны.

А вот если «Живые источники» подойдут для «Звеньев», большая просьба напечатать мою статью поскорее: я ведь всё еще без службы, а за корректуру для сборника приниматься страшно: очень много унесет сил и времени. И ИРКе я пока «сверхштатным», без жалования.

Пользуясь Вашим любезным советом, шлю Вам для передачи по принадлежности (как Вы писали мне в письме от 15/X сего года) мое заявление в О.Г.П.У. о возвращении мне забранных при обыске моих бумаг: им они не нужны, а для меня большая ценность.

Желаю всех благ и здоровья.

Преданный Вам и благодарный

Н. Ончуков

Ленинград. 22. Аптекарский проспект 10, кв. 17 (а не переулок).

10

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Наконец-то я свои «Песни и легенды о декабристах» закончил, и одновременно с этим письмом, сегодня же высылаю Вам ее заказной бандеролью, 55 страниц. Письмо Ваше «не обременять статьи вариантами, а взять их них только, что необходимо», получил уже после того, когда все варианты я уже ввел в статью. Переделывать статью — отняло бы много времени, да и не так уже они велики и обременительны. Каждый вариант дает что-

нибудь, хотя черточку нового, а это для исследователя литературщика — всегда очень важно. Да нынче и принято печатать решительно все варианты песен, былин, особенно редких, а песня о декабрьском восстании исключительно редкая из небольшой серии записанных. Уже Соболевский почти 40 лет назад напечатал песню о Ваньке Ключнике в 25 вариантах.⁵⁵ Невежды тогда ругали его (в «Историч<еском> Вестн<ике>»). Вс. Миллер уже напечатал 82 варианта песни о Стеньке Разине.⁵⁶ Лозановой этого показалось мало (и правильно), она еще подсобрала, все, что пропустил Миллер, записала вновь и напечатала в наши дни (1928 г.) уже 127 вариантов песни о Степане Разине.⁵⁷ И нынче уже никто ее за это не ругает. И я глубоко уверен, что, если Вы напечатаете все варианты песни о декабрьском восстании, к ним еще не раз будут возвращаться исследователи. Кроме того, в конце статьи, Вы увидите, я ссылаюсь почти на каждый вариант песни. Но все же, если, тем не менее, Вам все это покажется неубедительным, — присылайте работу обратно, я извлеку из вариантов самое нужное, а остальное сокращу.

Не знаю, принято ли у Вас это, но я бы очень просил Вас, когда статья будет набрана, прислать мне корректуру. Будет очень обидно, если в Вашем прекрасном издании (я имею в виду «Звенья») будут опечатки, а это вполне вероятно, ибо сам вижу, что моя рукопись доставляется Вам не вполне в приличном виде: почерк у меня негодный, а машинка еще того хуже, допотопная, шрифт сбит, и нет такой нужной ширины ленты.

11 ноября я послал Вам заказной бандеролью рукопись моей статьи «Живые источники романов «В лесах» — «На горах» Мельников и «Обмирщении» Боборыкина» и письмо — получили ли, и будет ли напечатана статья?

В последнем письме Вы пишете: «Присылайте все, что у Вас есть». Я могу для «Звеньев» написать две статьи:

1) Написать небольшое исследование песни о восстании Семеновского полка 1820 года в роде присылаемого о песнях о декабристах, но только втрое меньше. Подсобрал несколько редких вариантов.

2) Мог бы написать очень небольшую статейку мемуарного характера о том, как я в 1901 г., по поручению известного, вероятно, и Вам М. О. Меньшикова,⁵⁸ тогда еще работавшего в «Неделе»

⁵⁵ Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895.

⁵⁶ Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915.

⁵⁷ Лозанова А. Н. Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

⁵⁸ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — общественный деятель, один из лидеров русского национального движения. Был постоянным корреспондентом в газете «Неделя».

Гайдебурова,⁵⁹ ездил к Л. Н. Толстому предлагать свои услуги, чтобы с Низовой Печоры увести в Обдорск послание Толстого известному Вам прекрасно Петру Веригину⁶⁰ (Толстой просил как-нибудь отправить послание Меньшикова). И что из этого потом вышло. Послание Толстого было у меня в руках. Толстой не дал денег, послание в обыкновенном письме было потом, по указанию самого Л<ьва> Н<иколаевича>, брошено в почтовый ящик. Затем уже в 1920 г. я узнал в Сибири о его судьбе: оказывается, послание в Тобольске на почте, конечно, было распечатано, переслано губернатору, а последний передал его в местный музей. Где теперь послание, я не знаю. Вс. И. Срезневский,⁶¹ которому я все это рассказал, очень заинтересовался, просил меня написать статью, сказав, что Вы ее непременно напечатаете. Он даже написал письмо в Москву, прося кого-то (разбирающего рукописи Толстого), справиться об этом послании, где оно, как называется и пр. Прошло уже с месяц, тот тип не отвечает даже. Если, Вл<адимир> Дмитр<иевич>, Вы заинтересуетесь этой темой, я Вам сообщу адрес разбираателя материалов о Толстом, и Вы поудите его быть попроворнее.

Очень просил бы Вас также, Вл<адимир> Дмитр<иевич>, если «Живые источники» будут напечатаны, корректуру и этой статьи прислать. Даете ли Вы оттиски напечатанных статей? Крайне необходимо, чтобы отплачивать за то, что сам получаешь от авторов.

Переслали ли Вы в ОГПУ мое заявление о возврате забранного у меня при обыске? Ленинградское ОГПУ не желает мне даже ответить. Письма от Вас жду.

Всех благ Вам желаю и здоровья

С искренним уважением к Вам

Н. Ончуков

21 ноября 1932 г.

Пожалуйста, пишите адрес: Аптекарский проспект, а не проулок. Проулок в другой части города, письмо задерживается на сутки и больше.

⁵⁹ Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — общественный деятель, журналист, литератор. С 1875 г. владелец еженедельного журнала «Неделя» (издания либеральных народников).

⁶⁰ Веригин Петр Васильевич (1859—1924) — лидер духоборов в России и Канаде. Н. Е. Ончуков утвердительно говорит о знакомстве адресата письма с Веригиным, т. к. В. Д. Бонч-Бруевич публиковал переписку с Веригиным (Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина. Б. д.), работу о канадских духоборах: *Бонч-Бруевич В. Д. Духоборцы в канадских прериях*. Пг., 1918.

⁶¹ Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936) — историк литературы, археограф, библиограф.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Получил Ваше письмо от 28 ноября. Очень хорошо понимаю разницу между «Звеньями» и специально-этнографическими изданиями и спокойно жду Вашего решения: если потребуется сократить или выкинуть что-нибудь в моих «декабрьских песнях», делайте это или пришлите мне, не задержу обратной присылкой. Мне важно, чтобы работа была напечатана поскорее.

Сильно обеспокоило меня, что Вы ничего не сказали о моей 1-й присылке Вам, о статье «Живые источники». Эту работу, по Вашему предложению, я послал Вам 11 ноября заказной бандеролью. В тот же день послал и письмо. Неужели не получили? Уже не пропала ли рукопись? Если получили, и работа не подходит, пожалуйста, пришлите обратно.

Песни о восстании Семеновского полка буду готовить.

Напишу и заметку о моей поездке в Хамовники к Л. Н. Толстому, если получу из Москвы справку, какое послание было послано Толстым в 1901 году П. В. Веригину и письмо при нем? Я по этому поводу в Москву сам ничего не писал. Писал по моей просьбе В. И. Срезневский Вл. Ал. Жданову⁶² (Толстовский музей, ул. Кропоткина).

Если моя работа о песнях пойдет, нельзя ли прислать мне аванс — мои денежные дела жидки по-прежнему.

Желаю всех благ и здоровья

Н. Ончуков

2/ХП 32 г. Аптекарский просп. 10. кв. 17.

28 декабря 1932 г.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

От Богданова списка «Песни о декабристах», конечно, не получил; написал Елеонской.

Жду от Жданова справки о письме и послании Толстого к Веригину, чтобы приступить писать статью о поездке моей к Толстому.

Я Вас несколько раз уже спрашивал о судьбе моей работы «Живые источники романов Мельникова и Боборыкина» и,

⁶² Жданов Владимир Александрович (1898—1971) — исследователь творчества Л. Н. Толстого, один из организаторов Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

т<ак> к<ак> Вы не отвечаете, меня начинает беспокоить — не пропала ли рукопись? Не застряла ли где-ниб<удь>. Она не у Вас? Пожалуйста, если получили, прочли и не пойдет, пришлите обратно.

Очень прошу Вас, Вл<адимир>Дм<итриевич>, прислать мне мою рукопись «Песни и легенды о декабристах», с которой Вы уже имеете хороший список на машинке. М. К. Азадовский просит меня прочесть эту работу как доклад в ИРКе (Инст<итуте> Речевой культуры) и уже внес меня в производств<енный> план и назначил день чтения. Т<ак> к<ак> полного черновика у меня нет, то я в безвыходном положении. Пожалуйста, пришлите скверный оригинал обратно, я по нему прочту.⁶³

Относительно громоздкости вариантов — я и сам так думаю. Когда Вы пришлете мне мой оригинал, я сделаю так, как Вы думаете: перескажу для «Звеньев» кратко различия вариантов, а варианты полностью постараюсь напечатать где-ниб<удь> в др<угом> месте, напр<имер>, в «Тюрьме и каторге»⁶⁴ (а, м<ожет> б<ыть>, и не так называется). Все же я считаю печатание всех вариантов целиком очень ценным в историко-литер<атурном> отношении. Для специалиста очень важно знать, как бытовал сюжет по месту и во времени.

Итак: ответа о «Живых источниках» и оригинала «Песен о декабристах» жду.

Всех благ и здоровья, с искренним уважением

Н. Ончуков

13

30/XII 32 г.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Вы как-то просили меня о письмах писателей и пр. для Цен<трального> Лит<ературного> Музея. Могу порадовать Вас:

В моих руках 9 писем Л. Толстого ранних лет (56—60 г<одов>), 8 — А. В. Дружинину и 1, по-видимому, Кушелеву.⁶⁵ Письма очень интересны в истор<ико>-литер<атурном> отно-

⁶³ Доклад был перенесен на более позднее время, так как В. Д. Бонч-Бруевич вовремя не прислал черновик статьи.

⁶⁴ Наверное, Н. Е. Ончуков имел в виду историко-революционный журнал «Каторга и ссылка», выходящий в Москве с 1921 по 1935 г.

⁶⁵ Видимо, имеется в виду Кушелев-Безбородко Григорий Александрович (1832—1870) — литератор, композитор, меценат, издатель журнала «Живое слово».

шении. Я их прочел и переписал, затем снова прочел вместе с В. И. Срезневским, который о письмах очень высокого мнения. Если бы Вы оставили место, (прибл<изительно> на печатн<ый> лист) в 3-й книжке «Звеньев», я спешно подготовил бы их к печати с вводной статьей и комментариями. А затем письма можно и приобрести для Вашего музея в Москве. Меня здесь направляли к представителю «Литературн<ого> Наследства», но, конечно, лучше письма в Ваш музей, чтобы они не уплыли за границу. Со слов В. Е. Максимова,⁶⁶ в январе буду ждать Вас в Ленинграде, чтобы показать «товар лицом», но о печатании в «Звеньях» известите меня немедленно.

Владимир Дмитриевич, мне очень неудобно, но все же снова принужден обратиться к Вам за личной помощью. С января 33 г. я остаюсь без хлебной карточки. Я зарабатываю в Словарн<ой> ком<мисси> и 50 р<ублей>, в ИРКе я сверхштатный, но я работаю, и мой доклад там на очереди. Мой стаж научн<ого> работника 32 года, работ больше 50 (газетных я не считаю — их сотни), в марте 33 г. мне — 61 год.⁶⁷ И, оказывается, я не имею права на кусок хлеба! Но ведь я работаю, и упорно, хотя и не служу?!

Единое спасение — пенсия.

Уже из Котласа я писал Вам, что уже все было готово для получения мной пенсии в 1930 г. Академики — Карский, Державин и Комаров и профессора Зеленин, Обнорский⁶⁸ и Шокальский⁶⁹ дали очень хороший отзыв о моих работах. Азадовский говорил мне, что теперь ИПИН⁷⁰ поддержит меня. Я реабилитирован, снова член профсоюза и член Секции научн<ых> работн<иков>. Посоветуйте: нужно ли снова возбуждать новое ходатайство о пенсии, или прислать в Москву только дополнительные справки. И поддержите меня, Вл<адимир> Дм<итрие>вич, в этом деле, пожалуйста. Как пенсионер я буду иметь право на продовольств<енную> карточку, теперь же я, оказывается, не могу быть даже иждивенцем своей жены, т<ак> к<ак> все-таки числюсь в ИРКе, хотя бы и сверхштатно. Совершенно безвыходное положение!

Относительно Богданова мне остается сказать только, что он не только лентяй и неряха, а еще наглец и лжец: целых два года М. Н. Сперанский и Е. Н. Елеонская называли в письма

⁶⁶ Евгеньев-Максимов Вячеслав Евгеньевич (1883—1955) — литературовед. С 1920 г. преподавал в ЛГУ, с 1934 г. — профессор.

⁶⁷ Н. Е. Ончуков каждый раз указывает разный возраст.

⁶⁸ Обнорский Сергей Петрович (1888—1962) — лингвист. Академик АН СССР (1939), член-корреспондент (1931).

⁶⁹ Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940) — географ, океанограф. Председатель Русского географического общества (1917—1931).

⁷⁰ Институт по изучению народов СССР.

ко мне Б<огданова> секретарем Об<щест>ва л<юбителей> е<с-
тествознания> а<нтропологии> и эт<нографи>и, который и сам
не хочет дать справки, и никого туда не пускает. Если нескучно,
я могу показать Вам все письма, когда приедете в Лен<ингра>д.
Одно я Вам уже послал с месяц назад. Мне Б<огданов> ни разу
не писал, и я его никогда ни о чем не спрашивал. Откуда же я
мог знать, что он «давным-давно» секретарем не состоит. Просто
Б<огданов> струсил после Вашего письма и оболгал меня. Зачем
я буду заведомо подводить Вас?

Но все же очень хорошо, что Вы вступились в это дело: архив
Об<щест>ва Л<юбителей> Е<стествознания> А<нтропологии> и
Этн<ографии> будет спасен.⁷¹ По-видимому, Ваша благородная
участя спасти и людей, и документы, и целые архивы от гибели.

Всегда готовый служить Вам

Преданный Вам

Н. Ончуков

Ленинград
Аптекарский пр. 10, кв. 17
Н. Е. Ончукову

14

18 января 1933 г.
Ленинград

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Пожалуйста, пришлите мне (как признали возможным в пись-
ме от 2 янв<аря> с<его> г<ода>) список моей статьи «Песни о
декабристах», для доклада в ИРКе. Он назначен 4 фев<рва>. Пожалуйста, не задержите.

Что касается моей работы над изданием 9 писем Толстого,
то с этим делом я сел в лужу, в чем признаюсь с большим сты-
дом. Оказывается, письма уже напечатаны в <19>30 г., 3, 4 №№
«Звезды» в ст<атье> Чуковского «Молодой Толстой»,⁷² как раз в
то время, когда меня не было в Ленинграде. Но ведь прежде чем
писать Вам об их издании, я — профан в Толстом — обратился

⁷¹ Материалы ОЛЕАиЭ не были переданы в Литературный музей.
Фонд ОЛЕАиЭ хранится в научном архиве Института этнографии и ан-
тропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Ф. 60). (См. также: Керимова М. М.
Императорское общество любителей естествознания, антропологии и эт-
нографии и судьба его архива // Этнографическое обозрение. 2007. № 1.
С. 137—141).

⁷² Чуковский К. И. Молодой Толстой // Звезда. 1930. № 3—4. С. 154—166.

к знатоку Толстого — Вс. И. Срезневскому, и он посоветовал мне непременно напечатать их в «Звеньях». Только уже после Вашего письма, что известны 18 писем Толстого к А. В. Дружинину, я занялся поисками и нашел ст<атью> Чуковского. Но все же оригиналы писем все еще в моих руках, и я жду Вашего приезда в Ленинград (о чем слышал уже из двух источников), чтобы продать их в Центр<альный> Литер<атурный> Музей. Кой-что и еще есть у меня из Дружининского архива, что я уполномочен продать. Приедете — посмотрите. Вообще обязуюсь делать поиски для Вашего музея.

Жду я Вас в Ленинграде с большим нетерпением, т<ак> к<ак> чувствую я себя здесь очень нехорошо: в ИРКЕ (Инст<итут> речев<ой> культ<уры>) я сверхштатный, т. е. без зарплаты и без карточки. В Словарной ком<иссии> и Акад<емии> Н<аук> я сдельщик, и на январь месяц с больш<им> трудом получил карточку, а на февраль уже не получу (как мне уже объявили), если не буду «договорником». А договора заключить не могу, т<ак> к<ак> Президиум Академии Н<аук> воспретил заключение договоров в январе до получения лимитов. И если в феврале придет моя очередь получать паспорт, а у меня не будет ни договора, ни карточки — тогда ведь придется снова уехать из Ленинграда. Азадовский дал мне совет — обратиться к Вам с просьбой: не напишите ли Вы официально, что редакция «Звеньев» поручила мне на 1933 г. ряд работ. Так оно и есть, в сущности (Вы просили меня писать о песнях о восстании Семеновского полка и о поездке к Толстому), но ведь согласитесь ли Вы сделать это?

Ваш совет — заделаться членом Союза Писателей, кажется, неисполним. Обратился я с этим к единствен<ному> знакомому члену С<оюза> П<исателей> — Ю. Г. Оксману,⁷³ и он сказал мне, что меня в Союз не выберут, т<ак> к<ак> я «не писатель» (не беллетрист), что к научн<ым> работн<икам> в С<оюзе> П<исателей> относятся враждебно, да и нужно уходить из профсоюза просвещенцев и Секции научн<ых> работн<иков> и переселяться в союз печатников.

По Вашему указанию, собираю нужные бумаги для ходатайства о пенсии. Но ведь, когда еще соберешь всё необходимое, и когда получишь пенсию (если только ее получишь), а время — горит. И я уже снова навожу справки: нельзя ли мне, чтобы спасти себя для Ленинграда, — заделаться снова медиком. Но и это оказывается трудно: идут большие сокращения и есть опасность — могут отправить на работу в провинцию.

Простите, пожалуйста, что надоедаю Вам всем этим. Но ведь «что у кого болит, тот о том и говорит».

⁷³ Оксман Юлиан Григорьевич (1895—1970) — литературовед, пушкинист.

Если Вы не приедете в Ленинград, я сам постараюсь приехать в Москву и лично Вам вручить ходатайство о пенсии (что Вы разрешили мне) и материалы из «Дружининского архива».

С глубоким уважением к Вам,
Всегда готовый служить Вам

Н. Ончуков

Аптекарский пр. 10, кв. 17

15

26/1 1933

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Очень Вам благодарен за справку, что я постоян<ный> сотрудник «Звеньев». М<ожет> б<ыть>, она и спасет меня в Ленинграде. Вообще же говоря, положение мое — прямо говоря — трагическое. Как только приехал, почти с первого же дня начал работать, работал не переставая, и именно потому что был занят исключительно научной работой, не успел приискать и службы, ну хотя бы, корректором, что ли. И вот теперь над головой висит тяжелая глыба снега, которая того и гляди обрушится и раздавит... Ваш совет «стараться поступить на службу» — легко сказать, но невозможно исполнить в оставшиеся немногие дни. <...>

Ваш совет о рукописях из дружининского архива немедленно исполняю. Сделал им описи и посылаю их на Ваше имя, оценив пакет в 200 руб<лей>. Это все, что получил от семьи В. Т. Дружинина для продажи. Осталась у меня только одна вещь «Ода на памятник импер<атору> Николаю» (I-му). Я ее переписал и не успел сличить с оригиналом. Вещь неизвестного автора, но очень любопытная и вполне пригодная для «Звеньев». Но следовало бы походить по специалистам, чтобы определить автора. И необходимо комментировать. Все это я сделаю, если удастся остаться здесь. А затем оригинал, конечно, Вам, в Цен<тральный> Лит<ературный> Муз<ей>.

Что касается остальной части архива А. В. Др<ужинин>а, то я не имею понятия о его величине. Могу сказать одно, что еще что-то есть. Слышал, напр<имер>, разговор о подлиннике «Полиньки Сакс».⁷⁴ Самое ценное, разумеется, дневник А. В. Др<ужинин>а. Его частью использовал Чуковский в своей статье «Молод<ой> Толстой». Где теперь дневник, не знаю. Если останусь, и Вы

⁷⁴ Повесть А. В. Дружинина. Была передана в ЦЛМ (РГАЛИ. Ф. 167).

поручите мне, буду отправляться искать. Письма Некрасова,⁷⁵ по определению Максим<ова>-Евгеньева, не напечатаны. Деньги за рукописи, пожалуйста, присылайте мне: Я дал Дру<ужини>ным денег.

С глуб<оким> уважен<ением>, всегда гот<овый> служить

Н. Ончуков

16

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

В письме от 21/1 с<его> г<ода> Вы писали, что «переписанную статью о декабристах посылаете одновременно» с письмом. До сих пор я статьи не получил; мой доклад 4/II сорвался, Азадовский очень сердился. Вероятно, Вы забыли отдать приказ о посылке статьи, а, м<ожет> б<ыть>, приказ Ваш получили и не исполнили. Пожалуйста, очень прошу Вас, пришлите статью, мой доклад перенесен.

27/1 я послал Вам — все что имел на руках из архива Дружинина — ценной посылкой в 200 рубл<ей>. Получили ли? И нельзя ли ускорить в комиссии оценку и высылку денег? Очень прошу Вас прислать мне подробн<ый> список оценки, для представления Дружининым.

С 1 февр<аля> у меня заключен договор на три мес<яца> на работу в Словарн<ой> ком<мисси>и ИЯМ Акад<емии> Наук⁷⁶ и получена карточка (договор на 100 р<ублей> в месяц), т<ак> ч<то> пока как будто благополучно.

Жду от Вас ответа о библиограф<ической> работе по расколу и сектантству.

С искрен<ним> уважением, всегда готов служить

Н. Ончуков

6/II 33

⁷⁵ Письма Н. А. Некрасова (РГАЛИ. Ф. 167). Письма Н. А. Некрасова к А. В. Дружинину вошли в: *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 14—15. Критика, Публицистика. Письма. Л., 1998 (Т. 14. Кн. 1. — Письмо от 6 авг. 1855 г.; Т. 14. Кн. 2. — Письмо от 26 сент. (8 окт.) 1856 г.; Письма от 13—14 янв. 1857 г., 2 (14) марта 1857 г.; Т. 15. Кн. 1. — Письмо от 31 дек. 1863 г.).

⁷⁶ Институт языка и мышления. Ныне Институт лингвистических исследований РАН. С 1921 г. Институт яфетологических исследований, с 1922 г. — Яфетический институт. В 1930 г. в его состав была включена Комиссия русского языка АН СССР. С 1931 г. — Институт языка и мышления. В 1921—1934 гг. им руководил Н. Я. Марр.

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Деньги 800 рублей за материалы из «Дружининского архива», пожалуйста, пришлите по такому адресу: Ленинград, Вас<ильевский> Остр<ов>, Университетская набер<ежная> д. 5, кв. 15. Галине Марковне Дружининой.

В отношении дальнейшего — конечно, сделаю все, что в силах сделать, чтобы и остальная часть «Дружининского архива» поступила в Ваш Цен<тральный> лит<ературный> музей. Действовать только нужно очень осторожно и, м<ожет> б<ыть>, лучше не спешить. О «дневнике» я уже говорил, по-видимому, есть надежда, что и дневник можно будет в конце концов прислать Вам.

Условия Ваши о работе над библиографией раскола — сектантства принимаю; с Н. Павловой знаком и за инструкцией по работе над карточками к ней обращусь. Все поджидаю, скоро ли Вы приедете к нам в Ленинград; хочется повидать Вас и лично кой о чем поговорить.

С искренним уважением, всегда готовый служить

Н. Ончуков

14/II 33

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Решаюсь еще раз беспокоить Вас: вышлите, пожалуйста, список моей статьи «Песни и легенды о декабристах», для прочтения ее в качестве доклада в Инст<итуте> речевой культуры. Два раза доклад назначался и два раза откладывался за неполучением от Вас списка статьи. Вы уже давно писали мне, что послали список, но я до сих пор не получил. По-видимому, пропал в пути.

Относительно «Дружининского архива» могу сообщить следующее: на днях был у Дружининых, и А. В. Дружинин (сын старика, В. Г. Дружинина) просил написать Вам, что, в принципе, дело это решено в благоприятном для Цен<трального> лит<ературного> музея смысле. Все будет переслано Вам. Разумеется, и «Дневник Дружинина». Дело теперь за собиранием этого всего добра от разных лиц, где это все литературное добро большой ценности хранилось.

На такую уступчивость, конечно, повлияла та щедрая оплата посланного мною Вам материала из архива. Вы, Вл<адимир>

Дм<итриевич>, конечно, правы в характеристике старика Дружинина. И мне немало усилий и времени стоило быть посредником между Вами и всей фамилией Др<ужинины>х, что я и ставлю себе в некоторую заслугу перед Центр<альным> лит<ературным> музеем.

Уведомление о получении 60% гонорара за статью получил от Вас. Большое спасибо.

В непродолжительном времени или я, или сами Др<ужинины> будут высылать Вам остальную часть архива Д<ружини>на. И я первый буду счастлив — увидеть поскорее в печати «Дневник А. В. Дружинина», имеющий, конечно, исключительно огромный интерес для изучения произведений Льва Толстого.

На днях я послал Вам адрес Дружининых, на имя жены сына Вас<илия> Гр<игорьевича> Др<ужини>на — Галины Марковны Дружининой, которой благоволите высылать деньги за посланную Вам мною часть «Дружининского архива».

С искренним уважением всегда готов служить

Н. Ончуков

21/II 33

Приписка с левой стороны листа: Начал разбирать свою библиотеку, кой-что найдется послать Вам по расколу и сектантству, правда, мало. Н. Ончуков>

19

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Со мной опять катастрофа: мне и моей жене — Анне Александровне Ончуковой не выдали паспортов и дали 10 дней на выезд.

По приезде в Ленинград в июле 32 г. работаю не покладая рук: в ИРКе два доклада, сдал статью в сборник имени С. Ф. Ольденбурга,⁷⁷ Вы приняли мою работу в «Звенья», доставил Вам в Лит<ературный> музей часть Дружининского архива. Все это я говорил на паспортном пункте, и все напрасно. В чем меня обвиняют — решительно не понимаю, не говорят, но я полагаю, что в основе лежит жестокая борьба в нашем жакте за жилплощадь. Жена моя, ботаничка, ученица и бессменная ассистентка вице-президента Акад<емии> Наук В. Л. Ко-

⁷⁷ Статья вышла: Ончуков Н. Е. Сказки одной деревни // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882—1932). Л., 1934. С. 399—412

марова, виновата разве только в том, что она не развелась со мной и раз была у меня, когда я жил на Севере.

Н. М. Маторин⁷⁸ и М. К. Азадовский оба в один голос считают такое отношение ко мне несомненным перегибом и пытаются меня отстоять, но допускают, что мне придется съездить в Москву, и посоветовали мне написать Вам это предварительное письмо, что я и делаю.

Всегда и впредь всемерно готовый работать для Вас

Н. Ончуков

Дружин[ин]ы деньги получили, очень благодарят и теперь уже не замедлят дослать Вам и оставшуюся часть «Дружининского архива».

3 апреля 1933 г.

Адрес: Аптекарский пр. 10, кв. 17. Н. Е. Ончукову

20

29 апреля 1933 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Позавчера был у Дружининых и с восхищением узнал, что «Дневник А. В. Дружинина» наконец-то нашелся и уже уехал к Вам, в Москву. Я было совсем перепугался, когда узнал, что он было затерялся. Теперь недалеко — буду надеяться — то время, когда «Дневник» появится и в печати. Ведь действительно же, держать целые десятки лет под спудом такие литературные документы — возмутительная вещь!

В последнее мое посещение Д<ружинины>х бегло просмотрел остатки Дружининского архива. Это большая связка «дел» весом ровно в ½ пуда (я взвесил), гл<авным> образ<ом>, оригиналы уже напечатанных произведений А. В. Дружинина (на некоторых ясны следы пальцев наборщиков). Но разумеется: все ли тут было напечатано, сказать не решусь, это может сказать только чистый литературщик при подробном изучении. Кр<оме> того, в этой пачке находятся: оригинал «Опричника» И. И. Лажечникова,⁷⁹ «Паризина» поэма Павла Козлова,⁸⁰ стихи

⁷⁸ Маторин Николай Михайлович (1898—1936) — этнограф, религиовед, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, главный редактор журнала «Советская этнография».

⁷⁹ Повесть Ивана Ивановича Лажечникова «Опричник».

⁸⁰ Козлов Павел Алексеевич (1841—1891) — поэт, переводчик и композитор.

А. Плещеева, П. Гайдебурова,⁸¹ И. Зигуляева, И. Петрова, Д. Минаева,⁸² А. Фрикен,⁸³ Арбузова,⁸⁴ П. Козлова и др. Это все, по видимому, присылки в редакцию «Библиотеки для чтения».⁸⁵ Разумеется, все это поступит к Вам, в Музей. И если нужно поторопить посылкой, я еще не раз к ним съезжу.

Мои дела все еще так сказать в «висячем положении». Ваше лестное для меня письмо т<оварищу> Кирову⁸⁶ сейчас же переслано было им в обл<астную> милицию, там мне обещали, наконец, выдать паспорт, но пока все еще не выдали, и я хотя и успокоился до некоторой степени, но все еще чувствую себя под ударом. Ведь с декабря месяца я все время трепещу и так измотался, что почти потерял способность работать. Напр<имер>, прошел мой доклад о «песнях и легендах о декабристах», и я должен кой в чем переделать свою работу, но до осени сделать это не в состоянии. Буду надеяться, что если еще и снова встретятся какие-ниб<удь> затруднения в получении паспорта, Вы снова заступитесь за меня.

Большая просьба к Вам: жена и я, оба мы хотим иметь Ваш портрет. Не откажите нам в этой просьбе.

С глубоким и искренним уважением к Вам

Н. Ончуков

⁸¹ Гайдебуров Павел Александрович — см. сноску к письму от 21 ноября 1932 г.

⁸² Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт-сатирик и переводчик, журналист и критик.

⁸³ Вероятно, это Фрикен Алексей Федорович (1830—1915) — общественно-политический деятель, историк искусств (автор работ по раннехристианскому искусству и итальянскому Возрождению).

⁸⁴ Возможно, это Арбузов Николай — поэт середины XIX века. (РГАЛИ. Ф. 471. Оп. 1. Ед. хр. 3—4. Арбузов Николай «В день, когда был тайной силой»; «Рапорт», «Судьба назначила поэту...»). Стихи, посвященные Жуковскому Г. В. и Жуковской Е. И.).

⁸⁵ «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал универсального содержания, выходивший в Санкт-Петербурге в 1834—1865 гг.

⁸⁶ Видимо, имеется в виду письмо, хранящееся в РГАЛИ (Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 118. Письмо Бонч-Бруевича В. Д. тов. Кирову С. М. с просьбой обрратить внимание на положение Н. Е. Ончукова. 10 апреля 1933 г.).

* * *

Аннотация: В публикации представлены 20 писем этнографа и фольклориста Н. Е. Ончукова к В. Д. Бонч-Бруевичу 1930-х гг. из фонда ОР РГБ. Письма посвящены сложному периоду в жизни этнографа, связанному с арестом и ссылкой в Северный край и возвращением в Ленинград.

Ключевые слова: «дело краеведов», репрессии, полевая работа, история фольклористики, эпистолярное наследие

Abstract: The publication presents 20 letters written in 1930s by N. E. Onchukov, an ethnographer and folklorist, to V. D. Bonch-Bruevich. These letters are from the archive of the Manuscript Department of the Russian State Library. They are devoted to a difficult period in the life of the ethnographer associated with arrest and exile in the Severnyj Krai and return to Leningrad.

Keywords: «the case of local historians», repression, field work, the history of folklore studies, epistolary heritage

РАЗДЕЛ IV. БИБЛИОГРАФИЯ. УКАЗАТЕЛИ

А. Н. РОЗОВ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ» (1899—1917 гг., ЯРОСЛАВЛЬ)

(АННОТИРОВАННЫЙ ТЕМАТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ)

Ежемесячный церковный журнал «Приходская жизнь» (далее — ПЖ) издавался Ярославским епархиальным братством свт. Димитрия Ростовского. Первоначально с 1899 по 1904 гг. редакторами-издателями были протоиерей Ф. П. Успенский¹ и священник К. Наумов. Главной задачей нового издания было отражение того, как в приходах «проповедуется и проводится в жизнь православное христианское учение»; в какой степени жизнь прихожан соответствует церковным уставам; какова роль местного духовенства в народном просвещении, в благотворительности; как ведется борьба «с лжеучениями, суевериями и вредными обычаями и навыками».

Журнал первоначально состоял из четырех разделов:

I. Приходская проповедь: поучения, слова и внебогослужebные беседы.

II. Жизнь по церковному уставу. Здесь публиковались выписки из церковного устава, объясняющие значение отмечаемых в течение месяца библейских событий.

III. Миссионерская деятельность: борьба с расколом, сектами и суевериями.

IV. Церковная школа и приходское попечительство. Здесь же приводились материалы о деятельности обществ трезвости, о церковной благотворительности, статьи и заметки о разных сторонах церковно-приходской жизни.

¹ Некролог о нем см.: ПЖ. 1916. Февраль.

С 1905 по 1910 гг. редактором-издателем журнала был Ф. П. Успенский. С 1911 по 1914 гг. его сменил иеромонах Корнилий (с 1915 г. епископ Рыбинский), при котором характер издания несколько меняется. В частности, в нем уже нет из года в год повторяющихся поучений, слов, заметок о главных праздниках. В 1914 году журнал возглавил преподаватель Ярославской семинарии Л. В. Мурогин, прежние редакторы прот. Ф. Успенский и архимандрит Корнилий стали заведовать отделами ПЖ. В это время издание переживало кризис: не хватало присылаемых местным духовенством материалов для публикации, резко снизилось количество подписчиков, из-за чего возникла угроза закрытия журнала. Последним редактором стал с 1915 г. священник, позднее протоиерей Н. Мирон, который в заметке от редакции просил не присылать «длинных и научных статей», так как журнал должен стать «популярным, доступным обыкновенному человеку». Действительно, при новом редакторе ПЖ претерпела значительные изменения: увеличился круг авторов, более разнообразным стал публикуемый материал. Если раньше, как отмечалось, в ПЖ было четыре отдела, то теперь их стало уже десять: I. Проповеднический; II. Нравственно-назидательный; III. Церковно-общественный; IV. Школьный; V. Смешанный; VI. Беллетристика; VII. Стихотворения; VIII. Обзор литературных произведений; IX. Отдел трезвости; X. Библиография. Именно в этот период были опубликованы интересные фольклорно-этнографические материалы: священника А. Черемхина «Из настоящего и прошлого Пошехонского угла (Бытовые наброски)». (1915. Дек. С. 801—804) и «Народные обычаи, верования и выговор отдельных местностей Пошехонского у.» (1915. Дек. С. 746—746). В первом своем очерке автор пишет о том, что местные монахини (именно монахини, а не богомолки-«чернички», как в других епархиях) распространяют по приходу «разные религиозные небылицы, приметы, наговоры, нашептывания, а также “молитвы”».

Конечно, всего лишь за 18 лет своего существования журнал напечатал сравнительно немного фольклорно-этнографических статей, но, тем не менее, в нем появлялись интересные сведения о жизни простого народа, особенно деревенского. Очень любопытны статьи священника В. Преображенского «Приметы и заговоры в Вологодской губернии [Тотемский у.]» (1911. Июль. С. 435—454) и особенно «Свадебные обычаи и Тотемском уезде [Вологодской губ.]» (1912. Янв. С. 37—42; Февр. С. 88—92; Март. С. 161—166; Апр. С. 197—202). Это единственные публикации ПЖ, в которых приводятся фольклорные тексты: заговоры и свадебные причитания.

Немало публикаций посвящено суеверным представлениям крестьян о церковной молитве (например, № 16, 22).

Как и в других церковных журналах, много публикаций в ПЖ посвящено убеждению священниками прихожан проводить праздники по-христиански, при этом отмечалось, что не только сельское, но и еще в большей степени городское население, ведет себя в эти дни в высшей степени греховно, особенно в святочные дни. Резко выступали иереи против масленичного разгула, этого, по словам Ф. Успенского, «демонского глумления, недопустимого в предпостную неделю» (№ 45). Тот же Успенский в одном своем пасхальном слове подчеркивал, что имеется огромная разница между истинно христианским весельем и суетным мирским (№ 40). В другой беседе он предупреждал прихожан, что мирские развлечения и увеселения могут прогневать Бога, а, следовательно, привести к негативным последствиям (№ 42).

Своеобразие ПЖ заключается в том, что здесь довольно много материалов, рассказывающих о различии степени воцерковленности среди городского и сельского населения. Среди первых много людей, не посещающих храм. Существует много причин этому: театры, другие развлечения в праздники, магазины, лавки, ярмарки, базары и т. д. По словам Ф. Успенского, церковь не посещают вечно занятые извозчики, железнодорожники, представители разных рабочих специальностей, хозяева не отпускают прислугу, атеистически настроена интеллигенция и «полуинтеллигенция», равнодушна к религии молодежь (№ 27). Охлаждение к православию характерно и для крестьян, которым недоступна вся красота церковной службы; они не понимают смысла ряда таинств, например, исповеди, к которой сельчане относятся формально; нередко они плохо представляют, что такое грех. Однако для них существуют любимые праздники, например, Пасха, когда храм полон. Сельские прихожане, в отличие от городских, более уважительно относятся к своему священнику (№ 2).

Городские священники даже в начале XX в. осуждали пристрастие горожан к театру, а один мирянин, утверждая, что церковь всегда порицала этот вид искусства, считал абсолютно ненужным «народный театр» (№ 58).

Корреспонденты обращали внимание и на пагубное воздействие города на деревню. Так в 1908 г. отмечалось, что сельская молодежь подражает молодежи городской, устраивая накануне и в день церковных праздников, в субботу и в воскресенье концерты, вечера, спектакли и гуляния, нарушая тем самым святость. Хотя эта публикация заимствована из журнала другой епархии, подобное, несомненно, наблюдалось по всей России (№ 60).

Как известно, сельское духовенство играло большую роль в школьном образовании. Многие священники преподавали в церковно-приходских школах и были убеждены, что эти учеб-

ные заведения помогут растить настоящих будущих христиан, грамотных людей, не подверженных суевериям и предрассудкам. Кроме иереев, воспитанием детей в подлинно христианском духе занимались и некоторые учителя. Так Е. Соколова призвала школьников не посещать масленичные забавы, свадьбы и вечеринки, так как там нет ничего хорошего, но их туда берут с собой матери, которым хочется вспомнить свою молодость и повеселиться (№ 62).

Вся церковная периодика отрицательно относилась к мирским песням, называя их «бесовскими», «мерзкими». В ПЖ приводится конкретный пример песенного богохульства, когда рабочие, поднимая тяжести в ремонтируемой ими церкви, пели «дубинушку» с неприличными словами. Когда священник сказал им, что петь в храме большой грех, то ему ответили, что они привыкли к подобной песни и без нее не могут работать (№ 65).

В отличие от других духовных журналов в ПЖ мало сведений о старообрядцах и сектантах. Тем не менее, следует отметить записки свящ. П. Аббисова, в которых рассказывается о своеобразном поведении староверов, когда в их дом входил священник для рождественского или пасхального христославления (№ 9). Н. Следников писал о возникшей в начале XX столетия, в основном в городской женской среде, секты иоаннитов, уподоблявших Иоанна Кронштадтского Богу (№ 11).

Можно констатировать, что всего лишь за 18 лет своего существования ПЖ успела опубликовать материалы, раскрывающие различные стороны жизни сельчан и горожан Ярославской губернии, и эти материалы, наряду с публикациями в «Ярославских епархиальных ведомостях», должны привлечь внимание исследователей, занимающихся проблемами народной культуры.

Принцип оформления указателя. По тематическому признаку материал делится на 10 рубрик.

В тех случаях, когда один и тот же материал имеет отношение к двум и более разделам, он помещается только в одном разделе, к которому он ближе по тематике, в других же разделах на него даются цифровые ссылки.

После фамилии автора в Именном указателе отмечается место службы автора, а далее приводится его порядковый номер по тематико-библиографическому указателю.

I. Особенности народного православия. Языческие представления в нем

1. Грамотный поселянин. Из области народных суеверий // 1899. Авг. С. 39—40.

В с. Осовцы Радомысльского у., Киевской губ. один грабитель имел в рукаве «святыню»: кусок артоса и зерна пшеницы, освященной на всенощной в церкви. Всё это он зашил по совету одной цыганки, уверявшей, что подобная «святыня» поможет безнаказанно воровать и грабить.

2. Записки сельского священника // 1908. Март. С. 114—121; Апр. С. 157—164.

Автор — бывший городской священник, служащий теперь в сельском приходе. Крестьяне относятся к исповеди как к простой формальности; не видят своих грехов, но зато иногда каются в таких вещах, которые относятся к суевериям. Храм малолюден. Крестьяне не могут оценить красоты церковной службы. Уменьшилось число богомольцев. Из всех церковных праздников крестьяне больше всего любят Пасху и в церкви очень много людей. В деревне нет такого унижения клира при христославлении, как в городе. Существует обычай после пасхального славления расплачиваться за все годовые требы.

3. *Морев Михаил (свящ.).* Святой равноапостольный великий князь Владимир, просветитель русского народа. Россия и ее мировое религиозно-просветительское назначение. Историческая памятка на 15 июля // 1911. Сент. — Окт. С. 542—558; Дек. С. 715—725.

Борьба Владимира с языческими божествами древней Руси: с Хорсом, Дажбогом, Велесом и др. Народная демонология, колдуны, волхвы, кудесники. Религиозные верования древних руссов.

4. *С. А. Д.* Начало христианства в Ростовском крае // 1913. Июль — Авг. С. 277—290.

Борьба христианства с язычеством.

5. *Успенский Ф. (прот.).* Беседа о новой молитве, распространяемой в народе // 1905. Май. С. 152—155.

В народе распространяется «молитва», которая якобы явилась на Гробе Господнем при угрожающем гласе с небес. В приписке к «молитве» сказано: во-первых, тот, кто будет читать ее до трех раз в день, будет избавлен от всяческих бедствий; во-вторых, каждый имеющий молитву должен передать ее 9 человекам. Данная «молитва» — это ересь и ее необходимо уничтожать.

6. *Успенский Ф. (прот.).* Соблюдение заповеди. Беседа о второй заповеди // 1906. Сент. С. 319—323.

Необходимо правильно почитать иконы; чтут не сами иконы, а того, кто на ней изображен.

7. *Черемхин А. (свящ.)*. Из настоящего и прошлого Пошехонского угла (Бытовые наброски) // 1915. Дек. С. 801—804.

Пошехонские монахины, считая себя знатоками слова Божия, распространяют по уезду разные религиозные небылицы, приметы, наговоры и нашептывания, а также «молитвы».

8. *Черемхи>н А. (свящ.)*. Народные обычаи, верования и выговор отдельных местностей Пошехонского у. // 1916. Дек. С. 746—748.

В Пошехонском уезде, лучше чем в других уездах, сохранились языческие поверья, заговоры и нашептывания. Здесь сжигают Масленицу, на святках ходят ряжеными. Характеристика местного языка.

II. Суеверия, приметы, поверья, толкование снов. Роль священников в борьбе с сектантами, предрассудками и суевериями

9. *Аббисов Петр (свящ.)*. Раскол в Ново-Приселковском приходе (Записки священника) // 1901. Июль. С. 329—334.

Приселок Новый Романо-Борисоглебского у. Некоторые раскольники, чтобы священник не ходил в их дома со святой водой и другими требами, приносят ему деньги на дом. Автор отказался от денег, сказав, что он берет деньги за труд, а здесь, раз он не был в доме, значит и не трудился. Такое приношение называется «годовое». Описание рождественского славления. Одни раскольники, если они в избе, то при виде священника прячутся, а деньги за требу оставляют на столе; другие стоят у стен и к кресту не подходят; то же самое и во время пасхального, когда ходят с иконами. Крестильные и похоронные обряды у раскольников.

10. *Гал-ский И.* Несколько слов о невежестве и суевериях, царящих среди простого народа // 1900. Март. С. 142—144.

В народе бытует множество суеверий и примет, приуроченных к каждому празднику. Народ убежден, что в одни праздники нельзя работать, а в другие можно, но с известными ограничениями, например, не полагается пряхть в пятницу (в этот день существуют и другие запреты). Множество знахарей, ворожей и «шептух» в деревнях. Вера в русалок, ведьм, домовых. При похоронах, крестинах, свадьбах, покупках и продажах распространены разные наговоры. При падеже скота устраивают «живой огонь» (его описание из г. Семенова Нижегородской губ.). Одна из уральских газет сообщает, что больного ребенка запекают в

виде начинки пирога.² Диалог матери со знахаркой, пока пирог с ребенком в печи. Для лечения резей в желудке используют битое стекло. Текст «молитвы» от лихорадки; о распространении подобных «молитв» в народе.

11. *Следников Н.* Иоанниты и о. Иоанн Кронштадтский // 1908. Янв. С. 11—16.

Слагаются стихи в честь о. Иоанна Кронштадского. Иоанниты считают, что для спасения от близкого Страшного Суда надо в г. Кронштадте причаститься от руки о. Иоанна=Бога; таких спасенных будет 144000. Антицерковные действия черничек-иоанниток, одетых в черные одежды.

12. *Успенский Ф. (прот.)*. Божие милосердие. Беседа // 1902. Июль. С. 265—271.

О правильном, истинно христианском почитании икон. Икона — это милосердие Божие.

13. *Успенский Ф. (прот.)*. Духовная охрана народа // 1903. Янв. С. 35—38.

Существуют шесть способов духовного воздействия священника на народ: 1) богослужение; 2) проповедь (церковная, внебогослужебная, публичная и домашняя); 3) пастырское отеческое руководство; 4) обучение детей; 5) миссионерство; 6) призрение бедных.

14. *Успенский Ф. (прот.)*. Почему у нас много икон? Поучение в день Сретенья чудотворной иконы Божьей Матери // 1902. Май. С. 185—188.

Иконы Божьей Матери чтятся не для того, что поскорее получить от нее помощь, а потому что она мать Иисуса Христа.

15. *Успенский Ф. (прот.)*. Соблуди заповеди. Беседы о заповедях Божьих // 1906. Апр. С. 133—139; Май. С. 175—178; Июль. С. 232—239; Авг. С. 268—272.

Простой народ верит в счастливые и несчастливые дни и встречи; народная демонология; осуждение суеверий. О борьбе язычества с христианством.

16. *Z.* Первые впечатления. Очерки деревенской жизни. Записки священника // 1901. Сент. С. 421—431; Окт. С. 484—490; Ноябрь. С. 524—531.

К молодому священнику после его первой службы в приходе приходят женщины с больными младенцами, и просят прочесть над ними канон Богоматери. Крестьяне верят, что молитвы священника, пока он

² Видимо, имеется в виду обряд «перепекания» заболевшего младенца, когда его закутывают и, привязав к лопате, трижды суют в теплую печь.

не обвенчал ни одной еще свадьбы, особенно действенны, поэтому к нему приходят и просят «почитать канон» и для взрослых больных (после первого же венчания эти просьбы будут реже). О праздничном обходе крестьянских домов «со святом». Крестьяне уподобляют иконы «богам»; в избах «богов» меньше, а в храме множество. О местных знахарках и их методах «лечения»; некоторые знахарки занимаются не только лечением людей, но и животных, а также поисками воров. Убежденность крестьян, что некоторые определенные знахарки знают с нечистым. Описание деревенских праздников, во время которых все деревня пьяная, даже женщины. Рождественский и пасхальный обходы домов.

См. также: № 66.

III. Гадания

17. *Розов Николай (свящ.)*. «Внемлите от лживых пророк» (Мф. VII, 15) // 1912. Апр. С. 175—181.

О гаданиях. Гадания в дохристианскую эпоху. Способы гадания. Гадатели отвлекают людей от Бога, от веры в промысел Божий, зарождают в людях слепую покорность судьбе. Христианство запрещает волшебство. Обличение современных гадателей.

См. также: № 43, 44.

IV. Народная демонология

См.: № 3, 10, 15, 18, 19.

V. Народная медицина. Заговоры

18. *Б-ий*. Открытие женской церковно-приходской школы, первой в Мышкинском уезде // 1902. Дек. С. 511—513.

В с. Воскресенском сильна вера в заклинания, заговоры, в домовых, в водяных и т.д.

19. *С. В. П.* Приметы и заговоры в Вологодской губернии [Тотемский у.] // 1911. Июль. С. 435—454.

Заговоры здесь называются «шепотами». Приметы, суеверия и заговоры сопровождают человека всю жизнь от рождения до смерти. Испытания родильнице после родов со стороны бабок; суеверные обряды для облегчения родов. Тексты приговоров при рождении ребенка. Заговоры от грыжи, килы, ломоты, тоски и проч. «Лечение»

больных маленьких детей (тексты заговоров). Вера в лихой глаз. Приемы «лечения» взрослых. Тексты заговоров. Заговоры при несчастном браке; способы приворожить супруга, жениха. Заговоры на жатву, обряды перед жатвой. Суеверия при погребении. Поминование умерших. Суеверия в некоторые праздничные дни: Усекновение главы Иоанна Предтечи, в Страстную неделю, в Великий четверг, Иванов день. Суеверные обычаи для сохранения скота. Народные «молитвы» и сказания: ангелу хранителю, Сон Богородицы, Поучение папы Римского о двенадцатых пятницах, слова о муках (тексты). Народная демонология: вера в домовых, дворовых, водяных и лесных. Вера в силу колдунов. Заговоры от болезней скота (тексты). Обряды первого выгона скота в поле.

См.: № 10, 16.

VI. Обряды

1. Свадебные обряды

20. *Миров Н.* О свадьбах без вина // Приложение к ПЖ: Листок трезвости. 1904. Май. С. 33—35.

По материалам из Орловских епархиальных ведомостей: описание свадебного поезда из полупьяных прихожан, подъезжающих к церкви; пьяные песни, гармоника; грязные по содержанию песни и присказки за свадебным столом; циничная пляска.

21. *Преображенский Василий (свящ.)*. Свадебные обычаи в Тотемском уезде [Вологодской губ.] // 1912. Янв. С. 37—42; Февр. С. 88—92; Март. С. 161—166; Апр. С. 197—202.

Сватовство в доме родителей невесты; осмотр имущества жениха родителями невесты. Рукобитье в доме невесты, после которого невеста начинает причитать. Тексты причитаний отцу и матери (4 №№). Невеста с подругами готовит приданое. Тексты причетов (2 №№). Канун венчания («сватальный день») и главное пиришество, на которое приглашаются: плакальщица, колдун или колдунья (= сторож»). Страх сглаза. Подробное описание «сватального дня» (причеты). Родители благословляют невесту. Одевание невесты. Причеты. Описание венчального дня (в доме невесты). Приговоры дружки. Причитания невесты и плакальщицы.

См.: № 10, 19.

2. Родильные и крестильные обряды

22. Церковные требы. Молитва в первый день, повнегда родити жена отроча // 1901. Янв. С. 12—16.

Некоторые считают суеверием церковную молитву об избавлении родильницы и младенца от влияния злых духов, полагая, что вера в дневных и ночных духов аналогична вере в домовых, леших и другую нечистую силу. Ряд людей уподобляет церковное священнодействие колдовству.

См. также: № 9, 19.

3. Похоронно-поминальные обряды

См. № 9, 10, 19.

VII. Праздники народно-церковного календаря

*О сути и назначении праздников и воскресных дней;
о христианском и нехристианском характере их проведения*

23. *Ливанов В. (свящ.)*. Поучение в день храмового праздника // 1900. Окт. С. 443—444.

Об истинно христианском характере проведения праздников; в праздничный вечер в сельском приходе много пьяных, наблюдается дикий разгул, звучат скверные песни.

24. *Наумов К. (свящ.)*. Воскресный базар // 1900. Авг. С. 365—368.

Из-за воскресных базаров народ не сохраняет подобающий покой праздничных дней, предаваясь житейской суете, разгулу, пьянству; сельские и городские базары.

25. *Наумов К. (свящ.)*. Пьянство (Из приходской практики) // 1901. Май. С. 229—235.

Накануне великих праздников в больших городах на фабриках рабочие получают деньги; на улицах множество пьяных, песни, гармошки, брань (то же самое и в день самих праздников). Все церковно-религиозные обряды сопровождаются питьем.

26. Поучение перед крестным ходом // Приложение к ПЖ: Листок трезвости. 1904. Июль. С. 49—50.

О христианском проведении праздников. Праздник — это служение и угождение Бога. Греховность мирского проведения праздничных дней.

27. *Успенский Ф. (прот.)*. Записки городского священника // 1908. Окт. С. 497—502.

Несколько причин охлаждения горожан к церкви. Во-первых, накануне праздничных и воскресных дней разрешены театральные пред-

ставления; именно туда вместо церкви идут некоторые прихожане, главным образом молодежь. Во-вторых, накануне и в день праздников открыты все магазины и лавки. В-третьих, многие хозяева не пускают прислугу в церковь. Почти не посещают храм извозчики, железнодорожники и прочие представители рабочих специальностей, а также интеллигенция.

28. *Успенский Ф. (прот.)*. О сокращении праздников // 1909. Июль — Авг. С. 299—303.

Особое совещание при Св. Синоде пришло к выводу, что можно исключить из числа неприсутственных дней: последние четыре дня пасхальной недели; третий день праздника Рождества Христова, день Нового года и два дня Масленицы. По церковному уставу третий день Рождества Христова и вся Масленица не относятся к великим церковным праздникам. Тем не менее, автор протестует против исключения последних дней пасхальной недели, ибо всегда Пасха продолжалась 7 дней. Автор убежден, что праздники сокращают для того, чтобы верующие не ходили в церковь. Значение праздников в жизни православного человека огромно. Вся наша жизнь сосредоточена вокруг праздников. Раньше даже время считалось по праздникам, их сокращение — это поругание церкви.

29. *Успенский Ф. (прот.)*. По поводу уменьшения числа праздников // 1909. Май. С. 211—215.

В повестку заседаний Государственного Совета внесен вопрос о сокращении числа праздников, которые якобы отнимают рабочее время, приучают народ к ленности, к пьянству, развращают его. Автор не согласен с этим. Сокращать число праздников — это значит сокращать дни молитв.

30. *Хабаров Николай (свящ.)*. Сельский приход близ Ростова Великого (По наблюдениям приходского священника).

О христианском проведении праздников: в служении и угождении Богу. Греховность мирских праздников.

Описание годового круга народно-церковных праздников

Новый год

31. *Успенский Ф. (прот.)*. Записки городского священника // 1909. Янв. С. 23—27.

Обычай встречи Нового года в некоторых городских храмах возник лет 10 назад сначала в столицах, а позднее в губернских и уездных городах. Некоторые говорят, что отмечание Нового года в храме не отмечено в церковном уставе, что 1 января — это праздник гражданский, а не церковный. Простой народ Новый год не празднует. Подобный

обычай был введен для борьбы с нечестивым обыкновением встречать наступающий год в клубах с бокалами вина. Описание новогоднего праздника в храме. В церковном уставе есть полунощница, которую надо совершать в полночь. Не все городские священники одобряют этот праздник в храме.

См. также: № 28.

Масленица (Мясопустная или Сырная неделя)

32. *Воскресенский Н.* Святой Тихон Задонский, епископ Воронежский и Задонский (К 50-летию со времени открытия его мощей) // 1911. Сент. — Окт. С. 518—541.

Борьба Тихона Задонского с Масленицей, которую, благодаря его усилиям, в Воронеже перестали праздновать. Он же боролся с языческим праздником Ярилы с играми, плясками, кулачными боями в этот день.

33. Как должно проводить масленицу? // 1900. Февр. С. 81—83.

Масленица — не церковный, а языческий праздник, который не должен отмечаться, т. к. это время — преддверие Великого поста; описание масленичных игрищ; церковь запрещает все развлечения и игрища в неделю перед постом.

34. Приготовление к Великому посту // 1899. Февр. С. 18—25.

Осуждение масленичных развлечений и праздничного разгула.

35. [*Тихон Задонский*]. Слово о сырной седмице св. Тихона Задонского // 1910. Февр. С. 54—63.

Осуждение масленицы, которую народ ждет как большой праздник. К ней готовятся заранее: покупают съестное, вино, наряды. Масленичные катания, визиты, блины; все поздравляют друг друга с широкой Масленицей. Масленичные песни, кулачные бои. Масленичным бесчинством порочится святая вера. Празднование Масленицы — это язычество. Необходимо бросить все неприличные забавы и уничтожить этот праздник.

36. *Успенский Ф. (прот.)*. Сырная седмица. Напоминание православным // 1906. Февр. С. 45—46.

Сырная неделя — это преддверье Великого поста; надо к нему готовиться, усердно молясь. Описание Прощеного воскресенья.

См. также: № 8, 28, 45, 62.

Великий пост; предпасхальная неделя

37. *Ливанов Виктор. (свящ.).* Городские соблазны в Великий пост. Поучение в неделю Крестопоклонную // 1901. Март. С. 106—108.

Осуждение ярмарок во время Великого поста.

38. *Ливанов Виктор.* Пост и зрелища // Приложение к ПЖ: Листок трезвости. 1904. Февр. С. 1—3.

Призыв не посещать во время Великого поста различных зрелищ.

См. также: № 19, 33

Пасха

39. *Державин А. (свящ.).* На Пасхе (Из детских воспоминаний) // 1904. Апр. С. 148—152.

Пасхальное христославление священника с сыном, учащимся духовного училища. Описание обряда.

40. *Успенский Ф. (прот.).* Христос воскрес // 1904. Апр. С. 143—147.

Разница между мирским, суетным весельем и истинным христианским весельем.

См.: № 2, 9, 16, 28.

День Георгия Победоносца (23 апр.)

41. *Наумов К. (свящ.).* Очерки приходской жизни: 1) Сельские праздники // 1899. Июль. С. 28—36.

Описание общественного молебна и крестного хода в дни Георгия Победоносца, Власия, Модеста. Весь деревенский скот сгоняют в одно место и молятся о сохранении домашней скотины. Осуждение мирского праздника с пьяным гостеванием, разгульными песнями под гармошку.

Усекновение главы Иоанна Предтечи

42. *Успенский Ф. (прот.).* Смерть и радость. Беседа в день усекновения главы Иоанна Предтечи // 1905. Авг. С. 233—236.

Различные мирские развлечения и увеселения могут привести к негативным последствиям. Надо все время помнить об опасности прогневить Бога.

Святки

43. Святки // 1899. Дек. С. 15—17.

Ряженье и маскарады; обличения ряженья и игрищ со времени раннего христианства; гадания в святые дни неприличны для христианина; о необходимости истинно христианского проведения святочных дней; осуждение рождественских визитов в городах.

44. Святки // 1903. Дек. С. 524—527.

В святочном празднестве много языческого: ряженья, гадание, катание, пляски, зажигания огня и т.д. Святки — это святые дни, поэтому все, что не соответствует их святости, должно быть искоренено. В святках проявляется двоеверие. Отцы церкви всегда решительно обличали языческие святочные обряды и обычаи. Ныне существуют государственные и церковные законы о святости святочных дней. Святки должны приобрести подлинно христианский характер.

45. *Успенский Ф. (прот.)*. Трезвися о всем. Поучение // 1907. Янв. С. 6—8.

Многие решили, что Святки — время разнообразного мирского веселья. Решили, что театр — полезное и благородное учреждение. Падение в обществе нравственности, веры; рост разврата, стяжательства; увлекаются светской литературой, а православной веры не знают. Великие церковные праздники носят у большинства людей нехристианский характер. Масленица — это демонское глумление.

46. *Успенский Ф. (прот.)*. Чем следует заниматься христианину в Святки? // 1908. Дек. С. 547—552.

В эти дни популярны театры, елки, домашние семейные вечера, хождение в гости. Из-за праздничных хлопот люди забывают об Иисусе Христе. Праздник надо проводить по-христиански: молиться, слушать или читать Слово Божие. Ныне праздники — дни соблазна и греха. Множество развлечений, зрелищ и удовольствий.

См. также: № 8.

Рождество Христово (25 дек.)

47. Елка // 1903. Дек. С. 528—529.

История возникновения этого обычая. Споры служителей церкви по поводу елки: одни считают, что не стоит устраивать для детей праздник елки, т. к. он заимствован у немцев; другие считают, что этот обычай безвреден для православия.

48. *М. К. (свящ.)*. Заметка о славленье (Письмо в редакцию) // 1899. Дек. С. 57—58.

Рождественское славление теряет свой изначально высокий христианский смысл. Члены причта славят отдельно друг от друга, чтобы больше получить от прихожан. Необходимо прекратить подобную практику.

49. Около детей // 1905. Апр. С. 136—140; Май. С. 169—176.

Священник с маленькими певчими разучивает рождественские песнопения; обещает не брать с собой славить тех, кто плохо себя ведет. Сначала славили в школе, потом у попечителя (описание славления); затем два дня ходили по крестьянским домам. Всего набрали 19 рублей, которые пошли на школьную елку. Описание праздника елки в школе.

50. Праздник Рождества Христова // 1899. Дек. С. 7—15.

Описание рождественского христославения. Некоторые священники и диаконы считают этот обычай унижительным. Автор публикации согласен с ними.

51. Пред праздником Рождества Христова. Поучение // 1907. Дек. С. 369—370.

Детям можно по вечерам бывать на елках, но утром в святки не забывать храм.

52. Рождественская елка // 1899. Дек. С. 17—18.

История возникновения данного рождественского обычая.

53. Рождество Христово // 1903. С. 521—524.

Осуждение ряженья-«оборотничества», танцев и других языческих увеселений.

54. *Успенский Ф. (прот.)*. Как приходскому священнику бороться с расколом (Из переписки родственников) // 1900. Февр. С. 88—91.

О рождественском и пасхальном христославлении.

55. *Успенский Ф. (прот.)*. Убогий вертеп и ясли Христовы. Беседа на Рождество Христово. // Приложение к ПЖ: Листок трезвости. 1904. Дек. С. 446—449.

Осуждение мирского рождественского христославления.

56. Z. История рождественской елки // 1901. Дек. С. 573—574.

См. также: № 9, 16, 28.

VIII. Хозяйственные обряды и обычаи

57. С. Под впечатлением жизни // 1904. Дек. С. 457—467.

Описание проведения храмового праздника в селе. Ежегодно по «обещанию», данному когда-то во время скотского падежа, устраивается братчина. Описание братчины с крестным ходом вокруг полей.

См. также: № 10, 19, 41.

IX. Посиделки, игры, хороводы, различные развлечения (главным образом молодежные)

58. Н. Н. Письмо мирянина о театре // 1900. Май. С. 233—237.

Отцы церкви и современная церковь выступают против театра; и ныне духовным лицам нельзя посещать театральные постановки. Так называемый «народный театр» не нужен.

59. О некоторых из современных удовольствий и развлечений // 1910. Приложение к ПЖ: Листок трезвости. Нояб. С. 81—90. /Кормчий/.

Осуждение плясок, танцев, табакокурения, игры в карты. Увеселительные собрания с танцами устраиваются даже накануне праздничных и воскресных дней. Надо всегда помнить, что танцы — это грех.

60. Развращение нравов деревни и меры к врачеванию их (По епархиальным изданиям) // 1908. Дек. С. 565—572. /Благовещенские епарх. вед./

Ныне деревенская молодежь, подражая городской молодежи, устраивает под праздники концерты, вечера, спектакли, гуляния. Деревенские парни под воскресные и праздничные дни ходят по селению с гармошкой, нарушая святость праздника, мешая людям спать. Ни к утрени, ни к обедни молодежь не приходит, предпочитая отсыпаться после ночного гулянья.

61. *Разумов Александр (свящ. Смоленской церкви в с. Середы Даниловского у.)*. Открытие [Смоленской] церкви в с. Середы Даниловского у. // 1909. Янв. С. 27—37.

Падение нравственности в приходе. Многие не соблюдают посты, не отмечают церковные праздники. Распространены разгульные молодежные беседы.

62. *Соколова Е.* Дневник школьной учительницы // 1914. Март. С. 116—120;

Автор призывает учеников не ходить на масленичные увеселения; не посещать свадьбы, вечеринки, гулянья. Там нет ничего хорошего, но детей туда тащат их родители, чаще всего матери, которым хочется посмотреть на «беседу».

63. *Успенский Ф. (прот.; бывший ученик Борисоглебского духовного училища)*. Духовная школа 50 лет назад // 1912. Сент. — Окт. С. 484—494.

О быте бурсаков: игры, пища; семинарские песни и рукописные песенники (отрывки из них).

64. *Успенский Ф. (прот.)*. Скорбный лист. Из дневника приходского священника // 1900. Май. С. 244—245.

Осуждение поведения молодежи, которая даже во время богослужения начинает «безобразничать»: около церкви играют на гармошках, пляшут, поют песни. Описание посиделки 1 ноября из «Сельского вестника». № 9.

См. также: № 27, 44, 53.

Х. Произведения устного народного творчества

Песни

65. *Успенский Ф. (прот.)*. Идите к овцам погибшим дому Израилева // 1905. Окт. С. 325—327.

Рабочие, ремонтировавшие храм, при подъеме тяжести пели «дубинушку» с неприличными словами. Священник пытался их убедить, что петь в храме — грех. Они же отвечали, что привыкли петь, без этого нельзя работать.

См.: № 20, 23, 25, 35, 63, 64.

Предания

66. *Орлов Д.* Предание, связанное с основанием Толгского монастыря // 1913. Май — Июнь. С. 241—245.

Предание о том, что монастырь был основан на месте заповедной языческой рощи. О борьбе христианства с язычеством. О силе разных суеверий.

67. *Писаревский А. (дьякон с. Ракоболь)*. Село Ракоболь (Попехонского у.) // 1912. Сент. — Окт. С. 495—498.

Устное предание о первой церкви в селе. Топонимические суеверие: о нечистом месте.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббисов Петр, свящ. — 9
Б-ий — 18
Воскресенский Н. — 32
Гал-ский И. — 10.
Державин А., свящ. — 39
Ливанов Виктор, свящ. — 23, 37, 38
М. К., свящ. — 48
Морев Михаил, свящ. — 3
Н. Н. — 58.
Наумов Константин, свящ., с 1899 по 1904 редактор-издатель ПЖ — 24, 25, 41
Орлов Д. — 61
Писаревский А., диакон с. Ракоболь Пошехонского у. — 67
Преображенский Василий, свящ. — 21
Разумов Александр, свящ. Смоленской церкви в с. Середы Даниловского у. — 61
Розов Николай, свящ. — 17
С. — 57
С. А. Д. — 4
С. В. П.³ — 19
Следников Н. — 11
Соколова Е., сельская учительница — 62
Тихон Задонский — 35
Успенский Федор Иванович, прот., с 1899 по 1904 редактор-издатель ПЖ — 5, 6, 12—15, 27—29, 31, 36, 40, 42, 45, 46, 54, 55, 63—65
Хабаров Николай, свящ. Ростовского у. — 30
Черемхин А., свящ. — 7, 8
Z. — 16

СПИСОК ГУБЕРНИЙ, УЕЗДОВ, СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ, УПОМИНАЕМЫХ В ПЖ

- Вологодская губ.*
Тотемский у. — 19, 21
Воронежская губ.
г. Воронеж — 32, 35
Киевская губ.
Радомысльский у., с. Осовцы — 1
Орловская губ. — 20
Санкт-Петербургская губ.
г. Кронштадт — 11
Ярославская губ.
Даниловский у., с. Середы — 61
Мышкинский у., с. Воскресенское — 18
Пошехонский у. — 7, 8
с. Ракоболь — 67
Романо-Борисоглебский у., приселок Новый — 9
Ростовский у. — 30
Ярославский у., Толгский монастырь — 66

³ Возможно это инициалы свящ. В. Преображенского, т. к. публикуются материалы из одного и того же Тотемского у. Вологодской губ.

Аннотация: Работа посвящена описанию фольклорно-этнографических материалов в ярославском журнале «Приходская жизнь», выходявшему (1899—1917). Журнал публиковал материалы о деятельности священников по пропаганде среди прихожан истинного православия, по разъяснению происхождения и смысла церковных обрядов и праздников; о роли духовенства в области народного просвещения и благотворительности; о борьбе иереев со старообрядчеством, сектантами, вредными обрядами и обычаями.

В журнале опубликовано немало интересных фольклорно-этнографических сведений о жизни простого народа как городского, так и деревенского: специфика народного православия и наличие в нем языческих представлений; распространенность в городе и в деревне суеверий, примет и т. д.; о народной медицине и в частности о заговорах; о характере календарных и семейных праздников.

В библиографическом указателе к журналу помещены материалы, которые должны привлечь внимание исследователей, занимающихся проблемами народной культуры конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: церковная периодика, обряды, праздники, суеверия, приметы, знахарство, заговоры

Abstract: The work is devoted to the description of folklore and ethnographic materials in the Yaroslavl magazine «Parish life» (1899—1917). The magazine published materials on the activities of priests to promote true Orthodoxy among parishioners, to explain the origin and meaning of Church ceremonies and holidays; the role of the clergy in the field of public education and charity; the struggle of the priests with old believers, sectarians, harmful rites and customs.

The magazine published a lot of interesting folklore and ethnographic information about the life of ordinary people, urban and rural. This information is about the specifics of popular Orthodoxy and the presence of pagan ideas in it; about the prevalence in the city, and especially in the village, of different superstitions, etc.; about popular medicine and in particular about conspiracies; about the nature of calendar and family holidays.

The bibliographic index to the journal «Parish life» contains materials that should attract the attention of researchers dealing with the problems of folk culture of the late XIX — early XX century.

Keywords: Church periodicals, rituals, holidays, superstitions, omens, healing, spell

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ
ВАЛЕРИИ ИГОРЕВНЫ ЕРЕМИНОЙ
за 2009—2018 гг.¹**

(Составила А. И. Васкул)

Книги:

1. Былины Пудогги / Отв. ред. А. А. Горелов; Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. 1063 с. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 16).

С. 85—144: Новиков Ю. А., Еремина В. И., Жекулина В. И., Ковпик В. А. Былинная традиция Пудожского края; с. 231—934: тексты былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной подготовлены тексты былин по архивам РГАЛИ, КФАН); с. 935—1055: комментарии к текстам былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской подготовлены текстологические комментарии).

2. Былины Пудогги / Отв. ред. А. А. Горелов; Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2014. 951 с. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 17).

С. 7—806: тексты былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной подготовлены тексты былин по архивам РГАЛИ, КФАН); с. 807—944: комментарии к текстам былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской подготовлены текстологические комментарии).

¹ Более ранний перечень трудов В. И. Ереминой за 1967—2008 гг. см.: Библиографический указатель научных трудов В. И. Ереминой // Валерии Игоревне Ереминой. [СПб.], 2008. С. 5—12.

3. Былины Пудогы / Отв. ред. А. А. Горелов; Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2015. 1296 с. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 18, кн. 1).

С. 7—1106: тексты былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной подготовлены тексты былин по архивам РГАЛИ, КФАН); с. 1007—1290: комментарии к текстам былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской подготовлены текстологические комментарии).

4. Былины Пудогы / Отв. ред. А. А. Горелов; Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2016. 883 с. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.; Т. 18, кн. 2).

С. 7—110: тексты былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной подготовлены тексты былин по архивам РГАЛИ, КФАН); с. 111—137: комментарии к текстам былин (В. И. Ереминой совместно с В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской подготовлены текстологические комментарии).

5. Художественный мир народной поэзии. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2016. 628 с.

I. Источниковедение. С. 5—32: 1. Баллада о «дочке-пташке» в славянских поэтических отражениях; с. 33—57: 2. Сказочный сюжет «Путешествие за царской короной» в его исторической перспективе; с. 58—90: 3. Полоцкая и Корсунская легенды в былинной интерпретации; с. 91—120: 4. Былинный сюжет о бое отца с сыном (историческое и структурное изучение); с. 121—132: 5. Сила «двойного» удара в былине «С каких пор перевелись богатыри на Святой Руси»; с. 133—162: 6. Историко-этнографические истоки «общих мест» похоронных причитаний.

II. Поэтика. С. 163—184: 1. Классификация народной лирической песни; с. 185—279: 2. Специфика структуры фольклорного текста (песня, сказка, былина); с. 280—444: 3. Поэтическая семантика народной лирики.

III. Литература и фольклор. С. 445—504: 1. Н. В. Гоголь; с. 505—540: 2. И. С. Никитин; с. 541—580: 3. Поэзия 1880—1890-х годов; с. 581—621: Историческая основа и литературная жизнь одной фольклорной формулы.

Статьи:

1. Ф. И. Буслаев и А. А. Шахматов. Творческий диалог // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы. Сборник научных статей памяти профессора Евгения Алексеевича Костюхина (1938—2006). СПб.: САГА, 2009. С. 13—52.

2. An International Tale-Type: «The City of Babylon» // Folklorica. Journal of the Slavic and East European Folklore Association. 2010. Vol. 15. P. 99—128.

3. Становление историко-типологической теории. (В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов) // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 32—67.

4. Летописные сказания в фольклорном освещении // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из Зарубежья. СПб.: Скрипториум, 2011. С. 208—229.

5. В поисках истины. А. Н. Веселовский о закономерностях литературного процесса, генезисе и эволюции народного сознания и поэтических форм // Русская литература. 2011. № 2. С. 13—45; № 3. С. 3—36.

6. К проблеме исторической поэтики фольклора // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. СПб.: Наука, 2011. С. 22—34.

7. К истокам изучения русской народной словесности и искусства. (Ф. И. Буслаев) // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2011. Т. 34. С. 6—36.

8. Полоцкая и Корсунская легенды в былинной интерпретации // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2011. Т. 34. С. 264—281.

9. Еще раз к сюжету о бое отца с сыном // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 510—527.

10. В. Я. Пропп — исследователь русской народной сказки // Русская литература. 2013. № 1. С. 53—77.

11. Философия языка, эстетика и поэтика в концепции А. А. Потебни // Русская литература. 2013. № 2. С. 3—42.

12. Творческие контакты. (Речь А. А. Шахматова о Ф. И. Буслаеве. Из переписки Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2013. Вып. 8. С. 346—368.

13. Теория и методика сравнительно-исторического изучения фольклора и литературы в трудах В. М. Жирмунского // Из

истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 7—44.

14. «Темные места» в былине «С каких пор перевелись богатыри на Святой Руси» // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 21—27. — Совм. с М. Н. Власовой.

15. Проблемы типологии эпоса // Круги времен. В память Е. В. Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования, посвящения и воспоминания. С. 463—474.

16. Александр Николаевич Веселовский // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII—XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1: А—Г. С. 602—612.

17. Из истории поэтического стиля и форм // Русский фольклор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 198—241.

18. Содержание понятия «поэтика» в историческом развитии // Русский фольклор. СПб.: Нестор-История, 2018. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления. (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). С. 326—378.

19. Формирование историко-типологической теории эпоса // Из истории русской фольклористики. СПб.: Свое издательство, 2018. Вып. 10: Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры. К юбилею Юрия Александровича Новикова. С. 9—23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адоньева Светлана Борисовна — д. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Васкул Анастасия Игоревна — канд. филол. наук, ученый секретарь ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Власов Андрей Николаевич — д. филол. наук, зав. отделом русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Власова Марина Никитична — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Земцовский Изалий Иосифович — д. искусствоведения, профессор; член Общества этномузыкологии (США), Международного совета народной музыки при ЮНЕСКО (Россия — США)

Жадовская Светлана Александровна — канд. филол. наук, науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Иванова Татьяна Григорьевна — д. филол. наук, гл. науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Комелина Наталья Геннадиевна — канд. филол. наук, науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Корепова Клара Евгеньевна — д. филол. наук, профессор, зав. кафедрой фольклора, науч. рук. Центра фольклора Нижегородского гос. университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Мадлевская Елена Львовна — канд. истор. наук, ведущий науч. сотр. Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

Маркова Наталья Александровна — канд. физ.-мат. наук., ведущий науч. сотр. Федерального научного центра «Информатика и управление» (Москва)

Марченко Юрий Иванович — ст. науч. сотр. отдела русского фольклора (Фонограммархива) ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Мехнецова Галина Николаевна — научный сотрудник отдела русского фольклора (Фонограммархива) ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Петрова Людмила Ивановна — ст. науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Подрезова Светлана Викторовна — канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. отдела русского фольклора, зав. Фонограммархивом ИРЛИ (Санкт-Петербург)

Розов Александр Николаевич — д. культурологии, вед. науч. сотр. отдела русского фольклора ИРЛИ (Санкт-Петербург)

Шён Елена — докторант Берлинского университета им. В. Гумбольдта (Берлин)

Якубовская Елена Ивановна — канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. отдела русского фольклора (Фонограммархива) ИРЛИ (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	5

РАЗДЕЛ I. ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Е. Корепова. Ряженье в составе русской свадебной обрядности (по материалам Нижегородской области).....	7
Ю. И. Марченко. Замечания о напевах былин Западного Поморья (к истории изучения традиции).....	26
С. А. Жадовская. К вопросу о былинах Поволжья (записи былин в Саратовской губернии в 1923—1925 гг.).....	46
А. Н. Власов. К истории и феноменологии одного песенного сюжета «Ах ты батюшка, Ярослав город!» («Между речками, между быстрыми»).....	67
Т. Г. Иванова. Семен Яковлевич Капустин и его место в отечественном этномузыковедении.....	111
С. В. Подрезова. Штрихи к портрету композитора и собирателя народных песен Алексея Павловича Аристова (1842—1910).....	123
С. Б. Адоньева. Опыт «поля» в дневниках исследователей Русского Севера: записи Натальи Павловны Колпаковой.....	158

РАЗДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ

И. И. Земцовский. Неизвестные музыкальные записи русских артельных трудовых припевок 1834 года и проблема многоголосия.....	188
А. В. Марков. Отношение «Слова о полку Игореве» к народной поэзии. Публикация Н. А. Марковой.....	200
Свадьба в с. Сельцо Бельского уезда Смоленской губернии в записи Е. Т. Добровольской. Публикация Е. Л. Мадлевской.....	240

И. В. Иванов. Свадебные обычаи и песни крестьян Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии. Публикация Г. Н. Мехнецовой	269
А. И. Васкул. «Живите, Бог благословит»: о браках насельников старообрядческого Ануфриевского скита Зимнего берега Белого моря (по материалам архива Русского географического общества)	318
Л. И. Петрова. Эпические записи И. Н. Этиной в материалах фольклорного хранилища Пушкинского Дома	330
Записи великолукской экспедиции ИРЛИ 1949 года (по материалам рукописного сборника С. Д. Магид). Публикация Е. И. Якубовской	352
М. Н. Власова. Прозаический фольклор Велижского и Руднянского районов Смоленской области; троицкая обрядность (по записям 1978, 1982—1985 гг.)	425

РАЗДЕЛ III. ЭПИСТОЛЯРИЯ

Макс Фасмер и его письма А. А. Шахматову. Публикация Е. Шён	459
«Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич»: Письма Н. Е. Ончукова к В. Д. Бонч-Бруевичу 1930-х гг. Публикация Н. Г. Комелиной	486

РАЗДЕЛ IV. БИБЛИОГРАФИЯ. УКАЗАТЕЛИ

А. Н. Розов. Фольклорные и этнографические материалы на страницах журнала «Приходская жизнь» (1899—1917 гг., Ярославль) (Аннотированный тематико-библиографический указатель)	518
Библиография научных работ Валерии Игоревны Ереминой за 2009—2018 гг. (Сост. А. И. Васкул)	537
Сведения об авторах	541

Научное издание

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Выпуск 11

К юбилею Валерии Игоревны Ереминой

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

ISBN 978-5-4386-1661-0

«Свое издательство»
199053 Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., 5
(812) 900–21–45
[http:// isvoe.ru](http://isvoe.ru)
editor@isvoe.ru

Подписано в печать 28.11.2018
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 300 экз.

Отпечатано в собственной типографии
«Своего издательства»